

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Scan Kreyder - 31.12.2017 - STERLITAMAK

A

В И Т А Л И Й Б И А Н К И

СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Л Е Н И Н Г Р А Д 1 9 7 3

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

ТОМ
2

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Р 2
Б 59

Рисунки В. Курдова

Оформление В. Зенькович

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1973 г.

Б $\frac{0763-149}{101(03)-73}$ Подп.

НА ВЕЛИКОМ МОРСКОМ ПУТИ

«Уважаемый гражданин председатель!

Сегодня, 17 апреля 19... года, я отпускаю на волю дикого гуся из породы белолобых казарок.

Птицу эту я случайно купил осенью прошлого года в Ленинграде на улице. Ее нес продавать на рынок охотник. Он рассказал, что поймал казарку за несколько дней перед тем у берега Финского залива, где-то за городом Ораниенбаумом¹. Птица запуталась лапами в рыболовной сети.

Зиму казарка прожила у меня на дворе в городе Витебске. Скоро она стала очень ручной. Позволяла даже гладить себя по спине моему сыну, когда он приносил ей пищу. Весной, однако, она стала дичать. По тому, как она натягивала и щипала привязывавшую ее веревку и била крыльями по воздуху, легко было догадаться, что ее потянуло на волю. Мы с сыном решили отпустить ее. Но мы так привязались к своей дикой пленнице, что нам было бы жалко расстаться с ней без всякой надежды когда-нибудь снова услышать о ней. Я достал нумерованное алюминиевое кольцо выпуска Московского орнитологического комитета серии «С», № 109. Его мы наденем на ногу птицы.

Если кто-нибудь снова поймает нашу казарку, заметит у нее на лапе кольцо и напишет об этом в Орнитологический комитет, не откажите сообщить мне в Витебск, куда она залетела и при каких обстоятельствах была поймана».

Человек, написавший это письмо, приписал внизу свой адрес, подписался и вложил письмо в конверт с адресом Московского орнитологического комитета.

Затем он встал из-за стола и подошел к двери.

— Мишка! — позвал он сына. — Пойдем выпускать казарку.

¹ Теперь город Ломоносов.

Глава первая

Сидя у конуры, казарка яростно теребила клювом привязанную к ее ноге веревку. Но, заметив приближающихся людей, она сейчас же оставила это занятие, вся выпрямилась и высоко подняла голову. Теперь она казалась ростом с домашнего гуся, хотя на самом деле была значительно меньше. С первого взгляда в ней легко было узнать дикую птицу. Перья на всем ее теле лежали как-то особенно гладко и красиво, как они никогда не лежат у домашних птиц. Фигура у нее была статная, крепкая, грудь выпуклая, шея упругая. Ее короткие, широко расставленные ноги твердо упирались в землю. На лбу сияло полумесяцем чисто-белое пятно.

Когда отец с сыном подошли к ней, она с криком рванулась от них. Вережка натянулась и дернула ее назад. Казарка с размаху ткнула головой в землю.

Этим воспользовался Мишин отец. Он крепко схватил птицу сзади за крылья и поднял ее на воздух.

— Развязывай веревку, — сказал он Мише.

Пока Миша возился с туго затянутым узлом, казарка всеми силами старалась вырваться. Взрослый человек едва мог удержать ее.

— Ну, Мишка, — сказал отец, когда, наконец, веревка упала на землю, — теперь простись с казаркой и пожелай ей счастливого пути!

Миша хотел погладить птицу. Протянул было руку, но сейчас же ее отдернул: казарка грозно на него зашипела. Ему совсем не хотелось, чтобы она ударила его клювом. Он уже раз испытал, как это приятно: две недели у него на ноге не сходил синяк.

— Что, брат, не очень-то? — улыбнулся отец. — Ничего, я придерживу ее за шею. А ты достань у меня из правого кармана колечко и плоскогубцы.

Миша подал.

— Ну-с, — продолжал отец, — разомкни кольцо и надень его казарке на лапу. Сделал? Хорошенько сожми его концы щипцами. Так. Теперь если она попадетсЯ кому-нибудь в руки, так мы с тобой еще о ней услышим.

— Держи карман... — с сомнением пробормотал Миша.

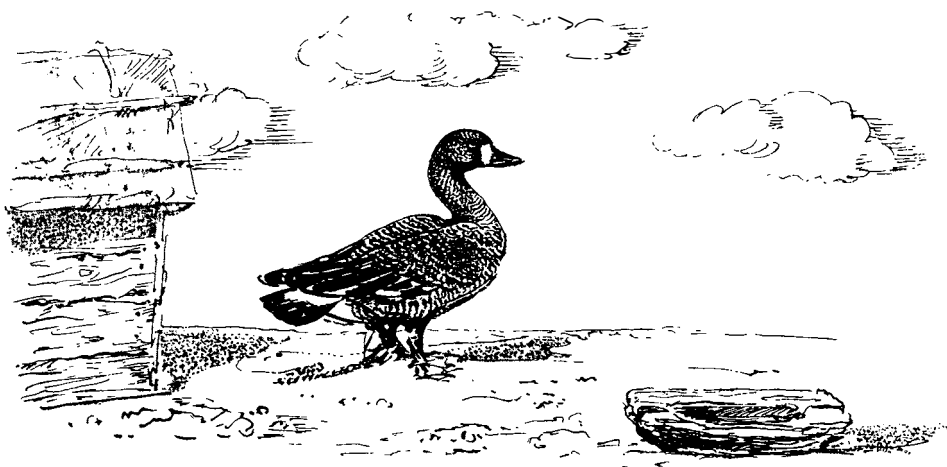
— А? Что ты говоришь? Видишь на кольце адрес и номер? Если кто-нибудь поймает нашу казарку, он должен сообщить номер ее кольца по этому адресу в Орнитологический комитет. А я, в свою очередь, написал в комитет, чтобы оттуда сообщили нам, где будет поймана казарка. Понятно?

— Понятно-то оно понятно, — бурчал Миша, — да не очень верно, что она еще раз кому-нибудь попадетсЯ.

— Как знать! Ну-с, а теперь я ее выпускаю, — сказал отец. — У меня уже руки устали держать ее.

Он подбросил птицу в воздух.

Казарка взмахнула крыльями и полетела низко над землей. Но вдруг, почувствовав, что ничто уже больше не привязывает ее к земле, она рванулась вверх, перелетела через забор и поднялась над крышей.

«Гонк! Гонк!» — раздался сверху ее радостный крик.

Через минуту она казалась уже маленькой мушкой. Отец и сын глядели ей вслед.

Когда она совсем скрылась из виду, отец послал Мишу опустить в почтовый ящик письмо председателю Орнитологического комитета.

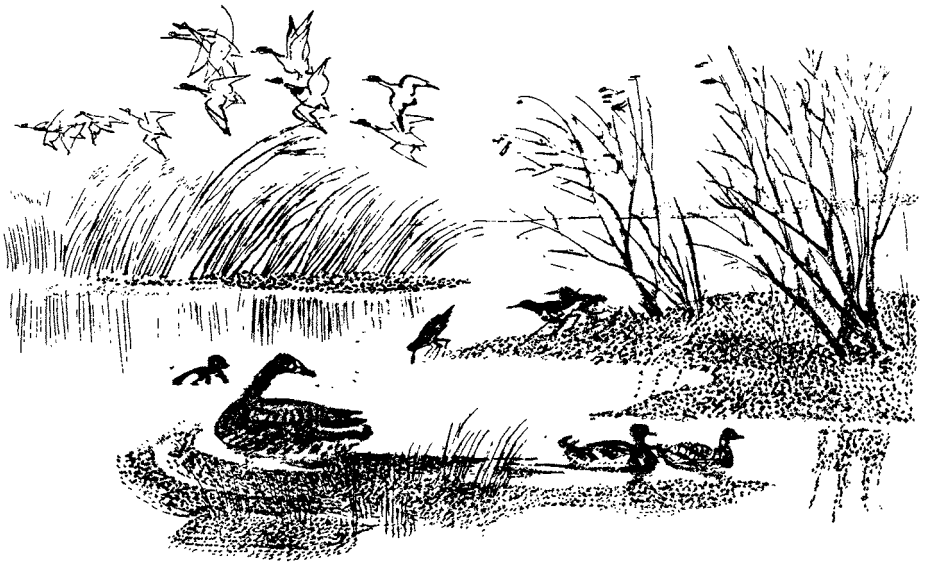
Глава вторая

Казарка летела высоко над землей. В вышине гудел ветер. Кругом, насколько глаз хватал, никого не было видно. Вверху быстро и бесшумно плыли ей навстречу белые облака.

Земля внизу казалась черной. Лишь в ложбинах кое-где еще лежал снег. Там, внизу, медленно-медленно исчезая под ногами, подвигались назад поля, леса, деревни, реки. Над ними большая стая черных птиц, махая крыльями, казалось, неподвижно застыла в воздухе. Время от времени то одна, то другая из птиц, сложив крылья, внезапно проваливалась вниз. Но вдруг, над самой землей задержав стремительное падение, торопливо поднималась назад в стаю.

Это летели грачи. Понемногу и они, отстав, исчезли из виду. Казарка неслась все вперед. Прошло уже несколько часов с тех пор, как она почувствовала себя свободной. Она спешила теперь разыскать других казарок, чтобы вместе с ними совершить длинный и опасный путь на родину. Но до сих пор она никого не встретила в вышине.

Вот если б ей добраться до того места, где полгода назад поймал ее охотник! Она хорошо помнила это место. Там было море. Там пролегал Великий морской путь. По нему стая за стайей вереницей тянулись казарки, гуси, лебеди, утки, кулики и другие морские и прибрежные птицы. На Великом пути она рассталась с родной стайей и

со своим неразлучным другом — гусем-казанком. Скоро, может быть, она снова найдет его.

Охотник увез ее оттуда в темном мешке; она не могла запомнить дорогу. Но безотчетное чувство, знакомое одним птицам, безошибочно указывало ей верный путь.

Долгий и быстрый полет не утомил казарку: птицы не знают одышки. Каждый взмах крыльев наполнял воздухом ее легкие и через них — воздушные мешки во всем ее теле, даже в пустых костях.

Те же мускулы, что двигали ее крыльями, то растягивали, то сжимали эти мешки. Воздух свободно входил и выходил из них. И дыхание казарки оставалось таким же ровным, как если бы она спокойно сидела на месте. Заставить ее опуститься на землю мог только голод.

Ей уже хотелось есть. Все тело начинала охватывать неприятная слабость, все труднее становилось двигать крыльями. Казарка стала понемногу опускаться, высматривая удобное место для кормежки.

Опасно кормиться в одиночестве. Пока будешь нырять за кормом под воду или разыскивать его на земле, и не заметишь, как подкрадется враг. Казарка оглядывала землю: нет ли где таких птиц, к которым можно бы присоединиться хоть на время кормежки?

Под собой она видела поля, рощи, перелески. Иногда снизу поднимались крошечные жаворонки, и песни их звенели в воздухе. То тут, то там казарка стала замечать маленькие фигурки людей, коров, лошадей, словно ползающих по земле.

Стараясь держаться в стороне от них, казарка полетела над самыми макушками деревьев. Только теперь она заметила, что по всему

лесу непрерывным строем передвигались мелкие лесные птицы. Безостановочно перескакивая с ветки на ветку, перепархивая с дерева на дерево, они стайками двигались все вперед, с писком, свистом, щебетаньем и песнями. Их было особенно много по опушкам леса. Тут звонко пинькали разноцветные зяблики, мелькали красные шапочки чечеток, поблескивали оранжевым и белым крылышки тревожно жужжащих вьюрков, громко трещали серые дрозды.

Время от времени стайки слетали с ветвей и горохом рассыпались по земле. Птицы весело прыгали, быстро поклевывая корм. Но вдруг, словно по какому-то невидимому знаку, одна за другой опять взлетали на деревья и продолжали свой путь по ветвям.

Казарка радовалась этим маленьким спутникам. Но голод, голод заставлял ее думать о другом. Надо было поскорее найти место, где можно будет безопасно и сытно покормиться.

Наконец далеко впереди на черной земле блеснула узкая полоска воды. Она стала быстро расти, расти, и скоро казарка увидела пред собою широкую, полноводную реку. Река так разлилась, что черные, не покрытые еще листьями кусты ее низкого берега торчали прямо из воды. Казарка заметила плавающих между кустами птиц.

Сердце заколотилось у нее в груди: вдруг это свои? Она звонко крикнула призывным голосом:

«Гонк! Гонк! Гонк!»

«Ваак! Ваак! Ваак!» — ответили ей с реки.

Нет, это не казарки... Это кричали утки.

Но одинокая, усталая, голодная казарка была рада и этой встрече. Ведь кряковые утки приходятся ей дальними родственницами. Они едят ту же пищу, что и она. Она даже немного понимала их язык.

Казарка замедлила полет, сделала один, два, три все уменьшающихся круга в воздухе. Потом, шумно разбрызгивая воду, тяжело опустилась рядом с утками. Вся стая их сейчас же сплылась, окружила казарку. Поднялось громкое кряканье: видно, утки были рады гостю.

Через минуту казарка уже добывала себе пищу среди их стаи.

Она быстро перекувырнулась головой вниз. Ее оранжево-желтые лапы замелькали у самой поверхности воды. Нахватав полный клюв травы и мелкой водяной живности, казарка вынырнула, процедила воду сквозь частые боковые пластинки клюва и проглотила мягкую пищу. Кругом, поблескивая фиолетово-синими зеркальцами на крыльях, точно так же кувыркались утки.

Над рекой мелькали хвосты и головы птиц. Но каждый раз, лишь только одна из них выныривала, она тотчас же высоко поднимала голову и зорко озиралась. Ни один враг не мог приблизиться к стае незамеченным: пока одни птицы ныряют, другие, вынырнув, сторожат. Достаточно одного предостерегающего крика, чтобы вся стая насторожилась и, в случае надобности, в ту же минуту обратилась в бегство.

Но и в этот раз, как всегда бывает, беда стряслась неожиданно. Едва одна из уток заметила мелькнувшие за кустами крылья

большого сокола, как он уже был над ней. Отчаянный крик крякуши в одно мгновение всполошил всю стаю.

Нападение было так быстро, что птицы не успели сообразить, откуда им грозит опасность. Все сразу бросились врассыпную. Казарка забилась под куст. Утки нырнули под воду, а одна из них поднялась на воздух.

Только этого и надо было соколу. Вихрем пронесся он над кустом и ударил утку. В воздухе закружился пух и, качаясь, стал медленно опускаться на воду.

А сокол был уже далеко с мертвой добычей в когтях. Сквозь куст казарка видела, как на другом берегу широкой реки он уселся на обрыв и принялся потрошить птицу. Потом он ощипал ее и стал есть.

Казарка оглянулась. Уток нигде не было видно. С перепугу они забились под кусты и не решались вылезть из-под их защиты.

Сокол между тем кончил обед, тщательно отер клюв о землю и пригладил им перья у себя на груди и крыльях. Затем поджал одну ногу и перестал двигаться. Только голова его с хищным, крючкова-тым клювом по временам медленно поворачивалась из стороны в сторону и большие блестящие глаза спокойно и величаво поглядывали вокруг.

Это был крупный перелетный сокол сапсан, один из самых смелых пернатых хищников.

Ростом он был меньше казарки, но она чувствовала непреодолимый ужас при одном взгляде на него.

И это была не трусость. Хотя сапсан величиной всего с ворону, но в воздухе от него нет спасенья даже таким большим и сильным птицам, как цапли и гуси.

На земле и в воде сапсан не трогает птиц. Только молодые, неопытные сокола, бывает, бьют добычу слишком низко над землей. Если им случится промахнуться, они насмерть разбиваются грудью о землю. Взрослый сапсан нападает на птиц из засады и, вспугнув, бьет сверху всегда без промаха.

Счастье казарки, что в переполохе она не поднялась на воздух. Сокол сразу различил бы ее среди стаи уток, и тогда ей не миновать бы острых когтей.

Теперь сапсан был сыт. Любая птица смело могла приблизиться к нему, и он бы ее не тронул. Он не такой разбойник, как ястреб, который убивает всех, кого только может, даже когда сыт. Только голод заставляет сапсана убивать.

Одна за другой утки, осмелев, стали выплывать из своих убежищ. Сапсан их видел, но не шевельнулся. Его крепкое тело с широкой грудью словно приросло к камню. Когда он не двигался, его почти невозможно было отличить от окружающих камней и комьев земли. Под цвет их удивительно подходила его аспидно-бурая спина, черные перья крыльев и серо-полосатая грудь, брюхо и хвост. Только белое горло выделялось на бурой земле, как светлый камешек.

Когда все утки сгрудились в стаю, они сразу, как по сигналу, снялись с воды и, стремительно забирая вверх, с шумом промчались над головой сапсана.

Склонив голову набок, сапсан спокойно поглядел им вслед.

Уже несколько дней он летит за стаей, выхватывая из нее то одну, то другую птицу себе на обед. Он, как и утки, пробирается теперь на север, к себе на родину. Когда он сыт, он пропускает стаю вперед. Но лишь только голод напомнит ему, что желудок его пуст, сапсан быстро догоняет утиную стаю. Так никогда он не остается без пищи в пути.

И сейчас он спокойно смотрит вслед улетающей стае, стараясь запомнить направление ее полета.

Вдруг в глазах его блеснул хищный огонек. Он сразу весь вытянулся и насторожился. Среди уток он увидел казарку. Это была ценная дичь.

В эту минуту ничего не подозревавшая казарка нажила себе неумолимого, безжалостного преследователя, от которого не могли ее спасти ни быстрые крылья, ни крепкий клюв.

Глава третья

Настала теплая прозрачная ночь. Таял снег. В бледном небе чуть заметно мерцали редкие звезды. Внизу, в деревне, один за другим гасли мутные красные огоньки.

Было тихо кругом. Из темноты доносился только легкий звон неведомо куда бегущих ручейков.

Вот послышался в вышине приближающийся свист крыльев невидимой утиной стаи. Над самой деревней прозвучал с неба звонкий трубный гогот казарки.

Во дворе на окраине деревни всполошились домашние гуси. Громко захлопали крыльями и закричали пронзительно и тоскливо. В легком сумраке ночи им померещилась неясная тень пролетающей вдалеке стаи.

Через несколько времени та же неуловимая тень скользнула над другой деревней, потом над третьей. И всюду трубный голос казарки будил и волновал деревенских гусей.

Давно забывшие волю домашние птицы в смутном порыве били крыльями по воздуху.

Но отвыкшие от полета, ненужные им теперь крылья не поднимали их с земли, не могли помочь вырваться из неволи. И долго в ночной тишине не умолкал их крик, полный бессильного отчаяния.

А казарка, счастливая своей свободой, быстрыми, уверенными взмахами уносила все дальше и дальше. Она неслась навстречу опасностям, может быть, даже смерти. Но впереди ждало ее море, Великий морской путь и на нем — шумные стаи подоблачных странников и встреча с покинутым другом.

* * *

Из конца ночи утиная стая опустилась на залитое талой водой лесное болото.

Тут было темно и тихо. Ветер сюда не проникал. Гладкая черная вода блестела, отражая светящееся небо. Тесным кругом обступили болото мрачные ели. Их широкие ветви шатром нависли над самой водой.

Темнота птиц не пугала: в ночном мраке они различали все окружающие их предметы. Пока все оставалось неподвижным, птицы могли быть спокойны. От их глаз не ускользала ни одна тень. Враги не могли подкрасться к ним незамеченными.

В лесу была мертвая тишина. Лишь изредка напряженный слух птиц улавливал мягкий шорох где-то в глубине темной чащи. Сейчас же одна из уток тихонько крикала, и вся стая мгновенно вытягивала шеи, прислушивалась и оглядывалась. Но шорох больше не повторялся, птицы успокаивались и снова принимались за еду. Опять в ночной тишине слышался только тихий плеск погружающихся в воду тел. Стая торопилась насытиться, пока спящие кругом враги не открыли ее убежища.

Казарка ныряла у самого берега, под защитой густых еловых лап. Тут она чувствовала себя в безопасности: если бы какой-нибудь хищник напал на уток, плавающих посреди открытого болота, она успела бы ускользнуть.

На дне болота росли длинные цепкие водоросли. Скоро казарка почувствовала, что запуталась в них ногой. Она порывисто рванулась вперед, но металлическое кольцо больно вонзилось ей в ногу. Крепкие водоросли зацепились за него. Казарке показалось, что она снова на привязи. В это время в чаще явственно хрустнул сучок. Казарка перестала двигать лапой и медленно повернулась всем телом к берегу.

Из мрака седой ели смотрели на нее в упор два мерцающие желтым огнем, немигающие глаза.

Казарка хотела вскрикнуть. Но судорога сдавила ей горло. Все тело ее оцепенело от ужаса. Стоит только пошевелиться — и невидимое чудовище всей тяжестью обрушится на нее и раздавит.

Казарка уже не чувствовала боли от впившегося ей в ногу кольца. Она и не думала бежать. Не могла оторвать взгляда от этих пронизывающих ее глаз.

Вдруг что-то резко толкнуло ее в бок. На миг глаза казарки оторвались от тех глаз. Рядом с собой она увидела утку, задевшую ее крылом. В ту же минуту спало с нее оцепенение. И казарка так сильно рванулась с места, что лопнули водоросли, державшие ее за ногу. С громким криком она бросилась бежать по воде, помогая себе крыльями. Встревоженные утки снялись с болота.

В то же время из чащи раздался злобный лай лисицы. Лай перешел в визг, потом в ворчанье. Птицы услышали затихающий в лесу треск сучьев под ногами удалявшегося зверя. Лиса знала, что напуганная стая сядет теперь в середине болота и больше уж не удастся подстеречь птиц у берега.

Утки и казарка носились над водой. Они еще не были сыты, и им не хотелось улетать отсюда.

Но кругом было много страшных врагов, прятавшихся в темноте.

«У-гуу!» — раздался вдруг зловеющий голос из глубины леса. Плавно опускавшаяся к воде стая дружно замахала крыльями.

«У-гуу! У-гуу!» — послышалось в ответ с другой стороны.

Стая круто взмыла кверху и понеслась над лесом.

«У-гуу! У-гуу!» — теперь филины перекликались где-то внизу и не были уже страшны стае.

Светало. В деревнях просыпались люди.

Прошел час ровного, неторопливого полета. Лучи восходящего солнца, скользнув по розовым облакам, спустились книзу и заиграли на цветных крышах показавшегося вдали города.

Глава четвертая

В это время сапсан уже догонял утиную стаю.

Не замедляя быстрого, как вихрь, полета, он промчался над просыпавшимися деревнями. Домашние гуси при виде его в испуге кричали и шарахались под защиту навесов.

Сапсан мчался все дальше и дальше. Внизу мелькали деревни, поля, рощи. Наконец он понесся над большим еловым лесом. Стайки мелких птиц то тут, то там показывались над деревьями. Появление сокола мгновенно обращало их в бегство. Они врассыпную кидались вниз, вверх, в стороны — лишь бы оказаться подальше от страшного хищника.

Но сапсан не обращал на них внимания: впереди его ждала крупная добыча. Он несся все быстрее, быстрее.

Солнце еще низко стояло над горизонтом, когда сапсан увидел вдали город.

Между тем казарка, не чуя наступающей ее беды, замедлила полет. Она с удивлением разглядывала с высоты развернувшийся под ней город.

Люди еще спали в домах.

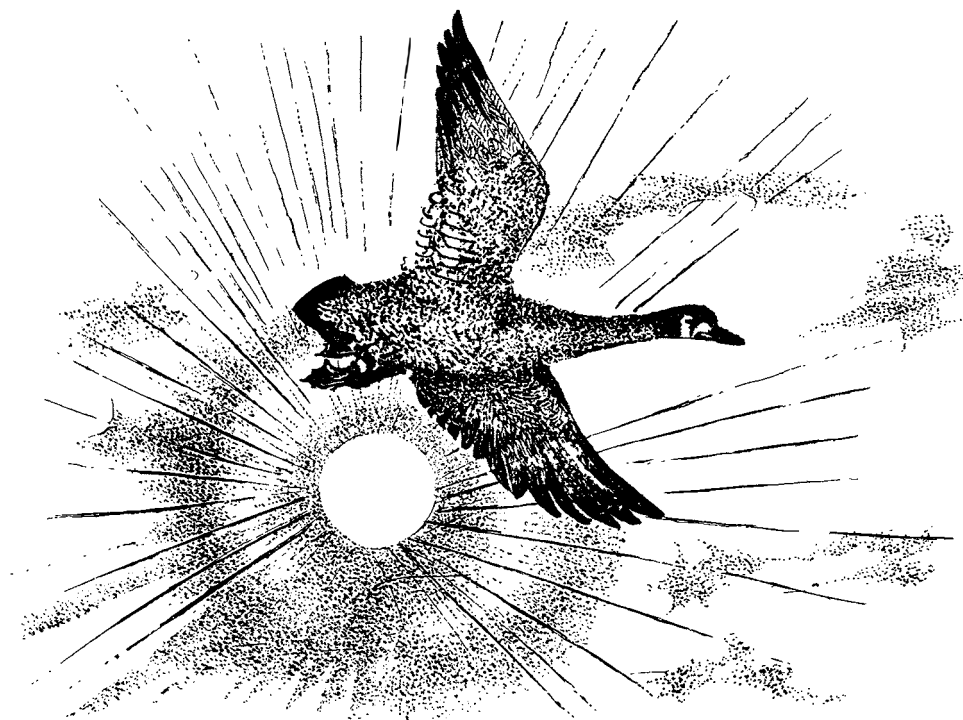
Город казался мертвым. В разных направлениях его пересекали серокаменные перегородки, крытые буро-красным железом. Разных размеров четырехугольные и косые клетушки вплотную примыкали друг к другу. Длинные, прямые, узкие улицы между ними напоминали сухие русла канав. Посредине города сверкала река, сжатая прямыми гранитными берегами. Там, где она разбивалась на два рукава, по сторонам ее высились две тонкие золотые иглы.

Расстояние между сапсаном и стаей, летевшей все прежним неторопливым полетом, уменьшалось с каждой минутой. Но ни утки, ни казарка не замечали преследователя. Взгляд казарки остановился на круглой золотой крыше громадного дома. Залитое ярким солнечным светом, золото слепило глаза.

Казарка видела, как из-под этой крыши вывернулась птица и быстро полетела вверх. Скоро можно было различить изогнутые серпом крылья сокола.

Тревожно крякнула одна из уток, и вся стая стала подниматься. Сокол мчался к ней почти по прямой линии. Теперь спасение зависело от того, сумеет ли стая не дать соколу догнать ее и набрать высоту для удара в спину.

Птицы молчали, напрягая все свои силы в этой воздушной

борьбе. Так прошло несколько томительно долгих мгновений. Становилось уже трудно дышать в разреженном воздухе подоблачной высоты.

Казарка с ужасом замечала, что, несмотря на все ее усилия, сокол становился все лучше виден, все приближался.

Кровь стучала у нее в голове. Сердце больно колотилось в груди. Вдруг сокол перестал подниматься. На миг он неподвижно повис в воздухе, повернулся и внезапно стрелой метнулся в сторону.

Воспользовавшись этим счастливым для нее оборотом дела, стая дружно понеслась прямо вперед. Одно мгновение казарка еще видела под собой быстро мелькавшие крылья сокола. Ей показалось, что он мчится навстречу своему отражению в воде. Но в следующее мгновение сокол и его двойник пропали у нее из глаз.

Теперь казарка взглянула вперед. Ликующий крик вырвался у нее из груди: прямо перед ней, искрясь в золотых лучах утреннего солнца, лежало море.

Там простирался Великий путь.

* * *

Когда сапсан заметил летящую высоко над городом казарку среди утиной стаи, он понесся еще быстрее. Ему некогда было теперь смотреть по сторонам: расстояние между ним и стайей уменьшалось

с каждым взмахом его крыльев. Теперь надо было подняться выше, чтобы ударить казарку сверху.

Ни одна из птиц в стае не обернулась назад. Значит, они еще не заметили его. Но отчего же они поднимаются все выше и выше?

Сапсан глянул вниз. Там навстречу ему поднимался другой сокол. Одно мгновение сапсану казалось, будто он видит свое отражение в воде, так похож был на него восторженный сокол. В следующий миг сапсан понял, почему устремились вверх утки: другой сокол тоже преследовал стаю, утки спасались от него.

Соперник тоже заметил сапсана. Он приостановился в своем полете вверх, круто повернулся на месте и вдруг стремглав бросился наперерез сапсану.

Оба сокола были в эту минуту на одинаковой высоте.

Сапсан с самого восхода солнца без отдыха гнался за стаей и устал, но он был крупнее своего соперника.

Сокол, поднявшийся из города, казался меньше, но у него был свежий запас сил. С громким боевым криком — гхиак! гхиак! — он бросился на противника.

Услышав этот яростный крик, сапсан потерял все свое мужество, повернулся и пустился наутёк.

Городской сокол с торжествующим криком помчался за сапсаном. Погоня продолжалась до тех пор, пока сапсан не вылетел за черту города. Тут его преследователь отстал и вернулся к себе домой, под золотой купол, где впервые его заметила казарка.

Здесь он жил среди шумного, людного города. Смелый до дерзости, как все соколы, он часто хватал голубя или галку над самой головой прохожих. Горожане даже не подозревали, что этот смелый хищник живет рядом с ними в столичном городе. Многие из них видели, как стая голубей, вспугнутая внезапным появлением сокола, с шумом пронеслась у них перед глазами. Но они не догадывались поглядеть вверх или просто не замечали ни внезапного смятения голубей, ни быстрого нападения хищника.

Встреча двух соколов спасла жизнь казарке. Сапсан, утомленный головокружительным бегством, вынужден был опуститься в первой попавшейся ему за городом роще. Пока он отдыхал здесь, утиная стая долетела до моря и затерялась среди других странников Великого морского пути.

Глава пятая

Миша разложил перед собой большую карту, нашел на ней город Витебск и подчеркнул карандашом.

Мысль о выпущенной на волю казарке не давала ему покоя.

«Ладно, — думал Миша. — Пусть она летит туда, где ее поймали».

Он провел прямую черту от Витебска до Финского залива, левее Ленинграда.

«Правда, оттуда ее везли в закрытой корзинке. Ну, что ж,

почтовых голубей тоже в закрытых корзинках возят. Находят же они все-таки дорогу назад, в свою голубятню. А дальше?»

Миша задумался.

«Казарки, говорят, на самом севере гнездятся. Путь у них через Ладожское да Онежское озера, дальше мелкими озерами. И залетит куда-нибудь на Новую Землю. Кто ее там поймает? Там и людей-то — раз, два и обчелся. А если застрелит ненец-охотник, — разве он знает, что надо про кольцо в Москву заявить?»

— Батька-а! — закричал вдруг Миша во весь голос. — Знают ненцы, что о кольце надо в Москву заявлять?

— Что такое? — отозвался отец из своей комнаты. — Какие немцы? Про какое кольцо?

— Да не немцы, а ненцы. Если нашу казарку охотник, какой-нибудь ненец на Новой Земле, застрелит, — догадается он про кольцо заявить?

— А, ты вот о чем! Что ж, очень возможно, что и заявит. Северные охотники — народ очень приметливый и любознательный. О птице с кольцом на ноге быстро разнесется слух по всем становищам. Узнают, конечно, об этом и тамошние научные работники и дадут знать в Москву.

— Пожалуй, что и так, — согласился Миша. — Дельно было бы с Новой Земли известице получить: дескать, кланяется вам белолобая казарка.

Миша поднял глаза от карты и задумчиво посмотрел в окно. Тут глаза его разом расширились от испуга: за окном валил снег, бушевала настоящая метель. Миша думал:

«Ну, значит, конец теперь казарке. Зима вернулась. Куда птице деваться? Не прилетит же обратно в свою конуру?»

Миша пошел к отцу и сказал ему о своих опасениях. Отец уверял, что еще ничего не известно, — может быть, там, где теперь казарка, и нет никакой метели. Может быть, там прекрасная погода. Да, в конце концов, не все же птицы гибнут, когда в пути их застает буря. Что за чепуха такая — воображать себе всякие ужасы!

— Нет, — сказал Миша твердо, — я знаю: маху мы дали. Нельзя было так рано выпускать казарку. Надо было настоящего тепла дожждаться. Она у нас привыкла в тепле жить. Теперь погибнет от стужи. — И махнул рукой.

Глава шестая

Шум стоит на Великом морском пути весной и осенью.

Дважды в год проносятся по нему густые толпы крылатых странников. Дважды в год они облетают четверть земного шара вслед за лучами солнца. Одним своим концом Великий путь уперся в сумрачный Северный Ледовитый океан, другим — потерялся в цветущих странах жаркого экватора.

Ранней весной горячие лучи солнца скользнут вниз по склону земного шара, борясь с мраком долгой северной зимы, ломая лед и

освобождая воды. Тогда бесчисленные стаи морских и прибрежных птиц поднимаются с теплых озер и морей южной Европы и Африки. Бесконечной вереницей, каждая в свой черед, своим строем летят они вдоль берегов Африки и Пиренейского полуострова, Бискайским заливом, проливами, Северным и Балтийским морями.

Постепенно часть стай начинает отставать, сворачивает с Великого пути и широко разлетается в стороны, расселяясь по окружающим озерам, рекам и топям. Но все новые и новые стаи прибывают с юга. Там, где узкий Финский залив глубоко врезался в сушу, они поднимаются над лесом и летят почти непрерывной цепью озер до холодного Белого моря и дальше, вдоль берега Ледовитого океана, до Новой Земли. Тут последние стаи разбиваются на пары. Тут они строят гнезда, выводят маленьких пушистых птенцов.

Они спешат, потому что на севере лето коротко. Едва их птенцы подрастут и выучатся летать, птицы снова собираются в стаи, чтобы лететь на юг. Голод, надвигающийся вместе с мраком и холодом, гонит их за ускользящими лучами солнца. Настает осень, и еще более густые толпы крылатых странников покрывают собой Великий морской путь.

Долгий путь труден. Но беззаботная жизнь на юге быстро восстанавливает истощенные силы. Незаметно проходит месяц за месяцем. Вдруг безотчетное волнение охватывает птиц. Им больше не сидится на месте.

Там, на их родине, началась весна.

И вот стая за стаяй — первыми те, что прилетели последними, последними те, что прилетели первыми, — птицы снова отправляются в путь на далекий север.

* * *

Лед уже растаял на Финском заливе. Последние льдины, застряв на камнях и мелях близ берега, еще белели среди серой глади моря. Они служили приютом для отдыха пролетных стай.

На одну из этих льдин и опустилась утомленная казарка.

Она только что рассталась со своими спутницами — утками. Утки остались кормиться у берега, а она полетела разыскивать свою родную стаю.

Место это было ей хорошо знакомо: как раз тут прошлой осенью она отделилась от своей стаи, запуталась в рыболовной сети и попала в руки охотнику.

Но теперь диких гусей нигде кругом не было видно.

Был полдень — время отдыха в пути. Лишь изредка проносилась вдали одиночная стая спешивших на кормежку птиц.

Над льдиной летали взад и вперед чайки. То одна, то другая из них, подняв прямо над спиной крылья, падала в волны. Искры светлых брызг на мгновение скрывали от глаз белую птицу. Через миг она снова махала крыльями в воздухе, быстро поднимаясь от воды. В ее клюве блестела серебряная рыбка.

На чаек казарка не обращала никакого внимания. Она всматривалась в серую рябь волн. У самой льдины и дальше в море то показывались, то исчезали в воде ловившие рыбу нырки. Чаще всего попадались на глаза белогрудые гоголи, большие черные турпаны с белой перевязкой на крыле и пестрые длиннохвостые морянки.

Вот очень далеко от себя, между льдиной и берегом, казарка заметила двух больших птиц. Ей показалось, что это гуси. Вода блестела в солнечных лучах, как сталь; глаза уставали всматриваться вдале.

Казарка сейчас же опустилась на воду и поплыла к этим птицам. Волны поднимались у нее перед глазами и мешали смотреть вдоль по поверхности моря.

Так прошло несколько минут. Наконец она снова увидела их, уже в стороне от того места, где высмотрела их со льдины. В ту же минуту обе птицы опустили головы и быстро погрузились в воду. Казарка заметила резкие белые полосы на спине одной из них, ее острый, совсем не похожий на гусиный клюв.

Она сразу узнала в них больших морских птиц — гагар.

Казарка была теперь недалеко от берега. Тут стали ей попадаться разные утки.

Мелкие заливчики берега были полны илом. Утки находили в нем обильную пищу.

Разные породы их держались отдельными группами, то приближаясь, то отдаляясь друг от друга. Только маленькие бойкие чирята сновали между ними, приставая к разным стаям.

Здесь были разноцветные рыжеголовые связы, и шилохвости, вся спина которых испещрена тончайшими волнистыми полосками, а длинный острый хвост действительно напоминает шило, и кряковые — такие самые, как те, в стае которых прилетела сюда казарка. Может быть, даже тут были и ее недавние спутницы: кряковых уток было так много и все они были так похожи друг на друга, что казарка не сумела бы различить среди них своих знакомых.

С плеском и кряканьем птицы спешили насытиться, чтобы вечером с новыми силами пуститься в путь. Над самой водой поблески-

вали на их крыльях разноцветные перья, словно маленькие зеркальца. У кряковых зеркальца отливали фиолетовым, у шилохвостей — серым, у свиязей и чирков — зеленым.

Это было красивое зрелище. Особенно хороши были селезни в своих ярких весенних нарядах. Но казарке было не до них. Чувство одиночества все больше и больше охватывало ее: гусей и тут нигде не было.

Голод мучил ее. Она стала доставать корм со дна, плавая среди утиных стай.

Прошло много времени, пока она наелась досыта. В первый раз с тех пор, как она очутилась на свободе, она почувствовала себя сытой и отдохнувшей.

Полуденный отдых на Великом пути кончился.

Над морем все чаще стали показываться летящие на север стаи. Воздух наполнялся шумом, свистом и хлопаньем крыльев.

Где-то за лесом громко курлыкали журавли.

С моря доносился многоголосый крик большой стаи гоголей и протяжные стоны чаек.

Казарка с новыми силами поплыла в море разыскивать свою стаю.

* * *

Вечер застал по-прежнему одинокую казарку снова на льдине среди моря.

Теперь над самой головой казарки и вдали ежеминутно пронеслась стая за стайей.

Но напрасно среди них она искала глазами свою родную стаю. Гуси все еще не показывались.

Солнце уже опускалось в море. Погода начинала портиться. По небу медленно ползла вверх большая черная туча. Над водой пронеслись легкие серые облачка тумана. Они все чаще окутывали льдину, обдавая казарку сыростью.

С той стороны, куда летели пролетные стаи, прозвучали громкие трубные клики лебедей. Через минуту опять повторился их клик.

Три огромные белые птицы, отливая серебром, медленно махая тяжелыми крыльями, плавно скользили по воздуху. Их прямые длинные шеи были вытянуты далеко вперед.

Лебеди возвращались. Это не предвещало ничего хорошего.

Большая льдина, где сидела казарка, привлекла внимание лебедей. Широкими плавными кругами, все так же медленно двигая крыльями, они опустились к самой воде. Наконец тяжеломерно сели на воду и некоторое время плыли вперед, не в силах сразу остановиться.

Теперь шеи их были высоко подняты. С гордым и величественным видом они спокойно оглядывали море. Потом, ломая обтаявший с края лед, один за другим поднялись на льдину.

Туман все сгущался. Больше не видно было стай, летящих на север.

Беспорядочные густые толпы уток возвращались назад вслед за

лебедями. Долетев до льдины, они с шумом усаживались вокруг нее на воду.

Там, впереди, на морском пути, случилось несчастье: туман опустился непроницаемой стеной. Окруженные густой серой мглой, птицы сбивались с пути и гибли целыми стаями, разбиваясь о серые скалы. Те, что еще не заблудились, спешили вернуться назад.

Казарка не знала, что и ее родная стая была там, впереди. Она долго еще сидела, напряженно вглядываясь в сгущающуюся тьму, и напрягала слух в надежде услышать знакомые голоса.

Вернувшиеся стаи устраивались на ночлег. Наконец и глаза казарки стали смыкаться. Она подвернула голову под верхние перья крыла и заснула.

Глава седьмая

Казарка спала крепко. Сквозь сон она слышала только неясный гул птичьих голосов и плеск волн о льдину.

Во сне она забыла свое одиночество. Ей казалось, что она среди своей родной стаи. Ей даже слышался кругом громкий говор гусяного табуна.

Вдруг сильный толчок в плечо заставил ее прийти в себя. Она быстро высвободила голову из-под крыла и раскрыла глаза. В первую минуту она ничего не видела. Кругом была черная мгла, липкий туман. Шум волн мешал различать голоса.

Новый толчок — теперь прямо в грудь — чуть не свалил ее с ног. В это время у самой головы ее раздалось громкое шипенье.

«Гонк!» — изо всей силы крикнула казарка.

Спереди, сзади, со всех сторон вокруг нее из тьмы раздались такие же голоса.

«Го-го-го-гонк-гонк-гонк», — гоготали гуси.

Это был уже не сон. Она действительно была среди своей стаи, опустившейся на льдину, пока она спала. Ее стая нашла в тумане дорогу назад.

Старый гусь-вожак наткнулся в темноте на казарку и ударами клюва хотел прогнать ее со льдины. Но, как только она подала голос, он узнал ее и отошел в сторону.

Приглядевшись, казарка увидела за ним тесно сгрудившийся табун и поспешно шагнула вперед.

Табун расступился и опять сомкнулся за ее спиной.

* * *

К утру туман стал редеть. Свежий бриз гнал по морю его разорванные клочья.

Табун белолобых гусей все еще сидел на льдине.

В это утро на всем Великом пути не было птицы счастливее казарки.

Она беззаботно плавала у края льдины и, красиво изгибая шею,

оправляла клювом перья у себя на груди. Рядом с ней плавал ее гусь-казанок.

Это была дружная пара. Три года они прожили вместе и ни разу не разлучались до того дня, когда казарка попала в неволю к людям.

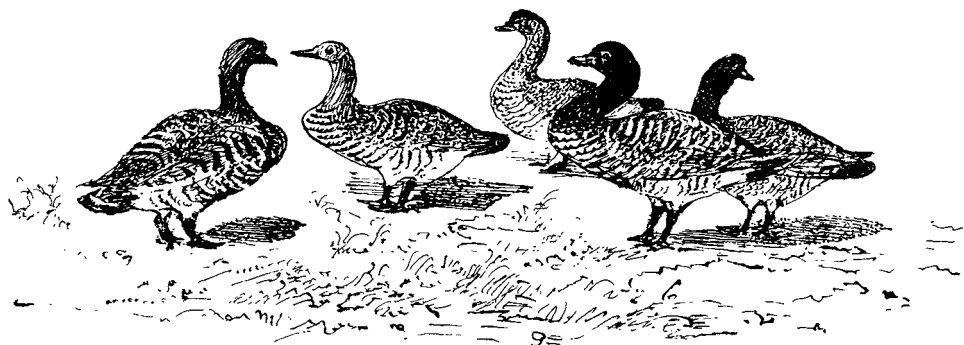
Теперь счастливый случай помог им снова найти друг друга.

Когда казарке надоело плавать, она вылезла на льдину. Тут, при ярком свете выглянувшего из моря солнца, казанок увидел на ее ноге широкое белое кольцо.

Он сейчас же принялся теревить его, стараясь освободить по-другу от этой ненужной вещи. Но он ничего не мог поделывать с крепким металлом. Острые края кольца только ранили ему клюв и причиняли боль казарке.

В это время вожак затрубил сбор.

Гуси сейчас же собрались в кучу и затихли.

Вожак повторил крик, медленно расправил крылья и грузно поднялся на воздух. Табун последовал за ним, на лету выстраиваясь тупым углом.

Вожак летел впереди, мерно рассекая воздух крыльями; за ним тянулись другие старые гуси. Молодежь летела в хвосте стаи.

Долетев до берега, табун поднялся повыше. Под ним был лес. Гуси спокойно озирали его с высоты и неторопливо переговаривались.

Когда вожак устал, он опустился ниже и, пропустив вперед над своей головой стаю, полетел в хвосте ее. Его место занял другой старый гусь. Таким образом, строй стаи не был нарушен.

Казарка, летевшая позади своего гуся-казанка в середине угла, заметила сапсана, сидевшего на вершине сухого дерева на опушке леса. Видел его и вожак.

Но грозный хищник на этот раз не испугал казарку. Вожак не ускорил полета и не подал тревожного сигнала. Против целого табуна сапсан был бессилён.

За лесом показалась деревня.

Вожак загоготал, и табун поднялся выше.

Над соломенными крышами вился легкий дымок. Посреди улицы

шел человек. Казарка узнала в нем охотника, который вытащил ее из сети осенью прошлого года.

Услышав гогот у себя над головой, охотник высоко поднял голову, прикрыл рукой глаза от солнца и долго смотрел вслед улетающим гусям. Он видел, как, миновав околицу, табун стал снижаться, опускаясь на поля.

Тогда охотник потер себе рукой уставшую от напряжения шею, повернул назад и поспешно скрылся в одной из изб на краю деревни.

Табун опустился за околицей на озимое поле. Гуси широко разбрелись во все стороны. Они щипали молодые зеленые всходы. Только две старые птицы из всего табуна оставались неподвижными. Они стояли, вытянув шеи, по краям стаи и поминутно озирались.

Казарка и гусь-казанок щипали озимые далеко от сторожевых гусей. Но лишь только раздалось тихое предостерегающее «го-го-го», оба они, как и все другие гуси, забыли про голод и насторожились.

Кругом они не заметили ничего подозрительного. Правда, со стороны деревни медленно брела к ним лошадь. Она, видно, сорвалась с привязи: на шее у нее болталась веревка. Но лошадей гуси не боятся, если с ними нет человека.

Людей поблизости не было. Казарка снова принялась за еду. Успокоились и все остальные.

Сторожевой гусь загоготал громче. Казарка видела, что он смотрит на приближающуюся лошадь, но никак не могла понять, почему она его беспокоит. На этот раз гуси со всех сторон стали собираться в кучу. Табун сгрудился, и все птицы смотрели на лошадь. Теперь и казарка почувствовала смутное беспокойство. Чем больше она смотрела на лошадь, тем сильнее ее охватывало удивление: ей казалось, что у этой лошади что-то слишком много ног. От этого становилось страшно. Наконец один из сторожевых гусей молча снялся с земли и полетел к странному животному, описывая в воздухе широкую дугу вокруг него.

Стае недолго пришлось ждать его возвращения с разведки. Не долетев и половину расстояния до лошади, гусь быстро повернул назад и криком подал сигнал к бегству.

Табун загоготал, захлопал крыльями и полетел за вожаком, поспешно выстраиваясь на лету.

Охотник, скрывавшийся за лошадью, отскочил в сторону и прицелился. Вдогонку улетающему табуну прогремел выстрел. Но птицы были вовремя предупреждены. Они были уже далеко.

Раздосадованный охотник потряс кулаком и прокричал им вслед:

— Не уйдете все равно! Приманю дворняжкой!

Глава восьмая

Была ночь, когда охотник вышел из лесу на берег моря. Из-за плеча его высовывался длинный ствол ружья, а у ног бежала маленькая кудластая дворняжка.

Охотник огляделся. В рдеющем сумраке был виден песчаный берег, далекой косой уходящий в море. Вблизи спокойно поблескивала мелкая вода заливчика. На некотором расстоянии от берега тянулась широкая и длинная заросль сухого, прошлогоднего камыша. Пахло тиной.

Охотник быстро зашагал по песчаной косе. Дворняжка бросилась за ним.

В камыше тревожно закричали испугнутые шумом шагов утки и засвистели невидимыми крыльями. Охотник не обратил на них внимания. Он не за ними явился сюда.

Дойдя до самого края косы, он остановился, снял ружье с плеча и отвязал у пояса мешочек с хлебом. Бросил на песок мешочек и бережно опустил на него ружье. Дворняжка сейчас же уселась сторожить вещи.

Отыскав поблизости обломок доски, охотник быстро разгреб им вокруг себя песок, вырыл неглубокую яму и окружил ее песчаным валом. Потом собрал кучу выброшенного морем мусора, палок и сучьев, сухого камыша. Все это он воткнул частым заборчиком в песчаный вал, покрыл с боков и сверху кусками сухой тины и засыпал песком, оставив с одной стороны лазейку, а с других трех сторон — маленькие отверстия для ружья. Скрадок был готов.

Забрав с собой ружье и узелок, охотник на четвереньках влез в свою засаду и свистнул к себе дворняжку. Теперь на конце песчаной косы самый зоркий глаз не мог бы обнаружить ни человека, ни собаки.

Между тем стало быстро рассветать. Лежа в скрадке, охотник видел, как нижний край длинного белого облака низко над морем зажегся золотом, потом стал розоветь, краснеть и наконец вспыхнул ярким пурпуром. Еще через несколько минут над спокойной гладью моря, под самым облаком показалась ослепительно красная верхушка солнечного круга. Свежий бриз потянул с берега и зашуршал сухим камышом.

С моря донесся пронзительный вопль чаек.

Большие стаи птиц то и дело с шумом проносились вдали.

Лежа на животе в своем скрадке, охотник мог видеть только впереди себя. Поэтому он не заметил, как сзади него из лесу вылетел сапсан. Острые крылья сокола мелькнули в воздухе и сейчас же скрылись в ветвях сосны, одиноко стоявшей на песчаной косе.

Пернатый охотник тоже уселся в засаду подстергать свою добычу.

Скоро стая каких-то больших птиц опустилась на белую льдину далеко от берега.

В скрадке на косе послышалась возня, и сейчас же из лазейки выскочила кудластая дворняжка. Она уселась было на песок, но из скрадка полетел мимо ее носа кусочек черного хлеба. Дворняжка бросилась за ним. Едва успела она схватить и проглотить его, как новый кусок хлеба вылетел из засады и упал на песок в нескольких шагах от нее. Дворняжка опять побежала подбирать его.

Черные шарики хлеба, летевшие из скрадка, нельзя было разглядеть издали. Поэтому птицам, наблюдавшим за собакой с моря,

казалось непонятным, почему она бежит по песку из стороны в сторону.

Одна из птиц, сидевших на льдине, опустилась на воду и поплыла к берегу. Она все время поворачивала голову, с любопытством следя за бегающей дворняжкой.

Скоро с берега можно было различить серый цвет оперенья птицы, приподнятый хвост и вытянутую шею.

Кусочки хлеба не переставали лететь из скрадка в разные стороны, и голодная дворняжка по-прежнему бегала за ними по берегу. В одно из отверстий скрадка осторожно просунулся конец ружейного ствола. Но птица не заметила этого, потому что все ее внимание было поглощено собакой. Конец ружья медленно направился прямо в грудь птицы.

В эту минуту она была далеко от охотника, но он уже видел ярко-белый полумесяц у нее на лбу. Это была казарка. Любопытство заставило осторожную птицу забыть опасность. Казарка все дальше и дальше уплывала от стаи навстречу своей гибели. Ее гусь-казанок спал в это время на льдине.

Конец ружья стал поворачиваться, все время оставаясь направленным на нее. Солнечные лучи ярко заиграли на гладкой поверхности стаи. Этот подозрительный блеск бросился в глаза казарке.

Страх пересилил в ней любопытство. Она сейчас же снялась с воды и полетела назад, к стае.

Охотник громко выругался с досады. Дичь опять ускользнула у него из рук: казарка была вне выстрела.

В ту же минуту сапсан бросился на нее из своей засады.

Он догнал ее в несколько секунд и вихрем промчался вплотную над ее спиной.

Казарке показалось, что ее разрезали пополам. Пронось над ней, спасан царапнул ее острыми когтями своих задних пальцев, разрезав кожу на спине, как ножами.

От боли и ужаса свет померк в глазах у казарки. Падая, она широко раскинула крылья и вытянула шею.

Сапсан уже вернулся и выпустил все когти, чтобы подхватить ее еще в воздухе.

В этот миг на берегу блеснул огонь, грохнул оглушительный выстрел. Дробь на излете забулькала в воду близ птиц. Сапсан взмыл и быстро исчез вдаль. Казарка безжизненно упала в воду. Пятясь задом, вылез из скрадка охотник. Он торопливо стащил с себя сапоги, портянки, брюки. Оставшись в одной рубахе, он побежал к морю.

Ледяная вода обожгла ему ноги, но он быстро прошел по ней сотню шагов, отделявших его от истекавшей кровью казарки.

Когда охотник подошел к ней, она лежала на воде без движения. Вся спина ее была в крови. Охотник схватил казарку за крыло, потащил на берег и бросил ее перед заливавшейся радостным лаем собачонкой.

Охота была кончена. Родная стая казарки, отдохавшая на льдине, улетела, испугнутая выстрелом.

Теперь она была уже далеко впереди на Великом пути.

Глава девятая

— Ну, пес, стереги добро, а я в лес сбегая за хворостом, — говорил охотник дворняжке. — Замерз в воде-то. Разведем костер, погреемся.

Натянув сапоги, охотник протянул руку за казаркой, чтобы положить ее к ружью, около которого сидела собака.

Тут взгляд его упал на кольцо, белевшее у птицы на лапе.

— Гляди-ка, гусь-то меченый! — удивленно сказал он, разглядывая кольцо. — А на кольце буквы и цифры проставлены.

— Вот оказия! — прибавил он после минуты раздумья, растерянно глядя на дворняжку. — Как же теперь быть? На деревне узнают, а там и хозяин объявится. Скажет: моего гуся убил, домашнего. Плати, скажет, мне за него денежки! Нет, постой, этак не годится. Кольцо я с него сниму и в море заброшу, чтобы, значит, концы в воду. А без кольца-то его и хозяин не признает: как есть дикий гусь. Прошлого года осенью я такого же белолобого здесь у берега из рыбацкой сети вытащил. Хорошую цену за него в Ленинграде дали!

Охотник задумался.

— Спешить некуда! — решил он наконец. — Наперво согреюсь, а там и порешу, как быть.

Охотник положил казарку рядом с ружьем и узелком, позвал дворняжку и еще раз приказал ей хорошенько сторожить добро.

— Да цыц! — прибавил он уходя. — Не вздумай дичи отведать!

Собака, привыкшая стеречь имущество хозяина, уселась перед вещами.

Узелок соблазнительно пахнул хлебом, а птица — дичинкой. Но тронуть лакомые кусочки нельзя было. Надо было терпеливо ждать, пока вернется хозяин. Он не забудет ее покормить: он сегодня веселый. Ей, верно, достанется хороший кус.

Дворняжка даже зажмурилась от удовольствия в предчувствии награды за терпение.

Раздался шорох с того места, где лежали вещи. Дворняжка открыла глаза и остолбенела от изумления: в трех шагах от нее стояла ожившая казарка.

Один миг птица и собака безмолвно смотрели друг на друга. Потом дворняжка твякнула и храбро бросилась на казарку. Защищаясь, казарка ударила собаку сгибом крыла. Удар был так силен и так ловко пришелся в самый кончик чувствительного носа животного, что дворняжка свалилась с ног.

От неожиданной боли она лишилась сознания. Казарка тоже свалилась набок, не рассчитав силы своего удара. Но тотчас же поднялась на ноги и быстро заковыляла к воде.

Рана от когтей сапсана не была смертельна. Но, когда казарка увидела подходившего к ней по морю человека, она была так слаба от потери крови, что не могла ни взлететь, ни нырнуть под воду. Ей не оставалось ничего другого, как притвориться мертвой. К этому спасительному приему прибегают дикие гуси, когда у них нет другого способа избежать гибели.

Хитрая уловка удалась вполне. Вообразив, что птица уже

мертва, охотник не стал ее добивать. Силы вернулись к казарке, пока она лежала на песке.

Теперь удачный удар крылом открыл ей путь к свободе. Добежав до берега, она бросилась в воду и скоро исчезла в густой заросли камыша.

* * *

Охотник вернулся к скрадку с целой охапкой хвороста.

Собака не поднялась ему навстречу. Он толкнул ее ногой, подумав, что она заснула.

Маленькая дворняжка неуверенно встала на ноги, постояла, качаясь из стороны в сторону, и вдруг завывла тонко и жалобно.

— Ты чего? — удивился охотник. — Рехнулась, что ли?

Тут он взглянул на свои вещи и заметил, что рядом с ружьем не было казарки. Не было ее и нигде поблизости на ровном песке.

— А где гусь? — грозно закричал он на собачонку.

Но та только виновато замахала хвостом и еще жалобнее завывала.

— Цыц ты, проклятая! — кричал охотник. — Что воешь, как над покойником?

А уж у самого мурашки от страха побежали по телу. Самые дикие мысли полезли ему в голову:

«Гусь не простой был, с кольцом... Исчез неведомо как и куда. Собака чуть не сдохла...»

Он поспешно схватил ружье и узелок и быстро зашагал к лесу. Дворняжка, поджав хвост, поплелась за ним.

Притаившаяся в камышах казарка видела, как ее враги скрылись за деревьями. С моря до нее донесся отдаленный призывной крик. Она узнала голос гуся-казанка.

Крик повторился ближе. Казарка хотела полететь навстречу казанку, но ослабевшие крылья не подняли ее на воздух. Из груди вырвался крик боли и отчаяния. Силы ее были окончательно истощены.

Из-за песчаной косы раздался ответный гогот. Скоро над берегом показался гусь-казанок. Он отстал от стаи, чтобы разыскать свою исчезнувшую подругу.

Он опять закричал звонко и радостно, но ответа не получил.

Сделав широкий круг над камышом, он крикнул еще и еще раз. Ответа все не было.

Тогда он отлетел в море и там опустил на воду. Он не хотел догонять стаю один, без своей подруги.

Глава десятая

Шли дни за днями. Птицы быстро пролетали Великим морским путем. Сапсан давно улетел на север. Он тоже теперь держался Великого пути и тут никогда не оставался без пищи.

Родная стая казарки уже прибыла к себе на родину. Одной только пары недоставало в табуне.

В заливчике за песчаной косой, где эта пара отстала от него, зазеленел камыш. Давно уплыли, растаяли в море последние льдины. Берег покрылся свежей травой, деревья на берегу окутались легким зеленоватым туманцем.

Заливчик служил прибежищем для отдыха многочисленных пролетных птиц. Тут, словно в гостеприимной харчевне на краю большой дороги, усталые воздушные путники отдыхали и подкрепляли свои силы едой.

Пролетели последние стаи лебедей и гусей. Утки тоже редко стали показываться в заливчике.

Теперь на смену им в морскую харчевню все чаще начали заглядывать другие гости: прилетали длинноногие и длинноносые кулики.

Они тянулись над берегом моря. Полет их часто прерывался остановками в таких обильных пищах и безопасных убежищах.

Но в этом заливчике они долго не задерживались. На то была своя причина.

Большой морской орел-белохвост каждое утро показывался здесь из лесу. Редко-редко взмахивая крыльями, он спокойно проплывал в вышине над заливчиком, удаляясь в открытое море.

Там, на большой глубине, белохвост ловил крупную рыбу. Птиц он редко трогал.

Однако все морские птицы хорошо знали, что он не пропустит случая схватить себе на завтрак одну из них, если вовремя не заметить его приближения. Поэтому, едва только белохвост показывался вдали, они разлетались во все стороны.

Поймав рыбу, орел летел обратно в лес, где у него было гнездо, бросал добычу самке, высиживавшей яйца, и снова отправлялся на море.

Так летал он взад и вперед одним и тем же путем по несколько раз в день. И каждый раз при его появлении стаи куликов спешили покинуть заливчик.

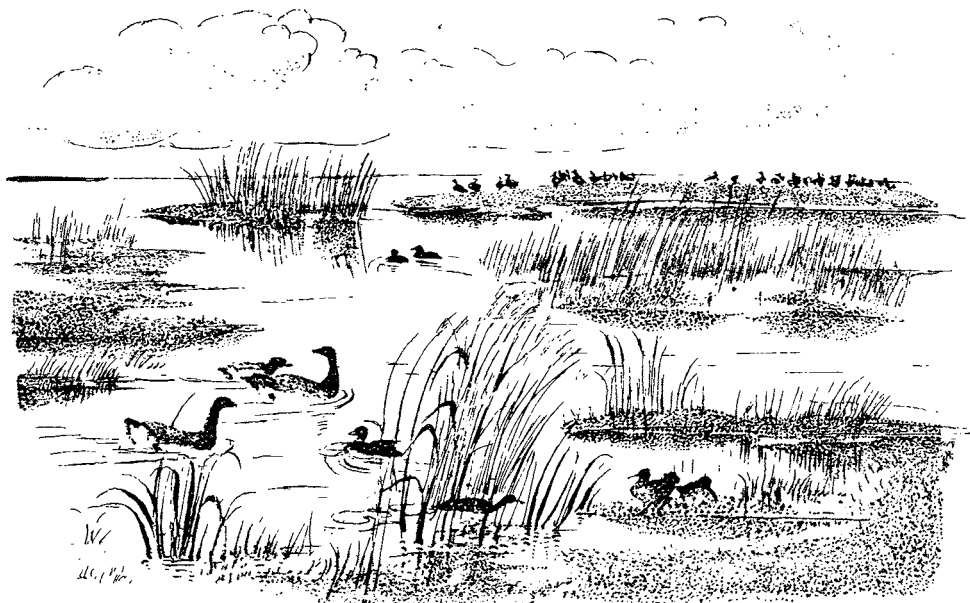
Но не один белохвост нарушал их мирный отдых. Часто из заросли камышей неожиданно появлялась большая серая птица. Она шумно бросалась в воду и плыла к берегу.

Уже напуганные орлом длинноносые птицы взлетали с тины, и воздух оглашался их тревожным писком. Скоро, однако, они узнавали в страшной большой птице мирного белолобого гуся. Их страх проходил, они снова опускались на тину и бегали по ней, покачиваясь всем телом на своих высоких тонких ножках.

Гусь-казанок, против воли пугавший их одним своим видом, принимался плавать по мелкой воде заливчика. Он тоже находил здесь много вкусной пищи.

Наевшись досыта, он направлялся обратно в камыши, где ждала его выздоравливавшая от ран казарка. Он разыскал ее в камышах к вечеру того дня, когда она спряталась там от охотника и его дворняжки. С тех пор он никуда не удалялся от нее.

Двум таким заметным птицам, как казарка и казанок, было небезопасно жить в камышах. Но одно крыло казарки было повреж-

дено соколом; она все еще не могла летать и была очень слаба. Поэтому ее верному казанку приходилось делить с ней опасность попасться на глаза белохвосту, когда он пролетал над заливом.

Наконец настал день, когда казарка решила покинуть в сопровождении казанка свое убежище, чтобы покормиться травкой на берегу заливчика.

В этот день там было особенно много разных куликов. Вся тина у берега была испещрена крестиками следов их тонких прямых пальцев.

В траве на берегу важно расхаживали на высоких ногах-ходулях большие серпоклювые кроншнепы. У воды по желтому песку быстро и незаметно перебежали желтоватые зуйки с черным галстучком на шее, сидели красноносые и красноногие пестрые кулики-сороки. По тонкому слою тины, поминутно втыкая в нее до самого лба свои слабые клювики, хлопотливо сновали взад и вперед легкие кулички-воробы и чернозобики.

Но гусям недолго оставались в их обществе. Как только казарка насытилась, казанок поплыл к берегу. Он поминутно оглядывался на свою подругу и звал ее за собой тихим гоготаньем. Казарка поплыла за ним. Скоро оба вылезли на берег, прошли по нему отделявшее их от леса расстояние и скрылись за деревьями.

* * *

С этого дня гусям не показывались больше в заливчике.

Перелет на Великом морском пути кончался.

Кулики пролетали все более малочисленными стайками и наконец совсем перестали показываться на берегу.

Последним прибыл в заливчик коростель.

Коростель не любит летать. Да ему и незачем подниматься на крылья и подвергать себя опасности в воздухе. Он умеет быстро бегать, ловко скрываться.

Его тело сильно сжато с боков, ноги далеко отставлены назад, и это помогает коростелю проскальзывать между стеблями травы, не задевая их. Величиной он с перепелку.

Зимовал коростель в Африке. Прошло много времени, пока от места своей зимовки он добрался до Финского залива. И в путь он отправился поздно. Другие птицы, зимовавшие в тех краях, давно уже собрались в дорогу.

Утки, гуси, кулики стая за стаей пролетали у него над головой. Но коростель не спешил: у него на родине еще не пробилась молодая трава, и ему пока негде было там скрываться от зорких глаз хищников.

Но вот отлетели последние стаи куликов. Ночью двинулся в путь коростель. Шел он пешком.

Через несколько дней дорогу ему пересекла широкая гладь Гибралтарского пролива. Но это не могло смутить путешественника.

Под покровом темноты он быстро перелетел воду и, опустившись на другом берегу, без передышки продолжал свой путь.

Шел он к себе на родину самой прямой дорогой, известной только ему одному.

Впереди него морским путем летели утки, лебеди и гуси, чайки и гагары; стаи куликов придерживались берега.

А коростель шагал и шагал в одиночестве по земле напрямик, прибегая к помощи крыльев лишь там, где это было ему необходимо.

Шел он очень быстро. Ради безопасности он днем отдыхал и кормился, а по ночам под прикрытием темноты, травы и кустов бежал вперед.

Был уже конец мая, когда он добежал до заросшего камышом заливчика, недавно служившего убежищем казарки.

Ночь убывала.

Пора было усталому пешеходу подумать об отдыхе в безопасном месте.

В открытом заливе ему нечего было делать. Коростель отправился искать себе приют в полях за лесом.

Миновав околицу деревни, где жил охотник, дважды ловивший казарку, он побегал по озимым, выбирая места, где уже подросший хлеб был погуще.

Вдруг он выскочил на открытое место среди поля. Молодые всходы были тут примяты и выщипаны парой белолобых гусей. Гуси не заметили его внезапного появления.

Он сейчас же юркнул обратно в траву и стал в ней устраиваться на ночлег.

Через несколько минут он увидел, как гуси поднялись с поля и, забирая все выше и выше, полетели на север.

Это были казарка и гусь-казанок.

Казанок привел сюда свою подругу из заливчика, и они жили

здесь последние дни. Хороший корм быстро восстановил силы казарки. Больная спина и крыло ее совсем зажили.

Теперь дружная пара могла решиться пролететь вдвоем оставшуюся до их родины часть Великого пути.

Заключение

Прошло полгода с тех пор, как Миша расстался с казаркой. На улицах Витебска лежал снег.

И опять Мише вспомнилась казарка такой, какой она встретила его с отцом, когда они пришли освобождать ее. . . Он видел перед собой ярко-белый полумесяц у нее на лбу, блестящий взгляд и настороженно-воинственную позу. И опять ему подумалось: «Неужели она не долетела к себе на родину?»

В прихожей позвонили. Мишин отец прошел из своей комнаты отворить дверь. Через минуту он позвал сына к себе в кабинет.

— Читай вслух, — сказал отец и протянул Мише только что полученное письмо.

Миша разорвал конверт, развернул сложенный вчетверо лист почтовой бумаги и прочел:

«Орнитологический комитет. 22 октября 19... года.

Считаем своим приятным долгом поделиться с Вами только что полученными нами сведениями об интересующей Вас белолобой казарке, отмеченной Вами кольцом № 109, серия «С».

Сельский учитель села Прибрежного, расположенного на восточном берегу Белого моря, в 50 километрах от города Архангельска, любезно сообщает нам следующие свои любопытные наблюдения.

В начале истекшего лета он бродил по берегу моря со своей охотничьей собакой. Собака у него на глазах подняла из травы коростеля. Никогда прежде учитель не встречал эту редкую в тех краях птицу. Увидев, что коростель, едва взлетев над травой, сейчас же снова опустился в нее, учитель задался целью выгнать оттуда птицу с помощью собаки. Но коростель, по своему обыкновению, стал спастись пешком.

После долгого безрезультатного преследования собака, бежавшая по следам коростеля, привела учителя к голой скале на берегу моря.

Со скалы бросился на собаку сапсан, а коростель, воспользовавшись ее замешательством при этом, куда-то ускользнул.

Удивленный неожиданным появлением яростно кидавшегося на собаку сокола, учитель осмотрел скалу и заметил в ней гнездо сапсана на высоте всего метров четырех над землей. Подойти к гнезду он не решался, потому что смелый хищник готов был, казалось, вцепиться в лицо человеку своими страшными когтями. Учитель хотел было отойти, как вдруг у себя под ногами увидел сидящую на гнезде белолобую казарку. Быстро скинув с себя куртку, он набросил ее на голову птице.

Таким образом ему удалось поймать казарку. С нею в руках он благополучно покинул опасное место.

На ноге казарки учитель обнаружил надетое Вами кольцо. Записав его номер, он выпустил птицу на свободу.

Потом учитель часто приходил наблюдать за казаркой издали, пока она не вывела птенцов и не удалилась с ними из-под скалы в ближайшее болото.

Ученые не раз находили гнезда казарок рядом с гнездами сапсанов. Под охраной смелых соколов казарки чувствовали себя в безопасности от врагов.

Однако для науки до сих пор остается загадкой, почему эти свирепые хищники не трогают в течение всего времени вывода птенцов своих доверчивых, но беззащитных соседей.

Во всяком случае, Ваша казарка в этом году благополучно вывела птенцов. Будем надеяться, что когда-нибудь она снова попадет в руки людям, и тот, кто ее поймает, расскажет нам о ее дальнейшей судьбе.

За председателя... »

Подписи Миша не разобрал.

МУРЗУК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На просеке

Из чащи осторожно высунулась голова зверя с густыми бакенбардами и черными кисточками на ушах. Раскосые желтые глаза глянули в одну, потом в другую сторону просеки — и зверь замер, насторожив уши.

Старик Андреич с одного взгляда признал бы прятавшуюся в чаще рысь. Но он в эту минуту продирался сквозь частый подлесок метров за сто от просеки.

Андреичу давно хотелось курить. Он остановился и потянул из-за пазухи кисет.

Рядом с ним в ельнике кто-то громко кашлянул.

Кисет полетел на землю. Андреич сдернул ружье с плеча и быстро взвел курки.

Между деревьями мелькнула рыже-бурая шерсть и голова косули с острыми ветвистыми рожками.

Андреич сейчас же опустил ружье и наклонился за кисетом: старик никогда не бил дичи в недозволенное время.

Между тем рысь, не заметив поблизости ничего подозрительного, скрылась в чащу.

Через минуту она снова вышла на просеку. Теперь она несла в зубах, бережно держа за шиворот, маленького рыжего рысенка.

Перейдя просеку, рысь сунула детеныша в мягкий мох под кустом и сейчас же пошла назад.

Через две минуты второй рысенок барахтался рядом с первым, и старая рысь отправилась за третьим, и последним.

В лесу послышался легкий хруст сучьев.

В один миг рысь вскарабкалась на ближайшее дерево и скрылась в его ветвях.

В это время Андреич разглядывал следы вспугнутой им косули. В тени густого ельника лежал еще снег. На нем виднелись глубокие отпечатки четырех пар узких копыт.

«Да тут их две было, — соображал охотник. — Вторая, верно, самка. Дальше просеки не уйдут. Пойти разве поглядеть?»

Он выбрался из чащи и, стараясь не шуметь, напрямик зашагал к просеке.

Андреич хорошо знал повадку зверей. Как он и думал, пробежав несколько десятков метров, косули почувствовали себя в безопасности и сразу перешли на шаг.

Первым вышел на просеку козел. Он поднял украшенную рожками голову и потянул в себя воздух.

Ветер дул прямо от него вдоль просеки, — поэтому козел не мог учуять рыси.

Он нетерпеливо топнул ногой.

Из кустов выбежала безрогая самка и остановилась рядом с ним.

Через минуту косули спокойно щипали у себя под ногами молодую зелень, изредка поднимая головы и осматриваясь.

Рысь хорошо видела их сквозь ветви.

Она выждала, когда обе косули одновременно опустили головы, и бесшумно скользнула на нижний сук дерева. Сук этот торчал над самой просекой, метрах в четырех от земли.

Густые ветви теперь не скрывали зверя от глаз косуль.

Но рысь так плотно прижалась к дереву, что ее неподвижное тело казалось просто наростом на толстом суку.

Косули не обращали на него внимания.

Они медленно подвигались вдоль просеки к ожидавшему их в засаде хищнику.

Андреич выглянул на просеку шагах в пятидесяти дальше ели, на которой сидела рысь. Он сразу заметил обеих косуль и, спрятавшись в кустах, стал следить за ними.

Старик никогда не пропускал случая поближе взглянуть на пугливых лесных зверей.

Косуля-самка шла впереди. Козел на несколько шагов отстал от нее.

Вдруг что-то темное камнем сорвалось с дерева на спину косули.

Косуля упала с переломленным хребтом.

Козел сделал отчаянный прыжок с места и мгновенно исчез в чаще.

— Рысь! — ахнул Андреич.

Раздумывать было некогда.

«Бах! Бах!» — один за другим грянули выстрелы двустволки. Зверь высоко подскочил и с воем упал на землю.

Андреич выскочил из кустов и изо всей силы побежал по просеке. Страх упустить редкую добычу заставил его забыть осторожность.

Не успел старик добежать до рыси, как зверь неожиданно вскочил на ноги.

Андреич остановился в трех шагах от него.

Внезапно зверь прыгнул.

Сильный удар в грудь опрокинул старика навзничь.

Ружье далеко отлетело в сторону. Андреич прикрыл горло левой рукой.

В то же мгновение зубы зверя вонзились в нее до самой кости. Старик выхватил из-за голенища нож и с размаху всадил в бок рыси.

Удар был смертельный. Зубы рыси разжались, и зверь свалился на землю.

Еще раз, для верности, ударил Андреич ножом и проворно вскочил на ноги.

Но зверь уже не дышал.

Андреич снял шапку и вытер со лба пот.

— Ух! — произнес он, тяжело переводя дух.

Страшная слабость внезапно охватила Андреича. Мышцы, напряженные в смертельной схватке, сразу обмякли. Ноги дрожали. Чтобы не упасть, он должен был присесть на пенек.

Прошло несколько минут, пока, наконец, старик пришел в себя.

Прежде всего он свернул сигарку измазанными кровью руками и глубоко затынулся.

Накурившись, Андреич промыл у ручейка раны, перевязал их тряпкой и принялся свежевать добычу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мурзук получает имя и помилование

Маленький бурый рысенок лежал один в логове под корнями вывороченного дерева. Мать давно утащила обоих его рыжих братьев. Он не знал, куда и зачем. У него на днях только прорезались глаза, и он еще ничего не понимал. Он не чуял, как опасно оставаться в родном логове.

Прошлой ночью буря сильно накренила соседнее дерево. Огромный ствол ежеминутно грозил рухнуть и похоронить под собой рысят. Вот почему старая рысь решила перетащить своих детенышей в другое место.

Маленький рысенок долго ждал матери. Но она не возвращалась.

Часа через два он почувствовал сильный голод и стал мяукать. С каждой минутой мяуканье становилось громче.

Мать все не приходила.

Наконец голод стал невыносим, и рысенок сам отправился разыскивать мать. Он вылез из логова и, больно тыкаясь подслеповатой мордочкой то в корни, то в землю, пополз вперед.

Андреич стоял на просеке и разглядывал шкуры убитых зверей. Туша рыси была уже зарыта в землю, а туша косули тщательно убрана в мешок.

— Должно, целковых двадцать дадут, — говорил старик, разглаживая густой мех рыси. — Ежели б не раны от ножа, — все бы тридцать дали. Фартовый мех!

Шкура была действительно на редкость велика и красива. Темносерый мех, почти без примеси рыжего цвета, был сверху густо усажен круглыми бурыми пятнами.

— А что мне с этой делать? — соображал Андреич, поднимая с земли шкуру косули. — Вишь ведь как изрешетил!

Картечь, направленная в рысь, попала и в косулю. Тонкая кожа животного была насквозь пробита в нескольких местах.

— Увидит кто-нибудь, подумает: «Старик маток бьет». Ну, не бросать же добро; стану под голову себе стелить.

Андреич бережно скатал обе шкуры мехом внутрь, обвязал ремнем и перекинул за спину.

— До темени надо домой поспевать! — И старик уже тронулся было вдоль просеки. Вдруг в чаще послышалось тихое жалобное мяуканье.

Андреич прислушался.

Писк повторился.

Андреич скинул ношу на землю и пошел в чащу.

Через минуту он вернулся на просеку, держа в каждой руке по рыжему рысенку. Зверьки старались освободиться и пискливо мяукали.

Один из них сильно цапнул державшую его руку.

— Ишь ведьменьш! — озлобился Андреич. — Уже когти в ход пускаешь! Весь в мать. Не на семя же вас оставлять! — кончив их, проворчал Андреич и, подняв с земли крепкий сук, стал копать для рысенят яму.

От долгого крика бурый рысенок совсем охрип и все только полз и полз вперед, сам не зная куда.

Чаща кончилась, и он очутился на открытом месте: логово рыси было в нескольких шагах от просеки.

Что-то повелилось впереди. Но глаза рысенка, привыкшие к сумраку чащи, не видели Андреича, рывшего суком землю.

Смутное чувство страха заставило рысенка прижаться к земле. Однако через минуту голод пересилил, и зверек побрел дальше — прямо на стоявшего к нему спиной Андреича.

Старик обернулся как раз в ту минуту, когда рысенок подполз к его ногам.

Андреич протянул руку за трупамы рысенят и неожиданно увидел рядом с ними живого зверька.

— Ты откуда? — опешил старик.

Рысенок осел на задние лапки и слабо мяукнул, открыв розовый ротик.

— Совсем котенок! — сказал Андреич, с любопытством разглядывая зверька.

Рысенок опять пополз, неловко перевалился через корень и кубарем скатился в яму.

— Сам в могилу пожаловал! Группыш ты! — засмеялся Андреич, наклонился и вытащил рысенка из ямы.

— Ишь усищи растопорщил! А глаза-то раскосые — настоящий Мурзук Батыевич!

Тут голодный рысенок лизнул шершавым язычком подставленный ему палец.

— Проголодался? — участливо спросил Андреич. — Как же теперь быть с тобой? Надо бы пристукнуть да закопать вместе с теми...

— А ведь не убить мне тебя, сироту! — вдруг весело рассмеялся старик. — Ладно уж, живи! В избе у меня будешь расти, мышей пугать. Полежай, Мурзук, за пазуху!

Андреич быстро закидал землей убитых рысенят, вскинул мешок за спину и торопливо зашагал домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Детство и воспитание

Андреич был лесной сторож.

Он жил в избушке в самой середине своего участка. С трех сторон избушку обступил лес. С четвертой тянулся большой луг. По лугу пробегала дорога в ближнее село.

Старик был одинок. Хозяйство его состояло из коровы, лошади, десятка кур и дряхлого гончего кобеля.

Кобеля звали Кунак. Хозяин оставлял его сторожить избу, когда надолго уходил в лес. Так случилось и в этот день, когда старик убил рысь.

До дому Андреич добрался уже в сумерки. Кунак приветливым лаем встретил хозяина.

— Гляди-ка, — говорил старик, сваливая с плеч добычу, — во, какую я дичину добыл!

Почуяв запах рыси, Кунак поднял шерсть дыбом и заворчал.

— Что, брат, не любишь? Лютый зверь. Чуть не загрыз меня, проклятый!

— А вот, гляди: котенок махонький. Мурзук прозывается.

— Цыц! Не трогай! Вместе жить будем, — привыкай.

Войдя в избу, Андреич достал из-под кровати плетенку и положил в нее зверька. Потом принес полную кринку, обмакнул в молоко палец и поднес его рысенку.

Голодный зверек сейчас же слизал молоко.

— Пьет! — радовался Андреич. — Обожди, соску тебе сделаю.

Свернув трубочку из плотной тряпки, Андреич налил в нее молока и сунул рысенку в рот.

Сперва Мурзук захлебывался, потом дело пошло на лад.

Через десять минут, сытый и довольный, рысенок крепко спал, свернувшись клубком, в своей новой постели.

Спустя неделю Мурзук выучился лакать молоко из плошки. К этому времени он окреп на ногах и целыми днями весело играл на полу, точно домашний котенок.

Андреич часто забавлялся с ним. Кунак еще подозрительно приглядывался к маленькому хищнику.

Но скоро и он был побежден.

Раз как-то, когда старый пес сладко дремал под лавкой, Мурзук подкрался к нему и угнезвился у него на груди. Кунаку это было приятно, и он сделал вид, что не замечает дерзкого малыша.

С тех пор Мурзук взял за правило спать вместе с Кунаком и не обращал никакого внимания на его притворное ворчанье.

Скоро они так подружились, что даже ели из одной плошки.

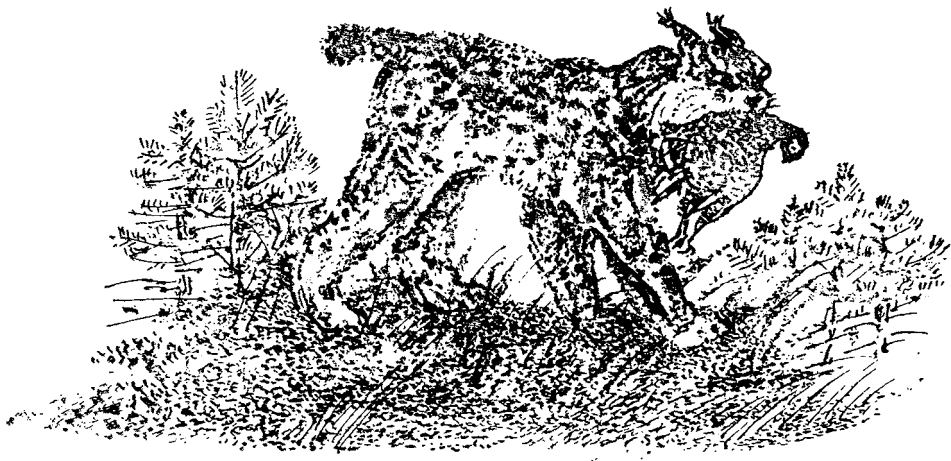
«Вот это дело! — думал, глядя на них, Андреич. — Пес добру научит рысенка».

И верно: дикий котенок заметно перенимал привычки своего старшего друга. Он так же доверчиво относился к хозяину, так же слушался каждого его приказания.

Случалось Мурзуку разбить и вылакать кринку молока, погнаться за курами или еще как-нибудь напроказить, но довольно было сердитого окрика хозяина, чтобы умный зверь понял свою вину. Он сейчас же ложился на землю и подползал к Андреичу, виновато извиваясь всем телом.

Ни разу старик не пустил в ход палки.

У Андреича никогда не было семьи, и весь богатый запас своей

доброты он отдавал домашним животным. Он много на своем веку держал и диких зверей. Для всех он умел найти дело и терпеливо обучить ему.

И все звери, каких только ему не приходилось держать, становились его добровольными слугами и верными друзьями.

Когда Мурзук подрос, нашлось и для него дело в хозяйстве Андреича.

На деньги, вырученные за шкуру старой рыси, Андреич купил себе козла с козой. У бородатого, сердитого козла был дурной характер. Старику стоило больших трудов загонять упрянца в хлев.

Он обучил это делать Кунака.

Мурзук не отставал от своего друга ни на шаг и каждый вечер помогал ему отыскивать коз, далеко забредавших в лес.

При виде молодой рыси козы в страхе бросались бежать, и загонщикам оставалось только направлять их к дому.

Осенью околел дряхлый Кунак.

С этих пор Мурзук занял в лесной сторожке место собаки. На него перешли все ее обязанности.

Андреич брал Мурзука с собой в лес, обучал загонять дичь на охоте, оставлял сторожить избу, когда сам уезжал в деревню. И Мурзук весело подчинялся всем приказаниям хозяина.

Слух о ручной рыси старика Андреича прошел по всем окрестным деревням. Люди приходили издалека поглядеть на диковинного зверя.

Одинокий старик был рад гостям. Чтобы их потешить, он заставлял Мурзука проделывать разные фокусы. Гости удивлялись силе, ловкости и замечательному послушанию зверя.

На глазах у всех Мурзук одним ударом лапы перешибал толстые сучья, рвал зубами сыромятные ремни, отыскивал в траве жаворонка, схватывал его на лету и выпускал по первому слову хозяина.

Многие предлагали Андреичу большие деньги за Мурзука. Но старик только головой качал. Он крепко любил зверя и ни за что не хотел с ним расстаться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Незванный гость

Прошло три года.

Душный летний день уже клонился к вечеру.

На дороге к сторожке Андреича показалась большая телега, запряженная парой. Впереди сидели возница в поддевке и человек в пальто и шляпе. Позади них к телеге была привязана большая железная клетка.

У ветхого плетня возница придержал лошадей и хотел слезть отворить ворота.

В эту минуту с крыши избы бесшумно соскочила крупная рысь.

В три прыжка зверь очутился у плетня. Четвертым он легко перемахнул высокий плетень — и внезапно появился перед испуганным возницей.

Лошади шарахнулись в сторону, подхватили и понесли.

Человек в шляпе что-то громко крикнул и замахал руками.

Андреич вышел из избы.

Он увидел, как седок выхватил вожжи из рук возницы и заставил лошадей дать широкий круг по лугу.

— Мурзук! — крикнул Андреич. — Ступай, друг, назад. Нечего тебе гостей пугать. Гляди, уж не новое ли начальство пожаловало?

Мурзук вернулся, лизнул хозяину руку и улегся у его ног.

— Уберите вашего дьявола, — кричал седок. — Лошади разнесут!

— Айда на крышу! — тихонько приказал Андреич.

Рысь ловко вскарабкалась вверх по бревнам.

Андреич отворил ворота. Лошади, косясь и вздрагивая, вошли во двор. Седок соскочил и подошел к Андреичу.

— Моя фамилия, — сказал он резким голосом, — мистер Джекобс. Я командирован частным зоологическим садом. Вашу рысь я

уже видел. Действительно, великолепный экземпляр. Сколько вы желаете за нее получить?

Андреич стоял оглушенный потоком незнакомых слов.

— Я спрашиваю вас, — нетерпеливо повторил Джекобс, — какую сумму вы желаете получить за рысь?

— Да она не продажная, — испуганно пролепетал старик, — вам это зря сказали.

— Напротив, меня предупреждали, что вы не захотите продать ее. Но это вздор! Я вам даю сорок рублей.

Андреич растерялся. Необходимые слова не шли на память, и он не знал, как отказать этому барину.

— Пятьдесят рублей? — предложил Джекобс.

Андреич молча покачал головой, переминаясь с ноги на ногу.

— Иван! — Джекобс обернулся к вознице. — Распряги лошадей и задай им овса. Мы здесь ночуем.

— Милости прошу! — обрадовался Андреич. — Пожалуйте в избу. Сейчас самоварчик поставлю!

Про себя старик подумал: «Ишь скорый какой! Отдай ему Мурзук! Ну, теперь ладно: за чайком объясню все толком».

Джекобс несколько минут разглядывал спокойно раскинувшуюся на крыше рысь, повернулся и решительно взошел на крыльцо.

Самовар вскипел быстро.

Андреич кликнул с крыльца возницу:

— Ступай, сынок, в избу, чай поспел.

Но кучер не решался двинуться с места: Мурзук снова соскочил с крыши и стоял рядом с хозяином.

За три года он сильно вырос. Теперь от кончика носа до хвоста в нем было больше метра. Он перерос даже свою мать. Он был высок на ногах, плотно сложен, а пышные бакенбарды, грозно растопыренные усы и пучки черных волос на ушах придавали его лицу особенно свирепое выражение. На сером мехе с темными пятнами не было и следа рыжих волос.

— Он смирный! — улыбнулся Андреич, ласково трепля Мурзук по щеке. — Ступай, Мурзук, ступай в лес! Пора тебе на охоту. А понадобится, — позову.

Мурзук неохотно пошел в лес.

Он не любил оставлять хозяина одного, когда приезжали гости. А у этих был еще такой странный вид! Мурзук в первый раз видел людей в городском платье.

Но слова хозяина — закон.

Мурзук перескочил через плетень и исчез в лесу.

За чаем Андреич первый заговорил с гостем.

— Не обижайтесь, господин мистер, на старика. Сами рассудите: человек я старый, больной. Без Мурзук никак мне с хозяйством не управиться. Зарез мне теперь без него.

Старик говорил правду: за последние годы он весь поседел и выглядел совсем дряхлым. Ревматизм его мучил.

Но Джекобсу не было решительно никакого дела до хозяина; ему нужен был зверь.

Битый час убеждал он старика продать рысь, просил, угрожал и повышал цену.

Ничего не помогало.

— Так вы решительно отказываетесь? — спросил наконец Джекобс, сдвинув брови.

— Не могу, хоть убейте! — твердо сказал Андреич. — Друг он мне, сын родной, а не зверь.

Джекобс с грохотом отодвинул стул и коротко спросил:

— Где спать?

— А вот сюда пожалуйста! — засуетился Андреич, показывая на лежанку. — Туточка почище. Овчинный тулуп вам постелю и под голову чего-нибудь разыщу.

Старику было очень неприятно, что пришлось отказать гостю. Он всеми силами старался угодить Джекобсу чем мог.

В куче старого тряпья попалась ему шкура косули, убитой старой рысью — матерью Мурзука. Шкура была мягка и приятна на ощупь.

Андреич сложил ее вдвое, мехом вверх, и положил гостю в изголовье.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Джекобс выигрывает пари

Джекобса постигла крупная неудача: он проиграл пари. Самолюбие его было жестоко задето, и он не мог спать.

Джекобс полжизни прожил в России. Но в глубине души он оставался истым американцем. Он любил упражнять свою волю, заключая трудные пари, и выигрывал их, несмотря на все препятствия. Служил Джекобс в зверинце, при котором был увеселительный сад. Учреждение это громко называлось Зоологическим садом.

Два дня тому назад хозяин зверинца передал Джекобсу дошедшие до города слухи о ручной рыси лесного сторожа.

— Хорошо бы нам, — прибавил хозяин, — заполучить этого зверя. Рысь, говорят, необычайно красива и велика. Она привлечет публику в сад. Я было хотел послать вас за рысью, да боюсь, — вам не удастся выполнить поручение. Лесник, говорят, ни за что не расстанется со зверем.

— Пошлите, — сказал Джекобс, пыхнув дымом из коротенькой трубочки.

— Да ведь даром съездите? — равнодушно произнес хозяин.

Про себя он твердо решил получить рысь. Надо было только хорошенько раззадорить Джекобса, — и тот достанет зверя хоть из-под семи замков.

— Пари? — предложил американец.

«Клюнуло!» — подумал хозяин. Вслух он сказал:

— Напрасно горячитесь, мистер. Дело все равно не выгорит.

— Пари, — настойчиво повторил Джекобс.

— Идет, — пожимая плечами, согласился хозяин.

Пари было тут же заключено, и на следующий день американец отправился в путь.

Джекобс беспокойно ворочался на лежанке. Он думал о том, какой насмешливой улыбкой встретит его завтра хозяин сада.

— Ту пигс догс! — выругался американец, стремительно вскакивая на ноги. — К чертям собачьим! Невозможно спать в такой духоте! Пойду лучше на воздухе лягу.

Он схватил тулуп, сунул под мышку шкуру косули и вышел на крыльцо.

На небе уже занималась заря.

«Увезти насильно зверя? — тоскливо соображал Джекобс, расстилая тулуп. — Возьмешь его голыми руками!» — издевался он сам над собой.

Тут Джекобс расправил шкуру косули, чтобы снова аккуратно сложить ее себе под голову. При этом взгляд его упал на продырявленную картечью кожу животного.

«Здоровый заряд вlepил!» — подумал Джекобс.

Он сам был охотник и сразу заинтересовался удачным выстрелом.

«Фью! — свистнул вдруг американец: в том месте шкуры, где у козла должны быть рога, дырок для них не оказалось. — Самка! Вот так фунт! Старик-то, видно, маток бьет!»

Еще с минуту вертел Джекобс в руках шкуру косули, что-то усиленно про себя обдумывая. Потом хлопнул себя по лбу и громко сказал:

— О-кей! Пари выиграно!

Затем Джекобс лег и крепко заснул.

Утром американец подошел к Андреичу со шкурой косули в руках и строго сказал:

— Послушайте, это как называется?

— Чего? — не понял старик.

— Шкура косули-самки. Вы застрелили матку. Вот следы дроби.

«Не было печали!» — ахнул про себя Андреич.

Сбиваясь от волнения, он стал рассказывать гостю, как старая рысь при нем прыгнула косуле на спину и как он застрелил хищника на его жертве.

— Толкуйте! — оборвал его американец. — Меня баснями не проведешь. Я представляю шкуру вашему начальству. Вы уплатите штраф в двадцать пять рублей и будете лишены места. Я позабочусь об этом.

Ноги подкосились у старика. Он хорошо знал, как строго карает суд лесных сторожей за нарушение охотничьих правил. Чем может он доказать, что дробь попала в животное после того, как оно было убито рысью?

Старый лесничий на слово поверил бы Андреичу: он знал его безупречную службу в течение тридцати лет. Но, как назло, прежний лесничий недавно был смнен молодым. Этот еще и в глаза не видал Андреича.

— Иван! — крикнул Джекобс. — Закладывай лошадей! Мы уезжаем.

Андреич опустилсЯ на лавку.

Американец хладнокровно раскуривал короткую трубку.

— Вот что! — внезапно обернулся он к Андреичу. — Даю вам две минуты на размышление: или вы мне отдадите рысь, — тогда я

верну вам шкуру косули, — или вас выгонят со службы. Тогда вам придется расстаться со зверем, потому что с ним ни в одну деревню не пустят. Выбирайте.

Удар был метко рассчитан. Мысли вихрем понеслись в голове Андреича.

Отдать Мурзука? Ни за что! Лучше лишиться места.

Но если дойдет до этого, придется и с Мурзуком проститься. И пойдет старик один-одинешенек скитаться по белу свету, без угла, без пристанища.

Чуял Андреич: недолго ему остается жить. Трудно было старику бросить избу, которую он считал своей.

Однако нечего было делать.

Ни слова не сказал Андреич американцу. Сходил в избу за ружьем и выстрелил в воздух.

— Готово! — объявил возница, подводя лошадей к крыльцу.

— Ну, хозяин, — обратился Джекобс к Андреичу. — Вот расписка. Я не хочу брать у вас зверя даром. Получите тридцать рублей. Подпишитесь вот здесь.

— Не надо мне ваших денег, — мрачно сказал старик.

В эту минуту стайка дроздов с тревожным криком поднялась с опушки леса.

Почти сейчас же из кустов выскочил Мурзук.

Он был далеко в лесу, когда услышал выстрел Андреича, и быстро примчался на зов хозяина.

Подбежав к старику, зверь вскинулся ему на грудь.

Старик прижал к себе голову рыси и ласково погладил. Потом подошел к клетке и показал на нее Мурзуку.

— Иди, сынок, сюда!

Рысь весело вскочила на телегу и протиснулась в узкую дверцу клетки. Андреич захлопнул за ней дверцу и отвернулся.

— Берегите зверя, — тихо попросил он американца.

— О, можете быть спокойны! — решительно заявил Джекобс. — Он будет нашим любимцем. Сами можете прийти посмотреть.

И он сказал Андреичу адрес зверинца.

Старик проводил телегу за ворота, еще раз простился с Мурзуком и, приказав ему лежать смирно, побрел в избу.

Дома Андреич бросил в огонь шкуру косули, сел перед печкой и горько задумался.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В тюрьме

Мурзук спокойно дремал в клетке. Хозяин велел ему лежать здесь. В этом не было ничего странного: Мурзук привык подолгу дожидаться Андреича там, где ему приказано. В конце концов хозяин приходил, и тогда Мурзук снова бежал куда вздумается.

Странно было только, что его куда-то везли незнакомые люди. Но и это не беспокоило Мурзука: разве не мог он в любую минуту толкнуть дверцу лапой, соскочить с телеги и убежать в лес?

До станции доехали скоро. Джекобс немилосердно гнал лошадей: он боялся, как бы зверь не наделал ему в дороге хлопот.

Первые признаки беспокойства Мурзук обнаружил, когда с грохотом подкатил поезд. Зверь вскочил на ноги и стал зорко вглядываться в толпу, обступившую клетку. Глаза его искали хозяина.

Хозяина не было.

Джекобс успел добыть разрешение на провоз зверя в багажном вагоне и с большими предосторожностями перенес клетку в поезд.

Поезд тронулся. Лязгнуло под полом железо, застучали колеса. Тут Мурзук почувал, что дело неладно.

Он ударил лапой дверцу клетки.

Дверца не поддавалась.

Мурзук стал бешено метаться из угла в угол, бил лапами направо и налево, грыз прутья клетки зубами.

Все напрасно. Кругом мерно позвякивало железо.

Внезапно Мурзук понял: он попал в ловушку.

Это сразу изменило его поведение. Зверь прижался к задней глухой стенке клетки и застыл.

Только глаза его горели в темноте вагона.

Через шестнадцать часов поезд пришел в город. Шум, грохот, крики не могли нарушить оцепенения зверя.

Американец нанял подводу и благополучно доставил рысь в зверинец.

Мурзука выпустили в новую, более просторную клетку. Он сейчас же попробовал, нельзя ли отсюда бежать.

Слепая ярость отчаяния удесятерила его силы. Но люди хорошо рассчитали прочность постройки: рысь не могла вырваться из тюрмы.

И пока обезумевший зверь метался по клетке, хозяин зверинца любовался им, восхищался его силой, необычайной величиной и красотой.

Потом они пошли вместе с Джекобсом. В воротах сада оба приостановились. До них донесся долгий, жуткий крик рыси. Он начался с очень высокой ноты, перешел в дикий плач и рев и кончился низким глухим стоном.

— Оплакивает потерянную свободу! — улыбаясь, сказал хозяин и взял Джекобса под руку.

Оба спокойно зашагали к выходу.

Эти люди давно привыкли к бесконечно тоскливому крику диких зверей, обреченных на медленную смерть в неволе.

Весь день Мурзук неподвижно пролежал на толстом суке, вбитом в стену его клетки на высоте двух метров от пола.

Был понедельник, и сад был закрыт для публики.

Между клетками зверей ходили сторожа. Они убирали сад после большого воскресного гулянья, чистили клетки, кормили зверей.

Мурзуку в клетку просунули на длинной палке кусок конины.

Мурзук не двинулся: тоска убила в нем голод.

Кругом ревели, дрались и топтались в тесных клетках звери. Дальше, в местах, отгороженных частой проволочной сеткой, хлопали крыльями и кричали птицы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ночью

С наступлением темноты сторожа ушли.

Мало-помалу угомонились звери и птицы.

Когда совсем стемнело, Мурзук поднялся.

Теперь человеческие глаза не следили за ним. Он знал это потому, что хорошо видел в темноте, и потому еще, что его уши ловили и понимали каждый шорох.

Приступ тупого отчаяния прошел. С новой силой проснулось желание бежать. С ним вместе проснулся голод.

Мясо все еще лежало на полу у самой решетки. Прежде чем приняться за него, Мурзук осторожно огляделся.

В соседней клетке слева были волки. Четверо из них спокойно спали, свернувшись как собаки. Пятый сидел, упершись передними лапами в землю. Глазами он равнодушно уставился прямо перед собой.

Мурзук видел, что волки не обращают на него внимания. Значит, можно схватить мясо и вскочить с ним на сук.

Но справа раздался шорох.

Мурзук увидел в соседней клетке большую пятнистую кошку с длинным пушистым хвостом.

Кошка крадась к решетке, за которой лежало мясо. Она могла достать его своей длинной лапой.

Мурзук почувствовал внезапный прилив ярости.

Хищник не терпит близко от себя другого хищника родственной ему породы. Между кошками эта родственная ненависть особенно сильна.

Пятнистый зверь осторожно просунул лапу между прутьями. Взгляд его впился в неподвижную фигуру рыси.

Мурзук не шелохнулся.

Глаза зверя перебежали с него на мясо. Лапа просунулась дальше. Когти вонзились в мясо.

Мурзук прыгнул.

Движение было так быстро, что пятнистая кошка не успела отдернуть лапы.

Громкий вой оглушил Мурзука. Вор отпрянул.

Мурзук быстро схватил мясо в зубы и вскочил на сук.

Раненый зверь с яростным воем бросился на решетку, но упал, ударившись о железные прутья.

Мурзук чувствовал, что в середине своей клетки он в полной безопасности.

Не обращая больше внимания на бесновавшегося противника, он принялся за мясо.

Чутье у Мурзука было неважное. Сразу он не разобрал, что мясо плохое.

Это сказали ему теперь его длинные, чувствительные усы. Он ощупал ими конину и с отвращением бросил на пол. Никогда еще Мурзук не ел падали.

Голод страшно его мучил. Он тщательно осмотрел всю клетку, но не нашел больше ничего съедобного.

Тогда Мурзук испустил тихое, тонкое, тоскливое мяуканье.

Словно в ответ ему, из темноты раздался ужасный хохот и вой. Шерсть дыбом встала на всем теле Мурзука. Спина его выгнулась.

Отвратительный вопль гиены был словно сигнал для других зверей.

Сейчас же рядом с Мурзуком поднялись, завывали волки.

Подальше заплакал шакал.

В другом ряду клеток — напротив — один за другим заревели медведи; их было много в зверинце.

Издали донеслось жуткое уханье филина. А в промежутках между ревом и криками слышался тяжелый, мерный топот чудовищных ног слона.

Внезапно все другие звуки покрыло раскатистое рычание льва.

Мурзук задрожал всем телом. Ему не надо было и видеть зверя. Он чувствовал, что этот голос принадлежит огромному коту, что он гораздо сильнее и больше его самого.

Крик зверей кончился так же внезапно, как начался.

Понемногу улеглось и возбуждение Мурзука.

Голод жег его внутренности.

Легкий шум под полом сразу привлек внимание Мурзука. Он соскочил с дерева. Глаза его впились в небольшую черную дырку в полу.

Прошла минута напряженного ожидания.

В темном отверстии блеснули глазки маленького зверька. Еще через минуту из-под пола выскочила крыса и помчалась к мясу.

Мурзук проворно прихлопнул ее лапой.

Голод не заставил его сразу растерзать добычу.

Мурзук снова насторожился и терпеливо ждал.

Скоро опять послышался шорох под полом. Вторая крыса высунулась из подполья — и была мгновенно подхвачена когтистой лапой.

Охота продолжалась больше часа. Уже восемь мертвых крыс лежало вокруг Мурзука.

Девятая заметила хищника из подполья. Она скрылась. Под полом раздался топот целой армии крыс — и все смолкло.

Мурзук понял, что крысы ушли из подполья, — и принялся за обед.

Первые лучи зари застали Мурзука за работой. Он схватывал зубами прутья решетки и тряс их.

Один из прутьев слегка зашатался.

Мурзук стал неистово трясти его. Прут заметно поддавался, раскачиваясь все сильнее и сильнее.

Вдруг послышались шаги по песчаной дорожке между клетками. Мурзук отскочил от решетки и вспрыгнул на сук.

Сторож первым делом подошел к клетке рыси.

Зверь спокойно лежал на толстом суку. Он выглядел сытым и довольным.

Сторож почесал в затылке.

— Мясо не тронута, а зверь будто сыт... Другие, как сюда попадают, места себе не находят, а этот и в ус не дует. Должно, привык ваперти сидеть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Бунт

Публика рано начала собираться в сад.

Когда первые посетители вошли в ворота, Джекобс кончал свой утренний обход зверинца. Он остановился перед клеткой рыси и подзвал сторожа.

— Рысь не съела вчерашнего мяса. Оставить в клетке. Нового не давать, пока это не будет съедено.

— Мясо-то и сейчас того... — робко возразил сторож, — с душком. Зверь, должно, к свежему привык.

— Делайте, что вам говорят! — вспылил американец. — Если зверей кормить свежим, сад через месяц в трубу вылетит.

Сторож молчал. Ослушаться Джекобса он не смел: американец был помощником хозяина.

В это время к клетке Мурзука подошла группа школьников.

Толстенкий учитель, в пенсне и с соломенной шляпой в руках, вежливо обратился к Джекобсу:

— Скажите, пожалуйста, этого зверя, верно, только что поймали?

— Да. Он только вчера привезен.

— Это сразу видно! Смотрите, дети, какой у него злобный и дикий вид. Он прямо съесть готов нас глазами.

Это была правда: Мурзук насторожился и злыми глазами следил за каждым движением людей.

В последние два дня в нем произошла большая перемена. Пока Мурзук жил у Андреича, он не чувствовал вражды к людям. Теперь же в клетке зверинца сидел хищный зверь — из тех, что вечно прячутся в темной чаще леса.

— Это рысь, — продолжал учитель, — пантера наших северных лесов. Водится в Европейской России и в сибирской тайге. В культурных странах Западной Европы давно уже истребили этих опасных хищников. В Германии, например, последняя рысь была убита в середине прошлого столетия.

— Их убивают за то, что они нападают на людей? — спросила маленькая девочка.

— Ну, на человека-то разве только раненая рысь бросится.

— А это кто? — спросил один из мальчиков, показывая на крупную пятнистую кошку в соседней клетке.

— Это пантера, или леопард, — сказал учитель. — Водится в Африке и в Южной Азии.

— А кто сильнее — рысь или леопард? — спросил другой мальчик.

Учитель не успел ответить.

— Смотрите, — закричала девочка, показывая на леопарда, — у него лапа в крови!

Джекобс быстро подошел к клетке.

— Вы невнимательно смотрите за зверями! — строго сказал он сторожу. — Надо почаще ночью обходить клетки. Нет сомнения, что это рысь подралась ночью с леопардом. Давайте ей поменьше мяса, пока она не перебесится.

Подошли новые посетители, разглядывали рысь, старались вывести ее из терпения. Мальчики кидали в нее песком.

Мурзук весь день сидел как на иголках.

А ночью снова принялся расшатывать железный прут.

Тянулись дни. Железный прут все еще держался нижним концом в каменном полу клетки.

Мурзук жестоко страдал.

Осторожные крысы ни разу больше не показывались из подполья. Долгий голод заставил Мурзука есть тухлую конину. Но и этой пищи не хватало. Под густой шерстью рыси отчетливо выступили ребра.

Днем Мурзук казался ко всему равнодушным. Никакие приставанья публики не могли его вывести из себя. Что бы ни делали люди, он неподвижно лежал на своем дереве.

Только по ночам он оживлялся.

Быстро съедал мясо и сейчас же принимался за решетку. Целыми часами раскачивал все тот же шатающийся прут.

Сторожа не замечали его работы: шатающийся прут был в темном углу клетки.

И вот, через два месяца после того как он попал в клетку, Мурзук почувствовал, что скоро вырвется на свободу.

Прут совсем раскачался. Еще несколько сильных ударов — и он выскочит из своего гнезда в полу.

Это было под утро. Показались люди.

Мурзук давно научился терпенью. Он опять залез на свой сук.

В этот день было особенно много публики в саду.

Уже давно хозяин печатал объявления в газетах, что со дня на день ожидается прибытие из Африки человекообразной обезьяны. Наконец ее привезли.

Это была самка шимпанзе.

В родном лесу у нее остался детеныш, которого она кормила своим молоком.

Всю дорогу ее держали связанной. Теперь выпустили в просторную клетку и развязали путы.

Увидев, что из клетки вырваться нельзя, обезьяна пришла в бешенство. Она яростно бросалась на стены, кусала и дергала прутья, выла и била себя кулаками в грудь.

Когда и это не помогло, обезьяна впала в ужасное отчаяние. Она села на землю, схватила себя руками за волосы и стала раскачиваться. Хриплый вой перешел в беспомощный плач.

Люди отворачивались от клетки.

А звери начали кричать.

Заплакали шакалы, всхлипывая, как дети. Завыла, захохотала гиена. Медведи и волки заметались в своих клетках.

Раскатистое рычанье льва утонуло в общем крике зверей.

Публика в страхе бросилась к выходу.

Джекобс, почуввав недоброе, послал одного из сторожей за винтовкой, другому велел вызвать пожарную команду. Звери еще ни разу не приходили в такое возбуждение.

Пронзительно кричали птицы.

Высоко задрав хобот, неистово трубил слон.

Всегда спокойная рысь кидалась на решетку своей клетки.

Джекобс заметил, что один из прутьев дрожит и качается при каждом ударе.

Подбежал запыхавшийся сторож и подал американцу винтовку.

Джекобс поспешно направился к Мурзуку. Со всех сторон из клеток сверкали налитые кровью глаза.

В эту минуту сзади раздался испуганный крик сторожа.

Американец быстро обернулся. Он увидел, как белый медведь с треском распахнул сломанную дверцу своей клетки.

Огромное тело зверя грузно вывалилось наружу.

Но через мгновение медведь с ревом вскинулся на задние лапы и шагнул к американцу.

Американец понял, что сейчас рассвирепевшее чудовище сомнет его под собой.

Он вскинул винтовку.

Мушка плясала у него перед глазами, никак не попадая в разрез прицела.

Джекобс выпустил наугад все пять пуль своей винтовки. Зверь вдруг перестал реветь, закачался и рухнул на землю. Одна из пуль попала ему в глаз, другая в ухо.

Джекобс, не глядя, вставил в ружье новую обойму.

— Рысь! — закричал он сторожу. — Прут качается.

Сторож подбежал к клетке Мурзука.

Мурзук изо всей силы бросился на решетку.

Прут погнулся и выскочил из гнезда в полу.

Сторож испуганно вскрикнул.

Голова зверя просунулась наружу.

— Стреляйте! — закричал сторож и побежал назад.

В это мгновение сильная струя воды ударила в глаза Мурзуку. Ослепленный, испуганный, зверь отскочил от решетки.

Вода из брандспойта валила его с ног.

Пожарные быстро подставили к сломанной решетке переносную клетку. Выход был закрыт.

Струю брандспойта направили на других зверей. Все клетки были залиты водой.

Перепуганные звери забились в углы.

Свидание

Тяжело жилось Андреичу без верного друга. Здоровье стало совсем плохое. Старик с трудом передвигал ноги.

С тех пор как американец увез Мурзука, прошло уже три месяца. Надвигалась суровая северная зима.

«Пора, видно, пришла мне помирать, — подумал Андреич. — Перед концом хоть друга повидаю в последний раз. А там и на покой можно».

Старик подал прошение об отпуске и отправился в путь-дорогу.

За тридцать лет житья в сторожке Андреич крепко свыкся с лесом. Трудно пришлось ему в городе. Насилу разыскал зверинец.

Старик купил у входа билет и пошел искать Мурзука.

Первыми шли клетки с птицами.

В углу, отгороженном высокой проволочной сеткой, Андреич увидал большую, незнакомую ему птицу.

Она сидела на сухом дереве, вся скорчившись и сутуло вобрав в плечи крючконосую голову на длинной голой шее. Птица подняла оба огромных темных крыла над головой, словно хотела ими закрыться от всего, что видела кругом.

«Гриф», — прочел Андреич надпись на дощечке. И подумал: «Тошно, поди, тебе здесь. Привык в поднебесье летать».

Дальше плавали в бассейне разных пород утки, гуси, лебеди, чайки. По краю водоема важно расхаживал длинноногий журавль и сновали мелкие кулички.

Андреич сразу заметил, что над бассейном не было сетки.

«Должно, ручные, — подумал он. — Только что же они больно невеселые?»

Одна из чаек приподнялась с воды и замахала в воздухе обрубками крыльев.

Старик торопливо отвернулся. Он стал глядеть на просторную клетку с целой стаей чижей, снегирей, щеглят и других певчих птиц.

Они напевали и чирикали, неутомно перепархивая с ветки на ветку.

Только один красногрудый снегирь сидел нахохлившись внизу, на кормушке с конопляным семенем.

Андреич внимательно поглядел на него и покачал головой.

— Слышь, сынок, — обратился он к стоявшему рядом с клеткой сторожу, — эту птаху, что на кормушке сидит, хохлитса, отсадить бы надо. Больная. Гляди, глаза закрыла. Пропадет к утру.

— Сами знаем! — грубо сказал сторож. — Не наша печаль больных подбирать. Там у них, — сторож кивнул на клетку, — санитары есть. Небось подберут.

Андреич в недоумении посмотрел на клетку. О каких санитарях говорил ему сторож?

Вдруг из дырки в дальнем углу выскочила крыса, стремглав

пронеслась по клетке и скрылась в другую норку. Сейчас же за ней высунулась вторая, понюхала воздух и юркнула назад, мелькнув длинным голым хвостом.

Старик вздрогнул и поспешно пошел дальше.

Перед ним потянулся длинный ряд клеток с белками, зайцами, лисами.

Старик не узнавал знакомых зверей. Он привык их видеть живыми, быстрыми, мелькающими в траве и ветвях. А тут, в клетках, сидели словно чучела их, с тусклыми, мертвыми глазами и вялыми движениями, ко всему равнодушные.

Толпа народа стояла у клеток с бурыми медведями.

Один из зверей сидел на краю своей клетки. Ноги он свесил вниз и передними лапами держался за прутья загородки.

В глазах медведя Андреичу почудилась такая тоска, что он поскорей отвел от них взгляд.

Он с тревогой искал глазами Мурзука.

До него донеслись слова какой-то женщины, указывавшей детям на толстоголового быка с облезлой шерстью на дряблой морщинистой коже.

— Этот зубр так стар, — говорила женщина, — что никогда не ложится. Он боится больше уж не встать. А спит, прислонившись боком к стене. Устанет один бок, он приткнется другим — и дремлет.

Жалость и тревога росли в груди Андреича. За все тридцать лет жизни в лесу он ни разу не видал дряхлого зверя. Там, среди животных, существовал закон смерти на ходу. Здесь звери и птицы не жили — прозябали взаперти, когда были полны сил и здоровья, — и долго мучились, одряхлев, дожидаясь запоздалой смерти. Старик со страхом думал о Мурзуке. Признает ли он хозяина? Теперь ему все люди должны казаться врагами.

Публика запрудила проход у клетки леопарда.

Над шапками и шляпами Андреич увидал знакомую голову зверя с бакенбардами и черными кисточками на ушах.

Старик заволновался. Он попробовал пройти сквозь толпу, но его оттеснили.

Тогда, не соображая, что делает, он полез через невысокую деревянную загородку, отделявшую клетки от публики. Кто-то испуганно крикнул ему:

— Дедушка, берегись!

Но было уже поздно: старик приник лицом к решетке.

Публика ахнула: рысь широким прыжком кинулась на старика.

Тут произошло то, чего никто не ожидал: рысь лизнула старика прямо в губы и радостно заурчала.

— Узнал, сынок, — бормотал Андреич, забыв обо всем кругом себя, — узнал, родимый!

Он просунул руки за загородку и гладил костлявую спину зверя.

Публика пришла в неистовый восторг.

— Ай, дедушка! Ну, молодчина! Видно, прежде его был зверь. Зверь-то — вот умный, как собака! Признал хозяина!

— Прошу разойтись! — раздался вдруг резкий голос за спиной зрителей. — Гражданин, потрудитесь сейчас же выйти за барьер.

Мурзук грозно зарычал. Андреич обернулся.

Перед ним стоял Джекобс, сердито нахмутив брови.

— Дозвольте, мистер, с сыном проститься? — робко попросил старик.

— Выходите, я вам говорю! — закричал американец. — За барьер ходить строго воспрещается.

— Да зверь его не тронет, — заступился кто-то из публики.

— Сторож! — позвал Джекобс. — Как вы смеете допускать такое безобразие! Сейчас же выведите старика.

— Уйду, уйду! — заторопился Андреич, еще раз погладил тощие бока Мурзука и кряхтя полез через загородку.

Публика бросилась помогать ему. По адресу Джекобса посыпались ругательства.

Андреич испугался скандала. Он старался поскорей отойти дальше от клетки.

Мурзук рычал и рвался ему вслед.

Не так просто было Андреичу избежать расспросов публики. Его обступили, просили рассказать, где он поймал рысь, долго ли держал, почему зверь так любит его.

Только через полчаса Андреичу удалось скрыться от любопытных в какой-то узкий, зловонный проход между задами клеток.

Андреич устало прислонился к стене. В голове у него стоял шум.

Старик припомнил все, что видел в зверинце. Он много бы отдал, чтобы выкупить отсюда любимого зверя. Но Андреич отлично понимал, что новые хозяева ни за что не выпустят свою жертву.

Отчаяние брало старика: оставить Мурзука на таком мученье!

В проходе было темно и тихо. Андреич невольно прислушивался, — не услышит ли еще раз голос Мурзука?

Понемногу он стал различать тонкое, жалобное мяуканье рыси. Оно слышалось где-то совсем близко, точно Мурзук был рядом.

Андреич взглянул на стену. Его глаза различили в ней железную дверь и железный засов на ней.

«Это его клетка! — сообразил старик. — Он здесь, рядом».

Неожиданная догадка мелькнула у него в голове: вытащить вот этот засов — и Мурзук выйдет на волю!

Сейчас же в груди захолонуло от страха.

«А как поймают? Тогда пропали оба!»

Опять за стеной послышалось тоскливое мяуканье.

«А будь что будет! — решился Андреич. — Тот не человек, кто об звере не сочувствует и за себя трусит».

Старик дернул засов. Железо громко звякнуло, и тяжелый болт упал на землю.

Андреич испуганно оглянулся.

Мимо прохода быстро прошагал Джекобс.

Андреич проворно выбрался через другой конец прохода.

В саду было светло. Громко играл духовой оркестр, визжала публика на «американских горах».

Андреич торопливо шагал к выходу. Ему казалось, что сзади его догоняет Джекобс, и он не смел оглянуться.

Мысли путались.

«Догадаются, кто засов отодвинул? А что, если Мурзук меня сейчас здесь нагонит? Вырвется — застрелят! Либо сторож прежде зверя заметит, что болт вынут?»

Эта последняя мысль больше всего напугала старика: вдруг не удастся побег Мурзука? И опять Андреич вспомнил торчащие ребра рыси, тоскливые глазки медведя, птиц с подрезанными крыльями, большого снегиря.

Жалость с новой силой охватила старика.

«Там будь что будет, лишь бы Мурзук вырвался!»

И долго еще, уже подходя к вокзалу, старик упрямо твердил:

— Тот не человек, кто об звере не сочувствует!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мистер Джекобс тренируется

Наутро после появления Андреича мистер Джекобс поднялся очень рано.

У него была привычка перед отправлением на службу упражняться в стрельбе из малокалиберки.

Жил он рядом со зверинцем. Задней стеной его дом выходил на пустырь.

На пустыре была большая лужа и свалка разного мусора и отбросов. Сюда собирались голуби, галки, вороны; Джекобс стрелял их с чердака.

— Меткая стрельба пульей, — говорил он, — требует ежедневной тренировки. И непременно по живой цели.

После случая в зверинце Джекобс хотел быть уверенным в своем выстреле. Он хорошо знал, что только счастливая случайность помогла ему свалить двумя пулями вырвавшегося из клетки медведя.

И в это утро, быстро одевшись, Джекобс схватил винтовку и поднялся на чердак.

На чердаке было темно. Только через отверстия в крыше падал узкими полосами мутный свет.

Мистер Джекобс подошел к одному из этих отверстий и выглянул наружу.

Внизу на куче мусора, около лужи, сидела стая голубей. Птицы не замечали стрелка.

Джекобс тщательно, с упора выцелил одну из них, выстрелил.

Раненный в крыло голубь судорожно забился и покатился с крутой кучи. Стая взлетела, но снова опустилась на землю: кругом никого не было видно.

Джекобс прицелился в другого голубя.

В это время сзади него что-то зашуршало.

Он обернулся.

Ему почудилось, будто два блестящих глаза смотрели ему в спину и мгновенно потухли, как только он повернулся к ним лицом.

«Кошка!» — подумал Джекобс.

Он снова стал прицеливаться в голубя.

Но неприятное ощущение устремленных в спину глаз не покидало его. Он никак не мог сосредоточить внимания на своей цели.

— Брысь! — громко крикнул он в темноту.

В углу опять послышался легкий шорох.

На мгновение Джекобс увидел под черным сводом крыши два горящих глаза. И снова ничего не стало.

— Что за черт! — выругался американец. — Погоди же, я тебя живо сниму оттуда!

Он нервничал и злился на себя за это.

Теперь он успел уже немногoprивыкнуть к темноте. В том месте, где минуту тому назад зажглись таинственные глаза, он различил нагроможденные друг на друга пустые ящики.

Джекобс поднял винтовку и наугад выпалил в один из них.

Пустой ящик с грохотом слетел на пол.

В полосе света мелькнула голова и белая грудь рыси.

Джекобс успел выпустить еще два заряда.

Одна из пуль как ножом срезала конец короткого хвоста зверя.

Потом тяжелое тело рыси со всего маху ударило стрелка в грудь. Он упал.

Винтовка с треском ударилась об пол — и все смолкло.

А через полминуты крупная рысь выскочила через узкое отверстие и исчезла за поворотом крыши.

Мурзук оглянулся.

Сзади лежал большой пустырь. С трех других сторон тянулись бесконечные крыши и глубокие провалы улиц между ними.

Выбора не было: он должен был избегать открытых мест.

Мурзук добежал до конца крыши, слез на землю, перескочил на другой дом, там на третий — и так направился к центру города.

На улицах уже показались прохожие.

Шли на завод рабочие. Один из них случайно поднял голову вверх и удивленно крикнул:

— Гляди, какая кошка громадная!

Но Мурзук уже скрылся за трубу.

А в зверинце в это время сторож заметил исчезновение рыси и поднял тревогу. Он клялся, что ночью дважды обходил клетки и все звери были на местах.

Он не мог знать, что уже под утро Мурзук случайно прислонился к задней дверце и неожиданно очутился в узком проходе между клетками.

И никто не видал, как зверь осторожно прокрался через весь сад, перелез через высокую ограду и взобрался на первый попавшийся дом; как он спрятался в пустых ящиках на чердаке и встретил там своего врага.

Страх

Было три часа дня, когда толстенский учитель вышел из школы и сел в трамвай.

Он только что рассказывал детям о диких кровожадных зверях, которые рыщут в дремучих лесах. Он так увлекательно описал охоту на них, что несколько мальчиков решили бежать в тайгу, когда кончат школу.

Теперь учитель ехал домой и думал, что он и сам бы не прочь поохотиться на медведя или тигра.

На первой же остановке в вагон ворвался маленький газетчик. Он размахивал сложенным листком и кричал:

— Вечерний выпуск! Страшное убийство человека зверем! Зверь бродит по городу. Остерегайтесь ходить на чердак!

— Господин! — обратился он вдруг к учителю. — Купите газету: ваша жизнь в опасности!

— Что такое? Что ты выдумываешь? — подскочил толстенский учитель. — Давай сюда газету!

На первой странице было напечатано крупными буквами:

«Сегодня ночью из клетки Зоологического сада вырвалась рысь. На чердаке соседнего с садом дома в луже крови обнаружен труп служителя из зверинца. Зверь-убийца еще на свободе».

Дальше, в большой, наспех составленной заметке сообщалось, что рано утром рысь замечена прохожими на крыше одного из домов за три квартала от зверинца.

Днем в центре города трубочист чуть не был сброшен с крыши пятиэтажного дома.

Тут же было помещено подробное описание рыси, ее образа жизни, необычайной кровожадности, ловкости и силы.

Судя по этой статье, выходило, что рысь гораздо опаснее тигра, льва и вообще всех хищных зверей.

Статья кончалась словами:

«Всякий хищный зверь, хоть раз отведавший человеческой крови, теряет страх перед людьми и становится людоедом.

Не желая способствовать панике в городе, мы все же не можем не посоветовать всем обывателям нашего города тщательно остерегаться встречи с рысью, в особенности избегать темных чердаков.

Приняты все меры, и мы не сомневаемся, что зверь будет пойман или застрелен в ближайшие же часы, несмотря на свою замечательную способность прятаться и ускользать невредимым даже от опытных охотников».

Толстенский учитель опустил газету, снял пенсне и вытер холодный пот со лба. Ему уже не хотелось охотиться на диких зверей.

Он вспомнил, как месяц тому назад разглядывал рысь в зверинце.

Даже в клетке она производила такое жуткое впечатление! Что, если ему придется теперь встретить ее на улице?

Мурашки забегали по спине учителя.

Он уже решил никуда не выходить из дому, пока не узнает, что зверь пойман. Дома у него висело охотничье ружье, из которого он стрелял летом рябчиков и перепелок. Он может его зарядить пулей и защищаться, если рысь вздумает забраться к нему в квартиру.

Через десять минут вагон подошел к остановке, где учителю надо было слезать.

Всю дорогу до дому учитель поглядывал вверх, на крыши.

На углу городского сквера против его окон стояла кучка народу. Какой-то оборванец, коротенький и толстый, хвастливо уверял, что его рысь не тронет, потому что дикие звери бросаются только на длинных и тощих.

У толстенького учителя немножко отлегло от сердца.

Войдя в свой дом, учитель долго осматривал снизу лестницу, прежде чем по ней подняться. Его квартира была в третьем этаже, под самой крышей.

Никогда еще он с такой быстротой не отпирал ключом двери, как в этот раз.

Наконец-то он был дома! Обедать он сел только после того, как тщательно осмотрел все задвижки на окнах.

После обеда учитель протер пенсне и уселся в кресло против окна. Заряженный пулей дробовик стоял рядом с ним.

Теперь толстенький человек чувствовал себя храбрым. Он открыл форточку и стал прислушиваться к доносившимся с улицы голосам.

— Экстренный выпуск! — звонко крикнул газетчик, вывернувшись из-за угла. — Зверь все еще на свободе!

Публики на улице было мало.

Торопливо проехал извозчик, погоняя худую клячу. Седок беспокойно поглядывал вверх.

На минуту улица совсем опустела.

Вдруг белая кошка галопом промчалась через улицу в сквер. За ней широкими скачками пронесся большой серый зверь.

Оба исчезли из глаз раньше, чем учитель пришел в себя.

Он вскочил с кресла, бросился к телефону и бешено забарабанил пальцами по кнопкам.

— Алло! Дежурный? Квартальный? Алло, алло! Дежурный? Рысь! В сквере! За кошкой! Сейчас! Стойте, стойте! Запишите: сообщил учитель Трусигов. Да, да, кончили!

Учитель повесил трубку и снова бросился к окну.

Через пять минут примчался отряд вооруженных людей. Они цепью окружили сад.

Учитель видел, как цепь по сигналу медленно двинулась между деревьями.

Люди держали ружья наизготовку.

Трусигов был доволен: рысь окружена.

Она будет убита, и все узнают из газет, что это он, учитель Трусигов, освободил город от страшного людоеда.

На реке

Ночью этого позднеосеннего дня двое бродяг сидели на каменной набережной широкой реки.

Яркая луна освещала их рваные платья и бросала густую тень на лица, скрытые круглыми козырьками кепок.

Они коротали длинную ночь, изредка перебрасываясь фразами.

— Ты чего ржешь? — спросил один, поджимая под себя длинные, тонкие, как палки, ноги.

— А вспомнил, как вчера зверя травили, а я напугался, — ответил другой, короткий и толстый.

И, не дожидаясь приглашения, стал рассказывать.

— Захожу это я днем в городской сквер — публику поглядеть. Забрался, где потемней, сел на лавочку, да и вздремнул малость.

Просыпаюсь, — что такое делается! Гляжу — цепь; все с винтовками наперевес, идут нога за ногу, а сами все вверх глядят, по деревьям.

Глянул я вверх — язви ты! — прямо надо мной сидит на суку огромный серый зверь. Тут я разом смекнул: рысь это, что из клетки вырвалась. Портрет я ейный только перед тем в газетке видал.

«Эге, — думаю, — это тебя, дружище, накрыть хотят!»

Тут как раз один подошел. Спрашивает: «Не видал зверя?»

Я и говорю: «Никак нет, — говорю, — не случилось видеть».

Он и пошел. На дерево, под которым я сидел, даже и не глянул. Я голову поднял: сидит зверь на суку, не шелохнется и глаза потушил.

Подмигнул я ему: ну, говорю, товарищ дорогой, ловко мы с тобой их провели! Счастливо, говорю, оставаться! И айда из сада.

Теперь, пишут, расследуют, кто его из клетки выпустил. Дознались, что третьева дня к нему приходил старик один деревенский. Адрес его ищут.

Бродяги замолчали.

Где-то в пустой улице залаяла, залилась собака.

— Ишь надсаждается! — сказал длинноногий. — Словно бы лису гонит.

Лай продолжался.

Теперь уже ясно слышали бродяги переливчатый, со взвизгом голос гончей, бегущей по свежему следу.

— А ведь вправду — гонит! — изумленно сказал короткий.

Он обернулся, поглядел на улицу и вдруг схватил товарища за руку.

— Летит — не поймать! Никак рысь!

Оба увидали беззвучно скачущего по темной стороне улицы зверя. Гораздо дальше, в конце длинной улицы, внезапно выскочила из-за угла собака.

Бродяги не успели сообразить, что им делать.

Рысь промчалась в ста шагах от них и шумно кинулась в воду.

— Лодку! — спохватился длинноногий. — Вон у баржи. Поймаем, — награду дадут.

Оба разом бросились к барже.

Собака подбежала к реке и заметалась на берегу.

Через минуту бродяги были в лодке.

— Режь конец! — скомандовал длинноногий, вытаскивая из-под банки весло.

Коротконогий полоснул ножом по веревке, лодка оторвалась и поплыла по течению.

— Грести как же? — растерянно спросил коротконогий. Вместо второго весла в лодке лежал багор.

— Жарь багром! Догоним!

На берегу, потеряв след, досадливо выла собака, мечась по набережной.

Впереди чуть заметно мелькала голова рыси в залитых луной волнах.

Бродяги гребли изо всех сил.

Минут через пять коротконогий обернулся к товарищу.

— Близко! — зачем-то шепотом сказал он.

Рысь громко фыркала перед самым носом лодки.

— Заворачивай нос! — скомандовал длинноногий. — Я ее веслом по кумполу.

Коротконогий не послушал: ему самому хотелось убить зверя. Он ударил багром в ныряющую голову, но промахнулся.

Длинноногий перескочил с кормы на нос, оттолкнул товарища и замахнулся веслом.

Зверь плыл у самой лодки.

Длинноногий со всего маху опустил весло ему на голову.

Зверь увернулся.

Весло плеснуло по воде и выскользнуло у бродяги из рук.

— Багор! — завопил длинноногий.

Коротконогий нацелил в шею животного и метнул багор, как копье.

В то же мгновение рысь выскочила из воды всей передней частью тела.

Багор пролетел мимо. Передние лапы зверя коснулись борта.

Скачок — и Мурзук очутился в лодке, готовый к новому прыжку.

— Скакай! — отчаянно закричал длинноногий и махнул за борт. Но коротконогий был уже в воде.

Вода была страшно холодная. Все же бродяги чувствовали себя в ней лучше, чем в лодке, с глазу на глаз с разъяренным зверем.

К счастью, до берега было недалеко.

Через несколько минут бродяги, отчаянно ругаясь и отплываваясь, вылезли на набережную. Вода ручьями текла с них.

Лодка с Мурзуком плыла далеко по течению.

Компас и телеграф

Лодка быстро вынесла Мурзука за черту города. Зверю не хотелось снова лезть в холодную воду. Он терпеть не мог воды, как все кошки, и попал в реку не по своей воле.

Светало.

Перед глазами Мурзука проплывали деревни, рощи, поля.

Дальше река делала крутой поворот.

Лодка понеслась у самого берега.

Здесь, на песчаном обрыве, тянулся сосновый бор.

Мурзук спрыгнул в воду и через минуту взобрался на кручу.

Бор был редкий и без подлеска. Спрятаться в нем было трудно.

Все же это был настоящий лес, и Мурзук в первый раз с тех пор, как покинул сторожку Андреича, почувствовал себя хорошо. Глаза его блестели.

Мурзук быстрой кошачьей рысью побегал вперед. Ему хотелось есть, и он сильно устал, но сейчас было не до отдыха. Он не обращал внимания на маленьких птиц, поднимавшихся с земли при его приближении. Охота за ними требовала задержки, а он спешил добраться до густого леса.

Только когда дорогу ему перебежала мышь, Мурзук быстро схватил ее и съел на ходу.

Лес опускался под гору. Стали попадаться ели и березы. Деревья росли чаще. Под ногами был мягкий сырой мох.

Мурзук бежал вперед, все по одному и тому же направлению.

Сам зверь не отдавал себе отчета, куда он бежит. Но в груди его был словно компас, который направлял его бег.

Невидимая стрелка этого несуществующего компаса указывала на северо-восток. Там, за сто километров от места, где находился зверь, стояла избушка старика Андреича и темнел родной лес Мурзука. Леса и реки, поля и деревни раскинулись между зверем и далекой целью его путешествия.

Солнце уже высоко стояло над деревьями. Мурзук пробирался теперь по густой чаще.

Наконец он выбрал сухое местечко под ветвями большой ели, примял брюхом мох и опавшую хвою и лег, свернувшись клубком. Через минуту он уже крепко спал.

Прошло часа два. В воздухе закружились снежинки.

В лесу было тихо. Только на макушке большой ели пищали крошечные корольки да цыкали в ветвях синицы.

Зверь все еще спал.

Двое охотников осторожно пробирались через лес. С ними не было собаки, которая предупредила бы их о близости дичи. Они тихо раздвигали перед собой ветви, каждую минуту ожидая, что из чащи неожиданно выскочит заяц или с шумом поднимется глухарь.

Глубокий сон не помешал Мурзуку услышать издали приближение людей. Его уши даже во время сна чутко ловили малейший звук, как радиантенна ловит легчайшие колебания электрических волн.

Уши Мурзука повернулись в ту сторону, откуда шли охотники. Глаза открылись.

Мурзук знал, что идут два человека, один справа, другой слева от него. Надо было или побежать прямо вперед или прятаться на месте.

Если бежать, люди могут заметить.

Мурзук вжался всем телом в мох.

Охотники поравнялись с ним. Они шли на расстоянии тридцати шагов друг от друга, не подозревая, что между ними лежит зверь.

Один из охотников остановился.

— Иди сюда, — негромко крикнул он другому, — и давай перекурим. В этой чаще все равно ни черта нет.

Мурзук привстал.

Под кожей у него комками вздулись мышцы: он слышал, как охотники остановились, и ждал, что они направятся в его сторону.

— погоди! — ответил другой охотник. — Дойдем до опушки, там закурим. В этакой чаще никогда не знаешь, что тебя ждет через шаг.

— Ну, ладно.

И оба пошли вперед.

Комки под кожей Мурзука разгладились. Он прислушивался, пока шаги охотников затихли. Потом опустился на землю и опять погрузился в сон.

С вершины соседнего дерева на елку перепрыгнула белка. С ветки на ветку она все ниже и ниже опускалась к земле, пока вдруг не заметила под самым стволом рысь.

Зверек замер на месте, боясь неосторожным движением выдать себя хищнику. Пушистый рыжий хвост совсем прикрыл спину, а глаза впелись в страшного зверя.

Но зверь не двигался.

Прошла минута, другая, третья.

Белка устала сидеть все в той же позе. Испуг ее прошел.

Она прыгнула и быстро побежала по стволу вверх.

На большой высоте она почувствовала себя в полной безопасности и с любопытством стала разглядывать невиданного зверя.

Он лежал по-прежнему без движения.

Любопытство разбирало белку все сильнее.

Она снова спустилась книзу и уселась на нижней ветке ели.

Никак нельзя было понять: спит зверь или он мертв?

А может быть, он только притворяется?

Белка сердито зацокала и замахала пушистым хвостом. Дрогнув хоть ус на морде зверя, она мгновенно очутилась бы опять на вершине дерева.

Но рысь не шевельнулась.

Ясно, что она мертва.

Любопытный зверек осторожно спустился по стволу на землю, все еще стараясь держаться подальше от мертвого врага.

Он увидал, что глаза рыси плотно закрыты.

Маленькими, неловкими прыжками белка приблизилась по земле к трупу. Она опустилась на короткие передние лапки и

потянулась усатой мордочкой к зверю, осторожно обнюхивая его. Как молния, сверкнули зубы рыси — и кости белки хрустнули в ее пасти.

Слуховой телеграф Мурзука работал исправно и при закрытых глазах зверя.

Позавтракав, Мурзук снова тронулся в путь по прежнему направлению.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Страшный всадник

Три дня Мурзук почти безостановочно подвигался вперед.

Часто по пути ему встречались села и поля. Он делал большие круги, чтобы на открытых местах не попасться на глаза людям.

Питался Мурзук в дороге впроголодь, чем придется. И когда к ночи третьего дня добрался до большого дремучего леса, почувствовал, что силы изменяют ему.

В темноте Мурзук набрел на звериную тропу. Тропа пролегалла чащей и вела к болоту, куда летом косули и другие лесные звери ходили пить.

Тут можно было поохотиться за крупной дичью.

В одном месте наполовину вывороченное из земли дерево склонилось над самой тропой.

Мурзук взобрался на него, улегся ждать добычу.

Ночь была темная и холодная. Изморозь покрыла землю. Проходил час за часом, но ни одно животное не показывалось на тропе: в холода звери лижут иней на траве и деревьях и не ходят на водной.

Но вот уши Мурзука уловили отдаленный хруст шагов. Кто-то шел по траве.

Мурзук собрал свое сильное тело в ком и уставился в темноту расширившимися глазами.

Шаги медленно приближались.

Это не могла быть косуля: слишком тяжелая была поступь. Слышно было, как под ногами животного трещат толстые сучья. Еще не зная, кто приближается, Мурзук чувствовал, что ему лучше отказаться от нападения на этого великана.

Но голод разжигал его кровожадность. Все его тело было напряжено, как тетива натянутого лука. Толчок — и трехпудовая стрела сорвется с дрогнувшего дерева.

Сучья трещали все ближе.

И вот острые глаза Мурзука различили в темноте фигуру молодого лося. Животное медленно шло по тропе.

Мурзук почувствовал страх: противник был слишком велик и силен.

Вот рога молодого лося чуть не коснулись склоненного над тропой ствола. Прямо под собой Мурзук увидал незащищенную спину животного.

И прыгнул.

Задние лапы рыси впились в хребет и в бок лося; передние мертвой хваткой обхватили могучую шею.

Лось бешено рванулся вперед и побежал по тропе, мотая головой, брыкаясь и кидаясь из стороны в сторону.

Ветви хлестали Мурзука по бокам и голове, грозя вырвать глаза. Спину в кровь рвали закинутые назад рога лося.

Мурзук ничего не замечал: все его внимание сосредоточилось на том, чтобы как-нибудь удержаться на спине обезумевшего от боли животного. Сорвись он на землю — и конец: страшный удар рогами, за ним целый град ударов крепкими, острыми копытами в голову, в грудь, в живот. И через минуту красивое тело хищника превратилось бы в бесформенную окровавленную грудку мяса.

Лось несся по тропе с невероятной для такого огромного животного быстротой. Страшный всадник ежеминутно мог вцепиться зубами ему в загривок и перегрызть становую жилу.

Только открытое место могло спасти лося: на узкой тропе, между двумя стенами чащи могучее животное не могло развернуться и сбросить со спины рысь.

Бешеная скачка продолжалась, и никто не мог бы сказать, кто осилит: всадник или конь.

Вдруг перед налившимися кровью глазами лося мелькнул просвет: чаща кончилась.

За ней начиналась большая поляна.

Лось вылетел на нее со всего маху — и сразу погрузился по брюхо в топкое лесное болото.

Напрасно он напрягал всю свою огромную силу, стараясь вытянуть увязшие передние ноги.

Его тяжелое тело все глубже погружалось в топь.

Мурзук скользнул на шею животному и впился в загривок.

Через минуту лось страшно захрипел и повалился на бок.

Мурзук победил.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Оборотень

Деревенский староста был очень удивлен, неожиданно получив бумажку с приказанием немедленно арестовать и препроводить в город лесного сторожа Андреича.

Староста давно знал Андреича и никак не мог взять в толк, чем мог старик провиниться перед начальством.

Однако долго рассуждать не приходилось: в бумажке было ясно сказано, что надо делать.

Староста вызвал двух объездчиков и передал им приказание начальства. Объездчики уже пошли, было, снаряжаться, но тут случилось такое, что их помощь немедленно потребовалась здесь же, в селе.

В избу к старосте с криком и плачем ворвалась целая толпа баб. Бабы были страшно напуганы и так галдели, что долго ничего нельзя было разобрать.

Кричали, что в селе появился оборотень.

Староста велел вытолкать всех их из избы. Оставил только одну, поспокойней, и велел рассказывать все толком.

Оказалось, накануне вечером бабы от нечего делать — мужчины все были на станции, на работе — собрались на посидки. Как водится, песни играли и рассказывали сказки. Одна рассказала очень страшное — про оборотней.

А утром — с полчаса тому — старуха Митревна этого самого оборотня и увидала.

Дело было так.

Пошла Митревна выпускать овец из хлева. Глядит, дверь распахнута, овец нет, а одна лежит на земле наполовину съедена.

Митревна за сарай, а там овцы. Забились к забору, стоят в куче, дрожат и от каждого стука шарахаются. Тут уж ей сразу в голову взбрело, что нечистой силой пахнет.

Только хотела соседку крикнуть, глядит, — соседкин черный кот с плетня — и к ней через двор.

Дошел до сарая, да как фыркнет, хвост трубой и назад бегом!

Тут-то оборотень и вывернулся — как из-под земли вырос!

Сам с собаку, лицо кошачье, да с бородой, хвост куцый, а шерсть белая, как мука.

Прыг на кота, разорвал зубами и махнул через забор, как через грядку, — словно у него крылья выросли.

Грохнулась Митревна оземь с испугу, завопила. Бабы сбежались. . .

Узнали, в чем дело, — и к старосте. «Не пойдем, — говорят, — в избы, пока оборотня не убьете и мы собственноручно ему кол осиновый в спину не загоним».

Староста распорядился: объездчикам немедленно к Митревне отправиться при винтовках и револьверах. И сам с ними пошел.

Нашли в хлеву овцу наполовину съеденную, нашли и разорванного черного кота. Обошли плетень и увидали на снегу большие круглые следы неизвестного зверя.

Сейчас же староста всех парней на ноги поставил. Взяли собак и пошли по следу.

Это было днем, а что было до того ночью, — так никогда и не узнали в деревне.

Все еще спали, когда Мурзук подкрался по лесу к самой околице. С тех пор как он убил и съел лося, прошло уже несколько дней. В эти дни он опять мало ел и, наконец, сильно проголодался. Он услышал из лесу бляние овец — и смело пробрался в деревню. По крыше сарая добрался до хлева.

Овцы всполошились, но Мурзук ударом лапы свалил одну из них. Другие распахнули дверь и вырвались на двор.

Мурзук спокойно принялся за еду.

Он успел съесть половину овцы, когда Митревна вышла выпустить скот.

Завидев ее, Мурзук спрятался в сарай.

Там стояли мешки с мукой, и он весь выпачкался в мучной пыли.

Через приотворенную дверь сарая Мурзук разглядывал, что творилось на дворе.

Один вид черного кота привел его в ярость. Забыв всякую осторожность, Мурзук выскочил из сарая и, на глазах у женщины, тут же растерзал кота.

Следы больших круглых лап рыси ясно отпечатались на рыхлом снегу. Собаки быстро побежали по ним к лесу.

Сзади спешил целый отряд стрелков.

Мурзук в это время уже спал, забравшись в чашу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Травля

Впереди бежала матерая гончая, вся черная с рыжими подпалинами. Она уверенно и быстро вела всю стаю в глубь чащи.

Собак было больше десятка. Они визжали и тявкали.

Мурзук услышал их издали.

Он сразу понял, в чем дело. Не теряя ни минуты, вскочил на ноги и, скользя меж кустами, побежал в глубину леса.

Хорошая собака легко может догнать рысь.

Мурзук знал, что ему несдобровать, если он как-нибудь не

обманет своих преследователей. И он пустился на хитрость, чтобы сбить их со следу.

Он повернулся и побежал назад, прямо навстречу собакам, старательно ступая по старому следу.

Пробежав так немного, вдруг круто прыгнул в сторону — сделал скидку — и пошел петлять, все больше и больше запутывая след.

Собаки живо разыскали лёжку зверя.

По их неистовому лаю люди поняли, что собаки подняли зверя и гонят по теплому следу. Стрелки полукругом рассыпались по лесу, чтобы не упустить зверя, когда свора завернет его обратно.

А собаки уже добежали до «двойки», где Мурзук шел назад по своему следу. Сгоряча они проскочили вперед — и неожиданно потеряли след.

Напрасно они растерянно бегали кругом, обнюхивая землю: зверь точно на крыльях поднялся.

Только опытная гончая сразу поняла хитрую уловку.

Она вернулась до конца двойного следа и тут дала большой круг.

Скидка рыси оказалась в кустах за три метра от следа.

Гончая подала голос, и вся свора сейчас же бросилась за ней.

Собаки быстро распутывали петлю за петлей.

Гончая первая заметила, что след обрывается у корней толстого, сильно наклоненного к земле дерева. Она обнюхала ствол, и ей стало ясно, что рысь взобралась по нему вверх.

Собаки бешено запрыгали вокруг дерева.

Скоро подоспели стрелки.

Теперь зверь был у них в руках. Собаки сделали свое дело: загнали его на дерево. Стрелкам оставалось только свалить рысь оттуда меткой пулей.

Дерево было густое, и зверя не было видно в ветвях.

Один из стрелков стал сильно стучать прикладом по стволу, чтобы выпугнуть зверя. Другие приготовились стрелять.

Зверь не показывался.

Тогда стрелок выпалил, целясь вдоль ствола.

Опять неудача.

Стало ясно, что на дереве рыси нет.

В это время гончая снова затявкала в чаще. Там опять начался след рыси.

Оказалось, зверь пробежал вдоль всего склоненного к земле ствола — и сильным прыжком перенесся далеко в чащу.

Снова начался гон.

Мурзук в эту минуту бежал уже далеко впереди. Последняя хитрость помогла ему выиграть время. Но вот опять по его пятам понеслись собаки.

Положение было безвыходное. Если просто бежать вперед, — догонят собаки. Спрятаться на дерево, — охотники застрелят.

Зверь начинал уставать. Собаки наседали.

Травля близилась к концу.

Неожиданно Мурзуку пересек дорогу быстрый лесной ручей. Вода еще не замерзла в нем.

Мурзук соскочил в воду и бежал по дну, пока ручей не вышел из леса на большую вырубку.

На опушке Мурзук забрался в кустарник и лег.

Теперь, наконец, он мог отдохнуть: собаки не скоро найдут след, пропавший в воде.

Но старая гончая знала и эту уловку.

Потеряв след в ручье, она пустилась вдоль берега и через несколько минут привела свору к густому кустарнику на краю большой вырубки.

Гончая залилась «по-зрячему».

На открытой вырубке собаки быстро догоняли утомленную рысь. Если они сами не сумеют задушить зверя, они удержат его, пока прибегут охотники.

Спасенья не было.

Мурзук отчаянными прыжками старался уйти от своры, чтобы первым достигнуть леса.

Но старая гончая и с ней три самых быстрых собаки были уже близко.

Сзади за деревьями поспевали люди.

Вдруг Мурзук, как скошенный, кувырнулся в снег.

Падая, он опрокинулся на спину, мелькнув в воздухе лапами.

Стрелки видели, как четыре собаки сразу накинулись на зверя.

Стрелки опустили ружья: собаки разорвут зверя в клочья.

Но что такое случилось с ними?

Ударом лапы зверь разможил голову старой гончей.

Три других собаки, раненные, с воем осели в снег: Мурзук работал сразу всеми четырьмя лапами.

Раньше чем подоспела отставшая стая, он снова уже был на ногах и огромными прыжками скрылся в лесу.

Вокруг него защелкали по деревьям пули растерявшихся стрелков.

Но Мурзук хладнокровно бежал вперед, не забывая время от времени делать скидки.

Оставшиеся без опытного вожака собаки скоро совсем потеряли след зверя.

Напрасно охотники до самого вечера бродили по лесу.

Они вернулись домой с пустыми руками.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Друг

Андреич сидел на крыльце своей избы, опустив на руку седую голову.

Он недавно вернулся из лесу. Козы с утра ушли со двора. Старик долго старался загнать их домой, но упрямые животные никак его не слушались.

Уже месяц, как сдохла старая корова Андреича, и старик питался с тех пор одним козьим молоком.

Сегодня он еще ничего не ел и совсем ослаб. Сил не было подняться и снова брести в лес загонять коз.

Старик вспомнил, как ловко делал это его верный Мурзук, и тяжело вздохнул. Ему сильно захотелось узнать, что случилось с его любимцем. Бежал ли он из зверинца и бродит теперь где-нибудь по лесам? Или медленно умирает в клетке?

Быстрый стук копыт по мерзлой земле заставил старика поднять голову.

Он с удивлением увидел, что козы бешеным галопом мчатся по лугу прямо к нему в ограду.

«Уж не медведь ли?» — тревожно подумал Андреич.

Козы пронеслись по двору и в испуге забились в хлев.

В ту же минуту в воротах показалась рысь и широкими прыжками кинулась на грудь старику.

— Сынок?! — только и мог выговорить Андреич, обнимая лохматую голову зверя.

Только через час вспомнил Андреич, что голоден. Он подоил козу и поделился молоком с другом.

— Это тебе гостинец, — сказал он Мурзуку. — А теперь ступай-ка в лес, промысли себе дичинки на обед. К ночи только назад ворочайся: вместе-то все веселей.

Мурзук послушал хозяина, лизнул ему руку, повернулся и пошел в лес.

Только тут старик заметил, что хвост зверя словно обрублен.

«Где же это его так обкорнали?» — подумал старик.

Но раздумывать об этом было неприятно.

«Теперь злое миновалось», — радостно подумал Андреич и закрыл глаза.

Осеннее солнце ласково грело его больное тело.

Старик задремал на крылечке.

Его разбудил грубый окрик:

— Эй, старина, подымайся! Арестовать тебя приехали. Собирай монетки — и айда за нами!

Сперва Андреич ничего не мог сообразить.

Перед ним стояли двое объездчиков с винтовками за плечами. Они держали за собой лошадей в поводу.

— Что вы, родные! Али подшутить вздумали над стариком?

— Шутки тебе в городе покажут! — сурово сказал один из объездчиков. — Велено тебя на станцию доставить.

— Наше дело сторона, — миролюбиво добавил другой, помладше. — За что, про что — нам неведомо. Сам-то ты, поди, лучше нашего знаешь.

Слово «город» сразу все объяснило Андреичу.

«Добрались-таки! — подумал он. — Ну, что же: мне так и так помирать. Навряд и до города довезут. Зато хоть Мурзук на воле».

Старик не чувствовал никакой вражды к тем, кто хотел привлечь его к суду за его поступок.

— Видно, уж так тому и быть, — спокойно сказал он. — А вина

за мной есть. Пожалел я, родные, зверя одного. Из клетки выпустил в городе. Зверь этот воспитанник мне был и первый друг.

— Это какой зверь? — любопытствовал младший из объездчиков.

— А рысь.

Объездчики переглянулись.

— Рысь? — переспросил старший. — Куцая?

— Куцая. Должно, в зверинце это ее обкорнали.

— Так и есть! — сказал старший. — Да тебя за этого воспитанника расстрелять мало. Он у нас вчера лучшую на селе собаку убил. Обожди, мы еще с него шкуру спустим.

— Ну, чего стал! — набросился вдруг он на Андреича. — Некогда нам с тобой тут лясы точить! Сматывайся живей!

— Да я весь тут, — сказал Андреич. — Обожди только — шапку возьму.

Он сообразил, что надо скорей отправляться со двора. А то вернется Мурзук, и обозленные объездчики тут же пристрелят его.

Спустя две минуты Андреич вышел из ворот. По бокам его была стража.

Старик обернулся в последний раз взглянул на свою избу — и вздрогнул: сзади его догонял Мурзук.

Старший объездчик тоже оглянулся и увидел рысь.

Он быстро сдернул с плеча винтовку, приложился и выстрелил. Пуля щелкнула в избу, отхватив узкую щепку.

Одним прыжком Мурзук бросился на круп лошади, но сорвался. Кони рванули. Что-то крикнул Андреич.

Но рядом с ним уже никого не было.

Перепуганные кони мчались по лугу. Седоки могли думать только о том, чтобы как-нибудь удержаться в седле.

Мурзук гнался за ними.

Седокам удалось остановить понесших коней только за километр от лесной сторожки.

Нельзя было и думать вернуться назад верхами.

Они решили доложить о происшедшем старосте и на завтра потребовать себе подкрепление для охоты за зверем и для ареста старика.

Мурзук не сразу вернулся домой. Он опять скрылся в лес и занялся там охотой.

Ему посчастливилось набрести на тетеревов.

Беззвучно подкрался зверь из-за куста и схватил старого косача в то мгновение, когда тот поднялся с земли.

Однако есть добычу Мурзук не стал. Он придушил птицу и с нею в зубах вернулся к хозяину.

Андреич сидел на земле, прислонившись спиной к ступенькам крыльца. Глаза его были закрыты.

Мурзук положил дичь к его ногам и легонько ткнул старика носом.

Андреич медленно повалился на землю.

Мурзук прильнул к нему лохматой мордой, поднял голову и тихо, тоскливо завыл.

Заключение

Когда на следующий день отряд объездчиков окружил лесную сторожку, труп Андреича еще лежал на ступеньках крыльца. Но все поиски рыси не привели ни к чему. Мурзук исчез.

Проходил месяц за месяцем.

В избушке Андреича поселился новый лесной сторож.

Скоро в окрестных деревнях забыли одинокого старика. Забыли и его ручного зверя.

Однако в разных провинциальных газетах стали появляться заметки о необычайно крупной и дерзкой рыси.

Писали, что зверь то тут, то там делает набеги на деревни, режет скот и разрывает домашних кошек. Попытки застрелить его неизменно кончаются неудачей.

По короткому обрубку хвоста и замечательному знанию людских привычек в этом бесстрашном звере легко было признать Мурзука.

Последнее известие о нем промелькнуло в одной из газет северной окраины нашей страны.

Спасаясь от преследования, Мурзук забрался в глубину леса, где следы его затерялись в густой чаще.

Там, на Севере, Мурзук нашел себе надежное убежище.

СУМАСШЕДШАЯ ПТИЦА

Когда мне было десять лет, я прожил целую зиму в деревне.

Я бегал по лесу, выслеживал птиц и узнавал разные интересные подробности их жизни. Это было моим любимым занятием, и я очень скучал, когда что-нибудь мешало моим прогулкам.

Но вот ударили крещенские морозы. Поднялась сильная метель.

Отец долго не выпускал меня из дому. Время тянулось ужасно медленно.

Наконец, через несколько дней я, проснувшись утром, увидел в окошко ясное голубое небо. Я сейчас же отпросился у отца, оделся и выскочил во двор.

На дворе было морозно, но тихо. Ярко светило солнце. Глазам было больно от белого снега.

В лес нечего было и думать пробраться. Там намело такие сугробы рыхлого снега, что я на каждом шагу проваливался по пояс. Пришлось направиться вдоль по реке. С нее, наоборот, ветром смело почти весь снег, так что местами был виден голубоватый лед.

Птиц не было нигде.

Передо мной тянулась длинная белая полоса реки. Справа и слева на ее крутых берегах молчаливо стоял засыпанный снегом лес. Даже писка синиц не было в нем слышно.

Я подумал: «Верно, птицы плохо чувствуют себя после такой долгой метели».

Скоро я увидел перед собой на снегу черное пятно.

Оказалось, что это мертвая ворона. Она лежала, уткнувшись головой в сугроб, распластав крылья.

Я поднял ее, осмотрел со всех сторон. Она уже окоченела. Нигде на всем теле ее не было ни следа раны или ушиба.

Я понял, что ворону убил мороз.

Мне было очень жалко эту большую крепкую птицу, замерзшую тут, посреди сугробов. Я утешал себя мыслью, что не все птицы

погибли в эти дни. Наверное, мне удастся еще сегодня поймать какую-нибудь полумертвую птичку. Я снесу ее домой обогрею, накормлю и буду держать до весны.

Словно в ответ на мои мысли, невдалеке послышалось тихое щебетанье.

Я поднял глаза. Впереди была прорубь. По краю ее, у самой воды, прыгала белогрудая птичка. Она дергала коротким хвостом и заливалась на все лады самой веселой песней.

«Вот сумасшедшая, — подумал я. — Как она может радоваться в такой мороз?»

Белогрудая птичка не обращала на меня никакого внимания. Мне захотелось ближе посмотреть ее. Но едва я сделал несколько шагов к ней, как птица с размаху бросилась в прорубь вниз головой. Одно мгновение я еще видел, как она быстро двигала крыльями, словно летела в воде. Потом она исчезла подо льдом.

Я так и остался стоять с выпученными глазами и открытым ртом.

«Утопилась!» — мелькнула вдруг у меня страшная мысль. Я бросился к проруби. Мелкая вода текла здесь очень быстро.

Утопленницы нигде не было видно.

Слезы навернулись мне на глаза.

Я прибежал домой, к отцу, с мертвой вороной в руках и с удивительным рассказом про белогрудую птицу-утопленницу.

Ворону отец велел мне сейчас же выкинуть, а над моим рассказом долго смеялся. Я не понимал, что тут смешного, и очень сердился на отца.

— Дурачок! — сказал он. — Ведь это была оляпка. Она вовсе не утонула, а прыгает теперь снова по льду и радуется, что обманула тебя.

— Неправда! — горячился я. — Она сошла с ума и утопилась. Я сам видел, как ее утянуло под лед. Течение там такое быстрое. . .

— Ну, вот что, — остановил меня отец, — беги-ка опять на то место, где ты ее видел. Она будет там. А если там нет, значит, неподалеку от первой проруби оляпка выскочила во вторую, нырнув от тебя под лед.

Я опять побежал на реку. Отец мой любил и хорошо знал птиц. Если он говорит, что оляпка бросилась в прорубь нарочно, — значит, есть надежда, что моя белогрудая птичка жива.

У проруби оляпки не было. Но дальше на реке я увидел вторую прорубь, пошел к ней — и вдруг заметил мою утопленницу на обрывистом берегу реки. Она была жива и здорова, бегала по снегу и распевала свою негромкую песенку, похожую на плеск и журчанье ручья.

Я побежал к ней. Она слетела к проруби, закачалась на высоких ножках, словно кланялась мне, а когда я приблизился, бухнула в воду, словно лягушка в болото.

Стоя над прорубью, я видел, как она гребла под водой крыльями, словно пловец руками. Потом она побежала по дну, цепляясь изогнутыми коготками за все его неровности. В одном месте она даже задержалась немножко и на моих глазах перевернула клювом камешек и вытащила из-под него водяного жука.

А через полминуты она уже выскочила из другой проруби.

Я с трудом верил своим глазам. Мне все хотелось еще поближе рассмотреть ее. Несколько раз подряд я заставлял ее кидаться в воду.

Меня очень удивляло, что под водой она блестит, как серебряная рыбка. Я не знал еще тогда, что перья оляпки смазаны тонким слоем жира. Когда птица погружается в воду, воздух пузырится на ее жирных перьях и блестит.

Наконец ей надоело нырять. Она поднялась на воздух, полетела над рекой прямо, как по ниточке, и в одну минуту скрылась у меня из глаз.

* * *

Прошло почти два месяца со дня моей первой встречи с оляпкой. За это время я очень полюбил ее. В хорошую погоду я отправлялся на реку, следить за ней. Она всегда успевала юркнуть от меня в прорубь. И всегда при этом вид был такой веселый, словно мы играли в «кошки-мышки».

Вся деревня знала эту забавную маленькую птицу. Крестьяне звали ее водяным воробьем.

* * *

В конце зимы снова затрещали морозы, еще крепче крещенских. В эти дни моя оляпка уже не пела больше.

Теперь мне приходилось долго разыскивать ее, прежде чем я находил ее где-нибудь под ледяным навесом берега. Тут она сидела нахохлившись. Вид у нее был грустный и недовольный. Когда я подходил к ней, она молча снималась и улетала куда-то далеко, всегда в одну и ту же сторону. И вот, наконец, настал день, когда она улетела с этого места: проруби замерзли. Лед мешал оляпке нырять в воду за жуками. Я очень тревожился о моей белогрудой приятельнице.

«Может быть, — думал я, — она лежит теперь где-нибудь в снегу, как та ворона, что я нашел на реке после метели».

Дома отец сказал мне:

— Возможно, твоя оляпка попала в когти какому-нибудь хищнику. А всего верней, она просто отправилась искать себе другое место на реке, где вода не замерзает в самые крутые морозы.

На следующее утро опять выглянуло солнце, и я отправился на розыски оляпки. Миновав знакомые проруби, я взобрался на обрывистый берег и пошел вдоль реки.

Скоро путь мне преградила маленькая речка. Она быстро неслась с горки и круто обрывалась с берега, по которому я шел, в большую реку.

Это был настоящий водопад. Речка широкой струей хлестала с обрыва и пенилась внизу, крутясь в бурном водовороте. В этом месте на большой реке была широкая полынья.

Я никогда прежде не видал водопада. С восторгом и страхом смотрел я на бешеный поток, готовый смять под собой всякого, кто неосторожно к нему приблизится.

Вдруг я заметил двух птиц, летевших прямо к водопаду.

Впереди неслась, сверкая белой грудью, моя оляпка. Сзади быстро настигал ее огромный серый ястреб.

Не успел я опомниться, как сумасшедшая птичка исчезла в стремительной струе водопада.

Ястреб круто взмыл кверху перед падающей стеной воды, на одно мгновение повис в воздухе, повернулся и медленно полетел прочь. Добыча ускользнула из его когтей.

Ястреб не знал, что случилось с оляпкой. Но я видел, как она стремглав пронеслась сквозь стену водопада, сделала небольшой полукруг и как ни в чем не бывало уселась на камне под обрывом, с которого падала вода.

Сквозь шум водопада не было слышно ее голоса. Но по ее движениям я понял, что она поет свою веселую песенку.

Домой я возвращался с прогулки вприпрыжку. Теперь я был уве-

рен, что моей смелой маленькой приятельнице не страшны ни когти ястреба, ни холод, ни голод зимы.

Да зиме уж недолго оставалось мучить птиц. День был по-весеннему теплый. Солнце припекало, и вокруг меня с легким звоном рушился снег. Скоро должны были кончиться морозы.

С такими веселыми мыслями бежал я домой. У знакомой проруби мне пришло в голову: «Хорошо бы попробовать, очень ли холодная вода, в которой так любит купаться оляпка?»

Не долго думая, я подбежал к проруби и сильно топнул ногой по тонкому льду.

Я хотел только сломать лед, чтобы потом попробовать воду рукой. Но тонкий ледок, затянувший прорубь, уже подтаял. Он легко проломился под моим ударом. Я с размаху влетел в прорубь, сначала одной ногой, а потом, не удержав равновесие, и всем телом.

К счастью, воды в этом месте было мне всего по колено.

Как ошпаренный, выскочил я на лед и, стуча зубами от холода,

сломя голову помчался домой. Вода, в которой так любила купаться оляпка, оказалась очень холодной.

В тот же день я слег в постель в сильном жару и проболел целых два месяца. А когда выздоровел, мне еще досталось от отца за то, что я искупался в проруби.

— Только сумасшедшие, — говорил отец, — нарочно лезут в воду зимой.

— А оляпка? — перебил я.

Отец рассмеялся и больше не стал бранить меня.

ФОМКА-РАЗБОЙНИК

Широко ходит океанская волна. От гребня до гребня — двести метров. А внизу вода темная, непроглядная.

Много рыбы в Ледовитом океане, только ловить ее трудно.

Над волнами стаяей летают белые чайки: рыбачат.

Часами на крыльях, присесть некогда. Глазами впились в воду: следят, не мелькнет ли где темная спинка рыбы.

Большая рыба — в глубине. Малек — тот самым верхом ходит, табунами.

Заметила чайка табун. Скользнула вниз. Окунулась, схватила рыбешку поперек тела — и опять на воздух.

Увидели другие чайки. Слетелись. Кувыркаются в воду. Хватают. Дерутся, кричат.

Только зря ссорятся: густо малек идет. На всю артель хватит. А волна катит в берег.

В последний раз встала обрывом, лопнула — и гребнем вниз.

Громыхнула галькой, вскинулась пеной — и назад в море.

А на грядке — на песке, на гальке — рыбешка дохлая осталась, ракушка, морской еж, черви. Тут только не зевай, хватай, а то шальной волной прочь смоеет. Легкая пожива!

Фомка-разбойник уж тут как тут.

Посмотреть на него — чайка как чайка. И ростом тот же, и лапы с перепонками. Только темный весь. А рыбачить не любит, как другие чайки.

Стыдно прямо: пешком по берегу бродит, пробавляется дохлятиной, как ворона какая-нибудь.

А сам то на море, то на берег глянет: не летит ли кто? Любит подрагаться. Зато и прозвали его разбойником.

Увидал — кулики-сороки на берегу собрались, морские желуди с мокрых камней выбирают.

Сейчас туда.

В один миг распугал всех, разогнал: мое здесь все, — прочь.

В траве мышка-пеструшка мелькнула. Фомка на крылья — и туда. Крылья у него острые, быстрые.

Пеструшка — бежать. Катится шариком, спешит к норке.

Не успела! Фомка догнал, стукнул клювом. У пеструшки дух вон.

Уселся, разделал пеструшку. И опять на берег, бродит, дохлятину подбирает, в море поглядывает — на белых чаек.

Вот отделилась одна от стаи, летит к берегу. В клюве — рыбка. Детям несет в гнездо. Изголодались, поди, маленькие, пока мать рыбачила.

Чайка ближе и ближе. Фомка на крылья — и к ней.

Чайка заметила, чаще крыльями замахала, стороной, стороной забирает. Клюв у нее занят — нечем защищаться от разбойника.

Фомка за ней.

Чайка ходу — и Фомка ходу.

Чайка выше — и Фомка выше.

Нагнал! Сверху, как ястреб, ударил.

Взвизгнула чайка, однако рыбку не выпускает.

Фомка опять вверх забирает.

Чайка туда, сюда — и мчится изо всех сил.

Да от Фомки не уйдешь! Он быстрый и верткий, как стриж. Опять сверху повис — вот-вот ударит!..

Не выдержала чайка. Закричала от страха — выпустила рыбку.

Фомке только того и надо. Не дал рыбешке и в воду упасть — подхватил в воздухе и проглотил на лету.

Вкусна рыбка!

Чайка кричит, стонет от обиды. А Фомке что! Знает, что чайке его не догнать. А и догонит — ей же хуже.

Глядит, — не летит ли где другая чайка с добычей?

Ждать недолго: одна за другой потянули чайки домой — к берегу.

Фомка им спуску не дает. Загоняет, замучит птицу, подхватит у нее рыбешку — и был таков!

Из сил выбились чайки. Опять рыбу высматривай, лови!

Наконец наловили. Кругом, кругом — подалее от разбойника — летят вдоль берега домой.

А уж дело к вечеру. Пора и Фомке к дому.

Поднялся, полетел в тундру. Там у него гнездо между кочек. Жена детей высиживает.

Прилетел на место, глядит: ни жены, ни гнезда! Кругом только пух летает и скорлупки от яиц валяются.

Глянул вверх, а там вдали чуть маячит на облаке черная точка: орлан-белохвост парит.

Понял тут Фомка, кто его жену съел и гнездо разорил. Бросился вверх. Гнался, гнался — не догнать орла.

Фомка уж задыхаться стал, а тот кругами все выше, выше поднимается, того и гляди, еще схватит сверху.

Вернулся Фомка на землю.

Ночевал ту ночь один в тундре, на кочке.

* * *

Никто не знает, где у чаек дом. Уж такие птицы. Только и видишь: носятся в воздухе, как хлопья снега, или присядут отдохнуть прямо на волны, качаются на них, как хлопья пены. Так и живут между небом и зыбкими волнами, а дома им точно и не полагается.

Для всех секрет, где они своих детей выводят, только не для Фомки.

На другое утро — чуть проснулся — летит к тому месту, где в океан большая река впадает.

Тут против самого устья реки словно бы громадная белая льдина в океане. Только откуда же летом льдине взяться?

У Фомки глаз зоркий: видит, что это не льдина, а остров; и сидят на нем белые чайки. Сотни их, тысячи на острове.

Остров песчаный — намела река желтого песку, а издали весь белый от птицы.

Над островом крик и шум. Чайки поднимаются белым облаком, разлетаются в разные стороны на рыбный промысел. Стая за стаей летит вдоль берега, артель за артелью принимается ловить рыбу.

Видит Фомка: совсем мало чаек осталось на острове, и те сбились все на один край. Видно, к тому краю рыба подошла.

Фомка сторонкой, сторонкой, над самой водой — к острову. Подлетел и сел на песок.

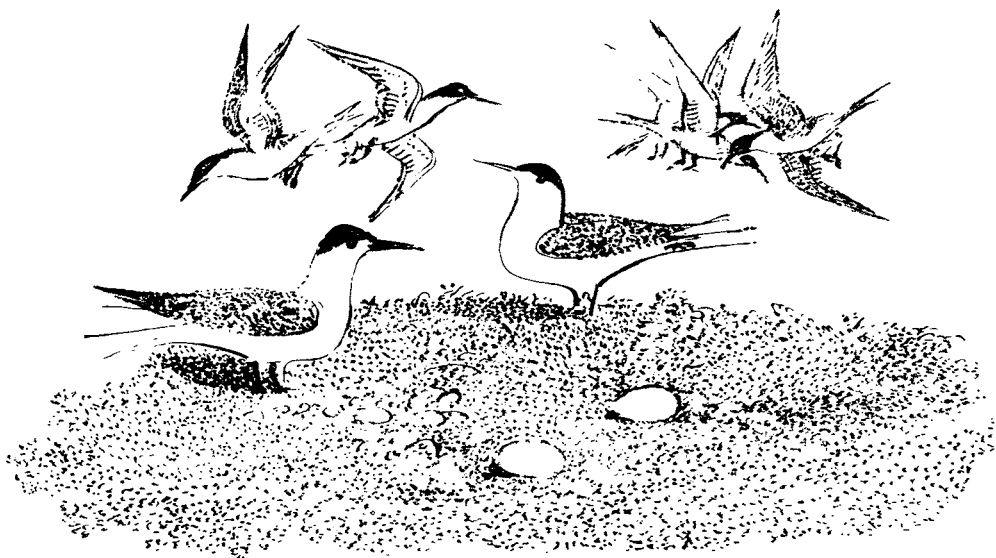
Чайки его не заметили.

Разгорелись глаза у Фомки. Подскочил к одной луночке. Там яйца.

Клювом кок — одно, кок — другое, кок — третье! И все выпил. Подскочил к другой лунке. Там два яйца и птенец.

Не пожалел и маленького. Схватил в клюв, хотел глотнуть. А чайчонок как пискнет!

В один миг чайки примчались. Откуда взялись — целая стая! Закричали, кинулись на разбойника.

Фомка чайчонка бросил — и драла!

Отчаянный был, а тут струсил: знал, что несдобровать. За своих птенцов чайки постоять сумеют.

Мчится к берегу, а наперез ему — другая стая чаек.

Попал тут Фомка в переплет! Лихо дрался, а все же два длинных острых пера выщипали ему чайки из хвоста. Еле вырвался.

Ну, да не привыкать драчуну к колотушкам.

* * *

Ночь в тундре провел, а утром опять на берег потянуло. Чего голодать, когда там обед под ногами валяется!

Только прилетел, видит: неладное что-то творится на острове. Вьются над ним чайки, кричат пронзительно. Прилететь не успел, а уж какой галдеж подняли!

Хотел уж было назад повернуть, глядь — летит к острову громадный орлан-белохвост. Широкие крылья простер, не шевельнет ими. Скользит с высоты прямо к чайкам.

Загорелся Фомка от злости: узнал врага. Взлетел — и к острову.

Чайки стонут от страха, взвиваются выше, все выше, чтобы в когти не попасть.

А внизу, в песчаных луночках, — маленькие чайчата. Прижались к земле, дохнуть боятся: слышат — тревога, и дух замер.

Увидел их орлан. Наметил троих в одной луночке и когти разжал. Когти длинные, закорючками, сразу всех троих схватят.

Только раз шевельнул орлан крыльями — и понесся круто вниз, прямо на птенцов.

Рассыпались перед ним чайки во все стороны.

Только вдруг мелькнула в их белой стае темная тень.

Сверху стрелой упал Фомка на орлана и что есть силы ударил его клювом в спину.

Быстро обернулся орлан. Но еще быстрее увернулся, взмыл Фомка. Еще раз упал, ударил клювом в широкое крыло.

Заклекал орлан от боли. Забыл чайчат — уж не до них ему! Обернулся в погоню за Фомкой. Взмахнул тяжелыми крыльями раз и другой, понесся за дерзким забиякой.

А Фомка уж дал круг в воздухе и мчится к берегу.

Чайки снова сбились в кучу, кричали, пронзительно хохотали.

Они видели, как белохвост, не тронув их птенцов, погнался за Фомкой.

Через минуту обе птицы — большая и маленькая — исчезли у них с глаз.

* * *

А утром на следующий день чайки снова увидели Фомку: цел и невредим, он пролетел мимо их острова — вдогонку за перепуганной вороной.

ПО СЛЕДАМ

Скучно Егорке целый день в избе. Глянет в окошко: бело кругом. Замело лесникову избушку снегом.

Белый стоит лес.

Знает Егорка полянку одну в лесу. Эх, и местечко! Как ни придешь — стадо куропачей из-под ног. Фррр! Фррр! — во все стороны. Только стреляй!

Да что куропатки! Зайцы там здоровые! А намедни видал Егорка на поляне еще след — неизвестно чей. С лисий будет, а когтищи прямые, длинные.

Вот бы самому выследить по следу диковинного зверя! Это тебе не заяц! Это и тятка похвалит.

Загорелось Егорке — сейчас в лес бежать!

Отец у окошка сапоги валяные подшивает.

— Тять, а тять!

— Чего тебе?

— Дозволь в лес: куропачей пострелять!

— Ишь чего вздумал, на ночь глядя-то!

— Пусти-и, тять! — жалобно тянет Егорка.

Молчит отец; у Егорки дух заняло — ой, не пустит!

Не любил лесник, чтоб парнишка без дела валандался. А и то сказать: охота пуще неволи. Почему мальчонке не промяться? Все в избе да в избе. . .

— Ступай уж! Да гляди, чтоб до сумерек назад. А то у меня расправа коротка: отберу фузёю и ремнем еще настегая.

Фузея — это ружье. У Егорки свое, даром что парнишке четырнадцатый год. Отец из города привез. Одноствольное, бердана называется. И птицу и зверя из него бить можно. Хорошее ружье.

Отец знает: бердана для Егорки — первая вещь на свете. Пригрози отнять — все сделает.

— Мигом обернись, — обещает Егорка. Сам уже полушубок напялил и берданку с гвоздя сдернул.

— То-то, обернись! — ворчит отец. — Вишь, по ночам волки кругом воют. Смотри у меня!

А Егорки уже нет в избе. Выскочил на двор, стал на лыжи — и в лес.

Отложил лесник сапоги. Взял топор, пошел в сарай сани починять.

Смеркаться стало. Кончил старик топором стучать.

Время ужинать, а парнишки нет.

Слышно было: пальнуло раза три. А с тех пор ничего.

Еще время прошло. Лесник зашел в избу, поправил фитиль в лампе, зажег ее. Вынул каши горшок из печи.

Егорки все нет. И где запропастился, поганец?

Поел. Вышел на крыльцо. Темень непроглядная.

Прислушался — ничего не слышать.

Стоит лес черный, суком не треснет. Тихо, а кто его знает, что в нем?

— Вуу-воуу-уу!..

Вздрыгнул лесник. Или показалось?

Из лесу опять:

— Воуу-уу!..

Так и есть, волк! Другой подхватил, третий... целая стая! Екнуло в груди: не иначе, на Егоркин след напали звери!

— Воуу-воуу-уу!..

Лесник заскочил в избу, выбежал — в руках двустволка. Вскинул к плечу, из дул полыхнул огонь, грохнули выстрелы. Волки пуще. Слушает лесник: не отзовется ли где Егорка?

И вот из лесу, из темноты, слабо-слабо: «бумм!»

Лесник сорвался с места, ружье за спину, подвязал лыжи — и в темноту, туда, откуда донесся Егоркин выстрел.

Темь в лесу — хоть плачь! Еловые лапы хватают за одежду, колют лицо. Деревья плотной стеной — не продерешься.

А впереди волки. В голос тянут:

— Вуу-ооуууу!..

Лесник остановился, выстрелил еще.

Нет ответа. Только волки. Плохое дело!

Опять стал продираться сквозь чащу. Шел на волчий голос.

Только успел подумать: «Воят, — пока, значит, еще не добрались...» Тут разом вой оборвался. Тихо стало.

Прошел лесник еще вперед и стал.

Выстрелил. Потом еще. Слушал долго.

Тишь такая — прямо ушам больно.

Куда пойдешь? Темно. А идти надо.

Двинулся наугад. Что ни шаг, то гуще.

Стрелял, кричал. Никто не отвечает. И опять, уж сам не зная куда, шагал, продирался по лесу.

Наконец совсем из сил выбился, осип от крика. Стал — и не знает, куда идти: давно потерял, в какой стороне дом.

Пригляделся: будто огонек из-за деревьев? Или это волчьи глаза блестят?

Пошел прямо на свет. Вышел из лесу, — чистое место, посреди него изба. В окошке свет.

Глядит лесник, глазам не верит: своя изба стоит!

Круг, значит, дал в темноте по лесу.

На дворе еще раз выстрелил. Нет ответа. И волки молчат, не воют. Видно, добычу делают.

Пропал парнишка!

Скинул лесник лыжи, зашел в избу. В избе тулупа не снял, сел на лавку. Голову на руки уронил, да так и замер.

Лампа на столе зачадилась, мигнула и погасла. Не заметил лесник.

Мутный забелел свет за окошком.

Лесник поднялся. Страшный стал: в одну ночь постарел и сгорбился.

Сунул за пазуху хлеба краюху, патроны взял, ружье.

Вышел на двор — светло. Снег блестит.

Из ворот тянутся по снегу две борозды от Егоркиных лыж. Лесник поглядел, махнул рукой. Подумал: «Если б луна ночью, может, и отыскал бы парнишку по белотропу. Пойти хоть косточки собрать! А то — бывает же такое! — может, и жив еще?..»

Приладил лыжи и побежал по следу.

Борозды свернули влево, повели вдоль опушки.

Бежит по ним лесник, сам глазами по снегу шарит. Не пропускает ни следа, ни царапины. Читает по снегу, как по книге.

А в книге той записано все, что с Егоркой приключилось за ночь. Глядит лесник на снег и все понимает: где Егорка шел и что делал.

Вот бежал парнишка опушкой. В стороне на снегу крестики тонких птичьих пальцев и острых перьев.

Сорók, значит, спугнул Егорка. Мышковали тут сороки: кругом мышиные петли-дорожки.

Тут зверька с земли поднял.

Белка по насту прыгала. Ее след. Задние ноги у нее длинные — следок от них тоже длинный. Задние ноги белка вперед за передние закидывает, когда по земле прыгает. А передние ноги короткие, маленькие — следок от них точечками.

Видит лесник: Егорка белку на дерево загнал, там ее и стукнул. Свалил в снег с ветки.

«Меткий парнишка!» — думает лесник.

Глядит: здесь вот Егорка подобрал добычу и дальше пошел в лес. Покружили, покружили следы по лесу и вывели на большую поляну.

На поляне Егорка, видать, разглядывал заячьи следы — малики.

Густо натропили зайцы: тут у них и петли и сметки — прыжки. Только Егорка не стал распутывать заячьи хитрости: лыжные борозды прямо через малики идут.

Вон дальше снег в стороне взрыхлен, птичьи следы и обгорелый пыж на снегу.

Куропатки это белые. Целая стая спала тут, в снег зарылась.

Услышали птицы Егорку, вспорхнули. А он выпалил. Все улели; одна шмякнулась. Видно, как билась на снегу.

Эх, лихой рос охотник: птицу на лету валил! Такой и от волков отбиваться может, даром им в зубы не дастся.

Заторопился лесник дальше, сами ноги бегут, поспевают.

Привел след к кусту — и стоп!

Что за леший?

Остановился Егорка за кустом, толчется лыжами на месте, нагнулся — и рукой в снег. И в сторону побежал.

Метров сорок прямо тянется след, а дальше колесить стал. Э, да тут звериные следы! Величиной с лисьи и с когтями. . .

Что за диковина? Сроду такого следа не видано: невелика лапа, а когтищи с вершок длиной, прямые, как гвозди!

Кровь на снегу: пошел дальше зверь на трех. Правую, переднюю Егорка ему зарядом перешиб.

Колесит по кустам, гонит зверя.

Где уж тут было парнишке домой ворочаться: подранка разве охотник бросит?

Только вот что за зверь? Больно здоровые когтищи! Тяпнет такими по животу из-за куста... Парнишке много ли надо!

Глубже и глубже в лес лыжный след — сквозь кусты, мимо пней, вокруг поваленных ветром деревьев. Еще на корягу налетишь, лыжу поломаешь!

Эх, желторотый! Заряд, что ли, бережет? Вот это место — за вывороченными корнями — и добить бы зверя. Некуда ему тут податься.

А руками разве скоро возьмешь? Сунься к нему, к раненому! Обозленный-то и хомячишко в руки не дастся, а этот зверь, видать, тяжелый: дырья от него в снегу глубокие.

Да что же это: никак снег падает? Беда теперь: занесет след, тогда как быть?

— Ходу! Ходу!

Кружит, колесит по лесу звериный след, за ним лыжный. Конца не видно.

А снег гуще, гуще.

Впереди просвет. Лес пошел редкий, широкоствольный. Тут скорей еще следы засыпает, все хуже их видеть, трудней разбирать.

Вот, наконец, догнал тут Егорка зверя! Снег примят, кровь на нем, серая жесткая шерсть.

Поглядеть надо по шерсти-то, — что за зверь такой? Только неладно тут как-то наслежено... На оба колена парнишка в снег упал...

А что там впереди торчит?

Лыжа! Другая! Узкие глубокие ямы в снегу: бежал Егорка, провалился...

И вдруг — спереди, справа, слева, наперерез — машистые, словно собачьи, следы.

Волки! Настигли, проклятые!

Остановился лесник: на что-то твердое наткнулась его правая лыжа. Глянул: берданка лежит Егоркина.

Так вот оно что! Мертвой хваткой хватил вожак за горло, выронил парнишка ружье из рук, — тут и вся стая подоспела...

Конец! Взглянул лесник вперед: хоть бы одежды клоч подобрать!

Будто серая тень мелькнула за деревьями. И сейчас же оттуда глухое рычание и тявк, точно псы сцепились. Выпрямился лесник, сдернул ружье с плеча, рванул вперед.

За деревьями над кучей окровавленных костей, оскалив зубы и подняв шерсть, стояли два волка. Кругом валялись, сидели еще несколько...

Страшно вскрикнул лесник и, не целясь, выстрелил сразу из обоих стволов.

Ружье крепко отдало ему в плечо. Он покачнулся и упал в снег на колени.

Когда разошелся пороховой дым, волков уже не было.

В ушах звенело от выстрела. И сквозь звон ему чудился жалобный Егоркин голос: «Тять!»

Лесник зачем-то снял шапку. Хлопья снега падали на ресницы, мешали глядеть.

— Тять!.. — так внятно опять почудился тихий Егоркин голос.

— Егорушка! — простонал лесник.

— Сними, тять!

Лесник испуганно вскочил, обернулся...

На суку большого дерева, обхватив руками толстый ствол, сидел живой Егорка.

— Сынок! — вскрикнул лесник и без памяти кинулся к дереву.

Окоченевший Егорка мешком свалился на руки отцу.

Духом домчался лесник до дому с Егоркой на спине. Только раз пришлось ему остановиться — Егорка пристал, лепечет одно:

— Тять, бердану мою подбери, бердану...

В печи жарко пылал огонь. Егорка лежал на лавке под тяжелой

овчиной. Глаза его блестели, тело горело. Лесник сидел у него в ногах, поил его горячим чаем с блюдечка.

— Слышу, волки близко, — рассказывал Егорка. — Сдрейфил я! Ружье выронил, лыжи в снегу завязли, бросил. На первое дерево влез, — они уж тут. Скачут, окаянные, зубами щелкают, меня достать хотят. Ух, и страшно, тятя!

— Молчи, сынок, молчи, родимый! А скажи-ка, стрелок, что за зверя ты подшиб?

— А барсука, тятя! Здоровый барсучище, что твоя свинья. Видал когти-то?

— Барсук, говоришь? А мне и невдомек. И верно: лапа-то у него когтистая. Ишь вылез в оттепель, засоня! Спит он в мороз, редкую зиму вылезает. Погоди вот — весна придет, я тебе нору его покажу. Знатная нора! Лисе нипочем такой не вырыть.

Но Егорка уже не слышал. Голова его свалилась набок, глаза сами закрылись. Он спал.

Лесник взял у него из рук блюдце, плотней прикрыл сына овчиной и глянул в окно.

За окном расходилась метель. Сыпала, сыпала и кружила в воздухе белые легкие хлопья — засыпала путаные лесные следы.

ЗА ЯСТРЕБОМ

Налет

Пашка сидел на крыльце и прилежно читал отцовский «Охотничий календарь». В этой толстой книжке было собрано все про охоту: и на какую дичь как охотиться, и про охотничье оружие, и охотничьи законы. А Пашка непременно хотел сделаться хорошим охотником.

Но долго читать ему в этот раз не пришлось. Через плетень неожиданно перемахнул Матвейка и закричал, размахивая луком над головой:

— Айда на охоту! Гляди, какие я стрелы обтяпал!

Он выдернул из самодельного колчана целый пучок длинных, гибких стрел и протянул их Пашке.

Пашка взял стрелы, потрогал пальцем вделанные в их толстые передние концы остро отточенные гвозди и важно сказал:

— Стрелы подходящие — боевые. А на охоту я не пойду: птица теперь на гнезда уселась, нельзя ее бить... по закону.

Пашка вырос в городе, был на два года старше Матвейки и много читал книжек. Он часто говорил такое, на что Матвейка не знал, как ответить.

— Да мы ведь так, нарочно, — попробовал все-таки отстоять свое Матвейка. — Не с ружья ведь — стрелами рази убьешь?

Но Пашке за словом в карман не лезть:

— Не убьешь, так какая с ними охота может быть?

Матвейка совсем завял. Выходило: если стрелы хороши — на охоту с ними нельзя; если на охоту идти — надо говорить, что стрелы плохие. А какие они плохие, когда он, Матвейка, сам их делал! Книжек тут не требуется, а руки у него — золотые.

Ничего не мог придумать Матвейка в ответ и рассеянно уставился на кур. Куры расхаживали по двору, скучно поклевывая зерно. Захлопал крыльями петух, вскочил на плетень, начал горласто:

— Ку-ка-ре. . . — и вдруг осекся.

Чем-то серым смело его на землю, куры с испуганным кудахтаньем, как сумасшедшие, кинулись врассыпную.

— Держи! — заорал Пашка, срываясь с крыльца.

Но большая серая птица, свалившаяся на землю вместе с петухом, тюкнула его клювом в затылок, взмахнула крыльями и тяжело поднялась на воздух. Свесив золотую шею, поднялся с ней в воздух и мертвый петух. Через минуту хуцник с добычей исчез за деревьями.

Пашка вернулся на крыльцо.

— Ястреб! — сказал он, переводя дух. — Тетеревятник. . .¹ Видал, что делает? И, подумав немного, решительно объявил:

— Айда в лес! Мы ему покажем!

— А закон? — боязливо спросил Матвейка.

— Охота на вредных зверей и птиц, — ответил Пашка уже из избы, где у него висел лук, — разрешается круглый год. По закону!

В погоню

Деревня, где жили Пашка с Матвейкой, стояла возле большого леса. Лес был глухой, много в нем водилось хищных птиц. Крестьяне стоном стонали от их разбойных налетов. Ястреба днем, совы ночью из-под самого носа хозяев тащили домашнюю птицу. За одну эту весну пропало:

у тетки Параскевы — две молодки,

у Васильевны — утка,

у Федора-сапожника — клуша и петух,

у землемерши — два пестрых труса (кролика).

Сколько ни ставили пугал, сколько ни караулили с ружьем — никак не могли отвадить крылатых воров. Пугал хищники не боялись, человека с ружьем облетали.

— Принесем ястреба — герои будем, — рассуждал Матвейка, шагая следом за Пашкой по дороге к лесу.

— Гляди, гляди! — прервал Пашка, указывая рукой вперед.

Они уже подходили к лесу. В зелени одной из берез сверкнуло червонное золото петушинных перьев.

Охотники выхватили стрелы из колчанов и с луками наготове побежали к дереву. Между стволов же замелькали круглые серые крылья хищника: ястреб улетал в глубь леса.

— Бей! — закричал Матвейка, выпустив свою стрелу и поспешно доставая новую.

¹ У нас в РСФСР водятся два вида ястребов: тетеревятник и перепелятник. Большой тетеревятник берет глухаря и взрослого зайца. Перепелятник не может взять птицу больше голубя.

Но Пашка опустил лук.

— Далеко! Пусть лучше сядет: подкрадемся. Никуда ему с пухом от нас не деться.

И верно: отлетев недалеко, хищник уселся на толстый осиновый сук. Перебегая от дерева к дереву, прячась за их стволами, охотники подкрались к нему шагов на тридцать.

Теперь им хорошо была видна его широкая, вся в волнистых серых полосках грудь, высокие желтые ноги и приплюснутая, как у змеи, голова с хищным клювом. Холодный, желтый глаз хищника смотрел в их сторону.

— Видит, анафема! — прошептал Матвейка. — Ближе не пустит. Давай отсюда.

— Смотри — вместе! — предупредил Пашка. — Раз! Два!

— Стой! — взмолился Матвейка. — Солнце в глаза!

— Три! — строго скомандовал Пашка.

Две стрелы, взвившись высоко в воздухе, понеслись к осине, но, не долетев, потеряли силу и белыми змейками вильнули под суком, где сидел хищник.

Ястреб снялся и полетел дальше. Но ему, видно, не по силам было долго тащить по воздуху грузную добычу. Он опять опустился — теперь прямо на землю.

В этот раз он не подпустил охотников и на сорок шагов. Так они долго преследовали его, но им ни разу больше не удалось подкрасться к нему на выстрел.

Наконец дорогу им пересек широкий лог. По ту сторону его начинался еловый бор. В последний раз перед охотниками блеснули золотые перья петуха — и скрылись в сумраке столетних елей.

— Сухой лог, — сказал Матвейка, — дальше пойдем?

— Конечно, пойдем!

Про темный лес за Сухим логом ходили недобрые слухи.

Детям туда строго было запрещено бегать. Лес был дикий, и еще недавно нашли в нем скелет пропавшего без вести охотника.

— Слабо? — прищурился Пашка, заметив, что друг его колеблется.

— Самому слабо! — огрызнулся Матвейка. — Кто еще первый струсит!

— Знаешь, что? — предложил Пашка. — Чтобы нам не сдрейфить, давай поклянемся!

— Чего? — удивился Матвейка.

— Клятву дадим, что не вернемся назад, пока не убьем ястреба.

Матвейка согласился. Охотники положили свое оружие на землю, взялись над ним за руки, и Пашка замогильным голосом произнес клятву. Ястреба-тетеревятника он назвал «летучим бандитом — грозой мирных деревень».

Охотники не вернуться «под родной кров», пока не освободят страну от летучего бандита и не добудут его головы. Клятва звучала грозно и торжественно.

— А кто нарушит клятву, — скрепил Пашка, — тот негодяй и трус!

Приметы

Нелегкую задачу задали себе охотники: добравшись до старого бора, ястреб как в воду канул.

После целого часа бесполезных поисков Пашка присел на пенек и задумался.

— Заплутаем мы, Пашка! — робко прервал его размышления Матвейка. — Лес большой.

— Не заплутаем, — уверенно сказал Пашка. — Мы, как из деревни вышли, все прямо на солнце идем. Назад дорогу легко найдем. А вот слушай, что я придумал, по каким приметам нам тут

ястреба разыскать? Замечал ты: как ястреб покажется, так кругом все птицы замолкают и прячутся.

Боятся. Вот мы и будем слушать: где птицы молчат, там он, значит, сидит.

Охотники опять принялись за поиски. Но скоро им пришлось убедиться, что Пашкина примета им не поможет.

Мелких птиц в бору было много.

В густой хвое пели свои грустные песни корольки, понизу сновали серенькие малиновки-зарянки, бойкие синицы-гренадерчики. Но куда бы ни шли охотники, всюду, как игрушечный чертик из коробки, выскакивал из-под земли крошечный коричневый подкоренник, взлетал на сучок или пень и, задорно подняв короткий хвостик, по всему лесу пускал веселую громкую трель.

— Этот карапуз и тетеревятника не струсит, — недовольно сказал Пашка. — Мешает только слушать.

Еще с полчаса шагали они по лесу, не забывая идти прямо на солнце.

Впереди показалась светлинка, и скоро они вышли на поляну.

В траве журчал родник. Истомленные охотники жадно набросились на его холодную воду.

— Пойдем к Сухому логу, — предложил Матвейка. — Может, он там опять.

Они пошли назад, поглядывая, чтобы солнце било им в спину. Шли молча.

Каждый думал про себя, что клятву они дали глупую, но сказать об этом вслух боялся: ведь тот, кто захочет нарушить клятву, будет негодяй и трус.

Матвейка остановился около большой муравьиной кучи.

— Дождь будет! — объявил он вдруг.

— Глупости! — рассердился Пашка. — Откуда ты можешь знать?

— А во! — показал Матвейка на муравейник. — Вишь — мураши все ходы-выходы закрыли. К непогоде это. Я еще давеча приметил: на поляне мошकारа у самой травы толчется. Ветер тоже шибче стал, по небу хвосты кошачьи гонит.

Пашка промолчал. В толстом «Охотничьем календаре» ничего про эти приметы сказано не было. Может, Матвейка и верно говорит.

Они долго шли бором. Пашка наконец сказал:

— Пора бы уже и Сухому логу быть, а?

— Кто его знает! — неуверенно отозвался Матвейка.

Шагали еще с четверть часа. Темнело.

Наконец деревья стали редеть, среди елей начали чаще попадаться березы, сосны, осины. Минут через пять вышли на открытое место, но это оказался совсем не Сухой лог. Перед ними была большая вырубка, поросшая молодняком. Солнце уже зашло за лес.

— Доведется, видать, тут ночевать, — первый высказал страшную мысль Матвейка, — заплутали.

— Тут? — смутился Пашка, глядя, как ветер трепал кусты на вырубке.

— Зачем тут? В бору. Видал, пень толстенный проходили? Дуплице в нем — оба схоронимся.

Они повернули назад. Теперь Матвейка шел впереди, Пашка — сзади.

Сумерки быстро густели. Ветер креп. Матвейка остановился у толстого высокого пня. Сверху пень зарос мхом, у корня рассохся, образовав большое трехугольное отверстие. Внутри было пусто.

— Залазы! — скомандовал Матвейка. Охотники забрались в дупло, как в шалаш.

Взглянув в отверстие, Пашка увидал звезды.

— Гляди: Большая Медведица!

Матвейка подскочил как ошпаренный.

— Где? Где?

— Вон видишь — ковшик золотой. Раз, два, три, четыре, — всего семь звезд.

— А поди ты! — выругался Матвейка. — Я думал, взаправду медведица.

Пашка даже не заметил, что напугал друга.

— Ну, теперь я знаю, в какой стороне деревня! — объявил он гордо. — Рассчитал.

— Ой ли?

— Вот тебе и «ой ли»! Мы из деревни вышли ровно в три часа, — я еще на часы посмотрел. Шли прямо на солнце, а солнце в это время на юго-западе бывает. А заходит оно летом на северо-западе. Нам бы на обратном пути не спиной к нему становиться надо, а идти так, чтобы оно маленько с левого бока у нас было. Выходит, мы почти прямо на юг вышли. Теперь нам на северо-восток взять, к Сухому логу и выйдем.

Матвейка ничего не понял из этих рассуждений. Он не верил, что Пашка может отсюда, из дупла, найти, в какой стороне их дом. Все-таки он спросил, зевая:

— А где же этот северо-восток-то?

— Это я тебе в два счета рассчитаю! Видишь две крайних звезды Большой Медведицы? Не те, что ручки ковша начинают, а с другой стороны?

— А-гм, — сонно отозвался Матвейка.

— Проведи теперь прямую линию через них — в уме, конечно, — и веди ее вверх на пять таких расстояний, как между этими звездами. Линия почти упрется в яркую такую — видишь? — звезду. Это — Полярная звезда. Она всегда на севере. Мы к ней сейчас лицом. Теперь, если поднимешь правую руку, рука укажет на восток. Понял?

В ответ Пашке из дупла раздался сладкий храп Матвейки.

Страшная ночь

Пашка долго не мог заснуть. Он думал о своих родителях.

Они уже, верно, спохватились, что его нет дома, и, пожалуй, еще не будут спать из-за него всю ночь.

Потом Пашка подумал, что теперь он никогда, может быть, не вернется домой, потому что дал клятву не возвращаться, пока не убьет ястреба. Стало так горько на душе, что слезы сами закапали из глаз. Кроме того, ему ужасно хотелось есть и было обидно, что он пропустит вкусные вареники, которые мать с утра готовила к ужину.

Пашка всхлипнул. Матвейка заворочался во сне.

«Увидит, что я реву, еще бабой назовет!» — подумал Пашка, утер слезы и стал глядеть в отверстие дупла.

Небо быстро чернело. Звезды исчезали одна за другой, точно кто-то тянулся к ним снизу и проглатывал. Пашка понял, что надвигается туча.

Налетел сильный порыв ветра. Деревья кругом закачались и зашумели. Хлынул дождь.

Вдруг Пашке показалось, что кто-то заглянул в дупло и сейчас же скрылся. Он даже мог бы поклясться, что видел чью-то голову с острыми рожками-ушами.

Волосы зашевелились у Пашки под шапкой. Он впился руками в Матвейку.

— А? Чего? — спросонок бормотал Матвейка.

— Ш-ш-ш-ш! — зашипел Пашка. — Слышишь? Сейчас кто-то к нам заглянул и пропал.

Матвейка ничего не ответил, но Пашка почувствовал, как он задрожал всем телом. Страшно шумел лес. Ветер гудел, деревья стонали и кричали как живые. Дождь бил в стенки дупла. Вдруг над самой головой у ребят кто-то густо ухнул, и сейчас же ему в ответ раздался такой же дикий крик где-то подалее.

— Пропали мы, горемычные!

И опять сквозь шум дождя и ветра послышался ужасный крик.

Совсем где-то близко громко зафыркало и бешено захихикало.

Потом раздалось глухие удары и резкий костяной стук.

— Кто, кто, кто это? — стуча зубами, спрашивал Пашка.

— Молчи, это шкелеты! — шепнул Матвейка.

Неожиданно странный стук смолк. Не слышно стало ни жуткого хихиканья, ни фырганья. Еще раз где-то вдали, теперь глухо, ухнуло, и опять был только скрип невидимых деревьев, шум ветра да мягкие удары дождевых капель в стенки дупла. Ветер улегся так же неожиданно, как начался. Дождь перестал. В небе снова засияли звезды.

Тут только охотники вспомнили, что у них с собой оружие. Они зарядили луки и сидели, не спуская глаз с темного отверстия. Через несколько времени небо стало бледнеть.

Вдруг звезды исчезли. Черная тень закрыла отверстие дупла, и у самых лиц ребят раздался громкий костяной щелк.

Пашка вскрикнул и пустил стрелу прямо перед собой.

Черная тень мгновенно исчезла.

Двойная удача

Вылезли ребята из дупла, только когда совсем рассвело.

Первое, что бросилось им в глаза, была стрела на мокрой траве шагах в двадцати от пня.

— Смотри! — сказал Пашка. — Прямо из дупла она не могла попасть сюда, отверстие-то ведь вон где!

Действительно, стрела лежала в стороне от той линии, по которой она могла вылететь из отверстия дупла.

— Значит, угодил я в него! — обрадовался Матвейка.

— А ты разве стрелял? Я думал, я один! Тогда давай посмотрим, куда моя упала. Пашка нырнул в кусты. Через минуту оттуда раздался его крик:

— Сюда! Скорей! Он здесь!

Матвейка кинулся другу на выручку и тоже не мог удержаться от крика: из высокой травы глядела на него жуткими оранжевыми глазницами круглая ушастая рожа филина. Одно крыло громадной птицы было вытянуто — и в нем торчала сломанная стрела.

— Стой! — закричал Пашка, увидав, что Матвейка поднимает лук. — Живьем возьмем: он не может улететь.

Но едва они шагнули вперед, филин растопырил перья и грозно защелкал клювом.

— Ишь ты, шкелет! — засмеялся Пашка. — Теперь не ночь — не очень-то напугаешь. Скидавай ремень! — скомандовал он Матвейке. — Сейчас его свяжем!

Но охотникам долго еще пришлось повозиться с опасной птицей. Филин опрокинулся на спину и защищался когтями и клювом.

— Врешь, не уйдешь! — закричал Матвейка, ловко накинув ременную петлю на обе его лапы сразу. — Теперь наш!

Пашка накинул другой ремень филину на голову, и так они одолели беспомощно барахтающегося хищника. Громкие крики возвестили об их победе по всему лесу.

— А здорово он напугал нас ночью, — говорил Пашка через пять минут. — Вот черт какой! Верно, он живет в этом пустом пне. Он туда и хотел забраться под утро. А ночью это он с другим филином бился у нас над головой.

— Теперь домой пойдем! — предложил Матвейка. — Жрать хочется — страсть.

— Ни за что! — решительно отказался Пашка. — Лучше с голоду пропасть, чем нарушить клятву.

— И пропадем! — пробормотал Матвейка, отворачиваясь, чтобы скрыть выступившие на глаза слезы. — Как пить дать пропадем.

Пашка задумался. Потом вдруг хлопнул друга по плечу и весело закричал:

— Готово! В «Охотничьем календаре» об этом есть. Айда в Сухой лог! Охотники просунули под ремни длинный сук и, взявшись за его концы, подняли тяжелого филина.

Пашка верно определил направление: они пошли прямо в ту сторону, где только еще всходило солнце, и скоро вышли на Сухой лог.

— Ну, Матвейка, теперь ястреб в наших руках! — уверенно сказал Пашка. — Вот здесь смастерим шалашик, а филина посадим сюда, на это сухое дерево.

Посреди лога стояло одинокое засохшее дерево. Охотники быстро устроили в десяти шагах от него шалашик из еловых и березовых ветвей. Филина они посадили на голый сук и крепко привязали ремнями за ноги. Потом сами спрятались в шалашик и приготовили луки.

— Сейчас тетеревиатник полетит в деревню кур воровать, — объяснил Пашка, — и непременно усядется на это дерево.

— Держи карман! — сердито отозвался Матвейка.

Резкое стрекотание заглушило его слова. Из лесу одна за другой вылетели три белобокие сороки и яростно принялись кидаться на живое пугало. Филин отвечал на их атаку страшным щелканьем клюва. Минут через десять вокруг сухого дерева собрались десятки птиц. Все они порхали, вертелись, носились вокруг громадного ночного хищника, кричали, свистели, пищали на все голоса, точно хотели

криками выразить ему всю свою ненависть. А привязанный филин только повертывался во все стороны, угрожающе пыхтел и щелкал клювом.

Вдруг все маленькие птицы быстро шмыгнули в кусты и скрылись в лесу.

— Влет не бей! — предупредил Пашка.

И сейчас же Матвейка увидел серого тетеревятника, со свистом мчавшегося откуда-то сверху прямо на филина.

Но ястреб не решился ударить опасного врага, круто повернул перед ним, дал круг в воздухе и уселся на сучок повыше — совсем близко от охотников.

— Бей! — шепнул Пашка, и две стрелы, блеснув на солнце, вонзились ястребу в бок.

Судорожно взмахнув крыльями, тетеревятник по косой линии упал на землю.

Когда охотники подбежали к нему, он был уже мертв: одна из стрел попала ему в горло, другая — в грудь.

— Вот они! — раздался громкий, густой голос из лесу. — Ну, так и есть — охотятся!

В лог спускался Пашкин отец и с ним четверо крестьян. Встревоженные отсутствием ребят, они с утра отправились разыскивать их в лесу.

Пашка высоко поднял убитого ястреба и смело выступил им навстречу.

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

Таинственные предосторожности

Уже с час, как рассвело, а ленивое осеннее солнце все еще не собралось вылезти из-за деревьев. Трава никла к земле от обильной росы; это предвещало хороший день.

Витька, Сергило, Пахом и Егор с ружьями за плечами весело шагали по лесу. Они громко разговаривали и смеялись.

— Вот бы лося встретить! — говорил Витька. — Я и пулю припас, на случай.

— Лося не лося, — поправил Сергило, — а рябчика ушибить неплохо бы.

— Лося-то ты сам первый струсишь, — засмеялся Егор. — Лось, когда по лесу прет, сучья копытами ломает. Ты подумай: человек идет — и душа в пятки.

— Дурак! — рассердился Витька. — Что мне, впервой?

— Тише, вы! — шикнул на них осторожный Пахом. — Ближе уж!

И правда: впереди между деревьями замелькала канава. Охотники сразу притихли, пошли с опаской.

У канавы они остановились и долго прислушивались.

— Ладно! — сказал наконец Сергило. — Что у них, засада тут, что ли, на нас? Пошли!

Все четверо перепрыгнули канаву и быстро вошли в кусты. По другую сторону кустов была дорога. Охотники опять остановились. Витька отделился от товарищей и выглянул на дорогу.

— Вправо — никого, влево — тоже.

Он махнул рукой.

— Взад пятки идти! — шепотом напомнил Пахом. — Гусем.

Витька повернулся спиной и задом пошел через дорогу.

За ним таким же способом отправился Сергило, потом Егор, потом Пахом.

Они прошли так ловко, что на смешанном с глиной песке остался след в одну строчку. Казалось, тут прошел один только человек — туда, откуда они пришли: к канаве. За дорогой опять начинался лес. Охотники повернулись к нему лицом и поспешно направились в его темную глубину.

«Пррр! Прр!» Из-под самых ног у них вспорхнул выводок рябчиков и рассеялся по ветвям. Витька схватился было за ружье, но Пахом сунул ему под нос кулак.

— С ума сошел! У самой дороги!

Еще минут десять они все вместе молча шли вперед.

Егор не вытерпел первый:

— Айда, разомкнемся в цепь, да и начнем! Тут непременно выводки должны быть!

Пахом сказал:

— Помните: кто что услышит, сообщать на птичьем языке, и ни слова по-человечьи!

Они условились держаться на всходившее над лесом солнце и разошлись один от другого шагов на сто. По свистку Пахома все разом тронулись.

Витька снял с плеча ружье и держал его в руках. Он был готов в один миг взвести курки и выстрелить.

Еще не сделал он и десятка шагов, как товарищи исчезли у него с глаз. Со всех сторон обступили его темные ели, ржавые стволы берез; ноги то вязли в гнившей на земле листве, то ступали в хрусткий мох.

Легкий шум шагов глохнул в сырой тишине.

— Самые лешачьи места! — пробормотал Витька. — Того и гляди на медведя напорешься или еще того хуже.

И он подумал, что встретиться здесь со зверем не так страшно, как повстречать человека с большой медной бляхой на серо-зеленой фуражке: от зверя спасет ружье, а от человека... Не стрелять же, на самом деле, в медную бляху.

Запрещенный лес

Все это было давно, лет двадцать назад.

В огромном лесу, куда забрались молодые охотники, водились и медведи, и лоси, и множество пернатой дичи. Но охотиться в нем было строго-настрого запрещено.

Владел им один очень богатый и знатный помещик — герцог. Герцог никому не разрешал трогать дичь в своих владениях. Все его охотничьи угодья были разделены на участки, к каждому участку был приставлен сторож-лесник.

Лесники и конные объездчики днем и ночью шныряли по лесу, ловили и тащили в суд всякого, кто осмеливался застрелить хоть рябчика. Суд присуждал преступника к денежному штрафу или сажал в тюрьму; у того, кто попался в третий раз, совсем отбирали ружье. Герцог сам любил пострелять. Он охранял дичь для себя. Он собирал к себе гостей и устраивал для них большие облавы. Целые деревни сгонялись в загонщики. Лесники и крестьяне окружали участок леса и гнали перепуганную дичь прямо на охотников. Стрелки сидели на принесенных для них стульях и спокойно постреливали пролетающих над головой птиц и пробегających мимо зверей. Сзади стояли егеря и заряжали ружья. Это была не охота, а бойня. В деревнях говорили даже, будто герцоговы егеря заранее ловят и привязывают к кустам куропаток и тетеревов. Стрелка подводит к птице, и он стреляет в нее, пока не убьет. Егерь со всех ног бросается за добычей, незаметно отвязывает ее и поздравляет стрелка с «полем». А между тем во владениях герцога жило много крестьян-охотников. Для них охота была совсем не забавой, а страстью и делом. Были семьи, в которых охотничья страсть переходила от деда к отцу, от отца к сыновьям.

В таких семьях крестьяне не занимались земледелием: они могли жить только охотой. И они охотились в запрещенном лесу, а герцоговы лесники охотились за ними.

Витка, Сергило, Пахом и Егор зимой жили в городе, а летом в деревне. Они были из тех, кого хлебом не корми — дай только дичь понюхать. Они знали и любили лес, никогда не стреляли дичь в недозволенное время, не били маток и подлетков. Но все опасности запрещенного леса не могли заставить их сидеть дома, когда наступала осень и начиналась настоящая охота. Сторожа герцогских угодий были злы и жестоки. Им сильно доставалось от хозяина за невыловленных охотников. Их не нанимали из местных жителей: герцог боялся, что местные будут делать поблажки односельчанам.

Он брал лесников и объездчиков только из других местностей. Крестьяне ненавидели этих герцогских наймитов.

Они водились только с урядником и стражниками. С крестьянами у них дело доходило частенько до драк. А встретив самовольного охотника в лесу, лесник нередко залеплял ему по ногам хороший заряд дроби. Ведь жаловаться крестьянин не пойдет: его же взгреет урядник или суд.

Четверо молодых охотников все это знали. Знали, что и в них лесник не побойтса пустить заряд. И придумали разные хитрости, чтобы избежать неприятной встречи.

Не так просто отыскать дичь без собаки даже там, где ее много. Витька осторожно подвигался вперед, он всматривался в каждый куст, в каждую корягу — не прячется ли там глухарь или заяц? Лес молчал, деревья были неподвижны.

Но охотник не верил ни тишине, ни неподвижности. Он знал, как неожиданно срывается из-под ног притаившийся глухарь, как вскакивает возбужденный заяц. Каждую минуту впереди мог подняться из чащи медведь или — самое страшное — лесник. И Витька старался ступать так бесшумно, так незаметно, что ему иногда на-

чинало казаться: его тут нет, по лесу движутся только его глаза и уши.

— Тук-тук!

Охотник разом стал. Кто стучит?

— Тук-тук-тук-тук!

Ага! Вот: небольшая пестрая птичка высунула золотистую головку из-за сучка, глядит лукавым взглядом.

Витька знает лес, знает наперечет все породы птиц и зверей. Он сразу смекает: трехпалый дятел.

— Стучи, стучи, милый! Работай. Я тебя не трону.

Все в порядке. Охотник шагает дальше. Впереди — жвуть! жвуть — совсем человеческий свист. Ямщики так посвистывают лошадям. Витька шагает. Это — поползень. Поползень его не ка-сается.

— Клок! клок! — густо, басисто доносится с вершины большой

ели. Шагает Витька. Это черный ворон кричит. Ворон не дичь. Слева песня синицы:

— Ти-ти-ту! Ти-ти-ту!

Разве осенью в эту пору поют синицы?

На ходу, даже не взглянув в ту сторону, Витька отвечает точь-в-точь таким же голосом:

— Ти-ту-ти-ту-ти!

И сейчас же справа от него раздается:

— Ти-ту-ти-ти!

Это — перекличка. Это значит:

— Идешь?

— Иду. Все в порядке.

— Иду и я.

Слева от Витьки идет Сергило. Справа — Егор и Пахом. Пахома Витька не слышит. Пахом слишком далеко от него — за двести шагов. Пахома слышит Егор. Все держат связь друг с другом. Свист помогает им все время идти на одинаковом расстоянии друг от друга. Охотники как гребнем проходят чащу. Дальше — мох, кочки, редкие сосенки — болото. Все четверо выходят к нему почти одновременно.

По открытому месту идти опасно. Сергило машет рукой.

Все опять скрываются в чащу, разбиваются в цепь — Сергило у самой кромки леса, — идут вдоль болота.

Чаща редет. Под ногами у Витьки кочки. Молчит лес. Только цыкают от времени до времени синицы.

«Как сегодня долго, — думает Витька. — Идем, идем — и ни одной дичины!»

Его глаза устали всматриваться, уши — слушать. Он рассеянно поглядывает по сторонам. Вдруг с треском и криком взрываются из-под кочек две крупные бело-рыжие птицы. Витька вздрагивает. Ружье само взлетает к плечу. Целиться некогда. Стреляет навскидку. Бумм! бумм! — гулко несется по лесу, по открытому болоту.

Но глаз меток, рука верна и привычна: ружье вскинулось правильно. Сквозь дым видно: одна из птиц перевернулась в воздухе и шлепнулась оземь.

Другая метнулась влево, скрылась за деревьями. И сейчас же слева за деревьями выстрел.

Витька кидается к убитой птице. Белая куропатка.

Складывает ее тугие крылья, прячет добычу за пазуху.

Еще звенят в ушах выстрелы.

Справа голосом красноперой чечевички спрашивает Егор:

— Ти-вить-ти-тиу? — Убил дичину?

«Есть одна!» — во весь голос хочется крикнуть Витьке. Но он спохватывается и тем же свистом отвечает:

— Ти-вить! — Убил.

И Сергило сообщает слева:

— Ти-вить!

Охотники идут дальше, гребнем проходят лес. Опять только время от времени посвистывают синицы.

Витька еле сдерживает шаг, его так и тащит вперед. Под каждым кустом мерещится дичь. В горячке он забыл опасность, не думает

о том, что привлеченный выстрелами лесник, может быть, уже разыскивает их в лесу.

Гуще и гуще лес впереди, тесными кучками встает молодой осинник, шатрами вздымаются елки.

Идет

Нежный голос пеночки-теньковки:

— Тень-тень-пинь! Тень-тень-пинь!

Справа.

«Егор! — думает Витька. — Что у него там такое?»

— Тень-тень-пинь! Тень-тень-пинь! — Тише ты!

Да ведь это предостережение! Витька припадает за куст, сгибается. Он разом стал вдвое меньше, врос в землю, замер, превратился в пень. У пня остались только глаз да уши.

Проходит долгая минута — никого, ничего! Тревога растет: неужели лесник? . .

Проползает еще минута, две. Витька слышит только свое сердце.

Вдруг слева раздается шорох. Витька быстро оборачивается — Сергило!

Подходит. Шепотом спрашивает:

— Где?

— Не знаю. Егор пенькал.

Шорох справа. Подходит Егор. За ним Пахом.

— Кто? Где?

— Глухарка, — спокойно говорит Егор. — Матка. Перелетела и сразу села. Выводок должен быть.

Ух, как сразу отлегло от сердца! Молодец Егор: всех позвал, теперь можно полыводка перебрать.

Короткой цепочкой охотники подходят к кустам, куда молча указывает Егор.

Гремя крыльями, срываются перед Пахомом две молодые глухарки, перед Егором одна. Грохают выстрелы.

Темный молодой петух выскакивает чуть не из-под самых ног Витьки. Витька стреляет, и выстрел его сливается с новыми выстрелами товарищей.

Когда стрельба прекратилась и охотники подняли добычу, у троих оказалось по молодке, у Витьки — петух.

Такой удачи никто не ждал.

Все четверо расселись по пенькам, закурили. Рассказывали друг другу кто что видел. Егор без выстрела отпустил косулю: залюбовался на ее рожки. Пахом видал свежие следы лося, Сергило — медведя.

Много ли прошли, а рассказов хватило на полчаса. Про лесников никто и не вспомнил.

Наконец тронулись дальше.

Витька шел теперь по краю цепи, Сергило на его прежнем месте.

«Уж как пойдет, как пойдет удача, — думал Витька, — так толь-

ко держись! Так всегда на охоте — либо уж ничего, либо... Что такое?»

Слева явственно послышался хруст сучка.

Витька остановился, прислушался. Ничего. На всякий случай предупредил соседа:

— Тень-тень-пинь! — Тише ты!

Еще треснул сучок, еще. Слышно стало: кто-то тяжело шагает по лесу.

— Да ведь это лось! — сообразил Витька. — Надо спрятаться и скорей пулю!..

Подошел Сергило. Витька замахал на него руками и сам пригнулся к земле.

— Сохатый! — еле выдавил он из себя от волнения. — Ползем скорей в кусты.

Они на четвереньках добрались до чащи молодого осинника и там встали на колени. Витька поспешно вложил в правый ствол разрывную пулю.

Шаги приближались.

— Дадим знать нашим, — на ухо шепнул Сергило. — А то спугнут нам.

И он свистнул на низкой ноте:

— Футь! Футь!

Это был короткий, отрывистый крик болотной курочки — погоныша. Сигнал — лесник идет!

Витька удивленно взглянул на товарища.

— Тише будут! — шепотом объяснил Сергило.

— Футь! Футь! — донеслось до Егора.

Значит, услышал сигнал и передает его Пахому.

Громкий тревожный треск подкоренника возвестил притаившимся охотникам о приближении зверя. Эта птичка раньше других замечает опасность и дает знать о ней всему населению леса.

Слышно было, как зверь ломил через чапыжник. Витька ждал его с поднятым к плечу ружьем. Он судорожно вспоминал: «Зверю — под левую лопатку. В лоб — отскочит».

Чапыжник зашевелился, раздвинулся — и над ним показалась фуражка с медной бляхой.

— Ложись! — прошипел Сергило.

Витька прижался брюхом к земле рядом с товарищем.

Отсюда ему не было видно фуражки.

И слышит он только, как сердце колотит прямо в твердую-твердую землю.

Потом удары сразу стали резкие, тяжелые. Витька поднял глаза и весь похолодел: на него шагали большие казенные сапоги.

— Умри! — скорей понял он, чем расслышал беззвучный шепот товарища.

Витька втиснул дрожащий подбородок в жесткую землю.

Сапоги шагнули еще раз и остановились у самого осинника.

«Если глянет сюда, — сообразил Витька, — кончено!»

Грубый голос что-то сердито пробормотал. Волосатая рука опустилась к сапогу и что-то потянула из-за голенища. Витька мог бы достать ее концом ствола.

Сапоги стояли на месте.

«Видит, — решил Витька. — Думает, что сделать: схватить нас или выстрелить».

К щеке притронулась дрожащая рука Сергилы. Витька взглянул на товарища.

Тот глазами и подбородком показывал на землю перед собой. Там дымилась только что брошенная спичка.

Пахнуло крепким запахом махорки.

«Курит еще, леший!» — подумал Витька.

С отчаяния ему пришла мысль вскочить, выпалить над головой мучителя и крикнуть ему: «Руки вверх!»

Он тихонько стал подбирать под себя одну ногу.

В эту минуту сапоги медленно повернулись и шагнули в сторону.

Через минуту в той стороне, куда направились сапоги, зацыкала зарядка. Потом — подальше — затрещал встревоженный певчий дрозд.

По голосам птиц охотники сообразили, что лесник отошел достаточно далеко.

Они поднялись, огляделись.

Опасность миновала.

— Фиу-лиу! — иволгой свистнул Витька.

Он давал знать Егору и Пахому, чтобы они подходили.

Прошло минут пять, пока все собрались. Оказалось, Пахому негде было притаиться, и он залез на дерево.

Охотники быстро пошли назад.

Через полчаса они благополучно перебрались через канаву. За канавой кончался запрещенный лес — владения герцога.

И уж тут-то все четверо сразу громко заговорили на человеческом языке, потому что в птичьем языке нет настоящих слов, чтобы радоваться удаче и насмехаться над обманутым врагом.

АСКЫР

ПОВЕСТЬ О САЯНСКОМ СОВОЛЕ

Степан и Аскыр

Вершины Саянских гор обозначились на ночном небе. Казалось, что они стали еще черней от забелевшего за ними света.

Ровный белый свет стал быстро опускаться в ущелье. На черном дне заблестела ломаная полоска реки. Красный огонь костра на скале побледнел, стал почти невидим.

У костра сидел ярославец. Один сидел Степан, без товарищей. В глухой тайге, в безлюдных Саянских горах. Бывает же, что не по-счастливится... Не повезло дома, пошел искать себе счастья. Говорили люди, что в Сибири земли много, по ручьям золото копают, по рекам лес сплавляют. Всю реку, говорили, лесом запруживают. Да вон он — лес — кругом стоит; лесу — что травы, а какой в нем толк! Лес не распашешь! Рвал его Степан, корчевал, думал очистить место для запашки. Да разве вдвоем с бабой одолеешь проклятые пни да коренья. А к соседям не приступись: одно слово — кержаки.

Зло глянул Степан на тайгу. Из черноты все зеленее и зеленее вставала тайга кругом, обступила и молчит: насупилась, пихты да ели.

— Кержаки те же! — сказал Степан и плюнул в костер.

Где-то из лесу в ущелье глухо заукала немая таежная кукушка.

— Подавилась! Кто ее за глотку держит?.. И птица тут нескладная. К черту б все — да домой.

И таким приветливым родное село вспомнилось. И солнце не то, и елки по-другому смотрят. А улица — все дома улыбаются. Да ведь пять тысяч верст пешком не отмеришь. А на поезд где деньги взять? Говорят, золота, золота в Сибири сколько, в ручьях ведь люди могут, — чего зевать? И пристал Степан к «старателям», кустарям-золотомоям.

Опять незадача, — как ни бился Степан, только на харчи и выра-

батывал. Вспомнил, что жена на заимке одна осталась. Показали Степану тропу, и махнул Степан тайгой на перевал к своей заимке.

Перевалил хребет — и вот сидит у костра, — дожидается света, бросает хвойные лапы в огонь.

Пискнула в траве мышь и серым клубочком покатила прямо Степану под ноги. За ней метнулся из травы головастый темный зверек, не больше котенка. Он в два прыжка придавил мышь у самых колен человека.

Степан быстро прихлопнул зверька ладонью и зажал в руке. Он сам не знал, зачем это сделал, — просто так, сама рука упала. Зверек выпустил из пастишки мертвую мышь и забился, завертелся. Держит его Степан, а он вот-вот шею вывихнет — норовит вцепиться Степану в руку.

— Хорьчонок! — сказал Степан и стал с любопытством разглядывать пушистую шкурку зверька. — Нет, куничка скорей — рыльце востренькое и шерсть черна.

Степан сызмала любил баловаться с ружьем, был неплохой охотник и каждую птицу, каждого зверя у себя в лесах знал с виду и по имени.

Повертел, повертел зверька, оглядел со всех сторон.

— Нет, и не куничка, больно шуба богатая! Кто же ты таков? И вдруг во весь голос крикнул:

— Соболь!

Зверь с перепугу сильнее рванулся в руке.

— Ага, признался! — сказал Степан. — Вишь, гладкий какой! Даром, что маленький еще. Да ты меченый, рукавичку надел!

Левая передняя лапка зверька до сгиба была белая.

— Ну, фронт, ну и фронт! Ай шуба! Как я тебя сразу-то не признал. Аскыр¹ и есть.

Соболенок, изловчась, тянул-таки его за палец, и Степан поневоле разжал руку.

Зверек упал наземь, мячиком подскочил и пропал в траве.

Степан бросился за ним.

— Стой, стой, шельма!

Да куда там! Зверька и след простыл.

Из-за гор вырезался огненный край солнца.

На минуту Степан ослеп: в глазах пошли красные, синие, желтые пятна.

Степан потер глаза и весело глянул на тайгу.

— Вот они где, деньги-то! — сказал он вслух. — Так по тайге и бегают.

Обвел Степан взглядом всю тайгу, что было видно, и подумал: «Сколько тут этого соболя насажено! Ружьишко б справиться, собачонку какую ни есть да пристать к кержакам. Клад из этого места можно выволочь. Сидел я тут дураком, счастья своего не видел!»

Кинул Степан узелок на спину и быстро зашагал в гору.

А маленький Аскыр сидел в это время под кедром, мелко дышал и дрожал всей шкуркой от страха.

¹ А с к ы р — самец соболя. Слово, вошедшее в употребление у русских промышленников.

В родной тайге

Степан ошибся в расчете. Кержаки не захотели принять его в артель. У него не было ни ружья, ни собаки, ни капканов. Он был новичком в тайге. Что ж из того, что он умел метко стрелять! Кержаки — народ расчетливый и хозяйственный, — голый новосел им не товарищ.

Степан попробовал счастья в других деревнях. Но тамошние артели совсем его не знали. Глухое было место тогда — Саяны. Никто не решался жить в немой, как могила, тайге с чужим человеком. Кто его знает, что у него на уме?

Подошла осень. Кержаки ушли в горы соболевать.

Скрепя сердце Степан остался в заимке перебиваться с хлеба на квас.

А в тайге в это время рос и нагуливал шерсть молодой Аскыр.

В то утро, когда он попался Степану, он был еще совсем неразумный детеныш. Тогда он только-только покинул соболюшку-мать и двух маленьких братьев. Первый раз пошел он на охоту без матери, хотел поймать мышь и сам чуть не остался в руках у Степана. Горячий, задорный зверек в то время так рвался за всякой дичью, что мог угодить прямо в горящий костер.

Но молодые звери в тайге растут не по дням, а по часам. Чему научились его предки — все уже было у него в крови отроду. Лапы сами делали прыжки, чутье неудержимо тянуло туда, где пахло дичью, тело сплющивалось и изгибалось, когда грозила беда.

Схватят зубы ядовитую жабу, но рот сам с отвращением выплюнет вредную пищу. Язык его говорил ему: «Этого соболь не ест!» И он с отвращением тряс острой мордочкой.

Весь его соболиный род был хищники. И сам он с первых дней знал, как ему быть при встречах. Если зверь слабей тебя, — поймай и съешь. Если он с тобой одной силы, — дерись с ним, прогони или убей. А если сильнее тебя, — уноси ноги.

Так же, не раздумывая, молодой зверек выучился пользоваться шубкой-невидимкой. Подкрадывался ли он, нападая, или прятался, убегая, — он безошибочно выбирал места, где самый острый глаз не мог разглядеть его темного меха среди бурых комьев земли, стволов и скал.

И вот к осени, к тому дню, когда Степан проводил завистливым глазом уходящих в тайгу охотников, Аскыр уже стал взрослым соболем. Не всякий ястреб днем и не всякая сова ночью решились бы теперь напасть на него. Он уже умел постоять за себя. Он был и смел и осторожен.

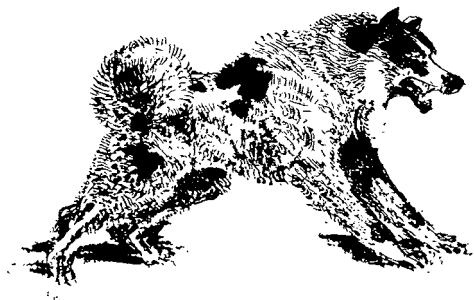
Теперь под длинным блестящим волосом его легкой летней шубки отросла густая и теплая ость. Шкурка вошла в полную цену.

Не прошло и двух недель, как Аскыру пришлось спасти ее от охотника.

Случилось это вот как.

Раз утром, возвращаясь с ночной охоты, Аскыр напал на след другого соболя. След был свежий. Аскыр сейчас же побежал по нему.

Скоро он нашел место, где чужой поймал и растерзал рябчика; от птицы остались только кровавые перья. Такого дела Аскыр не мог

стерпеть. Если у него под носом переедят всех рябчиков, то что же ему останется? Аскыр считал, что все рябчики в тайге — для него. Вора нужно поймать и истребить. И он пошел искать. След привел его к дереву и шел выше, вдоль ствола. В дереве было дупло. В дупле отдыхал чужой соболь после сытного обеда.

Аскыр стал быстро взбираться по дереву.

Другой соболь выскочил из дупла, ловко перескочил через голову Аскыра, винтом по стволу сбежал на землю.

Аскыр приостановился. Он услышал слишком еще памятный ему запах — запах матери. Еще недавно он тыкался мордой в ее пушистый живот, отыскивая соски.

Жалеть и раздумывать Аскыр не умел. Он был хищник. Кто одной силы с тобой, — прогони того или убей.

Аскыр кинулся вслед за соболюшкой и скоро настиг ее на ровном месте под темными пихтами.

Начался бой.

Соболюшка-мать была рослей и опытнее. Но она была стара; зубы ее притупились, она стала задыхаться.

Аскыр был ростом меньше, но ловчей, а главное, — он был молод. В нем была еще свежая ярость.

Соболюшка стала сдавать. Ключья шерсти так и летели из нее во все стороны.

Бойцы то отскакивали, то свивались в клубок и катались по земле. Аскыр все старался ухватить соболюшку за горло.

Вдруг оба зверька отскочили в разные стороны и проворно вскарабкались на деревья. В ближних кустах раздалось шумное дыханье, и на площадку перед пихтами выскочил большой зверь. Уши на голове у него стояли торчком, язык вывалился из пасти, круглые глаза следили за соболюшкой.

Соболюшка вскарабкалась на толстый сук и, почувствовав себя в безопасности, стала уркать и сердито пырскать на зверя. Зверь поднял морду и громко, отрывисто залаял.

Аскыр прижался к суку другой пихты, за несколько метров от соболюшки. Он в первый раз видел собаку и очень боялся ее.

Время проходило, а собака все сидела под деревом и, не спуская глаз с соболюшки, отрывисто лаяла. Аскыр подумал: «Улизнуть бы! Что, если тихонько сползти по стволу и незаметно юркнуть в кусты?»

Вдруг он услышал сзади чьи-то осторожные, но тяжелые шаги. Аскыр повернул голову и совсем близко от себя увидел человека.

Охотник поднял ружье и прицелился в соболюшку.

Короткий хлесткий удар стегнул Аскыра по ушам. Перепуганный Аскыр мгновенно соскочил с дерева, шмыгнул в кусты и стремглав помчался по тайге. Он не останавливался до тех пор, пока не выбежал к реке. Тут он забился в узкую щель между двумя острыми скалами.

В щели он сидел до самой ночи... Никто его не заметил.

Нередко потом Аскыр слышал в тайге громкий лай собаки и короткий гром выстрелов. Но ни разу больше ему не пришлось встретить соболюшку-мать.

Наступила зима. Исчезли змеи, лягушки, скрылись бурундуки — маленькие земляные белки с пятью черными полосками на спине, улетели перелетные птицы. Аскыру становилось голодно, — дичи оставалось мало в тайге. Рябчики все больше держались по высоким деревьям. Там за ними Аскыру было не угнаться. Правда, глухари часто опускались в снег, но он не смел еще нападать на этих больших и очень сильных птиц.

Аскыр поднялся вверх по склону горы, туда, где низенькие деревья росли редкими кучками. Там он нашел спустившихся с вершин белых куропаток и скоро научился ловить их в снегу. Он выслеживал, где они зарывались в снег, и сам, нырнув в пушистый сугроб, бежал под снегом, как крот в земле. Добежав до места, выскакивал и кидался на спину ошеломленной птице.

Наконец и куропатки куда-то исчезли. Аскыру опять пришлось спуститься в тайгу. Он подстерегал белок на земле, ловил на снегу мышей и мелких птиц. Чем дальше в зиму, тем голодней становилось соболю.

А в конце зимы Аскыру пришлось идти на небывалое еще дело.

Он жил теперь под востряками — голыми, острыми скалами над рекой. Тут, после неудачной ночной охоты, он увидел крупного старого беляка. Заяц сидел под кустом дикой смородины и аккуратно обглаживал кору.

Аскыр легкими, волнистыми прыжками стал приближаться из-за камней к зайцу. Изредка он останавливался, поднимался передними лапами на камень и осторожно выглядывал.

Беляк не чувствовал беды и спокойно жевал кору.

Но вот камни кончились. Аскыр нырнул под снег и вынырнул за спиной у зайца. Секунду он потоптался на месте, убил под ногами снег и прыгнул с твердой опоры.

Почти в тот же миг прыгнул и заяц. Передние лапы Аскыра задели его по ляжке, но соскользнули. Громадными прыжками заяц помчался к камням.

Аскыр кувырнулся в снег, поднялся и жадными глазами проводил уходившего беляка. Где же его догнать!

Встревоженные зайцем, вскочили отдохавшие на востряках кабарги, маленькие — с козленка ростом — безрогие олени. Они пугливо озирались, ожидая увидеть внизу крупного хищника. Но там никого не было. Аскыр был от них за кустом, они не могли его заметить.

Кабарги скоро успокоились и разбрелись по скалам. Одна из них спустилась и подошла к кусту, за которым прятался маленький хищник. Аскыр видел, как ловко она разгребает тонкими, точеными ногами снег, вырывает корешки копытцами и хрустит острыми зубками.

Кабарга подошла к нему совсем близко.

Аскыр не раздумывал. Высокая спина кабарги была от него на расстоянии прыжка.

Он прыгнул.

Кабарга прынула. Аскыр всеми когтями вонзился в шерсть,

в кожу, а зубы сами впились кабарге в затылок. Аскыр учуял кровь. Кабарга пошла чесать со скалы на скалу брыком, скоком. Соболя бросало из стороны в сторону. Он повисал на зубах и снова цеплялся лапами, наспех грыз живое мясо, — натолкнулся на тугую крепкую жилу.

Аскыр рванул ее зубами в тот миг, когда кабарга оттолкнулась от скалы и прыгнула на чуть заметный выступ обросшего мхом угловатого утеса. Это был последний прыжок горного скакуна.

Кабарга не допрыгнула до утеса. Ее голова сникла, и она, кувыркаясь, полетела в пропасть.

Когда оглушенный Аскыр вылез из-под нее на дне ущелья, кабарга уже не дышала.

Десять дней пировал Аскыр. Он понаделал себе нор в снегу под камнями, каждую ночь выходил и до отвала наедался мясом.

А днем, когда, сытый и довольный, он крепко спал в своем теплом логове, на труп кабарги слетались таежные птицы. Рыжие сойки с ярко-голубыми перышками на крыльях дрались на падали с крапчатыми кедровками. Кругами спускался с высоты ворон и, разогнав пернатую мелкоту, важно усаживался на добычу. Но и он поспешно взлетал, когда из-под камня показывалась усатая мордочка Аскыра. Все боялись маленького смелого хищника.

Так встретил Аскыр первую весну своей жизни. Пришла пора искать себе подругу. Он целыми днями рыскал по тайге, бился со всеми встречными соболями и бегал за всеми молодыми соболюшками. С первым теплом повывлезло из-под снега спавшее зимой зверье, начали возвращаться птицы. Тайга с каждым днем оживлялась, дичи попадалось вволю. Теперь не слышно стало выстрелов. Аскыр был сыт и счастлив.

А Степан с семьей к весне дождался последний свой кусок хлеба. Ему ничего не оставалось больше, как поступить в работники к богатому кержаку.

Так он и сделал.

В дороге

Чернее дегтя густая темь сентябрьской ночи. Хоть глаз коли, не разглядишь близких гор, темной тайги на склонах, маленькой кержацкой деревушки в сырой низине.

Спят ночью кержаки, наглухо «закутав» окна ставнями, задвинув крепкие засовы на дверях. Тайга кругом, в тайге — зверя сила. Смелеет ночью зверь, вылезает из тайги, к самому подходит пряслю и глядит: все ли спят; нельзя ли, просунув в дыру косматую лапу, когтями рвануть чего-нибудь?

Все убралось по домам, все спят. В одной только избе сквозь щели ставен — свет.

В просторной и чистой избе собралось пять кержаков.

Один в домотканой рубахе без пояса. Он старший здесь. У него седая борода и темные, клочьями шерсти нависшие брови. Он сидит, обеими руками грузно опершись на лавку, широкий и коренастый, как пень столетней пихты.

Остальные четверо в грубых шабурах¹, подпоясанных узкими ремнями. На ногах бродни² с голяшками выше колен. Все они вооружены: на ремнях — длинные ножи в прямых деревянных ножнах, в руках — ружья. Они стоят и молча ждут.

Старик приподнялся с лавки, повернулся лицом к образам, прочитал молитву. С темных образов угрюмо глядели на него черноликие кержацкие боги.

— Ну, с богом! — молвил старик, тяжело опускаясь на лавку. — Ступайте, женщин покричите — припасы донести помогут.

И пока в горнице бабы собирали мужей в путь, он подозвал молодого охотника и начал строго:

— Ты, паря Стёпша, гляди ж, не выдай! Отдал я тебе и Пестрю и винтовку. Так и спросится с тебя. Смотри! У старших ума набирайся.

Степан покорно слушал старика. Он не мог еще опомниться от привалившего ему счастья: наконец кержаки взяли его в свою артель!

Вышло это неожиданно. Весной Степан нанялся работником к старшему артели, к старику. Чтоб взяли его в артель, нечего было и речь заводить.

Но под осень со стариком случился припадок. Руки и ноги совсем было отнялись. Напрасно его парили в бане и окатывали студеной водой: ему становилось все хуже.

Старик совсем собрался было помирать, но оправился. Силы опять вернулись к нему. Но об охоте нечего было уж думать. Поддалось здоровье. Старик с трудом двигался, в груди у него что-то будто лопнуло, дыхание вырывалось с хрипом и свистом.

Сыновей у него не было, некого было поставить вместо себя в артель. А дохода упускать старику не хотелось.

За лето он пригляделся к Степану.

У Степана золотые руки. Степан здоров и вынослив, хвастает, что меткий стрелок. Поставить бы вместо себя, да вот беда — Степан не кержак.

Старик недолго раздумывал. Сказал Степану: «Хочешь в артель — молись по-кержацкому, из трех добытых соболей двух отдавай хозяину. За это дам тебе ружье свое, капканы, собаку и место в артели. А семья пусть живет в боковушке на хозяйском дворе, на хозяйских харчах».

Степан в бога плохо верил. Раздумывать долго не стал и вошел от хозяина в артель.

Сборы были кончены. Охотники простились со стариком. Степан отодвинул засов и распахнул дверь на двор.

Шарахнулся зверь от прясла, полез, косматый, прятаться в тайгу. Смутно чужь врага, ворчали, сбегаясь к крыльцу, остроухие лайки. Но, поняв, что хозяйева собрались на охоту, забыли о враге, запрыгали и завизжали.

Взвалив на плечи груз, охотники и их бабы, крадучись задами, потянулись к реке.

¹ Ш а б у р — армяк из холста.

² Б р о д н и — охотничьи сапоги.

Груз был тяжелый. Артель отправлялась в дальнюю тайгу месяца на полтора-два, на осенювку. Запасу брали на каждого: сухарей по три пуда, крупы, масла, чаю полкирпича, сахару, соли, спичек. Белья смену, штаны, шапку, полотенце, портянки. Да провианту: свинцу фунтов по шесть, пороху фунт, пистонов. Всего на каждого брали пудов больше шести.

Ноги вязли в грязи. Степан поскользнулся, шумно ввалился в яму.

Все разом остановились. Слушали: не разбудил ли кого из деревенских.

Кержаки боялись «сглазу». Все приготовления к отъезду и день его держали в тайне. Дрожали, как бы в последнюю минуту не сплоскаться.

В избах спали крепко, ничего не слышали.

Дошли до реки, склали все в две лодки, на дощатые настилы, и прикрыли пологам, чтоб водой не замочило.

Степан весело простился с женой:

— Прощай, Матрена! Жди к зиме!

Он лихо вскочил в закачавшуюся лодку.

Артель тронулась вверх по реке.

*По шиверам*¹

Стремительная горная река, круто обогнув скалы, гнала свои мутные волны по широкому плёсу. В середине его вода вдруг, словно взбесившись, принималась плескаться и кружиться, волны с ревом кидались в берега, плевали в них грязной пеной и, крутясь, отскакивали назад.

Так бурлили они метров тридцать, а дальше разом утихали и с полкилометра — до нового загиба — опять быстро мчались вперед, унося на себе легкие комья пены.

Из-за скалы вышли две лодки. Они шли против воды бечевой. Каждую тянул один человек, идя по берегу: другой, сидя в лодке, управлял шестом.

В первой паре тянул низкорослый, весь широкий, рябой Маркелл; в лодке сидел его брат, старший артели, бородастый Ипат. Во второй управлялся шестом Степан, тянул рыжий Лука.

Лодки приблизились к ревущему порогу и остановились. Люди переменились местами: кто тянул — перешел в лодку, кто сидел — взялся за бечеву. И без передышки двинулись вперед.

Бечева сильно резала Степану плечо и грудь. За три дня пути он исхудал, кости проступили, глаза ввалились. Болело все тело.

Передняя лодка заплескала на бешеных волнах. Согнутая спина Ипата бурным пятном маячила перед глазами.

Через минуту бечева резко дернула плечо Степана и напряглась. Он всем корпусом подался вперед, выбросил руки и медленно, упорно шагал, пружинисто сгибая ноги. Бечева все глубже впивалась в тело.

¹ Ш и в е р а — речной порог.

— А-а-а! — донеслось до Степана сквозь гул воды. Кричал Лука из лодки, но что — невозможно было разобрать.

— Чего?! — гаркнул Степан, сколько мог из сдавленной веревкой груди. В голове у него помутнело от натуги.

— Смаривай! — донесся голос снизу.

Лука давал знать, чтобы Степан ослабил бечеву: лодка шла прямо на камень.

Степан не сообразил сразу. Его рвануло, сбило с ног и поволокло по каменистому берегу к воде. Над самым обрывом он успел упереться обеими руками в большой камень и повис над бурлящей рекой.

На одно мгновение он увидел под собою неистовую пляску волн. Волны, подскакивая, обнажали острые камни на дне.

Степан успел только подумать: «Смерть!»

И сейчас же бечева, захлестнув его голову, повернула его лицом к берегу.

Он увидел теперь над собой утес. С голого камня — совсем близко от Степана — свесилась человеческая голова. Голова была вытянута огурцом и вся почти обросла шерстью. Левый глаз вытек, и на его месте была кровавая круглая болячка. Единственным своим глазом голова неподвижно смотрела на Степана. Черный рот улыбался.

Все это Степан успел заметить в один миг.

Резким движением он высвободился из-под бечевы.

На помощь ему бежал уже Ипат. Он перехватил бечеву, помог Степану и сам повел лодку через порог.

Степан взглянул на скалу. Там торчал только одинокий куст можжевельника. Головы не было.

Кержаки ругали его за неловкость, а он все еще никак не мог очухаться.

«Померещится же такое! — раздумывал он. — Три дня в тайге, живого человека слыхом не слышать, а тут этакая харя!»

Он решил ничего не говорить кержакам о своем видении: подумают — рехнулся.

К полудню сделали привал. Сеткой наспех наловили рыбы, сделали «опал»: прямо в костер покидали рыбу, опалили и спекли. Содрал кожу с чешуей, солили и ели.

— Ты слушай крику-то, — наставительно говорил Степану Ипат. — К самой Горелой подходить станем, так разве такие шиверы пойдут? Кипяток! Еще хлебнем морцовки-то.

Скоро у кержаков разговор перешел на другое.

— К дружку бы завернуть, — обратился Ипат к брату. — Не видать его нонче на берегу-то.

— Небось сам заявится, — отвечал Рябой.

— Про Горелую попытать.

— Сами увидим, занята аль нет. Нечего нам с ним разговоры разговаривать! — ворчал Рябой.

В это время близко от охотников за кустами яростно залаяла собака.

— Гляди вот, — закончил Рябой, — наверняк твой одноглазый дружок пожаловал. Гони ты его!

— Твоя напала! — сказал Ипат Степану. — Запрети собаку.

Степан крикнул в кусты:

— Цыц, Пестря! Подь сюды!

Из кустов выскочил пестрый кобель. За ним показался приземистый человек с большим суком в руке, которым он отбивался от собаки.

Степан вздрогнул так сильно, что горячий чай плеснул ему из кружки на руку: он мгновенно узнал вытянутую огурцом голову, одноглазое лицо в шерсти.

— Чай да сахар! — неожиданно тонким голосом пропищал черный волосатый рот. — Опять в наши края, дорогие гости? Сейчас только дымок ваш заприметил. Дай, думаю, дойду спрошу, не надо ль чего: провианту там, аль спирту? Надолго, поди, в тайгу-то? На осеновку, аль за одним и на зимовку?

— Беседуй, Нефёдыч, — прервал Ипат словоохотливого пришельца. — Провианту не потребуется, — сполншком брали. А вот поведай нам, соболь нонче доспел ли и какие артели вперед нас прошли?

— Можно и про соболя и про артели. Нам для хороших людей не жалко, — вкрадчиво говорил Одноглазый. Степан со страхом смотрел, как глаз его, масляно поблескивая, перебегая с охотника на охотника, остановился на нем.

— Зверь весь уже, слыхать, выкунел: и белка, и горностасть, и соболь. А промышленного люда тоже дивно прошло на белки¹. И на лодках заходят и на конях, слышь, заезды делают.

Охотники переглянулись. Рябой сердито сплюнул в костер.

Ипат будто равнодушно спросил:

— Которые и на Горелую забрались?

— На Горелую? Запоматовал я чего-то...

Степан видел, что Одноглазый хитрил, может быть, ждал еще вопроса.

Кержаки молчали.

Степан старался угадать: откуда взялся этот одноглазый, заросший шерстью, как зверь? Кругом на сотню верст безлюдная тайга. Что он делал там, на утесе? Отчего он все знает в тайге? Почему он скрывает про Горелую, куда Ипат ведет свою артель?

Ответов на эти вопросы не было.

— Емельян Федосеич что же нынче не с вами? — спрашивал Одноглазый. — Уж не вы ли, человек молодой, от него будете? — уставился он на Степана.

— От него в артель вступил, — ответил за Степана Ипат. — За немог Емельян.

Одноглазый стал спрашивать о деревенских делах. Отвечал ему Ипат.

Только когда охотники допили чай и собрались продолжать путь, Ипат сказал:

— Так ежели какая артель на Горелую станет пробираться, ты, Нефёдыч, скажи им, что-де мы там отаборились.

— От дурной! — притворно спохватился Одноглазый. — Совсем было из головы вон! Ведь на Горелую-то еще вчерась минусинские ребята прошли.

¹ Белки — снежные вершины гор.

— Ястри ты! — прорвало вдруг рыжего Луку. — Чего же ты, дьявол одноглазый, в прятки-то прикидываешься? Сам же ты туда их послал!

— Зачем посылать, — степенно отвечал Одноглазый. — Сами пошли. «Нынче, — говорят, — зверь у нас кругом обловился, а у вас тут, слышаны мы, на Горелой ясно¹ соболя родится».

— Асмодей ты! — ругался Рыжий, сталкивая лодку в воду. — Своих на наше место поставил!

Одноглазый, словно не слыша, как его честят, ласково зазывал:

— Назад будете, нас не забудьте! Добрым людям всегда рады... Соболей продать или там спиртишка понадобится, — на всем ответ держим!

— Ладно, — сказал Ипат и стал спихивать лодку.

За первой лодкой спустили и вторую. Теперь берег был ниже, тянуть было ловчей, и лодки плавно шли вдоль пологого берега.

— Скажи ты на милость, Лука Фомич, — спросил Степан Рыжего, — и откуда это пугало в тайге взялось?

Во все время пути кержаки почти не разговаривали со Степаном. Они считали его ниже себя: он ведь был новичок в тайге, к тому же от хозяина в артели и, значит, им не ровня.

Но в этот раз Луке самому, видно, не терпелось поговорить.

— С царской каторги беглый. На воле, слышно, харчевню держал, проезжих купцов чистил.

— Откуда он про тайгу-то все знает?

— Зимовщик он здесь, «дружок», по-нашему. Место такое выбрал, — татарин ли, русский — всяк мимо него в тайгу заходит. Провиант держит, самосядку. Одно слово — паук таежный.

Лука сердито налег на бечеву и продолжал, точно сам с собою, говорить:

— Нет, врешь, нас не опутаешь! Мы себе место в тайге найдем. Зубы поломаешь, волк!

— А на Горелой разве уж и места не хватит с минусинскими-то? — спросил Степан. Он слышал про Горелую, — на этой большой горе несколько лет уже как промышляла артель старика Емельяна.

— Сунься к им! — опять, словно про себя, сказал Рыжий. — Сурьезные ребята.

— Поглядывай! — крикнул впереди Ипат.

Лодки подходили к новой шивере. Река грозно гудела на перекате.

Степан вспомнил, как его давеча чуть не утянуло в бурлящий поток, и крепче перехватил шест. Разговор сам собою оборвался.

Уже стемнело, когда артель, натягиваясь из последних сил, дотащилась до удобного для ночевки места. Но и тут до смерти уставшим охотникам было не до разговоров. Кержаки только наспех обсудили, куда им теперь направиться, раз Горелая уже занята.

Решили идти протокой и стать на Кабарочьих Востряках.

Кабарочьи Востряки были те самые острые скалы, где Аскыр одолел кабаргу. Больше года назад Степан впервые встретился там с Аскыром.

¹ Рясно — обильно.

На Кабарочьих Востряках

Лето Аскыр провел спокойно.

Ни разу больше ему не случилось встретиться с человеком. Выстрелов тоже не было слышно. Тайга, как дикий зверь, зализывала свои раны.

На место убитых зверей и птиц народились новые звери и птицы. Черные плешины кострищ затянуло травой. Над пустыми местами, где люди срубили лесины, соседние деревья протянули свои густые ветви. В тени под ними пробился из земли жесткий мох. Мхом обросли еще свежие пни, мох скрыл под собою следы человеческих ног.

Все лето Аскыр наедался до отвала. Он научился разыскивать хитро спрятанные в траве и в листве птичьи гнезда. Птенцы и яйца были для него лакомством.

Он забирался в густые крепи и разыскивал там беспомощную подлесь — линияющих рябчиков и других птиц. Крылья с поредевшими перьями не спасали их теперь от быстрого хищника. Неопытные молодые зверьки и только еще подлётывающие птицы до самой осени то и дело попадались ему в зубы.

Осенью на Аскыре снова отрос теплый густой подшерсток. Его темная шубка стала еще пышнее и роскошнее, чем в прошлом году. Под ней ровным слоем лежал жирок. Голод и холод зимы не были теперь страшны ему: жирок и греет и кормит в черный день. Ночью Аскыр рыскал по тайге. Днем спал в валежнике, в дуплах, под камнями и в других укромных местах, которых так много в тайге.

Уже вершины невысоких гор присыпало снегом и стая за стаей проносились над ними перелетные гуси, когда Аскыр снова почувал близость людей. Стук топора донесся до него как-то на вечерней заре.

В ту же ночь Аскыр ушел выше по склону горы, подальше от опасного места.

Артель добралась по реке под самые Кабарочьи Востряки. Охотники вытащили лодки на берег и принялись за устройство стана.

Степан только диву давался, с какой быстротой разбили кержаки палатку «по-амбарному», заготовили дров, сколотили на деревьях крытый лабаз для запасов и провианта.

Когда жилье было готово, кержаки оставили Степана сторожить и все трое ушли в тайгу добыть побольше мяса впрок.

Два дня только и было Степану дела, что кормить привязанных к деревьям собак да готовить себе нехитрый таежный обед.

На третий день под вечер охотники вернулись. Они приволокли на себе тяжелые мешки, набитые мясом двух крупных самцов изюбрей.

Степану сильно хотелось узнать, где успели добыть его товарищи этих таежных оленей. Степан знал, что это зверь сторожкий и пугливый.

Но на все расспросы Степана ответил только рыжий Лука: «изюбрей» подманили на голос, на трубу.

Без лишних слов и проволочек мясо было нарезано, высушено,

посолено и сложено в лабаз. Теперь можно было приниматься за соболёвку.

На следующий день все четверо охотников чуть свет разошлись от стана в разные стороны.

Степан один медленно брел по тайге. Пестря давно куда-то исчез.

Ночью был дождь. И без того темные стволы пихт и елей стояли совсем черные. С земли несло сырым перегноем. С ветвей капало за ворот. Ноги путались в густой, полегшей на землю траве.

Степан шел с ружьем наготове. На каждом шагу можно спугнуть зверя или поднять птицу. Вглядываясь и вслушиваясь, Степан осторожно подвигался вперед.

Время проходило, а ему не повстречалось ни одно живое существо.

«И куда они все подевались, — думал Степан, — хоть бы на смех ворона каркнула!»

Серенький осенний денек нагонял тоску. Неподвижно кругом стояли темные сырые деревья.

Сзади раздался треск сучьев. Степан быстро обернулся и взвел курок.

Слышно было, как по чаще кто-то пробирается.

«Большой зверь прет! — успел подумать Степан. — Уж не медведь ли?»

Густой еловый молодняк раздвинулся, из него выскочил Пестря.

Пес молча глянул умными глазами в глаза Степану, как спросил:

«Ну что, идешь?»

И сейчас же, одобрительно вильнув хвостом, опять юркнул в чащу: «Иди, иди, — я своим делом занят!»

Степан опять остался один.

Налетела легкая стайка синиц. Черноголовые птички рассыпались по веткам, зашмыгали в хвое, поцыркали, полазали — исчезли.

Тайга поднималась в гору. Чаще стали попадаться кедры. На одном из них неожиданно блеснула пара чьих-то быстрых глаз, закачалась ветка.

Степан разом встал, вскинул ружье к плечу. Ждал, когда зверек покажется. Может, соболь?

Время шло, ружье начало дрожать в руках. Ветка давно перестала качаться.

Никто не показывался.

Степан обломил сучок, швырнул им в кедровую ветку.

Никого!

«Почудилось», — решил Степан. Пошел дальше.

Черная с красным головка птицы высунулась из-за ствола, белесый глаз слепо уставился в лицо. Дурным голосом закричала желна — черный большой дятел.

С резким криком сорвались над головой крапчатые кедровки.

— Тьфу ты, леший! — вздрогнув, выругался Степан. — Молчат — тоска берет, заорут — мороз по коже. Экая жуть таежная!

Вдруг тьякнув раз и два, залаял Пестря.

«Напал! — радостно подумал Степан и заспешил напрямик через чащу на голос. — На кого бы только: на соболя, на векшу или еще?..»

Лай прекратился, слышалось только редкое, с правильными промежутками тявканье.

«Ну, значит, посадил. Только б маху не дать теперь!»

За деревьями мелькнула белая грудь собаки. Прячась за стволами Степан бесшумно подошел к ней и остановился поодаль.

Пестря сидел и, подняв морду, пристально глядел вверх, на сучья. Время от времени он делал движение, точно собираясь подскочить, и каждый раз при этом тявкал.

Степан увидал на суку над ним темное тело зверька. Приглядевшись, различил пышный хвост, острое рыльце.

Ёкнуло в груди: «Соболь!»

Зверек сердито урчал и пырskal всякий раз, как Пестря делал попытку подскочить.

Степан поднял ружье, но сейчас же снова опустил его: «Далеко!.. Надо наверняка. Он теперь только на Пестрю глядит, все равно не заметит...»

Тщательно выбирая место, куда ступить ногой, затаив дыхание, Степан сделал еще шагов десяток.

Пестря на мгновение оторвал взгляд от соболя и метнул глазами на хозяина, будто приказывал: «Куда прешь? Бей!»

Степан положил ружье на сучок, прицелился в голову зверьку и нажал спуск.

Сквозь дым видно было, как Пестря кинулся вперед. Перескакивая через пни и валежник, сам Степан уже мчался к упавшему зверьку, что-то дико кричал и размахивал ружьем.

Но Пестря был хорошо обучен прежним хозяином. Он только раз давнул горло соболю и отскочил в сторону.

Минут десять прошло, и Пестря давно уже снова рыскал по тайге, а Степан все еще гладил и разглядывал мягкую шерстку зверька. Вблизи он не казался таким темным, как на дереве. Сверху на нем мех был желтовато-бурый, а если дунуть на него, — он раздастся, и ясно виден светлый серо-желтый подшерсток.

«Лиха беда начало! — говорил себе Степан. — Теперь как пойдет, — только шкурки считай!»

И правда, пошло. Не успел он бережно завернуть убитого зверька в тряпицу и спрятать за пазухой, как невдалеке опять затавкали Пестря.

В этот раз он сторожил белку. Степан и ее убрал к себе за пазуху.

А к вечеру, когда он, голодный и усталый, вернулся на стан, у него была богатая добыча: два соболя, шесть белок, колонок — рыжий таежный хорек — и на ужин два рябчика.

Оказалось, он принес больше всех.

— Фартит тебе, паря, — говорил рыжий Лука, — мне вот только белки встретились. В охоте первое дело — фарт. Дайко-ся взглянуть, каких добыл.

— Этот «меховой», — сказал он, рассмотрев первого из убитых Степаном соболей. — Рублев сорок за него возьмешь, а не дурак будешь — и все полсотни. А этот вот — «хвост», за этого от силы рублей двадцать дадут.

Второй Степанов соболь был бусенький с рыженькой мастью, куда желтее первого.

Степан только тут узнал, что соболя делятся на сорта по пышности меха и темноте его окраски. Дороже всего ценят темные шкурки — «головка».

Очень редко — как большое счастье для охотника — попадает еще высший сорт «головки» — вороной соболь. За него скупщики дают вдвое больше, чем за простую «головку», — рублей до трехсот.

«Попался б один такой вороной, — думал Степан, засыпая в ту ночь в палатке, — и дело с концом: до Москвы с лихвою хватит».

Во сне он видел в ту ночь Москву.

Неожиданная встреча

Скоро Степан понял, как много значит для охотника «фарт».

Проходили дни за днями. Он с утра до ночи рыскал с Пестрей по тайге, то взбираясь на кручу, то спускаясь в долину. Но ему не удалось больше поднять ни одного соболя. Даже белки стали попадаться редко. С каждым днем Степану не везло все больше и больше. Если дело и дальше пойдет так, он вернется в деревню таким же голышом, каким вышел из нее.

Быстро подходила зима. По ночам стали выпадать «переновы» — пороши. По утрам, выходя из палатки, Степан слеп от блестящего снега. Если день выдавался теплый, снег в тайге стаивал к полудню. В холодные дни он так и оставался лежать на земле и на деревьях.

Когда снег «углубеет», — осенка кончится и артель вернется в деревню.

Степан брал с собой запас сухарей и пропадал со стану до самой ночи. Он поднимался каждый раз все выше по склону горы, — Лука говорил, что «головка» чаще встречается на вершинах.

Один раз он задержался в тайге до темноты. День был хмурый, ветреный. То и дело моросил дождь или принимался падать мокрый снег. Белую голову горы заволкло тучами. К вечеру налетела буря. Сумерки быстро сгущались в ночь.

Степан выбрал место для ночевки в заветёрках под скалой. Костра развести не удалось, — дрова разбрасывало бурей.

Буря перешла в ураган. Небо точно лопнуло: потоки ледяной воды обрушились на голову. В темноте Степан слышал, как мимо него неслись вниз по круче целые реки, слышал, сквозь гул воды, как с треском падали громадные деревья и стонала, металась невидимая тайга. Ураган над ним ревел, как тысяча разъяренных быков, и всю ночь, едва на минуту затихал его рев, где-то вверху жалобно вперевой гоготала стая запоздалых гусей.

Степан сел рядом с собакой и крепко прижался к ней, чтобы хоть немножко согреться. Собака тоже дрожала всем телом. Еще с вечера они оба промокли насквозь. Через скалу над их головами хлестали потоки воды, и их то и дело обдавало холодными брызгами. Изредка в скалу ударяли тяжелые камни, и тогда скала вся содрогалась, и казалось, вот-вот рухнет им на голову.

Только к утру наконец утих ураган. Когда рассвело, Степан не узнал тайги вокруг себя. Потоки воды унесли с собой весь валежник, бурелом и мусор. Поредевший кедрач походил на расчищенный сад.

По небу бежали клочья разорванных туч. Белок почернел. Снег остался только на самой его вершине. Степан вылез из-под скалы и, стуча зубами, стал ломать кедровые ветви. У него был с собой коробок серных спичек. Всю ночь Степан держал его под мышкой. В коробке нашлось несколько неотсыревших спичек. Только бы удалось осушить и запалить мокрую хвою кедровых веток! Тогда можно будет обогреться у костра.

Плохо пришлось в эту ночь и Аскыру. Он жил в том же кедровнике, только еще гораздо выше по склону горы. Ночью он отсиделся в дупле. Он не вымок и не так заоченел, как Степан. Зато его сильно мучил голод. Только с рассветом решил он покинуть дупло и отправиться на поиски пищи.

Долго и напрасно рыскал он по кедровнику. Ливень будто вымел и всю дичь вместе с валежником и буреломом. Запах сырости убил все другие запахи.

Наконец нос его уловил дух мокрого птичьего пера. Аскыр все время тянул носом воздух, чтобы не потерять след. Чутье вело его к поваленному бурей кедру. Птица была по ту сторону лежащего дерева.

Бесшумно, как кошка, Аскыр вскочил на толстый ствол кедра. Сквозь ветви он увидел на земле большого черно-бурого глухаря. Глухарь ощипывал хвою с ветки.

Как ни голоден был Аскыр, он не сразу решил напасть на крепкого петуха. Он приник к стволу и с минуту оставался неподвижен, словно решая, — не убраться ли ему отсюда подобру-поздорову?

Голод пересилил страх. Тесно прижимаясь брюхом к шершавой коре, Аскыр пополз по стволу. Тело его вытянулось и сузилось. Движения стали гибкие, волнистые, как у змеи.

Когда глухарь очутился прямо под ним, Аскыр остановился. Его спина выгнулась горбом, задние лапы подобрались к передним. Он не видел глухаря и не смел выглянуть, — если птица увидит его раньше, чем он прыгнет, она успеет подготовиться к защите. Прыгать приходилось вслепую — на дух и на шорох. Передние и задние лапы Аскыра разом оторвались от ствола, и сейчас же навстречу ему снизу поднялась, гремя крыльями, широкая черная спина птицы. Аскыр вцепился в нее зубами и когтями передних лап. Задние лапы скользнули по тугому перу, и длинное тело зверька беспомощно закачалось в воздухе.

Перед глазами Аскыра мелькнули ветви, потом макушки кедров и свободный воздух.

Глухарь поднялся над лесом и стремительно понесся вниз под гору. Аскыр висел на нем.

Степан нашел под камнем пучок сухой травы. Сунул его под собранные в кучу ветви и зажег. Трава занялась, но мокрая хвоя только дымила.

— Плохое наше дело, Пестря! — вслух сказал Степан, трясаясь от холода. — Не горит костер.

Он обернулся, но Пестри уже не было сзади него. Пес проголодался и отправился добывать себе хоть мышонка на завтрак.

Степан опустил на корточки и принялся раздувать затухающий огонек.

Шумное хлопанье крыльев над головой заставило его быстро взглянуть вверх.

С горы, задевая крыльями макушки деревьев, прямо на него несся громадный глухарь. Над самой скалой птица ткнулась в одинокий кедр, перекувырнулась через голову и грохнулась оземь шагах в трех от охотника.

Оторопевший Степан увидел, как, треснувшись о крепкий корень, черный ком раздвоился. Один кусок забил судорожно крыльями по земле; другой, откатившись, остался лежать неподвижным клубком.

Прошло несколько секунд, прежде чем Степан разглядел на этом клубке густую черную шерсть, вытянутые вперед лапки и острую мордочку соболя.

Соболь был весь вороной, и только на кончике левой передней лапы сияло узкое, белое пятно.

— Мать родная! — вскрикнул Степан. — Аскыр!

Он хотел встать. Но заочневшие ноги не разогнулись. Степан ткнулся коленями в землю и упал на бок.

В то же мгновение Аскыр вскочил и понесся в кедрч. Отчаянный крик Степана только гнал его.

Степан понял: одному ему не разыскать так глупо упущенной добычи. Он стал звать Пестрю. Но пес сам напал на чей-то след и

лаем звал к себе хозяина. Теперь никакими силами не заставишь упрямого кобеля сойти с места.

Степан плюнул в сердцах, схватил ружье и побежал на лай.

Пестря караулил белку. Степан выстрелил в нее, но второпях промахнулся. Поспешно зарядил ружье, выстрелил во второй раз и с досадой подобрал дешевую добычу. Только тогда удалось взять Пестрю на привязь, отвести к скале и ткнуть носом в след Аскыра.

Пестря разом понял, что от него требуется. Он быстро побежал по следу, весело махая хвостом. Степан едва поспевал за ним.

Пробежав тайгой с полверсты, Аскыр почувствовал себя в безопасности. Только тогда вспомнил он, что голоден.

Разыскал мышиную норку под корнями и стал быстро разгребать землю носом и лапами.

Перепуганная мышь выскочила через другой вход и кинулась в траву. Но Аскыр заметил ее, в несколько прыжков настиг и схватил. Кругом было еще несколько норок. Аскыр стал переходить от одной к другой и скоро так ушел в слежку, что совсем забыл про недавнюю встречу с человеком.

Он опомнился только, когда сзади него послышалось шумное дыхание. Обернувшись, он увидел совсем близко от себя пеструю собачью морду.

Бежать было поздно. Аскыр сделал несколько длинных прыжков, вскочил на первое попавшееся дерево и живо вскарабкался на нижний его сук. Пестря был уже под ним и громко тявкал, давая знать хозяину, что зверь посажен на дерево.

Степан был близко. Он забыл о всякой осторожности, — в двадцати шагах от Пестри он высунулся из-за дерева, высматривая притаившегося зверька.

Аскыр сейчас же заметил охотника и сделал отчаянный прыжок. Он пронесся над головой Пестри, упал на согнутые лапы и широкими скачками помчался к чаще молодняка.

Пуля Степана, не задев его, шлепнула в землю. Сзади наседали Пестря.

Но до чащи было недалеко.

Аскыр прыгнул на молодое деревцо, перескочил на другое и стал быстро уходить от собаки. Молодняк был так густ, что Пестря едва пробивался в чаще за маленьким, узкотелым зверьком.

Скоро собака потеряла след.

Некоторое время еще она слепо плутала по чаще, стараясь снова где-нибудь перехватить след. Но в конце концов ей пришлось вернуться к хозяину с виновато опущенным хвостом.

Не могла же она остановить зверя, если тот уходил верхом. За что же хозяин вытянул ее по спине прутом?

Раздосадованный неудачей, Степан только через два часа повернул назад к стану. Его била лихорадка. Необходимо было хорошенько согреться у жаркой печурки и переодеться во все сухое.

По дороге досада улеглась. Ведь счастье улыбнулось ему: драгоценный вороной соболь был найден. Нужно будет каждый день приходиться на это место. В конце концов Аскыр непременно попадется опять ему на глаза. Тут ему поможет верный друг Пестря.

Друг Пестря

Первая неудача только сильнее распалила Степана. Не в том дело, что шкурка Аскыра — это деньги, а на деньги можно махнуть в Москву. Нет, Степана разожгла неудача, и ему нужно было во что бы то ни стало добыть ловкого зверька. Два раза Степан оставался в дураках, нельзя же так и бросить!

Каждое утро он отправлялся к знакомой скале и спускал Пестрю разыскивать Аскыра. Он знал, что соболя без крайней надобности не уходят из тех участков тайги, где привыкли охотиться и прятаться от врагов.

Однако прошла неделя. Кержаки стали уже поговаривать о возвращении в деревню, а Пестря все еще не мог напасть на след Аскыра.

Наконец Степану пришла в голову простая мысль: может быть, он не там ищет, где надо? Ведь Аскыр прилетел к скале на спине глухаря!

Глухарь прилетел сверху.

Значит, участок Аскыра где-то выше скалы. Там и надо его искать.

И это была верная мысль. Аскыр действительно вернулся в свой участок, высоко над скалой. Тут его никто не тревожил, и он спокойно прожил целую неделю.

Утром на восьмой день Аскыр услышал под горой знакомый лай. Время стояло голодное, соболя и днем выходил на охоту. Но, рыская по тайге, Аскыр то и дело поднимался передними лапами на пень, озирался, прислушивался и нюхал воздух.

К вечеру он почуял неладное: по его следам бежала собака. Аскыр не стал дожидаться, когда она покажется, и ударился в бегство.

Пестря уверенно бежал по следу. Он остановился только два раза. В первый раз там, где Аскыр поймал и растерзал неосторожно спустившуюся на снег белку. Тут Пестря живо размолот зубами недоеденные соболем крупные косточки.

Второй раз там, где Аскыр приостановился и оставил желтый след на снегу. Пестря тут задержался за тем же делом — таков уж собачий обычай.

Дальше след кружил по тайге и вдруг исчез в ломах — громадной куче палого леса.

Беспрерывно махая толстым хвостом, Пестря сунулся под лежащие лесины в одном, другом и третьем месте, но подлезть под них оказалось невозможно. Тогда он два раза обежал лома кругом, — не выходит ли где-нибудь след? След нигде не выходил.

С большим трудом Пестря взобрался на кучу сучковатых стволов, стал совать между ними нос, принюхиваться.

Конечно, соболь был здесь. Но попробуй-ка достать его оттуда! Пестря залаял. На этот раз лай его был совсем особенный — с визгом и подвыванием. Так лают собаки от обиды и нетерпенья.

«Чего это он скулит?» — подумал Степан, идя на голос друга.

Подойдя к ломам на выстрел, он долго не мог взять в толк, куда же посадил пес зверя? Только когда Пестря несколько раз ткнул морду в кучу стволов, Степану стало наконец ясно, что соболь под ними.

Куча была громадная. Охотнику ничего не оставалось, как только ждать, когда Аскыр выйдет из своего убежища.

Был уже вечер. Степан решил не ходить на стан и просидеть тут хоть целую ночь.

— Ладно, — утешал он Пестрю. — Жрать захочет, так сам выйдет. Утром по следу его опять разыщешь.

Степан отошел от ломов, позвал кобеля и уселся на пенек.

Прошел час.

Вечер был холодный и тихий. Начинало уже темнеть. Высоко над кедрами черной точкой кружил ворон и глухо каркал. Становилось жутко в тайге.

Степан еще раз, на всякий случай, обошел с Пестрей лома, — не вышел ли соболь? На снегу нигде не было заметно следов.

Тогда Степан выбрал местечко подальше от ломов и развел костер под широким кедром.

— Ладно уж, спи до утра, — сказал он Пестре. — Утром наверняка его накроем с тобой, — некуда ему от нас податься.

Самому лечь не удалось, — снег кругом, замерзнешь в одном шабуре. Степан подремывал, прислонившись спиной к кедру. Как только костер потухал, Степана начинало знобить. Он просыпался и подбрасывал хворосту.

К полуночи пошел снег.

«Беда, если скоро не пройдет, — сквозь сон подумал Степан. — Занесет следы, потом ищи-свищи!..»

... Вдруг Степан проснулся. Смутно почуял опасность, схватил ружье.

Костер чуть только дымился. Густо падал над ним мягкий снег. Кругом было темно, как в погребу.

Степан пялил глаза в темноту. Легкий мороз шевелился в спине.

«Ббых!» — явственно послышалось из темноты. «Бых! бых!» — доносились мягкие звуки с других сторон, словно чьи-то тяжелые лапы с размаху ступали в снег.

И вдруг отчетливо и сухо треснул сучок.

Шапка зашевелилась на голове у Степана.

Вспомнились рассказы кержаков про лешего.

«Хозяин ходит, — с ужасом подумал Степан. — Выйдет — помру...»

«Бых!» — опять глухо и мягко послышалось вблизи, а далеко где-то слабо треснул сучок.

«А может, медведь?..»

Тут Степан вспомнил, как кружил и каркал над тайгой ворон.

«Так и есть, медведь, — решил Степан. — Где ворон кружит, там и медведь. Один без другого в тайге не живет. Кержаки говорили, они знают».

Степан быстро стал кидать хворост в костер. Огонь затрещал разгораясь.

Шомпольное ружье Степана было заряжено маленькой пулькой — на соболя. Да и ружьишко-то малокалиберное. Пальнешь — только раздражишь зверюгу.

Нож надежнее. Это уж в последнюю минуту, если не побоятся огня, нагрянет.

— Пестря!.. Пестря, ишь дрыхнет! Вставай.

Степан ткнул кобеля ногой, — слушай, знай!

Пестря вскочил, сел на задние лапы, виновато вильнул хвостом. Он внимательно поглядел в темноту.

«Ббых!» — донеслось оттуда.

Острые уши Пестри задвигались. Он втянул в себя воздух носом. Опять послушал, склонив голову набок. И вдруг, высунув розовой стружкой язык, сладко зевнул.

Степан шумно перевел дыхание.

— Никого? — спросил он.

Пес весело ударил несколько раз хвостом по земле.

«Бых!»

В это время рыхлый ком снега сорвался с ветки кедра и упал к самым ногам Степана с тупым мягким звуком. «Бых!»

— Тьфу ты пропасть!

Все же остаток ночи Степан не решался задремать. То и дело подбрасывал хворост и следил, как падают легкие хлопья снега и, не долетев до огня, пропадают в воздухе.

Когда наконец рассвело, Степан увидел, что лома густо засыпаны снегом. Пестря равнодушно обошел их с хозяином.

Ночью Аскыр ушел из ломов. Куда он направился, нельзя было сказать. Снег продолжал падать и заносил следы. В снегопад Пестря ничего не мог поделать.

Степан кликнул собаку и вернулся на стан.

Кержаки все были в сборе. Степан узнал от них, что на камнях в реке стало уже намерзать. Через день решено было тронуться к дому.

На поимку Аскыра Степану остался один день. А снег падал и падал, и казалось — конца ему не будет.

До света Степан был уже на ногах.

Ночью снег перестал, но за целые сутки его напало столько, что без лыж с трудом можно было подвигаться по тайге. Поэтому Степан пришел на место уже за полдень.

— Ну, брат, — сказал он Пестре, — теперь выручай! — И спустил кобеля с привязи.

Пестря исчез за деревьями.

Чтобы не утомить себя лишней ходьбой, Степан сел на пенек и стал ждать, когда пес подаст голос.

Прошло с полчаса.

От нечего делать Степан стал глядеть между вершинами деревьев на небо. Небо было серое. Прямо над Степаном, между макушками двух кедров, мутно, без блеску, горел желтый круг солнца.

Степан посмотрел в сторону. Там, между двумя другими вершинами, горело такое же мутное солнце.

«Откуда их два? — удивился Степан. — Надо поглядеть...» Он выбрал место, где деревья не закрывали от него небо. И тут увидел сразу три тусклых солнечных круга, на небольшом расстоянии один от другого. Нельзя было понять, кзкое из них — настоящее солнышко, которое — пáсолнца.

«К чему бы такое? — подумал Степан. В этом диком краю он то и дело натыкался на небывальщину и становился суеверен. — Верно, дурная примета. Не будет удачи в охоте».

Далеко вверх по склону горы затыкал Пестря. Степан сейчас же забыл о солнцах и быстро, как только позволял снег, пошел на голос.

Пестря сидел под старым высохшим кедром. Степан сразу заметил большое черное дупло в стволе дерева.

«Ну, теперь — мой! — радостно подумал он. — В два счета оттуда выживу».

Он живо проковырял ножом небольшую дырку в гнилом стволе, запихал в нее несколько свежих веток, сунул туда же смолья и зажег его. Дым потянуло вверх по стволу, как в трубу.

Степан с ружьем наготове стоял под деревом так, чтобы ему было видно, как Аскыр покажется из дупла.

Немного ниже дупла к сухому кедру прислонилось другое, сломленное бурей дерево. Степан рассчитал, что соболев непременно захочет сбежать, когда дым выгонит его из дерева. Тут-то и надо успеть всадить в него пулю.

Из дупла показался легкий дымок. Аскыр не выскакивал.

Дым повалил из дупла кругами.

«Как бы не опалился, — тревожно подумал Степан, — сгорит заживо — и прибыли никакой».

Аскыр не показывался.

Случайно скользнув глазами по стволу прислонившегося дерева, Степан неожиданно заметил узкую двойную дорожку на покрывавшем ствол снегу. Степан всмотрелся.

Это была соболевья сбежка-следок. Она вела сверху вниз. Ясно было, что Аскыр удрал из дупла еще до прихода охотника. Из дупла

высунулся красный язык пламени. Но Степану было уже все равно,— сгори хоть весь кедр! — Он и не подумал тушить огонь.

— Дурак ты, Пестря! — выругал он кобеля.— Проморгал зверя. Иди, чухай здесь!

Пестря рванул с места и, уткнув нос в землю, быстро повел по следу. Степан, увязая в снегу, поспешил за ним.

Пестря вел в гору. Кедрач кругом становился все ниже и ниже.

Когда Степан совсем выбрался из тайги, он увидел вдали на склоне горы Пестрю. Пес с лаем гнал перед собой черного зверька. Оба скачками поднимались вверх по крутому склону — Аскыр далеко впереди Пестри. Грузному кобелю было не угнаться по рыхлому снегу за легким зверьком. Стрелять тоже нельзя было — далеко.

Степан видел, как зверек юркнул в одно из бесчисленных темных отверстий громадной каменной россыпи. Через минуту под ней заметался Пестря, прыгнул на один из камней, сорвался в снег, поднялся, поглядел вниз на хозяина и жалобно заскулил.

Добравшись до него, Степан оглядел россыпь.

Над ним по крутому склону горы широко раскинулись камни разного вида и величины. Камни и обломки скал, в диком беспорядке громоздясь друг на друга, острыми черными углами торчали из-под снега.

Казалось, тяжелый каменный поток вдруг задержался тут, падая с вершины.

Высоко над россыпью сиял навсегда покрытый блестящим снегом белок.

Степан безнадежно махнул рукой.

— Чего уж скулить! — зло сказал он Пестре. — Табак дело!

Он поднял камень и кинул его в каменную кучу.

— Теперь его оттуда не выкуришь!

Степан взял собаку на привязь и зашагал вниз, к стану.

Сон и явь

Он застал кержаков на стане, хоть вернулся задолго до потемков. Все трое были заметно встревожены и торопливо готовились к отплытию.

— Чего больно заспешили? — спросил Степан Рыжего.

— Неприметлив же ты, паря, — досадливо оторвался кержак, — утресь солнышко в рукавицах вышло!

— Ну? — добивался Степан, вспомнив, что и в самом деле видал на небе пáсолнца.

— Вот те и ну! К морозу это.

«А хоть бы и так, — подумал Степан про себя, — чего же горячку-то пороть?»

Но спорить с кержаками не стал. Теперь ему было все равно, теперь хоть ночью в путь.

Ни свет ни заря спустили лодки на воду, снесли в них поклажу, посадили собак и тронулись.

Вниз по течению лодки неслись быстро. Стремглав убегали назад

скалы, берега, уже затянутые тонким ледком, тайга. Охотники подгребали еще для скорости широкими веслами — лопашнями.

Степан вспоминал знакомые места, — только теперь они мчались мимо него как во сне.

Кержаки не хотели даже остановиться полдничать.

«Им что? — сердито думал про себя Степан, сидя на корме и управляя лопашней. — У каждого по пятку соболей добыто». И он снова вспоминал вороного Аскыра и скрывающую его каменную россыпь.

— Поглядывай! — предостерег Рыжий, сидевший впереди.

Лодка заплескала на коротких волнах переката.

Степан, очнувшись, сделал разом слишком сильное движение. Лопашня выскочила из воды, он потерял опору и полетел грудью на дно лодки.

Быстрые удары волны посыпались в борта, корму и нос, лодка цепкой закружилась в водовороте. Рыжий со всей силой налег на лопашни.

— Имайся! — крикнул он.

Степан успел уже подняться на ноги. Он увидел, что лодку мчит прямо на каменистую косу кормой вперед. Дно затарахтело по дресве — мелким камешкам.

Степан прыгнул в ледяную воду и, обеими руками схватившись за борт, не дал лодке разбиться о камни.

Кержаки заругались во все голоса.

Когда лодку вытащили на косу, оказалось, что дресвой распорол ей дно. Пришлось заделывать течь. Это заняло много времени. Артель тут на косе и заночевала.

А утром Степан с трудом узнал реку. Все ямы в ней забило мелким льдом — шугой. Лед вырос от берегов, оставив свободной только узкую полосу посередине.

— Теперь намнем горбьяжку! — сердито сказал Ипат.

И правда, несмотря на сильный мороз, охотники попотели, пока им удалось оттащить лодку берегом до места, где можно было столкнуть ее в воду. Опять замелькали, убегая назад, скалы и камни, ледяные берега, темные стены тайги.

К вечеру на второй день артель благополучно добралась до своей деревни.

После двух месяцев в безлюдной тайге маленькая кержацкая деревушка показалась Степану бойким городом. Да и шум в ней стоял необычайный.

Началось с того, что к Ипату пришел уже поджидавший охотников скупщик. За ним в просторную Ипатову избу набилось полно народу. Скупщик приехал из города, и каждому хотелось его послушать.

Пришел и Степан. Хозяин объявил ему, что рассчитаются они с ним весною, когда кончится охота, а пока отдал ему на руки обоих соболей. Степан решил сейчас же продать их скупщику. Скупщик был мастер рассказывать. Человек бывалый. Упершись глазами в его бритое лицо, таежный люд слушал про чудеса больших городов. Скупщик врал, привирал и даже говорил правду. Только все у него шло гладко, — так что не знаешь, чему верить, чему нет. И будто люди по

воздуху летают, и под водой ездят. И будто есть машина, что сама за тебя богу молится.

А промежду прочим нынче мехов никто в городе не носит. Все на вате ходят, а уж на соболя и совсем спроса нет, дешевле собаки. А вот пороху и свинцу и вовсе не достать, — война, весь повыстреляли. Потому цена на них, как на золото, и то из-под полы. А покупает он шкурки больше для баловства, по привычке. Пусть лежат до времени. Вороного соболя еще, пожалуй, с рук спихнуть можно, с горем пополам. . .

Степан слушал его развесив уши.

«Я не я буду, — клялся он самому себе, если в зимовку же не добуду Аскыра. А там — в Москву».

К вечеру народ разошелся по домам. В Ипатовой избе остались только охотники и скупщик. Теперь кержакам пришла очередь туман наводить.

Говорил больше Ипат. Он жаловался, что соболя нынче мало стало, обловился весь, хорошего так и совсем не осталось.

Скупщик то и дело гонял мальчонка к себе за водкой. Говорили, будто у скупщика с собой привезены целые тюки товара — мануфактуры, провианту охотничьего, крепкого вина.

Сидели, выпивали, говорили о том о сем, когда Ипат, словно нехотя, принес из потайного места самую плохую из шкурок.

Начался торг.

Десятки раз брали шкурку, отхлопывали, легонько растягивали ее, повертывали так и сяк, — расценивали доброту пышного меха.

Степан сидел и только глазами хлопал. Он никак не мог взять в толк, кто кого хитрее. Говорил Ипат, выходило — цены этой бусенькой шкурке нет. Скупщик начинал говорить, — тоже веришь, что и брать-то эту дешевку не стоит: провоза не оправдаешь.

Рюмка за рюмкой, слово за слово; притащили Рыжий с Рябым по шкурке. Осмелел и Степан, — тоже принес своего «хвоста».

Скупщик и тут уперся, — это, мол, все заваль, а нет ли получше чего? Охотники клялись, что весь товар налицо представили.

Долго спорили, выпивали, опять спорили. Наконец сошлись в цене, за все четыре шкурки. Ударили по рукам. Еще выпили; тут вдруг Ипат еще соболей тащит. И опять начался торг: спор, ругань. Стали назначать новые цены.

Напоследки Ипат вынес темную «головку», и вот тут-то и началось самое дело.

Только под утро шкурки были рассмотрены, расценены и проданы. У Степана в голове гудело от выпитого вина. Скупщик что-то записывал в пузатенькую книжку, давал охотникам подписывать. Кержаки куражились, хвастали — какие, дескать, они лихие промышленники, лезли целоваться со скупщиком. А Степан все твердил заплетающимся языком:

— Меня, братцы, увольте, я счетов-расчетов ваших ничего не понимаю. Я, братцы, в Москву уеду.

Он получил от скупщика три затертых, сложенных вдвое бумажки, грузную плитку свинцу и какую-то пеструю материю. Помнит только Степан, что был очень доволен выручкой.

А на следующий день пошла гульба по всей деревне.

Три дня гуляли удалые охотники, гоняли на тройках с ширкунцами¹, горланили песни. На четвертый день проспались и взялись за работу.

Степан работал на хозяина. Молотил хлеб, запасал дров на зиму. Возил скотине сено. Денег после гульбы у него не осталось. Да он и не тужил о них: лишь бы Аскыра добыть, Аскыр все покроет.

В работе Степан и не заметил, как пролетел месяц. И вот — снова тайга.

Артель заходила в тайгу на лыжах. Груз охотники тащили за собой на длинных с узкими полозьями санях — нартах. Трудный заход по бурной, порожистой горной реке на лодке показался теперь Степану пустыком после нартового захода.

Стоял тридцатиградусный мороз. Дыхание застывало на усах, смораживало бороду, вязало рот. Лыжи царапали твердый наст и звонко визжали.

Первые часы, пока артель подвигалась по ровной дороге, Степан шел легко. Пятнадцатипудовые нарты не казались ему тяжелыми. Потяг, привязанный к крошням — кожаному вьючному седлу, — не резал плеч.

Но когда артель свернула с наезженной дороги и пошла целиной, Степан стал сдавать. То и дело на пути попадались ухабы, и надо было умело управлять оглобелкой, чтобы нарты не налетели на торчащий из-под снега пень или сук.

— Однако, паря, спотыклив ты! — смеялись над Степаном кержаки.

А он, раскрыв рот, как рыба, выброшенная из воды, с трудом поднялся с земли и принимался поднимать перевернувшуюся нарту.

Тяжелей всего было идти передовым. Приходилось ощупывать ненадежные места тычком — узким веслом, и проминать в снегу дорогу для нарт.

К концу первого дня Степан почувствовал, что совсем выбился из сил. Еще час хода — и он упадет, как загнанная лошадь. Но тут кержаки, уж и сами выдохшиеся, сделали привал. Степан заснул у костра, как в воду канул. Это был первый день, что он ни разу не вспомнил о Москве.

Не вспомнил о ней Степан и следующие пять дней, пока измученные охотники не подошли к Кабарочьим Вострякам.

Тут они снова разбили стан и целые сутки отдыхали, греясь у печурки в палатке.

Стальные челюсти

Больше месяца Аскыр не замечал в тайге следов человека. Он осмелел понемногу и стал все дальше и дальше отходить от россыпи. Случилось так, что в это время в его владениях, на склоне горы,

¹ Ш и р к у н ц ы — колокольчики.

появился рыжий таежный хорек — колонок. Верно, он загнезвился здесь в те дни, когда хозяин дрожал от страха в каменной россыпи и не решался отойти от своей крепости. Когда Аскыр впервые встретился с колонком, хорек не признал его за хозяина, не подумал даже бежать, а смело вступил с ним в драку.

Колонок был серьезный противник. Ростом и силой он был даже крепче Аскыра. Оба зверька то и дело сталкивались в тайге и дрались насмерть. Кому-нибудь надо было одолеть.

В одну из лунных морозных ночей Аскыр нашел свежий след колонка и крадучись побежал по нему. Нужно было напасть на на врага врасплох, — тогда он побежит, и останется только гнать и гнать его дальше.

Аскыр мелкими прыжками бежал по следу. Дважды пришлось ему пересечь две рядом лежащие полосы, непрерывные и широкие, как следы двух громадных змей. Аскыр не знал, что это за полосы. От них шел терпкий запах шкуры незнакомого ему животного.

В другое время Аскыр непременно постарался бы узнать, чей это след. Но сейчас ему было не до того, — нужно было покончить с колонком. А когда он проследил след хоряка до конца, он натолкнулся на такое, что сразу у него из головы выбило всякую память о двух таинственных полосах.

След колонка обрывался на чистом месте, и вот тут-то чуткий нос Аскыра разобрал сразу два отдельных запаха: запах колонка, верней, его крови, и душный запах большой таежной кошки — рыси. От этих запахов длинная шерсть поднялась на спине Аскыра. Он глянул выпученными глазами и вот что увидел: две стальные челюсти торчали из снега и острыми зубами держали задние ноги колонка. А колонка не было — одни ноги. Где сам колонок, — Аскыр сразу понял. Недаром пахло рысью. Рысь была хорошо известна Аскыру. Не один раз за свою короткую жизнь ему пришлось бросать пойманную добычу и спасаться бегством от этого большого хищника.

Одного удара тяжелой лапы таежной кошки довольно, чтоб вышибить дух из Аскыра. Рысь была в тайге для соболя опасней волка, опаснее медведя. От нее не было спасенья ни на земле, ни на дереве. Одно только: забиться в лазейку, куда не пролезть ни толстой морде, ни широкой лапе с когтями.

Аскыр знал, что теперь она сидит где-нибудь поблизости, — и не стал медлить. Он юркнул в снег, прокопался под ним до деревьев и под их защитой пустился наутек. С этой ночи снова началась тревожная пора для Аскыра.

Куда бы он ни шел теперь, он всюду натыкался то на свежие следы рыси, то опять на две странные полосы с терпким запахом незнакомой шкуры. В разных местах тайги, а иногда и в самой россыпи его нос ловил запах человека. И этот же запах Аскыр поймал и над двумя полосами в снегу.

Теперь он еще больше напрягся.

Он насторожил чутье и слух. Он постоянно натыкался на опасный запах, и тревога его росла.

А Степан никак не мог взять в толк, отчего это Аскыр не идет в его капканы, что, как стальные челюсти, оскаливались из снега. Он ставил их больше всего под россыпью и в тайге, где рыскал Аскыр. Здесь он расставил десять из своих пятнадцати капканов. В нижней тайге четыре меховых соболя уже попались в его капкан, а ведь только пять капканов ставил Степан внизу, а сверху стояло десять, — и никак не взять было хитрого зверька.

Степан один бродил теперь по тайге. Пестри с ним не было. На зимовку артель не взяла с собой собак: они не могут преследовать добычу по глубокому снегу, чуть солнце распустит твердый поверхностный наст, — да и сами они могут угодить в капкан.

Зимой капканы были самым верным средством добыть соболя. Много времени и труда стоило устанавливать их так, чтобы чуткий зверь не почувал запаха человека. Зато уж умело прилаженный капкан редко оставался пустым.

Степан не сразу научился ставить капканы на следу. Но осторожный Аскыр научил его терпению и вниманию.

Теперь Степан стал тщательно выбирать места под россыпью, где скорее всего может пробежать Аскыр. Он пригляделся к сбежкам зверька так хорошо, что стал различать «одночетку» — где соболю шел шагом, «двучетку» — где он скакал галопом, «трехчетку» и «четырёхчетку» — где он менял ногу и аллюр. Степан выбирал самые тесные места, где сходились десятки сбежек зверька.

Шага три не доходя до «тесного» места, Степан вырезал тычком кусок снега на тропке и осторожно откладывал его в сторону. Тычком же, чтобы не касаться снега руками, он углублял ямку и ставил в нее настороженный капкан. Потом сажал вынутый кусок на старое место и засыпал его рыхлым, пушистым снегом. Казалось, нельзя было обнаружить так ловко скрытую под снегом ловушку. Однако Аскыра не просто было обмануть.

Каждое утро Степан приходил осматривать расставленные капканы и по следам на снегу читал как по писаному все, что случилось около них за ночь.

Вот глупый заяц осторожно пробирался по тайге, поглядывая по

сторонам косыми глазами. Тихо ночью в тайге. Вот он подпрыгнул, помчался широкими пугливыми скачками, не разбирая пути. Видать, треснул сук, вспугнул косога. Гоп! Метнулся заяц, утонули с размаху передние лапы в пушистом снегу — и прямо угодили в стальной рот. Долго бился заяц, весь снег кругом примял, пока не затих без сил.

Вот веселая белка беспечно спустилась с дерева на снег, чтобы живо перебежать по нему до другого дерева. Скачок — и щелк! Стальные тиски схватили темное тельце.

Вот осторожный колонок почувал на двойной полосе в снегу терпкий запах лошадиной шкуры, которой подбивают лыжи, чтобы не скользили с гор. Колонок пошел вдоль полосы, нашел конец ее, хотел перебежать по ровному, взрыхленному снегу — и щелк! Стальные челюсти, неожиданно выскочив из-под снега, сомкнулись у него на горле.

Не раз Степан находил захлопнувшийся капкан, а рядом с ним круглые следы крупного хищного зверя. Смелая рысь таскала у него из-под носа добычу, съедала ее тут же, где-нибудь рядышком на дереве.

А то раз нашел Степан в капкане соболя среди целого семейства жадных до падали воронов. Шкурку его пришлось бросить — от нее остались только жалкие клочья. Много добычи потратили мыши.

Один из капканов совсем исчез из снега, и Степан долго не мог обнаружить вора. Только забравшись глубоко в тайгу по следам рыси, он увидел свой капкан в снегу под кедрами. Тут он понял, что сильная кошка, попав лапой в капкан, потащила его с собой в чащу и там зубами и когтями оторвала его от своей окровавленной, искалеченной лапы.

Только Аскыр далеко обходил все подозрительные места, и капканы Степана, расставленные под каменной россыпью, по-прежнему оставались пусты.

Тогда охотник пустился на новую хитрость: он решил взять зверька лакомой приманкой. Авось польстится.

Аскыр выходил теперь из россыпи только с темнотой. Он осторожно пробирался в кедрч и там охотился. Но едва до него доносился запах человека, он, не раздумывая, скакал прочь и так каждый раз счастливо избегал опасности.

Все шло благополучно, пока однажды ночью он не нашел в тайге мертвого рябчика. Рябчик лежал на нижней половине расколотого пополам обрубка дерева. Верхняя половина обрубка одним концом была приподнята над рябчиком легким колышком. Рябчик лежал как бы в деревянной пасти.

Аскыр, конечно, не подумал сразу броситься на добычу. Ведь птица была мертвая, улететь она не могла.

Аскыр потянул носом воздух. Человеком не пахло. Был, правда, запах незнакомой шкуры, где-то рядом, но такой слабый, что на него можно было не обращать внимания, — человек прошел здесь очень давно.

Все же Аскыр не решился прыгнуть сразу. Он подкрался к рябчику, тихонько дернул его за крыло и отпрыгнул назад.

С треском хлопнула деревянная пасть, колышек отскочил, и тяжелая верхняя половина обрубка с размаху рухнула на нижнюю. Рябчик был сплюснут в лепешку.

А соболя давно уже и след простыл.

С этих пор Аскыр перестал доверять всему, чего хоть раз коснулся человек. Он обегал пни срубленных топором деревьев, длинным прыжком перескакивал лыжницу, обходил места, где охотникам случалось отдыхать на снегу. Теперь даже голод не мог пересилить его подозрительности.

Степан все перепробовал. Расставлял свои лучшие капканы на сбежках под самой россыпью. Напрасно рубил плашки и ставил их с соблазнительной приманкой в тайге на соболиных пбедах — в местах, где соболь кормится. Сколько он ни метал снастей, на какие хитрости ни изощрялся, чтобы обмануть зверька, — Аскыр не шел в ловушку.

Оставалось последнее средство: выпросить у кержаков обмет — звероловную сеть. Обметом можно обтянуть всю россыпь кругом. Тут уж соболю некуда деваться: куда он ни бросится, — всюду попадет в сеть.

Артель уже подъедала свои съестные припасы. Обмет кержаки Степану уступили, но только на три дня: через три дня решено было двинуться из тайги. Назад в деревню на этот раз кержаки не собирались. Зачем терять время, если можно закупить все необходимое на полдороге у Одноглазого? Пушнину в деревню пусть отвезет кто-нибудь один, — незачем всей артели тратить зря время.

Запасутся «провиантом» у Одноглазого и вернутся в тайгу до весны.

Сети

Ночью Аскыр сделал вылазку из россыпи в тайгу за кормом. Он сейчас же почувствовал слабый запах человека. Аскыр повернул голову и опять понюхал. Тот же запах.

Аскыр обошел россыпь. Со всех сторон ее окружал опасный запах человека. Аскыр осторожно стал пробираться прочь от россыпи и наткнулся на веревки — сеть! Соболю бегал по всем направлениям, но сеть всюду преграждала ему путь. Недаром весь день перед тем где-то стучали и скрипели по снегу лыжи.

Назад в россыпь!

Всю ночь боролся Аскыр с голодом, а утром снова услышал шаги человека: сначала внизу, потом сбоку, потом наверху и с другой стороны. Человек обходил сеть.

Аскыр еще глубже забился под камни.

На следующую ночь голод стал невыносим. Он выгнал соболя из безопасного убежища и погнал за пищей.

На блестящем от луны снегу лежала пугающая клетчатая тень. В морозном воздухе стоял жуткий запах человека. Где-то на голом склоне соседней горы выли чикалки — красные горные волки. Если

они спустятся сюда, то уже будет не до охоты, придется думать, как спасти свою шкуру. Надо скорей в тайгу.

Осторожно переступая лапками по клетчатой тени на снегу. Аскыр подошел к обмету. Верхняя тетива сети туго натянулась на вбитых в снег тычках. Тычки были наклонены на Аскыра. Обмет возвышался над снегом на полтора аршина. Соболь не мог перепрыгнуть через него, не мог и пробраться сквозь эту легкую натянутую стену, как не пробиться мухе сквозь тонкую паутину.

От верхней тетивы донизу сеть свисала свободно, на снегу ветерок вздувал ее пузом.

Что, если подрываться под нее?

Аскыр быстро стал работать лапами. Но твердый, плотно утопанный человеческими ногами снег смерзся и не поддавался.

Аскыр побежал вдоль обмета. Обежал кругом россыпи. Снег всюду был так же утоптан.

Аскыр пробовал подбежать под обмет — ничего не выходило.

Вдруг Аскыр повернулся и побежал назад по кругу. Он вспомнил дерево у самого обмета.

Дерево стояло неподвижно, черное и громадное в свете полной луны. Только у корня его ствол был белый и блестял.

Аскыр подбежал к дереву и увидел: кора с него на целую сажень от земли была начисто ободрана.

По скользкому обнаженному стволу Аскыру было невзобраться. Когти его скользили по гладкому и крепкому дереву. Он срывался и падал в снег.

Налегел легкий ветерок. Черная тень дерева бесшумно задвигалась на снегу. С разлапистой ветки сорвался белый ком и грузно упал на обмет. Два ближних тычка качнулись, резким звоном загремели на них колокольчики.

Аскыр галопом помчался назад в россыпь и забился в первую попавшуюся дыру под камнем. В черной глубине под ним что-то зашуршало. Мимо Аскыра метнулся желтой полоской длинный и быстрый зверек и пропал в россыпи. Только по запаху соболь узнал маленького каменного хорька — желтотелого сусленика.

Аскыр не стал за ним гнаться. В глубине ямы он увидел добычу, брошенную струсившим суслеником. Аскыр скользнул вниз по покату камню, упал в мягкое душистое сено и с остервенением стал рвать зубами еще теплое мясо.

Но не успел он покончить с едой, как услышал скрипучие шаги. Шел человек. Шаги остановились там, где стояло дерево близ обмета.

Аскыр услышал громкий вскрик. Он бросил еду и скользнул в сено.

Шаги опять заскрипели по снегу. Человек удалялся.

Аскыр спокойно кончил обед, отдохнул и только тогда внимательно обнюхался, чтобы узнать, куда попал.

Это была нора шадака — сеноставца. Отсюда шел ход еще глубже под землю, в спальню хозяина. Сам круглоухий куцехвостный хозяин был задушен суслеником, но съел его Аскыр.

Прежде Аскыр не забирался в эту часть россыпи. Тут были только крупные камни. Между ними широкие дыры. Аскыр стал лазать из дыры в дыру и нашел еще несколько сеновалов, что устроили

круглухие шадаки. Сами зверьки — толстые грызуны величиной с крысу — сидели в норках. Летом они натаскали в свои сеновалы целые копны сена, зимой просыпались и ели его.

Аскыр в одну ночь научился раскапывать их норки и доставать сонных шадаков. Теперь никакая осада не была ему страшна: в россыпи была целая колония шадаков, и пищи ему хватило бы надолго.

Через двое суток Аскыр прислушался: шума снаружи не было. Он вышел и осмотрелся.

Обмета нет. Путь в тайгу снова свободен. Осада снята.

Охотники спустились на реку и шли по льду. С пустыми почти нартами идти было легко. На исходе второго дня, уже в сумерках, путники свернули в тайгу и сейчас же заметили огонек между темными стволами деревьев.

Залаяли собаки, замычала корова, и в морозном воздухе повеяло теплым человеческим жильем. Из большой пятистенной избы выскочил Одноглазый с длинным ружьем в руках. Но, опознав охотников, опустил ружье и с поклонами встретил гостей.

Еще с крыльца Степан услышал шум и громкую ругань в избе. В горнице сквозь ворвавшийся морозный пар он увидел широкоплечего человека необыкновенно высокого роста. Верзила размахивал длинными руками и сыпал крепкой таежной руганью.

— Кровь нашу сосешь, язви ты в душу! — кричал он, не обращая внимания на новоприбывших. — И где это виданы такие цены?

— Ступай, ступай отселева! Сказано, не дам ни порошинки! — визгливо гнал его хозяин. Видно, у них заканчивался долгий спор.

— Кругом у меня в долгу, — объяснил он охотникам. — Принес два «хвоста», так и долг ему спиши, и пороху еще продай. Ты сперва должок, должок покрой, а там и разговор другой будет.

— Да коли зверя бить нечем стало! — гремел верзила. — Где же я напасусь на тебя, волчья твоя пасть ненасытная!

— По мне хоть пропади, хоть ограбь кого, а денежки подай!

Верзила поднял громадный кулачище и двинулся на хозяина.

— Держите его! — взвизгнул Одноглазый и отскочил за лавку.

Два дюжих работника, хлебавших за столом горячие щи, спокойно встали. Один из них мирно сказал:

— Ступай, паря, драться не дадим.

Верзила яростно плюнул в хозяина, подхватил стоящее в углу ружье и распахнул дверь.

— Соболятник тоже называется, тьфу! — плюнул хозяин. — Другому, верите ли, даром рад отдать, три года ждать буду, а с этого как с козла молока.

— Чем служить могу? — обратился он вдруг совсем другим тоном к охотникам. — Беседуйте. Поелозьте, милы гости, за горяченьким и балакать способнее! Угощайте, девки!

Только теперь Степан приметил в горнице еще трех женщин.

Пожилая, видно хозяйка, только кланялась, а девки заерзали по избе, застучали деревянными ложками и плошками, захихикали, зашептались.

Ипат степенно объяснил хозяину, что от него требуется охотникам.

— Отпущу, отпущу, всего отпущу! — масляным голосом завилал Одноглазый. — Уж будьте благонадежны, все для вас найдется.

Работники кончили ужин и ушли в боковушку спать. Кержаки похлебали щей и сразу же приступили к делу. Ипат рассказал хозяину, сколько и какого запаса и провианту требуется.

— Однако спешить-то, милые гости, некуда, — уговаривал Одноглазый. — С недельку погостите, а там и сговоримся.

— Некогда нам валандаться, Нефёдыч, — настаивал Ипат. — И то в деревню не пошли, к тебе завернули. Тащи-ка запас. Сторгуемся — и дело с концом. А утром в дорогу.

Еще поспорили, потом Одноглазый пошел будить работников. Принесли муки, сухарей, соли, принесли порошу. Одноглазый назначал цены, кержаки торговались, усовещивали, — очень несуразные деньги заламывал купец за товар.

— На запись ведь, — оправдывался Одноглазый. — На запись оно всегда дороже.

— Зачем на запись, — поправил Ипат. — Соболя у нас с собой, сейчас тут и расплатимся. Доставай-ка, Лука, крошни.

На шерстистом лице хозяина заблестел единственный глаз, когда рыжий Лука развязал крошни и достал соболя шкурки.

Хозяин сразу стал сговорчивее. Он стал горячо убеждать охотников продать ему всех соболей.

— Не можем, Нефёдыч, — твердо отрезал Ипат. — Скупщик у нас свой, сам знаешь. Однако уж на деревне поджидает нас. Брательник снесет ему, — кивнул он на Рябого.

Долго бился Одноглазый, уговаривал, но Ипата сломать не мог. Стали, наконец, запас торговать, — и за одного мехового соболя сторговали все. Цена выходила громадная, но кержаки знали, на что идут, решив закупить у Одноглазого.

Утром на третий день тронулись: трое — назад, в тайгу, а Рябой — вниз по реке, в деревню. С ним Ипат уговорился так, что через десять дней он придет на стан.

Еще у самой избы нарта Степана наткнулась оголовкой на пенек и навалилась. Подымая ее, он увидел, что и Одноглазый вышел за ними из избы. На плече у него было длиннствольное ружье.

Вспомнил Степан, как рассказывали кержаки, что Одноглазый без промаха бьет белку в голову.

«А промыслом небось не занимается, — подумал Степан, — видеть, скупщиком куда способнее деньгу зашибать!»

Одноглазый пропал за деревьями.

Степан заторопился догонять товарищей.

В тайге

Степан привык к тайге.

Теперь он знал, что в тихой и будто пустой тайге птицы и зверя больше, чем людей в большом городе, только не всякий приметит, где рыщет, где прячется таежный зверь.

Следы на снегу, как длинные строчки букв на белой бумаге,

многое разъяснили ему. Не раз приходилось возвращаться ему по собственному следу, находить на мягком снегу отпечатки круглых лап рыси или узкие следы красных горных волков. Он знал, что за каждым шагом человека неотступно следят из темной тайги десятки пар жадных и робких, злых и пугливых глаз. Он вспоминал непонятное ему прежде напутствие старика хозяина: «В тайге ухо остро держи!»

И жуть приступала к Степану, когда он входил в тайгу.

«Держи ухо остро!» — думал Степан, когда тянул за товарищами свою тяжелую нарту по широкой белой глади замерзшей реки. На высоких скалистых берегах темнели крутые стены тайги. И как знать, чьи глаза глядят оттуда на путника?

Когда на второй день пути в сумерках артель дошла до Кабарочьих Востряков и свернула к стану, жуть еще усилилась. Степан вспомнил, как он любил посмеяться в родной деревне над теми, кто верил в чертей и домовых. А в этой проклятой тайге он сам начинал всего бояться, как только спускалась ночь.

На стане разожгли большой костер и при свете его разбили палатку. Обложенная камнями железная печурка давала ровное тепло. Степан разогрелся, обмяк и быстро заснул.

А утром Степану смешно было вспоминать свои ночные страхи. Солнце светило по-весеннему: было уже начало февраля. Степан весело шагал по тайге на лыжах, приглядывался к сбежкам, намечал места, где поставить капканы, и думал о том, что теперь, наконец, ему должен попасться заклятый Аскыр. По свежим взбежкам Степан убедился, что Аскыр не ушел, все живет в россыпи и ходит в тайгу жировать. Степан спокойно вернулся на стан.

Весь следующий день он налаживал капканы. Он воронил их заржавевшую сталь, вываривал в кипящем котле с пихтовыми щепками и корой, все для того, чтобы отшибить от них запах человеческого пота.

На третий день он расставлял капканы в тайге под россыпью. Он решил не ловить соболей в других местах, пока Аскыр не будет у него в руках.

Капканы он ставил так тщательно, что провозился в тайге до вечера и на стан попал только с темнотой.

Тут опять его охватил страх.

Стоял сорокаградусный мороз. То и дело в тайге раздавался сухой треск лопающихся стволов.

Ночью мороз еще усилился.

Степан варил в печурке ужин, кержаки «оснимывали» шкурки добытых ими еще накануне соболей. Сухие выстрелы деревьев теперь то и дело раздавались кругом, напоминая редкую ружейную перестрелку.

Кержаки толковали между собою о качестве меха добытых соболей.

Степан невольно все время прислушивался к громкому треску и думал, что от страшной тайги их отделяет только тонкое полотно палатки, а кержаки сидели так спокойно, точно были за каменными стенами городского дома.

Перестрелка замолкла.

Раздавались только ровные голоса охотников и плеск бурлящей воды в котелке.

— Сымай котел, — сказал Ипат Степану. — Хлебать станем.

За похлебкой кержаки припоминали таежные случаи.

— Мальчишкой я был, — рассказывал Рыжий, — еще вторую осень за соболями с отцом ходил, припас ему носил, годов двенадцать, однако, мне-ко было. На Туманчете в те поры дивно соболей водилось, а отец ловок был их добывать.

Вот и заночевали раз, шалашку из веток поставили, огонь внутри-то, две собаки, старая да молодая, рядом лежат. Старая, как стемнело, все на сторону бросалась, да таково зло лаяла, — аккуратно на человека.

Я все уськал да уськал, а отец сидит у огня, не пошевелится, и мне запретил голос подавать. А молодая лежит, голову не подымает. Старая-то полаяла да тоже легла на край шалаша, на виду вся...

«Вот был бы Пестря, — подумал Степан. — С ним не так жутко. Он бы учуял, ежели что. Главное дело — знатьё».

Рыжий отправил в рот последнюю ложку похлебки и продолжал, ни на кого не глядя:

— Вдруг кто-то как пустит сук!!

По боку старой собаке пришелся — она и не визгнула, — так тут и дух вон. Половина-то сука обломилась, да в самый шалаш к огню залетела, а молодая в ноги нам забилась — не выходит.

Степан незаметно покосился на вход и подумал, что вот обогати его сейчас, — нипочем из палатки носу не высунет!

Груда углей в печурке догорала. Тихо-тихо было в палатке.

— Кто ж это ее? — спросил Степан.

— А поди знай. В тайге всякое бывает, — ответил Ипат.

Конец охоты

Долгая таежная зима кончилась.

Солнце с каждым днем раньше всходило по утрам и все неохотнее скрывалось по вечерам. Уже начинались весенние распары¹. Снег рыхлел и таял сверху. Лед на реках заливали зеркальные наледи-лывы². По ночам еще крепкий мороз застеклит лывы тонким звонким ледком, накроет рыхлый снег хрусткой корочкой наста. Но сам уж мороз не тот, что зимой; нет уже в нем той жесткой сухости, от которой колются в тайге лесины, как сахарные головы. По утрам серым пушком инея обрастают густохвойные ветви, и первые солнечные лучи легко проламывают тонкий ледок и хрупкий наст. Тайга просыпается, оживает.

Она не спешит. Еще пройдут месяцы, пока сойдет весь снег, потеет в деревьях живая кровь — их соки, пробьется из земли трава, прилетят из-за гор птицы. И все же праздник уже наступает.

¹ Р а с п а р ы — оттепели.

² Н а л е д и - л ы в ы — лужи на льду.

Солнечным утром налаживает свою нехитрую песенку веселая белощекая синица, пустит звонкую дробь по тайге лесной барабанщик-дятел, тонким свистом ответят ему из длинной хвои крошечные, как мухи, птички корольки.

А ночью носятся по снегу зайцы, шмыгают мелкие пушные зверьки, — им уже настало время гулять.

Аскыр весело встречал весну.

Он покинул холодную каменную россыпь, осторожно пробрался сквозь цепь спрятанных под снегом капканов и ушел в тайгу. Тут он скитался, ночуя где придется. По горам и падням рыскал в поисках добычи, никогда не пропуская случая подраться со встречным соболем.

Зверье в тайге точно взбесилось. Все обычные законы были забыты, все границы нарушены, каждый бегал где захочет, все беспрестанно меняли место. И стоило только соболу найти узкую тропинку, протоптанную в снегу другим соболем, как он забывал и охоту и драки и бежал по следам, пока не достигал соперника.

Так случилось и с Аскыром.

Он крался как-то за зайцем, и вдруг путь ему пересек следок другого соболя. Аскыр сразу забыл голод, забыл зайца и кинулся по следу.

Соболь пробежал тут много часов тому назад. Теперь он должен быть далеко отсюда. Но что для молодого, сильного Аскыра несколько часов гоньбы!

Легкими широкими скачками он мчался вперед и вперед. Тропка, колеся по тайге, поднималась все выше в гору.

Хорошо знакомые места замелькали перед Аскыром, — чистый кедрач, где он не раз охотился, спускаясь из россыпи. Тут он знал все укромные уголки и мог разыскать соболюшку, куда бы она ни спряталась.

Но нет, — след вышел из кедрача, узкая тропка вилась, вилась по снежной равнине вверх. Солнце уже давно взошло над белком.

С каждым прыжком следок соболя пахнул все крепче и крепче, — он близко.

«Дзени!» — звякнули, выскакивая из-под снега, стальные челюсти. Высоко подскочило гибкое тело Аскыра и забилося, заметалось, захлестало по рыхлому снегу.

Кости обеих передних лап Аскыра были раздроблены на мелкие кусочки. Белая рукавичка на левой стала красной от крови. Он извивался от боли и силился вырвать лапы, бешено грызя холодную сталь зубами.

Все напрасно: стальные тиски держали крепко. Он и не слышал, как сзади к нему подошел человек.

Рука в толстой варежке схватила его, сдавила грудь. Аскыр рванулся, зубы разжались, длинная судорога волнисто пробежала по густому меху, от головы к хвосту. Глаза погасли.

Аскыр затих.

— Готовый! — вслух сказал Степан.

Он еще не мог поверить, что Аскыр — драгоценный вороной соболь — был у него в руках.

Не везло ему последнее время. Четыре соболя попались к нему

в капканы. Одного из них подрал ворон, другого изгрызли мыши, прежде чем нашел их Степан.

Ипат последнее время придирался к Степану. Он был не в духе: прошло уже три недели с тех пор, как вернулись от Одноглазого, а Рябой еще не пришел из деревни. Досаду свою Ипат срывал на Степане, заставляя его за Рябого расставлять и проверять его капканы, оставлял сторожить стан. У Степана все меньше времени было для своей охоты, — а значит, и меньше надежды поймать Аскыра.

И вот Аскыр у него в руках.

Теперь Степан богат, он может, наконец, вырваться из глубокого колодца ненавистных Саян и ехать в Москву. Хозяину он отдаст четырех соболей, добытых на зимовке, и двух теперь — на весновке — и будет в расчете с ним.

Он собрал все свои капканы и вернулся на стан.

Весна уже осилила зиму. Река взломала лед. Вода заиграла, пошла в яры, загудели шиверы. На быстрых перекатах неведомо откуда появились нырцовые утки — пестрые гоголи, узконосые крохоли.

В тайге над не стаявшими еще снегами засвистели дрозды. Вылезли медведи из берлог, полосатые бурундучки зашныряли под деревьями. Пушные звери «подтерлись» — сменили пышные зимние шубки на жидкий летний мех.

На Кабарочьих Востряках застучали топоры — это охотники делали себе лодки. Весновка кончилась.

Охота была удачна. Разгоряченный весной, зверь слепо шел в ловушки. Одно только тревожило охотников: Рябой так и не вернулся из деревни.

Просмолили лодки, погрузились и тронулись.

Знакомый путь опять замелькал перед глазами Степана. Шестой раз за полгода развертывалась перед ним все та же дорога, то играющая зыбью, то затянута льдом и занесенная вязким снегом.

«Ну, хоть не даром попила моего поту, — думал Степан. — Будет чем вспомнить ее в Москве».

Бежали назад скалы, тайга, горы. А ему казалось, что он летит, летит вверх — вон из глубокого темного колодца.

На ночевку остановились засветло перед той шиверой, где он первый раз увидел Одноглазого. Степан нарочно отошел от стана, чтобы поглядеть на те места, где его чуть не утащило в бурлящий поток.

У берега, под черной скалой, лежал еще глубокий снег. В одном месте его распалило, и что-то темное торчало из белой ямы.

Степан подошел ближе и увидел высунувшуюся из снега человеческую руку. Рука была оледенелая, и пальцы на ней скрючились.

Степан крикнул. Подошли Ипат с Рыжим. Втроем охотники живо раскопали руками и ногами снег — и вытащили труп.

Перед ними лежал мертвый Рябой. Затылок ему пробила пуля. Русые волосы побурели. Крошнн, где лежали соболяшки шкурки, исчезли у него со спины.

— Вот оно что. . . — прошептал Ипат и нахмурился.

Когда подняли труп, чтобы отнести в лодку, Степан в последний раз обернулся на скалу. Ведь труп лежал лицом к реке. Значит, только со скалы могла его ударить в затылок пуля.

На черной скале никого не было. Торчал только куст можжевельника.

Страшная догадка мелькнула в голове у Степана: частенько, поди, следил тут с ружьем в руках Одноглазый. Много соболятников, нагруженных дорогими мехами, проходило торопливо под ним по этой дороге. Меткий глаз целился им в спину.

Степан рассказал Ипату, как привиделась ему осенью голова Одноглазого на скале.

Ипат молча выслушал и молча всю ночь просидел у костра. А утром поднялся на скалу и целый час там пропадал.

Когда он вернулся, они о чем-то долго шептались с Рыжим.

Потом охотники снова расселись по лодкам и к закату прибыли в свою деревню. Скоро в деревне узнали, что Одноглазый убит.

Тем же летом Степан продал вороного Аскыра и уехал с женой в Москву.

ОДИНЕЦ

ЧАСТЬ I

— Лося делает Хииси:
Голову из пня гнилого
И рога из сучьев ивы;
Вместо ног — тростник
прибрежный,
Из болотных трав — колена, —
Из жердей — спина у лося,
Из сухой соломы жилы,
А глаза — цветок болотный,
Из цветов озерных — уши,
Из коры сосновой — кожа,
Из бревна гнилого — мясо.

КАЛЕВАЛА

ГЛАВА I

Один против четырех

Лось низко опустил голову, грозя поднять на рога каждого, кто приблизится к нему спереди. Задом он прижался к двум сросшимся у корня деревьям — и был надежно защищен с тыла.

Собаки обступили его полукругом. Их было три, и любая из них могла схватиться один на один с волком.

Ощетинив шерсть, захлебываясь от злобы лаем, они когтями рвали под собой землю. Они ждали только удобного момента, чтобы, подскочив, вцепиться зверю в горло, в спину, повиснуть на нем, зубами рвать живое мясо.

Ни одна из них, однако, не отваживалась переступить невидимую черту, за которой — они знали — встретят их страшные рога лося. Что их волчьи зубы против неимоверной силы этого лесного богатыря!

Жутко поблескивающие глаза лося ловили каждое их движение. Тяжело вооруженная голова делала чуть заметный поворот, как только одна из них подскакивала на шаг ближе.

Исступленным лаем собаки старались скрыть свой страх. Все три были умны и опытны, ни одна не хотела лезть на верную смерть. В конце концов, их дело ведь только задержать зверя, не дать ему ходу, не пустить в чащу. Они вовсе не обязаны хватать его за горло, пока он не ранен. Пусть расправляется со зверем тот, кто идет за ними.

Но лось хорошо понимал, где таится главная опасность. Едва между деревьями мелькнул человек, он разом подался вперед.

Три разъяренных собаки одновременно кинулись на него: две спереди, одна сзади — вцепиться и удержать.

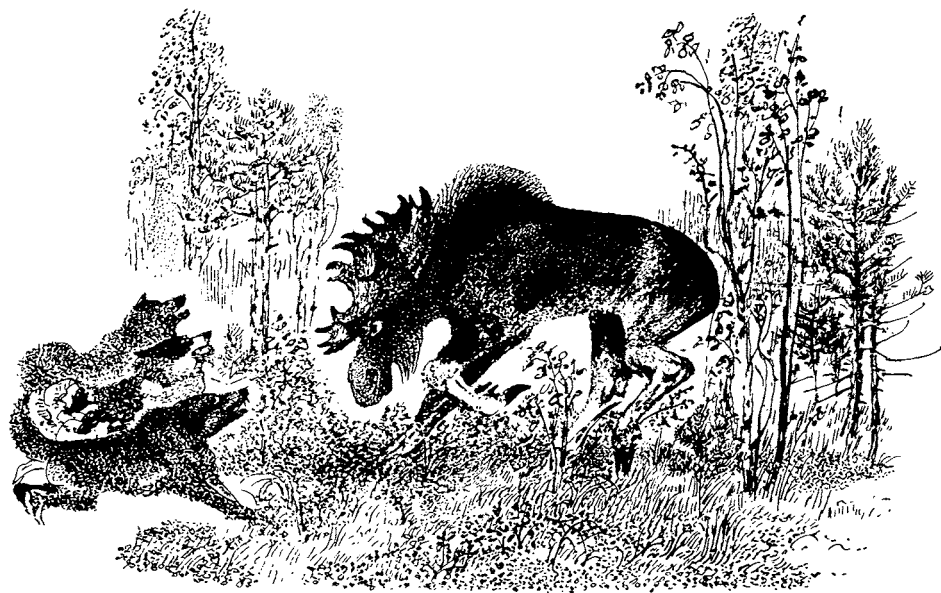
Но это был только ловкий прием: зверь быстро отпрянул, а распаленные его мнимым испугом собаки неудержимо ринулись вперед. И на одно мгновение очутились ближе к нему, чем позволяла мудрая осторожность.

Лось двинул рогами — и первая собака высоко взметнулась в воздух. Ударил ногами — и вторая, как распоротый мешок, свалилась на землю, обливаясь кровью.

Тогда лось опрокинул рога на спину, взял с места широкой, размашистой иноходью и, не глядя на уцелевшую собаку, двинулся в чащу.

Свое громадное тридцатипудовое тело он нес на бегу легко и плавно. Его бег был стремителен и прям, как бег стального паровоза по рельсам.

В последний миг выскочил из-за деревьев охотник. Перед ним мелькнули высокие белые ноги, горбатый загривок, сухой опущенный

крестец, — и зверь врезался в плотную заросль, легко раздвигая грудью тугие ветви, ломая деревца. Собака метнулась за ним, но упругие руки чащи отбросили ее назад.

Охотник опустил бесполезное ружье: громадный лесной зверь исчез в чаще так же бесследно, как исчезает в темной глубине моря выскользнувшая из рук рыба. Не догнать же его в непроходимой заросли.

Охотник подошел к лежавшим на земле собакам. У одной был проломлен череп. У другой из широко распоротого живота вывалились на траву все внутренности. Обе уже не дышали.

У охотника помутнело в глазах.

Он прислонился к дереву. Отчаяние его охватило.

ГЛАВА II

Тайна лесного великана

Вот опять, вот опять — уже который раз — зверь уходит у него из-под носу!

Семьдесят верст — поездом и лошадьми — охотник ехал за ним из города. Десять дней уже рыщет по лесу, караулит, выслеживает, скрадывает — и все зря!

До этого случая охота для него была только удовольствием. Охотник он был не настоящий — городской житель, студент. От отца ему достались два ружья — дробовик и винтовка — да старый гончий пес. Из винтовки он стрелял в тире. Стрелял хорошо, брал призы. Из дробовика бил голубей. И только летом, когда случалось выезжать в деревню, стрелял зайцев и раз убил лисицу из-под гончей.

При такой охоте требовалось только удачно выбрать место, где стать, да терпеливо ждать, пока пес нагонит на тебя дичь.

Но это была совсем другая охота — охота по крупному зверю.

Еще в городе он получил предупреждение, что взять лося будет трудно. Лось, который только что на его глазах бесследно исчез в чаще, был не простой зверь. Так, по крайней мере, уверял студента знакомый крестьянин Ларивон.

Кто знает, что было на уме у хитрого мужичка? Может быть, своим рассказом о тайне неуловимого зверя он просто хотел разжечь любопытство городского жителя. Может быть, зазывая неопытного охотника к себе в деревню, он лукаво рассчитал, что и ему, Ларивону, перепадет деньжат за постой, и зверь останется невредим.

— Податься ему некуда, — рассказывал Ларивон. — Потому эдак вот море легло, — крестьянин корявым ногтем большого пальца провел на письменном столе студента длинную прямую царапину.

Студент знал, что Ларивонова деревня на южном берегу Финского залива.

— А так — деревни с полями прошли веревочкой через все леса.

Ноготь рассказчика начертил от прямой широкий неровный полукруг.

— Через поля зверь нипочем нейдет. Так и сидит в нашем лесу, как в мешке.

— Почему же его до сих пор не взяли? — удивился студент.

— Хитер, проклятый, — с какой-то даже гордостью объяснил крестьянин, — вот как хитер! Не простой это зверь. Видимость в нем звериная, а ум человеческий. Один такой лось и ходит в наших лесах, а то молодняк всё — телята безмозглые. Есть еще мошник у нас. Ну, тоже сказать, колдовская тварь, чисто то оборотень. Да ведь то — птица!

Про птицу-оборотня студент тогда не стал слушать: очень его заинтересовал старый лось.

Ларивон охотно сообщил подробности.

Студент узнал, что лось этот — Одинец: старый бык, живущий отдельно от стада. Великан ростом, характером он тяжел: угрюм и необщителен. Силы невероятной, в ярости прямо ужасен. В лесу есть медведи, но даже они не решаются напасть на Одинца. Деревенские охотники тоже не трогают его: ружья у них ненадежны. Сам же зверь избегает встреч с людьми.

Ларивон рассказывал, что случайно на Одинца натываются всюду: и в казенном лесу, куда бабы ходят клюкву-ягоду брать, и в крестьянских наделах, и в речке, куда лось заходит в жару, спасаясь от надоедливых оводов. Но где его лежка, где то надежное убежище, куда он скрывается при первой тревоге, — этого не знает никто.

Впрочем, у рассказчика на этот счет были свои соображения. Ларивон полагал, что Одинец прячется под землю.

— Это как же так? — изумился студент.

— А так, — нисколько не смутившись, продолжал крестьянин. — Место такое знает. Топнет ногой, — земля перед ним расступится. Войдет, — а она за ним закроется. Был да нет!

— Ну, уж это ты заливаешь! — смеясь, прервал студент. — Это ты, дядя, из сказки.

Ларивон не обиделся. Спрятав лукавую улыбку в бороду, он смиренно сказал:

— Знамо дело, мы народ темный, книгами не начитаны. Смекалкой до всего доходим. По-нашему, так: зверь тяжелый, крыл у него нет. По воздуху, выходит, летать ему не полагается.

— Кто же говорит, что полагается? — удивился студент.

— Ну, значит, и ты говоришь, что летать он не может. А по трясине, где и кошке не ступить, с копытами-то пройти, — как скажешь, — пройдет?

— Нет, конечно, не пройдет.

— Теперь вот и прикинь: идет Одинец след по лесу, дошел до болота — тут и пропал. На ясном месте пропал! Назад следа нету, впереди такая трясина, что упаси господи! Болота, конечно, они разные бывают. Которые и безопасные. А вот ты наше погляди. Не только что летом, зимой скот и людей засасывает. В прошедшем годе случилось: лесной объездчик на коне ехал, в самый что ни на есть мороз. Попал в темноте на то болото, — его с конем и втащило под снег-то. Куда, скажешь, зверь-то на таком месте девается?

— Не знаю, — задумчиво сказал студент. — Только уж, конечно, не под землю.

— Хошь верь, хошь нет, а, по-нашему, оно так. Зверь, говорю, не простой. Такое знает, что и человек не удумает. Да вот приезжай, сам увидишь. На месте-то способней будет разобраться.

— Нет, дядя Ларивон, спасибо, не выбраться мне, — решительно отказался студент. — У меня занятия скоро.

— Как знаешь. А надумаешь, отпиши заранее: мы лошадей вышлем.

Ларивон ушел, а в мозгу студента крепкой занозой засела тайна внезапных исчезновений лесного зверя. Мысль то и дело возвращалась к загадке, но ответа не находила.

ГЛАВА III

Улыбка

Студент и в самом деле не думал тогда ехать на охоту за лосем. Решенье пришло позже, внезапно. Стоя у дерева с закрытыми глазами, он вспомнил, как это случилось.

Через несколько дней после посещения Ларивона он отправился на вечеринку к товарищу. У товарища, как всегда по субботам, собралось с десятков знакомых — студентов. Шумно спорили, пели.

Из девушек только одна была студенту-охотнику незнакома. Она держалась в стороне и почти не принимала участия в общих разговорах.

Ему понравились ее светло-русые волосы, голубые глаза, золотистые прямые брови и тонкие строгие черты лица. Свежий загар крепких щек и настороженная неуверенность движений выдавали в ней человека нового в большом городе. И только легкая насмешливая улыбка, не сходявшая с ее губ, как-то не вязалась с образом робкой провинциалки, впервые попавшей в столицу.

— Кто такая? — кивнув в ее сторону, тихонько спросил студент у хозяина.

— С севера приехала на курсы. Дикая какая-то, молчит все. Попробуй-ка разговаривать.

— А чего она улыбается?

— Кто ее знает! Презирает, верно, нас, городских.

«Ого!» — подумал студент.

Он подсел к молчаливой гостье и завязал с ней разговор.

Девушка на вопросы отвечала скупко. Сказала только, что выросла в лесу и никак еще не может привыкнуть к городу.

— Что же вам не нравится у нас? — спросил студент.

— Не знаю. . . Вчера мне пришлось одной возвращаться ночью. Мертво кругом: ни деревца, ни травки, — камень один. Жутко как-то. . .

Он смотрел прямо в ее голубые глаза. И чем больше он в них вглядывался, тем больше они ему нравились. В их глубине мерцала грусть.

Ему захотелось подбодрить ее, дать ей почувствовать, что в нем она найдет надежного друга.

Скоро он узнал, что она собирается на естественно-исторические курсы, и весело сказал:

— Ну, вот, будем с вами коллегами: я ведь тоже по этой части.

Тут его собеседница сразу оживилась.

— Вы, значит, хорошо знаете лес? — радостно сказала она. — Расскажите что-нибудь о лесных зверях. Я готова слушать о них часами.

На мгновение студент смутился. Что интересного мог рассказать о животных он, изучавший их только по костям да по книгам, человеку, выросшему в лесу?

Но тут вспомнился ему рассказ Ларивона, и он с увлечением начал рассказывать об Одинце.

Оттого ли, что был он в тот день «в ударе», оттого ли, что с наивным любопытством и восторгом смотрели на него голубые глаза, — только неожиданно он почувствовал в себе необычайный дар красноречия.

Гости бросили споры и окружили рассказчика. А он красивыми и сильными словами живописал перед ними дикую и прекрасную жизнь старого лося.

Он особенно подчеркнул громадный рост, угрюмый нрав и чудовищную силу зверя. На хитрой догадке крестьянина о тайном убежище Одинца он построил целую запутанную легенду. Зверь получился в его рассказе чем-то вроде сказочного великана, живущего в неприступном заклётом убежище.

— Это последний старый бык в нашем краю, так близко от города, — заключил рассказчик. — Теперь лосей бьют, не дав им войти в полную силу и стать действительно опасными. Со смертью Одинца из наших лесов исчезнет последний лесной великан. Славный трофей для охотника. Крестьяне ничего не могут поделать с ним. Приезжали звать меня.

— Вы поедете его убивать? — быстро спросила девушка. — Вы уже много лосей убили?

Весь пыл студента мигом остыл.

«Влип!» — с ужасом подумал он.

Хотел соврать, но вовремя вспомнил, что товарищи знают, какой он охотник, и, конечно, выдадут его с головой.

— Мне, собственно, — промямлил он, не поднимая глаз на собеседницу, — не приходилось пока по крупному зверю.

— На зайчиков-то безопасней! — съехидничал кто-то из товарищей. Кровь бросилась студенту в голову. И так же внезапно отхлынула, когда он взглянул на девушку.

Он заметил только ее улыбку, презрительную и жесткую.

«Она думает, что я трус», — подумал студент. И он громко сказал:

— Но этого лося я убью. Завтра еду.

Кто-то сострил:

— Насморка, гляди, не получи. Пожалуй, ночевать-то в лесу придется!

Кто-то крикнул:

— Выпьем за нашего Тартарена! ¹

Зазвенели стаканы; хозяин кинулся к роялю и забарабанил марш.

Но студент сдержал себя и не стал вступать в пререкания с товарищами. Презрительно пожав плечами, он отошел в сторону и, как только разговор перескочил на другое, незаметно скользнул в прихожую.

По дороге он вспоминал то ироническую улыбку, то добрые глаза своей новой знакомой. Грусть ясных ее глаз никак у него не мирилась со злой насмешкой и строго сдвинутыми золотистыми бровями.

Он злился на себя, на весь мир и бормотал, сжимая кулаки:

— Уж смеяться-то над собой я никому не позволю!

И вот он в лесу. Он десять дней выслеживает, караулит, скрадывает, у него действительно сильный насморк, потому что он два раза уже промочил ноги. Но он еще не сделал ни одного выстрела по лосю.

А сейчас проклятый зверь убил еще двух собак, за которых охотнику придется теперь платить Ларивону: только одна из собак — та, что уцелела, — была его собственная.

Убить зверя оказалось делом неожиданно трудным. Одинец решительно не желал встречаться с охотником и не принимал боя.

Теперь одна надежда оставалась у охотника: найти лежку и около нее подкараулить осторожного зверя. Но где оно, это таинственное убежище зверя?

Охотник широко открыл глаза.

Ну, конечно: опять то же место! Именно здесь всегда исчезает Одинец.

За этой чащей — большая гарь, за гарью — перелесок, за перелеском — там, где сейчас тявкает давно убежавшая собака, — непроходимое болото. Там обрываются следы.

Охотник вскинул ружье на плечо и пошел вперед, огибая чащу.

Он твердо решил немедленно разгадать тайну исчезновения Одинца.

ГЛАВА IV

Рогдай

Горелое место густо поросло дикой травой и листовным молодняком. Было уже седьмое сентября, и зелень по-осеннему никла к земле ².

Ноги охотника путались в цепких травах, но он шел напрямик через гарь — прямо на голос твякующей все на одном месте собаки.

¹ «Тартарен из Тараскона» — насмешливое произведение Альфонса Додэ. Тартарен — добродушный, толстенький буржуа, вообразивший себя свирепым охотником на львов. Обвешанный оружием, он отправляется в Африку и там, после многих комических приключений, убивает ручного льва.

² По старому охотничьему закону охота на самцов лосей начиналась с 15 августа старого стиля, то есть с 28 августа нового стиля. (*Прим. автора.*)

Несмотря на пышную растительность, гарь казалась безжизненной, птиц совсем не было слышно. Из высокой травы мертвыми головешками торчали черные обгорелые пни.

Один из них — прямо впереди — привлек внимание охотника своей странной формой. Его закрывала листва низеньких березок и мешала разглядеть.

«Что за чертовщина! — досадливо подумал охотник. — Мне положительно начинает казаться, что у него — глаз и он глядит на меня. В этой глуши скоро черти начнут мерещиться!»

Черная головешка, глядящая маленьким живым глазом, вызвала жуткое чувство.

«Подойду и стукну его прикладом, чтоб рассыпался», — думал охотник, шагая прямо к пню.

Но вдруг черный пень исчез. Охотник вздрогнул и остановился.

Ему пришло в голову снять с плеча винтовку и приготовиться стрелять. Но сейчас же стало стыдно своей суеверной трусости.

Он решительно сделал шаг вперед к тому месту, где только что был пень, а теперь не видно было ничего, кроме березок и травы.

Он не успел еще опустить ногу на землю, как черный пень появился опять. Он с треском и грохотом взорвался из травы и стремительно помчался прочь, забирая все выше над гарью.

Охотник, растерявшись, слишком поздно сорвал ружье и выпал в воздух, не успев даже донести приклада до плеча.

— Дурак набитый! — громко выругал он себя, едва устояв на ногах от сильной отдачи в грудь. — Глухаря испугался! На десять шагов подпустил, — тут бы его и пулей можно, сидячего!

Он выбросил пустую гильзу из ружья, вложил новую и снова двинулся на лай.

Собака тявкала теперь близко — за перелеском, — но охотник думал о своем.

«И что за место такое дикое! Подумать только, что я в каких-то семидесяти верстах от города с его каменными домами, трамваями, автомобилями. . . Точно в сибирскую тайгу попал. Лоси и этот громадный глухарина. . . Как я его все-таки за пень принял? «Чисто что оборотень», — вдруг вспомнились слова Ларивона. — Так вот он, колдунский-то мошник. Действительно, ловкая птичка! С лосем покончу, надо будет и ее добить: тоже ведь, пожалуй, больше таких громадин не увидишь».

Охотник пересек уже перелесок и вышел к болоту. Собака сидела у самых кочек.

Он подошел к ней и стал внимательно разглядывать землю.

Следы лося вели прямо в воду. И на ближней кочке был ясный отпечаток круглого вырезанного спереди копыта.

«Ага, голубчик! — весело подумал охотник. — Не так уж ты хитер, как думают. Просто по кочкам прыгать мастер. Это, конечно, легче, чем исчезать под землю с такой тушей!»

И, не раздумывая долго, он прыгнул на ближнюю кочку.

След копыта был и на следующей кочке. Охотник перебрался на нее.

Но высокая кочка закачалась под ним, накренилась — и стала

погружаться в воду. Охотник еле успел перескочить назад на твердую землю.

«Странно! — подумал он, глядя на грязные пузыри, выскакивающие на ржавой воде. — Ясно же, что он ступал по кочкам! Вот и остров недалеко».

Болото шло широким полукругом. С середины его поднимался остров с высоким темным лесом.

«Отлично! — сообразил вдруг охотник. — Значит, надо сначала послать пса. Он-то уж пройдет получше лося».

— Рогдай, сюда!

Пес поднялся и подошел к хозяину.

Это был старый, рыжий, с черным чепраком, гончак, с широкой грудью и крепкими ногами. Он внимательно глядел в глаза хозяину, не позволяя себе никакой фамильярности вроде виляния хвостом или собачьей улыбки.

— Вперед! — приказал хозяин, показывая на кочки.

Пес опустил голову и не тронулся с места, точно и не слышал приказания.

— Трусишь, bestия! — разозлился охотник. — Нет, врешь, пойдешь у меня.

Он поднял валявшийся на земле сук и замахнулся им.

— Вперед, ну!

Пес поджал хвост, нерешительно помялся на месте — и все-таки прыгнул на первую кочку.

— Иди, иди! — приказывал охотник, подталкивая его сзади суком. — Ну?!

Пес прыгнул на вторую кочку, потом на третью и остановился, беспомощно озираясь на хозяина. Видно было, как кочка под ним медленно погружается в воду.

Но охотник был неумолим. Он принялся швырять в пса сучьями.

Тогда Рогдай, протяжно и жалобно, как над покойником, завыл.

— Что за черт! — ругнулся охотник. — Быть этого не может! В собаке и двух пудов нет, а в Одинце тридцать.

И вдруг, остервенев, гаркнул:

— Вперед, Рогдай!

Грозный окрик хозяина подействовал. Рогдай прыгнул.

Четвертая кочка разом пошла под ним в воду. Рогдай успел только повернуться мордой к хозяину.

— Сюда, сюда! — крикнул охотник, поняв, что верный пес в беде.

Но где там! Ноги уже завязли в топкой тине. Напрасно сильное животное билось, стараясь вытянуть их и добраться до ближней кочки. Рогдай погружался.

Охотник бросил к самой морде собаки большой сук, в расчете, что она сумеет на него опереться.

Рогдай схватил сук зубами и глядел на хозяина. В глазах у него была такая мольба, что охотник не выдержал — и прыгнул к нему.

Но расхлябанная уже кочка сразу пошла под воду. Пришлось вернуться.

Охотник стоял опять на твердой земле и с отчаянием смотрел в глаза погибающему другу.

Рогдай молчал. Он только пристально уставился влажными, все понимающими глазами в лицо хозяину.

Охотник схватил ружье и, стараясь не встретиться взглядом с глазами Рогдая, раз за разом выпустил три пули в то место, где должно было находиться под водой тело собаки.

Когда через минуту он решился взглянуть на болото, — глаз Рогдая над ним уже не было.

Только медленно поднималась из ржавой воды окровавленная кочка.

ГЛАВА V

Там, куда не заглядывают люди

В тайное убежище Оди́нца еще никогда не заглядывали ни люди, ни собаки. Он знал это и был спокоен.

Оди́нец стоял над глубоко вросшим в землю камнем и равнодушно слушал, как заливается напавшая на его след собака.

Круглый приземистый камень под ним напоминал широкий пень и весь, как пень, оброс ржаво-желтыми лишаями. За камнем, под густыми ветвями столетней ели, трава и мох были примяты, обнажили черные проплешины земли. Тут, в небольшом углублении, и была лежка старого лося.

Оди́нец был дома.

Солнце стояло над вершиной ели, возвещая полдень — час дневной дремы зверей. Но лось не ложился: он ждал друга.

Как удивились бы окрестные крестьяне, узнав, что у Оди́нца есть друг!

Угрюмый и необщительный характер зверя был хорошо известен всем. Ни одного из своих родичей Оди́нец не подпускал близко даже к местам своей кормежки.

Но вот он стоит и в нетерпении бьет землю копытом, как лошадь, — всякий, взглянув на него, поймет, что он соскучился по кому-то. Он то и дело поднимает горбоносую, длинную, как у лошади, морду и, храпя, поглядывает вверх, точно друг его должен спуститься к нему с неба.

Собачий лай давно уже раздается близко, но все на одном месте, — не приближаясь больше и не отдаляясь.

Вдруг издали донесся сухой стук винтовочного выстрела.

Быстрая судорога пробежала по телу зверя.

Он перестал бить копытом землю. Его уши повернулись в сторону звука. Но тело осталось неподвижным.

Через минуту легкое дрожание воздуха и чуть уловимый свист сказали ему, что друг близко. И почти сейчас же два-три гулких хлопка крыльями — и на толстый сук ели брякнулся большой черный глухарь.

Он вытянул шею и взглянул одним глазом на лося внизу, словно желая убедиться, что друг его цел и невредим. Потом сделал по суку четыре шага от ствола, четыре назад к стволу — и замер, плотно подобрав тупые крылья.

Внизу под ним с фырканьем и сопеньем примащивался на жесткой лежке Одинаец.

Теперь оба могли спокойно вздремнуть, пока голод их не разбудит и не погонит на жировку.

Собака совсем перестала тявкать.

... Одинаец уже дремал, когда снова раз за разом отчетливо простукали три винтовочных выстрела.

Лось открыл глаза, прислушался. Глухарь у него над головой не подавал признаков жизни.

Больше ничто не тревожило друзей. Прошло еще немного времени, и лося снова охватила дремота.

Одинаец опустил веки. По всему его телу под кожей прошла длинная, медленная судорога. Зверь спал.

Через минуту он шумно вздохнул — и вдруг порывисто задержал, забрыкал ногами, — совсем как теленок, выскочивший на веселый луг.

Чутко спал на своем суку глухарь.

Эти два бородатых старика — зверь и птица — как нельзя лучше подходили друг к другу, — оба осколки древних-древних родов животных, существовавших еще в то отдаленное время, когда по нашей земле бродили мамонты.

Старому лосю снился сон.

Кто знает, какие сны снятся зверям? Быть может, они видят во сне веселые дни своего детства?

... Лосиха-мать вывела своих телят на лесную поляну. Тут было где размять молодые ноги.

Оба лосенка поскакали по ровной весенней траве, дали круг, встретились, разминулись и пошли кружить по зеленой поляне, каждый со своими выкрутасами.

Когда это им надоело, они принялись играть в перевертыши.

Игра состояла в том, чтобы ловко подскочить к противнику

сбоку, сунуть ему под пузо морду и, мотнув головой снизу вверх, неожиданно опрокинуть на землю.

Доставалось, конечно, больше младшему. Он был почти на сутки моложе брата, а это большая разница в том возрасте, когда вам всего неделя от роду.

Старший то и дело кувыркал его на землю, и малыш, барахтаясь в траве, смешно дрыгал в воздухе тонкими, как сучочки, ногами. Не успевал он встать, как опять уже кубарем летел в траву.

Лосята готовы были часами без передышки играть в перевертыши. Лосиха-мать спокойно глядит на их забавы.

Она нежно любила своих сыновей. Она совсем не замечала, какие оба они смешные — тупоморденькие телята-губошлепы с большими головами, точно по ошибке приставленными к куцым тельцам на высочайших тонких ногах. Тельца их были покрыты мягким рыжеватым пухом.

Лосиха подошла к младшему и шершавым ласковым языком стала нежно облизывать его с головы до пят.

Но малыш был против таких нежностей. Он шмыгнул у матери между ног и принялся жадно сосать, тыкаясь губастой мордочкой в ее теплый живот.

Старший сейчас же присоединился к нему.

Вдруг лосиха громко фыркнула, рванулась и быстро пошла в лес. Коротким, тревожным мычанием она звала за собой детей.

Лосята кинулись за ней. Вбежав в лес, старший ловко перескочил через толстый ствол поваленного бурей дерева и очутился рядом с матерью. Младший прыгнул вслед за ним, но копытцами передних ног он задел за дерево, больно ударился об него — и скатился на землю.

Лосиха сейчас же вернулась к нему.

Сзади страшно щелкнули волчьи зубы, но волк не решался напасть на теленка при матери.

Серый враг хорошо знал, как опасно приближаться к старой лосихе: у нее хоть нет рогов, зато копыта острее, чем у лося-быка.

Лосята росли быстро. Через месяц они совсем окрепли и научились уже глотать таловые и осиновые веточки, хоть и продолжали еще сосать мать.

В конце лета мать привела их в стадо.

Они живо перезнакомились с двумя другими маленькими лосятами и валюном — перегодовалым молодым лосем.

Младший лосенок отличался особенно веселым и бойким нравом. Он сейчас же кувырнул одного за другим обоих чужих лосят и непременно стал бы у них предводителем, если б не его старший брат. Пока лосята ходили с лосихами, его старший брат был у них коноводом во всех играх, потому что он был самый сильный.

Осенью обе лосихи куда-то вдруг исчезли. Водить и стеречь маленьких лосят остался старший валюн.

Он не умел так хорошо беречь малышей, и однажды большая серая рысь, неожиданно спрыгнув с дерева, переломала хребет одному из чужих лосят.

Лосихи вернулись через месяц, а скоро к ним присоединился и старый лось-бык.

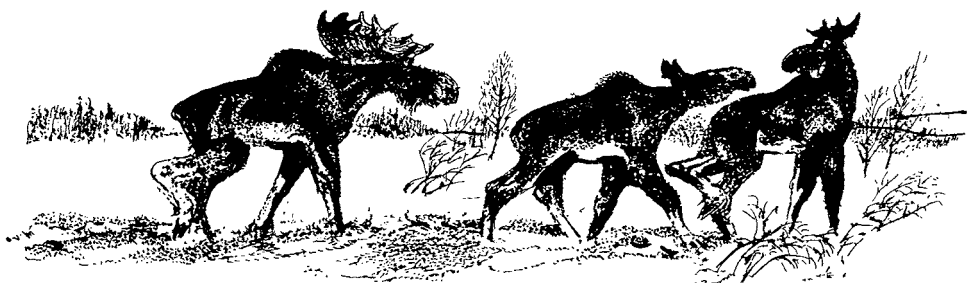
И тогда опять все пошло на лад. Лось был строгий, слушаться его надо было сразу, с первого знака. Зато при нем никто не смел тронуть стада. И он не мешал играм веселых лосят.

Стадо переходило с места на место, все дальше подвигаясь на восход. Только когда выпадали глубокие снега и ходить становилось трудно, оно неделями простаивало в высоких осинниках.

Но и здесь пищи хватало: лоси грызли вкусную горьковатую кору деревьев и обламывали ветви.

За спиной у старших младшему лосенку жилось беспечно. Только и было дела у него, что есть, да расти, да играть, да слушаться лося-быка.

Через год его уже было не узнать. Он стал крупным зверем. Морда его сильно удлинилась, вся фигура стала стройной. Из опуп-

ков-пишечек на лбу выросли острые, загнутые вперед и кверху рожки-спицы.

Следующей осенью он стал сам предводителем маленького стада прибылых лосят, на то время, пока пропадали куда-то лосихи. Он ведь был уже валюном.

Детство кончилось.

Захлопал крыльями глухарь, срываясь с ветки.

Одинец проснулся.

Солнце уже клонилось к вечеру. В животе урчало: пора на жи-
ровку.

Одинец поднялся с лежки.

ГЛАВА VI

Один в лесу

— Выкинь ты из головы Оди́нца убить, — сказал Ларивон, выслушав рассказ о злключениях охотника. — Упреждал ведь тебя, каков зверь. Не то, что псам, — и человеку не спустит. Есть тут у нас еще лосенок — один ходит. Не та стать, слов нет, а все ж таки отро-
сков о трех рога будут. Я тебе и место покажу.

— Ты отговаривать меня брось, дядя! — сердито краснея, сказал охотник. — Скажи лучше, как мне его теперь без собак найти?

— Наше дело — сторона, — равнодушно согласился крестьянин. — Только ты трудное задумал. Не сдогадаюсь, что тебе и присоветовать теперь.

Ларивон задумался, попыхивая короткой носогрежкой.

— Разве вот чего еще попытать? Удача будет, — вплотную зверь подойдет. Караулить только терпенье надо.

— Терпенья хватит у меня, не беспокойся, — быстро отозвался охотник. — Что надумал?

— Место есть одно в помещицьем лесу, — летом ребята в шалаше там жили. Одинца они солью к себе приманивали. Он, слышь, по сию пору на то место ходит — привычен стал.

— А что же они его не убили? — удивился охотник.

— Уж такие были ребята. Даром, что с городу, — всякую даже насекомую уважали. Птицу, зверя тоже с разбором стреляли, которых и вовсе не трогали.

Охотник почувствовал скрытый упрек себе в словах крестьянина. Это задело его.

— Просто, значит, трусили, — презрительно сказал он, передернув плечами.

Об охоте на искусственных солончаках охотнику приходилось слышать и раньше. В Сибири так бьют маралов. Падкие до соли, олени выгрызают в земле ямы, и туда снова и снова охотники наливают густой раствор поваренной соли.

«Великолепный случай подкараулить Одинца, — думал охотник. — Главное, и собаки не понадобятся».

В тот же день Ларивон привел его в очень живописный уголок леса.

Громadne вековые ели, гладкие осины подошли здесь плотную к невысокому, но крутому обрыву. Внизу под ним бесшумно бежала гибкая лесная речка. За ней широко простерлась большая казенная вырубка с одиноким, на равном расстоянии друг от друга, стройными соснами.

Под елями у пня была узкая ямка, густо истоптанная кругом круглыми лосиными и острыми косульими следами. Охотник высыпал в нее два фунта поваренной соли.

Ларивон рассказал, что Одинец приходит обычно с казенной

вырубки, и показал, где сделать шалашку, чтобы зверь не учуял спрятавшегося человека.

Теперь надо было только подождать несколько дней, чтобы Одинец пришел «отведать гостинца», как выразился крестьянин. Почувствовав доверие к шалашке, лось перестанет к ней подозрительно приглядываться и принюхиваться.

Придя к ямке вечером на четвертый день, охотник легко убедился, что зверь пошел на приманку: в траве осталась свежая куча лосиных, напоминающих овечий помет, только гораздо крупней, продолговатых «орешков».

Охотник засел в шалашку из густых еловых лап, прислонился спиной к шершавому стволу ели — и приготовился терпеливо ждать.

Вечер выдался погожий. Лес по-осеннему молчал, только теплый ветерок шелестел листвою.

Скоро и он улегся. Стало совсем тихо в лесу. Охотник сидел, напряженно вслушиваясь в тишину.

Он ждал треска сучьев, который должен предупредить его, что зверь подходит. Готовая к выстрелу винтовка лежала у него на коленях.

Понемногу томительное чувство одиночества стало его охватывать. Он в первый раз собирался ночевать в лесу один и никогда еще не испытывал той легкой жути, той странной неуверенности в себе, которая в сумерках охватывает человека в незнакомом месте. Смутное предчувствие неожиданных встреч настораживало зрение и слух.

«Хоть бы собака рядом, — тоскливо думал он. — До чего тут все какое-то... чужое».

Он не доверял лесу. В каждом дереве ему начинало мерещиться что-то подозрительное, что-то враждебно насторожившееся. Всюду чудились незаметно следящие за ним глаза. Он не верил тишине: в ней что-то притаилось, ждало.

Вдруг сильный шум листвы, треск и тяжелый удар по суку! Охотник вздрогнул так, что винтовка сама подскочила с колен и попала ему в руки.

Стрелять, — но куда, в кого? Снова было тихо, так тихо, что слышно было мелодичное журчание речушки под обрывом. Остановившееся было сердце вдруг громко затукало в груди охотника.

Теперь он знал, что кто-то есть рядом.

«Как зашумит опять, — решил он, — сразу вскину ружье и буду стрелять».

Тянулись минуты, но шум не повторялся.

«Знать бы только, где он притаился», — думал охотник, не пробуя даже догадаться, кто этот «он». И все пристальней всматривался в темнеющие деревья.

Но вот, вместо ожидаемого треска и шума, раздался четкий звук. Звук этот напоминал шелк крупных дождевых капель, падающих с высоких веток. Он доносился откуда-то сверху, с деревьев над обрывом.

На розовеющем небе высокими черными крестами резко выступали громадные ели. В их темной хвое ничего нельзя было разобрать. Квелея листва осин просвечивала тысячью розовых скважинок.

Чуть заметное движение на ветке одной из осин остановило взгляд охотника. Он всмотрелся, — и жуткий холодок побежал у него по всему телу.

Кто-то черный сидел на ветке осины, высоко над землей. Листва мешала разглядеть фигуру. Головы совсем не было видно. Но, чем дальше охотник смотрел, тем ясней различал черное туловище, черную свесившуюся с толстой ветви ногу.

Черная фигура не шевелилась. Боясьдохнуть, без движения сидел и охотник.

Вдруг он увидал: плавным движением поднялась в листве гибкая черная рука — легкая листва вздрогнула и затрепетала. Раздался короткий щелк обрываемого с черенком листа.

У охотника застучали зубы. Судорожные мысли проносились в голове:

«Стрелять? .. Человек! .. Как спускаться начнет, тогда! ..»

Опять протянулась рука — и послышался четкий щелк.

Охотник всеми силами старался взять себя в руки.

«Чушь какая, что я! Чушь какая! Нервы! Чепуха же, какой там человек на дереве! .. Нельзя же так сразу стрелять!»

Минуты ползли. Небо темнело, темнела и осина, черная фигура на ней сливалась со стволом, с ветвями. Звук обрываемых листьев, через длинные, ровные промежутки, все громче отдавался в ушах охотника.

«Будет совсем темно, он незаметно спустится, подкрадется и. . .»

Стало так страшно, что охотник невольно оглянулся.

Увидел широкий ствол ели, позади него — темную глубину леса, где с трудом различишь отдельные стволы деревьев.

«Оттуда и таянет!»

Ни крикнуть, ни выстрелить охотник не решался.

А ночь, темная, осенняя ночь, уже настала. Луны не было, не было и звезд. Черной фигуры на осине тоже больше не было видно. Только равномерный щелк черенков показывал, что таинственная рука обрывает листва все на том же месте.

Охотник плотней прижался спиной к дереву и приготовился ко всему.

ГЛАВА VII

Ужас

В густой темноте ночи Одинец двигался так же уверенно, как при ярком свете солнца. Осенняя ночь ему не казалась черной, как человеку. Он различал деревья, кусты, даже траву под ногами.

Он шел на жировку. Не раздумывая, уверенно поворачивал там, где надо было повернуть, брал напрямик там, где хотел сократить путь. Слышал белку, спросонья закопошившуюся в ветвях у него над головой. Чувал лисий след на земле, видел белый хвостик шарahnувшегося от него зайчонка. Знал все, что происходит кругом, — и не боялся леса.

Лес этот был им давно исхожен по всем направлениям. Старый зверь знал, что на север пойдешь — выйдешь к морю, пойдешь на полдень, на восход, на закат — все равно уткнешься в поля и деревни. Только исключительный случай мог бы заставить его покинуть лес и попытаться вырваться через открытые поля из этого кольца. Только слепой ужас и мог заставить его пройти через них в это кольцо. Случай этот был пять лет тому назад, зимой.

Из веселого лосенка давно вырос тяжелый, сильный зверь. Голову его украшали широкие рога, о семи отростках каждый. Но зимой в те времена он всегда присоединялся к стаду: в обществе других лосей кочевать было безопасней.

В тот год предводителем стада был громадный старый бык. Он ввел у себя образцовую дисциплину.

Лоси делали большие переходы. В походном строю старый бык шел всегда последним. Никто не мог даже обернуться безнаказанно. Лучше было идти до полного изнеможения и пасть, выбившись из последних сил, чем повернуть и встретить тяжелый удар рогов.

Весь отряд состоял исключительно из самцов. Это было большое переселение. Лосихи с лосятами двигались сзади небольшими стадами.

Когда выпали глубокие снега и ударили сильные морозы, лосям пришлось на время остановиться. Даже крепкий наст не выдерживал тяжести громадных животных. Их ноги проваливались, и твердый, как стекло, ледок точно бритвой обсекал на них прямую ломкую шерсть.

Старый бык остановил свой отряд в редколесье, на слуху, чтобы издали увидеть, если враги сделают нападение.

Еды тут было достаточно: можно было обламывать веточки, острыми, как стамески, зубами срезать осиную кору, долго не сходя с места. Больше недели прошло спокойно. Ни один из лосей не заметил ничего подозрительного.

А потом неожиданно, как первый гром, стряслось такое, что привело в ужас не знавших страха зверей.

Занялось морозное безветренное утро. Ничего не подозревавшие лоси мирно жевали кору, когда внезапно вдали раздался короткий гром выстрела, неистовый шум и крики людей.

Отряд лосей быстро построился в боевом порядке — старый бык впереди. Одинец — тогда молодой зверь с рогами о семи отростках — за ним.

Люди наступали широким полукругом. Старый бык сразу учел, где еще можно прорваться, и повел стадо широкой рысью.

Шум и крик стали затихать: лоси подвигались вперед значительно быстрее людей, хотя и проваливались в снег с каждым шагом.

Вдруг спереди блеснул огонь, грохнул выстрел.

Старый бык со всего маху, как подкошенный, ткнулся в снег. Стадо мгновенно разбилось, все бросились в разные стороны.

Обезумев от страха, Одинец помчался между деревьями. Жесткий наст в кровь рассек ему ноги, но он не слышал боли.

Он выскочил прямо на цепь кричан, но люди подняли та-

кой страшный шум, что зверь без памяти кинулся назад — на стрелков.

Вокруг него запылали быстрые огни, загрохали выстрелы. Он упал, вскочил, помчался напрямик, перепрыгивая пни и канавы, ничего не разбирая впереди.

Он не остановился даже тогда, когда выбежал в поля, пронесся мимо двух деревень. За ним кинулись собаки — и не могли его догнать.

Долго он бежал полями, пока наконец впереди не показался лес. Одинец надал ходу и скоро очутился в чаще, забился в нее поглубже и повалился в снег, совершенно обессиленный.

С тех пор прошло пять лет. Одинец исходил новые места вдоль и поперек, но ни разу не выходил в поля.

В новых местах он часто натыкался на людей. Но люди его не трогали, и он приучился не бегать от них сломя голову.

А в прошлом году он почел на земле близ одной опушки соль. Около этого места он почти всегда встречал людей. Они не делали резких движений, не нападали на него и не бежали. В конце концов он так привык к ним, что почти не обращал на них внимания.

На днях Одинец зашел проведать давно опустевшую солевую яму.

Там снова оказалась соль.

Теперь он шел полакомиться редким угощением.

Ночь убывала.

Глаза

Что-то шумно завозилось в листве.

Охотник вздрогнул.

«Это тот. . . на осине!» — со страхом подумал он.

И опять все было тихо — ни шелеста, ни шороха.

«А ведь если сейчас станет подходить Одинец, — пришло ему в голову, — помру со страху!»

В первый раз он вспомнил о лосе с тех пор, как начало темнеть и тот, черный, зашумел на осине.

А ночи прошло уже много.

Откуда-то издалека сквозь сырую темень донесся чуть слышный собачий лай.

Знакомый звук показался охотнику чудесной музыкой. Он мгновенно напомнил деревню, огоньки в избах.

Собака, верно, забрехала на запоздалого прохожего. Охотник сейчас же представил себя в деревне, вот этим прохожим, всполошившим дворового пса.

Эти мысли гнали страх. Если попробовать закрыть глаза — там будь что будет! — и заставить себя думать, что сидишь в избе или, еще лучше, в своей комнате, в городе? Может, нервы и успокоятся?

Все равно ведь ничего не разглядишь в темноте. А если шум, — можно моментально вскочить.

Охотник плотно закрыл веки.

Так было лучше. Он заставил себя думать, что сидит у себя в комнате на стуле с высокой спинкой. Если открыть глаза, увидишь большой письменный стол с книгами, темные стены, кровать. Над кроватью — крест-накрест — два ружья: винтовка и дробовик.

В другой стене — высокое окно. Занавесок на нем нет. Можно подойти к нему и заглянуть, — увидишь глубокий квадратный колодец каменного двора. В одном из шести этажей, наверно, горит огонь, хоть и поздно, — совсем не слышно звонков трамвая.

Как глупо было бояться каких-то несуществующих опасностей! Все эти таинственные ужасы только в книгах.

Но это не трусость вовсе, это все дурацкие нервы! Теперь он взял себя в руки и может сидеть с открытыми глазами. Вот, пожалуйста!

Он поднял веки.

Ужас, как молнией, пронизал его с ног до головы: два глаза пристально глядели на него из черной пустоты.

Большие, круглые, горящие жутким зелено-желтым пламенем глаза без всякого признака лица или головы. Они зорко, неподвижно уставились в самую душу.

Он не мог ни вскрикнуть, ни вздохнуть. Язык, грудь — все тело отнялось, исчезло. Без мысли он знал, что это — смерть.

Сколько времени это длилось? Должно быть, недолго: долго не выдержало бы сердце.

Глаза исчезли.

Онемелое лицо охотника ощутило внезапно легчайшее движение воздуха. Сознание медленно стало возвращаться к нему.

Подыскать объяснение тому, что видел, он не мог. Таких глаз не было ни у одного из ему известных зверей.

Вслед за тем странное равнодушие охватило его. Страшнее этого уже ничего не могло с ним случиться, он чувствовал себя совершенно беспомощным, ему было все равно, что будет с ним дальше.

Он долго сидел, ни о чем не думая, потеряв всякое представление о времени.

Черная темнота серела, раздвигалась. Черные стволы деревьев понемногу вступали в нее.

Охотнику казалось, что он бесшумно скользит в лодке по гладкому морю и перед ним из тумана встает долгожданный берег. На берегу — высокий лес.

Еще немного — и туман разлетится, пловец ступит ногами на крепкий берег.

Страх совсем отпустил его. Он вдруг почувствовал, что всю ночь просидел без движения в одной позе, крепко сжимая в руках винтовку. Вспомнил и то, зачем пришел сюда.

Лось мог еще прийти. Надо было соблюдать осторожность. Не выходя из шалашки, охотник размялся, растер пальцами жестоко зудевшие икры и уселся поудобней: решил ждать, пока совсем рассветет.

Он внимательно оглядел осину, где вчера видел таинственную черную фигуру.

Каждый листок уже можно было разглядеть на дереве. В ветвях не было никого.

«Со страху привиделось, — решил охотник. — Ерунда какая-нибудь».

Утро вставало ясное, бодрый холодок пощипывал пальцы и освежал лицо. Телу в теплой меховой куртке было тепло, по нему разливалась сладкая истома.

«А глаза?» — подумал охотник.

Он постарался сесть в точности так же, как сидел ночью, и взглянул в широкую скважину между двумя ветвями шалаша.

Прямо против его глаз торчал сук соседнего дерева. На суку — что-то темное, что он сначала принял за нарост на дереве.

«Как раз ведь отсюда глядели», — подумал он, разглядывая нарост.

Странная штука. . .

Неподвижный нарост что-то напоминал ему своей формой. Охотник все смотрел на него, пока вдруг его не осенило: «Да это же сова сидит!»

Он вспомнил ночь и с удивлением подумал: «Неужели это я так струсил? Ведь совершенно такой ужас должен испытывать мышонок, когда из темноты глядит на него смерть глазами этой чертовой бабушки».

Солнце уже взошло. Охотник понял, что дальше ждать Одинца не имеет смысла.

Он вышел из шалашки, блаженно потянулся, зевнул, подумал: «Эх, и дрыхнуть буду сегодня!»

Перекинул погон винтовки на плечо и пошел.

Большая серая сова на суку даже не шевельнулась.

— Спи, чертова перечница! Больше— уж — дудки! — не напугаешь меня глазами!

Он двинулся к обрыву.

Гремя крыльями, сорвался с осины черный глухарь.

Охотник только свистнул ему вслед.

— Ишь леший! А ведь здорово твоя шея похожа на тонкую руку! Мастер морочить: чисто что оборотень!

Охотнику было удивительно весело. Так просто один за другим объяснялись его глупые ночные страхи.

Он прошел уже шагов полсотни от шалашки, когда услышал у себя за спиной лошадиный топот.

Топот сопровождало странное пощелкиванье, точно при каждом шаге нога ударялась об ногу или спадали плохо прикрепленные подковы; странный костяной звук раздавался уже близко.

«Как могла попасть сюда лошадь?» — подумал охотник, на всякий случай стаскивая с плеча ружье.

Между деревьями мелькнула серая шерсть зверя.

Прямо на охотника бежал лось. Трясущимися от волнения руками охотник вскинул винтовку и торопливо выстрелил два раза.

Что произошло потом, он позже с трудом мог восстановить в памяти.

Очевидно, одна из пуль скользнула по телу зверя, содрав шерсть. Рана обожгла Одинца внезапной болью — и он в ярости кинулся на человека.

Как бросил винтовку, как подскочив, ухватился за сук и повис на нем, — ничего этого охотник не мог вспомнить.

Остался в памяти только страшный удар в левую ногу, высоко подкинувший тело в воздух, потом — неудобная поза: животом на суку, лицом книзу.

И в этот миг глаза лося встретились с глазами человека.

Мутный взгляд разъяренного зверя был так ужасен, что охотник, не успев почувствовать боль в разбитой ноге, с обезьяньей ловкостью вскарабкался вверх по сучьям.

Только с большой высоты он решился взглянуть вниз.

Зверь, яростно фыркая, бил ногою землю. Охотник увидел: каменное копыто с невероятной силой опустилось на лежащее в траве ружье, — крепкое ореховое ложе треснуло и переломилось, как щепка. Стальной ствол, попав концом на корень, согнулся и отскочил в куст.

Охотник схватил руками дерево. Его так трясло, что он боялся свалиться с сука, на котором сидел. Из разорванного рогом сапога сочилась кровь. В ноге поднималась нестерпимая боль.

ГЛАВА IX

Когда гремят боевые рога

Осень быстро вступала в свои права. Лист на деревьях побурел, стал дряблым. Ветер срывал его с веток и устилал землю мягким сырым ковром.

Одинец все чаще теперь покидал свое тайное убежище и без всякой цели бродил по лесу. Он то и дело спускался к речке, пил воду — и все не мог напиться.

Что-то странное делалось с ним. Какая-то жуткая болезнь быстро одолевала его.

С каждым днем он ел меньше и меньше, с каждым днем спадал с тела. Только и без того толстая шея его прибывала в ширину. Тугие мышцы на ней вздувались, прямой волос густой гривы вставал торчком.

Тоска гнала зверя с места на место. Он беспокойно рыскал по лесу, забыв все правила мудрой осторожности. Переходил с места на место, заложив уши, опустив хrap к земле, точно разнюхивая чей-то забытый след. Но он плохо стал чують, плохо видел, плохо слышал: сухой огонь палил его изнутри.

Не раз в эти дни крестьянские собаки замечали его близко от деревень. Но, напав на душный след обезумевшего зверя, они трусливо поджимали хвосты и поспешно убегали из лесу.

Раз он лицом к лицу встретился с медведем. Бесстрашный «хозяин леса» уже поднялся было на дыбы, чтобы ударом тяжелой лапы свалить неосторожного лося.

Но, заметив темное пламя в глазах лесного великана, его вздутую шею и низко склоненные рога, могучий хищник счел благоразумным отложить бой до следующей встречи. Ворча, он попятился в чащу — и дал Одиному дорогу.

Не разбирая дороги, забыв часы жировки и отдыха, Одинец беспокойно скитался по лесу. И когда в небе зажигалась заря, он совсем терял над собой власть. Одинец вскидывал голову, украшенную широкими, тяжелыми рогами. И тогда в лесу гремел его короткий, глухой и отрывистый, страшный рев.

Голос зверя напоминал тупой жуткий звук удара обухом топора по стволу вековой сосны, когда железо с размаху бьет в живое, крепкое тело дерева. В коротком реве чудилась смертельная кому-то угроза, слышался вызов на битву.

Но когда из темной чащи доносился не ответный рев противника, а нежный голос подруги, — мгновенно изменялся и голос угрюмого Одинца. И тот же короткий рев звучал жалобно-призывно.

Охотник в эти дни не выходил из избы. Больная нога приковала его к кровати.

Заботливая хозяйка — жена Ларивона — по многу раз в день меняла ему горячие припарки, прикладывала к ноге какие-то травы, и опухоль наконец стала быстро спадать. Боль проходила, и хорошее настроение понемногу возвращалось к охотнику. Все его неудачи стали ему теперь казаться смешными.

В эти дни он отослал в город письмо такого содержания:

«Друзья! Лесной великан еще бродит и наводит ужас на местное население. Внезапные его исчезновения до сих пор остаются тайной.

Первые три раза я видел его только издали. В третий раз он убил двух псов моего хозяина, раньше чем я мог послать в него пулю. Третьего пса — моего верного Рогдая — я пристрелил своими руками: он завяз в болоте, честно выполнив свой долг.

В четвертый, и пока последний, раз я встретил лесного великана лицом к лицу. Я караулил его целую ночь и в эту ночь дважды видел страшные «глаза» леса.

Зверь появился неожиданно. Я успел выстрелить два раза, но только легко ранил его.

Он отомстил мне тем, что в щепки искрошил приклад моей винтовки, смял ее стальной ствол и разбил мне левую ногу.

Вы там в городе никогда не представите себе дикую мощь его гнева.

Теперь нога моя заживает.

У меня есть еще запасное ружье. На днях снова отправляюсь в лес. Я достал рог — боевой рог, такой, каким средневековые рыцари вызывали на битву противников под неприступными стенами их гордых замков.

Великан примет, конечно, мой вызов. Будет бой. Один из нас должен пасть в этом бою.

Во всяком случае, я не вернусь к вам без головы Одинца. А насморк у меня прошел».

В письме не было подробностей последней встречи охотника с Одинцом. Ничего не было сказано про то, как охотник попал на дерево, как терпеливо просидел на нем три часа, пока зверю не за благорассудилось снять осаду и уйти в лес; не было и про то, как охотник слез с дерева и, корчась от боли, проклиная все на свете, дотащился до деревни и дал себе слово оставить сердитого зверя в покое.

Каждый вечер теперь Одинец приходил на ровную площадку среди глухого леса и отсюда бросал свой громкий боевой вызов невидимым противникам.

Площадка эта была ему памятна: три года назад на ней он принял роковой бой с самым сильным из своих соперников. В то время он вошел в полную мощь. В новых местах было немного лосей и среди них не было равных ему по боевой силе и опытности, кроме одного.

Это был его родной брат, тот самый, что в раннем детстве всегда верховодил над ним. Брат его тоже случайно попал в эти места.

В его толстой шее сидела еще свинцовая пуля, оставшаяся ему на память о том дне, когда переселенческий отряд старого быка был окружен людьми.

Разница в возрасте между братьями — меньше суток — теперь не имела никакого значения: обоим им было уже по многу лет. Но старший брат первый стал предводителем маленького стада и сумел удержаться за собой этот почетный пост.

Младший не мог выносить дольше, чтобы над ним командовали, и не захотел оставаться в стаде. Он ушел из стада уже зимой. В это время грозды на лбу — те места, откуда растут рога, — сильно зудели у него. Он все терся лбом о твердые стволы деревьев, ударял по ним рогами. И вот — сначала один рог, а через несколько дней и другой — отвалились.

Отваливались они у него каждый год об эту пору, и он знал, что скоро на месте их быстро вырастут другие — еще больше и тяжелей. Он только не учел, что в это время, пока он ходил комольй, как лосиха, ему нужно беречься. И раз он слишком близко подошел к деревне, так близко, что столкнулся в лесу с собакой.

Большой пес, увидев, что у лося нет его грозного оружия — рогов, — сразу перешел в нападение и с лаем кинулся ему на грудь.

Но неопытный пес не знал, с кем имеет дело. Одинец не испугался. Он ударил пса головой, свалил его на землю и так отделал копытами, что пес больше уже не встал.

Однако на выручку ему бежали из деревни десяток других собак. Лось бросился бежать от них.

Началась бешеная погоня. Зверь, стремительно огибая деревья, мчался по вырубкам, со всего ходу врезался в густой чапыжник.

Собаки неумоимо неслись за ним. Лось принялся кружить по лесу. Его ноги вязли в снегу, он быстро выбивался из сил.

Собаки то и дело срезали путь и целой оравой неожиданно встречали его на кругу.

Зверь видел, что ему не уйти от них. На одном из кругов он вынеся из чащи на ровную площадку и увидел перед собой лосиное стадо. Стадо стояло в боевом строю — хвостами вместе, головами вперед; старший бык — его брат — впереди. Он отодвинулся и пропустил беглеца под защиту стада.

Собаки не осмелились напасть на целый отряд сильных зверей. Они отступили.

Беглец был спасен.

Долго после этого Одинец не ссорился с братом. Но пришла осень, и старые счеты припомнились.

Напрасно Одинец рыскал по лесу и звал подруг: лосихи скрылись. Хоронясь в чаще, они ждали: пусть теперь быки спорят друг с другом. Кто сильнее, тот лучше сумеет защитить их маленьких лосят от всех опасностей.

Они пойдут за самым сильным.

Одинец метался по лесу, разыскивал соперников. Он ревел, — и на его вызов вышел молодой бык.

Схватка длилась не долго: бычок не мог выдержать ударов Одинца, был ранен и ударился в бегство.

Победитель не стал его преследовать.

Наконец он услышал грозный рев брата. Старый бык звал на свою площадку — ту самую, где он спас брата от собак.

Старший брат всегда побеждал младшего.

Но разве мог Одинец потерпеть, чтобы лосихи опять пошли за братом, признав его своим защитником — сильнейшим из быков?

Одинец принял вызов брата.

Они встретились на утоптанной площадке и в слепой ярости бросились друг на друга. Стук их рогов раздался на целую версту в округе — точно скала ударилась о скалу.

Ударили и рванули назад, — но рога не расцепились. Обдавая друг друга горячим дыханием, бойцы ворочали головами, сясь высвободиться или свернуть противнику шею. Их толстые копыта ушли в землю, глаза налились кровью, могучие шеи раздулись.

Старший был тяжелее. Он крепко стоял на ногах. Но в его шее сидел кусок свинца, пущенный человеческою рукой. В одном месте он перервал толстые мускулы зверя. Это сравнило силы борцов.

Шумно и жарко дыша, громадные звери ворочались на площад-

ке в страшном усилии — напряжением одной шеи свернуть многопудовое тело противника.

Ясная луна стояла высоко в небе, и черные тени бесшумно двигались по земле при каждом движении их тел. Дрожали на черной земле уродливые тени их словно в стальные тиски зажатых голов и сцепленных рогов.

Старший одолевал, медленно-медленно поворачивая голову противника в одну сторону — ниже и ниже — к самой земле.

Младший напрягся, жал вперед и вбок — застыл так. Он чувствовал: если дохнёт, — выдохнет из себя последний остаток силы.

Черные тени на земле перестали дрожать, будто застыли. Глухо каркнул спросонья ворон — где-то далеко. Старший лось тоже перестал дышать.

Вдруг из его горла с хрипом хлынула кровь. Голова его дрогнула и разом пошла вбок. Тяжелая туша медленно рухнула наземь, увлекая за собой Одинца.

Одинец пал на колени. В тот миг, когда голова его ударилась об землю, рога расцепились.

Почуяв кровь, он рванулся, вскочил и, фыркая, опрометью кинулся прочь от страшного места.

Месяц безумия прошел. Улеглась звериная страсть. Медведь-стервятник доел труп павшего на лесной площадке лося. Лосихи привыкли к новому быку-предводителю, спокойно встречали зиму, собрав своих лосят под его надежную защиту. Но неожиданно он ушел от них и не вернулся к стаду.

Он стал одиноком-отшельником, которому нет равного по силе, который не нуждается ни в чьей защите и сам не желает никого защищать.

Когда настанет его час, он уйдет в темную чащу, ляжет и умрет, как умирают все одряхлевшие лесные звери: в одиночестве, молча, под тихий шепот деревьев, среди которых провел всю свою дикую жизнь.

А пока он хочет мира и покоя. Хочет спать, зная, что никто не потревожит его отдыха. Он во сне видит веселые дни своего детства и смешно, как малый лосенок, дрыгает во сне ногами.

Он мудр, покоен и миролюбив одиннадцать месяцев в году. И только когда настает месяц безумия и гремят в лесу боевые рога, — он теряет власть над собой. Он забывает осторожность, рыщет всюду, ревет и нетерпеливо прислушивается: не отыщется ли смельчак, кто решится вступить в бой с ним, первым богатырем леса?

ГЛАВА X

Из-за угла

Ларивон рассматривал запасное ружье охотника. В его больших корявых руках изящная и легкая бескурковка казалась безделушкой.

Заглянув одним глазом в дула и зачем-то погладив шершавой

ладонью гладкую сталь стволов, он передал ружье охотнику, заметив пренебрежительно:

— Бескурошное... С этих переломок только воробьев пугать!

— Погляди раньше, как бьет, — сказал охотник.

Он переломил ружье и вложил в один из стволов бумажный патрон, заряженный пулей «жакан»¹.

Поставив на землю большое полено, но отсчитал от него пятьдесят шагов, стал на колено, прицелился и выстрелил. Полено упало.

— Поди погляди!

Ларивон подошел не спеша к полону, нагнулся, поколупал дерево пальцем, встал и раздумчиво заскреб пятерней в затылке.

— Ты, дружок, — сказал он подошедшему охотнику, — мне такую пулю дай. С моей шомполовки да такой — страсть!

— Бери хоть пяток. Только ведь калибр не тот; в твоей пушке они болтаются будут.

— Это нам ништо: тряпицей обернем.

Охотник взглянул на мишень. Пуля, ударив в полено, развернулась крестом на четыре части и раскрошила его. Из широкой дыры в крепком суковатом дереве во все стороны торчали острые щепки.

— Кость вдребезги крошит, — сказал он крестьянину. — Не из винтовки, конечно, — далеко, нельзя, — а шагов на сотню прямо хоть на слона выходи.

В тот же вечер охотник отправился в лес.

Бесшумно ступая по сырому ковру гниющих на земле листьев, он долго бродил, отыскивая подходящее место. В конце концов выбрал большой куст и стал около него.

Деревья тут росли достаточ но редко, и стрелять было удобно во все стороны. Коричневая куртка охотника в сумерках совсем сольется с кустом. Ослепленный боевым пылом, зверь, наверно, примет его за высокий пен ь.

Ларивон предупреждал, что лось в это время года чрезвычайно опасен и, бывает, сам бросается на человека, не дожидаясь выстрела. Да охотник и сам хорошо запомнил последний урок Одинца. Поэтому он стал так, чтобы, в случае чего, успеть вскарабкаться на рядом стоящее суковатое дерево.

Тут ему припомнилась насмешливая улыбка девушки. Стало немножко стыдно.

«Не совсем это по-рыцарски! — подумал он. — Тяпнуть из-за угла — и драла!»

Но сейчас же перед ним мелькнули другие глаза — ужасные глаза разъяренного зверя, — и он поспешно встал так, чтобы до спасительных сучьев можно было достать рукой.

Проверив ружье — в обоих стволах были пули «жакан», — он переставил предохранитель со значка S (sur — безопасно) на F (feu — огонь) и посмотрел на лес.

¹ Особого образца разрывная пуля. Задним концом она вделана в войлочный пыж; имеет нарезки. Употребляется специально для гладкоствольных дробных ружей. (Прим. автора.)

Лес уже темнел. Широкие тени ложились от неподвижных деревьев.

Знакомая жуть одиночества слегка сдавила охотнику горло. Он выпрямился.

— Пора!

Вынул из кармана короткую и широкую берестяную трубу и дунул в нее, как учил Ларивон.

Короткий рев отрывисто прогремел в вечерней тишине — и жутко отдался где-то за лесом, где должна была быть речка.

Охотник прислушался.

Ответа не было.

Задрожавший в руке вабик дробно застучал по стиснутым зубам.

Обождая несколько минут, охотник снова поднял вабик и протрубил звериный боевой клич.

И вот далеко-далеко в тишине прогремел ответный рев.

Одинец проревел боевой клич.

Он стоял на площадке, где три года тому назад убил своего брата.

За эти три года ни один соперник не осмелился принять его вызов. А сегодня кто-то сразу ответил ему.

Широкие ноздри Одицеца раздулись от гнева и шумно выпустили пылкое дыхание. Он по голосу слышал, что ревел молодой лось.

Смерть смельчаку!

Старый зверь повторил свой вызов и в яростном нетерпении стал рвать землю копытами.

И опять прозвучал ответный рев — все так же далеко, где-то за рекой.

Что же медлит противник? Отчего он не идет сюда?

Снова и снова Одинец повторял свой вызов с такой силой, что обросшая густым волосом серьга — нарост под нижней челюстью — тряслась, как борода. Голос его разносился по лесу на добрых два километра.

Противник отвечал, но не приближался.

Значит, он трусит подойти! Тогда Одинец сам пойдет к нему и даст ему бой на его площадке.

И, опрокинув рога на спину, старый зверь двинулся в темный лес.

Смеркалось.

Охотник в страхе смотрел, как тускнеет небо и в густой тени таят дальние деревья.

Он то и дело подавал голос. Лось отвечал, но не приближался.

Неужели самому придется подходить к зверю, скрадывать его, прячась за деревьями? В нужный момент может не случиться рядом спасительных сучьев, и тогда...

Но вот зверь пошел: рев ближе.

Охотник вздрогнул. Сердце оглушительно стучало.

Теперь еще раз протрубить — и будет: на близком расстоянии лось разберет чуть фальшивую ноту и уйдет.

Охотник бросил шапку, вытер пот со лба, поднял вабик и дунул в него.

Тишина.

Потом сзади — неожиданно близко — хруст переломленного копытом сучка. Что-то уж больно быстро! . .

Охотник повернулся, как на пружинах.

Лось подходил молча. Охотник увидел его метров за сто. Быстрая тень мелькнула между деревьями, скрылась, показалась опять, опять скрылась.

...Стрелять? Нет, еще далеко! . .

Зверь шел наискосок от охотника, справа.

«Левый бок! . . — пронеслось в голове. — В сердце. . . Пора!»

Охотник вскинул ружье, установил его стволы в промежутке между деревьями, взяв вперед по направлению бега зверя. Руки застыли.

Темная туша закрыла мушку.

Грохнул выстрел.

Одно мгновение было видно: туша стремительно сунулась в землю.

В страшном возбуждении охотник ждал, что будет, не отнимая ружья от плеча.

Низкий, протяжный, почти человеческий стон донесся из-за деревьев.

Не выдержав, дико заорал охотник.

В ту же минуту зверь поднялся — и темная тень опять замелькала в лесу, быстро удаляясь.

Охотник, не целясь, выпалил из второго ствола.

Лось ушел.

Охотника била лихорадка. На глазах навернулись слезы. Торопливо перезарядив ружье, он кинулся к тому месту, где зверь упал.

В сумерках еще были видны примятые тяжелым телом кусточки.

Охотник опустился на колени и стал шарить руками по земле.

Вдруг он поднял руки к глазам; руки были в темной крови.

Он хотел вскочить и бежать за раненым зверем. Но сейчас же сообразил, что в темноте не разобрать следов.

«Надо скорее за Ларивоном! — подумал он. — Все равно без лошади не обойдешься».

И побежал из лесу.

ГЛАВА XI

Кровавый след

Старому глухарю приходилось теперь ночевать одному в тайном убежище друзей.

Лось уходил с вечера, всю ночь бродил по лесу и возвращался, только когда солнце поднималось над деревьями.

Глухарь уже привык к долгим отлучкам своего друга.

Но сегодня ночью его разбудили гулкие выстрелы. Ночь прошла тревожно. И, когда рассвело, глухарь не полетел на жировку, а остался ждать друга.

Тревожное выдалось и утро: невдалеке слышались громкие голоса людей.

Солнце встало уже над вершинами деревьев, а Одинец все еще не шел.

Глухарь не мог больше ждать: он жестоко проголодался. Он снялся с ели и полетел клевать жухлую, уже тронутую утренником, жесткокожую бруснику.

Охотник не заснул всю ночь. Ларивон убедил его, что в темноте найти зверя невозможно и что лучше даже подождать подольше, дать ему изойти кровью, а то опять поднимется и уйдет далеко.

Чуть свет Ларивон запряг лошадь. Ежась от холода, они показывали через поля.

Охотник был как во сне. Смотрел на землю, на лес, на весь мир — и не узнавал его. Земля подернулась серебристой изморозью, лес разубрался пышными цветами осени, в небе розовели легкие облачка.

Одно раздражало охотника: он не мог понять, почему крестьянин так равнодушно, почти враждебно принял известие о его победе над страшным зверем?

Услышав, что Одинец тяжело ранен, может быть, уже мертв, Ларивон ни слова похвалы не сказал охотнику, молча улегся и через пять минут уже храпел.

Они въехали в лес. Впереди, по неширокой лесной дороге шел человек с топором за поясом. Когда телега поравнялась с ним, он внимательно оглядел охотника и, не снимая с головы шапки, спокойно молвил:

— Здорóво, дядя Ларивон! Ай на охоту барчука повез?

— Да вот, вишь ты, за раненым лосем собрались.

— Одинца я убил, — не выдержал охотник.

Путник разом оживился. Глаза блеснули из-под густых бровей, бородатое лицо передернулось.

— Одинца? — быстро спросил он. — Подсади-ка, дядя Ларивон, больно поглядеть охота!

— А садись! — разрешил Ларивон. — Может, пособить случится.

Охотник обрадовался новому спутнику и стал ему рассказывать, как подкараулил и свалил старого лося.

Бородатый крестьянин смотрел на него с нескрываемым почтением, долго разглядывал ружье, совсем по-детски удивлялся рассказу о страшном ударе пули «жакан».

— А Одинцову лежку нашел?

Охотник сознался, что лежки найти не мог, как ни искал:

Тогда бородач заметил:

— Гляди, он и раненый под землю не ушел бы: дошлый зверь.

— Никуда не уйдет! — сказал охотник. — Я его разрывной пулей стрелял.

Они уже подъехали к тому месту, где надо было сворачивать с дороги.

Седоки слезли. Ларивон повел лошадь в поводу, следя, чтобы телега не задела осью за дерево.

Охотник быстро разыскал куст, у которого вчера стоял. Его шапка и вабик так и провалялись тут всю ночь.

Потом все трое внимательно осмотрели следы, начав с того места, где лось упал.

Бородач уверенно сказал:

— В брюхо садануло, в левый бок. Рана тяжелая: горлом кровь хлещет. Далеко зверю не уйти.

Охотник с интересом взглянул на следопыта.

— Почему вы знаете, что в левый бок и что кровь эта из горла, а не из раны?

— А то нет: вишь, по следу с левой руки течет? А что посередине следу — это из горла.

«До чего просто! — подумал охотник. — Как это мне самому не пришло в голову?»

Бородач пошел впереди, за ним — охотник; Ларивон с лошадью сзади. Шли медленно, поминутно заглядывая вперед: даже тяжело раненный лось опасен и может напасть на преследователей.

Крови на следу было много: видно, лилась струей. Местами она лежала на земле черными запекшимися сгустками. Зверь, однако, шел и шел вперед.

Редколесье кончилось. Вышли к речке.

Тут Ларивон привязал лошадь к дереву: надо было сперва узнать, где зверь пал, — может, в чаще, куда и не продерешься с телегой.

Бородач в это время стал на колени у четко отпечатавшихся в глинистом берегу следов и зачем-то смерил их четвертью. Когда он после этого взглянул на охотника, охотнику не понравился его взгляд: в нем не было и следа прежней почтительности. Бородач глядел на него, прищурившись, подозрительно, почти насмешливо.

— Ну что еще? — сердито спросил охотник, чувствуя, что краснеет от этого взгляда, и злясь на себя за это.

Но бородач ничего ему не ответил и опять пошел вперед, на этот раз быстро и уверенно.

Они еще добрую версту петляли по лесу. Нашли березу, где раненый зверь терся раненым боком о ствол: белый ствол дерева аршина на два от земли был весь замызган темной кровью.

Потом — как-то совсем неожиданно — охотник узнал место, где они находились: они шли прямо к болоту, где всегда исчезал Одинец.

Сердце тревожно екнуло в груди: неужели опять ускользнул проклятый зверь?

Молча прошли еще немного — и вдруг бородач обернулся и сказал шепотом:

— Эвона, в чапыжнике залег. Иди. А подниматься станет — бей проворней: уйдет!

Не показывая вида, что волнуется, охотник двинулся вперед с ружьем наготове.

Густой остров лиственного молодняка, на который показал бородач, был невелик. Деревца потеряли уже всю листву, — они не могли скрыть громадного тела зверя, если б он вскочил.

Охотник подвигался по кромке, беспокожно шаря глазами впереди.

Он обошел уже почти весь островок, а лось все еще не показывался.

Впереди — еще мысок низкорослой заросли.

«Тут!» — почувствовал охотник.

Подняв ружье, сделал скачок — и чуть не споткнулся о распростертое звериное тело.

Зверь не шелохнулся. Он лежал на правом боку, неестественно подогнув под себя голову, высоко подняв застывшую заднюю ногу.

Охотник опустил ружье.

— Готов! — крикнул он дрогнувшим голосом. — Смотрите!

Он замолчал: к горлу подкатил жесткий ком.

Он не слышал, что говорили теперь уже громкими голосами крестьяне.

Бородач подошел к убитому лосю и, взявшись за рог, выпростал голову зверя из-под тяжелой туши.

— Гляди на свово Одинца! — сказал он охотнику и презрительно сплюнул.

Вместо широких рогов-лопат на голове лося торчали какие-то жалкие спички.

Охотник глядел и не понимал.

Бородач обернулся к Ларивону.

— Я еще по следу приметил, что лосек молодой: Одинцов след — во! Одинец разве такому дастся?

И опять, обращаясь к охотнику, поддразнил:

— Хотелося лóся, да не удалóся!

Как сквозь туман, донеслись до охотника слова Ларивона:

— Толковал ему, каков из себя Одинец-то. Известно, городскому человеку ни к чему, — что старый бычина, что теленок.

Охотник растерянно пролепетал:

— Не может быть: я же Одинца стрелял!

Бородач весело подмигнул Ларивону:

— Не зря молвится: лося бьют в осень, а дурака завсегда. Мало каши ел, парень!

— — —

Когда к полудню старый глухарь вернулся с жировки, Одинец ждал его уже под елью.

Через пять минут оба спокойно дремали, каждый на своем месте.

ЧАСТЬ II

Опустил главу печально,
Осмотрел свои все вещи,
Говорит слова такие:
— Пусть никто в течение жизни,
Пусть никто из всех на свете
Не стремится в лес упрямо,
Чтоб ловить Хинси-лося,
Как стремился я, несчастный.
Я совсем испортил лыжи,
Разломал в лесу я палку
И согнул в лесу свой дротик.

КАЛЕВАЛА

ГЛАВА I

Неожиданное открытие

«К черту Одинца! Еду в город».

Так решил охотник, свежуха на задворках убитого им зверя.

Содрать шкуру с тощего молодого лося оказалось кропотливым и трудным делом. Шкура крепко пристала мездрой¹ к жесткому мясу, и каждый вершок ее приходилось отдирать ножом.

«Будет, побаловался. Пора и в город, а то так и будешь гоняться за этим старым лешим до скончания века. На первый раз довольно с меня и этого трофея.

Все-таки о двух отростках рога».

Но как охотник ни старался убедить себя в том, что в сдаче его нет ничего позорного, — в голову лезли и лезли обидные мысли.

Его больно задели насмешки бородача.

Он теперь ясно понимал, что крестьяне смеются над ним, потому что Одинец им — свой, а он — городской человек, барчук — им чужой. Сами лесные жители, они любят этого лесного великана. Он им не причиняет вреда, и они не хотят его смерти. Они гордятся им и злорадствуют над выскочкой, посягнувшим на их любимца. Они заодно с Одинцом, заодно со всем этим диким, полным неожиданных страхов лесом.

Охотник потерпел жестокое поражение, стал посмешищем в глазах крестьян, и это терзало его самолюбие.

Теперь он и сам начинал сознавать, что недостоин такого трофея, как голова Одинца.

«Мало каши ел!» — сердито дразнил он себя словами бородача. — Поживи-ка здесь с Одинцово, так, пожалуй, будешь в лесу как у себя в городе. Тогда и охоться».

На следующее утро, когда он кончил сдирать шкуру с лося, к нему подошел Ларивон.

— Глянь-ка, тебе, надо быть, почтарь письмо подал. С городу, видать.

И крестьянин протянул узкий голубой конверт, надписанный легким женским почерком.

¹ М е з д р а — нижний слой шкуры.

Охотник почувствовал, как яркая краска залила ему лицо, и сердито буркнул:

— От сестры! Сунь вон в куртку: потом прочту.

Ларивон положил конверт в карман куртки и присел поболтать о разных разностях.

Охотник спешно кончил работу, вымыл руки, схватил ружье и заявил, что уходит в лес.

Ноги сами привели его на знакомое место: к болоту. Он сел на пенек, прислонил ружье к дереву и крепко задумался.

Нераспечатанное письмо хрустело во внутреннем кармане куртки. Но он не спешил его прочесть, нарочно медлил, как медлит человек перед прыжком в холодную воду.

«Ну, что ж, — думал он, — пусть смеется! Не могу же я, в самом деле, бросить университет и тысячу раз подвергать себя смертельной опасности. Она небось никогда не ночевала одна в лесу. Пусть-ка попробует. Или пусть с Одинцом встретится. С меня довольно!»

Выходило не очень убедительно — он это сам чувствовал, — но еще хуже было признаться себе, что страшно вскрыть письмо и прочесть насмешливые фразы.

Охотник стал смотреть на болото.

На бесчисленных желтых кочках бессильно поникла трава. Кой-где под ней просвечивала холодная ржавая вода. Недалеко от берега, как древний замок, высилась темная, круто закругленная стена леса: остров на болоте.

Охотник подумал, что видит эти места в последний раз, — и почувствовал грусть. Унылый и дикий простор лесного болота впервые показался ему красивым. А сколько жутких, никем не изведанных тайн хранили его молчаливые кочки! Это место можно возненавидеть, но забыть его скоро нельзя.

Охотник стряхнул с себя раздумье, торопливо вытащил письмо и вскрыл его.

В письме не было обращения.

«Вчера читали Ваше письмо вслух, — сразу начиналось оно. — Много спорили, кто-то предлагал даже пари, что Вам не убить Одинца.

Но я-то знаю, что, как бы ни был силен и осторожен зверь, человек всегда одолеет его. И я, кажется, начинаю ненавидеть Вас».

— Что такое? — изумился охотник. — За что?

«Я говорила Вам, что выросла в лесу и люблю лес со всеми его жителями. Для меня ненавистны вы, городские охотники. Вы распоряжаетесь деревьями и животными так, будто они существуют исключительно для вашего удовольствия.

В первый момент нашего знакомства я подумала, что нашла в Вас друга. Все в городе только и думают, что о городских своих делах и развлечениях. И уж если кто вспомнит про лес, или поле, или солнечный восход, так только — «ах!» да «ох!», «красота, прелесть!». Будто редкость какая.

А Вы так чудесно рассказывали про Одинца! Я видела его перед собой, как живого, во всем его диком, зверином великолепии.

И вдруг Вы заявляете, что едете убивать его! И заявили-то это только потому, что боялись показаться трусом.

Но я подумала: «Поживет в лесу, полюбит лесную жизнь, — и у него рука не поднимется на старого лося».

Ваше письмо отняло у меня эту надежду. Вы ничему, ничему не научились, и так вам и надо, что Одинец разбил Вам ногу; он ведь никого не трогает, если на него не нападают. Какое право имеете Вы отнимать у него жизнь? Чем он Вам-то помешал?»

«Новое дело! — совсем ошарашенный, подумал охотник. — Сама же так презрительно улыбнулась, когда я сказал, что еще не убивал лосей, а теперь. . .»

Он стал читать дальше.

«И лучше нам не встречаться больше, если Вы убьете Одинца: я никогда не прощу Вам этого. . .»

Охотник скомкал письмо и бросил его наземь.

«А я-то, осел, старался! — думал он. — Вот положение!»

Растерянный взгляд его упал на знакомые кочки. Без всякой связи со своими мыслями он вспомнил вдруг: «Там я убил Рогдая. . . Вот кто умел идти до конца!»

Вспыхнула злость. Все мысли в голове разом перестроились.

«Что же, значит, зря погиб Рогдай! Одинца защищать — нашла кого! И я хорош, — хотел уж отказаться! Ну, и пусть, а я тоже пойду до конца!»

Он перебежал глазами с кочек на берег болота — и вдруг замер, не смеядохнуть: великолепный и неподвижный, как статуя, на берегу стоял громадный лось.

По исполинскому росту — добрая сажень от земли до крутого загривка, — по гордо поднятой голове с тяжелыми, широкими рогами охотник сразу признал Одинца. Зверь стоял на открытом месте у самой кромки болота, против кочек, где погиб Рогдай. Охотник не видел, откуда он появился. Казалось, зверь мгновенно возник из земли и застыл, как камень.

«Топнет — и уйдет под землю, — вспомнил охотник и теперь сам верил, что это так и бывает. — Меня он не видит, — быстро работала мысль, — потому что я сижу неподвижно. И не чует: ветер от него ко мне. Стрелять нельзя: далеко. Буду ждать».

Медленно, как оживающее изваяние, лось поднял ногу и ступил на кочку.

Кочка медленно пошла под воду.

Тогда грузный зверь сел, как собака, на задние ноги. Передние он выдернул из воды, вытянул перед собой и, цепляясь ими за кочки, заскользил брюхом по топкой трясине.

«Так! — подумал охотник. — Вот она — тайна лесного великана. Сегодня у леса нет от меня тайн».

Широко раскрытыми глазами он следил, как громадное тело зверя быстро подвигается по непроходимому болоту.

«Остров!» — вспомнил охотник.

Добравшись до твердой почвы, лось подогнул колени и поднялся в два приема, как встающая корова. Через минуту он исчез за деревьями.

— Простое чудо! — рассмеялся охотник. — Ясно, с таким широким брюхом не засосет.

Он взял ружье и пошел к тому месту, где Одинец вошел в боло-

то. Ближние кочки медленно выдвигались из воды. На них ясно были видны отпечатки круглых копыт зверя.

Дальше след исчезал: следующие кочки с головой окунались под воду. Примятая трава на них расправлялась. Вода смывала следы.

— Так, — еще раз сказал охотник. — Теперь понятно, почему след обрывается.

И, сняв шапку, отвесил в сторону островка глубокий поклон:

— Ваши гости!

ГЛАВА II

На острове

Никто не знал, что тайна лесного великана открыта: охотник не сказал об этом даже Ларивону.

Не подозревал этого и Одинец, когда на следующее утро покинул остров и ушел в лес.

А днем пришел охотник, надел на ноги широкие лесные лыжи, взял в руки длинный шест и медленно стал подвигаться по болоту.

Лыжи он достал в деревне у крестьян. Они были настолько широки, что не погружались в топкое болото под тяжестью человека. Вода смывала его следы.

Достигнув острова, охотник положил ружье на кочку, счистил ржавый ил с лыж и, связав, перекинул их за спину.

Остров был невелик. Охотник сразу нашел в густой заросли узкий коридор — тропу зверя — и стал осторожно подвигаться по ней.

«Беда, если столкнемся на тропе! — думал он, опасливо поглядывая вперед. — Податься некуда, сотрет в порошок!»

Тропа была проложена в частом еловом и сосновом подросте. Заросль справа и слева стояла плотной стеной. Не было никакой надежды продраться сквозь сомкнутый строй частых стволов.

Но узкий коридор скоро кончился. Лес поредел. Тропа повела сырой и темной глушью, извиваясь в колоннаде высокоствольных столетних деревьев.

А еще дальше начались светлинки с отдельными громадными елями и соснами, у ног которых кой-где жались такие жалкие осенью прутики лиственного молодняка.

Кое-где на открытых местах торчали из земли обросшие лишаями камни.

«Что я! — вспомнил вдруг охотник. — Ведь он почует мои следы!»

Он остановился и, стараясь не шуметь — зверь мог быть рядом, — развязал и надел лыжи. Шагать в них было трудно: приходилось высоко поднимать ноги и выбирать гладкую землю, чтобы не споткнуться.

«Как в колодках, — думал охотник. — Зато подойду к лежке, точно по воздуху: от лыж на земле останется только запах болота».

Он подошел к большому камню, вокруг которого земля была взрыта копытами лося. За камнем — под елью — заметил небольшое углубление, черные проплешины земли, помятую траву и много волосков лосиной шерсти.

«Валялся тут, — подумал охотник. — А может быть... Да чего «может быть»: вот же она — лежка!»

Он огляделся.

Шагах в сорока от ели стояла большая сосна. Ветви донизу; как раз то, что надо.

Прошлепав к ней на лыжах, он взобрался по ветвям и, развесив на обломках сучьев ружье, лыжи, мешок с едой, вытащил топорик из-за пояса и стал устраивать себе лабаз. Через пять минут настил из сучьев между двух ветвей был готов.

«Теперь хозяин может пожаловать!» — весело подумал охотник, поудобней примачиваясь на своем воздушном сиденье. Ружье с предохранителем на F (огонь) лежало рядом. Лежка Одинца была как на ладони. Оставалось только запастись терпением и ждать до вечера, всю ночь, до нового утра, — пока зверю заблагорассудится прийти. Еды охотник захватил с собой на целые сутки.

Время проходило, день уже клонился к вечеру, а Одинец все не шел.

Первые часы ожидания пролетели незаметно для охотника. Он был уверен, что на этот раз одолеет осторожного зверя.

Он представил себе, как в назначенный день снова соберутся его товарищи и будут его ждать. Он запоздает.

Наконец дверь откроется, и он войдет, держа огромную голову лесного великана за рога. Все ахнут. А он скажет, глядя на покрасневшую девушку:

— Я охотник, я не член общества покровительства животным!

Или что-нибудь в этом роде — красивое и злое.

..Громкое хлопанье крыльев заставило охотника вздрогнуть и раскрыть глаза.

Черный глухарь с треском уселся на ели над лежкой зверя.

«А, приятель! — подумал охотник. — И ты, оказывается, здесь? Ну врешь: теперь уж меня не напугаешь!»

Он вспомнил первую ночевку в лесу, свой дикий страх в сумерках — и улыбнулся.

Темнело. Хмурое небо низко нависло над лесом: ночь обещала быть ненастной.

Охотник думал о том, что вот теперь он забрался в самое сердце леса, в самый его сокровенный уголок, но прежнего страха не чувствует. Знал, что если случится с ним несчастье здесь, то ни один человек не догадается даже, где его искать, — но был спокоен за себя.

«Это я так привык к лесу, — думал он. — Как дома. А она говорит, что я ничему не научился здесь. И с лесными жителями познакомился».

Глухарь то и дело поглядывал вниз, на лежку. Его гибкая шея уже не казалась охотнику так удивительно похожей на черную руку, как тогда — на осине.

Скоро совсем стемнело. Охотник решил не спать ночь: еще проспишь зверя.

Старался представить себе, как живет здесь старый лесной великан.

Тут его дом. Часами лежит он в сырой яме под темной столетней елью. Брюхо его мокнет, от него несет козлом. Но он ничего не замечает: думает свои дремучие думы.

Громадный, такой неуклюжий с виду, несуразный зверь! Он могуч и смел, его все боятся в лесу. Он в этом краю последний из великанов-лосей.

...И мысли охотника унеслись в глубь времен. Не семьдесят коротких верст отделяли его теперь от родного города, а долгие темные века. И, вспомнив о камнях, разбросанных по всему лесу, он думал о том, что было время, когда не было здесь ни людей, ни лосей, а было древнее море. Потом с холодного севера надвинулись мертвые белые ледники. Они камни растирали в порошок, двигали скалы, гнали все живое на своем пути.

Прошли века. Ледниковое море опять отступило далеко на север. На дне древнего моря выросли густые леса, в лесах поселились птицы и звери. Они были хозяевами здесь, пока не пришел человек. Прошло так мало времени — и человек овладел всем...

Охотник крепко спал, охватив руками толстый сук, щекой прижавшись к жесткой, шершавой коре дерева.

А Одинец тем временем подошел к болоту, опустился на задние ноги и заскользил по трясине.

Вечером никто не откликнулся на его рев, и зверь успокоился. Холодная вода, вымочив ему брюхо, совсем охладила его боевой пыл. Чутье его обострилось, привычная осторожность вернулась к нему.

Он вышел на берег острова, потянул в себя воздух — и разом почувствовал тревогу.

Он опустил хrap к земле, — и земля сказала ему, что по ней прошел человек.

Шевеля ушами, Одинец шагнул по следу. Чем дальше, тем след сильнее пахнул.

Сомнений быть не могло: то был тревожный дух человека с железом. Дух этот был ему хорошо знаком: человек с ружьем вот уже сколько времени не дает ему покоя, то и дело становится ему поперек пути.

Старый лось без труда запоминал запахи, видеть ему не было нужды. Он ступил еще — и на кошке почуял холодный запах железа (к этой кошке охотник прислонил ружье, когда уселся снимать лыжи). Запах железа — запах смерти. И этот запах в тайном убежище Одинца!

Ярость заклокотала в груди зверя. Он двинулся вперед, все мускулы его напряглись, тело стало как камень.

Но, дойдя до узкого коридора в чаще, вдруг круто повернул, быстро пошел назад и с размаху опустился в болото, шумно расплескав ржавую воду.

Непонятный сквозь сон шум заставил охотника открыть глаза.

Было светло. Вершины деревьев уперлись в низкое небо. Прямо в лицо моросил теплый дождичек.

Охотник быстро вспомнил, где он. Глянул на лежку: зверя там не было.

«Все ладно! — подумал он. — Если б Одинец пришел, я бы, конечно, проснулся. Эдак, однако, можно и загреметь с насеста! — Тут он заметил, что и глухаря не было на ели. Подумал: — Он меня и разбудил, срываясь».

Сон освежил охотника. Хотелось есть.

Он достал мешок с едой и живо прикончил все, что осталось со вчерашнего дня.

Больше нечего было делать, и он опять принялся ждать.

К полудню терпение охотника истощилось.

Напрасно он старался убедить себя, что теперь уже осталось недолго ждать. Напрасно заставлял себя радоваться дождю: дождь ведь смоеет все следы, и зверь смело подойдет к самой лежке.

Скучный осенний дождь не мог поднять настроения. Все тело ныло, размяться хорошенько, сидя на дереве, нельзя было. И снова уже хотелось есть, а в мешке не осталось ни крошки.

Опять прилетел глухарь. Вытягивая черную шею, внимательно разглядывал замершего на дереве охотника.

Пришлось минут пять сидеть совсем без движения. Это было очень мучительно. Терпение лопнуло.

«Подожди же, проклятый!» — злобно подумал охотник и начал медленно, плавно, — чтобы не спугнуть сторожкую птицу, — поднимать ружье.

И уже когда мушка заблестела на черной груди громадной птицы, решил: «Уйду. Сегодня все равно уж не придет», — и нажал гашетку.

Когда дым рассеялся, глухаря на ветке не было. Не было его, впрочем, и под деревом.

Только тут охотник вспомнил: «Ведь я его разрывной!»

Когда слез с дерева, он нашел только клочья глухариного тела. На камне у самой лежки валялась окровавленная черная голова с куском шеи.

«Не тебе эта пуля, — виновато подумал он. — Попал под сердитую руку».

В эту минуту он был сам себе противен. Мучила совесть: ведь это было совершенно бессмысленное убийство ради убийства.

Обратный путь через болото сошел благополучно.

ГЛАВА III

Роковой поворот

Целые сутки пробродив по лесу, Одинец опять пришел к болоту.

Не переставая сыпал дождь. Рассвело. Запаха человека не было слышно на берегу. Одинец переправился на остров. Следов и тут не было. Зверь смело пошел к лежке.

Когда через короткое время он снова вышел на берег острова, он был страшен. Копыта, ступая, судорожно рвали землю.

Одинец видел растерзанное тело птицы и почуял кровь. Он обезумел.

... В этот день в лесу произошло необычайное происшествие, всполошившее всех окрестных крестьян.

Пастух той деревни, где жил у Ларивона охотник, по обыкновению выгнал в то утро стадо на лесной луг. В стаде был породистый бык — свирепое животное, много хлопот доставлявшее пастуху. Бык этот ни с того ни с сего приходил в ярость и бросался на людей.

Он решительно не признавал над собой ничьей власти, и даже пастуху не раз случалось спасаться от него за деревьями.

Стадо разбрелось по лугу, а пастух спрятался от дождя под деревом.

Услышав шум у себя за спиной в лесу, он подумал, что одна из его коров пробирается чащей. Он даже не обернулся и был поражен, когда из лесу около него вышел громадный лось.

Пастух клялся потом, что зверь шел через лес, ни на кого не обращая внимания.

Коровы тревожно замычали. Бык, который в это время находился на другом конце луга, обернулся, увидел лося и первый кинулся ему навстречу.

Пастух слишком хорошо знал силу племенного животного, чтобы усомниться в исходе битвы. Прямые и острые, как два кинжала, рога быка были направлены прямо в грудь высокого противника.

Лось, однако, и не подумал повернуться от страшного удара. Он тоже наклонил голову и смело — на полном ходу — встретил нападающего.

Бойцы сшиблись на середине луга. Пастух уверял потом, что от удара быка из рогов лося выскочил целый сноп искр. Но как бы там ни было, свирепый бык мгновенно слетел с копыт.

Удар Одинца был страшен. Ударил не он, — ударили с размаху все тридцать пудов его огромного тела. Толстая кость бычьего черепа треснула, как арбуз. Бык рухнул; каменные копыта Одинца неистово забарабанили по распростертому телу, рассекая кожу и мясо, дробя кости.

И через минуту на том месте, где пало красивое и гордое животное, осталось от него только ужасное кровавое месиво.

Тогда Одинец запрокинул рога на спину и ушел в лес, ни разу не оглянувшись на обезумевшее от страха стадо. Коровы разбежались по всему лесу. Пастух и не пробовал их собрать: прямо побежал в деревню и поднял всех на ноги.

На летучий деревенский сход пришел и студент-охотник. Крестьяне были необычайно возбуждены, громко кричали все зараз, не давая никому сказать толком.

Охотник был удивлен, главным образом, тем, что ни у одного из спорщиков не нашлось ни одного доброго слова в защиту недавнего их любимца — могучего лесного великана. Спор шел только о том, как верней и скорей с ним покончить.

Сам охотник не чувствовал большой жалости к быку. Наоборот:

он в этот раз был решительно на стороне смелого дикого зверя. Он втайне был восхищен лосем, так быстро расправившимся с тучным быком.

Впрочем, это чувство восхищения не помешало охотнику решить принять участие в облаве на Одинца, которая была решена тут же на сходе.

Крестьяне поднялись всей деревней. У кого были ружья, — пошли в стрелки; все остальные — кричанами, загонщиками.

Расчет был на то, что лось не успел уйти далеко от места схватки с быком: надо было немедленно захватить его в кольцо и не пустить в казенный лес, где крестьяне не имели права охотиться.

Одинец действительно недалеко ушел от места битвы.

Он рано услышал гомон заглушенных человеческих голосов — раньше, чем загонщики успели обойти лес, а стрелки стать в цепь.

Старый зверь разом почуял беду, но с минутку простоял неподвижно, словно раздумывая, в какую сторону ему бежать.

Люди, разбившись на кучки, подходили спереди и сзади. Бежать можно было только вправо или влево. Справа был лес, и в конце его — Одинец знал — море. Слева были болото и остров — испытанное убежище.

Но там, в его сокровенном убежище, побывал человек. Он больше не доверял этому месту.

Одинец повернул вправо.

ГЛАВА IV

Лось пошел

— Пошел! Пошел! — закричали по цепи.

Загонщики, сойдясь широким полукругом, двинулись к морю. Руководил облавой знакомый охотнику бородач. Он поставил стрелков в цепь. По его расчету, еще до моря, встретив препятствия, лось должен будет повернуть вспять. Тогда его встретят пули.

Короткий осенний день подходил к концу. Надо было спешить загнать зверя.

...Одинец уверенно шел вперед. Последний раз он был в этих местах несколько лет назад, но дорогу помнил хорошо.

И вот перед ним выросло препятствие: высокое прясло загородило ему путь.

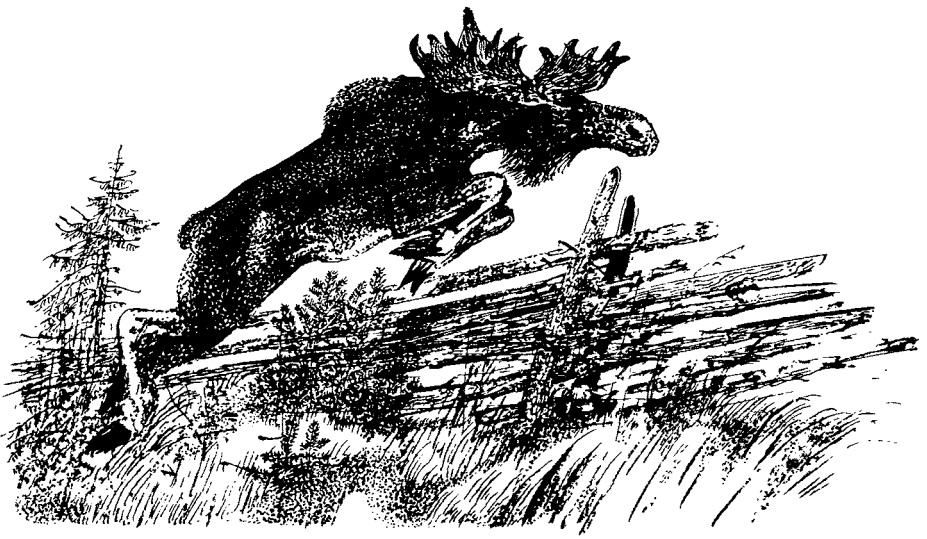
Прежде тут прясла не было. Крестьяне обнесли им лес только этим летом. Городили высоко: чтобы скотина не могла перескочить жердей и уйти к морю.

Прясло высотой доходило Одицу до головы. Препятствие казалось неодолимым.

Но когда лось пошел, что может его остановить?

Одинец не остановился и не повернул назад.

Ровной иноходью подошел он к пряслу и вдруг как на крыльях поднялся в воздух, пронесся на сажень от земли, не задев жердей ни одним копытом.

Пока загонщики подходили к прыслу и перелезали через него, Одинаец все шел и шел вперед.

Через несколько времени новое препятствие встретилось ему на пути. Густой сосновый молодняк стал перед ним непроницаемой стеной.

Деревца росли так тесно, что разве зайчонок сумел бы протиснуться между их стволами.

Огибать заросль значило потерять время.

Одинаец пошел напролом.

Как снаряд из тяжелого орудия, врезалась его широкая грудь в густую заросль сосенок.

Крепкие деревца падали вправо и влево, образуя широкую брешь. Они не в силах были остановить стремительный ход тяжелого зверя.

Прорезав чащу, Одинаец очутился перед третьим препятствием: дорогу ему пересекало каменное шоссе с глубокими канавами по обеим сторонам. По шоссе тарахтели телеги. В телегах сидели люди.

И тут Одинаец не остановился.

Не замедляя хода, он подошел к первой канаве и одним широким прыжком перемахнул на шоссе — перед самыми мордами лошадей.

Испуганные внезапным появлением громадного зверя, лошаденки шарахнулись в сторону. Дремавшие в телегах люди затпрукали и схватились за вожжи. Две телеги скатились под откос в канаву. Одна лошадь понесла назад по шоссе.

Не обращая внимания на грохот и крики, Одинаец так же плавно махнул через другую канаву — и исчез в лесу.

Много времени спустя, когда загонщики дошли до шоссе, проезжие крестьяне еще обсуждали на месте неожиданное приключение. Телеги они уже вытащили из канавы.

Загонщики узнали от них, что лось у них на глазах скрылся в лес по ту сторону шоссе. Тогда бородач скомандовал цепи остановиться.

Лес, куда скрылся Одинец, был невелик: верста в длину, верста в ширину. За ним было море — широкий Финский залив.

Бородач послал людей в обе стороны окружить лес. Дал строгий наказ: не заходить внутрь, не шуметь и не разговаривать, чтобы не спугнуть зверя.

Становилось уже темно.

План у бородача был такой: взять Одинца в кольцо, дожждаться рассвета, а там загнать зверя в море и прикончить.

Через полчаса, разложив костры по опушкам, загонщики спокойно стали располагаться на ночлег. Они хорошо знали, что Одицу теперь от них не уйти.

Охотник был с ними. Он понял, что последнему лесному великану этого края пришел конец. Смертельный час его пробил.

Охотник думал только об одном: как бы сделать так, чтобы ему первому досталось выстрелить по загнанному зверю.

Рога старого лося должны достаться ему.

ГЛАВА V

Последняя ночь

Сырая осенняя ночь заглушает звуки. Но чуткие уши Одинца слышали все, что делается у него за спиной.

Там слышался говор и смех, люди ломали сучья, резко потрескивали костры. И Одинец знал, что сзади окружило его кольцо огня, спереди — вода.

Он стоял в чаще у самого берега моря. Дальше идти было некуда.

Берег некрутым обрывом сбегал к воде. Легкие волны спокойно плескались в песок; ветра не было. Далеко впереди в темноте то зажигался, то погасал золотой огонек Толбухина маяка. В небе не было огоньков, небо было черное.

Одинец повернул голову, пригнул ею соседнюю рябинку, как стамеской, срезал зубами горькую кору и стал медленно жевать ее.

Он ждал.

Бородач — распорядитель облавы — вспомнил что у городского охотника хорошее ружье. С таким ружьем надо стоять в середине цепи. Концы станут заходить, — зверь, скорее всего, посередине захочет прорваться.

Бородач пошел по всей линии — искать у костра охотника.

Крестьяне спали у костров, оставляя одного сторожем — стеречь огонь.

Охотника не было нигде. Вечером его видали. Потом он исчез, никто не знал — куда.

Бородач подумал: «Дрыхнет где-нибудь под кустом!»

Сам примостился у огня, пригрелся.

Думал, засыпая: «До свету десять раз успеешь выспаться».

Сырая осенняя ночь тянулась медленно.

Становилось холодно. Утро обещало быть ясным.

Охотник не спал.

Он в темноте пробрался к самому берегу и залег в кустах.

Думал: «Зашумят, — Одинец сюда подается. Тут я его и встречу».

Смотрел, как далеко в темном море зажигается и гаснет золотой огонек; это на круглой башне Толбухина маяка вращалась яркая электрическая лампа, мигая кораблям. Слушал мелодичный плеск волн. Вспоминая Одинца, жалел его: не виноват же зверь, что бык на него набросился.

Но про себя думал: «Уж лучше я... Все равно ведь убьют».

Светало.

Люди у костров расталкивали спящих, торопливо доедали принесенную ребятами еще с вечера еду.

Бородач обходил линию, отдавая последние приказания.

Трогаться назначил с восходом, всем сразу по сигналу.

Охотник видел, как блестящий краешек солнца показался из моря.

К берегу побежала золотая узкая дорожка. Так аккуратница-хозяйка стелет-раскатывает по чистому полу веселый половичок.

Охотник видел, как золотая дорожка солнца добежала до берега, заиграла искрами на песке.

Он слышал, как за лесом протрубила труба и раздались голоса загонщиков.

Он заметил, как что-то темное зашевелилось перед ним в чаще, увидел громадную фигуру зверя, внезапно вставшую над обрывом, — и поднял ружье.

Поджав задние ноги и вытянув передние, Одинец скользнул с обрыва — там, где золотая дорожка через все море соединила берег с солнцем.

Лось неторопливо дожевывал горькую ветку рябины. Дожевав, одним мочучим движением вскинул голову с тяжелыми рогами, — и гладкая кость широких рогов засияла теплым золотом солнечных лучей.

Вдали стучали, шумели загонщики.

Зверь не обернулся.

— Как красив, ведь до чего красив! — бессвязно бормотал про себя охотник. Он положил ружье на сучок и шарил мушкой по телу зверя, нащупывая убойное место. — Он мой, мой теперь!.. — торжествовал охотник. — И как красив! Прямо хоть статую лепи!..

Вдруг Одинец шумно вздохнул и пошел в воду.

Сердце упало:

— Уйдет!..

Охотник поймал на мушку переднюю лопатку зверя и плавно, по всем правилам стрельбы, нажал гашетку.

Выстрела не было.

Совершенно растерявшись, охотник взглянул на лося.

Лось шел по золотой дорожке, медленно погружался в мелкое у берега море.

Сзади сильно шумели загонщики.

Охотник перевел глаза на ружье.

Предохранитель бескурковки стоял на «S» (безопасно). Одним движением пальца охотник отодвинул предохранитель на «F» (огонь) — и посмотрел на лося.

— Как красив! Вот если б она сейчас его видела...

Еще можно было стрелять. Но охотник опустил ружье.

— Беги!

Через минуту все тело зверя погрузилось в воду. Видна была одна голова с позолоченными солнцем рогами.

— Милый, скорей же, скорей! — шептал охотник, бестолково размахивая ружьем.

Вдали на фарватере вереницей бежали серокрылые легкие лайбы. Черной полосой расстелив за собой дым, шел быстрый миноносец.

Загонщики подходили.

Одинец был уже вне выстрела.

Охотник скользнул глазами по берегу.

Нигде на берегу не было видно лодок.

— Ну, слава тебе, последний лесной великан! — громко произнес охотник и рассмеялся счастливым смехом.

Протянув руку, он показал подошедшим крестьянам далеко в море сверкающую точку.

Золотая дорожка солнца быстро свертывалась, убегала от берега, обнажая холодную гладь моря.

ГЛАВА VI

В городе

Прошла неделя.

Охотник снова превратился в студента, бегал в университет, то-ропливо ел, спал и развлекался. Быстрая городская жизнь закрутила его в своем безостановочном колесе.

В тот день он вышел из университета поздно и побежал домой по набережной.

Где-то за мостом заходило солнце. На той стороне реки корабельные доки сверкали бесчисленными стеклами.

«Как тут редко замечаешь солнце, — подумал студент. — А там только и глядишь на него».

Там — это в лесу. Студент частенько теперь ловил себя на мысли о лесе.

Он пробежал уже и мост, а солнце отодвинулось куда-то за колонны большого здания.

«Вот так и Одинец, — думал студент. — Плыл, плыл, — а солнце от него все дальше. Захлебнулся — и пошел ко дну».

Впереди над серым камнем набережной резко выделился черный подъемный кран, хищно выгнутая стальная спина.

«...Или с миноносца какого-нибудь его застрелили», — уныло закончил свою мысль студент.

В это время он заметил идущую прямо на него знакомую женскую фигуру.

— Вы? — удивленно спросил он. — Разве вы уже вернулись?
Окинув одним взглядом всю его растерянную фигуру, девушка спокойно сообщила:

— Я была у вас, искала вас.

— Меня? — удивился студент. — Вы же писали, что ненавидите меня!

Не отвечая, она спросила:

— Убили Одинца?

Студент почувствовал облегчение.

— Нет, не удалось, — ответил он быстро.

Но сейчас же поправился:

— Собственно, даже не удалось, а я даже спас его. То есть не совсем спас, а так... не стал стрелять, хотя совсем уже...

Он совсем запутался в словах и, внезапно разозлившись на свою растерянность, отрезал:

— Одинца крестьяне загнали в море. Я видел, как он поплыл, — и не стал стрелять. Вот и все.

Глаза девушки заблестели.

— Я так и знала! Так и должно было кончиться. Говорите скорей, в какой день он уплыл?

— В четверг на прошлой неделе. А что?

— А то, что Одинец ваш цел и невредим, — с торжеством объявила девушка.

— Его поймали в море? Откуда вы знаете?

— Лучше, гораздо лучше! Вот слушайте: в пятницу на той неделе, — я нарочно запомнила день, — по всему нашему берегу разнесся слух, что накануне вечером рыбаки видели громадного лося, плывущего с моря к берегу. Они, было, погнались за ним на лодках, но он успел достичь мелкого места и благополучно ушел в лес. Я отыскала этих рыбаков и все проверила.

— Да что вы! — вскрикнул студент. — Вот молодец! А я-то был уверен, что он потонет. Ведь двадцать восемь верст воды! Вот здорово!

— Ага! — торжествовала девушка. — Теперь сами за него рады. А то «убью да убью!»

— А знаете, — улыбаясь, сказал студент. — Если б не вы, так я бы, пожалуй, того... двинул бы его в последний момент. Ружье у меня на предохранителе оказалось, не выстрелило. Тут я вас вспомнил и одумался.

Девушка, краснея, протянула ему руку.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

В котелке поспела сухарница¹, и охотники только было собрались ужинать.

Выстрел раздался неожиданно, как гром из чистого неба.

Пробитый пулей котелок выпал у Мартемьяна из рук и кувырнулся в костер. Остроухая Белка с лаем ринулась в темноту.

— Сюды! — крикнул Маркелл.

Он был ближе к большому кедру, под которым охотники расположились на ночлег, и первым успел прыгнуть за его широкий ствол.

Мартемьян, подхватив с земли винтовку, в два скачка очутился рядом с братом. И как раз вовремя: вторая пуля щелкнула по стволу и с визгом умчалась в темноту.

— Огонь... подь он к чомору! — выругался Маркелл, трудно переводя дыхание.

Костер, залитый было выплеснувшейся из котелка сухарницей, вспыхнул с новой силой. Огонь добрался до сухих сучьев и охватил их высоким бездымным пламенем.

Положение было отчаянное. Яркий свет слепил охотникам глаза. Они не видели ничего за тесным кругом деревьев, обступивших елань². Защищаться, отстреливаясь, не могли.

А оттуда, из черного брюха ночи, освещенная елань была как на ладони, и чьи-то глаза следили за каждым их движением.

Но Мартемьян сказал совсем спокойно:

— Однако ништо. Белка скажет, откуда он заходить станет. Вокруг лесины отуряться³ — не достанет.

¹ Сухарница — скороспелое блюдо таежных охотников — размешанные в кипятке сухари с маслом и солью.

² Елань — поляна.

³ О туряться — поворачиваться вокруг оси.

В этих немногих словах было все: и признание опасности и точное указание, как ее избежать.

— Цел? — спросил Маркелл.

— В казанок¹ угодила, — просто ответил Мартемьян.

Больше они не сказали друг другу ни слова. Неподвижно стояли, вплотную прижавшись к жесткой коре дерева, и вслушивались в удаляющийся лай собаки.

Эти два человека и сроду не были болтливы, — они стыдились лишних слов. В тайге они родились, в тайге прожили вдвоем всю свою долгую жизнь. Старшему шел уже седьмой десяток, младшему — шестой. Кто бы сказал это, глядя на их прямые плечи, крепкие спины? Громадные, с волосатыми лицами, они стояли у темного кедра, как два поднявшихся на дыбы зверя.

Нападение не требовало объяснения: в руках у братьев было соковище.

На плече у Мартемьяна висел кожаный мешок. Мешок был из толстой, грубой кожи, заскорузлый и грязный. Но лежало в нем то, что считалось дороже золота: тщательно снятые, высушенные и вывернутые блестящей шерсткой внутрь шкурки застреленных ими соболей.

Слишком трудно дается осторожный зверек добытчику, слишком часто в тайге лихие люди пытались отнять у промышленника его драгоценную добычу. Братья носили мешок на себе поочередно, ни на минуту с ним не расставаясь.

Враг умудрился застать их врасплох. Оставалось только прятаться от его невидимой руки, пока сам собой не потухнет костер.

И оба молчали, потому что знали, каждый думает так же.

Лай Белки подвигался вправо; они, хоронясь за стволом, переступали влево.

Слышно было, как собака настигла скрытого тьмой человека, кинулась на него.

«Дура... застрелит!» — подумал Мартемьян. И от этой мысли у него сразу похолодели ноги.

Внезапно лай оборвался придушенным хрипом. В разом наступившей тишине раздался глухой шум падения тела и сейчас же — шуршание судорожно скребущих землю лап.

— Шайтан... Белку! — вскрикнул Мартемьян и уже на бегу крикнул брату. — Стой!

Маркелл во всем привык слушаться старшего брата. Так повелось с детских лет, так осталось и до старости.

Он с тревогой следил, как брат перебегает предательски освещенную елань.

Когда Мартемьян был уже у самой стены деревьев, за ней вспыхнул огонек и громыхнул выстрел.

Мартемьян выронил винтовку, споткнулся и упал.

— Бежи! — крикнул он брату. — Белку!..

Маркелл понял с полуслова: брат хотел сказать, что стрелявший пришел не за кожаным мешком, а за собакой, и что собаку надо

¹ К а з а н о к — котелок.

отбить во что бы то ни стало. Маркелл выскочил из-за прикрытия и широкими прыжками кинулся через елань.

Выстрелов больше не было, но, когда Маркелл добежал до речьев, он услышал впереди треск сучьев: кто-то тяжело убегал по тайге.

Скоро чаща преградила охотнику путь. Острый сучок полоснул его по щеке, чуть не задев глаза.

Маркелл остановился. В черном мраке впереди не видать было даже стволов деревьев, и шаги бегущего смолкли.

Маркелл сунул винтовку в чащу и, не целясь, выпалил прямо перед собой — в темноту.

Прислушался. Сзади спокойно потрескивал костер.

Маркелл вернулся к брату.

Пуля пробила Мартемьяну правую руку и чиркнула по ребрам. Рана не опасная, но крови шло много.

Согнув больную руку в локте, Маркелл туго прикрутил ее к груди брата. Кровь удалось остановить.

Братья потушили костер, улеглись на земле и молча, не смыкая глаз, стали дожидаться рассвета.

Думали о своей Белке и как ее отбить. Дороже самой драгоценной добычи охотнику его верный друг — собака.

Лучше б им лишиться кожаного мешка, чем Белки: была б собака, настреляли бы еще соболей. Теперь братья были не только ограблены, — разорены.

Такой собаки, как их Белка, больше не достанешь. Молодая — ей не было еще и четырех лет, — она уже славилась на всю округу как лучшая промысловая лайка. Щенки ее отличались редким чутьем. За каждого давали пятнадцать — двадцать рублей. За мать не раз предлагали все двести. Но братья не польстились даже на такие неслыханные деньги.

Кто мог украсть ее?

Такая белоснежная лайка была одна в округе, ее все знали. Слухи о ней живо дошли бы до хозяев.

Украсть мог только тот, кто не боялся, что законные хозяева судом или силой заставят его вернуть им собаку.

Такой человек был один в округе: исправник¹.

Он не раз уже предлагал братьям продать ему Белку и всячески притеснял их за отказ. Не было сомнения, что это он подослал к ним своего человека украсть собаку. Не было сомнения, что никто из деревенских не пойдет в свидетели против него.

Братья сознавали свое полное бессилие перед полицейским там, в деревне, и в городе. Лежа рядом, они думали об одном: как поймать вора, пока он не ушел из тайги. И мысль их работала одинаково, точно на двоих была у них одна голова.

В тайгу был единственный путь — по реке. По ней заходили охотники на промысел, по ней и назад возвращались, в деревни. Нет другого пути и вору. Его лодка припрятана, верно, где-нибудь поблизости.

Братья оставили свою лодку выше по реке. Добираться до нее — уйдет целый день.

Река близко. Если бы не тайга, не чаща, добежать до реки — полчаса. Тогда можно будет...

Было у братьев еще сокровище, отнять его у них можно было только вместе с жизнью, — верный глаз.

Только б увидеть вора, а уж пуля, направленная уверенной рукой, не даст ему ускользнуть. И тайга схоронит концы.

Едва в посеревшей темноте обозначились ближние деревья, братья поднялись с земли.

Мартемьян только поглядел на брата да передал ему кожаный мешок, и оба шагнули в одном направлении.

Им ли не знать тайги! Ощупью, в темноте, они отыскивали незаметный звериный лаз и вышли по нему на тропу.

Скользя в пробитые оленьими копытами кодобины, спотыкаясь о корни, они бежали и бежали по узкой тропе, пока не послышался впереди мерный грохот реки.

Тогда они пошли шагом, перевели дыхание, чтобы не изменил глаз, не дрогнула рука, если сейчас понадобится стрелять.

Ободняло².

Они раздвинули ветви и выглянули на реку так осторожно, точно выслеживали чуткого марала³.

Река вздулась от обильных осенних дождей. Навстречу братьям, гремя на перекате, несся широкий бурливый поток. Он был виден далеко вперед.

Лодки на нем не было.

Братья поглядели назад. Сейчас же за ними река, обогнув мыс, круто сворачивала. Высокий лес на мысу заслонял реку за поворотом.

¹ И с п р а в н и к — полицейский чин в царские времена. В Сибири исправники пользовались очень большой властью.

² О б о д н я л о — совсем рассвело.

³ М а р а л — сибирский вид благородного оленя.

Если вор проскользнул уже здесь, больше они никогда его не увидят.

Один и тот же невысказанный вопрос мучил обоих: да или нет?

И глаза их шарили по волнам, точно искали на них невидимые следы проскользнувшего по ним беглеца.

Так стояли они долго. Уже солнце поднималось над тайгой, играя искрами в зыби потока.

Братья устали от бессонной ночи; от быстрого бега по тропе у них зудели ноги. Но им и в голову не приходило сесть, точно сидя они могли пропустить плывущую мимо них лодку.

Ночное нападение лишило их ужина; утром у них не было времени поесть. Но они не догадывались вытащить из-за пазухи хлеб и пожевать его.

Вдруг Маркелл — глаза его видели дальше — вскрикнул:

— Плышет!

Это было первое слово после шести часов молчания.

Дальше все произошло быстро, очень быстро, гораздо быстрее, чем можно это рассказать.

На них стремительно неслась лодка.

Маркелл первый разглядел на ее носу собаку и крикнул:

— Белка, сюды!

Видно было: собака рванулась, но ремень, завязанный у нее на шее, сбросил ее назад в лодку. Слышен был хриплый, негодующий лай, заглушенный шумом реки.

Тогда Мартемьян выдернул из повязки большую руку, левой приладил винтовку на сук, правой потянул за спуск — щелкнул выстрел.

Маркелл торопливо сказал:

— Не проймешь... брось: мешки.

Вдоль борта лодки стояли набитые землей мешки. За кормой торчало рулевое весло, но человек, управлявший им, виден не был. Пули не могли ему причинить вреда.

На мгновение братья растерялись. Их последняя надежда рушилась.

Лодка быстро подходила. Что-то надо было предпринять сейчас, немедленно, не теряя ни минуты.

И вот, в первый раз за десять лет, мысли братьев поскакали в разные стороны.

Старший торопливо стал перезаряжать винтовку.

Младший сорвал с себя кожаный мешок, поднял его высоко над головой, закричал, заглушая грохот потока:

— Бери соболей, отдай собаку!

В ответ ему с лодки стукнул выстрел, пуля пропела в воздухе. Лодка, держась того берега, неслась уже мимо них.

Мартемьян опустил винтовку на сук. Лицо его было страшно. Он бормотал:

— Щенят вору плодить!.. Врешь, никому не достанешься.

Большая рука плохо слушалась его, мешала быстро управиться с ружьем.

Одним прыжком Маркелл подскочил к брату. Скинул его винтовку с сука. На тот же сук опуская свою винтовку, жестко сказал:

— Молчи! Я сделаю.

И потительно, как соболя, — зверьку надо попасть в голову, чтобы не попортить драгоценной шкурки, — стал выцеливать.

Мартемьян впился глазами в белоснежную фигуру собаки на лодке.

Белка, натянув узкий ремень, вскинулась на задних ногах, передними повисла в воздухе — рвалась через борт к хозяевам.

Еще миг — и бесценный друг, исчезнув за поворотом реки, навсегда достанется ненавистному вору.

У самого уха Мартемьяна ударил выстрел.

Мартемьян видел, как Белка сунулась вниз — мордой вперед. Лодка исчезла.

Несколько минут братья стояли не шевелясь, глядя на волны, стремительно убегаящие за мыс.

Потом старший сказал, кивнув на большую руку:

— Стяни потуже.

Из раны обильно сочилась кровь. К горлу подступала тошнота, неиспытанная слабость охватывала все громадное тело Мартемьяна.

Он закрыл глаза и не открывал их, пока брат возился с перевязкой.

Не рана его мучила: сердце еще не могло помириться с потерей любимой собаки.

Он знал, что и брат думает о ней; открыл глаза и посмотрел ему в лицо.

Левый глаз Маркелла неожиданно прищурился и хитро подмигнул ему.

«Эк его корчит!» — подумал Мартемьян и снова опустил веки.

Туго спеленатая рука наливалась тупой звериной болью.

Сильный шелест в чаще заставил его снова открыть глаза.

Не Белка — прекрасное ее привидение, все алмазное в радуге брызг, стояло перед ним.

Собака кончила отряхиваться, бросилась на грудь Мартемьяну, лизнула в лицо, отскочила, кинулась к Маркеллу.

Секунду Мартемьян стоял неподвижно.

Потом быстро наклонился, здоровой рукой подхватил обрывок ремня у Белки на шее.

На конце ремня была полукруглая выемка — след пули.

Волосатое, грубое лицо старого охотника осветилось счастливой детской улыбкой.

— Ястри тя... ладно ударил! — громко сказал он.

И тут же спохватился: ведь это были лишние слова, их можно было и не говорить.

БУН

— ...Убегая, он вскочил на ту же скалу, куда забрался я.

— И ты не всадишь ему пулю?

— Зачем? Чтобы и его тело растерзали волки рядом с моим? Из нас двоих он еще мог бы спастись, если бы стая до нас добралась.

— Из вас двоих? Ты говоришь о звере, как о человеке. Что-то больно ты уж стал жалостлив тут на Алтае.

— Жалость? Нет, это не то слово. Тут что-то поглубже. Лютая рысь не трогает белку, когда на одном дереве с ней спасается от наводнения.

Пожилой охотник замолк, задумчиво теребя седеющую бороду.

Его молодой собеседник сердито сплюнул в костер.

— Меня, во всяком случае, с твоим зверем ничто не свяжет. Я буду не я, если завтра его не кончу.

Он решительно встал и принялся развертывать свой спальный мешок.

Пожилой с минуту молча следил за его движениями. Потом заговорил медленно, словно тяжелым свинцом наливая каждое свое слово:

— Прошу тебя, откажись от него. Довольно ты убивал ради одного удовольствия убивать. Смотри. — Он протянул руку, показывая на тугие тюки, грудой сложенные под низкорослым кедром. — Нашим лошадям не увезти всей добычи. Неужели тебе все еще мало?

Проводник-алтаец, на корточках сидевший у костра, поняв, что речь идет о тюках, забормотал, поблескивая голодными глазами:

— Якши, орус, куч якши. Албача бар — от бар, аракы бар, тары бар... (Хорошо, русский, очень хорошо. Добыча есть — мясо будет, порох будет...)

Для него тюки, набитые звериными шкурами, означали богатство, а богатство означало сытую жизнь и много пороху, чтобы опять добывать богатства.

Молодой охотник резко повернулся к товарищу.

— Я не для того ехал четыре тысячи километров сюда на Алтай, чтобы слушать проповеди. Надо быть старой бабой, чтобы пропустить случай добыть такого редкого зверя.

— Откажись от него, — еще настойчивей повторил пожилой, не обращая внимания на резкий тон товарища. — Мне не по себе от той легкости, с какой ты, городской человек, распоряжаешься жизнью зверей. Поживи среди них с мое, и ты сам...

Конец фразы заглушил жуткий, долгий вой откуда-то с черного неба над ними.

Пожилой охотник, только накануне осажденный волками на вершине горы, вздрогнул и быстро провел рукой по глазам. Это нервное движение не скрылось от его собеседника:

— Так вот в чем дело: волков струсил! В таком случае можешь откочевать с тюками к подножию, пока я...

— Мальчишка! — гневно крикнул пожилой, вспыхнув так, что краска залила ему лоб.

Больше между ними не было сказано ни слова.

Младший сейчас же залез в свой мешок и сразу захрапел. Старший долго еще сидел, прислушиваясь к тревожному фырканью лошадей.

Когда утром он проснулся, товарища его уже на стане не было.

Молодой охотник быстро поднимался к вершине.

Серый дымок костра чуть виднелся внизу, среди низеньких, словно пришибленных кедров и карликовых берез. Выше деревьев не было; охотник вступил в суровое царство мертвых серых скал. Тут уж ясно чувствовалось ледяное дыхание неба.

Внизу лежали горы, широко опоясанные черной тайгой. Вершины их четко врезались в беспредельный простор. Глубокие долины залегли между горами темными пропастями. Белое седло горы-исполина сияло вдали, запирая горизонт.

Легко и спокойно дышала грудь. Жизнь оставалась там — позади. Даже птиц не было видно кругом. Растения не росли на холодном камне. Только сухие каменоломки, растелив свои плоские листья, цеплялись за жесткую грудь скал, упрямо споря со смертью. Над ними — человек не поднимал головы: снежная шапка горы слепила глаза — над ними был белый покой вечности.

Чуть заметная тропа под ногами охотника поднималась все круче.

Наконец он достиг того места, о котором рассказывал ему вчера товарищ, — и остановился.

Внизу над пропастью, не двигая крыльями медленно проплыл орел. Охотник следил за его полетом, пока крылатый хищник не скрылся за темной стеной горы. Затем вынул бинокль и стал внимательно изучать скалы у себя над головой.

Поблескивая на солнце стеклами, бинокль описал широкую дугу, остановился на мгновение — и медленно повернул назад.

Вдруг легкий взглас удивления слетел с губ охотника: над скалой, где за минуту до того ничего не было видно, четко вырисовывался темный силуэт зверя.

Охотник видел его первый раз в жизни. Но ошибиться он не мог: это тот самый зверь, которого он искал.

Туром или козерогом звали его древние славяне. В науке он известен под именем каменного козла. Алтайцы зовут его — бун.

В сильный бинокль охотник ясно различил острые, широко расходящиеся к вершине высокие рога, плотное, точно из камня вытесанное тело, короткий черный хвост, крепкие ноги. Зверь на скале, гордый и неподвижный, как памятник. Поворот его крутой шеи казался почти надменным.

«Как хорош!» — подумал охотник, с трудом отрываясь от бинокля, и сдернул винтовку с плеча.

Этого движения было достаточно: бун заметил человека. Его точно сдуло со скалы. Он исчез, и нельзя было даже представить себе — куда, в какую сторону?

Охотник громко выругался.

Через минуту он уже карабкался вверх по скалам.

Взобравшись на террасу, где незадолго перед тем показался бун, охотник растерянно огляделся.

Вся площадь террасы была усеяна камнями разной величины. Кое-где между камнями пятнами лежал снег. И тут еще — рядом со снегом — стелились упрямые травы.

Долго искал охотник следы зверя. Но на ровной поверхности снега нигде не было отпечатков острых копыт. Бун словно в воздухе растаял.

Охотник отправился разыскивать его наугад — влево от того места, где поднялся на террасу.

Напрасно он взбирался на груды камней и тщательно осматривал в бинокль склоны горы: зверя не было.

Терраса становилась все уже и уже, пока совсем не сошла на нет у поворота горы. Охотник повернул назад, миновал то место, откуда начал розыски, и пошел к другому ее концу.

Тут скоро над головой его навис широкий утес. На камни,

разбросанные кругом в диком беспорядке, легла тень. Далеко впереди загородила дорогу крутая скала.

«Вверху утес, впереди скала, внизу пропасть, — соображал охотник. — Если он забрался в этот тупик, ему только один путь к спасению: мимо меня. Еще пырнет, черт, если сразу не уложишь...»

Он вспомнил острые рога буна, его толстую, как у быка, шею. Вспомнились ему и рассказы, читанные еще в детстве, как рассвирепевшие козероги сбрасывали неудачливых охотников в пропасть.

«Ну, да зачем он ползет в это мрачное логово, когда ему всюду дорога, — мысленно попробовал подбодрить себя охотник. — Тут только разбойникам прятаться».

В эту минуту где-то совсем близко от него раздался резкий, пронзительный свист.

Вздрогнув от неожиданности, охотник поспешно припал за камень.

Из-за камней справа, слева, спереди от него ответили таким же свистом. «Окружен», — подумал охотник, щелкая затвором винтовки.

«Тирек-тирек-тирек-тирек!» — со всех сторон послышались быстрые призывные крики, и вдруг с треском сорвались из-за камней большие серые птицы.

— Чтоб вас! — спохватился охотник. — Это же улары.

Разом пришло на память, что горные индейки — улары — живут в тесном соседстве с каменными козлами. Проводник-алтаец рассказывал ему, будто даже они предупреждают об опасности отдыхающих зверей своим пронзительным свистом.

Впереди меж камней мелькнули крутые рога и чернополосый хребет буна.

Охотник вскинул винтовку.

В тот же миг зверь прыгнул в пропасть вслед за птицами.

— Ух! — зажмурясь, произнес охотник. — Теперь и костей не соберешь.

Но когда, перескакивая через камни, он добрался до края террасы, глаза его широко раскрылись от изумления: цел и невредим, с откинутыми на спину рогами, бун широкими прыжками уходил вверх по отвесной почти стене горы. От охотника он подвигался вкось, вне выстрела, огибая террасу.

«Теперь уйдет на вершину, на самый белок», — сообразил охотник.

И тут же восхищенно подумал, следя глазами за смелыми скачками зверя: «Ведь как на крыльях несется, дьявол».

Осталось одно: проследив направление бега зверя, подняться вслед за ним к вершине и там еще раз попытаться подойти к нему.

Так охотник и сделал.

Четыре часа поднимался человек на ту высоту, куда каменный козел взлетел в несколько минут.

Теперь и упрямые травы остались позади. Кругом были только камень и снег.

Тут, наконец, охотнику посчастливилось: он заметил в бинокль бурую шерсть зверя высоко в стороне на серой скале. Бун лежал спо-

койно, опустив тяжкие рога на камень. Он, видно, чувствовал себя здесь в полной безопасности и дремал.

Охотник знал, что подкрадываются к каменным козлам всегда сверху. Но взобраться выше той скалы, где лежал бун, не было никакой возможности. Не было возможности подойти к нему и сбоку. Только внизу, под скалой, тянулся узкий каменный карниз. Острый выступ его приходился как раз под неприступным убежищем зверя.

Пройти по карнизу, ежеминутно рискуя сорваться в бездну, бесшумно подкрадываясь так близко к чуткому зверю — задача была чрезвычайно трудная. Но цель была тут, на виду. В какую бы сторону ни кинулся зверь, с намеченного места можно было успеть выстрелить в него несколько раз. Победа была близка.

В охотнике проснулся спортсмен.

Он скинул сапоги и в одних носках осторожно ступил на карниз. Широко распластав руки, цепляясь пальцами за шероховатый камень, ногой нащупывая точку опоры, он медленно подвигался вбок. Местами карниз становился немного шире, — тогда охотник останавливался, поворачивался лицом вперед и позволял себе передохнуть несколько секунд. Иногда карниз прерывался, и тогда охотник прыгал, пролетая над бездной.

В жар бросало его каждый раз, как маленький камешек срывался у него из-под ног: даже легкий шорох мог разбудить зверя. Но камешки беззвучно летели вниз, не задевая ничего на своем пути. Они точно проваливались в пустоту. Самое чуткое ухо не могло бы услышать стука их падения на дно пропасти.

Охотник не позволял себе смотреть вниз: закружись у него на мгновение голова — и он бы неминуемо погиб. Чем дальше, тем чаще он останавливался отдыхать, всем телом, как распятый, прижимаясь к холодному камню.

В висках у него стучало, когда наконец он достиг намеченного выступа. Тут к нему сразу вернулась обычная его уверенность в себе.

Плоский камень, на котором он теперь стоял, острым углом выдавался над бездной. Охотник посидел на нем, беспечно болтая ногами в пустоте, пока сердце его не утихло и руки не перестали дрожать.

Уверенный в успехе, он хладнокровно обдумывал, что сделает зверь, застигнутый у себя на лежке.

— Раз я снизу, он, конечно, бросится вверх и в сторону. Крутизна эта ему ни о чем. А когда я ссажу его, кувырнется в пропасть. Получится мешок, продырявленный изнутри осколками костей. Ну и черт с ним. Рога небось останутся целы. Будет, что показать дома.

— Ну, теперь можно, — разрешил себе охотник, через минуту бесшумно поднялся и стал на самый край площадки так, чтобы видеть над собой всю скалу. Левую ногу он выставил вперед, правой крепко уперся в камень и взвел курок.

— Эй, ты там! — крикнул он весело. — Вставай!

Вверху над скалой мгновенно возникла бородатая козлиная голова. Охотник ясно разглядел высокие в ребрах рога, живые темные глаза под крутым лбом.

— Можешь бежать, — милостиво разрешил охотник.

Голова не шевельнулась.

Потому ли, что человек появился так неожиданно, потому ли,

что стоял он совершенно неподвижно и голос его не был резок, — только зверь не испугался и не побежал. Одно безграничное удивление светилось в его глазах.

— Ну! — нетерпеливо приказал охотник.

Ему не по себе было от этого тяжелого взгляда, с безмолвным вопросом устремленного прямо ему в глаза.

Зверь неожиданно подался вперед, открыл для выстрела всю переднюю половину тела.

«Так вот ты какой!» — с удивлением подумал охотник. Винтовка в его руках стала медленно опускаться...

«Стоим тут как два дурака», — пришло ему в голову.

Чтобы освободиться от этого упорного взгляда, он на мгновение отвел глаза. Ему вдруг ясно представилась та страшная высота, где стояли они — впервые взглянувшие друг другу в глаза человек и зверь. Кругом — холодная пустота и смерть.

Ему вдруг показалось нелепым, что сейчас он выстрелит в того, другого, который смотрит на него сверху.

— Глупости все это! — внезапно обозлился он сам на себя. — Козел и козел.

Винтовка опять взлетела кверху.

Это порывистое движение спугнуло зверя. Бун стремительно повернулся, чтобы прыгнуть вверх по круче, и подставил при этом под мышку левый бок.

Охотник выстрелил в тот миг, когда задние копыта зверя отделились от камня.

Бун взвился высоко над скалой, перевернулся в пустоте — и головой вниз ринулся в бездну.

Охотник не видел этого: он наклонился лицом вперед, чтобы удержать равновесие после выстрела.

В следующий миг тело мертвого зверя с размаху смело его в пропасть.

Наутро, встревоженный долгим отсутствием товарища, пожилой охотник отправился его разыскивать.

Привлеченный бешеным визгом и шумом звериной драки, он спустился на каменистое дно глубокого ущелья и своим появлением спугнул стаю красных волков.

На месте их пира валялись дочиства обглоданные кости каменного козла впережку с костями человека.

КАРАБАШ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Подкидыш

Избушка, где жила с матерью Тайка, стояла на самом краю города, на крутом яру. Под яром бежала река, а за рекой начиналась степь.

Тайка боялась степи: там было безлюдно, жили дикие звери — волки, корсаки¹, злые маленькие карбыши².

Раз ночью — снег еще не стаял на дворе — Тайку разбудил странный шум за окном: кто-то сильно, настойчиво скребся в дверь.

«Волк!» — подумала Тайка. Она так испугалась, что не смела даже голос подать — окликнуть мать.

Скрестись перестали. В избе стало тихо-тихо, слышно было, как в дальнем углу тараканы шуршат бумагой.

Вдруг со двора раздался плач — тонкий, жалобный. Страх мигом пропал.

«Ребенок!» — сообразила Тайка, — Он замерзнет».

Тайка соскочила с лежанки, кинулась будить мать.

— Мам! Да мам же! Вставай! Ребенок плачет!

— Какой ночью ребенок! Попритчилось... Спи, доченька, спи, — сквозь сон бормотала мать. Но вдруг быстро приподнялась: надрыв- вый, с визгом детский плач слышался теперь совсем ясно.

— Никак подкинули? Чего стоишь? Свет зажги!

И раньше, чем Тайка нащупала в темноте спички, мать уже на- кинула на себя шубу и выскочила за дверь.

Несколько минут со двора слышался только недовольный голос матери. Потом дверь открылась. Мать вошла, одной рукой прижимая к груди что-то темное.

¹ К о р с а к — степная лисица.

² К а р б ы ш — хомяк.

— Мальчик? — не утерпела Тайка.

— Мальчик, мальчик! — неожиданно весело отозвалась мать. — Получай! — И сбросила темный клубок на пол.

— Ай! — вскрикнула Тайка: на полу копошилось что-то мохнатое, совсем непохожее на розовое тельце ребенка.

— Ладно, хоть не ребенка подкинули, — довольным голосом говорила мать. — Завтра спровадим.

Тайка разглядела наконец щенка.

— Какой волосатенький! — удивилась она. — И ножек не видно. Откуда он взялся ночью?

— Откуда! — опять вдруг рассердилась мать. — Люди подкинули, — откуда же! Топить совестятся. Развели собак невесть сколько, теперь куда с ними!

Но Тайке щенок понравился. Когда мать успокоилась, Тайка залезла к ней на печь и стала просить оставить подкидыша.

— Он мне вместо братишки будет, — уверяла девочка.

Мать поворчала, потом сдалась.

* * *

Щенок стал жить у Тайки. Это было самое лучшее время в его жизни. Маленькая хозяйка заменяла ему мать и братьев — товарищей детских игр.

Щенок рос быстро; видно было, что будет из него крупный пес. Красотой не отличался: был неповоротлив, лохмат, весь светло-серый с большой, очень темной головой. Зато характера был веселого и незлобивого. Когда больно наступали ему на толстые лапы, визжал, но ни разу не подумал огрызнуться.

У Тайки была большая тряпичная кукла с размалеванным лицом; ночевала она обычно на дворе.

Утром, как только Тайка показывалась в дверях, щенок схватывал куклу за руку, за ногу, за что попало, и приглашал хозяйку поиграть с ним. Игра состояла в том, что он, притворно-сердито ворча и мотая головой, убегал с куклой в зубах, а Тайка должна была ее отнимать у него. Кукле при этом доставалось сильно, но слабый еще щенок не мог разорвать туго сверченных тряпок.

Когда это наскучило, Тайка вздумала обучать щенка разным фокусам. Она клала ему на нос кусочек хлеба и строго приказывала: не смей! И щенок терпеливо сидел, глотая слюнки, пока хозяйка не приказывала ему: бери! Тогда кусочек взлетал в воздух и попадал прямо в раскрытый рот щенка.

Ученик оказался смышленным. Он быстро научился понимать, что от него требуется, и охотно слушался. Ученье было для него игрой, а играть он был готов с утра до ночи.

В короткое время он выучил давать лапу, «служить» и даже делать несколько шагов, поднявшись на задние лапы.

За Тайку он готов был в драку с кем угодно — с большим псом и с человеком. А когда вечерами девочка сживала с ним за плетнем на яру, ей казалось, что он понимает все далекие звуки и всегда настороже.

Маленький пес шевелил ушами и носом, прислушивался и при-

нюхивался ко всякому запаху и шуму, доносившемуся из вечеряющей степи. При этом он то колотил по земле хвостом с довольным видом, то принимался глухо ворчать. И с ним рядом Тайка уже не боялась безлюдной степи, где бродят дикие звери.

В середине лета случилось большое несчастье: пала у Тайкиной матери корова — единственная их кормилица и полица.

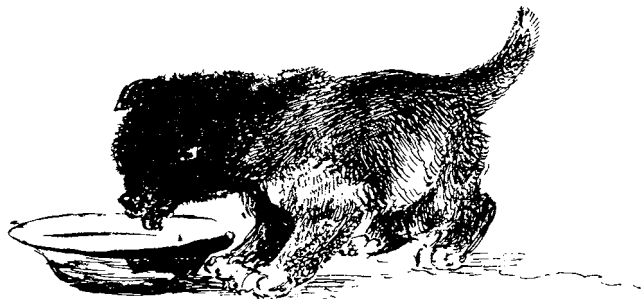
Матери пришлось теперь стирать на людей. Но сил у нее было мало: она была больна, очень больна.

Заработка ее не хватало на еду.

Скоро щенок повадился с голодухи лазать по чужим дворам. Чутье у него было хорошее. Он легко отыскивал потайные местечки кур — и таскал у них яйца.

Однажды соседи поймали его на этом и пригрозили Тайкиной матери подать на нее в суд. Мать побоялась штрафа и ночью унесла сонного щенка в город, ничего не сказав дочери.

Утром, узнав об этом, Тайка так горько плакала, что мать и са-

ма была бы рада вернуть щенка. Но она не могла вспомнить, на какой двор его подкинула, и, сколько ни искала, вернулась из города ни с чем.

Пустым и скучным показался родной двор Тайке после потери друга. Каждый вечер выходила она за плетень, громко звала своего щенка. Из города доносился до нее разноголосый собачий лай, булькало в небе отрывистое щенячье тьявканье. И долго она прислушивалась к незнакомым голосам, пока наконец мать, бранясь и кашляя, не загоняла ее домой.

ГЛАВА II

В стая

Первые горячие детские привязанности не забываются всю жизнь. И щенок не мог забыть Тайку, как и она его не могла забыть.

Во дворе, куда подкинула его Тайкина мать, были свои собаки. Он был не нужен хозяевам, и в ту же ночь они перекинули его своим соседям. Соседям их он тоже оказался не нужен — и так

началось его долгое путешествие по городу, со двора на двор, из улицы в улицу.

Родись он на год, на два раньше, с ним этого не случилось бы: собаки тогда были в цене, и соседи выпрашивали себе друг у друга щенков. Лет пять тому назад в тех местах случился большой голод. Люди перебили всю скотину, переловили всех голубей. В то время волки из степи делали набеги на город. Они стаями переходили реку по льду, взбирались на яр, врываются в улицы. Собачий лай не предупреждал об их появлении: собак тогда не было в городе. Вслед за голубями настал их черед: всех их съели голодающие. И осмелевшие волки набрасывались на людей у их домов.

Потом, когда голод кончился и город снова обзавелся скотом и запасами, каждый хозяин поскорей стремился завести себе сторожевого пса. И теперь, хоть собак снова стало много и волки ушли далеко в степь, жители все еще не уничтожали щенков: жалели. Помнили еще, как плохо пришлось им без овчарок. Совесть их топить, но и кормить всех щенят никому расчета не было. Стали подкидывать соседям: авось да и возьмет кто на выкорм?

Голодных, а часто и битых щенков перекидывали со двора на двор, пока они не гибли с голоду или под колесами телег, или счастливо не попадали на базар. На городском базаре их никто не трогал. Там они жили отбросами съестных лавочек и были даже полезны: без них пришлось бы тратиться на вывоз гниющих костей, кусков мяса и рыбы.

Тайкиному щенку посчастливилось: в конце концов какая-то сердобольная старушка посадила его в корзинку, отнесла на базар и там выпустила.

* * *

Базар оглушил щенка. Посреди широкой площади в два ряда стояли деревянные построечки — лавки. Между ними густо двигался, гудел народ. Торговцы крикливо зазывали покупателей. Рядом, в железных рядах, оглушительно грохотали молотками по жести. На пыльной площади скакали верхами бородатые казаки, темнолицые казахи.

Щенок шмыгнул с перепугу под какой-то опрокинутый ящик и просидел под ним до тех пор, пока не кончилось торговое время и народ не схлынул с площади. С темнотой базар совсем опустел, купцы заперли свои лавочки и ушли домой; остались только собаки.

Тогда Тайкин щенок вылез из-под своего ящика. Множество разнообразных запахов ударило ему в нос. Холодный запах железа смешивался с запахами недавно бывших здесь людей, от запаха свежесвыделанных кож шерсть становилась на щенке дыбом, от запаха мяса и рыбы глаза разгорались и щемило в животе.

Но напрасно щенок перебегал от лавки к лавке: нигде не попадалось ему ни кусочка съедобного. Он опоздал: по всем углам и закоулкам собаки грызли остатки своей дневной добычи или дремали, свернувшись калачиком на земле. Когда он приближался, они вскакивали, но разобрав, что это щенок, только провожали его сердитым рычаньем.

За углом одной лавочки он напал на рыбину, кое-как зарытую в земле. Он принялся было ее откапывать лапами, но откуда-то выскочила шавка и с пронзительным лаем накинулась на него.

Он был больше ее ростом и, вероятно, сильнее, однако сейчас же бросил добычу и не стал драться: почувствовал, что эта рыбина принадлежит злой шавке.

Потом он увидел большую собаку с коротко обстриженной шерстью. Она бежала к нему через площадь, из города.

Он испугался было, но стриженная подошла к нему и дружелюбно лизнула в нос. Они пошли вместе. Вид у нее был настороженный, вороватый. Щенок понял, что и она здесь чужая, как и он.

Неожиданно сзади на них набросились два тощих пса. Но стриженная оказалась не из трусливых и дала им быстрый отпор.

На шум драки сбежалось еще несколько собак. Все они дружно напали на стриженую и загнали ее в угол. На щенка они не обращали внимания, хоть он и пытался помочь своей храброй подруге.

Вдруг он услышал странный звук: железо лязгало о железо. Лязг быстро приближался.

Стриженная неожиданно сделала отчаянный прыжок, пронеслась над головами нападающих и стрелой помчалась через площадь.

Едва успела она скрыться, из-за угла показался кудлатый черный пес, такой громадный, каких щенков еще не видал. Вся морда пса заросла густыми жесткими кочьями шерсти, глаза были еле видны, а на шее блестело что-то железное, что ржаво лязгало при каждом его шаге.

Часть собак кинулась преследовать стриженую, а громадный черный пес прямо подошел к щенку. У щенка ноги отнялись от страха; он припал к земле и ждал, что кудлатое чудовище сейчас разорвет его. Но черный пес только рассеянно обнюхал его — и равнодушно перешагнул. Лязг железа стал удаляться, и, когда щенок поднялся, он снова был один.

Голод гнал его от лавки к лавке. Но до самого утра только и удалось ему пожевать сырую картофельную кожуру да сгрызть кусок вывалянного в грязи хлеба.

Две собаки из тех, что нападали на стриженую, видели, как он подобрал кусок, но не тронули его. Сам того не подозревая, он стал в эту ночь равноправным членом базарной стаи.

* * *

Немного дней потребовалось щенку, чтобы привыкнуть к дневной толчее и сутолоке. Надо было только каждую минуту быть начеку, чтобы не попасть под ноги людям или лошадям.

Немного времени понадобилось ему, и чтобы понять законы стаи. У стаи беспризорных базарных псов всего-то и было три крепких закона.

Первый закон был: подчиняйся вожаку. Все собаки без сопротивления отдавали ему лучшие куски съестного, по первому его зову шли в драку с другими псами и не трогали тех из чужих, кого оставлял в покое вожак.

Вожак стаи и был тот громадный черный пес, который так

напугал стриженую. Торговцы и кучками сновавшие по базару мальчишки хорошо знали его историю. За его разбойный нрав они ему дали кличку Бандит.

Прежде у Бандита был хозяин. Он посадил пса на цепь еще щенком и часто спьяну ни за что, ни про что жестоко бил его. Бандит смолоду стал злобен и пользовался каждым удобным случаем, чтобы на ком попало выместить незаслуженно достававшиеся ему побои. За четыре года жизни у хозяина он растерзал немало забегавших во двор собак и кошек. И вот раз, когда пьяный хозяин вздумал в шутку потрепать его по спине, Бандит разом отхватил ему три пальца на правой руке.

Выздоровев, хозяин решил жестоко отомстить псу. Он облил кошку керосином и поджег. Он не рассчитал только звериной силы пса.

Охваченный огнем, Бандит так рванул цепь, что железные звенья лопнули. Пес навзничь опрокинул хозяина и умчался на улицу.

Беглец поселился на базаре и благодаря своей силе и необычайной удаче в драках сразу стал ее вожак. Хозяин не пытался его вернуть и скоро умер.

Короткий обрывок цепи так и остался у Бандита на шее. Бандит был угрюм и злобен, жил грабежом — отнимал добычу не только у чужих, но и у собак своей стаи. Он никогда не давал пощады тем, кто осмеливался вступать с ним в драку. Это хорошо знали прибежавшие из города собаки — и пускались наутек, едва издали слышав лязг его цепи. Среди них были псы и посильней Бандита, но и они всегда оказывались побежденными.

Первый закон стаи — подчиняйся вожаку — ни разу не подумал нарушить ни один из базарных псов.

За соблюдением второго закона смотрели все собаки стаи вместе и каждая в отдельности. Второй закон стаи был: кто первый схватил кусок и утащил его к себе, тот его и съест, — конечно, если не отберет вожак.

Каждый базарный пес сам себе выбирал жилище, где ему нравилось. Одни устраивались под пустыми ящиками, другие в узких закоулках между лавочками, третьи, когда уходили люди, располагались на прилавках. Некоторые копали себе настоящие норы, а были и такие, что каждую ночь спали на новом месте.

С утра, однако, все кучками собирались у съестных лавок и ждали подачек. Как только с прилавка летел кусок, все сразу бросались на него и кусок доставался тому, кто посильней или половчей других. Тайкин щенок был сметлив и ловок, поэтому и бывал всегда сыт. Схватив кусок, он отбегал в сторону — и тут уж никто не отнимал у него добычи.

А третий закон стаи был: помогай своим против чужих.

Городские псы, не принадлежали к стае, часто появлялись на базаре: приходили с хозяевами-покупателями, или делали набег на площадь, как стриженная. Базарная стая была велика, и ей только-только хватало отбросов. Базарные псы сражались с городскими, чтобы самим не помереть с голоду.

Не прошло и месяца, как щенок снова увидел знакомую стриженую собаку. В сумраке летней ночи она воровато пробиралась за лавочек, как пробирались они вместе при первой встрече. Но в

этот раз он сам первый на нее твякнул: ведь теперь она была для него чужая собака, враг. И на его лай сейчас же со всех сторон бежались тощие базарные псы и пришел Бандит — прогнать непрощеную гостью.

Бандит был первым бойцом в стае. Он брал себе лучшие куски, но и защищал свою стаю от набегов бродячих и дворовых собак.

Тайкиному щенку ладно жилось в стае. Собак своей стаи, — если не считать безжалостного Бандита, — он не боялся. Он быстро вырастал, и многим слабым псам уже мог дать хороший отпор. Псы посильней, бывало, трепали его в драке. Но он отлично понимал, что делают это они больше для острастки. Достаточно бывало ему выкинуть сигнал — с д а ю с ь! — то есть опрокинуться на спину и поднять кверху все четыре лапы, — чтобы самый сердитый пес, постояв над ним минутку, мирно от него отошел.

Другое дело — люди: они не признавали над собой никаких законов и не знали жалости. Чем больше сталкивался с ними щенок, тем непонятней они для него становились. То какой-нибудь прохожий ни с того ни с сего больно пнет его ногой, то мальчишки начнут швырять камнями.

Ни разу не встретил он Тайки, и образ ласковой маленькой хозяйки мало-помалу стал стираться в его памяти.

Он больше не доверял людям, стал бояться и ненавидеть их.

ГЛАВА III

Схватка

Прошел год. У собак рождались щенки. Базарная стая росла. Вожаком ее по-прежнему оставался Бандит.

Городские псы все чаще делали набеги на базар, все дружней и лютей отбивала их нападения стая. Больше всех лютовал Бандит: если чужой пес не сразу пускался в бегство, Бандит опрокидывал его и загрызал насмерть.

Беспризорники, сновавшие по базару, видели эти драки. Бандит, ни разу не потерпевший поражения, стал у них героем. Не любил его один Садрейка, татарчонок. Когда затевалась драка, он всегда ставил против Бандита. И всегда проигрывал.

— Нечисто дело, — говорил он товарищам. — Бандит не силой берет, не ловкостью. Ему такой фарт, будто у него талисман.

И вправду, из города приходили бывало псы еще здоровей Бандита. Случалось даже, они опрокидывали базарного вожака на землю и уж хватали его за горло, чтобы совсем прикончить. Но каким-то чудом Бандит, весь израненный и окровавленный, вскакивал на ноги и так злобно накидывался на противника, что тот отступал.

Товарищи смеялись над Садрейкой.

— Талисманов нынче нет, — говорили они. — Бандит первый боец в городе. Любого пса уберет, хоть сам приведи ему на потеху.

— И приведу! — сердито отворачивался Садрейка.

Крепко, как заноза, застряла у него в голове мысль стравить с

Бандитом такого пса, что справился бы с непобедимым вожак. Зорко стал присматриваться Садрейка к встречным псам. В конце концов, его выбор пал на одного из молодых псов базарной стаи — серого волкодава¹.

Лучше трудно было найти противника Бандиту во всем городе. Кончики лохматых ушей пса свисали вниз, выдавая в нем породистую степную овчарку. Совсем еще молодой, он ростом уже не уступал Бандиту, а грудью был даже пошире. Его страшным клыкам мог бы позавидовать матерый волк.

Длинная шерсть, курчавясь на груди и боках, не скрывала бурами вздымавшихся под кожей мускулов.

У светло-серого волкодава голова была черна, как в саже вымазанная. За нее Садрейка и дал волкодаву прозвище Карабаш². Только разве по этой голове, словно приставленной псу от другой собаки, Тайка и могла бы теперь признать своего дружка: так вырос когда-то вскормленный ею щенок-подкидыш.

Трудная задача встала перед Садрейкой: ведь Карабаш был пес из стаи и ему в голову не приходило ощерить клыки на своего вожака. Однако и страха большого молодой волкодав перед Бандитом не выказывал. Это давало Садрейке надежду.

Он стал прикармливать Карабаша: каждый день на площади делился с ним своим скудным завтраком маленького нищего. Подходили другие псы, Садрейка их отгонял.

И скоро Карабаш стал считать своим правом получать ежедневно в полдень кусок хлеба или мяса из рук мальчика.

Тогда Садрейка велел своим товарищам помоложе привести Бандита на площадь в назначенный час. Мальчишки нашли вожака и приманили его кусочками хлеба. Это было в полдень — Карабаш как раз ждал своего завтрака.

Садрейка кинул ему большой мосол на глазах у Бандита. Карабаш поймал подачку на лету и стал грызть. Бандит подошел, оттолкнул его и завладел куском.

Карабаш заворчал, но кинуться на вожака не посмел. На помощь ему пришли мальчишки.

— Вззы! Вззы! — науськивали они, показывая на Бандита.

Этот звук возбуждал Карабаша. Его рычанье становилось все громче, мускулы сами собой напряглись, шерсть на спине поднималась.

— Рррр! Вззы! — подзадоривали мальчишки, подражая kloкoтaвшeму в его горле рычанью.

— Айда! — громко вскрикнул вдруг Садрейка, и возглас этот хлестнул Карабаша как плетью. Пес прыгнул и вцепился в волосатый загривок вожака.

То было неслыханным нарушением закона стаи. Бандит мгновенно пришел в ярость, рванулся и стряхнул с себя Карабаша.

Карабаш отскочил, но не побежал, а грудью и зубами встретил врага. Мальчишки свистели и улюлюкали.

Карабаш был снова отброшен в сторону, но его зубы в кровь рассекли губу и щеку Бандита.

¹ Волкодавами называют крупных овчарок.

² К а р а - б а ш — по-татарски — черная голова.

— Кончай его, кончай! — кричал Садрейка.

Кудлатая морда Бандита покрылась кровью. Бандит осатанел. Он ринулся с такой силой, что сам не удержался на ногах и вместе с Карабашем покатился по земле. Псы сплелись в один большой рычащий ком черно-серой шерсти.

Несколько мгновений невозможно было уследить, кто наверху, кто внизу. Потом Карабаш — весь окровавленный — вскочил на ноги. На левом плече его чернела большая рана. Это, однако, не помешало ему еще раз прыгнуть: Бандит, поднимаясь, открыл горло.

— Готов! — крикнул Садрейка. Он видел, как челюсти Карабаша сомкнулись на горле Бандита. Но в тот же миг Карабаш с болезненным воем отскочил в сторону, повернулся и словно слепой помчался прямо на толпу перепуганных мальчишек. Бандит был уже на ногах и кинулся за ним.

Толпа рассыпалась: псы, вздымая пыль, пронеслись через широкую площадь и исчезли за домами.

Бандит вернулся на базар через час. Язык вывалился из его окровавленной пасти. Дыша тяжело и хрипло, он прошел мимо притихших мальчишек и устало опустился на землю. Карабаш с этого дня больше на базаре не показывался. Садрейка опять проиграл.

Карабаш счастливо спасся от разъяренного жоака. У Бандита было плохое чутье и, потеряв быстрого беглеца из виду за углом улицы, он скоро сбился со следа.

Теперь Карабаш не мог вернуться в стаю: раненого и ослабшего, Бандит сейчас же прикончил бы его. Карабаш стал бездомным бродягой.

Таких бездомных псов-одиночек много бродило по улицам. Они не собирались в стаи, не признавали никаких законов, кроме закона силы, жили воровством и грызлись друг с другом и с дворовыми собаками.

В первые же дни Карабаш испытал на себе все трудности такого житья. Прячась и оглядываясь, он пробирался на задворки, рассчитывая там на помойках утолить голод. Но в каждом дворе были свои собаки, и они охраняли даже хозяйские отбросы. Неписанный закон — твое и мое — силен среди собак, хозяйские псы не подпускали чужих к своим дворам.

Людам и в голову не приходило бросить кусок бездомному псу.

С каждым днем Карабаш терял силы от голода. Он теперь жил у городской свалки, куда подводами свозили со дворов всякий мусор. Тут удавалось иногда раскопать обсосанные рыбы кости, куски перепрелой кожи, иссохшие мослы, кое-как еще пригодные в пищу. Но каждый кусок приходилось брать с бою, на все стороны отбиваясь от собиравшихся на свалку псов-бродяг. К счастью для Карабаша, все это были такие же, как он, обессиленные голодом и болезнями псы, и ни один из них не мог сравняться с ним ни ростом, ни смелостью. Не раз он ловил на себе их жадные, нетерпеливые взгляды, когда где-нибудь в укромном уголкелизывал свою рану. В рану попала грязь, плечо распухло и болело. Псы-бродяги видели, что Карабаш болен, и ждали только часа, когда он совсем обессилит, чтобы наброситься на него и разорвать.

Раз на свалку пришел, громыхая цепью Бандит. Карабаш

увидал его первый, скользнул за кучу мусора и побежал. Ему показалось, что Бандит кинулся за ним.

Никогда еще Карабаш не испытывал такого страха. Ни разу не оглянувшись, он добежал до ближайшего дома, свернул в улицу — и стал кружить по городу, стараясь запутать свои следы. Он хорошо знал, что не справится с Бандитом. Он знал теперь то, о чем смутно догадывался Садрейка: знал, какой талисман защищал Бандита от смерти. Бандиту можно было искушать все тело, но это — не смертельные раны. Смертельную рану противнику собаки наносят в горло. А горло-то и было защищено у Бандита его талисманом — обрывком толстой железной цепи, против которой бессильны самые крепкие зубы.

Карабаш бежал и бежал, пока не выбился из сил.

Он провел эту ночь на краю города.

Утром он принялся разыскивать себе пищу. Скоро он увидел высокий плетень на яру, одинокую избушку за ним — и смело вошел в калитку, отогнав залаявшую на него собачонку. На дворе он сразу почувствовал себя, как дома.

Хозяева спали еще. Он нашел под крыльцом плошку с остатками чьей-то еды, съел их и спокойно разлегся на крыльце.

Хозяйская собачонка прыгала кругом него и заливалась возмущенным лаем: как смел этот чужой пес ворваться в ее владения и съесть ее обед! Послышалась возня в избе. Дверь открылась, — и Карабаш с радостным визгом кинулся на грудь показавшейся на пороге женщины.

Женщина взвизгнула, и дверь захлопнулась. Пес был оглушен и перепуган не меньше хозяйки: ведь это была совсем не та женщина, которую он ждал увидеть. Та была худая и бледная, эта — краснощекая, толстая, и от нее не пахло сырým запахом стирки.

Но Карабаш не ушел. Он остался ждать, когда выйдут настоящие хозяева дома. Он бегал по двору, обнюхивал землю и постройки, — искал запах маленьких детских следов, пока не открылось окно и рука толстухи не плеснула в него кипятком. Как огнем ожгло ему задние ноги, и он закружился на месте, стараясь лизнуть их языком.

— Завертелся! Не любишь! — кричала толстуха из окна. — Другой раз не придешь!

Но Карабаш и не отходил далеко от знакомой избушки. Какая-то сила притягивала его сюда и преодолевала в нем страх. Как только ему удавалось немного утолить голод, он бежал к высокому плетню на яру и все нюхал, нюхал землю.

Тех следов, что искал, он не находил. Только раз он почувал в заросшей бурьяном канаве памятный ему запах. Он кинулся в траву — и вытащил тряпичную куклу. Скуля и подвывая, пес долго лизал ее и легонько, ласково тербил зубами, пока ветхие, истлевшие от сырости тряпки не расплозлись по ниточкам.

Гонимый тоской и голодом, он снова пробрался к знакомой избе. Хозяйская собачонка не выдала его своим противным лаем: она куда-то отлучилась со двора.

На открытом окне стояла тарелка. От нее шел пар, и валил такой

вкусный запах, что у голодного пса свело кишки. Хозяйка гремела чем-то у плиты.

Карабаш подкрался к окну, одной здоровой передней лапой оттолкнулся от земли — и зубами схватил кусок жареного мяса.

Треск опрокинутой тарелки слился с криком хозяйки. Пес отпрянул. Но раньше чем он успел доковылять до калитки, на ходу заглатывая добычу, толстая женщина выскочила и погналась за ним, размахивая ухватом.

Карабаш выбежал на улицу, но не успел пробежать и десяти шагов, как разом остановился: погромыхивая цепью, шел ему навстречу Бандит.

Псы заметили друг друга одновременно. Бандит кинулся вперед. Карабаш повернул — и ткнулся прямо в ноги настигавшей его женщине. Толстуха взвизгнула и во весь рост растянулась на земле, чуть не задавив собой пса. Карабаш метнулся во двор. Бандит оказался в раскрытой настежь калитке. Тогда Карабаш разбежался и прыгнул через плетень.

Плетень стоял на самом краю яра. Яр был высок и крут. Внизу бежала река.

Карабаш ударился боком обо что-то твердое, подскочил — и пошел чесать по круче спиной, грудью, боками, пока не докатился до самого низу.

Вода всплеснула у него над головой, и он не слышал, как лаял наверху Бандит.

ГЛАВА IV

Встреча

Шел месяц за месяцем. На базаре давно забыли Карабаша. Садрейка видел еще две драки Бандита и разгадал наконец тайну его побед. Он собрал товарищей и сообщил им, что завтра доставит такого зверя, который в два счета уложит Бандита.

Ночью выпал снег — уже не первый в тот год.

Утром Садрейка явился с большим мешком за спиной. В мешке что-то ворочалось и сердито урчало. Мальчишки старались разгадать, кого принес Садрейка, но тот отмалчивался.

Пошли за Бандитом. Как только пес показался, Садрейка развязал мешок на середине площади и вытряс из него зверя прямо в снег.

Зверем оказался большой сибирский кот с широкими лапами, густой бурой шерстью и злыми зелеными глазами. Упав в снег, он сейчас же вскочил на лапы, отряхнулся, зажмурился — снег ослепительно искрился на солнце — и поднял хвост трубой.

Мальчишки смеялись: хоть и велик кот, но куда ему до Бандита! Садрейка молчал: у него был свой расчет. Только бы сравнить пса с котом — кот не станет кидаться врагу на горло, а выцарапает ему глаза.

Но стравливать Бандита с котом не пришлось: Бандит сам

кинулся на него. Кот широкими прыжками пустился от него через площадь. Успей он достичь ближней лавки — и псу не достать его.

Бандит помчался наперерез. Услыхав, что пес догоняет его, кот остановился, повернулся и выгнул спину.

И вдруг пес на всем бегу свернул. Через мгновение кот и Бандит мчались в разные стороны.

Там, куда несся Бандит, одна за другой вышли из-за лавочек две крупные серые овчарки. Бандит бросил кота, чтобы расправиться с ними.

Передняя овчарка остановилась и спокойно оглянулась на свою подругу, словно не замечая, какое чудовище на них мчится.

— Карабаш! — пронзительно крикнул Садрейка.

Ошибки быть не могло: у передней овчарки голова была точно в саже вымазанная.

Бандит был уже близко. Карабаш сморщил верхнюю губу и молча показал зубы. Густая шерсть у него на загривке поднялась, и он весь сразу точно вырос.

Бандит ринулся на него — грудью сшибить с ног. Но Карабаш легко отскочил, и Бандит скользнул мимо него по снегу на вытянутых лапах.

Бандит был дворнягой и дрался как дворняга: вернувшись, он вскинулся и пал врагу на спину передними ногами. Карабаш неожиданно припал к земле — передние ноги противника скользнули ему по спине, — и снова выпрямился. Бандит кубарем полетел в снег, все четыре ноги его мелькнули в воздухе.

В тот же миг Карабаш быстро и точно полоснул его зубами по левой задней. Мальчишки вздрогнули от страшного воя Бандита.

Когда Бандиту удалось подняться, он не мог уже продолжать драку: сухожилия на его ноге были перерезаны, как ножом.

Карабаш не стал его преследовать.

Садрейка от восторга орал во весь голос. Скоро к нему присоединилась вся толпа мальчишек: теперь Карабаш стал их общим любимцем.

Вторая овчарка, не принимавшая участия в драке, подошла к Карабашу и ласково положила свою острую морду ему на спину. Шерсть на загривке волкодава опустилась.

* * *

Кто победил вожака, тот сам занимает его место. Так истари повелось у волков, так водится и у сбившихся в стаи собак.

После победы над Бандитом, Карабаш по праву стал вожаком базарной стаи.

Бандит не показывался больше на базаре. Он стал псом-бродягой. Хоть и хромой, он был еще так страшен, что от него разбежался весь собачий сброд, промышлявший на помойках и свалках. Во всем городе он боялся одного Карабаша.

Карабаша боялись все, даже люди. Самый отчаянный из безпризорников — Садрейка, и тот не решался подходить к нему близко.

Карабаш не лаял, не ворчал, только молча показывал зубы — и от него отскакивали все.

Он одичал за те несколько месяцев, что его не было в городе. Вот что случилось с ним после падения с яра.

Вынырнув, он заработал ногами и поплыл. Ему удалось переплыть широкую реку.

Нарыв на его плече лопнул еще во время прыжка через плетень. Чистые волны реки омыли рану. На той стороне реки он скоро нашел себе пищу: мышей, карбышей, зайцев, птичьи гнезда.

Он остался жить в степи. Тут быстро проснулись все врожденные его способности, дремавшие в городе. У него оказалось прекрасное чутье. Он очень скоро научился находить норки мышей и карбышей, скрадывать дичь против ветра, неслышно подкрадываться, распутывать хитрые петли зайцев.

В степи ему не раз пришлось драться с овчарками, охранявшими стада. Это у них он перенял прием, который помог ему победить Бандита: защищая свое горло, припасть мордой к земле и снова вскочить на лапы, когда противник этого меньше всего ожидает.

Охота отучила его лаять зря и без толку, колотить хвостом по траве и кустам: это только распугивало дичь. Заряд дроби, полученный им от случайно встреченного охотника, окончательно убедил его, что люди ему — враги. И уж он не задумался бы теперь перервать глотку тому, кто протянул бы руку к нему или к его добыче.

Не боялся он теперь и серого врага — волка: с двумя пришлось ему встретиться в разное время в степи, и обоих он одолел. Одичалый, он сам теперь стал похож на матерого волка и страшен стал людям как волк.

Любил он теперь на всем свете одну только свою серую подружку — овчарку.

Однажды, когда он только что догнал и задушил зайца, она выползла из кустов тощая, вся исполосованная плетьюми. Голодными глазами она впилась в убитого зайца и униженно виляла хвостом. Карабаш бросился было на нее, но она опрокинулась на спину, выкинула сигнал — «сдаюсь!»

Он не был голоден и скоро подпустил ее к зайцу. Поев, она пошла за Карабашем, и больше уже они не расставались: вдвоем охотиться оказалось удобней.

Потом подошла зима. Птиц стало мало, мыши скрылись под землю, трава полегла и покрылась снегом. Добывать пищу охотой стало трудно. Вместе с подругой Карабаш перешел реку по льду и вернулся на базар.

Тут они вырыли себе нору, жилось им сытно. И непонятно, с какой тоски в лунные зимние ночи, Карабаш выходил на площадь, поднимал к небу черную морду и выл протяжно и жалобно. Чем-то отличался его вой от жуткого волчьего воя. Была ли в нем тоска по снежным просторам степей? Или тоскливое воспоминание о человеке-хозяине, о нежных детских ручках, когда-то гладивших его лохматую голову, когда сам он был еще веселым маленьким щенком?

Уже началась весна, когда новое событие опять на новый лад повернуло спокойную жизнь Карабаша.

У серой подружки его родились щенята. Их было пятеро. Мать грела их в норе, почти из нее не вылезая, и никого, даже Карабаша, не подпускала к детям. Карабашу приходилось теперь доставать пищу и для себя и для нее. Первое, что ему удавалось добыть, он всегда приносил ей, клал у входа в нору и тогда только бежал прослыть что-нибудь и себе на обед.

Воровать он не воровал, но когда однажды тучный торговец попробовал палкой отбить у него упавший с прилавка крендель, Карабаш зубами вырвал у него палку из рук и так рявкнул на торговца, что тот от страха едва ноги унес.

Скоро после этого на глазах того же торговца случилось неожиданное происшествие.

К лавке его подошла девчонка-нищенка. Она протянула руку и сказала:

— Толстый, дай хлебца?

Торговцу не понравилось, как она просила: он привык, чтобы ему кланялись и вымаливали униженно.

— Развелось тут вас! — крикнул он зычно. — Пшла вон, воровка!

— Я у тебя воровала? — задиристо огрызнулась девочка. — Жалко кусочка? Вон у тебя сколько калача.

— Есть, да не про твою честь! Проходи, проходи, рвань! Я вот тебе!..

— Обожди, толстопузый! — отскакивая, пригрозила девчонка. — Умрешь — черви тебя съедят!

— Ах, ты!.. — начал было разозленный торговец, но осекся: заметил пробежавшего мимо Карабаша. В голове торговца мелькнула злая мысль. Он схватил со стойки кусок калача и кинул его псу.

— На вот! Видала: псу дам, а ты слюни глотай!

Калач упал перед носом Карабаша.

Одним прыжком девочка была рядом и как крикнет:

— Не смей!

Волкодав, уже разинувший было пасть, так и сел на задние ноги. Страшные зубы его щёлкнули в пустом воздухе.

Девочка протянула руку и подняла калач.

— А ты видал, жадюга: пес-то добрей тебя! — крикнула она оторопевшему от удивления торговцу. Он никак не мог понять, почему грозный волкодав не оторвет у девчонки свою добычу вместе с пальцами. Наклонив голову набок, по-щенячьи опустив одно ухо, пес всем своим видом выражал растерянность и смущение.

Девочка внимательно на него посмотрела, оторвала от калача кусочек, кинула псу и крикнула:

— Бери!

Карабаш сорвался с места и схватил кусочек.

— Ты — мой щенуша! — уверенно сказала нищенка и смело положила ему руку на голову.

Громадный пес вдруг поднялся на задние лапы, передними пал ей на плечи и, взвизгнув, лизнул в лицо.

Так нечаянно Карабаш нашел свою хозяйку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Тревога

Лунной летней ночью все население степного городка было взбудоражено неистовым многоголосым лаем. Злые сторожевые псы рвались с цепей. Шавки-пустобрёшки, визжа, высовывались из подворотень, готовые, в случае чего, сейчас же нырнуть назад во двор.

Собаки точно обезумели. С улицы в улицу, из квартала в квартал перелетало это безумие, широкой волной мчалось от одной окраины к другой. В несколько минут им был охвачен весь город.

От собак оно передалось другим животным. Ржали лошади, бились в стойлах, копытами в щепки кроша доски. Скрипуче ревели верблюды. Деревянными голосами кричали ишаки, мычали коровы, куры с кудахтаньем хлопали крыльями. Даже кошки в домах задирали хвосты, воинственно выгибали спины, готовясь ринуться на невидимого врага.

Люди вскакивали с постелей, в чем были бежали на двор. Их оглушал неистовый рев и крик. Хозяева кидались к своим животным. Но даже всегда спокойные коровы никого не подпускали к себе. Они бесновались и бились, охваченные ужасом перед ведомой им опасностью. Люди были бессильны помочь им.

Многие из горожан говорили потом, что сами испытали в эти минуты необычайно жуткое чувство. Страх носился в темноте. Невозможно было понять, откуда грозит опасность, какая она? Но что опасность была близко, в этом не сомневался никто: слишком велик был ужас животных.

Вдруг в центре города раздалась торопливые револьверные выстрелы. Там волной вскинулся остервенелый собачий лай — и стремительно покатился по главной улице. А через несколько минут в конце ее кто-то гулко ухнул из большого охотничьего ружья.

Вскоре после этого дикий хаос лая, рева, мычанья стал заметно утихать. Первыми успокоились коровы и верблюды, за ними — ишаки и лошади. Одни шавки-пустобрёшки, отважно теперь выскочив на улицу, долго еще брехали в пустую лунную мглу.

Люди до самого рассвета не расходились по домам. Кучками собирались они у ворот, полуодетые, взволнованно обсуждали странное ночное происшествие. В том захолустном городке жизнь протекала мирно, сонно, и всякое неожиданное событие было праздником.

Вести передавались из уст в уста, как по телефону. Через пять минут после выстрелов все уже знали, что так всполошило животных.

В город забежал волк.

В степи вокруг города волки совсем не были редкостью. У дальних хуторян и казахов они круглый год резали скотину. Зимой стаями приближались к окраинам. Но с самого того времени, когда после голода горожане снова обзавелись овчарками, ни разу не было, чтобы волк летом, да еще в одиночку, осмелился ворваться в город.

На городских улицах волка ждала верная смерть. Горожане недоумевали: что могло заставить осторожного зверя покинуть степь?

Причиной тому — это всем было ясно — не мог быть голод: летом в степи много добычи всякому зверю.

Еще больше поразило воображение жителей, что волк остался невредим. Он отбилсЯ от всех собак. Трое милиционеров и один охотник стреляли в него, но безуспешно. По прямой, как стрела, главной улице зверь пересек весь город и ушел в степь.

Наконец совсем ошеломили граждан подробности встречи с волком самого вожака базарной стаи — Карабаша. Об этой встрече в один голос рассказывали двое очевидцев — ночные сторожа. Волк пробежал мимо них, но они, вооруженные одними колотушками, не решились его остановить.

«За волком, — рассказывали сторожа, — целой оравой гнались собаки. То одна, то другая из них нагоняла его и набрасывалась. Но зверь оборачивался, быстро — куда попало — наносил собаке удар зубами — и прибавлял ходу. А раненая собака с воем отставала и больше уж не кидалась на него».

Сторожа видели, как впереди волка выметнулся из-за угла Карабаш, и решили, что теперь-то уж зверю пришел конец: громадный волкодав ринулся ему навстречу и загородил путь. Однако волк и не думал сворачивать — бежал прямо. И когда он был уже в нескольких шагах от пса, Карабаш вдруг круто повернул и отскочил в сторону. Он пропустил мимо себя зверя, даже не сделав попытки его остановить.

Ночь была очень светлая, сторожа действительно могли видеть все эти подробности. Не доверять их вполне согласным рассказам нельзя было. И вот, едва только весть о странном поступке Карабаша докатилась до окраин, оттуда пополз нелепый, жуткий слух.

Темные жители окраин шептались друг другу на ухо, что пес отступил не зря: волк-де был не простой. А одна древняя старуха-знахарка — бабка Секлетей — так прямо во всеуслышание заявила, что совсем это не волк был, а нечистая сила. И тут же, хрипя и кашляя, старуха изрекла темное пророчество: — Быть над городом беде!

В центре города люди образованные встретили суеверный бред старухи смехом и шутками, да так посмеявшись, скоро и забыли ту тревожную ночь и волка.

Жизнь города вошла в привычную колею, опять потекла спокойно, однообразно и скучно.

* * *

Во всем городе одна только Тайка долго не могла забыть странного поступка Карабаша.

Случайная встреча с лохматым другом на базаре была для нее большой радостью. Теперь девочка почти не расставалась с ним.

Скоро после того, как Тайка потеряла своего щенка, на нее с матерью посыпались несчастья. Избу пришлось продать. Денег хватило не надолго. Потом пошли по миру: матери становилось все хуже, она уже не могла работать. Весной мать свалилась на улице и больше не встала.

Тайку из милости взяли к себе дальние родственники. Они плохо обращались с сиротой. Ей часто доставались тумаки, пощечины и попреки, что она даром ест чужой хлеб.

Тайка была непокорная и смелая девочка.

Она убежала от родственников и стала жить одна.

По дворам подавали плохо. Нередко приходилось ей засыпать голодной, притулившись где-нибудь в развалинах старых домов. На базаре беспризорникам жилось сытней. Но там хозяйничала артель Садрейки. Садрейка девчонок не любил за то, что ревут и воровать не хотят, в артель свою их не принимал и с базара гнал. Тайке удавалось пробираться на базар тайком от мальчишек.

Так было, пока Тайка не встретилась с Карабашем. С этого дня разом все изменилось. При нем никто не смел ее пальцем тронуть: волкодава мальчишки боялись как огня. На задах у лавочек Тайка устроила себе домик из пустых ящиков и поселилась на базаре. Она быстро обучила Карабаша тем фокусам, которые он знал щенком: «служить», держать кусочек хлеба на носу, ходить на задних лапах. Она заставляла его проделывать эти фокусы перед базарной толпой — и люди охотно кидали ей медяки: им нравилось, что громадный и страшный пес так послушен маленькой девочке.

Тайка всегда теперь была сыта сама и досыта кормила Карабаша и его подругу — серую овчарку. Овчарка скоро тоже привыкла к ней и даже подпускала ее к слепым еще своим щенятам.

Щенков было пять. Один из них больше всего нравился Тайке: у него была такая же большая темная голова на сером теле, как у Карабаша. Чуть у него прорезались глаза, он стал уже играть, и Тайка часами возилась с ним.

Лето стояло жаркое, дожди выпадали редко. В домишке из ящиков хорошо было бы жить Тайке, если б не страх: она боялась милиции.

Беспризорникам часто приходилось удирать от милиционеров. Тайка им ни разу еще не попадалась, но от мальчишек слышала, что взрослых они запирают в тюрьму, а ребят — в детдом. Что такое детдом, она хорошенько не знала. Мальчишки рассказывали, что оттуда не вырвешься. Там, говорили, заставляют вставать, ложиться, есть по звонку, мести и мыть полы, мыться самим. Не дают ни драться, ни курить, ни купаться, когда захочется, и велют работать.

Больше милиционеров Тайка боялась только бесов. Бесов она никогда не видала, но много слышала о них от других беспризорников. Теперь, когда кормильцем и защитником ее стал Карабаш, Садрейка принял ее в свою артель. Каждый вечер беспризорники собирались под крышей у больших базарных весов.

Садрейка был мастер рассказывать про страшное. Он был грамотный, выменивал у одной базарной тетки книжки на ворованные вещи и пересказывал их ребятам. У тетки все книжки были про нечистую силу, колдунов, талисманы и клады.

Садрейка знался и с бабкой Секлетеей, знахаркой: она давала ему иногда какие-то таинственные поручения. От него Тайка и услышала зловещее предсказанье старухи, что над городом стрясется беда. Садрейка толковал ребятам, что бес, прибежавший в волчьей шкуре, еще вернется в город и тогда начнется. Что начнется — Садрейка не говорил, но от этого было только еще страшней.

И часто, засыпая в домике из ящиков, Тайка прислушивалась к ночным звукам: не началось ли уже в городе?

Лето перевалило уже за половину, когда над городом действительно стряслась беда.

Началось с базара.

Раз вечером беспризорники по привычке собирались у весов. Пришла и Тайка. Долго ждали Садрейку. Взошла уже луна, а его все не было. Наконец из мгlistой тьмы показалась его сухая, перехваченная ремнем фигура. Он шел через площадь шатаясь. Лицо у него было совсем белое. Садрейка подошел к весам и молча опустил на землю. На вопросы он не отвечал и скоро заснул.

Ребята сбились в тесный кружок и начали свои рассказы под Садрейкин храп. Вдруг храп оборвался, Садрейка вскрикнул и вскочил на ноги. Глаза его горели. Отбиваясь руками и ногами, он кому-то кричал:

— Джок! джок!¹ Сгинь! — хотя никого рядом с ним не было.

Припадок длился несколько минут, и ребята порядком струхнули.

Наконец Садрейка снова повалился на землю. Он очнулся и тихим голосом стал жаловаться, что ему снятся страшные сны, что кто-то и сейчас давит ему на грудь. Он глубоко и трудно вбирал в себя воздух и порывисто, толчками выпускал его из себя и вдруг вскрикивал раз, и два, и три. Ребята не решались подойти к нему; боялись и расходиться по своим логовам.

Через час Садрейка попросил пить. Тайка сбегала на речку с кружкой. Садрейка набрал полный рот воды и хотел глотнуть, но судорога пробежала у него по лицу, глаза выкатились. Он поспешно выплюнул воду и оттолкнул от себя кружку. У него опять начался припадок. Придя в себя, Садрейка горько расплакался и стал просить сходить за бабкой Секлетеей.

Побежали за бабкой. Она пришла, ругаясь.

Тайка видела ее в первый раз. Бабка Секлетее оказалась низенькой, сгорбленной старухой. На ней был черный платок, покрывавший ее с головы до ног. Все лицо избородили морщины, толстый, бурый нос качался на нем, как курдюк², и блестели пьяные глазки.

Знахарка присела у голых до колен, исцарапанных и грязных ног Садрейки и велела принести ей ковш воды. Когда Тайка протянула ковш, старуха схватила ее за руку и начала бормотать. Тайка стояла ни жива ни мертва. Она слышала каждое слово колдуньи. Слова эти были ей непонятны и страшны.

— На море, на окияне, на острове на Буяне, — бормотала старуха, — стоит крута гора Сион-Матушка, на крутой горе растет дуб-стародуб, под тем дубом-стародубом лежит цепь железная, обвита вокруг дуба, к этой цепи привязан старый бес, собака. Ой ты, собака, старый бес, унимай свой лютый гнев, свою ярость, свой кусачий зуб!

¹ Д ж о к — по-казахски — нет.

² К у р д ю к — толстый, жирный хвост особой породы овец.

Если кусишь раба божия Садрейку в белое тело, пустишь свою черную слинь в горячую кровь, то сам и уймешь, всякую болезнь выгонишь, а ежели не уймешь своего кусачего зуба, то приду к тебе я, раба божия Секлетя, с жезлом стальным, с билом железным изгоню...

Старуха не успела закончить: Садрейка ногой вышиб у ней из рук ковш, закричал и забился в судорогах.

Бабка проворно отскочила.

— Силён бес, силён! — заговорила она, сама, видно, жестоко перетрусив, и, крестясь и отплевываясь, стала пятиться в темноту.

Никто не решился ее остановить, спросить, как быть с больным. Под утро ребята, больше всего боявшиеся, что Садрейку увидят милиционеры, решили спрятать его с глаз. Они перетащили больного в избу с провалившейся крышей. Дверь снаружи приперли колом. По двое и по трое дежурили около избы и поглядывали в щелки.

Весь следующий день Садрейка был в диком возбуждении. Он без умолку говорил о чертях, колдуньях, волках и собаках, поминутно просил пить, но с ужасом отталкивал от себя кружку, задыхался и вскрикивал. Тайке казалось, что уж там, в избе, теперь не человек, а зверь или бес. К вечеру речь его стала совсем бессвязной, отрывистой, голос хриплым. Он кидался на стены, падал, скреб землю ногтями, рвал на себе рубаху и царапал тело. Кровавая слюна бежала у него изо рта, глаза стали неподвижны, он выл и щелкал зубами.

Наконец Садрейка свалился на пол и остался лежать без движения, изредка лишь вздрагивая, бормоча и вскрикивая. Еще через полчаса он затих совсем.

Ночью Тайка видела, как люди в белых халатах вынесли его из развалившейся избушки, положили на телегу и куда-то увезли.

* * *

Не прошло и месяца со дня гибели Садрейки, как вся жизнь вокруг Тайки изменилась.

Мирный городок стал неузнаваем. Двери во всех домах закрылись, улицы опустели. Детей совсем не было видно. Взрослые ходили с палками, поминутно оглядываясь.

Базар превратился в пустыню, лавки стояли заколоченные.

Карабаш неожиданно куда-то исчез вместе с овчаркой и ее щенками.

Снова голодная, Тайка бродила по городу, выпрашивая милостыню. Часто теперь ей приходилось помогать забивать дыры в заборах, заваливать собачьи лазейки. За это давали ей кусочки хлеба.

Странные разговоры слышала Тайка в эти дни, странные видела картины.

Приезжие крестьяне прямо на улицах продавали с телег овощи, мясо, крупу. Около телег кучками собирались хозяйки. Но стоило только поблизости тявкнуть собачонке, как женщины с криком разбегались по домам.

— Ну, как? — с тревогой спрашивал сосед у соседа через плетень. — Ничего не чувствуете?

— Ничего будто. Доктор говорит: вовремя захватили. Свинья вот у меня чего-то...

— Убейте, сейчас же убейте!

— Да может, обойдется. Нельзя же так, не разобравши.

— Не желаете? Сегодня же заявлю на вас!

— Ах, так! Тогда я на вашу корову заявлю!

И соседи, всю жизнь прожившие в мире, ссорились.

С утра до ночи по улицам разъезжали телеги с большими железными клетками. В клетках бились, выли, грызлись друг с другом всевозможных пород собаки. Каждую такую телегу сопровождало двое здоровых парней, вооруженных длинными железными щипцами и палками.

Бродячие собаки при виде их разбегались. Собачары, оставив клетку посреди дороги, бросались за ними. Загнав пса в тупик, они хватили его щипцами за горло, за ногу, за что попало, волокли к телеге и кидали в клетку. Когда клетка наполнялась, собак везли за город — и там убивали.

Собак в городе было множество, и им была объявлена беспощадная война.

Тайке чудилось: нечистая сила носилась по городу, превращает дома в крепости, улицы и площади в поле битвы, сеет страх и вражду среди людей. Тайке всюду мерещились бесы.

Кругом только и говорили о бешенстве. Все в городе знали теперь, что пробежавший по главной улице волк был бешеным. Он искусал много собак. От его ядовитой слюны, попавшей в кровь, заболели собаки. Они кидались на людей, на собак, кошек и других животных и заражали их страшным ядом бешенства.

Врачи проглядели опасность, не приняли вовремя мер. Уже взбесилось и умерло несколько человек. Взбесилось много собак, несколько свиней, кошек, коров и лошадей.

Были изданы строгие приказы: всем укушенным людям являться на прививку; всех подозрительных животных доставлять в лечебницы. Врачи исследовали там кровь животных и, если находили болезнь, сейчас же убивали их. А из центра пришло распоряжение немедленно уничтожить всех бродячих собак в городе.

Жить на улице в такое время было страшно. Сколько раз уж Тайка хотела сама подойти к милиционеру, чтобы он отвел ее в детдом. «Лучше сидеть в детдоме, — рассуждала она, — чем каждую минуту riskовать встретиться с бешеным животным».

Но каждый раз Тайку удерживала мысль о Карабаше. Тайка была уверена, что он не дался в руки собачарам. Их чужая издали даже собаки с неважным чутьем. Карабаш, верно, потому и бежал с базара, что там устраивали облавы на собак. Он, верно, бродит теперь где-нибудь на окраине. Попадешь в детдом — и уже никогда больше не увидишь его и маленького черноголового щенка.

И Тайка решила во что бы то ни стало разыскать своих пропавших друзей.

Беглецы

Тайка жила теперь на чердаке заброшенного дома. Спать на улице было опасно: по ночам, когда собачары переставали ездить со своими щипцами и клетками, из всех углов и закоулков вылезали на улицу собаки.

Тайка подумала, что и Карабаш, верно, прячется где-нибудь днем, а ночью ищет себе еду. Она решила не спать ночь и поискать его по городу.

Как только смерклось, она спустилась со своего чердака.

Ночные улицы были пустынные. Кой-где только стояли на постах милиционеры.

Тайка, крадучись, обходила их.

Чем темнее становилось, тем чаще ей попадались собаки.

Они появлялись из тьмы неожиданно и быстро исчезали, заметив человека.

На перекрестках Тайка останавливалась и звала:

— Карабаш! Карабаш!

Ее голос разносился далеко по безмолвным улицам и замирал в темноте.

Ей становилось жутко: вдруг из темной пустоты появится не Карабаш, а бешеный пес — бросится на нее. Тайка кидалась к забору, к высокому крыльцу, — прислушивалась. Но нигде не было слышно ничьих шагов, — и она шла дальше.

С трудом добралась она до окраины: страх утомил ее хуже тяжелой работы.

В темноте перед ней вызначилась большая мусорная куча — городская свалка. Слышно было: на куче кто-то возился и хрипло дышал.

— Карабаш! — тихонько позвала Тайка.

Послышался торопливый шорох множества разбегающихся в разные стороны ног. Потом все смолкло. Потом недалеко от Тайки раздался отрывистый хриплый лай. Судорожный лай перешел в тонкий, визгливый вой — такой жуткий, что Тайка повернулась и понеслась назад в город.

Она бежала, пока ноги не стали подгибаться под ней. Она почувствовала, что сейчас упадет — и остановилась. В голове стучало, но сквозь этот стук она услышала позади чьи-то быстрые шаги.

Рядом был забор. Тайка увидела в нем черную дырку, на четвереньках проскользнула в нее — и упала в траву.

Шаги пронесли мимо. Тайка не могла бы даже сказать, был это человек или пес.

Отдышавшись, она осмотрелась и скоро поняла, что попала на пустырь.

«Куда бы взобраться повыше, — подумала она. — Отдохну маленько и пойду».

Ей было мягко в траве. Она раскинула руки и закрыла глаза.

Быстро и незаметно ее одолел сон.

Тайка проснулась от легкого толчка. Что-то мягкое и мокрое ткнуло ее в ладонь. Тайка разом открыла глаза.

Было темно. Чье-то горячее, шумное дыханье обдало ей лицо. Тайка вскрикнула и вскочила на ноги.

Две сильные лапы ударили ее в грудь — и Тайка навзничь опрокинулась на траву. Чей-то горячий, ласковый язык лизнул ее по щеке.

— Карабашинька! — Тайка рукой охватила большую лохматую голову друга. Пес радостно взлаял.

Через пять минут они вылезли с пустыря на улицу. Луна вышла из-за облаков и осветила дома.

— Куда же мы пойдем, Карабашка? — спрашивала Тайка. — Ведь мне не втащить тебя на чердак.

Пес подскочил, лизнул ее в подбородок и побежал вперед.

— Не туда, не туда! — смеялась Тайка. — За мной иди.

Она сделала несколько шагов в сторону. Пес тьякнул. Он уселся на задние лапы и всем своим видом показывал, что не хочет идти за ней.

— Иди же, иди сюда! — звала Тайка.

Но пес вскочил, отбежал еще немного и опять сел.

— Ишь какой! — удивилась Тайка. — Хочешь, чтобы я за тобой шла?

Карабаш нетерпеливо тьякал.

Но когда Тайка подошла к нему, он вскочил и побежал вперед, весело махая хвостом.

Скоро Тайка с удивлением заметила, что они подходят к реке. Показался мост. Тайка остановилась.

— Куда же ты? Я боюсь в степь!

Карабаш затыкал, подбежал к ней, опять пустился вперед, минутно оглядываясь. Он был уже на мосту.

«И правда, в степь! — подумала она. — Он хочет мне показать что-то».

Тайка решила.

Они перешли длинный, кое-как укрепленный на сваях мост, свернули в кусты и стали по ним удаляться от берега.

Шагали долго: прошли, верно, целую версту. Начинало уже светать.

Кусты кончились. И вдруг впереди, точно из-под земли выскочила собака, за ней другая, третья — целый десяток. С громким и звонким лаем они кинулись на Тайку.

Карабаш стал перед ней и заворчал, скаля зубы. Собаки остановились, уселись вокруг, не решаясь напасть.

Тайка боялась пошевеливаться. Она знала, что если пуститься бежать, собаки бросятся за ней и накинута.

Наконец одна из собак встала и пошла к Тайке, виляя хвостом. Тайка узнала ее, когда та подошла к ней совсем близко: это была серая овчарка, подруга Карабаша. Другие собаки перестали лаять.

Тайка погладила овчарку, и все втроем — Карабаш и овчарка по бокам, девочка посередине — тихонько двинулись вперед. Оказа-

лось, через несколько шагов начиналась балка — крутой песчаный овражек.

На той стороне его Тайка различила круглые темные пятна — норы. Она смело спустилась вниз. Под ноги ей подкатился мягкий шерстистый клубок. Тайка подняла его и принялась целовать: это был черноголовый щенок Карабаша — ее любимец.

* * *

Уже давно, как только пришел приказ об уничтожении всех бродячих собак в городе, на базаре была сделана облава. Из всей базарной стаи уцелело всего с десяток псов. Среди них был и Карабаш.

Он увел остатки своей стаи в степь. Беглецы отыскивали песчаный овражек, вырыли себе норы и поселились в них.

Люди не тревожили их здесь. Кругом были кусты, тут не пасли скот и не косили. Прежде сюда приходили горожанки — собирать ежевику и вороняшку. Но в тот тревожный год забыли о ягодах.

А ягод как раз был урожай. Тайке пришлось в голову собирать и продавать их в городе.

Она руками выкопала себе глубокую яму в песке и решила поселиться в ней, чтобы больше уже не расставаться с Карабашем. Другие собаки стаи живо привыкли к ней.

Ягоды в городе брали охотно, и Тайке жилось сытно. Уже началась осень, но дни стояли сухие, теплые, и спать в песчаной норе было ничуть не хуже, чем на чердаке под дырявой крышей.

Скоро Тайка пригляделась к собакам-беглецам. Стая жила дружно. Псы почти не грызлись друг с другом. Днем они охотились в степи; по ночам иногда бегали в город. Всякий жил сам по себе, но все слушались вожака.

Карабаш любил сидеть на краю оврага. Щенята возились у нор, взрослые псы отдыхали, развалившись на солнышке, а он сидел наверху как часовой, насторожив уши, носом всегда к ветру. Так же вот сидел он с Тайкой на яру, когда был еще щенком. Неясные звуки и запахи доносились из степи. Он прислушивался и принюхивался к ним, и Тайка верила, что он понимает каждый легкий шорох, и Тайка не боялась степи, когда он был рядом.

Карабаш действительно был хороший сторож. Едва далеко где-нибудь в степи показывался всадник или раздавалась песня пешехода, пес тихонько таявал, — и все собаки стаи сейчас же скрывались в норы. Если же он замечал в кустах зайца, он таявал другим голосом, собаки вскакивали на ноги — и вся стая мчалась к нему — загонять добычу.

Один раз Карабаш у Тайки на глазах спас стаю от большой опасности.

В тот день Тайка не пошла в город: у нее был запас еды. Все взрослые псы разбежались по кустам, осталась только небольшая рыжая дворняжка. Тайка играла с черноголовым щенком и не замечала ее, пока собачонка не вылезла из своей норы.

С собачонкой творилось что-то странное. Она то ложилась, то вскакивала на ноги, щелкала зубами в воздухе, точно ловила

невидимых мух, и без толку лаяла. Ее все что-то беспокоило, нигде она не находила себе места.

К полудню в овраг собралась вся стая. Пришел и Карабаш. Он сразу почуял, что с рыжей собачонкой что-то неладно, и зарычал на нее. К нему присоединились еще несколько больших псов. Они выстроились в ряд и, оскалив зубы, стали на нее наступать.

Тайке показалось, что они сейчас набросятся на маленькую дворняжку и разорвут ее. Схватив хворостину, девочка с криком бросилась между ними, но Карабаш так на нее тявкнул, что девочка отскочила в сторону.

Псы наступали на рыжую собачонку, но ни один из них не подходил к ней близко. Они теснили ее от нор к склону оврага. Собачонка медленно отступала задом, все время щелкая зубами.

Наконец она повернулась и быстро взобралась на склон. Псы кинулись за ней с лаем, прогнали в кусты.

В овраг рыжая собачонка больше не возвращалась. А через два дня Тайка, собирая ягоды, наткнулась в кустах далеко от оврага на ее скорченный труп. Собачонка умерла от бешенства.

Карабаш будто понимал, что и Тайке на каждом шагу грозит опасность. Он всюду ходил за ней: сопровождал ее, когда она бродила по кустам, провожал до самого моста, когда она отправлялась в город.

И Тайка с облегчением вздыхала, когда, распродав ягоды, она подходила наконец к мосту: верный друг всегда ждал ее возвращения в кустах на той стороне реки.

ГЛАВА IV

Подвиг

Был ясный осенний вечер.

С корзинкой, полной хлеба, Тайка возвращалась в степь. В тот день она натерпелась страху в городе.

Она переходила базарную площадь, когда за ней погнался милиционер. Среди широкой площади ей некуда было шмыгнуть и спрятаться. Она побежала, но длинноногий милиционер быстро ее настигал. Прохожие останавливались и глядели, смеялись, как ее ловят.

Вдруг один из них крикнул:

— Бешеная! Бешеная! — и все побежали в разные стороны.

Тайка даже не поняла сначала: думала, что это ее приняли за бешеную и от нее бегут. Но сзади раздался выстрел.

Оглянувшись, она увидела, что милиционер с револьвером в руке бежит совсем в другую сторону, а впереди него мчится, припадая на заднюю ногу, громадный черный пес с обрывком цепи на шее.

Тайка сообразила, в чем тут дело, и постаралась скорее скрыться в улицу. Она слышала еще несколько выстрелов, но милиционера больше уж не видала: погнавшись за бешеным псом, он, верно, забыл о ней.

Хоть она и счастливо избегала опасности, но чувствовала себя

разбитой усталостью и страхом. Она очень радовалась, добравшись наконец до моста. На мосту никого не было.

Но только она ступила на мост, как сзади себя услышала мерный лязг железа. Оглянулась: за ней бежал тот самый черный пес, в которого стрелял милиционер на площади. Тайка вскрикнула и бросилась бежать по мосту.

Она неслась как ветер. Ей оставалось уже меньше половины до берега, и вдруг она споткнулась. Падая, она попала ногой в щель между бревнами. Нога застряла в щели, как в капкане.

— Карабаш! — крикнула Тайка таким пронзительным голосом, что стая грачей, летевшая над мостом, шарахнулась в сторону.

Черный пес был уже близко. Голова его была низко опущена, на шее болтался, лязгая, обрывок ржавой цепи. Кудлатая морда была вся в крови и в пене.

Но Карабаш уже мчался на выручку. Он весь распластался в беге и вихрем пронесся мимо беспомощно барахтавшейся Тайки.

Псы сшиблись в каких-нибудь пяти шагах от нее. Тяжелое тело Карабаша с разгона откинуло черного пса к самому краю бревен. Яростная грызня длилась недолго: черный пес оступился — и полетел в реку.

Тайка освободила наконец ногу из щели, и собрала уж рассыпавшийся хлеб в корзину, а Карабаш все еще бегал по краю бревен и лаял на реку. Он видел, как голова Бандита скрылась под водой, показалась на миг, и опять скрылась — теперь уж совсем, — но все еще не мог успокоиться.

Уже темнело, когда Тайке удалось наконец оттащить его. Обе ноги ее были разбиты в кровь, и она еле дошла до оврага, опираясь на крепкую спину друга.

Карабаш спас Тайке жизнь. Этот подвиг не даром ему дался: Тайка видела кровь на его израненном плече. Черный пес отомстил за себя.

Тайка потеряла покой. Каждое утро она с тревогой вглядывалась в Карабаша: не начинает ли он беситься. Она с опаской прислушивалась к его лаю, приглядывалась ко всем его движениям: нет ли каких перемен?

Но дни проходили. Раны Карабаша зажили, а перемен в нем никаких не замечалось: пес был по-прежнему ласков и весел.

Прошла неделя, другая, — и Тайка совсем успокоилась. Другие заботы одолели ее.

Осень уже давала себя знать: начались дожди и холодные ветра. В степи стало плохо жить. К тому же ягод становилось все меньше, и Тайке с трудом удавалось набрать их в день по корзиночке. Тайка старалась теперь продавать ягоды подороже, чтобы хватало денег на еду. Она стала даже ходить на главные улицы, где жил народ побогаче, хотя на этих улицах чаще встречались милиционеры.

Раз она шла по совсем не знакомой ей улице и кричала, как всегда:

— Ежевики спелой, ежевики!

Впереди в двухэтажном каменном доме распахнулось окно.

Из него выглянула молодая женщина в белой косынке и крикнула Тайке:

— Зайди в ворота, девочка! Сейчас выйду.

Ворота оказались отперты. Тайка вошла в них и увидела во дворе целую толпу ребят. Все они были одинаково одеты и все стриженные — мальчики и девочки.

Ребята гонялись друг за другом, кричали и хохотали. Тайка решила, что это школа.

Две девочки подбежали к ней, принялись ее расспрашивать, перебивая друг друга:

— Ты откуда? К нам? Ягоды принесла? Дай мне ягодку? А играть с нами будешь? В пятнашки?

В тех домах, где Тайке приходилось до сих пор продавать ягоды, дети никогда не звали ее поиграть с ними. Ей сразу понравились эти девочки. Но она не решалась пойти побегать с ними и ответила:

— Куды тут с вами хороводиться! Вишь, ягоду принесла. Тетка велела.

— В белом платке? — заинтересовались девочки. — Это тетя Гера. Учительница наша. Она добрая! Ты поставь корзинку: она ничего не скажет.

— Поставишь! — отрезала Тайка. — Мальчишки враз стырят.

Девочки обиделись:

— Наши мальчики не воры, у нас все честные, даже которые прежде воровали.

Вышла учительница.

— Ну, сколько за все? — спросила она, улыбаясь. — Видишь, сколько нас? Нам много надо.

Только было Тайка открыла рот ответить ей, как увидела в воротах такое, что от страха у ней и язык отнялся.

Постукивая клюкой, шла во двор бабка Секлетая, а за ней шагал милиционер с большим револьвером.

— Стой! — скомандовал милиционер бабке и обратился к учительнице: — Бумажку вам закинуть, потом чтоб не вертаться.

Передал белый конверт, кивнул на бабку и добавил:

— Колдунью вот веду. Людей морочит: бесов наговорами изгоняет, доктором верить не велит.

Тайка опомнилась только, когда милиционер и старуха исчезли за воротами. Ребята обступили учительницу, пристали с расспросами. Молодая женщина объяснила им, что старуха пугает народ бесами, которых и на свете-то нет, берет с больных деньги, а лечить не лечит. Рассказала, что бешенство — это болезнь, и как зараза передается в слюне больного, попавшей в кровь здорового, и как научились доктора лечить людей от бешенства, делая им прививки.

Тайка слушала, раскрыв рот. Учительница говорила просто и спокойно, Тайка верила каждому ее слову. И страх ее перед нечистой силой как-то сам собой исчезал.

Потом учительница уплатила ей деньги и наказала заходить с ягодами почаще, хоть каждый день.

Тайка долго еще оставалась на дворе и смотрела на игры ребят.

В этот день, забравшись в свою песчаную нору, Тайка горько всплакнула: холодно и бесприютно показалось ей в степи одной среди собак.

Тайка заскучала по людям. То и дело ей вспоминался двор, полный веселых ребят, и приветливая их учительница. Голод уж не казался ей таким страшным.

Еще два раза носила она ягоды учительнице и успела подружиться с девочками. Она не говорила им, где живет, рассказала только, что дома у нее есть громадный лохматый волкодав и маленький щенок. Девочки ей завидовали, просили привести щенка; Тайка важно им отказывала, говорила: «Нельзя, тут у вас в городе его убьют». Учительница была с ней ласкова и расспрашивала про ее житье. Но Тайка отмалчивалась.

На Карабаша она мало теперь обращала внимания и очень удивилась, когда однажды утром он не пошел провожать ее в город.

Она вылезла из оврага и долго звала его, но он не откликнулся. Только случайно обернувшись, заметила кончик его морды, торчащей из норы.

— Ору, ору, а ты вон где! — рассердилась Тайка. — Вылазь! Карабаш неохотно вылез. Он смотрел на Тайку.

Его остекляневшие глаза неподвижно уставились в одну какую-то точку. Хвост висел тяжелым поленом.

— Что с тобой? — испугалась Тайка.

Пес даже не взглянул на нее.

Тайка побежала в город одна. Весь день ее мучила тревога. Вечером друг не встретил ее в кустах у моста.

Долго не могла она заснуть в ту ночь. Ее одолел страх. Лежа в своей норе с открытыми глазами, она смотрела, как над кустами поднималась полная луна. Ни звука не доносилось из степи. Взрослые собаки все куда-то разбежались — должно быть, в город; щенки спали. Только Карабаш по временам ворочался и глухо ворчал у себя в норе.

Тайкины глаза стали уже слипаться, когда она вдруг почувствовала, что кто-то крадется по дну оврага. Она осторожно взглянула.

Это был Карабаш.

Он не дошел до ее норы, остановился, насторожил уши, беспокойно оглядываясь. Потом сделал еще несколько шагов, повернул голову — и уставился прямо в глаза Тайке.

У Тайки захолонуло в груди. Стеклянные глаза волкодава смотрели сквозь нее. Они не видели. В них не было никакого выражения, они словно онемели.

Губы Карабаша медленно раздвигались, обнажая страшные волчьи зубы. Уши прижимались назад. Все тело пригнулось к земле, собралось, сжалось в ком.

Тайка прижалась к стене и с ужасом ждала прыжка.

Карабаш шагнул. Одна из передних ног его ступила на длинный сучок. Сучок взвился в воздух. Пес на лету перехватил его, переломил, кинулся на обломки, в щепки искрошил их зубами. На него напал припадок неистовой ярости. Ему подвернулся Тайкин выпавший

из норы башмак — пес и его разорвал в мелкие клочья, и все это молча, не издавая ни звука.

И когда ничего уже не оставалось перед ним на песке, Карабаш впился зубами себе в ногу у самого плеча, рванул свое мясо, пошатнулся и рухнул на землю.

С минуту он лежал неподвижно, тяжело и часто дыша. Снова поднялся, устоялся на Тайку слепым, мутным взглядом, стоял, весь одеревянев.

Наконец повернулся и побежал по дну оврага.

Тайка выскочила из норы и кинулась в кусты. Оглядевшись, она заметила Карабаша: он показался из кустов по другую сторону оврага и бежал теперь по открытой степи, залитой лунным светом.

Карабаш бежал прямо, как по нитке, как никогда не бегают ни один зверь, пока его не поразит слепое безумие бешенства. Прямо, все прямо перед собой бежит безумный зверь. Переплывает реки, пересекает степь, пробегает по городу и, сам не чувствуя ни ударов, ни ран, поражает на своем пути все живое, как смертоносная отравленная стрела. Бежит иногда десятки километров, пока меткая пуля человека не сразит его на бегу, или сам он не упадет, наконец, в судорогах на землю, чтобы уже больше не встать.

Тайка не знала этого и до самой зари, дрожа от холода и страха, просидела в кустах. Одна за другой возвращались в овраг собаки стаи, а ей все чудилось, что бежит Карабаш.

Солнце уже взошло высоко, когда она решила спуститься в овраг. Она схватила свою корзину и хотела было бежать, когда к ней подскочил, ласкаясь, черноголовый щенок. Ей жалко стало его покинуть. Не долго думая, она подхватила его, посадила в пустую корзину и побежала прочь от страшного места.

В городе Тайка направилась к знакомому двухэтажному дому. Она знала теперь, что ей делать. Она отыскала учительницу и сказала ей:

— Возьми моего щенка. Ты добрая, купишь ему ошейник и спрячешь, чтобы его не убили собачары. У него черная голова, и его тоже можно назвать Карабаш.

И раньше, чем учительница ей ответила, Тайка шмыгнула в ворота.

Она сама пришла в милицию и сказала, что она беспризорная и что ей негде жить.

Вечером того же дня милиционер отвел Тайку в тот самый двухэтажный каменный дом, который она принимала за школу.

Это был детский дом.

Через год никто бы не узнал в ней дикую маленькую нищенку, а в черноголовом волкодаве с желтым ошейником — молодого Карабаша.

ЧЕРНЫЙ СОКОЛ

В ауле

Бедный деревьями степной аул был весь открыт солнцу. Улица пустовала. Только у сакли торговца Кумалея, в тени серебристого тополя, сидел на корточках бритоголовый нищий. Под другим тополем стоял оседланный конь. Стайка голубей подбирала в пыли зерна.

Птицы двигались вяло: клюют — и сидят без движения, клюют — и приоткроют клюв, задыхаясь. Было знойно.

Из сакли вышел джигит в папахе, с кинжалом у туго стянутого пояса. В руках держал он кожаную сумку. Большой, сгорбленный, крючконосый, показался за ним торговец.

Нищий вскочил на ноги. Его быстрые глаза приметили табак в сумке джигита. Он правой рукой слегка коснулся лба и груди, левую протянул за подаванием.

— Табачку, баба¹, на одну трубочку табачку нищему Саламату, и да будет тебе удача во всех делах.

Хмуρο глянул джигит на согнутую фигуру попрошайки — и прошел мимо. Навстречу хозяину тихонько заржал конь. Джигит подошел и стал приторачивать к седлу сумку. Нищий тотчас же очутился рядом.

— Душистый табачок поможет голодному Саламату забыть чурек². Трубочка табаку будет сухому горлу Саламата как глоток сладкого кабернэ³. Гассан — щедрый джигит, Гассан...

Джигит выхватил из сумки толстую папушу⁴ табачных листьев, швырнул ее через плечо. Нищий на лету подхватил подачку.

Торговец, молча наблюдавший за обоими, повел сутулыми плечами.

¹ Баба́ — господин.

² Чурек — хлеб.

³ Кабернэ́ — кавказское вино.

⁴ Папуша — связка.

— Саламат сытей тебя, джигит. Щедрость твоя безрассудна: от щедрот жиреют ленивые и трусы.

Гассан ничего не ответил. С места, даже не задев стремени, легко и метко вскочил в седло.

Вспугнутые его резким движением, взлетели голуби. Плеск и мельканье белых, сизых, коричневых крыльев на мгновение наполнили воздух.

В тот же миг черная молния с шипящим свистом рассекла стаю. Голуби шарахнулись в стороны, исчезли за тополем.

Гассан вскинул голову. Солнце сияло. Небо было безоблачно. Но над тополем, оставляя в воздухе легкую дорожку пуха, поднимался черный сокол. Он уносил в когтях мертвого голубя.

— Сапсан! — вскричал джигит. — Вот удар, — даже на землю не пал с добычей!

— Был да нет, — спокойно сказал торговец. — Ищи ветра в поле.

— Мой будет!

Гассан вздернул коня на дыбы, пустил его вскачь по улице.

Пыль, взметнувшаяся из-под копыт, медленно опустилась на землю.

— Молодая кровь — горячая кровь, — забормотал нищий, поднимаясь с корточек и подмигивая торговцу. — Черный сокол — дорогой сокол. Саламат тоже хочет искать.

Кумалей скрылся в сакле. Через минуту его большое тело показалось на плоской крыше. С крыши видна была степь и мчащийся по ней всадник.

Гассан остановил коня: сокол как в воздухе растаял. Быстроногий конь не мог догнать его, отягощенного добычей.

Обернувшись, джигит заметил черную точку на крыше одной сакли. Рука привычным движением опустилась на кинжал.

«Следит», — подумал Гассан тревожно.

Потом рассмеялся:

— Жди, коли терпенья хватит.

И повернул коня к дому.

Соколятник

С этого дня Гассан стал как одержимый. Найти сапсана сделалось его мечтой. С рассвета он седлал коня и до ночи пропадал в степи. Он был уверен, что на миг мелькнувший сокол случайно где-нибудь еще раз попадетя ему на глаза. Но дни проходили, — черный сокол не показывался.

Так, бывает, редкой породы рыбка, играя, сверкнет взгляду страстного удильщика и без следа скроется в прозрачной глубине. Бегут и бегут волны, и рыбка та, быть может, давно уже гуляет по другим рекам, а восхищенный рыбак все хранит в памяти ее серебристое виденье. Долго еще закидывает он удочку то в одном, то в другом месте в безрассудной надежде вытащить ту самую, пленившую его редкую рыбку.

Гассан без памяти любил соколиную охоту. Во всей округе никто так не умел вынашивать ловчих птиц, как он. Недаром из Таври-

за навевывались к нему охотники. За доброго сокола они готовы отдать лучшего в табуне скакуна и денег еще в придачу.

Но, сам горячий охотник, Гассан не богател от своего искусства. Любимую птицу он не соглашался продать ни за какую цену. Когда же он находил лучшую, готов был отдать остальных за бесценок.

Так случилось и в этот раз. Увидав сапсана, джигит почти даром отдал своих двух ястребов Кумалею, сейчас же выгодно сбывшему птиц в другие руки. Ястребам надо было добывать пищу, за ними надо было ходить, — это мешало Гассану с утра до ночи рыскать по степи.

Черного сокола — сапсана — охотники ценят выше ястребов, выше даже могучего беркута¹.

Неистовый убийца, ястреб хватает все, что попадется ему на глаза. Низкий убийца и вор, он прячется в засаду, стараясь врасплох захватить жертву. Он готов гоняться по кустам за мелкой пташкой, он придушит зверька, в смертельном страхе приникшего к земле, будет душить и убивать, даже если сыт сам и птенцы его накормлены.

Беркут бросит охоту, завидев легкую поживу — падаль.

Но никогда не изменяют себе благородные сокола. Они берут птицу всегда на лету. Сидящую сокол не тронет. Скроется птица в чаще, припадет к земле, нырнет в воду, — она спасена. Но в воздухе он не знает промаха. Сытый, он не станет убивать даже тех, что рядом, голодный — никогда не тронет падали.

Крупный сокол — сапсан — добывает охотнику любую дичь — от юркой маленькой перепелки до грузного гуся.

Но джигит мечтал промышлять с сапсаном не дичь. Есть для соколятника добыча ценней самой вкусной дичи. О ней, слоняясь по степи, думал Гассан.

Он видел себя верхом на коне у берега широкой реки. На левой руке его, защищенной толстой кожаной перчаткой, сидит сапсан. Голова сокола покрыта кlobучком с султаном.

Вдали на берегу Гассан видит больших серых птиц. Они неподвижно стоят по колено в воде, выгнув длинные шеи. Изредка то одна, то другая из них стремительным движением выбрасывает вперед клюв — бьет проплывающую рыбу.

¹ Беркут — горный орел.

Зоркие птицы не подпустят близко. Они уже расправили широкие мягкие крылья, — поднимаются.

Гораздо больше сапсана серые цапли. Страшный клюв их как копьё, шея как сильная рука, держащая это копьё. Они в воздухе пронзают клювом-копьем нападающего ястреба. Нужна соколиная ловкость, чтобы избежать меткого удара гибкой — вперед, назад, в стороны разящей — шея-руки.

Цапли летят. Гассан снимает клубочек, высоко над своей головой поднимает руку с соколом. Сапсан смотрит. Слетает. Мчится.

Выбрал одну, настиг, подсек, взгоя. Вынырнул сзади — ударил.

Падает на землю цапля, и уже мчится к ней, не разбирая дороги, джигит. Домчал. Долой с коня, схватил драгоценную добычу. Послушный сокол вернулся на руку, получил мясо и опять в клубочке — ничего не видит. Гассан вырывает два самых красивых пера из хвоста цапли — себе на память. Надевает ей на ногу железное кольцо и отпускает на волю.

И цапля летит в другие страны, разнося по ним славу охотника, чье имя выбито на кольце: там ждут ее другие охотники с соколами.

Стряхнув грезы, Гассан озирался.

Он видел себя в седле, но кругом расстилалась степь, и на руке у него не было черного сокола в клубочке.

Так прошла неделя. Сапсан ни разу не попался на глаза джигиту.

Напрасно Гассан уверял себя, что сокол не покинул этих мест, что где-нибудь не так далеко его гнездо, что время стоит гнездовое и у всех соколов в гнездах сейчас птенцы.

Сомнения одолевали: черный сокол мог быть и холостым, залетным. Гнездящийся сапсан в тех местах — редкость.

В степи

«Следит», — подумал Гассан, вглядываясь в темную точку, чуть видную на золотистом крыле высокого облачка.

Каждое утро, выезжая из аула, замечал он эту темную точку в вышине и давно привык к ней. И в этот раз он сейчас же позабыл о

ней: конь мчал его по степи, надо было смотреть, не покажется ли где сапсан.

Пустыней кажется выжженная солнцем степь. Сухой и горькой полынью едва прикрыта пыльная земля. Редкие кусты тощи и колючи.

Но недаром в три ряда реют над степью крылатые хищники. В нижнем ряду, как детские бумажные змеи на невидимой нитке, неподвижные в воздухе соколки-пустельги. Выше, распустив глубоко вырезанные хвосты, кружат внимательные коршуны. И над всеми парит орел.

Каждый высматривает себе дичь по силам. И каждому в степи обильная пожива — от саранчи до легкой степной антилопы.

Сверкая красными, черными крылышками, с треском взлетали из-под копыт Гассанова коня долгоногие кузнечики; с тревожным писком вспархивали птички; разбегались юркие ящерицы; припадали к земле, прятали под щит голову и ноги медлительные черепахи. Далеко впереди серой стеной вставал пустынный горный хребет — Боз-Даг.

Гассан остановился у заросли колючего держидерева. Конь, отпущенный на свободу, принялся щипать зеленую в тени кустов траву. Джигит спрятался в заросли.

Солнце еще не взошло из-за гор. Высоко в синеве пел жаворонок. Веселый короткокрылый чеканчик плясал на земле в нескольких шагах от джигита. Пустельги кругом, точно кто их внезапно дергал за невидимую нитку, разом падали на землю, подхватывали выпрыгнувшего из травы кузнечика, снова поднимались вверх. Орел, заметив притаившегося человека, кругами передвинулся в сторону.

Гассан видел: за кустом держидерева вскочил на кочку черно-золотой, в пестринах степной петух — франколин. Красавец-петух огляделся и, не заметив ничего подозрительного, ударил короткую перепелиную песнь: «Чук, ти-ти-тур!»

Голос его звучал глухо, почти зловеще. «Ти-ти-тур — быть беде», — слышалось Гассану. О чем и петить беззащитному степному петуху, когда кругом нависла над ним смерть?

Всюду трепет упругих крыл, каждый кустик травы обшаривают жадные глаза.

Гассан очнулся от дум: точно дунуло вдруг с гор!.. Мгновенно рассеялись по сторонам бумажные змеи — пустельги. Будто сорвавшись с облака, упал перед джигитом жаворонок. Быстро-быстро накидал крылышками на спину себе серую пыль и — сам серый — исчез на глазах невидимкой. Чеканчик со страху юркнул под землю — в узкую мышиную норку.

Один франколин ничего не замечал, бил-барабанил свою глухую песнь: «Чук, чук — быть беде, — ти-ти-тур!»

И накликал: точно свист стрелы за кустом, быстрая тень впереди — сокол! Глупый петух растерялся, подскочил — и ракетой — по-фазаньи — вверх. И конечно, — смело, как вихрем. Теряя перья, пал на землю с тяжелым соколом на спине.

Джигит чуть сдержал крик: сапсан!

А сокол уже поднимался с добычей. Тяжело и часто махая крыльями, полетел к кургану неподалеку. Сел.

Гассан свистнул коня, вскочил в седло. Теперь — не упустить из виду, заметить, что будет делать, куда понесет добычу.

Но сокол, видно, сам собирался позавтракать франколином: ощипывал перья у него на груди.

К кургану слетались коршуны. Хрипло крича, они кружились над соколом, падали вниз, поднимались.

«Клянчат, проклятые жабоеды, — злился про себя джигит. — Вам только цыплят таскать у зазевавшейся клушки да жрать вонючую падаль. Покажет вам сокол».

И правда: сапсан сделал движение, точно собираясь кинуться на надоедливых попрошаек. Коршуны бросились врассыпную, но сейчас же снова вернулись, принялись кружить и падать.

Соколятник от души презирал их. Как трусливые гиены перед львом, коршуны перед сапсаном.

Их грязно-бурое оперение скрывает несильное тело. Хоть ростом они не уступят сапсану, их слабые когти не знают стальной соколиной хватки.

Сапсану ничего не стоило расправиться с ними. Но, видно, они были ему так же противны, как джигиту: сокол неожиданно выпустил добычу и взмыл над курганом.

Коршуны кинулись на мертвого петуха, рвали кровавое, в перьях мясо, давясь, поспешно заглатывали куски, крича и ссорясь. Сапсан не оборачивался.

Он несся вперед — к далеким деревьям, одиноким островком поднимавшимся среди ровной степи.

Когда взмыленный конь примчал джигита к зеленому островку, сокол летел уже назад к горам — с новой добычей в когтях.

Гассан решил ждать здесь. Он знал привычки соколов. У каждого из них свой охотничий участок. Теперь сапсан полетел кормить птенцов. Но он вернется, если только этот зеленый островок в его владениях.

Джигит отпустил коня и спрятался в кустах.

Он ждал долго. Тени деревьев становились короче и короче, точно кто их тихонько сматывал под корни. Одна за другой прилетали со степи рыженькие пустельги и прятались в листве. Замолкал птичий хор. Исчезли коршуны. Орел кругами отлетел за горы.

Наступила минута: Гассану почудилось, что он один в мире. Все кругом притаилось и затихло.

«Полдень», — подумал джигит, взглянув на небо.

И тут он опять увидел в небе — так высоко, что туда не доставало горячее дыхание земли, — в ясной синеве неба опять увидел чуть заметную темную точку — гриф! — и вспомнил: следит!

Он встряхнул головой:

— Жди, коли терпенья хватит.

И стал смотреть, как из-под деревьев медленно-медленно начали вытягиваться тени.

Птичий хозяин

Полдневный жар спадал. Птицы вылетали из листвы, как пчелы из улья. Поднялась суетливая возня в ветвях. Писк, шум, пенье наполнили зеленый островок.

«Прилетит хозяин, — улыбнулся про себя Гассан, — нагонит страху».

И будто в ответ ему раздалась резкие крики встревоженных сизоворонок.

Начался невообразимый переполох. Птицы с криком кидались под защиту ветвей. Некоторые, неизвестно для чего, взвивались и сверху стремительно падали в листву.

«Он здесь», — понял Гассан и, осторожно раздвинув кусты, стал высматривать исположившего птиц хищника.

Гассан увидел его совсем близко от себя — на ветке дерева, но радости не испытал: это был не сапсан, а серый ястреб-тювик. Джигит даже плюнул с досады: раз тут хозяйничает ястреб, сокола сюда не жди. Эти хищники никак не уживаются друг с другом. Сапсан, верно, случайно залетел сюда, как тогда — в аул.

Джигит пожалел, что у него не было под рукой хоть камня. Дерзкий хищник, казалось, издевался над ним: так спокойно он расклевывал мертвую сизоворонку, равнодушно поглядывая на высунувшегося из куста человека. С ненавистью смотрел Гассан на его приплюснутую голову, в его холодный глаз, сделанный, казалось, из прозрачного желтого камня.

Какая-то маленькая птичка выпорхнула из кустов. Тювик прыгнул за ней, как кошка. Мертвая сизоворонка свалилась на землю.

Тювик промахнулся: птичка успела шмыгнуть за толстый ствол дерева. Ястреб круто повернул за ней. С невероятным проворством птичка принялась кружить вокруг ствола. На третьем же кругу ястреб заметно отстал от нее: он был слишком велик для таких быстрых поворотов. Птичка стремглав метнулась в кусты и исчезла.

Одураченный ястреб не подумал вернуться к своей недоеденной добыче. Он принялся летать между кустами и деревьями. Джигит едва успевал следить за его неожиданными поворотами и резкими скачками в воздухе.

В это время степной орел спустился на голую вершину дерева. Тювик мгновенно шмыгнул под ветки и примостился у самого ствола. Орел медленно собрал громадные крылья и втянул голову в плечи.

«Гиак! гиак!» — раздался вдруг громкий крик откуда-то с высоты.

Джигит сквозь листву разглядел над орлом сапсана.

«Гиак!» — снова испустил сокол свой боевой клич.

Орел только голову повернул. Но когда сапсан помчался на него сверху, громадный хищник невольно распустил крылья, готовясь встретить удар.

Сапсан просвистал над самой спиной орла и снова взмыл над ним.

Орел взмахнул крыльями и поднялся с дерева. Весь вид его говорил, что он недоволен, очень недоволен: хотелось отдохнуть, а тут этот забияка.

Гассан хохотал, довольный: вот когда прилетел настоящий хозяин.

Тювика на дереве уже не было: улучив минутку, воришка незаметно удрал из чужих владений, куда он прилетел пограбить, пока нет хозяина.

Джигит свистнул коня. Теперь можно было спокойно отправиться домой, не требовалось даже искать гнезда сапсана: раз тут его охотничьи владения, тут его можно будет и поймать.

Промах

Приготовления к ловле заняли четыре дня.

В первый же день Гассан починил сеть и без труда поймал в ауле белокрылого голубя. Два дня ушло на розыски гнезда чернолоблого сорокопута. Эта певчая птичка ведет хищный образ жизни и отличается замечательной зоркостью.

Гнездо, наконец, было найдено в заросли держидерева. Джигит вымазал птичьим клеем ветки рядом с гнездом, и на следующий день сорокопут попался: приклеился лапками к ветке.

Еще в темноте выехал Гассан из аула и с рассветом начал приготовления.

В полсотне шагов от деревьев, среди открытой степи он установил сеть и веревку от нее провел к деревьям. От сети еще на пятьдесят шагов дальше в степь насыпал зерна и посадил голубя, привязанного за ногу очень длинной, тонкой бечевкой. Бечевку пропустил в кольцо под сеткой и тоже протянул к деревьям.

Проверил, хорошо ли действует ловушка. В одну руку взял конец бечевки от голубя, в другую — веревку от сети. Дернул за бечевку. Голубь взлетел. Гассан потянул его книзу и — по земле — к сети. Когда голубь оказался под сетью, дернул веревку. Сеть упала и покрыла собой птицу.

Ловушка действовала исправно.

Снова насторожив сеть и пустив голубя на прежнее место, Гассан вырыл невдалеке ямку, прикрыл ее дощечкой, рядом вбил колышек и привязал к нему сорокопута.

Теперь все было готово, и джигит спрятался в густой листве кустов. Солнце уже поднималось над горами. С минуты на минуту мог прилететь сапсан.

Началось томительное ожидание. Десять раз уже успел Гассан пережить в воображении то, что вот-вот должно было случиться.

Вот сорокопут криком предупреждает его о приближении хищника. Вот Гассан дергает за бечевку, и голубь взлетает. Сокол ловит его на лету. Гассан дергает за веревку, и обе птицы падают на землю. Сокол не хочет отпустить добычи, Гассан подтягивает его вместе с голубем по земле и, дернув за веревку, роняет сеть. И вот уже Гассан чувствует в руках крепкое тело сокола, связывает его сильные крылья.

Джигит проводил языком по сухим губам — и начинал грезить снова.

Голодный голубь жадно клевал зерно. Сорокопут то рвался с привязи, то вскакивал на колышек и тревожно озирался. На деревьях пели, кричали птицы.

Гассан крепче наматывал веревки на руки, нетерпеливо вглядывался сквозь кусты в степь.

«Чек, чек, чек!» — резко, точно камешком ударили о камешек, закричал сорокопут.

Гассан чуть не уронил сеть. Забегал глазами по небу, но ничего не заметил.

Зоркий сорокопут видел. Он беспокойно вертелся на колышке, кричал все громче, вдруг юркнул в ямку и притаился. Тут только заметил сапсана и джигит: высоко над землей сокол мчался к деревьям, часто-часто взмахивая крыльями.

Гассан набрал полную грудь воздуха, выждал, когда сокол подлетел шагов на полтора, и дернул бечевку.

Белые крылья голубя замелькали над землей, как сигнальный флажок.

Сапсан на миг точно замер в воздухе, повернул и, как камень из пращи чабана, понесся наперерез.

Гассан судорожно дернул бечевку. Голубь споткнулся на лету, перекувырнулся — белый флажок захлопал по земле.

Гассан потянул и вдруг заметил, что тащит одного голубя.

Сапсан, раскинув крылья, остался лежать на земле среди желтых крупинок зерна.

Гассан понял сразу, что случилось: в волнение он слишком рано отдернул летящего голубя. Птица разом остановилась в воздухе. Сокол ударил мимо.

Бил он сверху. Голубь был над самой землей.

Джигит знал, что бывает с проловившими соколами. Он бросил ненужные веревки и вылез из засады.

Сапсан лежал грудью на земле. Темная его спина резко выделялась на серой почве. Большие глаза были прикрыты беловатыми веками. Они медленно открылись навстречу Гассану.

Джигит стал на колени и протянул руку. Сокол неожиданно перевалился на бок. Гассан не успел отдернуть руки: страшная лапа скомтила его за рукав. Сокол судорожно забил крыльями и застыл. Глаза его потухли и закрылись. На крутом клюве вздулся кровавый шарик и лопнул.

Гассан поднялся с колен. Мертвый сокол тяжело повис у него на руке. Гассан взвесил его свободной рукой, потрогал аспидно-черное, жесткое и гладкое перо крыла. С рассеянным недоумением глядел вокруг.

Удильщик так в недоумении разглядывает с трудом и волнением вытащенную им на крючке корягу. Он не в силах сразу понять немой насмешки нечаянной подмены. Где трепет и возмущение живой добычи? В руках только мертвая тяжесть жесткой бездушной деревяшки.

Джигит попробовал разжать застывшие в хватке хищные когти. Когти не поддались. Он сильно дернул, и лапа оторвалась с куском крепкой материи.

Джигит бережно опустил сокола на землю.

Долго потом не мог простить себе Гассан своей неосторожности. Великолепного черного сокола он погубил своей рукой: не отдерни он так не вовремя голубя, — сапсан не разбился бы.

Ругал себя джигит и за то, что не выследил соколиного гнезда. По большой величине сокола он знал, что загубил самку. Самец не бросит птенцов. Но где искать его? К знакомым деревьям он не прилетал. А горы и степь велики.

Братся за воспитание ястребов Гассану не хотелось: он чувствовал, что охота с ними больше не доставит ему былой радости.

Частенько теперь джигит среди бела дня без дела посиживал у своей сакли.

Раз, когда он так сидел, попыхивая трубкой, к нему подошел Саламат. Этот человек был противен прямодушному джигиту. Гассан уже хотел прогнать его. Но нищий заговорил, и первые же слова его заставили джигита насторожиться.

В цветистых выражениях Саламат рассказал, что после долгих поисков он нашел в горах гнездо черного сокола. Из любви к джигиту Саламат готов, пожалуй, уступить ему одного или двух птенцов, если джигит поможет ему достать их.

Джигит снова увидал у себя на руке сапсана в клубочке, цаплю, улетающую вдаль с кольцом на ноге. Ему и в голову не пришло спросить Саламата, велик ли труд добраться до гнезда.

— Едем, — сказал он, вскакивая.

— Положи подушку терпения на ковер ожидания, баба. До гор далеко, а солнце уже задумалось об отдыхе, — сказал Саламат.

Но горячего джигита уже нельзя было остановить.

За час до захода два всадника подъехали к горам.

Саламат остановил коня и указал джигиту узкое ущелье. Сказал, что дорога трудная и все равно в темноте им не взобраться на крутой перевал, где на скале соколиное гнездо.

Гассан молча поехал вперед.

Чем дальше по ущелью подвигались всадники, тем выше росли и тесней сдвигались горы. Из глубины расселин путников обдавало душным жаром. Гассану чудилось, — здесь горло гор, оно тяжело дышит.

На камнях не росло ни кустов, ни травы. Тяжелая пыль заглушала стук копыт. Мертво и грозно немели скалы.

И когда у самого лица Гассана тускло блеснули два глаза, он вздрогнул и осадил коня.

В глазах, неподвижно глядевших на Гассана, не было никакого выражения. Казалось, глядел камень.

Всмотревшись, джигит с трудом различил на сером камне очертания треугольной головы, распластанного серого тела, кольчатого, в шипах хвоста. Отвратительное пресмыкающееся поползло по гладкому камню. Это была большая горная ящерица-агама.

Скоро дно ущелья стало заметно подниматься. Темнело. Саламат слезливо о чем-то упрасивал сзади. Гассан его не слушал. И только случайно подняв голову, увидал: навстречу им по небу надвигалась черная туча.

Тень побежала по ущелью. Быстро наступил мрак. Сверкнул ослепительный огонь, неистовый грохот поскакал по горам. В глаза Гассану ударил ливень.

Сквозь шум и грохот джигит услышал слабый крик Саламата. Крик донесся сзади и сбоку: Гассан понял, что тот укрылся под скалой.

Задор обуял джигита. Слепой, оглушенный, весь мокрый, он упрямо гнал коня вперед.

Стоголовый гром не прерывался ни на минуту. Гассан скорее почувствовал, чем услышал смутный рев где-то впереди. Конь шарахнулся в сторону, вскочил на большой камень, прижался к скале. Грохот грозы смешался с ревом и плеском.

Скопившаяся где-то на горах вода хлынула в ущелье. Красноватые от молний волны бились о скалы, перескакивали через камень, крутились, били коня по ногам. Конь храпел и вздрагивал.

Гассану казалось, горлом гор хлынула кровь.

Гроза прошла так же внезапно, как началась. Поток ослаб, затих и прекратился понемногу совсем. В черной высоте заблестали звезды.

Гассан решил продолжать путь.

Тропа круто пошла вверх. Джигит понял, что начинается перевал. Соскочил с коня, пропустил его вперед и обеими руками ухватился за хвост. Конь стал карабкаться вверх, потащил за собой джигита.

Гассан не различал дороги. Он крепко намотал на руки жесткий конский волос и ступал ногами в тьму. Дробно щелкали позади выскользнувшие из-под ног камешки. Щелканье вдруг обрывалось: камешки летели в пропасть. Джигит слепо доверился коню.

Руки совсем затекли у Гассана, когда, наконец, конь резко подался вперед и оба передние его копыта разом стукнули о камень. Через минуту джигит выпустил хвост коня: они стояли на перевале.

На перевале был луг. Гассан беспечно растянулся на мокрой траве.

Над пропастью

Стремительный рассвет уже разгонял ночную тьму, когда Гассан проснулся. Невдалеке от него конь мирно жевал траву.

Гассан встал, осмотрелся.

Он стоял на пологом хребте, покрытом цветущим лугом. От хребта спускались к степи крутые острые отроги. По одному из них конь и спускался джигита ночью на перевал. Между хребтами залегли черные пропасти. Внизу клубился мутный туман.

«Саламат говорил, — вспомнил джигит, — отсюда видно гнездо».

Он подошел к самому краю пропасти и стал осматривать скалистые отроги. В одной из скал было два темных углубления. Над верхним торчал камень. Джигит долго всматривался в него; наконец различил на нем черную фигуру сокола.

Сапсан сидел неподвижно, как вделанный в скалу, весь прямой и твердый.

«Где-нибудь рядом и гнездо», — решил джигит.

Сзади из травы выпорхнул жаворонок, запел и с песней стал подниматься в голубеющую высь.

Сапсан повернул за ним голову. И остался сидеть без движения.

С треском и хлопаньем сорвался под ним дикий голубь. Толчками помчался вверх мимо скалы, — так близко, что сокол шутя мог схватить его тут же, рядом со скалой, на которой сидел.

Но сапсан только проводил его глазами.

«Соседей не трогает, — подумал Гассан. — Голубь его видит и не боится».

Солнце взошло.

В темном углублении под камнем, где сидел сокол, что-то зашевелилось.

«Птенцы», — сообразил Гассан.

Сокол распустил крылья, широкой грудью подался вперед, вниз — и сорвался со скалы.

Косые крылья легко внесли его над пропастью. Сделав в вышине две головокружительные мертвые петли, сапсан стремительно понесся над горами.

«Надо успеть, пока не вернулся», — подумал Гассан.

Он смерил глазами пропасть, расстояние до скалы, высоту скалы до углубления, где гнездо, и улыбнулся. Теперь ему ясно было, почему Саламат сам не попробовал достать птенцов: до соколиного гнезда мог добраться только тот, кто не дорожит жизнью.

Гассан посмотрел вниз. Там черным жуком осторожно взбирался по крутой тропе Саламат.

Восторг охватил джигита: показался ему вдруг необычайно просторным мир, охватило желание смелых подвигов, — чтобы, как сокол, мчаться и биться с врагом в воздухе.

— Гляди, как у нас! — крикнул он темной точке и погрозил кулаком в небо.

Он по краю пропасти подбежал к отрогу, легко перепрыгнул на острый гребень. Справа и слева от него обрывалась круча, а он скакал с камня на камень, и у него не кружилась голова, он не испытывал никакого страха. Опасная игра захватила его. Он думал:

«Что смерть? Она в ауле, в степи, в ущелье — всюду».

Он быстро добрался до скалы. Тут ему пришлось остановиться и тщательно осмотреть каждый уступчик и выступ, каждую выбоинку, — куда поставить ногу, где схватиться рукой.

Скала нависла над пропастью крутой каменной грудью. Гассан полез, цепляясь руками у себя над головой, ощупью разыскивая намеченные для ног местечки. Он висел теперь спиной к бездне.

Через несколько минут он добрался до нижнего углубления. Здесь, в маленькой открытой пещерке, вымазанной кровью, валялись перья и кости голубей, уток, франколинов и другой добычи сокола.

Дальше подниматься стало еще трудней: над головой выступил острый камень.

Недолго думая, Гассан схватился за него обеими руками и всем телом повис над бездной. Раскачавшись, он втянул себя наверх и сел на камне.

Перед ним было гнездо сапсана. На кучке жесткого хвороста лежали четыре крупных пуховых птенца. Они изумленно уставились на джигита круглыми черными глазами.

Гассан одного за другим отправил птенцов к себе за пазуху. Соколята кусались и царапались.

«Сильные», — радовался джигит.

— Летит, летит! — донесся до него крик Саламата.

Тот стоял на перевале и показывал рукой куда-то в сторону.

Медлить было опасно. Гассан лег грудью на камень, крепко охватил его руками, соскользнул и, вися, нащупал ногою выступ. Нашел опору для другой ноги и отпустил руки.

В это мгновение сзади него просвистели крылья и раздалось громкое: «Гиак, гиак!»

Гассан стоял, всей грудью прижавшись к скале.

«Двинет в спину — слетишь», — подумал он тревожно.

Он осторожно повернул голову.

Сокол с криком неся прямо ему в лицо.

Гассан закрыл глаза, покачнулся — и сорвался в пропасть.

Добыча зорних

Саламат быстро спустился в ущелье.

Джигит лежал с переломленной рукой и ногой, со свернутой набок головой. Саламат приставил лезвие кинжала к его губам. Сталь затуманилась: Гассан дышал, но был еще без чувств. Через дыру в одежде Саламат поспешно вытащил соколят. Двое из них были живы: джигит ударился боком.

Саламат спрятал их у себя на груди, взобрался на седло и погнал коня по ущелью.

В полдень Саламат соскочил с усталого коня у сакли торговца Кумалея. Хозяина он застал на заднем дворе.

Саламат показал торговцу соколят, заломил за них громадную цену.

Кумалей покачал головой.

— Позови Гассана, — сказал он. — Соколятник скажет настоящую цену.

Саламат не ожидал такого оборота дела и не приготовил заранее ответа. Он смутился. Его замешательство не укрылось от торговца.

— Вчера после полудня, — сказал торговец, уперев тяжелые свои глаза в Саламата, — Саламат ускакал в горы вместе с джигитом. Я следил, я знаю. Саламат будет в ответе, если джигит не вернется.

Саламат знал, что Гассан не вернется, он рассказал торговцу, как джигит сорвался в пропасть.

— Баба́ видит, молодые соколы по праву принадлежат Саламату, — закончил свой рассказ нищий. — Баба́ даст за них бедному Саламату столько денег, сколько сам захочет.

— Положи, — приказал Кумалей, показывая на соколят. Саламат опустил птиц на землю.

— Уходи, — продолжал торговец. — А если заикнешься о деньгах, я всем скажу, что ты столкнул джигита в пропасть.

И он остался один на дворе. Громадный, крючконосый, он втянул голову еще глубже в сутулые плечи и спокойно принялся рассматривать так просто доставшуюся ему добычу.

Громадный, крючконосый, опустился на скалу черный гриф. Втянул голову в сутулые плечи, вглядываясь в простертую под ним добычу.

Непостижимо зоркий, изо дня в день следил он с холодной высоты за всем, что происходит в ауле, в степи, в горах. И спускался, когда наступало его время.

На дне ущелья над трупом кричали коршуны.

Гриф выгнул зобастую шею и шагнул в пропасть. Саженные крылья раскрылись, плавно снесли его вниз.

Перед ним в страхе отступили коршуны.

Вверху на камне над пустым гнездом неподвижно сидел черный сокол.

Он не смотрел вниз.

В ГОСТЯХ У ЧЕЛЯБИНЦЕВ

РЯБЧИК

С профессором Виктором Степановичем — знаменитым охотником на рябчиков — познакомился я в Свердловске. Мы вместе отправились на охоту. С нами был еще племянник профессора — Арсений, юноша лет двадцати.

Дичи нашли много. Нам захотелось прожить в лесу несколько суток. Вопрос был в ночевке: палатки с собой у нас не было.

Виктор Степанович сказал:

— Есть тут недалеко охотничья избушка. На Студеном ключе. Чего лучше?

Мы запрягли лошадь. На Студеный ключ приехали уже в полной темноте.

Избушку отыскиали с трудом: она была мала, мала до смешного. Ее крыша еле доходила мне до плеч. Окон и трубы совсем не было. Дверь была ростом с окно.

Пока Арсений возился с лошадейю, ходил за водой, мы с Виктором Степановичем собрали дров и разложили огонь в чувале. Чувал похож был на первобытный камин: камни навалены без особого порядка: над ними в крыше зияла дыра.

Дым сейчас же наполнил избушку. Запершило в горле, защипало глаза. Пришлось лечь плашмя на нары. Всего и было в избушке — чувал да нары от стенки к стенке, над самой землей.

Прошло минут десять, и огонь прогрел камни. Дым потянуло вверх.

Через час, плотно поужинав похлебкой из дичи и напившись чаю, мы легли спать. Уютно потрескивал огонь в чувале, за стенкой спокойно позвякивал колоколец стреноженной лошади. В избушке было тепло, даже жарко.

Я проснулся от тишины. Мороз. Темнота. И какое-то смутное беспокойство: слишком уж тихо.

Огонь потух. Сквозь черную дыру в крыше с черного неба

пристально смотрят звезды. Холодные звезды. Была глубокая осень. Последние листья опадали с деревьев.

Что же такое? Отчего так необычайно тихо? Чего не хватает?

Ах, да: лошадь, колоколец! Надо разжечь дрова в чувале, пойти взглянуть.

Рядом Виктор Степанович быстро поднялся и зашуршал одеждой.

В это время неожиданно раздалось громкое фырканье, потом тревожное ржанье, потом тяжелый поспешный топот стреноженной лошади.

Ясно было: животное чего-то напугалось. Ржанье и топот быстро приближались.

— Арсений, вставай! — крикнул Виктор Степанович.

Через полминуты мы все трое с ружьями выскочили из избушки.

Лошадь стояла у самых дверей. Ее большое тело чернело в темноте. Лошадь дрожала мелкой дрожью. Испуганно фыркала.

— Давайте разожжем огонь, — предложил я, — выясним, что ее напугало.

Арсений уже нырнул в избушку, разжег там огонь и скоро принес горящую головню.

Освещающая землю, мы пошли по следам лошади. Следы подвели нас к самому берегу Студеного ключа и остановились. Тут было много натоптано.

Кругом — ни звука. Высокой горой чернел лес на том берегу ущельца.

Мы вернулись.

Решено было привязать лошадь вожжами у двери, а самим сидеть в избушке и поддерживать большой огонь — на страх врагам.

Так и сделали.

Не знаю, спал ли в эту ночь Виктор Степанович. Нас с Арсением он разбудил, когда солнце поднималось уже над деревьями.

— Ну? — спросили мы, вспомнив ночную тревогу.

Виктор Степанович посмотрел на нас уничтожающим взглядом и мрачно изрек:

— Босоногий старик!

Скоро мы своими глазами убедились, что он не ошибся: на том берегу ущельца виднелись следы босоногого старика, как зовут в Сибири Михайла Иваныча. Судя по размерам следов, это был старый, большой медведь.

Я предложил дойти его по следу.

— Ну уж нет, увольте, пожалуйста, — горячо запротестовал Виктор Степанович. — Стрелок я, сами знаете, — того... И ружье у меня... этого. Да и велика ли честь попасть в такую тушу? Я уж лучше на вчерашнее место — за рябчиками.

Тут волей-неволей придется мне выдать тайну охотничьей жизни милейшего профессора. Да простит он мне это вынужденное разоблачение: раз уж начал я рассказывать быль, то рассказ велит мне там, где надо, говорить горькую правду.

Итак, среди охотничьих подвигов Виктора Степановича был один, о котором лучше было бы умолчать. Знали о нем только те, кто сами охотились с профессором.

Дело в том, что этот страстный и неутомимый охотник, этот без-

жалостный, бесчеловечный убийца рябчиков... в жизни своей еще ни одного рябчика не убил.

Спешу оговориться: Виктор Степанович убивал дичь, иногда по-многу убивал. Бил и тетеревов, и глухарей, и куропаток, и уток. Раз при мне сильно ушиб даже небольшого оленя, которого неправильно называют у нас «дикой козой».

Не давались ему рябчики, одни только рябчики.

Придется уж мне досказать правду до конца, иначе читатели не охотники не поймут, почему рябчик был для профессора заколдованной птицей.

Рябчик — самая маленькая из наших лесных кур. А шумит он, взлетая с земли, больше здорового тетерева, почти как громадный глухарь. Стойки собаки рябчик не держит. С треском внезапно срывается у вас из-под ног выводок серых птиц, стремительно разлетается в разные стороны и исчезает мгновенно из глаз, словно никого и не было. Притаившегося на ветке рябчика различит только очень наметанный глаз.

Есть простая и легкая охота на рябчика: охота с пищиком.

Поднятый выводок рассеялся по ветвям, исчез у вас из глаз. Тогда вы спокойно садитесь на ближайший пенек и вынимаете из кармана пищик. У коварной свистульки тоненький голос рябушки-матери, сзывающей своих детей. Рябчата бегут на этот голос по земле, и их ничего не стоит застрелить.

Виктор Степанович такой способ охоты считал бесчестным. Пищика с собой никогда не носил.

Охотился Виктор Степанович так.

Бежит по лесу и ждет: вот вырвется из-под ног выводок рябчиков...

Вот вырвался. Виктор Степанович вздрогнул: как раз в эту-то минуту он немножко зазевался на волшебную красоту темно-зеленой ели среди золотистых берез.

«Бамм! Бамм!» — несутся выстрелы посередине между двумя разлетающимися рябчиками.

Влёт рябчика бить — не глухаря. Маленький рябчик летит, как оперенная стрела.

Промазал Виктор Степанович.

Рябчики расселись по ветвям, — надели шапки-невидимки. Ни одного не видать.

И опять бежит профессор по лесу, любитесь на бегу яростным пиром осенних красок, ждёт рябчиков из-под ног.

И вдруг, как фонтан золотой, бьет из толпы темных елушек листва высокой пожелтевшей березы. И от восторга, от переполнившейся души радости громко затанул счастливый профессор на весь лес старую некрасовскую песню:

— «В полном разгаре страда деревенская...»

И как дошел до слов: «Многострадальная мать», — тут-то и взорвался выводок сереньких птиц. И, конечно, все уходит целы и невредимы под грохот профессорского самопала. Ружье у профессора и в самом деле «этого»: не из лучших.

Так с зари до зари бегают Виктор Степанович по лесу. Запоздалый вальдшнеп, неосмотрительный глухарь изредка попадают в охотничью сумку профессора, но стремительные рябчики, рябчики-невидимки — никогда.

Сразить на лету рябчика — заветная его мечта. Теперь читателю понятно, почему Виктор Степанович предпочел снова погнаться за рябчиками, чем идти за медведем.

Арсению пришлось остаться близ избушки: у него не было пуль на медведя, да и лошадь опасно было оставлять без призора: медведь мог вернуться.

Пошел за медведем я один.

След повел меня в темную глубину леса, вернулся к Студеному ключу и опять углубился в чащу.

Долго шел след лесом, то пробираясь сквозь чащу, то перебегая поляны: босоногий старик, увидев огонь, бежал, как трусишка-заяц.

Промчался километра полтора и перешел на шаг. Прилег в густом ельнике под кокорой — вывороченной вихрем сосной. Выспался, наверно, как и мы с Арсением: земля была здорово примята.

А выспавшись, начал шататься в поисках пищи. След стал заметно свежей.

На сырой, размякшей от дождей земле голые пятки его и большие когти отпечатались отлично. Я был уверен, что никуда ему от меня не деться, и уже потирал руки.

Однако задача оказалась не такой простой.

День уже клонился к вечеру, когда я стал наступать зверя. В свежие его следы рядом с большой кучей бурелома на глазах у меня струйками набегала вода. Несомненно, зверь прошел тут только что. Я взвел курки и стал продвигаться вперед осторожнее.

В обоих стволах моего ружья были вложены страшные пули «жакан». Они свинцовым цветком на четыре части разворачиваются в теле жертвы.

Я останавливался, слушал. Нет, будто ничего. Только ветер шумит. Раз или два мне показалось, что я слышу треск в чаще. Я весь

«влез» в глаза и уши: все зависело теперь от того, кто первый увидит врага. Если зверь на меня кинется из засады, я могу не успеть даже выстрелить.

Нервы мои напряглись до крайности, когда неожиданно след завернул назад.

Пристально вглядываясь в чащу, я шел вперед, медленно передвигая ноги.

Вдруг я остановился: мне показалось, что я уже был на этом месте.

В самом деле это было так: я стоял у большой кучи бурелома, где только что видел, как вода струйками наполняла свежий след медведя. Но теперь я стоял по другую сторону этой кучи.

Лежка зверя была под кучей. Упругие кустики тихонько поднимались, расправляли ветви после отпустившего их, наконец, тяжелого тела. Зверь лежал здесь, когда я проходил по ту сторону кучи по его следу. Сомнений не могло быть: он увидел меня, пропустил и пошел прочь. Я действительно слышал треск от его шагов.

Я кинулся напролом через чащу.

Высочил из лесу к невысокому обрыву и остановился запыхавшись.

Осмотрелся.

По дну оврага текла меленькая речка. На прибрежной грязи — на этом и том берегу — явственно виднелись следы тяжелых звериных лап. И на том берегу высоко в гору поднималась хмурая темная тайга.

Зверь ушел от меня. Преследовать его не имело никакого смысла: он уже далеко. И не скоро теперь остановится. У меня едва оставалось время вернуться к своим до темноты.

Передохнув, я пошел назад, стараясь, где можно, сокращать свой путь.

— .

Этой ночью в избушке у нас было много разговоров о медведях.

Я коротко рассказал о своей неудаче... После этого вспомнился мне разговор с одним моим ленинградским знакомым, человеком лысым, щуплым и очень книжным.

— Что вы чушь говорите о медведях! — набросился он раз на меня. — Человек с ружьем — и трусит идти на медведя! Да я ни в грош не ставлю такую безмозглую тушу. Дайте мне вот эту пукку — финский нож, и я выйду против самого страшного вашего медведя.

Я улыбнулся.

Он пришел в ярость.

— Человек! — кричал он, брызгая слюной. — Поймите вы: человек! Что перед ним зверь? Червяк, безмозглый пень. Я в тысячу раз умней его. Он ничего не может соображать, а я в любую минуту могу сообразить все. И пусть я во сто раз слабей вашего хваленного медведя, я со своим соображением, с разумом всегда успею смекнуть, как его одурочить, в какой момент, и куда ему всадить смертельный нож.

Я рассказал этот разговор товарищам.

— Хм! — произнес Арсений. — Вообще, конечно...

А Виктор Степанович, задумчиво вороша суком в чувале, мягко сказал:

— Хорошо бы, знаете, с этим вашим знакомым здесь поговорить, в уральской тайге. Я-то лично больше насчет рябчиков, я — не медвежатник.

Расспрашивать Виктора Степановича про его сегодняшние успехи на охоте я не стал: в связке дичи, висевшей на стенке, ни одного рябчика не было заметно.

Чтобы подалеже увести его мысли от злополучных рябчиков, я постарался удержать разговор на медведях.

— Мой лысый знакомый, конечно, ерунда, перочинная душа. А вот знаете, какие люди живут на Алтае? Они выходят на медведя действительно с одним ножом. Правда, если не считать деревянного шара со стальными крючьями. Но ведь это не оружие.

Такой человек смело подходит к медведю и, когда зверь становится на дыбы, чтобы обрушиться на охотника, кидает ему свой деревянный шар со стальными крючьями.

Медведь — мастер ловить. Обеими передними лапами он схватывает летящий шар. И с такой силой, что стальные острия крючьев врезаются ему в ладони, как ножи. На стали — зазубрины, вроде как на крючке для ловли рыбы. Крючья назад из лапы не идут. Обе передние лапы зверя связаны, крепко соединены, и медведь, взревев от боли, падает на спину, чтобы помочь себе задними лапами.

Но едва лапа ударит по шару — и он на крюке. Последнюю, четвертую, лапу постигает та же участь.

Тогда медведь связан «по рукам и ногам». Охотник подходит к нему — и прирезает ножом.

— Так-то так, — спокойно заметил Виктор Степанович. — Да только бывает и не так. Я вот знаю случай с нашим же уральским охотником, и отличным охотником.

Жил он тем летом в деревне Коноваловой, под Билимбаем. Пошел на речку Паламиху за глухарями. Еще парнишку деревенского с собой прихватил.

С берега поднялся глухарь. Охотник ударил. Не знаю, убил ли он глухаря, только дробь-то обсыпала кусты на обрыве. А в кустах сидел медведь. Дробь и угодила ему в зад.

Медведь пришел в ярость, скатился с обрыва — и на охотника. Тот не растерялся — и второй заряд послал в зверя, с расчетом, чтобы глаза ему вышибить. И вышиб оба глаза, да немножко высоко взял: носа-то не задел.

Как полагается, взревел медведь, упал. Катается и глаза себе лапами протирает.

Охотник крикнул мальчишке, чтобы спасался. А тот давно уже на дереве сидит.

Полез и охотник на другое дерево. Ружье ему мешало. Он бросил ружье.

Медведь тем временем поднялся и вслепую — одним чутьем — пошел по следу. Учужал охотника на дереве, стащил его и задавил.

— Медведь редко бросается на людей, — вставил Арсений. — Даже раненый. Вот медведицу с медвежатами я не очень желал бы встретить.

Тут мне припомнился случай, рассказанный мне моим покойным другом.

Друг мой — революционер, погибший в гражданскую войну от рук белогвардейцев, — был человек железного характера, железной воли. Как-то я восторженно похвалил эту черту в нем.

Он усмехнулся.

— Брось, — сказал, махнув рукой. — Такая ли воля бывает.

В девятьсот тринадцатом пришлось мне бежать от царских шпиков в уральские леса. Грозил виселица.

Товарищ со мной был, тоже нелегальный.

Жили мы в пещере, как звери, питались ягодой и чем придется.

Раз пошел мой товарищ — звали его Викентий — в лес по малину, а я остался в пещере, сапоги починять.

Смотрю, что-то долго нет Викентия.

Вышел я, стал кликать. Не отвечает.

Встревожился я: мало ли что может быть в лесу, без оружия он ушел. Зверь может подмять, урядник мог на след наш напасть, захватить.

Хотел уж идти разыскивать. А он тут и идет. Бледный, вижу, как мертвец, и еле передвигает ноги. Руки свои перед собой несет, как вещь.

И вижу: на руках голое мясо, кожа спущена, свисает с пальцев ключьями.

Кинулся я к нему, спрашиваю: «Что, что с тобой?»

Он ничего не сказал, упал мне на руки в обмороке.

Уложил я его, кожу натянул на руки, перевязал, как умел.

Через час очнулся он. Рассказал, как было дело.

Близ малинника наткнулся он на медведицу с медвежатами. Медвежатки глупые, несмышлелыши: подбежали к нему, давай играть. А медведица поднялась на дыбы, рывкнула, а ударить боится: своих же детей зашибет.

Викентий стоит, не шелохнется. Медвежата ему руки лижут. Наверно, думали — материнскую грудь сосут. И не маленькие уж: месяцев пяти. На языке наждак будто. Больно рукам. А оттолкнуть нельзя. Так рассудил: пусть лучше больно, чем закричать или бежать — разом медведица кончит. А медвежата, может, и отстанут.

Стоит Викентий. Не пикнет.

И спустили ему медвежата кожу с обеих рук, как перчатки стянули.

И убежали, увела их мать. Викентий жив остался.

Так вот это — воля, характер. Я бы не стерпел, думаю, закричал бы.

— Да уж, — позевнув, сказал Виктор Степанович, — хуже нет — медведицу с медвежатами повстречать. Я бы убежал. А вот рябчика я завтра непременно убью: способ такой придумал. Как поднимется выводок, я за одним следить буду. И уж я его, шельму, угляжу, куда он сядет.

На этом мы и заснули.

В тот раз больше ничего особенного не случилось на Студеном ключе. Я не нашел медведя. Виктору Степановичу так и не удалось добыть рябчика. Вернулись мы в Свердловск и скоро расстались: я уехал домой в Ленинград.

И вот вчера, через год после описанных событий, получаю вдруг письмо с Урала.

И не раз кровью обливалось мое сердце при чтении этого письма. Вот что я из него узнал.

Этой осенью профессор снова решил попытаться счастья в лесах на Студеном ключе.

С ним поехал Арсений, а меня заменил брат Виктора Степановича, доктор и тоже охотник.

Ночевали в той же лесной избушке, что и мы.

Виктору Степановичу долго не везло: все не мог поднять ни одного выводка рябчиков, бегал по лесу без выстрела.

В одном месте заметил медвежий след, и не очень старый. На всякий случай вложил в левый ствол разрывную пулю «жакан», а в правом оставил мелкую дробь — на рябчиков. И, конечно, через минуту забыл про медведя: рябчики увлекали его куда больше.

Забрался в чащу, выбрался из нее и увидел перед собой громадный ствол лежащего на земле дерева.

Подумал: «Под ним, наверно, сидят рябчики. Вот непременно сидят».

И осторожно, стараясь не шуметь, взобрался на колодину.

Первое, что он увидел, был медвежонок. Рядом поднялся другой. Оба встали на дыбашки.

«Медведица?» — успел только подумать Виктор Степанович и тут же ее увидел: она мирно спала на разрытом муравейнике под колодой — лохматая, бурая.

Виктор Степанович сообразил, что отступление для него невозможно: сзади чаща.

Один из медвежат тоненько рявкнул.

Медведица мгновенно поднялась, повернулась...

Виктор Степанович, ничего больше не соображая, выстрелил ей в грудь почти в упор сразу из правого и левого ствола.

Что-то громадное, жаркое, громко ревущее ударило его в грудь — и все.

Доктор, брат Виктора Степановича, услышав оглушительное близкое «тара-рах!» — крикнул брата раз и два. В другой стороне откликнулся Арсений. А Виктор Степанович не отозвался.

Доктор встревожился, кинулся через ельник туда, где были выстрелы.

Страшная картина внезапно открылась ему: в двух шагах — громадная колодина и на ней — повисший во весь рост медведь.

В один миг доктор прикинул в мыслях: «Виктор под ним... стрелять невозможно».

Он выхватил охотничий нож, прыгнул на медведя и всадил ему нож под лопатку.

Медведь не шевельнулся.

Доктор отпрянул, обезумевшими глазами уставился на зверя.

У медведя были вышиблены оба глаза и напроочь снесен нос.

В груди, рядом с застрявшим в ране ножом, зияла черная от крови рана.

Доктор понял, что он вонзил свой нож в мертвого уже зверя.

«Где же Виктор?»

Виктора Степановича не было.

Вдруг острые когти резнули ногу доктора сквозь толстые брюки. Он обернулся.

Порядочного роста медвежонок опирался об его ногу. Доктор выхватил нож из мертвой медведицы и с размаху ударил им медвежонка.

Медвежонок упал.

— Виктор!.. Витя! — закричал доктор.

В ответ ему прогремел выстрел, потом другой.

— Сюда, сюда! — крикнул доктор.

Из-за деревьев выскочил Арсений с дымящимся ружьем. Юноша волок за собой убитого медвежонка.

— Виктор убит... Пропал! — в неистовстве закричал доктор и бросился через колодину к племяннику.

Подошвы скользнули по гладкому стволу, и доктор ухнул в яму.

Падение не оглушило его: в яме была мягкая гниль и густой папоротник. Доктор нащупал под рукой что-то твердое, теплое.

Кость... нога!

Он быстро раздвинул папоротник: на дне ямы лежал Виктор Степанович. Все лицо и вся грудь его были залиты кровью.

Доктор приник ухом к сердцу.

— Жив! Арсений, сюда!

Вдвоем они с трудом выволокли из ямы отяжелевшее тело Виктора Степановича.

Арсений сбегал на Студеный ключ. В кожаной шапке принес воды.

Наконец Виктор Степанович глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Долго же я спал, — сказал он, — совсем как в сказке. — И, вдруг забеспокоившись, спросил: — Который час? Пора, а то здесь ночевать придется.

Он ничего не помнил: ни как увидел медвежат и медведицу, ни как выстрелил, ни что потом было.

Доктор отер кровь с лица брата, распахнул одежду на груди и с удивлением увидел, что Виктор Степанович нигде не ранен: кровь на нем была кровью убитых над ним медведей.

Пока Арсений поил дядю студеной ключевой водой, доктор осмотрел медведицу. Ее глаза и нос были разбиты зарядом мелкой дроби. Пуля вошла в грудь и разорвалась в сердце.

И с этими-то ужасными ранами зверь успел взлететь на высокую колодину и ударить врага с такой силой, что тот грохнул в яму, как легкая чурка, — и все забыл.

«Теперь я припомнил все, — кончает свое письмо Виктор Степанович, — вплоть до момента, когда стрелял. Дальше — пустота, пока не очнулся в объятиях брата.

Пишу вам, сидя на пне у избушки, прильнувшей к косогору Студеного ключа. Кругом мало что изменилось: тот же суровый и тем-

ный лес, да луга, да ширь поднебесья; рябчики в желтой листве березы, глухари на черных в золоте лиственницах.

Странно мне, что я убил такого громадного и страшного... рябчика. Я же не за ним шел. И мне кажется, что это не я, а кто-то другой.

Меня по-прежнему влекут рябчики, одни только рябчики. Признаться вам, я до сих пор ни одного не добыл. Но я не теряю надежды: не всегда же мне бить медведей.

Когда-нибудь убью и рябчика».

ЛАСКОВОЕ ОЗЕРО САРЬКУЛЬ

Чуть обозначились в степи темные купола стогов, когда мы с Виктором Степановичем подошли к берегу большого озера Сарькуль.

— Значит, вот восток, — сказал профессор, указывая на оранжевую полоску зари. — Мы на южном берегу озера, идти будем прямо на север. Солнце на восходе с правой руки. Впрочем, я буду следить по компасу, — у меня с собой.

Двустволка в руках. Патронташ полон, и все карманы набиты патронами: стрельба предстоит немалая. Приятно бодрит осенний холодок.

Кажется, прямо с берега начинаются камыши: воды чуть-чуть. Темно, но в темноте чувствуешь вокруг себя многообразную жизнь. То зашуршит камыш, то всплеснет вода, то с громким кряканьем подымется невидимая утка, и со всех сторон ответят ей встревоженные товарки.

Особенно горячит охотника вот это предрассветное время.

Видишь блеск воды, различаешь темные острова камыша, знаешь, слышишь, что кругом тебя кишит дичь, а стрелять не в кого: за пятнадцать шагов не видно в сумерках птицы.

Ну, отойти подальше от берега, пока темно: глубже в озеро — больше и больше дичи. Главное, риска никакого, смело шагай вперед и вперед. Можешь часами идти от берега: все будет вода по колено, чуть выше, чуть ниже. Нигде не ухнешь в предательскую яму, нигде не оступится нога, и только разве по собственной неосторожности зачерпнешь теплой водицы в широкие раструбы охотничьих сапог.

Такое уж ласковое озеро Большой Сарькуль. Как огромная плоская тарелка, врытая в степь. От берега все камыши, камыши, а посредине плес — десятки километров в длину, десятки километров в ширину — целое море.

И безбурное море: слишком мелко, чтобы самый сильный ветер мог поднять высокую волну. А и вздынет вал — не прогонит его сквозь частые заросли камышей: волна запутается в них, как рыба в сети, разобьется на ручейки, разбежится вся мелкими струйками, затихнет, замрет.

Одним словом, такое море, что, кажется, сам не захочешь — ни за что не утонешь в нем.

Однако что-то уж очень медленно светает. Уж час идем вперед, а все стрелять нельзя.

— Виктор Степаныч?

— Хоу!

— Давайте постоим, покурим.

— Да, надо подождать.

От вспышки спички еще гуще сумерки. Виктор Степанович рядом попыхивает папироской, видно, как что-то перекладывает из кармана в карман.

«Бульк!»

— Что у вас упало, Виктор Степанович?

— Тсс!.. Слышите, слышите?

Вдали, но с каждым мгновением слышней и слышней: «Конг, гонг, конг!» — налетают дикие гуси — казарки. Папиросы летят в воду.

— Сюда, правей, правей! — Виктор Степанович, с плеском разбрызгивая воду, бежит наперерез невидимой стае.

Нет, высоко пролетели, не углядишь в мутном небе.

— Виктор Степанович, у вас ведь что-то упало в воду. Надо пошарить тут на дне.

Он подходит. Но вдруг почти из-под ног у него с отчаянным криком захлопала крыльями утка. Вижу два быстрых, длинных огня, слышу два оглушительных выстрела и торжествующий голос профессора:

— Ага, попалась, каналья!

— Подобрали?

— Готово дело!

— Так идите, поищем вашу вещь.

— Шут с ней! Это, наверное, перочинный ножик. Видите, уже стрелять можно. Идемте.

Чудак! Такой всегда спокойный и рассудительный дома, профессор совсем перерождается на охоте. Горячится, как мальчик. Готов все бросить и десять километров пробежать за одной уткой.

Идем вперед. В самом деле, на близком расстоянии стрелять уже можно. Взвожу курки. Сейчас начнут подниматься утки, и сам не заметишь, как рука вскинет ружье к плечу, глаз поймает на мушку темный силуэт птицы — и смертоносная струя дробы вылетит из ствола. А в ожидании этой минуты волнуешься, все думаешь, как бы не прозевать взлета, да ловко ли ляжет приклад в плечо, да не забыть бы взять передá, не обзадить по стремительному чиренку. И как ни ждешь, всегда все-таки неожиданно утка вырывается не спереди, а где-нибудь справа, слева или даже сзади.

И вот — началось. Каждую минуту то тут, то там слышатся взлеты. Утки вырываются из-под ног. Утки стадами носятся над озером. Сколько их тут!

Прохладный туман кутает камыши в сырость и сумерки. Внезапно чуть не вплотную на тебя направляется ошалелый от пальбы табунок быстрокрылых чирят, нырков или грузных крикушек. Рука и глаз без спроса делают свое дело. Стреляешь раньше, чем успеешь сообразить расстояние, быстроту полета. Торопливо подбираешь убитых уток, перезаряжаешь ружье, достреливаешь ныряющего подранка.

Забылось время, не думаешь, куда идешь. Отмечаю только, где Виктор Степанович, в какую сторону подвигается, чтобы не выстрелить туда, не задеть его дробью.

Кругом заросли камыша — как рощи, озеринки чистой воды — как лужайки. От рощи к роще, от лужайки к лужайке — и всюду ждут тебя новые неожиданности.

Притаился в камыше — и жду. Вижу: крутя головой во все стороны, осторожно выплывает из камыша черная птица — кашкалдак. Ростом с утку, на голове лысина, клюв острый.

За ней показывается другая, третья, четвертая.

А над камышами, как бабочка, закидывая крылья высоко над спиной, медленно и бесшумно летит большой коричневый болотный лунь.

Вот он заметил лысую и сразу пошел книзу, стелет над самыми камышами и уже почти не двигает крыльями.

Но и кашкалдак-лысуха заметила его. Со стоном и хныканьем она кидается в спасительные заросли камыша. За ней сейчас же исчезают товарки.

Лунь дал круг над озеринкой и чуть не наткнулся на спокойно стоящую по колено в воде, большую, горбатую серую цаплю.

Цапля только повернула к нему острый, как штык, нос, — и лунь сразу взмыл, пошел выше и как раз в мою сторону. Не по его когтям добыча.

А цапля опять как будто заснула. Длинная шея вопросительным знаком повалена на спину и грудь, клюв снова глядит в воду.

Миг — и быстрее мысли развернулась шея, клюв, как копьё,

вонзился в воду. Миг — и клюв уже высоко в воздухе, раскрылся, и в нем блеснула и пропала серебристая рыбка.

Лунь налетел на меня совсем близко. Рука и глаз помимо сознания делают выстрел.

И цапля тяжело поднимается над камышами. Летит, вытянув назад прямые ноги, медленно махая точно из тряпок сшитыми, смешными крыльями.

Рука и глаз.

Я не хотел стрелять цаплю: зачем она мне? Но рука и глаз сделали свое дело: вот она лежит на воде, распластав широкие круглые крылья и грозно направив штык-клюв в мою сторону.

Что-то уж очень я разгорячился с этой сумасшедшей пальбой по уткам. Довольно мне дичи, все равно больше и не унесешь. Надо в себя прийти. Вон и профессор бахает и бахает, тоже вошел в раж.

— Хоу, Виктор Степанович!

— Здесь.

— Пора шабашить. Давайте закусим.

— Можно.

Он подходит, весь всклокоченный, без шапки.

— Шапка-то где?

— Шапка? Хм... наверное, я ее куда-нибудь в карман... Да нет, нету... А я и не заметил.

Что шапка, когда в сумке добрый десяток уток и карманы еще полны патронов!

Профессор весело смеется над своей потерей.

Теперь хорошо бы присесть, дать отдых усталым ногам, сбросить с плеч тяжелые сумки с добычей. Но мы по колено в воде, и на озере нет островов.

— Кончать надо охоту, — беспомощно озираясь, говорит Виктор Степанович. — Где у нас солнце-то?

Странное дело: солнца на небе не оказалось. Только тут мы припомнили, что все утро оно и не показывалось. Светлая полоска зари давно исчезла, и все небо было освещено, как толстый матовый колпак, где-то внутри себя утаивший невидимый источник света.

Это не были облака. Какая-то мутная мгла покрывала весь небесный свод: то ли где-то далеко, может быть в Уральских горах, горели леса. Невозможно было определить, в какой стороне неба находилось солнце.

— Надо по компасу, — слегка встревоженным голосом говорит Виктор Степанович.

Он принимается шарить по карманам. Карманов в профессорском пиджаке немало, и поиски заняли минут пять.

Потом профессор во второй раз тщательно обыскал себя.

Потом я держал перед ним свою шапку, и он складывал в нее по очереди каждую вынутую из кармана вещь.

В карманах профессора нашлось что угодно, начиная от часов, перочинного ножа, карандашей и кончая неизвестно как попавшим сюда крошечным кукольным башмачком, баночкой с клеем, камешками, ракушками, птичьими перьями.

Но компаса там не оказалось.

Профессор оторопело уставился на меня.

— Бульк! — сказал я и показал на воду. — Помните, еще в темноте?

— Хм... Возможно. А я думал, это перочинный ножик.

Он еще раз безнадежно огляделся и вдруг внимательно посмотрел на меня.

— Скажите, вам ничего не припомнилось?

— Бухгалтер, — ответил я.

Коротенькую, но очень сильную историю про бухгалтера рассказывали нам в Еманжелинке, на берегу ласкового озера Сарыкуль. В свободное время бухгалтер любил пройтись по озеру — пострелять уток.

Раз, после выходного дня, он не явился на работу. Его не оказалось и дома.

Видели, как он прошел вчера с ружьем в сторону озера.

Через две недели на него случайно наткнулись рыбаки. Они заметили белую бумажку, привязанную к камышам. Вокруг плавали наполовину разложившиеся утки. Под ними, на дне, чуть прикрытый мелкой водой, лежал мертвый человек с ружьем.

На бумажке аккуратным бухгалтерским почерком было нацарапано:

«Блуждаю восемь дней. Пробовал и на юг и на север — везде только камыши. Ел сырых уток. Патроны все вышли. Я очень устал. Больше не могу».

— Везде только камыши, — тихо, задумчиво произнес Виктор Степанович, — и вода.

Вода ласково лижет черную кожу сапог. В воде весело всплескивают рыбки. Вода блестит среди желтых камышей, куда ни взглянешь.

Если бы мы были в лесу! Там по замшелым с одной стороны деревьям, по муравейникам, по птичьим гнездам так привычно и просто находить север и юг.

— Надо идти, — говорю я. — Если не ошибаюсь, мы пришли вот с этой стороны.

— А если ошибаетесь, — спокойно возражает профессор, — то с нами будет то же, что с уставшим бухгалтером. Постоим и подумаем.

Что думать? Часов пять — шесть мы шагали от берега. Берег далеко. Если даже мы сразу пойдем правильно, мы только затемно будем дома.

Или, правда, стоять на месте? Может быть, хоть под вечер выглянет солнце. Ночью небо может очиститься, высыплют звезды. В хвосте созвездия Малой Медведицы загорится Полярная звезда. А как мы обрадуемся солнцу утром! А питаться можно и сырыми утками.

— Согласен, — говорю я. — Чтобы не зайти еще дальше от дома, будем ждать здесь солнца или звезд.

Профессор не слышит меня. Он стоит и неподвижно смотрит в воду. Сейчас он удивительно похож на маленькую большеголовую птичку — зимородка. Направив острый клюв вниз, зимородок так же вот глубокомысленно уставится в воду и молчит.

Вдруг встрепенулся.

— Эврика! — говорит профессор, ударяя себя ладонью по лбу. — Нашел! Только это будет ваше дело — спасти нас от смерти. Если бы

мы были в горах, то должен был бы вас вывести я. Ископаемые богатства — моя специальность — дали бы мне руководящую нить. Человек должен уметь использовать свою специальность во всех случаях жизни. Во всех затруднениях. Используйте здесь вашу — и мы спасены.

— Интересная лекция, — говорю я довольно грубо. — Откровенно говоря, я охотнее послушал бы ее на сухом берегу, у костерка, за кружкой горячего чаю. Что вы имеете в виду, какая моя специальность?

— Птицы, — просто отвечает профессор.

— Птицы?

Как нам могут помочь птицы? Что он хочет сказать?..

А впрочем... это же так ясно!

— Потрясающая идея! — говорю я весело. — Теперь слушайте мою лекцию. Только на ходу: я поведу вас на юг, прямо к дому.

Я присмотрелся к пролетающим над нами стаям, выбрал направление и пошел вперед. На ходу я с важным видом, профессорским голосом излагал Виктору Степановичу всем известные истины: что осенью многие виды птиц собираются в стаи; что стаи перелетных птиц тянут осенью с мест гнездовых на зимовки — с севера на юг.

Высоко над нами с гоготом пролетали табуны диких гусей, большие стада уток. Раз даже вдали медленно проплыл серый треугольник журавлей. Нам уже не хотелось стрелять птиц, мы благодарными глазами следили за их полетом.

— —

Четыре часа мы без отдыха шлепали по воде. Солнце не показывалось, и нигде не было видно никаких признаков близкого берега.

Последние часа полтора мы с Виктором Степановичем не обменялись ни словом.

Есть в дневном и вечернем полете некоторых птиц разница.

Сокола и воробьи, замечал я не раз, почему-то мелко-мелко семечат крыльями на вечерней и утренней заре.

Перелетный сокол сапсан пролетел невдалеке от нас. И я видел, что он летит по-вечернему.

По каким-то своим признакам и Виктор Степанович узнал, что приближается ночь. Он остановился и хмуро сказал:

— Скоро начнет темнеть. Я отказываюсь идти дальше.

— Сил нет?

— Не сил, а веры. Ваши птицы надули. Сейчас скажу, где наша ошибка.

Он раскурил папиросу и продолжал:

— Конечно, общее направление перелета многих птиц — с севера на юг. Но вам отлично известно, что стаи летят не по прямой. Часто делают углы, зигзаги, повороты. И над этим громадным озером они могут лететь по разным направлениям. Так оно и есть на самом деле. Утки, казарки кормятся здесь. Я давно слежу, прямо мы идем или нет. И, по-моему, мы кружим. По-моему, мы теперь дальше от берега, чем были час назад.

Сказать правду, и мне в голову не раз приходила эта страшная мысль. Все-таки я пробовал защищаться.

— Журавлям нечем кормиться здесь, они ни за что не опустятся в воду. Они идут здесь напроход — прямо с севера на юг.

— А почему до сих пор не видно даже стогов на берегу?

На этот вопрос я не мог ответить. Если бы мы действительно шли прямо на юг, то уже давно должны были очутиться на берегу. Я с отчаянием посмотрел вокруг.

Вода и камыш, камыш и вода. Табуны уток снуют над камышом по всем направлениям. И еще стайка каких-то птиц, часто-часто махая крыльями, летит прямо на нас. И никак я не пойму, что же это за птицы такие?

Они близко. Я снимаю ружье с плеча. Рука и глаз делают свое дело. Но на этот раз им помогает и разум: я тщательно выцеливаю, рассчитав расстояние до птиц и быстроту их полета.

Смертоносная струйка свинца, с огнем и громом вылетев из ружья, пересекает их полет. Одна из птиц растрепанным комочком падает в воду.

Я поднимаю ее и показываю Виктору Степановичу.

— Это кукша, — говорит профессор. — Зачем вы ее загубили, зверь-человек?

Он прав. Так называется эта рыхлая птичка ростом с дрозда, вся в кофейном и ржавом пере и с хохолком.

Но я говорю:

— Нет, дорогой профессор, вы ошибаетесь. Это не кукша, это попугай. И хоть у нас на севере не бывает попугаев, для нас с вами это все-таки настоящий попугай.

— Вы обалдели от усталости и страха, — не совсем вежливо говорит Виктор Степанович, — у вас мысли путаются.

— Нет, профессор, не путаются. Я вам докажу это, если вы согласитесь еще немножко пройти со мной. Чуть-чуть — ровно столько, чтобы выслушать маленькую подробность о том, как была открыта Америка Христофором Колумбом.

— Чепуху вы порете, — сердито бурчит профессор. Но все же идет за мной.

— Христофор Колумб, — начинаю я новую лекцию, уверенно шагая по воде, — обманул королеву Изабеллу Испанскую. Уверил ее, что он откроет для нее Антилью — легендарную страну, где золота больше, чем грязи. Королева ему поверила. А он сам не знал, куда плывет.

Он завел корабли в неведомую часть океана. Замучил экипаж. Матросы начали бунтовать. Колумб вышел на палубу, чтобы от-дать приказ повернуть назад в Испанию.

Вдруг он увидел стайку птиц, летящих мимо корабля.

Это были попугаи.

Колумб сразу переменяет свое решение и велел держать курс по направлению полета стайки.

Через час дозорный крикнул с вышки:

— Земля!

И все увидели берег. Это и была Америка.

— Вполне понятно, — сердито говорит Виктор Степанович. — По-

пугай — настоящая лесная птица. В океане ей делать нечего. Стая попугаев, занесенная в море, должна была лететь к суше, это всякий знает.

— И наша маленькая лесная ворона — кукша, — говорю я, — совершенно сухопутная птица. В большом озере, в ласковом Сарыкуле, ей делать решительно нечего. Стайка просто пересекала какой-нибудь заливчик. Кукши летели к берегу. В этом вы можете убедиться сами, если внимательно посмотрите вперед, в том направлении, куда летела стайка и куда мы с вами теперь шагаем.

Профессор посмотрел и вдруг полным голосом затянул:

Так слава моряку-у
Колумбу Христофору:
Открыл Америку-у
Как раз, выходит, впору!

Впереди за камышами в быстро надвигающихся сумерках показались темные купола стогов.

ПОД ЗЕМЛЕЙ

Сказать правду, неохота мне было лезть под землю. Я с тоской глянул кругом.

Полдненное солнце стоит над степью. Ковыль до земли клонит свои пушистые султаны. И под синим-синим куполом, борясь с ветром, летят три медленные стрелы: три длиннохвостые сороки. Эх, хорошо!

— Виктор Степаныч, — говорю я своему спутнику, — и куда вы меня тащите? Птиц я люблю и зверей. Когда их нет кругом, мне скука смертная, гроб.

— Ну-с, — весело отвечает профессор, — покажу вам там такое зверье, какое вам и не снилось. Нечего трусить! Идем!

Впереди перед нами двое рабочих поднимали короткие толстые бревна и опускали их в небольшую яму. Кругом степь, как всюду под Челябинском, — вперемежку с колкками: березовыми рошицами.

— Одну минуту, — обратился Виктор Степанович к рабочим. — Дайте спуститься.

И ногами вперед полез в черную яму. Его пестрая рябчикового цвета пепка исчезла под землей. Рабочие вопросительно смотрели на меня.

Медлить было неловко: могли подумать, что я в самом деле со страху.

Я стал на четвереньки задом к яме, нащупал ногой деревянную перекладину и стал осторожно спускаться вниз.

Яма оказалась как труба. Шатучие перекладины всяческой лесенки вздрагивали и качались надо мной. Я лез и думал:

«А ну, сорвусь? Сколько времени лететь вниз? Может, тут до самого центра Земли дыра».

Но под ногами уже твердое — грунт. Площадочка. На ней в беспорядке — стоймя и лежа — короткие толстые бревна.

Глаза уже привыкли к полутьме. И вижу: в углу опять дыра и лесенка. Голос Виктора Степановича оттуда, из черноты, говорит:

— Это называется «дудка». Сейчас колено — и опять дудка. Давайте проворней.

— Дудки! — говорю я сердито. — Обезьяна я вам, что ли, карабкаться по таким лестницам? Лезем назад, вверх, и ведите меня к лифту.

Но тут сверху кричит рабочий:

— Спускать, что ли?

— Стой, стой! — кричу я поспешно. — Мы еще тут, обождите.

Быстро запикиваю себя в дыру, спускаюсь, спускаюсь — и вот, наконец, грунт.

Оказывается: черный коридор, низкий, узкий. Горит в потолке электрическая лампочка, дальше еще и еще.

— Штрек, — объясняет Виктор Степанович. — Мы в верхней, уже до конца выработанной лаве.

Глухо, как в бочке, отдают черные стены его слова и топот наших сапог по каменному полу. Нора и нора. Сбоку в стене отнорок — куда-то вниз.

— Сюда, — говорит Виктор Степанович.

По узкой, сырой, скользкой норе сползаем вниз на собственных «салазках». Уклон большой. Тьма кромешная. Снизу доносятся глухие удары, все нарастающий гул.

Вдруг мне так захотелось выпрямиться! Приподнялся на руках — и бац головой о камень!

Тоска охватила меня. Отталкивался, полулежа, руками, скользил куда-то дальше и дальше вниз. Но уже не верил, что выберусь: внизу грохочущая тьма, как бездна.

Не знал уж, минуты ползем или часы. Наконец под ногами забрезжил свет.

Вслед за Виктором Степановичем я вывалился из норы в какую-то небольшую глухую комнатенку, или, просто сказать, расширение норы.

Под низким — рукой достать — потолком горит единственная лампочка, в стене сбоку — ниша: забой. В забое лежит на спине чумазый человек, равномерно бьет обушком¹ над собой в потолок. Время от времени куски черного угля падают к его вытянутым ногам.

Другой рабочий стоит в углу «комнаты», сгребает лопатой уголь, сталкивает его вниз: там продолжение норы. На нас никакого внимания.

Снизу — грохот и тьма.

«Куда же мы дальше?» — думаю я.

— Такое вот расширение, — поучительно говорит Виктор Степанович, — называется печью. Шахта не вся еще механизирована. Это один из забоев, где уголь добывается простой мускульной силой.

¹ Обушок — особого вида молоток на длинной ручке.

Отсюда начинается конвейер для спуска угля к вагонеткам. Дальше мы по нему полезем.

Человек с лопатой предупреждает:

— Гляди, за провода не задень. Вдарит.

— А где они? Сверху, с боков?

— А разно...

Веселое дело! Того и гляди, хватит током в руку или в голову.

Мы опять в забое. Чувствую себя еще хуже: выпрямиться по-прежнему нельзя, а тут еще пол под тобой ерзает, качается. Это желобья конвейера, железные такие корыта, заходящие одно на другое. Желобья не сильно, но непрерывно движутся: взад-вперед, взад-вперед. Угольный щебень стряхивается с одного желоба на другой, быстро ползет под уклон.

И еще эти провода. Где они? Не видно их в полутьме.

Перебираюсь с желоба на желоб. Это как непрерывная цепь санок с горы донизу. С санок на санки — все ниже и ниже — да так, что спины не выпрямить и локтя не отставить: провода ведь.

Вдруг внизу — издалека — голос Виктора Степановича:

— Осторожно, смотрите! Самое опасное место.

И сейчас же стукаюсь лбом обо что-то деревянное. Кусочек угля падает мне на живот.

Бессознательно хватаю этот кусочек и зачем-то пихаю в карман.

Но провода-то где же, провода?

Светлее. Видны бревенчатые рамы — крепи, подпирающие потолок. Как ребра на скелете змеи. Несколько обломков торчат с потолка. Об один из них я и стукнулся лбом.

А проводов все не видно.

Да черт с ними: не убьет же током.

Ну, вот и следующая печь. Встаю на ноги рядом с Виктором Степановичем.

Тут же двое рабочих, и Виктор Степанович озабоченно им говорит:

— Да там же у вас шесть крепей проломилось. Немедленно дайте знать.

Один из рабочих молча поворачивается и, согнувшись, исчезает в норе.

Я достаю из кармана кусок угля, упавший на меня в том месте, где надломлены крепи. Так вот откуда мне грозила опасность! Если бы от толчка головой лопнула крепь, не этот жалкий кусочек угля, а тысячи, тысячи тонн земли сплюснули бы меня с такой же легкостью, как гора, рухнувшая на таракана.

Виктор Степанович бесцеремонно выхватывает уголь из моих рук.

— Это вы откуда взяли? Смотрите, это же водоросль, настоящая ископаемая водоросль!

И правда: на тусклой поверхности угля виден отпечаток растения: стебелек, листья по бокам.

И в увлечении Виктор Степанович переносится за миллионы лет назад — в юрский период истории земли. И бородатый забойщик, опустив обушок, с удивлением слушает страстный рассказ профессора.

Мгновенно, как в кино, слетает прочь потолок над нашими головами: толща в десятки метров угля, горных пород, почвы.

Вдали, на западе, встает каменная стена Урала. Кругом вырастает лес невиданных деревьев. Вот хвощ — колено в колено — толщиной в несколько обхватов, высотой в многоэтажный дом. Вот папоротник, как пальма, веером в высоте раскинул свои кудрявые, пышные листья.

А сами мы погружаемся на дно озера. Водоросли кругом — точно-точно такие, как та, что отпечаталась на моем кусочке угля.

Водоросли растут и умирают, на их месте вырастают новые и в свой срок умирают, падают на дно, истлевают. И превращаются в ил.

Ила все больше и больше. Он доходит нам до колен, до груди, до плеч и покрывает с головой.

Тысячелетиями метр за метром растет на дне озера толща сгнивающих водорослей — ил.

А с севера медленно-медленно на нас надвигается море. В сотни ли тысяч лет, в миллионы ли, но оно прокатывается над нашими головами, и на западе берег его — Урал.

Гигантские хищные ящеры плавают в этом страшном море и зубастые акулы. Трупы их падают на дно, тела истлевают в илу.

Всей страшной тяжестью своей море давит на дно, прессует ил.

Но море не вечно. Море отходит и сохнет.

Миллионы лет.

И вот над нашими головами выходит наружу ил. Равнодушный ветер заносит его песком. Урал, разрушаясь, заливают его своими каменными отбросами.

Миллионы лет. Суша кругом.

И над нашими головами вырастает другая трава, другой лес — все больше и больше похожий на наш теперешний. Бродят звероподобные люди. Бродят клыкастые мамонты, мохнатые носороги.

Проносится каменный век, век бронзовый и железный. Но десятки тысяч лет еще люди не знают, что здесь в глубине, под ногами у них.

Не подозревают, что там давно готовы залежи веками спрессованных сухих и твердых трупов древних растений. В чудесной лаборатории земли и времени произошла эта переработка когда-то живых тел в сухое и твердое топливо, в руках человека — богатейший источник огня и жизни.

И вот мы стоим в шахте, вырытой машинами, и держим в руке кусочек каменного угля — почерневшего, окаменевшего в веках ила, — случайно сохранивший на себе отпечаток водоросли, росшей миллионы лет назад в страшных водах юрского озера.

— А если выпадет счастье, — заканчивает Виктор Степанович, — можно найти и зубы акулы: бывает, попадают они здесь, в буром челябинском угле. . . Ну, пошли дальше.

Забойщик поднимает свой обушок, а мы ныряем в грохочущую нору.

Долго спускаемся, и мне уже кажется — не на конвейере, а на «машине времени», и не в глубь земли, а темную толщу тысячелетий. И когда впереди меня расширилась нора, стало светлей — я увидел

перед собой странное чудовище: блеснула длинная зубастая голова пилы-рыбы, а за ней тело, только не рыбе тело: холодный плоский панцирь большой черепахи.

Виктор Степанович стал на него обеими ногами, деловито пояснил:

— Это тяжелая врубовая машина. Действует электричеством или сжатым воздухом. Вот этими самыми зубьями она врубается в породу, в уголь.

Он показал на узкую голову пилы-рыбы, приставленную сбоку к черепахе.

— У нее режущие зубы укреплены на бесконечной цепи, а цепь надета на шестерни, как у велосипеда. Стальные зубы, врезаясь в уголь, тащат за собой всю машину.

Виктор Степанович соскочил с панциря железной черепахи и любовно похлопал ее по спине.

— Я особенно люблю это животное. И не только потому, что оно заменяет десятки рабочих с обушками, а потому, главное, что оно спасает этих рабочих от большого риска. Видели, как лежат шахтеры в забоях? Того и гляди, подрубленный уголь всей массой рухнет на них и погребет под собой. Врубовая машина, въедаясь в стену, идет впереди человека. Она принимает удар на себя. Это хорошее животное.

Мы отправились дальше и скоро попали на поперечный штрек. Сюда конвейер ссыпает свой уголь. Куча черной блестящей щебенки растет на глазах.

Виктор Степанович остановился. Я хочу пройти дальше, но он схватывает меня за рукав, тянет назад. И вдруг вижу: слева из темноты по поперечному штреку лезет мимо меня железная морда с открытой беззубой пастью.

Она скользит вверх по куче угольного щебня, с нее вниз. Остановилась, перевернулась — и вдруг с язгом бросается на кучу, опрокидывает ее в себя, в свою широко разинутую пасть.

И, срезав кучу, с грохотом тащится назад, мимо меня.

— Скрепер, — говорит Виктор Степанович. — По-английски — скребок. Спереди и сзади у него прикреплены стальные канаты. Приводится в движение электрической лебедкой. Тащит угля сразу на целую вагонетку. Теперь проходите скорей, пока он не вернулся за новой порцией.

Мы продолжаем спускаться.

И вот, наконец, выходим в просторный к в е р ш л а г. Это — горизонтальная выработка, проведенная по пустой породе «вкрест» простирания пласта от рудничного двора, где подъемная машина.

Это — уже не слепая нора, по которой мы лезли, и не коридор. Это — подземная улица.

По одну сторону ее тянутся рельсы, железная дорога.

По другую — место для пешеходов, тротуар.

Правда, он не залит асфальтом и не мощен мостками. Три-четыре человека могут идти по нему рядом.

Электрические бледные лампочки крошечными уличными фонарями уходят вдаль, может быть на полкилометра, может быть на километр. И черный потолок над ними навис низко — всего

каких-нибудь три метра от «земли», и кажется ночной тьмой, навалившейся на улицу.

Здесь много людей. Каталя возятся над опрокинутой вагонеткой. Проходит бригада забойщиков. Они похожи на рыбаков, на них поблескивает непромокаемая одежда, резиновые сапоги, круглополые кожаные зюйдвестки. У каждого в руке шахтерская лампочка-фонарик.

Проходит инженер с двумя рабочими, проходят работницы с лопатами. Они пересмеиваются, и одна из них весело и бойко затягивает песню.

Мы идем все дальше и дальше по квершлагу, встречаем все новых людей. И глядя на прохожих, то веселых, то озабоченных, я совсем забываю, что над нами добрых семьдесят метров тяжелой земли. Мне начинает казаться, что я в каком-то фантастическом городе, где вечная тьма и слепые стены домов по краям улиц. И меня безмерно удивляет, что люди тут такие же, как везде.

Они спокойно делают свое дело. И совсем, кажется, не думают о солнечном свете, о просторе полей, о высоте поднебесья.

Но еще больше я удивлен тем, что сам уже не страдаю от этой тьмы, чуть раздвинутой крошечными фонариками, от замогильной сырости.

Мы идем по ночной улице — и вот начинается дождь. Он льет перед нами с низких-низких черных небес, и мы входим под него, как под душ. Крупные капли беспрестанно барабанят по нашим кепкам, блестят лужи под ногами, в лужах отражаются огоньки.

— Вечный дождь тут, — говорит Виктор Степанович. — Пусть там, наверху, светит солнце или пусть вьюга, сорокоградусный мороз, все замерзло — тут льет дождь. Подпочвенные воды сочатся. Вообра...

Вдруг мгновенно потухли все лампочки-фонари. Мгновенно настала тьма.

В жизни своей никогда я не испытывал такой тьмы. Не может на земле быть такая тьма. В ней сразу утонули все звуки, вся жизнь, весь мир.

Что это: катастрофа, конец, смерть? Мы заживо погребены?

* * *

Я открыл глаза.

Свет. Фонарики горят, поблескивают лужи, капают капли, грохочет железо. Навстречу нам с обушками на плечах идут спокойные забойщики. И Виктор Степанович говорит, как будто продолжая начатый разговор:

— ... дается световой сигнал. Смена рабочих.

Неужели тьма длилась одно мгновение? Неужели всего один миг?

Мне кажется — прошла жизнь.

Квершлаг перешел в коренной штрек¹, начались забои.

— Как вам нравится эта змея? — спрашивает Виктор Степанович.

¹ Коренной штрек — главный, основной откаточный штрек.

По полу, по лужам ползает, изгибаясь и подпрыгивая, бесконечно длинная серая змея — резиновый шланг.

Толстую железную голову ее держит за уши забойщик.

В яростной злобе железная голова змеи с молниеносной быстротой выбрасывает, прячет и опять выбрасывает прямое стальное жало: «гвоздит» им в черную стену. Брызгами летит из-под него уголь.

— Отбойный молоток. Действует сжатым воздухом. Резиновый шланг — воздухопровод к нему.

— Все это очень интересно, — говорю я. — Но ведь вы обещали показать мне и живых зверей?

— Покажу, покажу, все покажу. Да вот они и сами.

Он показал вперед по штреку.

Оттуда приближался маленький поезд. Впереди шла лошадь, таща за собой пять вагонеток, полных угля. За ней еще лошадь с вагонетками и еще. На передних вагонетках лежали коногоны.

Лошади шли медленной поступью, низко-низко опустив голову. Трудно было сказать, какой они масти: угольная пыль превратила рыжий цвет в бурый, серый — в черный, белый — в грязно-серый.

Когда они приблизились к нам, я хотел отвернуться.

Я знал, что в шахтах, годами без солнца, лошади слепнут, и не хотел глядеть в ужасные немые глаза этих животных.

Но первая из лошадей встряхнула головой и глянула на меня.

— Зрячая! — удивился я.

— Ну да, — сказал Виктор Степанович. — У нас они не теряют зрения, потому что работают в три смены, по восемь часов. Остальные шестнадцать они проводят наверху, на «дневной поверхности». Вообще лошадь в шахте — это пережиток старины. Мы всюду сейчас, как в Губахе и в Кизиле, вводим под землей электровозы.

— Смотрите, — сказал я. — Как та вот, гривастая, идет: видно, еле тянет.

— Это Манька-то? — встрепенулся коногон и повернулся к нам лицом. — Она нарочно надувается. Хитрющая зверюга! Попробуй ей лишнюю вагонетку прицепи. Полагается пять, она знает. Повернет голову, смотрит и считает. Как начнешь прицеплять шестую, сейчас зауросит, головой замотает, копытами бьет. Она счет знает, право слово, знает. В обиду себя не даст, вре-ешь!

Поезд прошел, и мы направились дальше.

— Вот еще тут по вашей части, — сказал Виктор Степанович.

На стене, немного выше моих колен, висела клетка с канарейкой.

Другая клетка стояла на полу. В ней копошились две розовохвостые белые мыши. Рядом горела на земле шахтерская лампа.

— Свинство! — рассердился я. — Что это еще здесь за любители канареек и белых мышей? За что лишили животных солнечного тепла и света? Да еще и повесили так низко.

— Вы ошибаетесь, — возразил Виктор Степанович. — Канарейка и мыши здесь на государственной службе. О, самая ответственная, самая тонкая и опасная служба! — продолжал он, поймав мой неодобрительный взгляд.

— Дело в том, что здешние бурые угли опасны самовозгоранием. Никакого эффекта, никаких громоподобных взрывов от неосторожно

зажженной спички, как в тех шахтах, где скопляется гремучий газ. Но это не менее страшная вещь. При самовозгорании уголь выделяет смертоносные газы: окись углерода, уголекислоту, метан. Первым делом — окись углерода, угар.

Это ужасный и самый коварный газ, газ-невидимка: без запаха, без вкуса, без цвета. Как его обнаружить? А обнаружить надо сразу же, а то будет поздно: он задушит шахтеров, вспыхнет пожар.

Из всех животных канарейка оказалась наиболее чувствительной к окиси углерода.

Едва в воздух начинает проникать этот газ, канарейка дает знать об опасности поднятием лапок вверх. Попросту сказать — дохнет.

За ней неотступно следят. Только она упадет, сейчас бьют тревогу.

Окись углерода течет на небольшой высоте: так от колен до пояса. Поэтому и клетка с канарейкой висит так низко.

А еще ниже, у самого пола, идет тяжелый уголекислый газ. И вот подите ж: кошка малочувствительна к нему, а мыши чуют сразу. Начинают метаться и дохнут. И лампа, поставленная на пол, тухнет.

Ну, налюбовались? Идем дальше.

Но я не сразу оторвал глаза от этой нахохленной грязно-желтой птички, от невеселых белых мышат.

Эти живые инструменты человеческой хитрой техники поразили меня больше всех виденных в шахте машин.

Виктор Степанович показал мне еще машинную камеру. Там у электрической лебедки сидит женщина — молодая работница. Ежеминутно звонит телефон, она слушает. И сама в телефон дает распоряжения по лавам.

Были мы и в приемном покое. За толстой, плотной дверью небольшая чистая комната. Дощатый пол. Тепло и сухо. Койка у стены, носилки. В углу лежком — тоже молодая женщина.

Удивляюсь я подземным работникам. Мысль о том, что у них над головами каменная кровля в миллионы тонн весом нисколько их не беспокоит. Они работают спокойно, удивительно спокойно. И ни одна из них не запачкает в угле светлых волос или лица.

Побывали мы и в подземной столовой. Это большое помещение, целый зал. Посредине длинные деревянные столы. Груды хлеба на тарелках.

— Ну вот, — говорит Виктор Степанович, — теперь нам осталось побывать только в нижней лаве. Там самые трудные и опасные заботы: сколько раз уж начинался пожар. Пошли!

Я иду за ним по столовой. И вдруг два, три, четыре быстрых зверька выкатываются из темного угла, прошмыгнули по нашим ногам.

— Чертовы крысы! — ругается Виктор Степанович. — И здесь от них нет спасенья.

А я обрадовался им, как родным: вот, наконец, первый зверек, сам, по своей воле, забравшийся сюда. Канарейку, белых мышей в клетках притащил человек, покорных лошадей спустил сюда человек. А эти сами. Они ничего не боятся, и куда проникает человек, проникают за ним и крысы.

— Полноте вы с вашими крысами, — говорит Виктор Степанович. — Гляньте-ка лучше, кто идет нам навстречу.

Мы идем по штреку гуськом: обочина для пешеходов тут очень узка. Рядом грохочет конвейер.

Поднимаю глаза и вижу: навстречу идет собака.

Собака на полторы сотни метров под землей, — что за нелепость. Уж не кажется ли мне?

Да нет, правильно — собака. Довольно крупный пес, дворняга и, видимо, с примесью английского сеттера. Масти невообразимой: как мокрица. Идет с деловым видом, не смотрит по сторонам.

Я останавливаюсь: нам не разойтись на узкой обочине для пешеходов, или псу или мне надо стать на конвейер.

Пес предупреждает меня. Он шагает на движущиеся желобья, осторожно укрепляется на них всеми четырьмя лапами и трясется на месте, пока мы проходим мимо. Потом опять вылезает на «тротуар» и шагает дальше.

От удивленья я все стою на месте и гляжу ему вслед.

— Это что же такое?

— Это, — отвечает Виктор Степанович, — это собака. А вы думали — крыса? А если хотите, так даже не собака, а бригадир Джек. Идемте за ним.

Джек сворачивает в боковой ход, осторожно переступает через подпрыгивающие на земле шланги-змеи.

Мы за ним.

— Здорово, здорово, товарищ командир! — весело здоровается с собакой молодой забойщик. — Так что все в порядке и прогульщиков нет.

Джек снисходительно помахивает хвостом. Он внимательно поглядывает на каждого из рабочих. Потом три раза оборачивается вокруг себя и ложится.

Я накинулся с вопросами: откуда взялся этот пес? Как попал сюда? Давно ли здесь? Кто его обучил? Где хозяин?

И молодой забойщик рассказал нам историю про бригадира Джека.

Года три назад работал в этой шахте один старый забойщик. Его сделали бригадиром над двумя бригадами.

У него был пес, этот вот самый Джек. Ходил с ним на охоту в часы отдыха.

Старик и под землю в помощники стал брать его с собой.

Только один молодой парень невзлюбил собаку и решил ее убить.

Он взял с собой под землю кусок вареного мяса. И когда бригадир ушел в другой забой, парень стал звать пса, манить за собой. Хотел стукнуть его обушком по голове и завалить углем. Потом позвать хозяина и сказать, что собаку убил неожиданно обвалившийся уголь.

А Джек присел вдруг, поднял морду кверху и заскулил. Сидит и воет, как над покойником.

Парень зовет его, мясо сует. Джек не идет. Прибежал бригадир. Он сразу понял, в чем дело.

Поставил свою лампочку на пол. Огонь сейчас же потух.

— Смирно! — закричал бригадир. — Слушай меня — и спокойно.

Забойщики почувствовали, что дело серьезно, и замолкли.

— Видали? — продолжал старик. — Лампа потухла. Джек воет, потому что пошел газ. Газ всех задушит насмерть, если не будете меня слушать. Бери инструмент — и за мной! Джек не выдаст.

Пес уже пошел вправо по штреку — в другую сторону от квершлага и рудничного двора. Бригадир побежал за ним. Забойщики колебались одно мгновение: всем хотелось бежать прямо к рудничному двору, к подъемной машине: скорей умчаться наверх от смертоносного газа.

Но бригадиру подчинялись. Все бросились за ним. Все, кроме одного: того парня, что взялся пристукнуть Джека. Этот побежал в противоположную сторону — прямо к лифту.

Боковым и параллельным штреком Джек вывел бригаду к лифту. Дали сигнал тревоги. Благополучно поднялись наверх, на дневную поверхность, все, кто был в шахте.

А тот парень погиб.

Дело объяснилось просто. Джек инстинктом нашел правильное направление: от газа можно успеть спастись, только идя против тока воздуха.

В шахте работают вентиляторы. Они гонят по штрекам струю воздуха в определенном направлении. Вытягивают воздух наверх.

Все, бежавшие за Джеком, выскочили из струи газа. Парень, бежавший в обратную сторону, двигался по направлению течения газа — и задохся.

Джек стал общим любимцем. Хозяин-бригадир давно перевелся из этой шахты в другую. А Джек остался.

— Хороший человек собака, — любовно закончил забойщик свой рассказ. — Сурьезный.

Виктор Степанович вынул часы.

— Ну-с, нам пора, иначе сегодня не попадем на охоту.

— Да подождите, — отмахиваюсь я. — Надо же как следует поглядеть на это чудо.

Виктор Степанович рассмеялся.

— Ага, задело за живое! Даже охотой не сманить стало из-под земли. Значит, не так-то уж скучно здесь?

— Да подождите вы, — отмахиваюсь я.

— Пошли, пошли! — торопит Виктор Степанович. — На самом деле пропустим зорьку.

А я и забыл, что там, на земле, горит солнце, что время близится к вечеру.

Виктор Степанович повел меня квершлагом прямо к рудничному двору, к «шахтному вокзалу».

К лифту с лязгом и грохотом подходил конный поезд. Коногон соскочил с передней вагонетки. Перед самым лифтом ловко скинул крюк сбруи с кольца на передней стенке вагонетки.

Лошадь без команды свернула в проход между лифтом и стеной.

Раскатившиеся вагонетки с углем по рельсам въехали в клеть, вытолкнули стоявшие там две порожние вагонетки — и остановились.

Дежурная у лифта работница задвинула дверцу клетки и дала два звонка на эстакаду, наверх.

Клеть дрогнула, покачнулась и плавно пошла вверх, в темную дыру.

Дежурная сняла трубку телефона.

— Эстакада? Примите уголь, спустите клеть для подъема двух товарищей. Да-да. Живей давай!

Прошло несколько минут, пока вернулась клеть. Лязгнула дверца.

Мы вошли в клеть.

Дежурная дала пять звонков подряд и через короткий промежуток еще три.

Пол закачался у меня под ногами. Точно кто-то схватил меня за пятки и начал тихонько поднимать от земли.

Конечно, мне не раз приходилось в городах подниматься в лифте на верхние этажи. Там мгновенная тьма сменяется светом, мелькают этажи, но тут другое.

Поскрипывают тросы — стальные канаты. Клеть качается и трещит. Стен не видно, не видно лица соседа, не видно, с какой быстротой поднимаемся. Да и поднимаемся ли вообще? Может быть, давно неподвижно висим в темном колодце над пропастью.

И только растет, все усиливается странный, густой певучий звук.

Что это? Звук не похож на грохот железных шин, не похож ни на один из глухих шумов там, внизу.

Точно кто-то поет, нечеловечески огромная глотка.

Светает. Все стало видно. Вот чьи-то ноги на уровне моих глаз. Пояс. Лицо.

А непонятный звук все гремит, как песня, как гимн.

Стоп! Мы вышли из клетки. Мы под крышей. Выходим в степь.

Какая масса света! А этот звук, — я не узнал его. Ведь это же ветер! Как чудно он поет!

Шагаешь по веселой траве — и не веришь, что там, на сотню метров под ногами, — улицы, железные дороги, гремят машины, работают люди. Что я шагаю высоко над их головами.

ЦВЕТНАЯ НОЧЬ

Мы возвращались на автомобиле с охоты.

Дорога лежала через степь, ровная и прямая, как поваленный телеграфный столб.

Быстро темнело. Но мы уже отмахали километров пятьдесят, до города оставалось пустыки, каких-нибудь полчаса езды. Шофер Петя Носик все прибавлял ходу.

Виктор Степанович ерзал на сиденье, что-то искал в своих бесконечных карманах. Потом сполз вниз, стал перебирать убитую дичь — нашу добычу.

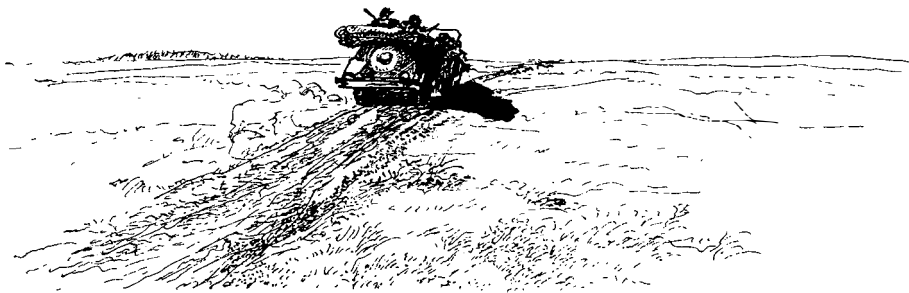
— Что вы ищите?
— Портсигара моего не видали?
— Видел, когда вы брали из него папиросу, на привале. Помните, за канавой сидели, курили, перед тем как сесть в автомобиль?
— Да-да-да!.. Верно. Значит, там я его и оставил. Надо вернуться.

— Полноте! Папиросы у меня есть, хватит до дому. Шут с ним, с портсигаром: он же у вас грошовый.

— Нет, нет, непременно вернемся, он мне до зарезу нужен.

При этом у профессора был ужасно растерянный вид. Волосы на голове вздохматились, даже всегда аккуратная козлиная бородка как-то смешно растопырилась. Он продолжал похлопывать себя по бокам, по бедрам, по груди — всюду, где у него были карманы. Раз пять перекаладывал с места на место свою кепку рябчикового цвета: нет ли под ней портсигара?

— Говорю же: хватит у меня папирос. Нате, закуривайте.

Виктор Степанович закурил, но сказал настойчиво:

— Петя, дорогой, давай поворачивай, поворачивай!

— Ну ты! Не знал, что вы такой скопидом: паршивой деревяшки жаль.

— Да ведь в ней — пропуск.

— Что?

— Пропуск свой я в портсигар засунул. Завтра мне на завод идти, в лабораторию, а меня не пустят.

Я расхохотался.

— Ну, знаете, вы точь-в-точь как один мой очень юный и беспокойный сосед в поезде. У меня нижняя полка была, у него — верхняя. Вот ночью просыпаюсь от крика и стонов. Он стоит на полу, на своем пальто почему-то, и плачет.

— Вы что? — спрашиваю.

— Пальто упало! — отвечает, хныкая.

— Эка, подумаешь, важность — упало. Ну, поднимите, почистите ваше пальто, всего и дела.

— Да... А в пальто я лежал.

Мой анекдот не рассмешил Виктора Степановича: профессор слишком был озабочен.

Петя Носик молча заворотил машину, дал скорость и включил свет.

Сразу утонула в темноте степь. Черная ночь придвинулась к целлулоидным боковым окошечкам автомобиля. Но впереди, в ярком свете фар, открылась волшебная картина: там ночь была цветная.

Первый раз в жизни я мчался по дикой уральской степи ночью. И совсем по-новому открылась мне эта — казалось, такая знакомая — степь.

Широкая дорога убежала куда-то под ноги, вращалась, как бесконечная лента конвейера. Белого, серого, бурого, желтого цвета.

Придорожная полынь казалась лесом, каждый кустик травы — деревом.

Маленький лес этот точно откуда-то издалека бежал к нам навстречу, но вдруг исчезал, так и не добежав.

Деревья казались гигантскими. Вершинами они уперлись в черное небо. Яркая желто-зеленая листва их блестела, как стекло.

Виктор Степанович все шарил по своим карманам и что-то озаченно бормотал себе под нос.

— Да посмотрите, какие чудеса впереди! Бросьте думать о портсигаре, найдем.

— Найдешь его...

В эту минуту впереди из-под колес веером брызнули большие белые хлопья и исчезли справа и слева.

Из темноты раздался резкий лающий голос белых куропаток.

Тут даже Виктор Степанович не выдержал.

— Ишь ругаются! Слышите, кричат: «Будь ты проклят, будь ты проклят, будь ты проклят: напугал, напугал, напугал!» Это они тебя, Петя.

Петя рассмеялся. Скороговоркой произнесенные проклятия были в самом деле очень похожи на крик испуганных куропаток.

— Носик, наддай ходу! — попросил Виктор Степанович.

— Гляньте! — закричал вдруг Петя.

Впереди прыгал на дороге ушастый зайчишка. Ослепленный неожиданным светом, он смешно и неуклюже подпрыгивал на одном месте, точно у него спустились штанишки и мешают бежать.

Петя Носик направил машину прямо на него.

Перепуганный заяц скакнул влево, но сейчас же повернулся и запрыгал назад.

Добежал до канавы и опять, чего-то испугавшись, отскочил на середину широкой дороги.

Петя, ловко играя баранкой руля, гонялся за зайцем из стороны в сторону.

«Жжип!» — машина чуть-чуть было не задела его колесом.

Но заяц сделал отчаянный, какой-то нелепый прыжок боком — и сразу пропал в темноте.

Петя Носик хохотал.

Виктор Степанович бормотал себе под нос:

— Тоже ночной гуляка! И чего их носит ночью на дорогу?

Километров тридцать мы проехали очень быстро. Проскочили две деревеньки.

Там уже спали; даже собаки не приветствовали нас лаем.

До места нашего привала осталось недалеко.

Вдруг я увидел: впереди на дороге блеснула узкая полоска ярко-ярко-зеленого пламени, исчезла, опять зажглась.

Что-то зловещее было в этом фосфорическом огоньке. И еще страшней он стал, когда вдруг распался на два круглых кружка, два пристальных фонарика-глаза.

— Зверь! — крикнул я.

Но его уже заметили Петя и Виктор Степанович. Петя разом схватился за рычаг: прибавить скорости. Виктор Степанович выхватил ружье из чехла.

Да, это был зверь, и недобрый зверь. Мы увидели его всего, когда он повернулся к нам боком, сверкнул в последний раз зелеными глазами. Оба огонька при этом быстром его движении слились в одну полоску.

Это был матерый волк. В ярком свете фар, возвышаясь над лесом полыни, он казался настоящим чудовищем.

Темно-бурая шерсть горбом встала у него на спине и груди. Морда блеснула белым оскалом зубов. Тяжелый толстый хвост поднялся на уровень спины, и зверь точно сразу вырос вдвое.

Все это длилось одно мгновенье: волк быстро повернул и помчался от нас прямо по дороге.

Мы с Виктором Степановичем переглянулись и без слов поняли друг друга: стрелять, распахнув дверцу закрытого автомобиля, было невозможно. Вся надежда была на Петю.

Петя это и сам знал. Он только отрывисто бросил нам:

— Держись!

И мы понеслись.

Это было состязание между живыми мышцами дикого зверя и силой человеческой техники. Ставки были приблизительно равные: волк, проиграв, рисковал жизнью. Жизнью рисковали и мы: какая-нибудь яма на дороге, случайно попавший под колеса камень — и мы разбились бы вместе с машиной.

По совершенно ровной дороге мы могли развить чудовищную скорость. И еще было у нас преимущество: мы не могли устать. Горючего было достаточно.

Но и у волка был свой козырь.

Дорога была не совсем гладкой, местами попадалась щебенка, местами неровности. Волку это не мешало, а машину задерживало.

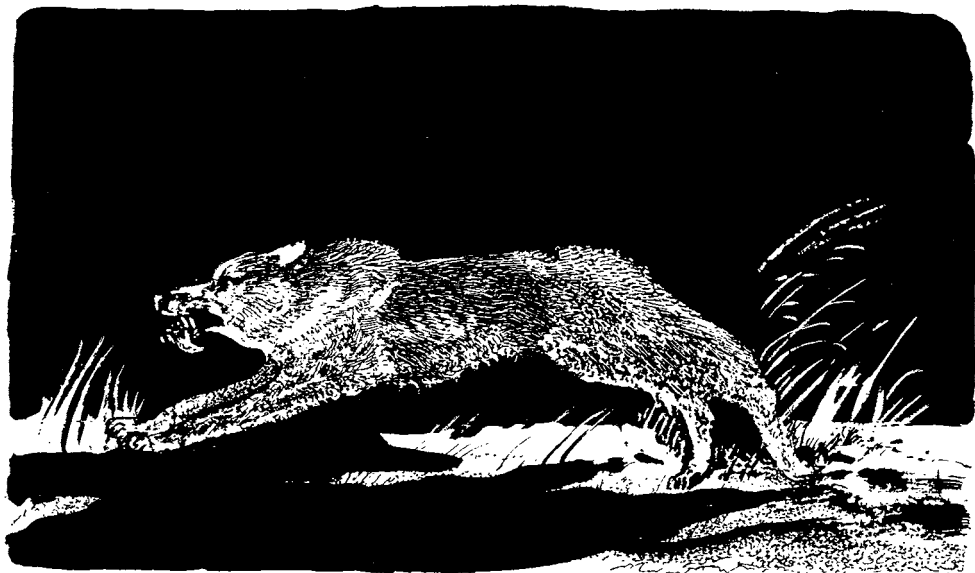
Мы с Виктором Степановичем впились пальцами в спинку переднего сиденья. Перебегали глазами с волчьего хвоста на белый круг спидометра, где черная стрелка показывала скорость нашего движения. Мы ведь были только зрителями, хотя и мчались вместе с гонщиком и рисковали вместе с ним сломать себе шею.

Все зависело от искусства Пети Носика — шофера.

Волк трусил от нас рысцой, и, казалось, небыстрой. Но это только казалось: стрелка спидометра прыгнула с цифры 20 к цифре 40, стала против нее.

Значит, мы мчались уже с быстротой сорока километров в час, — с быстротой лучших лошадей на бегах.

Волк продолжал уходить трусцой. Но расстояние между нами не уменьшалось.

— Гони! Гони! — сквозь плотно сжатые зубы страшным голосом хрипел Виктор Степанович.

Он был бледен. Петя еще наддал.

Волк и тут не перешел в галоп.

Ни разу он не обернулся. Да и не мог обернуться: так устроена его шея, позвоночный столб. Но, видно, хорошо знал, где мы: еще прибавил ходу, шел все на том же расстоянии от машины.

Машина гудела и подсакивала. Нас трясло в ней, как от лихорадки.

— И-эх! — вырвалось у Виктора Степановича.

Петя замедлил ход. Пошли ухабы.

Волк уходил от нас.

Но не прошло и минуты — дорога стала ровной, мы опять помчались с прежней скоростью.

— Жарь, жарь, жарь! — как в бреду твердил Виктор Степанович.

Расстояние между волчьим хвостом и нами стало заметно уменьшаться.

Машина подозрительно скрипела. Но Петя не сбавлял ходу.

Уже ясно можно было различить свалянную шерсть на толстом полене¹.

Виктор Степанович вдруг откинулся на сиденье.

— Брось, Носик! — сказал он совсем другим голосом. — Ясно же, не может живое тело тягаться с машиной.

Казалось, у него пропал всякий интерес к состязанию. Даже нотка сожаления к зверю зазвучала в его словах.

Я его понимал. Мне тоже жалковато было зверя. Но Петя не философствовал. Он еще прибавил скорости.

Мы с Виктором Степановичем крепче вцепились в сиденье,

¹ «Поленом» у охотников называется волчий хвост.

уперлись ногами: сейчас мы налетим на волка, будет толчок, хрустнут под колесами кости...

Волк был от нас в каких-нибудь двадцати шагах.

Вдруг Петя повернул рулевое колесо: дорога круто сворачивала в сторону. На мгновение полоса света упала в степь. Волк мчался по ней. Мы повернули. Свет опять лег вдоль дороги. Но волка на ней уже не было.

— Ушел! — с досадой крикнул Петя.

Так — неожиданно — состязание окончилось вничью, горячий спор прервался навсегда.

Петя умерил ход и рукавом вытер пот со лба.

Все молчали.

Мы присмотрелись к местности и скоро остановили машину: мы были у того места, куда ехали.

Когда мы вылезли из автомобиля, Петя поставил машину так, чтобы свет фар освещал то место, где мы после охоты отдыхали.

Все трое тщательно осмотрели траву, канаву. Но портсигара не нашли.

Мрачный сел Виктор Степанович в автомобиль. Мы поехали.

— Однако не понимаю, — произнес профессор, — кой черт он раньше не нашелся?

— Кто? Портсигар?

— Какой портсигар? Ведь стоило ему только свернуть с дороги — и он ушел бы от нас. Значит, для него не линия дороги определяет направление бега. Значит, он прямо, все прямо бежит, как по ниточке.

— Виктор Степаныч! — вдруг перебил Петя Носик. — А откуда вы папиросу взяли?

— А? Какую папиросу? Эту? Да из кепки. Кепка на пол упала, из нее папироса и вывалилась.

— Так взгляните-ка, — наверно, и портсигар там?

Виктор Степанович схватил кепку.

— Совершенно правильно: вот же он... Я его, значит, в шапку... И пропуск тут. Вот удивительно! Зачем же мы столько времени и бензина потратили, а?

Я сказал:

— Виктор Степанович, вы — волк.

Профессор подскочил.

— Я?.. Как так волк?

— А так. Вам стоило только протянуть руку, чтобы взять пропуск. А вы всю ночь мчались за ним по степи. Вот так и волк. Пропуск был у него в кармане: стоило ему только свернуть с дороги — и он спасен.

Не могли же мы за ним прыгать на машине через канаву.

Но зверь бежит по дороге, освещенный фарами.

Бежит по ней, как по коридору. Резкие границы тьмы кажутся ему сплошными, неприступными стенами, стенами до самого неба.

Ему и невдомек, что препятствие это — мнимое, призрачное препятствие. Стоит только взять вбок...

— Понимаю! — вскричал Виктор Степанович. — Вы правы: я — волк.

НАД ЗЕМЛЕЙ

Автомобиль мчал нас за город — на аэродром. Покачиваясь на мягком сиденье, мы молчали. И мне и моему спутнику первый раз в жизни предстояло подняться на воздух, — и каждый из нас был погружен в свои мысли.

Я думал: «...Мчаться по воздуху, чтобы дух захватило! Чтобы небо крутилось и земля убежала назад. Чтобы все неподвижное ожило, леса сорвались и горы сдвинулись с мест. Какое высокое наслаждение — летать! И видеть с высоты как на ладошке все, что бегаёт, ползает, копошится на земле... Все сразу видеть...»

Торжественное настроение охватило меня. И я, обращаясь к своему спутнику — к человеку, который сейчас разделит со мной радость первого полета над родной землей, — проникновенным голосом сказал:

— Профессор, дорогой Виктор Степанович, о чем вы думаете в эти минуты?

Профессор мотнул бородкой, поднял на меня задумчивые глаза.

— Я думаю, — сказал он медленно, — о песьей масти.

— Как? — переспросил я, ничего не поняв от неожиданности.

— О собачьей масти, — повторил Виктор Степанович. — Здесь, в Челябинской области, великолепная охота на уток и гусей. Вот я и думаю: какая собачья масть лучше всего подойдет для этой охоты? Вы как считаете? А?

— Зеленая! — буркнул я сердито. Вся торжественность минуты мигом испарилась от такого вопроса.

Профессор даже не улыбнулся.

— Зеленая, конечно, была бы идеальной, — согласился он все так же задумчиво. — «Защитный» цвет — под траву, камыши. Вот и горе, что до сих пор не вывели зеленых собак.

— Так возьмите да выкрасьте, — злился я.

— Постойте, вы серьезно мне скажите. Я думаю, бурая или кофейная. Под цвет земли. А? Как вы полагаете?

Я вздохнул: раз уж профессор всерьез задался каким-нибудь вопросом, ни о чем другом с ним не поговоришь.

— Кофейной масти мой Джим, — уныло ответил я. — А теперь я завел себе Боя в пегой рубашке: большие черные заплатки на белом да еще желтые пятна на морде и лапах. И могу вас заверить. Кофейного Джима утка издали замечает, а пегого Боя — нет.

— Ну, ну, ну! — замахал рукой профессор. — Простите, но ведь это же абсурд! Белые пятна на черном! На фоне зеленой, желтой травы и листы, на бурой земле — всюду белый цвет самый броский. Не станете же вы на утиные засидки надевать белый балахон?

— Это другое дело.

— Нет, позвольте: почему же другое? Речь идет о наиболее незаметной окраске. Посмотрите, птицы: гуси — серые, утки — серые.

— А нырок-гоголь? Он черный с белым. А сорока-белобока?

— Что ж, исключения только подтверждают правило. Давайте рассуждать логически. Мое положение: чтобы собака не была издали заметна птице, надо, чтобы ее масть подходила под цвет окружающей

обстановки. Белый и черный цвет всего заметней на фоне зелени и земли. Теперь ваши доказательства. Ну-с?

Я был приперт к стене. На основании опыта я был уверен в своей правоте, но доказательств у меня не было никаких. Почему, правда, птицы издали не замечают моего Боя?

И я очень обрадовался, что как раз тут шофер остановил машину и объявил: «Приехали!»

«Ну, теперь будет не до спора, — облегченно подумал я, — забудется».

Мы вышли из автомобиля.

Среди грязноватого от осенних дождей поля — маяк: простой деревянный барак с флагом. Невдалеке от него стоят три маленьких самолета в чехлах.

Летчик встретил нас у крыльца барака. Он еще совсем молодой, высокий, красивый. И с такими спокойно-внимательными глазами, что — скинь он форму, — я, наверно, бы принял его за врача.

— Полуянов, — отрекомендовался он, по очереди подавая нам свою громадную руку. — В первый раз летите?

И он объяснил нам правила поведения воздушных пассажиров.

Механик с рабочим возились около среднего самолета, сняли с него чехол, проверили работу мотора.

Я подошел к аппарату.

Небольшая деревянная рыбина с крыльями непрочностью своей напомнила мне змея, что клеили мы в детстве из лучины, перетягивали тонкими веревочками. Казалось, сядешь в эту легкую построечку, — она затрещит по всем швам.

На теле деревянной рыбины чернели крупные буквы:

СССР А-534.

И ближе к хвосту, помельче:

Вес конструкции 687—703 кг.

Вес в полете — 1034 кг.

«Вот именно — конструкция, — думал я, глядя на непрочную построечку воздушной машины. — На «конструкции» и полетим».

Это был маленький двухместный открытый биплан со стосильным мотором. В теле «рыбины» между местами пилота и задним прилажено еще одно сиденье — для второго пассажира.

Подошел Полуянов с Виктором Степановичем — оба в шлемах и очках. Летчик дал мне ваты, предложил заложить в уши. Надел на меня автомобильные очки и шлем.

Вслед за Виктором Степановичем я взшел по крылу и, перекинув ноги через борт, опустился на мягкое сиденье. Механик застегнул у меня на животе широкий пояс — привязал к сиденью.

Над бортом теперь осталась только моя голова да плечи. Перед носом торчал круглый затылок Виктора Степановича в шлеме. На переднем сиденье усаживался Полуянов. Он повернул к нам свое большое улыбающееся лицо, и я услышал сквозь шлем и вату:

— Тут у меня зеркальце, я буду вас видеть. Если вам станет нехорошо...

Он спустился на свое сиденье. Механик, стоя сбоку, взялся рукой за неподвижный пропеллер.

— Внимание!

— Есть внимание! — неторопливо отозвался голос летчика.

— Контакт!

— Есть контакт!

И механик крутнул пропеллер; мотор загудел. Сердце екнуло... Вот он, торжественный момент: сейчас самолет оторвется от земного шара — и я помчусь по воздуху.

Легкая «конструкция» поскакала по полю, потряхивая нас на каждой кочке. Побежали мимо бараки, березовая рощица.

«Вот неудача! Еще опрокинется...» — и я глянул вдоль крыла.

Там, глубоко под нами, виднелся крошечный барак и смешно торчали голыми прутиками березы облетевшей рощицы: самолет, оказывается, давно уже снялся с земли и, разворачиваясь на левое крыло, набирал высоту.

Летчик предупреждал: «Когда самолет разворачивается, не смотрите в сторону опустившегося крыла: может закружиться голова».

Но я смотрел — и не мог оторвать глаз от быстро убегавшей земли. Удаляясь, земля крутилась, крутилась, в поле зрения вместо степи подворачивался широко раскинувшийся свои постройки город. Сладко замирало сердце. Но голова ничуть не кружилась.

Всем телом я чувствовал наклон на левую сторону. Хотелось вытянуть правую руку, выправить крен. Но ветер ревел сбоку, между мной и его стихийной силой не было ничего, никакой перегородки, кроме непрочной стенки «конструкции». Я скорей почувствовал, чем подумал: сунешь руку за борт, — ее переломит в локте, как спичку, и умчит ветром...

Я поглядел вправо. Правое крыло уходило прямо в голубое небо. Небо было безоблачно и неподвижно.

Крыло опустилось: самолет выровнялся и стал прямо.

Гудел ветер, ровно стучал мотор.

Меня охватило чувство горделивого восторга: вот я сижу в мягком кресле высоко в воздухе, смотрю на мир и ничего не боюсь.

... Ой — из-под меня будто выдернули сиденье, сердце ухнуло; всем телом я почувствовал, что подо мной пустота. Недоуменный страх.

Но в следующий миг все прошло: упругое сиденье опять подвернулось под меня.

В зеркальце с доброй улыбкой глядело на меня внимательное лицо летчика. По движению его губ — голоса не было слышно за ревом ветра и мотора — я понял: воздушная яма.

Самолет провалился в нее, но сейчас же опять выровнялся.

Я глянул вниз и с удивлением заметил, что мы уже над городом.

Летчик простым, но, кажется, таким величественным жестом показал вниз. Я кивнул головой: дескать, вижу и понимаю.

Потом оказалось, что ничего-то я не понял: думал, он на город показывает, а он указывал нам крышу дома, где мы жили. Но все равно мне бы ее не увидеть: непривычный глаз терялся в этой массе серых квадратиков на карте незнакомого города. С трудом я разобрался в нем и только в самых общих чертах. Вот река, спичечка-мост

через нее. Вот уйма деревянных домишек в середине и большие железно-каменные новые постройки на окраинах: громадный тракторный завод.

Мы летели над Челябинском — городом заводов.

Я сказал «летели». Но это было только знание: ощущение было другое. Если б я не знал, ни за что бы не подумал, что лечу. Казалось, легкая «конструкция» висит между небом и землей, «свободно взвешенная в воздухе», как принято выражаться в физике. Я нисколько не чувствовал быстроты ее движения.

Когда мчишься на лошади, в поезде, в автомобиле, навстречу тебе летят деревья, телеграфные столбы, постройки, подворачивается под ноги земля. Быстротой передвижения окружающих предметов и измеряешь скорость своего движения.

Здесь ничего не летело навстречу. Пустая вселенная, казалось, навеки застыла в неподвижности, прикрытая голубым колпаком. Плоским блином лежит внизу земля. Громадный горизонт (потом я узнал, что мы находились на высоте полутора тысяч метров). Земля кажется дном высохшего моря. Кой-где на ней поблескивают лужицы — это озера. На западе виден берег: длинная узкая полоса — Уральский хребет. И только если внимательно присмотреться, заметишь, что медленно движется, поворачивается под тобой эта живая карта земли.

Тоненький серебряный прутик лежит через город, — я не сразу понял, что это рельсы железной дороги. А та длинная, плюющая дымом коробочка на нем — поезд. И как странно: он медленно, медленно движется назад от города к Уралу.

Это был скорый Москва—Иркутск! Он мчится со скоростью сотрока километров в час — от Урала к городу! (Я потом узнал, что наш самолет летел со скоростью ста десяти километров в час.)

Смотрю, — а мы уже висим не над городом, — над круглыми и продолговатыми лужами.

Эти знакомые озера: не раз я ездил на них из Челябинска — охотиться на уток. Какими же крохотными они кажутся отсюда! И самое удивительное: блестящая вода в них как будто навеки застыла — бороздками, как грязь. Это волны. Но их движения не видно. А ведь сегодня сильный ветер, и если б я плыл по озеру в лодке, меня бы качали, толкали и гнали эти самые волны.

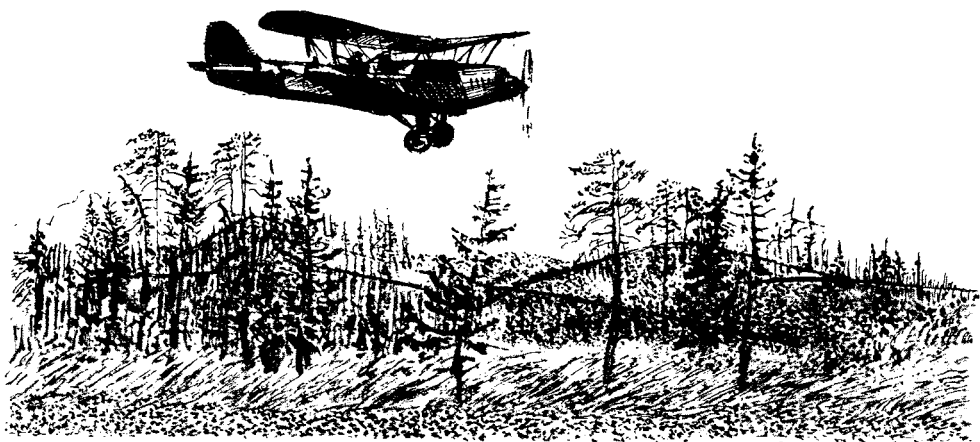
«Как странно, как странно! — думалось мне. — Только скорость, только страшная скорость «конструкции» держит нас в воздухе. Стань на мгновение самолет — и мы скользнули бы вниз, нас разом притянула бы Земля. И вот я мчусь по воздуху, а быстроты этой, скорости передвижения в пространстве, совсем, совсем не чувствую. . .»

И я стал вслушиваться в стук мотора: ведь от него, от этой машины в сотню лошадиных сил, зависит сейчас наша жизнь. Откажет мотор, тогда. . .

И в тот же миг послышались перебои, стук стал реже, реже, раздалась громкие выхлопы, как выстрелы. И мотор замолчал. Я почувствовал: мы падаем вниз. Конец? . .

Я взглянул в зеркальце летчика. Серьезные, внимательные глаза глядели на меня оттуда. Я услышал сквозь вой ветра:

— Вам не холодно?

Ух, черт! А я-то думал. . .

Мотор опять застучал. Летчик выключал его, чтобы задать нам свой заботливый вопрос.

Опять прыгнул подо мной самолет, но это было знакомое ощущение: воздушная яма.

Левое крыло накренилось: поворот. Восторженная радость не оставляла меня, и я не соображал времени. Я все ждал встречи с птицами, но птиц не было.

Впрочем, вот там над озером, — что́ это? Чуть видно: извилистая серая полоска.

Конечно это гуси! Как низко над землей они летят! И очень смешно: вытянули вперед длинные шеи, машут крыльями, — а сами ни с места!

Вот медленно-медленно проплыли назад озера, город. И опять мы висим над степью.

Вот светлая узкая полоска дороги — видней и видней. Можно уже различить на ней стадо коров. Наверно, их гонят в город; головами все к нам.

Я глянул на Виктора Степановича. Его нос торчал из шлема, как птичий клюв, и был направлен вниз. «Тоже, верно, на дорогу смотрит», — подумал я.

Самолет снизился, шел на посадку. Теперь я видел совсем ясно: стадо идет по дороге разреженно, и коровы все на подбор темные: коричневые, черные, красные. Гуртовщики идут по обочинам дороги, сбивают стадо бичами, а коровы почему-то не желают сгрудиться.

Самолет еще круче наклонился на одно крыло — и земля понеслась на меня, штопором ввинчиваясь в глаза. Наконец-то, вот оно: дух прихватило!

Летчик не велел глядеть вниз при посадке. Но я опять не послушал совета. Да и не к чему было: уже явилось доверие к этой летучей «конструкции», и, как ни быстро летели мы к земле, ощущения катастрофы падения не было. Движение по кругу успокаивало нервы.

На последнем кругу земля вдруг подскочила, с бешеной быстротой кинулась ко мне. Завихрились березы, барак с флагом, — и вот

уже «конструкция» неуклюже бежит по полю, подскакивая на всех неровностях, и навстречу нам бежит от барака рабочий. И вот мотор замолк.

Подкатываем к тому месту, откуда поехали, и — стоп!

Хочу подняться — и не могу. Ах, да: ремень ведь! (Я о нем ни разу и не вспомнил).

Отцепил, выскочил, снял шлем, вату из ушей вытянул, — а в ушах все еще шум и кровь стучит.

Вот на крыльце; летчик протягивает большую руку и говорит без улыбки, торжественно:

— Поздравляю с первым воздушным полетом.

И вот опять мы мчимся в автомобиле с Виктором Степановичем — назад в город. Я все еще полон волшебных ощущений полета. Но спутник мой хладнокровно начинает разговор с того места, где кончил его до полета:

— Ну-с, так какие же у вас доказательства, что черная с белым масть хуже видна? . .

Шофер дудит, дудит: мы огибаем большое стадо коров, — то самое, что видели сверху. Гуртовщики кричат и щелкают бичами. А мы с Виктором Степановичем глядим удивленно на стадо: коровы идут тесно сгрудившись, и они разной масти — сколько угодно и пегих среди них.

— А мне казалось сверху. . . — говорит Виктор Степанович.

— Вот в том-то и дело! — кричу я, торжествуя. — С высоты птичьего полета мы видели бурых, черных, кофейных коров, а вот пегих не видели. Пегие спины не складывались для нас в знакомые фигуры, черные и белые пятна разбивали рисунок спины, — и мы принимали их сверху просто за пустые места, за промежутки между животными.

— Да, так, пожалуй, так. . . — задумчиво соглашается мой спутник. — Мир кажется иным с высоты птичьего полета. . . Заведу себе пегую собачку.

ЗАЯЦ-ВСЕЗНАЕЦ

Пришли ко мне из соседнего колхоза два охотника. Завернули табачку, поговорили о том о сем, потом старик и говорит:

— А мы до тебя с делом. Как есть ты человек ученый, каждую животную по имени знаешь, верно, и нам пособить можешь.

— А что такое? — спрашиваю.

Молодой усмехнулся, говорит:

— Сказать стыдно. Заяц нас забирает. Каждый день в колхозном огороде одной капусты сколько потравил. Здоровый русачина.

— Так застрелите его.

— То-то вот и есть, что не дается никак. Уж мы его и с собаками имали, и самострел ладили — нет на него погибели! Видеть — видим, а взять — вот поди ты: как сквозь землю уходит! Уж девки над нами смеются — срам и срам.

— Искушение! . . — забормотал старик. — Хоть попа с кадиллом зови. Намедни шли мы с поля, а он как порскнет из-под ног! Я в его топором, сам поскользнулся да в яму — ух! Весь в грязи вылез, ребята зубы скалят. А он сгинул, как не бывало.

— Чепуха какая! — сказал я. — Заяц как заяц. Чем топором швыряться, вы бы его из ружья ахнули: никуда бы не ушел!

— Пробовали и с ружья, — сказал молодой. — Видали ведь мы зайцев, сами охотники. Уж как хотите, а этот русак не простой. И ловушки знает, и ружье знает, и собаку со всего следу сбить знает. Прямо сказать — заяц-всезнаец. Поди сам спытай, коли не веришь.

— Приходи, сделай милость, — сказал старик. — Может, и повезет тебе счастье. За тем и пришли до тебя.

— Конечно, завтра же буду у вас. Только одно: я убью вашего русака, а вы скажете — не тот.

— Не-е, — протянул молодой и поглядел на старика, — этому не бывать. Скажи-ка им, дядя.

— Что еще? — удивился я.

— А то... — начал старик и запнулся. — Того... Ты, может, за глупых нас считаешь. Да уж все одно: придешь, своими глазами увидишь. У того русака на спине деревянная ручка приделана.

Я чуть не прыснул со смеху.

— Ну, дядя, хватил! Уж если ручка приделана, так остается, как говорится, выкрасить да выбросить вашего русака, и дело с концом.

Старик ничего не сказал, даже не улыбнулся. Молодой осклабился и проговорил как бы с извинением:

— Самим не верко, да вот приходи давай, поглядишь. Может, по-вашему, по-ученому, оно и просто объяснить.

Завернули еще по сигарке, простились и ушли.

Задумался я. Вижу, дело серьезное, и ввязься за него надо немедленно. И не в том беда, что заяц немножко капусты колхозной попортит, а в том, что вокруг него тайна: «ручка» какая-то на спине и эта непонятная способность уходить от ружей, собак и ловушек. Где темная тайна, там быстро растут шепотки да слухи и вырастают глупые суеверия. В памяти деревни пробуждается старый мир, леса и болота, населенные животными-оборотнями, лешие, водяные и всякая нежить. И вон уж — про попа с кадилом поминал старик.

Я решил зайца этого во что бы то ни стало добыть и все его тайны распутать от начала до конца.

Принялся за дело утром на следующий день. Крикнул свою охотничью собаку, взял ружье и отправился в соседний колхоз.

Молодой охотник повел меня на огород невдалеке от деревни, куда, по его словам, каждую ночь приходит таинственный русак. Показал мне дыру в частом о́секе¹ и настороженный здесь лук-самострел. Ловушка была так налажена, что и крыса не могла бы проскочить в огород: стрела бы непременно ее поразила. Дыра в о́секе перетянута крест-накрест совершенно незаметным даже вблизи конским волосом.

¹ О с е к — ограда из кольев и жердей.

Стоит коснуться волоска — самострел разрядится, и стрела полетит прямо в дыру.

Я и стрелу осмотрел: длинное древко и на конце трехзубая железная острога, какой бьют крупную рыбу с лодки, только маленькая.

— Сам в кузнице делал, — сказал охотник с гордостью. — Глянь, зубья-то какие: уж не сорвется.

На железных зубьях были большие зазубрины, язычки, как на рыболовном крючке.

Я спросил:

— Попадался кто-нибудь в эту ловушку?

— Как не попадаться! Четверых зайчат да двух матерых русаков взял за лето. А весной — тогда еще всезнаец-то заяц не приходил — я иду раз утром, гляжу: тетива спущена, а никого нет. И стрелы нет. Так ее и не нашел, пришлось новую сделать.

Пока мы стояли, разговаривали, моя собака тут же у самострела подхватила след, затавкала и пошла скакать через гряды картофеля. Я скинул ружье с плеча, приготовился стрелять.

— Пошел, пошел! — закричал охотник. — Вон стегает.

Здоровый русачина дул через грядки, и я различил на рыжей его спине белую деревяшку величиной с обыкновенную дверную ручку.

До зайца было шагов шестьдесят, ни секунды нельзя было медлить. Я выстрелил как раз в тот момент, когда русачина широким прыжком легко, как кузнечик, поднялся на воздух — перемахнуть осек.

То ли я промазал с непривычки стрелять «влет» по зайцам, то ли еще что, только дробь моя никакого вреда русаку не причинила. Он с невероятной быстротой понесся по полю, а вслед за ним перескочила осек и помчалась собака.

— Видел? — коротко спросил молодой охотник.

— Ничего не доказывает. Собака завернет его, а я возьму дробь покрупней.

— Идемте, — согласился охотник. — Только наперед скажу: уйдет он и от собаки.

— Посмотрим.

К большой моей досаде, охотник оказался прав. Мы видели, как

заяц, далеко опередив собаку, пересек поле и направился прямо к железнодорожному валу. Как раз в это время с грохотом и лязгом мчался по насыпи скорый пассажирский. Заяц исчез в кустах под насыпью, и вагоны прогремели у него над головой.

— И машину знает, — сказал охотник. — Не боится ее ни вот столько. Говорю: заяц-всезнаец. А теперь нам его сегодня больше не видать. Он как дойдет до тех кустов, так здесь и сгинет.

И опять парень оказался прав.

Напрасно с лаем носилась моя собака по кустам, напрасно я прыгал с кочки на кочку в этом болотистом кустарнике. Заяц исчез.

— Каждый раз вот эдак сквозь землю уходит, и все на этом месте, — говорил молодой охотник.

Целый день я отыскивал зайца. К ночи вернулся домой усталый и, надо правду сказать, сильно обескураженный. Орешек оказался крепче, чем я рассчитывал.

Скоро проклятый русак изменил всю мою жизнь. Я забросил работу, вставал с восходом и уже хорошо знакомой дорогой отправлялся на колхозный огород. Почти каждый день я заставал там зайца-всезнайца, но выстрелить по нему больше ни разу не удалось. И каждый раз я терял его из виду в кустах у полотна железной дороги.

В колхозе уже посмеивались надо мной:

— Что, паря, заяц-то, выходит, умней тебя?

И когда я, наконец, явился без ружья и без собаки, старик охотник презрительно улыбнулся и как бы про себя сказал:

— Видать, нечистая-то сила шибче твоей учености.

Я промолчал: у меня был свой план.

На холме за полотном железной дороги стояла дозорная вышка. Я попросил молодого охотника через полчаса прийти с его собаками в огород, а сам прямо отправился к этой вышке и залез на самый верх. Как только я заметил, что охотник приближается к огороду, я поднял бинокль — и уж не отнимал его от глаз, пока первая тайна зайца-всезнайца не была разгадана.

Я видел, как на ладошке: русак перемахнул осек, пересек поле и скрылся в кустах у железнодорожной насыпи. Я стал водить биноклем по рельсам в одну и в другую сторону: у меня была догадка, что заяц, может быть, взбегает на насыпь и удирает по ней.

По рельсам проходил длинный товарный поезд, но русака ни впереди, ни позади него не было.

Кусты были по правую сторону полотна. Я посмотрел на поле с левой стороны полотна и вдруг увидел там как из-под земли выскокившего зайца. Это был заяц-всезнаец: в бинокль ясно различил я белую деревянную ручку у него на спине.

Он тихонько приблизился к маленькому островку деревьев — к рощице посреди поля — и скрылся в ней.

Еще минут пять я не отнимал бинокля от глаз: следил, не выйдет ли заяц из рощицы. Он не вышел. Значит, лежка его была там, в роще.

Не слезая с вышки, я окликнул охотника. Он поднялся на вал.

Я крикнул ему:

— Возьми собак и ступай вон в ту рощицу. Ружье приготовьте: заяц там,

А сам опять приложил бинокль к глазам.

Добрые гончаки живо прихватили след, залились и полным ходом помчались к рошице. Я боялся только, что охотник не сумеет занять настоящего лаза, чтобы застрелить русака, когда тот выскочит из роши.

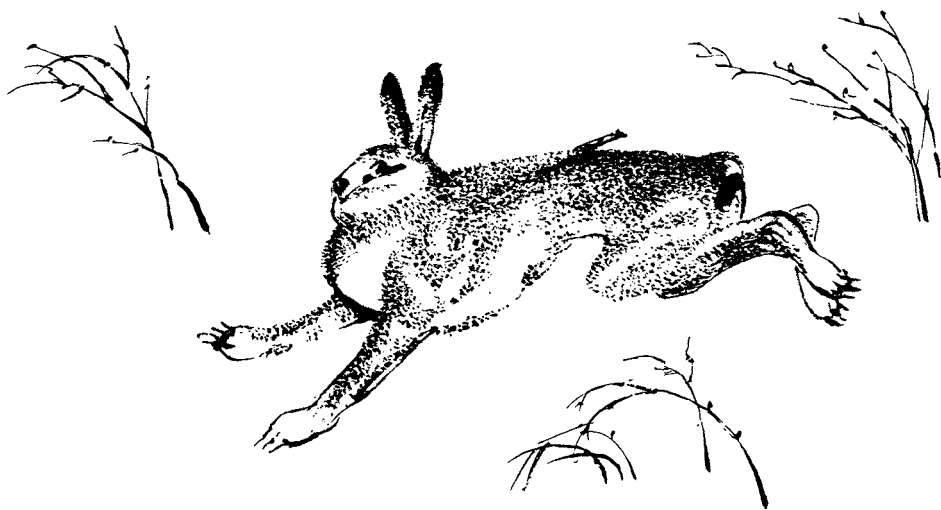
Случилось другое.

Охотник занял хорошую позицию в поле за кусточком. Собаки с лаем дали несколько кругов по роше и вдруг выскочили в поле.

А заяц так и не показался.

После тщетных розысков охотника, самолично обшарившего всю рошу, мне стало ясно, что тут мы наткнулись уже на вторую тайну зайца-всезнайца. Я ведь знал наверно, что он сидит в этой рошице: кругом было чистое, ровное поле, и я бы непременно увидел зайца, если б он выскочил.

Я слез с вышки. И в этот день мне удалось разгадать только пер-

вую тайну зайца-всезнайца: как он сбивает собак со следа в кустах у насыпи.

Неожиданно правы оказались именно охотники-колхозники: русак здесь действительно сквозь землю проходил.

В железнодорожной насыпи была труба, какие прокладывают, чтобы пропустить ручеек, размывающий вал. Местность была болотистая. В кустарнике у насыпи скапливалась вода, а прежде, вероятно, когда строили дорогу, тут и ручеек бежал. Заложили трубу. С тех пор низкое место под насыпью заросло кустами, вход в трубу стал незаметен.

Русак знал его и свободно проходил сквозь трубу. Собаки тут пролезть не могли. А он неожиданно появлялся в поле.

Я попросил молодого охотника никому не говорить про мое открытие, пока я не добуду зайца: ведь вместо одной загадки передо

мной встала другая. Я ума не мог приложить, — куда он девался из рощи? Не на воздух же поднялся!

Взять зайца-всезнайца теперь уже было просто: надо было мне только стать с ружьем по ту сторону насыпи у трубы, а охотника попросить шугнуть русака из огорода. И косою, проскочив трубу, дался бы прямо мне в руки.

Но загадка его исчезновения в роще оставалась неразрешенной, и я дал себе слово взять хитрого русачину только на его лежке. Уж очень интересно было распутать все его хитрости!

Но и эта задача оказалась трудней, чем думалось.

Напрасно ходил я четыре дня подряд с ружьем и собакой, напрасно изучал каждый метр земли в роще. На земле были заячьи следы.

Они кружили и переплетались чуть не под каждым деревом. И каждый раз были свежие следы: собака волновалась и лаяла. Но распутать их не было никакой возможности и нигде не было ни призна лежки.

Лежка русака — это обычно простая ямка, вмятина где-нибудь под кустиком, или под камнем, или под кучей хвороста. Я уж готов был допустить, что тот удивительный русак — заяц-всезнаец — делает себе нору, зарывается в землю, как кролик. Но и норы нигде не было, рощица была без подроста, все видно в ней, каждый следок на земле и большая черная лужа посредине.

Спрятаться здесь заяц никак не мог. И сколько я ни ходил в рощу, я ни разу его тут не видел.

Тогда я опять взялся за бинокль. Только в этот раз полез не на вышку, а на кудрявую иву, с которой хорошо просматривалась роща.

Ждать пришлось недолго: ведь теперь уже я точно знал, в какие часы заяц-всезнаец закусывает на огороде и когда приходит вздремнуть в рощице.

Скоро я увидел, как он появился из трубы под насыпью. Он спокойно пересек открытое поле и прошел прямо под тем деревом, где я сидел.

Конечно, ему и в голову не пришло посмотреть вверх. Он даже и не подозревал о моем присутствии, а я разглядел в бинокль чуть не каждый его волосок. И таинственную деревянную ручку у него на спине.

В ту ночь первый раз со дня знакомства с зайцем-всезнайцем выспался я крепко. Утром встал поздно, поработал и только послеобеда отправился в соседний колхоз — с ружьем, без собаки.

Я пригласил с собой старого охотника, молодого и еще несколько стариков и парней. Я объявил им, что у них на глазах убью всем им известного зайца-всезнайца, которого они принимают за нечистую силу.

Мой уверенный тон сбил с толку насмешников. Перешептываясь между собой, они двинулись за мной.

Все шло как по-писаному.

Гончаки молодого охотника подняли зайца с огорода.

Заяц перемахнул осек, пересек поле и пропал в кустах. Собаки потеряли его след и вернулись к хозяевам.

Я повел колхозников к насыпи и показал им трубу. Все ахнули,

а старик охотник пробормотал что-то насчет того, что ни один заяц в трубу не полезет, не кошка-де.

За полотном железной дороги собаки опять взяли след. Они обгали всю рощу и опять, смущенно поджав хвосты, вышли в поле.

Старик охотник презрительно посмотрел на меня и хмыкнул.

Молодой, наоборот, глядел на меня с доверчивым ожиданием. Я попросил его взять собак на сворку, сказал, что больше они нам не понадобятся. Он охотно повиновался.

Я привел компанию в середину рощицы, к большой черной луже, и снял ружье с плеча. Я сказал:

— Ваш заяц-всезнаец хитер, как лисица. Он нашел себе удивительно безопасное местечко для лежки. Вы стойте в двадцати шагах от него. Можете разговаривать, шуметь, — заяц не выскочит и не побежит. Он уверен, что ни человек, ни собака не найдет его в этом убежище.

Кто-то из колхозников недоверчиво спросил:

— Что ж, по-твоему, в эту лужу, что ли, он нырнул?

— Нырнуть не нырнул, а след свой в ней потопил.

— Полно морочить нас! — сердито вдруг заговорил старик охотник. — Поди, не на дереве сидит, — он показал на дряхлую пузатую приземистую иву посреди лужи. — Не птичка, поди, чтобы по ветвям порхать. Ты, парень. . .

Я прервал его.

— Как раз на этом-то дереве он и сидит. Смотрите.

Я поднял двустволку, прицелился в иву на метр от воды — и выстрелил.

В ту же минуту сбоку из дерева с плеском стеганул в воду ручаина с белой палочкой на спине.

Все были так удивлены неожиданным появлением зайца из дерева, что молча стояли с разинутыми ртами. Никто даже и не подумал выстрелить.

— Разглядели? — спросил я. — Айда за мной!

Я вошел в лужу, и все пошлепали за мной.

Сбоку от того места, где мы только что стояли, в толстом стволе

дряхлой ивы зияла большая дыра — дупло над самой водой. В нем на трухе была вмятина. Там были ясно видны волоски заячьей шерсти.

— Скажи ты. . . Лежка! — ахнул молодой охотник.

Старик только сплюнул и зашлепал назад по луже. Но вдруг он остановился, повернулся к нам и насмешливо проговорил:

— А ручку-то кто ему на спину приделал? Сам себе, что ли?

Но у меня и на этот вопрос был готов ответ. Когда я сидел на дереве и заяц-всезнаец проходил подо мной, я хорошо разглядел в бинокль эту «ручку».

— Сам,— сказал я,— конечно сам, при ближайшем участии вот этого молодого человека, — и я указал на молодого охотника. — Узнал?

— Моей работы! — рассмеялся молодой охотник. — Сам в кузнице ковал. Уж назад не выйдет!

«Ручка» на спине зайца — это был обломок стрелы самострела, установленного молодым охотником в дыре осека на огороде.

Здоровый русачина унес стрелу на себе, обломал ее где-то, а кусок древка с железным трезубцем, застрявшим в теле, так и носит у себя на спине.

ДЖУЛЬБАРС

(РАССКАЗ ВОРОШИЛОВСКОГО СТРЕЛКА)

Прошлого года осенью я был в командировке в Таджикистане.

Сижу как-то в столовке, обеда жду. Вдруг вваливается компания бойцов — всё молодые офицеры. Все очень возбуждены, громко разговаривают, смеются.

Один подходит ко мне, здоровается.

Оказалось, по Ленинграду знакомый. Представил товарищей, рассказал, как мы с ним на ворошиловского стрелка сдавали.

Обедали вместе, и тут узнаю, что вся компания сейчас едет на облаву: какого-то джильбарса стрелять, который много скотины загубил в окрестных кишлаках¹. Какие-то там вырыты окопчики по числу стрелков, и только в одном не хватает стрелка: кто-то из офицеров заболел. И вот они меня с собой приглашают, непременно чтобы ехал с ними, и коня дадут и винтовку.

Я подумал, что джильбарс — местная какая-нибудь порода барса, зверь не такой уж страшный. Здоровая кошка — вот и все. Да и так на меня насели — не было никакой возможности отказаться. Подвиг, знаете, все-таки: население освободить от вредного зверя.

Отправились. Всего каких-нибудь километра два по степи от городка отъехали и остановились.

Дали мне заряженную трехлинейку и подвели к окопчику. Я спу-

¹ К и ш л а к (узбекск.) — деревня.

стился в него, а они дальше поехали — рассаживаться по таким же окопчикам. Очень скоро все с глаз скрылось, и красноармейцы поспешно ускакали назад с нашими конями.

Мне сказали: зверя надо ждать примерно через час. Времени приготовиться хватит.

Окопчик этот — простая яма, по грудь глубиной. Голова и плечи наружу, стрелять очень удобно. А в углу еще дыра, узенький ход вниз, весь в него влезешь, с головой.

Я подумал: «Значит, зверь все-таки опасный. В случае чего — в эту дыру надо нырять, отсиживаться от него. И зачем это я ввязался в эту музыку? Сидел бы сейчас под крышей и никаких зверей, кроме комаров, не боялся».

Правду сказать, всякие мысли в голову лезли: «Ну, барс, джультарс — или как его там? — конечно, не лев. А все-таки с непривычки жутковато: зверь такой, что не только козла, а и здорового кабана берет. А кабан и сам даст на ходу клыком — у человека нога пополам».

Винтовку осмотрел тщательно. В порядке вся.

Кругом огляделся. Ровная-ровная степь. Трава совсем низенькая. Только шагах в двухстах впереди — тугай. Это кустарники такие непроходимые, джунгли. Слева и справа от меня головы соседних стрелков из земли высовываются, поблескивают ружейные стволы. Да очень далеко; зверь набросится — помощи не жди.

Время чем дальше, тем скорее летело. Я все на часы поглядывал.

И вот ровно через час слышу выстрел далеко впереди. Это, я знал, условный знак, что цепь загонщиков двинулась.

И опять полная тишина. Только высоко в небе противным голосом какая-то хищная птица кричит, летает кругами, да часы в моем кармане тикают.

Винтовка у меня давно наготове. И смотрю я, зорко всматриваюсь в тугай. И все мне кажется: вон-вон высунулась из кустов звериная голова, поглядела и скрылась. . .

Сто раз успел передумать, как этот барс выскочит из тугаёв, — серый весь и черные круги по всей шкуре, ростом с гончую собаку,

хвостом в ярости по бокам будет бить. Присядет на ногах, как кошка, и бросится вперед.

Вот перед прыжком и буду стрелять. В голову. Нет, лучше в левый бок ему — в правый, значит, от меня. В сердце. А то по черепу может пуля соскользнуть.

Весь напрягся в ожидании и о времени забыл.

Потом, чувствую, устал стоять, устал вглядываться и вслушиваться. А глаза оторвать от тугаёв боюсь: вдруг он тут и выскочит?

Выхватил часы из кармана, глянул: уж полтора часа прошло после выстрела. Сразу сердце отлегло: сейчас не зверь, сейчас загонщики-красноармейцы покажутся из тугаёв. Пора уж им тут быть.

И уже веселыми глазами стал на тугаи смотреть: зверя уже не боялся.

... А он ползет. Уже почти половину расстояния от тугаёв до меня прополз. И как я его раньше не заметил, прямо не пойму!

Да и совсем не тот зверь, которого я ждал, — не барс.

Оранжево-красный весь, с черными полосами, а длинной, поверите ли, ну прямо с громадную тропическую змею, с удава!

Сознаюсь, сердце у меня так и сжалось. И весь я точно куда-то в пропасть ухнул.

Он не полз, а весь как-то переливался. Брюхо к земле прижато, ног не видно, только широкие круглые лопатки над спиной тихонько шевелятся. А голова — с бычьей. И прямо-прямо на меня ползет. Да быстро ведь, как змея!

Опомнился я, схватился за винтовку. И вот сила привычки: как почувствовал в руках знакомый предмет, прижал приклад к плечу — сразу успокоился.

Локти упер в землю. Выцелил аккуратно в левый бок. Головой-то он ко мне был, так что рядом с его щекой пришлось целиться в плечо.

Вторым суставом указательного пальца, как полагается по правилам, плотно нажал курок. И, кажется, не успел еще замереть звук выстрела, как я оторвал приклад от плеча и щелкнул затвором: послал вторую пулю в ствол — и опять был готов стрелять.

Я ждал страшного рева, громадного прыжка или что зверь разом упадет набок и в конвульсиях захрипит, задрывает тяжелыми лапами. Словом, всего чего хотите, ждал, но только не того, что случилось. Гляжу и глазам не верю: зверь хоть бы дрогнул — ползет, как полз. Так же молча, так же быстро, так же прямо на меня.

Я — ворошиловский стрелок, почти снайпер. Я на расстоянии ста метров из пяти выстрелов не даю промаха в чуть видное черное яблочко мишени. Как я мог промазать?

Одной секунды не было на размышление. От верности прицела и быстроты выстрела зависела моя жизнь. Я это чувствовал всем телом. Я давно уже понял, что это за зверь передо мной — тигр.

Тигр всегда казался мне страшной льва. Ползучая груда мышц и страшная способность одним прыжком, мгновенно, бросать свое многопудовое тело на десяток метров. . .

Во второй раз я прицелился в голову: рассчитал, что если и соскользнет пуля по гладкой кости черепа и зверь кинется на меня, я все же успею еще раз или два выстрелить в него, пока он очутится рядом.

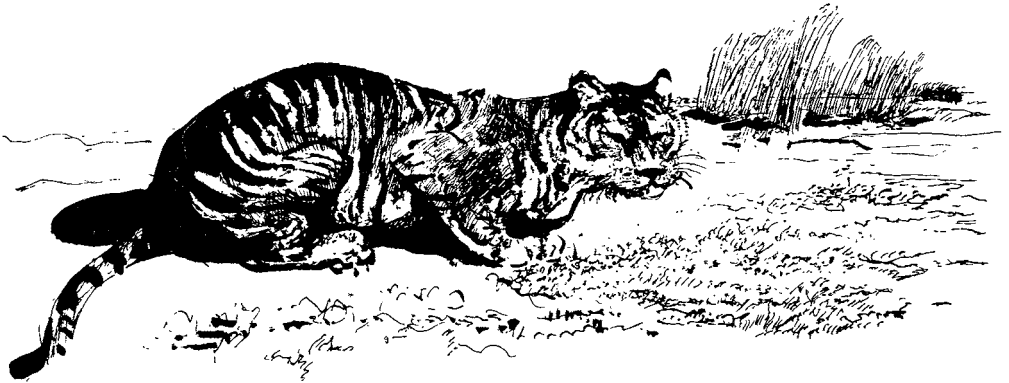
Рука не дрогнула. И после выстрела я опять мгновенно перезарядил винтовку.

Та же картина: зверь молча, быстро ползет на меня. Теперь и семидесяти пяти шагов не было до него, и я уже видел его растопыренные усы.

Что это: мираж, обман зрения? С таким же успехом можно стрелять в легкое облачко тумана.

Когда я выстрелил в третий раз, тигр был в пятидесяти шагах от меня. Я видел его сверкающие глаза. Они не моргнули и после выстрела.

Вдруг меня обожгла страшная догадка: я стреляю холостыми патронами! Ужас моего положения ясно представился мне: остается

два выстрела, я не успею вставить другую обойму. И эти последние патроны — тоже лишь безвредные хлопушки.

Четвертый выстрел я сделал, когда зверь был в каких-нибудь тридцати пяти шагах от меня.

Тигр — ни звука. Только гибкий хвост, который я до того принимал за продолжение его неимоверно длинной спины, заходил по земле, как у кошки, подбирающейся к воробью.

Зверь готовился к прыжку.

Не помню, куда и как я выпустил пятую, последнюю мою пулю. В момент выстрела громадное огненное тело зверя беззвучно, с не постижимой легкостью отделилось от земли и метнулось ко мне.

Я выпустил пустую винтовку из рук, отскочил назад и ногами вниз скользнул в узкую нору на дне окопа.

В тот же миг надо мной нависла страшная пасть зверя. В лицо мне пахнуло горячим зловонным дыханием. Кроваво-красный язык и белые громадные клыки были над самыми моими глазами. Сумасшедший рев совсем оглушил меня.

Я заорал, кажется, еще громче зверя. И потерял сознание.

Очнулся я в постели. У изголовья стоял доктор в белом халате. Вся комната была полна молодых офицеров. У всех были испуганные лица, во всех глазах — напряженное ожидание.

— Как себя чувствуете? — обыкновенным голосом спросил доктор.

Мне все припомнилось сразу.

— А тигр? — спросил я.

Все наперебой закричали:

— Тигр убит!

— Сдох над вами!

— Небывалой величины зверь!

— Блестящая стрельба!

— Все пять пуль в нем!

— Две в левой щеке!

— Две в левом легком!

— Одна в левом плече!

— Если бы чуть пониже, — торопливо вставил мой знакомый, — угодила бы как раз в сердце. А так все пять пуль прошли зверя насквозь, без задержки.

Шкуру убитого мною тигра, или — по-тамошнему — джультбарса, я увидел только через два месяца, уже в Ленинграде. Товарищи по охоте дали из нее сделать ковер. Ковер вышел замечательный, такой большой, что покрывает весь пол в моей комнате.

Но когда я его в первый раз увидел, я вздрогнул: очень уж ярко припомнилось, как эта страшная туша на меня ползла, такая же безмолвная и такая же равнодушная к пулям, как этот ковер.

РОКОВОЙ ЗВЕРЬ

Говорят: сороковой медведь — роковой.

Киприян был темный человек и этому суеверию верил. Убив по счету тридцать девятого медведя, он положил себе этих зверей больше не трогать и стал избегать с ними встреч. На охоту стал ходить только высоко в горы.

В горах Алтая, где жил Киприян, каждый зверь соблюдает свое место. Медведь живет внизу, в черни-черневой, то есть в лиственной тайге. Выше в горы, где пошел пихтач, и еще выше, где чистый кедр, медведя встретишь реже.

Ближе к снежным вершинам — белкам — даже кедр не выдерживает, припадает к земле, ползучим кустарником стелется по холодным скалам. Тут уж если и увидишь медведя, то можно вовсе его не бояться; здесь не его владения, и он сам бежит от человека. Изредка только, в летний зной, вскарабкается косматый на площадку повыше, где рядом с веселой изумрудной травой лежит, ослепительно блистая на солнце, чистый горный снег: любит поваляться, покататься в холодной снежной перине, повыгнать блох из косматой

шубы. И если тут услышит человеческий дух, стрельнет, как заяц, вниз, в родную тайгу, — только и всего.

Зато на холодных этих высотах всегда найдешь большого горного козла с острыми, загнутыми назад ребристыми рогами длиной с локоть. Здесь же пасется и крошечный безрогий оленок с торчащими из-под верхней губы клыками — кабарга.

За кабаргой да горным козлом и стал ходить Киприян, опасаясь, как бы его не заломал роковой сороковой медведь. А когда подошел июнь — время медвежьих свадеб, — старый охотник отправился на белки не тайгой, а скалистой крутой тропой, что ниточкой сбегала с горы к самой избушке Киприяна.

В эту пору медведи становятся беспокойны и встречаются с ними особенно опасно.

Охота была удачной. Киприян застрелил крупного горного козла, взвалил его себе на спину и той же тропой стал осторожно спускаться с вершины. Одностволка его была заряжена пулей. И еще две пули оставались про запас.

Тропа вела карнизом, таким узким, что разойтись на нем не могли бы и два человека.

Над тропой нависла голая, гладкая скала, а под ногами Киприяна развернулась глубокая пропасть.

Тут-то, на повороте этой опасной тропы, против всякого ожидания, охотник и столкнулся нос к носу со своим сороковым медведем.

За спиной у Киприяна был большой мешок с убитым козлом.

Ремни врзались в плечи — не страшнешь. Повернуться, отступить было невозможно.

Оставалось одно: стрелять.

Но старый охотник не мог сразу осилить своего страха перед «сороковым».

Черная лохматая башка глядела из-за камня спереди. Медведь, видно, был удивлен неожиданной встречей не меньше, чем Киприян. Медведь разом остановился. Его подслеповатые глазки беспокойно забегали, нос зашевелился, из горла вырвалось низкое, скорее испуганное, чем угрожающее, рычание.

Медведь тоже не мог повернуться.

Или человек, или зверь должен был быть сброшен в пропасть, чтобы дорога освободилась для оставшегося в живых.

И все же Киприян медлил стрелять: оставалась еще надежда, что медведь попятится и задом уйдет по тропе.

Но и эта надежда пропала: медведь зарычал громче. Вслед за башкой показалась его косматая шея. Зверь наступал.

Киприян быстро поднял ружье, уперся твердо ногами в камень — и выстрелил медведю между глаз.

Дым на миг закрыл камень впереди.

Когда дым отлетел, медвежьей башки уже не было.

Киприян повернул ухо к пропасти. Но звука падения тяжелого тела он не услышал. Это его, впрочем, не смутило: внизу ревела, прыгая через камни, стремительная горная речка.

Киприян вздохнул полной грудью: путь был свободен. И роковой сороковой медведь «обошелся».

Прежде чем двинуться дальше, Киприян снова зарядил пулей свою одностволку.

А когда он поднял глаза от ружья, лохматая медвежья башка опять глядела на него из-за поворота тропы.

Киприян себе не верил: его пуля не причинила никакого вреда зверю. Так же торчала во все стороны жесткая шерсть на лбу. Даже легкой царапины не было заметно. И только маленькие глазки налились злою кровью.

Уж не рассуждая, Киприян приложился и спустил курок как раз в тот момент, когда зверь раскрыл пасть и двинулся вперед.

Ужасающий рев, такой рев, какого старый медвежатник в жизнь свою не слышал, прогремел из белого облака дыма.

Звериная башка исчезла.

Пот выступил на ладонях, и ноги дрожали у Киприяна.

Все-таки он заставил себя опять перезарядить ружье.

При этом он не спускал глаз с поворота тропы и с ужасом видел, как из-за камня медленно выступает черный ноздреватый нос, за ним блестящие красные глазки и широкий лоб зверя — без капли крови на лохматой шерсти.

Роковой медведь был неуязвим для метких пуль старого охотника.

Зверь — Киприяну казалось — только выростал, башка становилась все больше после каждого выстрела. И если в первый раз она высунулась на высоте сапог охотника, теперь она была на высоте его груди.

И в третий раз выстрелил Киприян — прямо в разинутую пасть зверя.

Это была последняя пуля: больше патронов не оставалось.

Страшный рев повторился.

Охотник обезумел.

Не думая, что он делает, с пустым ружьем в руках, он двинулся вперед по тропе: сразу уж столкнуться с ужасным зверем — и конец.

Шагнув за поворот, он очутился лицом к лицу с медведем. И тут произошло такое, чего Киприян никак не ожидал: громадный зверь как-то испуганно хрюкнул, подался назад и задом, задом стал быстро пятиться по тропе.

Киприян наступал, не решаясь, однако, подойти слишком близко к оскаленным зубам медведя.

Тело зверя изгибалось, следуя каждому повороту тропинки. Киприян напирал и напирал.

Вдруг карниз стал шире. Медведь ловко извернулся, мелькнул кучым хвостиком и с необыкновенной быстротой пустился удирать, уже головой вперед.

Когда Киприян дошел до конца карниза, зверь уже исчез в темном кедраче. Шатаясь после пережитого страха, как пьяный, охотник спустился к подножию горы.

Там, на каменистом берегу речки, протекающей глубоко под карнизом, нашел он растерзанных, с пробитыми пулей башками своих трех медведей: рокового сорокового, и сорок первого, и сорок второго сразу.

Первой по карнизу шла медведица. За ней — три медведя.

Только последний из них мог уйти пятясь, потому что сзади на него больше уж никто не напирал.

ЕМУРАНКИ

(РАССКАЗ СЧЕТОВОДА)

Одно лето мы с нашим бухгалтером Ван Ванычем провели в Хакасской автономной области в Западной Сибири.

Поселились мы в избе у тетки Марьюшка, среди степи, на берегу большой реки Абакан, сбегаящей с гор.

Приехали мы сюда, надо прямо сказать, время провести и поохотиться. Однако охота начинается в августе, а мы приехали в середине мая. Ван Ваныч и говорит:

— Не сидеть же сложа руки, паразитами. Надо местному населению помочь. Будем вредителей истреблять.

— Вот дело! — подхватила Марьюшка. — Самые заглавные вредители наши — емуранки. Прямо хоть хлеб не сей — все потравят. Думаем, думаем, как извести емуранок, а толку нет.

Емуранки — суслики, по-здешнему.

— Ну, — говорим, — Марьюшка, уж коли мы возьмемся, так от емуранок и следа не останется. Математически.

И стали мы с Ван Ванычем придумывать, как бы нам ловчей взяться за дело.

Я говорю:

— Очень даже просто: стрелять будем. Станем против норки и, как только эта самая емуранка выглянет, так — бац по носу, и дело с концом. Потом к другой норке. Нас двое. За день каждый из нас, наверное, уж штук по двадцати ухлопает.

До начала охоты два с половиной месяца, или семьдесят пять дней. Сорок на семьдесят пять — три тысячи. Это уж как на арифмометре. Три тысячи емуранок истребим, так километров на десять, наверное, ни одной этой емуранки и в помине не останется. Колхоз нам благодарственный адрес поднесет.

Тут хакаaska вынула трубку изо рта и сказала какое-то короткое сердитое слово.

Ах, да! Я про нее и забыл сказать. Оно и понятно: сидит и молчит.

Она частенько к Марьюшке наезжала. Слезет с коня — они тут все женщины верхом ездят — и в избу. В избе на лавку сядет, сидит и молчит, трубку сосет. Марьюшка ее чаем поит. Чай с маслом: так ей вкусней кажется.

Целый самовар хакаска выпивает — и ничего. Сидит — даже серьги в ушах не шелохнутся. А серьги у нее замечательные: сперва веревочка, потом из проволоки кольцо, потом бомбошка какая-то, потом полтинник серебряный. Чуть колыхнись — звякнет.

Марьюшка-то перед ней разливается и о том и о сем, про нас все выложила: зачем приехали, да откуда, да что делать задумали.

Хакаска трубочку свою потягивает, глядит на нас, а сама — как памятник. Лицо неподвижное, узкие глаза прищурены, как от дыма, в уголках — морщинки.

Марьюшка все ее хвалила: умная, говорит, женщина, справедливая.

Так вот: сказала хакаска Марьюшке свое непонятное слово и вышла из избы.

— Чего это она? — спрашиваю у Марьюшки.

— Да так... Еще, поди, обидитесь...

— Ну, говори, говори!

— Да, по-нашему сказать, дурак, говорит, дурака высидел.

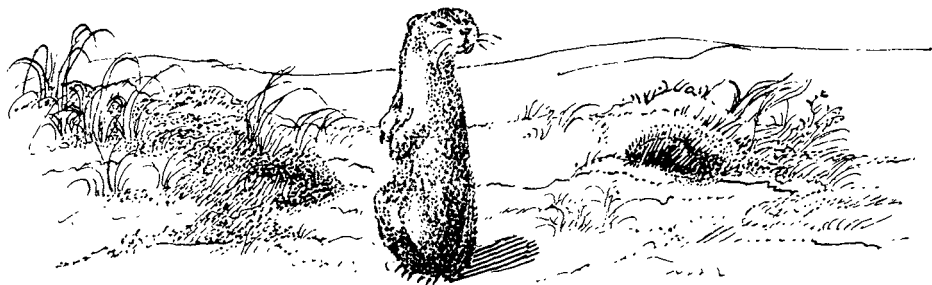
Плюнул тут я с досады. Да ну, думаю, стоит внимание обращать! Надо за дело приниматься.

В тот день набили мы с Ван Ванычем маленьких патрончиков, чтобы пороху да дроби много не тратить: емуранку-то пустяк убить — трех дробинок хватит. А утром отправились в степь. Ван Ваныч к одной норке стал, я — к другой.

Надо сказать, издали видели мы, как эти емуранки у своих норок столбиками стоят, а как стали подходить, засвистели они — и все как сквозь землю провалились. Ну, да ведь голод не тетка: выйдут, как есть захочется.

Но и пятнадцать минут прошло, и полчаса, и час, а нам с Ван Ванычем ни одного даже выстрела сделать не удалось. Мелькнет в норке головка и исчезнет. Ружья поднять не успеешь — где уж тут выстрелить!

Потом еще хуже стало. Вдруг свистнет где-то сзади. Обернешься быстро-быстро — только хвостик увидишь, как он в норке исчезнет. Так со всех сторон — норки ведь кругом — то тут свистнет, то там.

Вертишься, как пугало огородное на ветру, а толку нет. Разыгрывают нас емуранки, прямо разыгрывают!

Часа три промаялись. Ван Ваныч и говорит:

— А ну вас, с вашим арифмометром! Ясно, просчет у вас получился. У меня лысина от солнца разболелась, я домой пойду.

Я остался. Очень уж хотелось доказать, что я прав.

Сел. Ружье на колени приладил: на весу-то держать тяжело. Навел дуло прямо на норку. «Мелькнет, — думаю, — в норке, я его и...»

Мелькнуло. Я — бац! Пыль столбом. Подбежал к норке — ничего нет.

Стрелял я так, стрелял, — все патроны кончил. Одну емуранку убил. А назад шел рекой — уже смеркалось. Вижу, хакаска Марьюшкина на коне неподвижной тенью чернеет над берегом Абакан-реки, вниз усталилась — на воду, в берег ли, не знаю.

С крыльца я обернулся — она передвинулась, в другом месте над берегом стоит. И все, как цапля, в воду глядит.

На другой день Ван Ваныч говорит мне:

— Ясно, ваш способ никуда не годится. Кустарный способ. В таком деле надо в технике быть хорошо подкованным, современные достижения знать.

— Пожалуйста, — говорю, — поищите достижения техники, Ван Ваныч. А я постараюсь пока заснять этих самых емуранок.

Каждое утро стал я в степь выходить, емуранок караулить. И тут у меня ничего не выходило. Уж я аппарат на треножник прилаживал, сам в сторонку отходил. Сколько пластинок испортил. Нет, не даются зверюшки заснять, хоть ты плачь!

Хакаска-председательница что-то к Марьюшке бросила ездить. Зато каждый день с утра до ночи можно было ее видеть на берегу Абакан-реки. С ней теперь была целая артель хакасов, мужчин и женщин с лопатами. И чего-то они все рылись там на берегу.

Потом они бросили приходиться, и я пошел посмотреть на их работу.

Берег разрыт был, но к чему — непонятно. До воды оставалось еще очень далеко, несколько метров. Наверно, хотели воду куда-нибудь отвести, да убедились, что не так-то просто, и бросили.

Дни стояли ясные, и я все со своим аппаратом за емуранками охотился.

Наконец, как-то ночью гроза разразилась. Да не над нами, а в горах где-то. Гром, молния, шум далекий, а у нас — ни дождинки.

Утром встаем — все гремит, тучи клубятся над горами. А над нами — чистое небо.

Я скорей аппарат под мышку и, без всякого чая, шасть в степь. Дело в том, что в норке у емуранок народились малыши и стали уже носы на свет выставлять. Малыши, известно, не так сторожки, как взрослый зверек. И я рассчитывал сегодня непременно хоть два-три удачных снимка сделать с них.

На берегу Абакан-реки чернела в седле хакаска. Увидев меня, она вынула трубку изо рта и что-то мне закричала. Но мне было не до нее. Я отмахнулся рукой и побежал от реки к одному местечку в степи, где еще вчерашний день наметил себе норку с емуранчиками.

Я очень спешил, потому что в горах все еще гремел гром и я боялся, что тучи надвинутся к нам, польет дождь, и уж тогда, конечно, нечего и думать снимать.

Емуранка-мамаша стояла столбиком у норки. Когда я подошел, она резко свистнула и провалилась под землю.

Я установил аппарат в полтора метра от норки.

И вот, наконец-то, мне повезло: через несколько минут из норки высунулась словно бы мышка. Черный глазок, черное ушко.

Я — щелк!

Зверюшка мгновенно исчезла в темной норке. Но было поздно: моментальный снимок был готов.

Не прошло и пяти минут, как снова из норки показалась тупенькая мордочка и сейчас же за ней другая, такая же. Братишки застыли, глядя на меня, как птицы, одним глазом. Ждали, когда я уйду, чтобы выскочить из норки.

Чик! — оба они попали ко мне на пластинку.

В это время я услышал позади себя какой-то странный шелест, шипение какое-то и тревожные свистки емуранок. Оглянулся... и чуть было не опрокинул аппарат на землю.

По степи прямо на меня широким ровным потоком шла вода.

Быстро и бесшумно она разливалась вправо и влево.

Я даже не успел сообразить, откуда вдруг взялась тут вода. Я подхватил аппарат и побежал вправо, к дому.

Поток быстро настиг меня, и через минуту я бежал уже, как по мелкому морю, по колено в воде. Со всех сторон вокруг меня выскакивали из воды емуранки. Завидев меня, с писком кидались назад, в норки; я видел темные отверстия их норок сквозь совершенно прозрачную воду. И емуранки сейчас же снова выскакивали из затопленных норок.

Вокруг меня барахтались в воде мыши, что-то черное проплыло мимо фыркая. Кажется, это был крот.

Как я потом жалел, что не заснял эту замечательную картину! Но в те минуты мне было не до того.

Вода прибывала с изумительной быстротой. Уже вся долина Абакан-реки — долина в три километра ширины — была под водой. Это был настоящий потоп. И я не знал, остановится ли, наконец, вода, или мне суждено так и погибнуть в ней.

К счастью, до избы было недалеко. Ван Ваныч и Марьюшка стояли на крыльце. Марьюшка ахала, всплескивала руками и жалобно причитала. Вода доходила мне уже до пояса.

Когда я вошел в избу, первое, что я увидел, была хакаска-председательница. Она сидела на лавке, ее лицо было так же неподвижно, как всегда, и, как всегда, она одной рукой придерживала трубку, спокойно глядела узкими прищуренными глазами и молчала.

— Вода схлынет через несколько часов, — сказал Ван Ваныч, — но во всей долине Абакан-реки не останется ни одной емуранки, ни одного вредителя-грызуна, даже мыши. Я сдаюсь. Вот эта гражданка, — Ван Ваныч указал на хакаску, — оставила нас обоих с носом. Ясно?

Я перевел глаза на нее.

Все та же неподвижность. Легкий дымок из трубки. Прищуренные бесстрастные глаза.

— Но откуда она могла знать... — начал я.

Ван Ваныч меня перебил.

— Ясно, она знала, что уровень воды в Абакан-реке разом поднимется на несколько метров, когда в горах выпадет большой дождь. Она приготовилась к этому дню: прорыла берег настолько, чтобы большая вода хлынула в степь. Серьезными бедствиями человеческого населению мелкое наводнение не грозит, не грозит и скоту. Но грызуны потонут. И уж вода не пропустит ни одной норки, как мы с вами могли бы пропустить. Сознаться же и вы, что побеждены и вам стыдно за свой кустарный проект!

Я опустил глаза и в самом деле почувствовал, что стыдно.

Когда вода схлынула, мы вышли в степь. Там по всей земле валялись мертвые емуранки — лапки кверху. Нам осталось только закапывать их, и дело с концом.

В ГОРАХ НА КУБАНИ

Дождь и слякоть. Ленинградское грязное небо ползет низко над побуревшими крышами. На черной ветке ободранной липы судорожно дрожит последний жалкий листок.

На двери — сквозь дырочки плоского ящика — что-то белое. Газета? Нет, письмо. На конверте штемпель: «Микоян-Шахар».

От знакомого. С Северного Кавказа.

«...у нас неожиданно разрешили охоту на фазанов: до трех штук на ружье. Приезжайте».

Я как раз собирался поехать куда-нибудь отдохнуть, побродить с ружьем.

Фазан — великолепная птица. Но ехать ради трех штук за тысячу километров...

Хотя там ведь не одни фазаны. Там горы, солнце. «Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей...»

Тот не охотник, кто не жаждет приключений, неожиданных встреч с опасными зверями. И красавцы фазаны!

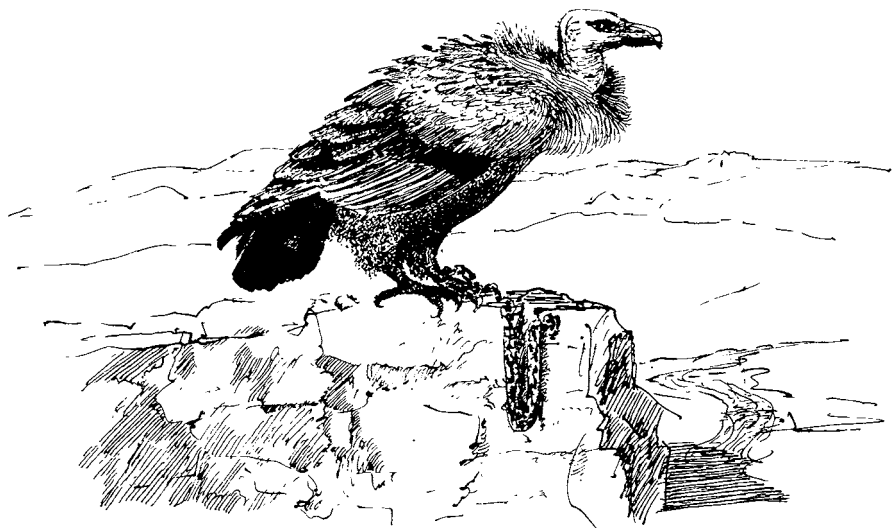
Будет потом что рассказать ребятам.

Еду!

* * *

Три дня в поезде — и вот солнце, глубокое синее небо! Стражами при дорогах стоят стройные пирамидальные тополя; упругая листва фруктовых деревьев роняет легкую кружевную тень на лица прохожих.

Над степью трепещет жаворонок, напевают скворцы у скворешен. А ведь сегодня — первое октября.

Вверх по Кубани железной дороги еще нет. Ходят автобусы. Для защиты пассажиров от пыли машина покрыта тентом. В нем — целлулоидные окошки.

Вижу сквозь них крутой обрыв. Внизу бежит быстрая Кубань. Справа и слева встают на глазах горы.

Так я въезжаю в счастливую долину. Она славится своим прекрасным климатом и тем, что люди здесь живут больше ста лет.

Я тоже согласен жить тут сто лет. Короткая теплая зима, не очень жаркое лето и такое множество безоблачных дней в году.

Все есть в этом счастливом крае: плодородные пашни, тучные пастбища, бахчи, фрукты, в горах кругом — каменный уголь, свинцовая руда с серебром, цинковые и медные руды, алебастр, мрамор. Там бьют родники нарзана, шумят широколиственные рощи — дуб, бук, дикая груша, чинара.

Там сколько хочешь дичи и зверья, а в быстрых реках и ручьях — голубая с красными крапинками красотка-форель.

Километров тридцать от железной дороги отмахал уже автобус. Остановка: станция Красногорская.

Пассажиры выходят размять затекшие ноги, подкрепиться в буфете.

А меня, как зачарованного, притягивает забор из больших каменных плит: на нем лежит очень большая бурая птица с белой головой и шеей — сип белоголовый. Он грозно поднимается мне навстречу, подбирает огромные крылья и втягивает в плечи длинную шею, голову с тяжелым горбатым клювом.

Я остановился. Он успокаивается, вытягивает шею, покрытую густой короткой шерстью, оглядывает ширь долины, цепь запирающих ее гор.

Царь поднебесья, птица великих просторов — гриф! Как ты попал сюда? Смелый ли горец нашел твое гнездо на скале над пропастью и взял тебя беспомощным пушистым птенцом? Меткий ли

охотник, повредив тебе пулей крыло, заставил спланировать к своим ногам из-под облаков?

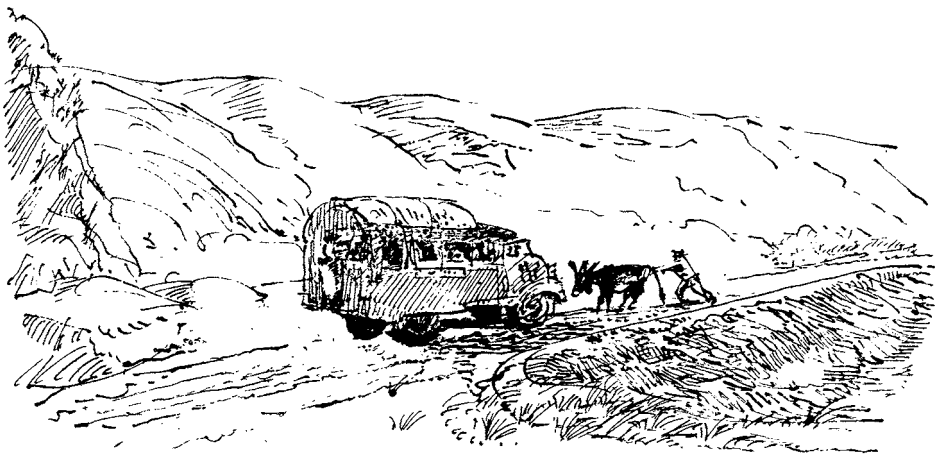
Величавый пленник, переступая с ноги на ногу, гремит цепью. Но шофер уже гудит, сзывая пассажиров.

Усаживаться в машину помогает нам красивый пожилой казак. С прямыми спокойными чертами его лица никак не вяжется удивительная гибкость его спины. Что-то ужиное в его движениях.

— Задаром, Омеля, стараешься, — говорит ему шофер. — Без билета не пущу.

— Дорога, дорога, товарищ начальник! Мне ведь недалеко.

Шофер с треском захлопнул у него перед носом дверцу. Казак крякнул, подхватил с земли узелок, перекинул его через плечо:

— Свисти, машина: я пошел!

И крупно зашагал вперед по дороге.

Автобус зарычал, заскрипел, вздрогнул и медленно покатился по пыльной дороге.

Опять мелькают белые, вымазанные известкой камни, расставленные вдоль дороги по кромке обрыва.

Пасущиеся у дороги лошади уносятся вскачь от машины, не ждут и гудка.

Но вот поперек нашего пути стоит серенький длинноухий осел.

Шофер гудит, гудит, гудит, машина подкатывает к ослу вплотную. Осел стоит, как вкопанный, даже ухом не ведет.

— Н-нет, не поможет! — убежденно говорит словоохотливый пассажир. — Ишак — животное с ба-альшим характером. Я давно замечаю, что ишаки против всяких нововведений. Они против машин. Ишак скорее даст себя пополам перерезать, чем уступит дорогу машине.

Шофер, ругаясь, вылезает, подходит к ослу и непочтительно хватает его за хвост. Осел задом отъезжает с дороги и покорно остается стоять там, где его отпустили. На машину он не смотрит, точно ее и нет.

Мы едем дальше.

Утром я просыпаюсь счастливым в чистой комнате беленького домика. Солнце слепит глаза. Я жмурюсь — хочется доспать. Но все равно горячие лучи слепят даже через веки. Засыпаешь — видишь золотистые сны, слышишь громкое пенье петухов.

Но пора на охоту — попытаться добыть трех фазанов. Я прицепляю на спину рюкзак, беру свою двустволку и прощаюсь с гостеприимным белым городком.

Идти жарко. Цель моего путешествия далеко: ниже станицы Красногорской. Мне шагать туда целый день. Там по низким берегам Кубани густые кустарниковые заросли, и в них живут фазаны.

Я узнал, почему здесь разрешили охоту на них.

Кубань решено перегородить близ выхода ее из гор плотиной. Здесь построят электростанцию, а воду будут регулировать и направлять по сети арыков в сухие ставропольские степи.

Как только закроют шлюзы, вода над плотиной начнет прибывать, выйдет из берегов и зальет низину с густым кустарником над станицей Красногорской. Новые пашни раскинутся в бесплодных ныне степях, а фазаны найдут себе для житья другие места.

Передо мной поднималась гора тремя ярусами: она казалась не очень высокой. И в самом деле — на первый ярус я взобрался в какие-нибудь полчаса.

Тут была широкая терраса с кукурузными полями, с рощами. В тени кустов тек спокойный ручей. Я стал перед ним на колени и протянул руку, чтобы зачерпнуть воды и напиться.

Вдруг из-под самой руки у меня выскользнула небольшая серебристая змея, извиваясь, поплыла через ручей.

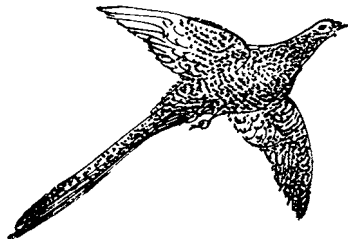
Ах, чтоб тебя! Гадюки здесь ведь страшно ядовиты. Хорош бы я был, если б нечаянно задел ее рукой. Тут, значит, надо быть осторожным, если хочешь прожить сто лет.

Снизу донесся выстрел, потом еще. По склону от террасы шел охотник, впереди него карабкался в гору желто-пегий пойнтер. Стая — или, как тут говорят, «гурт» — голубых птиц мелькнула над кустами и с тревожным криком рассеялась по каменной россыпи. Птицы казались мне сверху не больше скворцов. Их было штук тридцать.

Мне знаком был их крик, я знал, что это горные куропатки-кеклики. Знал и то, что эти птицы ни за что не полетят вниз от охотника, пока есть возможность лететь вверх по горе. Я выбрал самую широкую расселину в каменной стене, забрался в нее и стал дожидаться здесь кекликов. Уверенный, что охотник нагонит их на меня.

Скоро из-под карниза опять раздалось два выстрела и сейчас же показался гурт. Кеклики налетели прямо на меня, и мне удалось свалить двух из них, прежде чем они опустились в камни. Я подобрал добычу и долго не мог налюбоваться ею.

Кеклик побольше нашей серой полевой куропатки и много ярче ее.

Охотник с пойнтером взобрался на карниз. Я вышел к нему, и мы познакомились. Он оказался счетоводом из станицы Красногорской. Он охотно взялся помочь мне добыть трех дозволенных фазанов. Ночевал я в ту ночь у него в станице.

Утром счетовод кликнул своего соседа — красивого пожилого казака. Сосед оказался Омелей, тем самым казаком, что просился без билета в автобус. Узнав, что мы за фазанами, он охотно согласился пойти с нами.

Мы — два охотника — направились низом, где заросли кустарников; Омеля — горой. Он был без ружья — «горовой».

Попасть в летящего фазана не так уж трудно. Трудно поднять его на крыло из заросли. При подходе человека он затаивается и лежит очень крепко.

Напрасно счетовод посылал свою собаку в кусты. Пойнтер долго не хотел идти туда, а когда, наконец, пошел — разом скрылся с глаз.

Прошло пять минут, десять минут, — пес не показывался.

— Значит, стойку сделал, — решил счетовод. — А то давно бы выскочил. Пойду искать его.

Скрылся и счетовод в кустах. Я остановился, стал ждать.

Не скоро раздались выстрелы. Но очень скоро после выстрелов выскочил из кустов пес, а за ним и хозяин. У обоих был жалкий, истерзанный вид.

— Черт их возьмет здесь! — ругался счетовод. — Стойки не держат, бегут от собаки; вырываются невесть где.

Рубаха его была в нескольких местах порвана. Пойнтер, изгнувшись, слизывал алую кровь с короткой шерсти своего тела.

Кусты, где прячутся фазаны, колючие: это заросли дерезы и ожины, как здесь зовут ежевику — ягоду вкусную, но умеющую за себя постоять. В кровь исцарапаешь руки, собирая ее.

— Пойду берегом Кубани, — решил счетовод. — Утром фазаны выходят из зарослей, жируют в траве. А вы дождитесь горового: без него фазанов все равно не увидишь.

Омеля, наконец, показался над обрывом. Мы потихоньку пошли вперед: я — внизу, между обрывом горы и зарослью, он — по краю обрыва. Я то и дело взглядывал на него: перекликаться на фазаньей охоте нельзя, горовой знаками должен показать, где затаилась дичь, откуда заходить охотнику.

Не прошли мы и ста шагов, Омеля остановился. Как милиционер — регулировщик уличного движения, он поднял одну руку над головой, другой на уровне своих плеч показал влево. Я понял: дичь в чаще прямо передо мной, мне нужно обойти ее слева.

Я быстро обежал небольшую куртинку¹ дерезы и оглянулся на горового.

Омеля, не опуская занесенной над головой руки, другой теперь показал вправо.

Я пошел прямо в кусты, но не успел сделать и десяти шагов, как с шумом и треском ракетой взвилась из кустов длиннохвостая круглокрылая серенькая фазанка. Я выждал, когда она, резко меняя вертикальное направление полета на горизонтальное, на миг остановилась в воздухе, — и выстрелил.

Перевернувшись головой вниз, фазанка упала в кусты.

Омеля захлопал в ладоши.

Я подобрал мертвую фазанку и пошел дальше вдоль кустов.

«Больше фазанок не буду стрелять, — решил я, — только петухов».

Время от времени Омеля останавливался и показывал руками, куда мне идти. Он направлял меня прямо на фазанов, но удача покинула меня: птицы или незаметно убегали от меня низом, или взлетали на таком расстоянии, что я зря только посылал им вслед дробь.

«И счетовод не настроляет. Верно, не вышли в траву фазаны».

Только я успел это подумать, с берега раздались выстрелы.

За высокой зарослью я не мог видеть охотника, не знал, в кого он стреляет и удачно ли. Но горовой с высоты видел все. Энергичным жестом он показал мне: летят сюда! И присел: дескать, спрячься.

Я отступил за кусты и почти тотчас же увидел летевших ко мне над зарослью птиц.

Птицы летели под самым солнцем. Еще невысоко поднявшееся солнце слепило меня, я не мог различить даже, какие птицы летят на меня; видел только блеск и мельканье их крыльев. И наугад выстрелил в одну из них.

Аплодисменты горового сказали мне, что я не промазал.

Я был очень доволен своим выстрелом, пока не разыскал добычи: это снова оказалась курочка фазана.

Тогда я решил подойти поближе к горовому и просить его направлять меня только к самцам фазана.

Я стал подниматься по некрутому здесь и каменистому обрыву; вдруг слышу над головой отчаянный крик Омели:

¹ Куртинка — клумба, цветочная грядка в саду; здесь в смысле: островок невысокой поросли.

— Берегись! Гад!

Я не сразу заметил змею, а когда увидел — придется уж со-
знаться — струхнул...

Сверху между камнями двигалось ко мне гладкое коричневое
пресмыкающееся. Я не видел его всего, но не сомневался, что оно
в несколько метров длиной. Об этом говорила и необычайная толщи-
на чудовища: круглое тело его было с мою руку.

— Бей, бей! — кричал Омеля.

Хвост чудовища извивался вверху, когда его голова неожиданно
поднялась над ближним ко мне камнем. Я выстрелил.

Длинное, гибкое тело змеи с разможенной головой сползло
к моим ногам, хлеща по камням хвостом, как плетью.

Тут только я понял, какого дурака сваял, напуганный истош-
ным криком горового: ведь я совсем забыл, что я не в Индии, не
в Америке и что во всей нашей огромной стране нет гигантских
удадов.

Я убил невиннейшее существо — желтопузика. Не змея он даже,
а просто безногая ящерица, нисколько не ядовит и никакого вреда
человеку причинить, конечно, не может.

Вот и хвастай теперь ребятам, вернувшись домой, какое страш-
ное приключение пережил, какой смертельной опасности подвергался
и как, не растерявшись, от нее избавился.

А желтопузик попался действительно крупный: когда я поднял
его за кончик хвоста и выпрямил вверх руку, его разбитая голова
еще касалась земли. А это значит, что было в нем около двух метров.

Омеля не пожелал даже приблизиться к нему: казак испытывал
суеверный страх ко всякому «гаду ползучему» и, хоть не раз, конечно,
видал желтопузиков, живых и мертвых, не потрудился убедиться,
что ядовитых зубов у них нет. Не пришлось и мне доказать ему это...
по причине почти полного отсутствия у желтопузика головы, снесен-
ной моим выстрелом.

Мы продолжали охоту.

Там, где гора ближе подошла к Кубани, Омеля увидел, наконец,
самца-фазана. Направляемый ручной сигнализацией, я долго проби-
рался сквозь колючую заросль. Фазан взлетел только на ее краю,
у самого берега.

И что же это был за великолепный петух!

Жарко брызнули мне в глаза блестящие краски его оперения:
золотисто-зеленая голова, фиолетовая шея, оранжевая спина, медно-
красный хвост.

Весь блеск южного солнца, всю роскошную пестроту неба, воды,
цветов и бабочек счастливого Кавказа щедро подарила природа одной
этой великолепной птице.

Такое это было чудное зрелище, что я на несколько мгновений
забыл о ружье.

Фазан с треском помчался над берегом. Я спохватился и выстре-
лил ему вслед, когда он был уже над рекой.

Радугой сверкнув на солнце, фазан перевернулся хвостом вверх
и упал в воду.

Напрасно, не щадя рук и одежды, бросился я через колючие
кусты к реке. Быстрые волны Кубани подхватили мертвого фазана,

закружили его в неистовой своей пляске и унесли на середину потока. Немного ниже по течению был пережат. Мокрого петуха у меня на глазах ударило два раза о камни, — и от всего его великолепия не осталось и следа:

Омеля ужом спустился с горы и побегал, пересекая мыс, на поворот реки — перехватить фазана ниже по течению. Но скоро и он вернулся. Подходя ко мне, развел руками: пустой, дескать!

Это был третий дозволенный фазан, и мне пришлось прекратить охоту.

Омеля проводил меня до автобусной станции на том берегу.

Подошел автобус.

Я простился с Омелей, сел в машину. Он ловко устроил мой рюкзак на коленях у озадаченного пассажира — моего соседа, захлопнул дверцу, кинул шоферу, как кучеру: «Погоняй!» — и помахал мне шапкой.

Автобус зарычал, заскрипел, вздрогнул и медленно покатился по пыльной дороге.

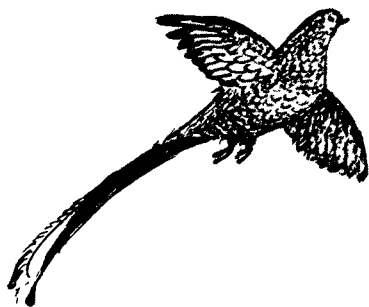
Омеля надел шапку, вытащил из-за пазухи моего мокрого фазана и, подняв его за ножки, крикнул мне вдогонку:

— Бывайте еще! Придете — самоварчик поставим, уйдете — чайку попьем!

Мне было не жалко оставить ему на обед потерявшего всю свою красоту петуха. Я подумал только:

«Нет, проживу хоть до ста лет, а не устану восхищаться фазаньими чудными красками!»

Солнечные зайчики прыгали в листве фруктовых деревьев и весело подмигивали мне.

ЗАДЕРИХВОСТ

Хищник должен прятаться, если хочет подтаиться к добыче.

Большой медведь бесшумно крался по лесу, осторожно переступал голыми подошвами сухие сучки.

Впереди на опушке была куча хвороста.

За ней — луг.

Там паслись кони. Они часто поднимали головы, нюхали ветер. Но ветер дул от них на кучу.

Кони поворачивали головы против ветра и ни чуют, ни видеть хищника не могли.

Вдруг в лесу из хвороста, как пузырек из лужи, выскочил крошечный задерихвост — птичка ростом в сосновую шишку; носик востренький, тельце орешком, хвостик торчком.

И шныряет всегда понизу, как мышь.

Как от него спрячешься, когда у тебя ноги и ступают они по земле?

Медведь пал на брюхо, вжался в мох. Да уж поздно: уже заметил его задерихвост.

Да как затрещит!

И откуда у крохи такой голос: за тысячу шагов вздрогнешь.

Кони заржали, умчались.

В ярости вскочил медведь, кинулся ловить нахального малыша.

Вмиг раскидал всю кучу.

А задерихвост мышонком проскользнул у него между ног и вспорхнул на дерево.

Поди поймай его там!

Всю охоту испортил медведю. С головой его выдал.

И хвостик торчком!

БЕССТРАШНЫЙ БАРС И КАБАНЫ

На одной горе на Кавказе поселился барс¹. С той поры не стало житья зверям — ни горным козлам, ни горным баранам, ни лесным оленям. Все трепетали перед ним.

А барс был так могуч, так хитер, ловок и быстр, что совсем не знал страха.

Вершина горы быстро пустела, и барсу приходилось все ниже и ниже спускаться к долине, чтобы добывать себе мясо.

И вот раз пришел он в дубовый лес на нижнем склоне горы и увидел там стадо черных зверей.

Это были дикие свиньи. Они подбирали под дубами желуди.

Один большой черный кабан копался в земле в стороне от стада. Барс подобрал свои страшные когти и бесшумно, на согнутых бархатных лапах стал подкрадываться к нему, хоронясь за деревьями.

Кабан не видел и не чуял опасности. Это был грозный зверь — секач. Из рта у него торчали в стороны прямые граненые клыки. Он рвал клыками корни, и крепкие корни дуба лопались, как гнилые нитки.

Барс уже близко подобрался к секачу. Когда кабан приподнял голову, барс видел его грозные клыки. Но страха перед ним не чувствовал. И готовился прыгнуть кабану на спину.

Вдруг секач перестал рыть землю. Задвигал своим запачканным в земле пяточком. Барс замер, где стоял.

Секач неожиданно повернулся и с отчаянным хрюканьем сломя голову бросился через кусты. Он мчал напролом через чащу, ломая кусты и ветви. Если на пути ему попадалось деревцо, он ссекал его на бегу клыками.

Секач зачуял барса.

Барс выпустил когти и глубоко царапнул ими землю. Он злился: добыча ушла у него из-под носа.

Но в лесу еще было много кабанов. Барс двинулся дальше. Скоро он увидел в кустах шесть маленьких полосатых поросят. За ними стоял и тревожно оглядывался по сторонам испуганный секач.

Барс припал к земле и вдруг одним сильным прыжком махнул через кусты на спину ближайшему поросенку.

Поросенок даже не пискнул. В тот же миг секач кинулся на барса. Теперь ему было не до страха: он защищал свое стадо.

Но барс проворно отскочил в сторону, и тяжелый, неуклюжий кабан пронесся мимо. Пока он останавливался и поворачивался, барс подскочил к нему сзади и одним ударом тяжелой лапы свалил на землю.

Кабанятина очень пришлась по вкусу барсу, и с этого дня он неотступно следил за кабаньим стадом.

Но стали осторожны кабаны. Куда бы ни направлялось стадо, впереди, с боков и сзади шли сильные секачи, а маленькие поросята — в середине. Тут уж к ним нельзя было подступить. Против целого стада кабанов не выстоять даже барсу.

¹ На Кавказе местные охотники леопарда называют барсом.

И случилось раз, что барс зазевался.

Он шел за кабанями. Вдруг позади него с треском сорвался фазан. Барс обернулся и проводил глазами птицу. Он не заметил, что один из кабанов тоже обернулся и увидел его. Кабан хрюкнул, — все стадо разом повернулось и с шумом помчалось на врага. Барс и тут не струсил. Он в три прыжка достиг ближайшего дерева и мигом взобрался на него. Спокойно разлегся на толстом суку.

Кабаны окружили дерево. Но они ничего не могли сделать ненавистному своему врагу: ведь свиныи не умеют лазать на деревья. Даже головы не могут задрать вверх. Кабаны кружили под деревом и хрюкали от злости.

Солнце жестоко палило. Кабанам было невыносимо жарко. Скоро

они сняли осаду и всем стадом отправились купаться. А барс спустился с дерева и опять пошел за ними следом.

Кабаны нашли большую лужу и залегли в нее по горло. Поросята в мутной жижице дрязгаются, роются розовыми пяточками. А барс из лесу с них глаз не сводит.

Вылезли кабаны из лужи — чушки чушками — и пошли на широкий луг — сохнуть.

Посреди луга стоял большой стог сена, а недалеко от него — дерево. Кабаны давай тереться о стог: сеном вытираться.

* * *

А барс уже ползет к ним из-за дерева. Дополз, выглянул, — исчезли кабаны. Никого не видно. Один только поросенок вертится у стога.

Прыгнул барс — и хватъ его зубами за шиворот! Поросенок как взвизгнет! Даже птички с дерева взвились. И вот штука: стог вскочил!

Вскочил на ножки — и к барсу.

Никогда барс не видел, чтобы стога бегали. Никогда страха

не знал. А тут испугался. Выпустил поросенка, на дерево хотел вскочить... Да ведь стог-то высокий: пожалуй, и на дереве достанет.

Повернулся барс — и со всех ног прыжками пустился наутек по лугу.

А стог за ним мчится. Мчится и рассыпается: из-под него кабаны выскакивают, поросята, свиньи. Они после купанья забились глубоко в сено. А как вскочили — и стог на себе подняли, понесли на спинах.

Рассыпался стог. Пятнистого барса настигли, окружили черные кабаны и полосатые поросята.

Сшибло барса и промчалось по нему кабанье стадо. А там, где промчится кабанье стадо, земля как трактором вспахана, и все, что было на ней, острыми их копытами разорвано в клочья.

Поди собери, что от барса осталось.

ЧЕРНЫЙ

Смирьке недосуг

С вечера потеплело и выпала пороша.

Наутро реюята весело побежали в школу. По дороге перекидывались в снежки.

Один Смирька отставал, плелся сзади.

В лесу реюята свернули тропкой. А Смирька дальше идет дорогой: шарит глазами по снегу.

Ребята ему:

— Айда скорей! Опоздаешь.

А он им:

— Мне недосуг.

Вот чудак: тропкой-то ведь ближе!

Смирькина сестренка крикнула дурашливо:

— Недосуг! Недосуг! Его повесили на сук!

Все засмеялись и больше не стали звать Смирьку.

Над самой тропкой сосны и ели протянули свои ветви. А на ветвях снег. Ребята давай снег друг дружке за шиворот стряхивать. Визг, хохот!

Так незаметно и добежали до школы.

Смирьки, конечно, еще нет. Да о нем и забыли: в школе случилась беда.

Пропал сторожихин Шарик.

Шарика все любили. Он был маленький, кудлатый, старенький. Утром всех встречал добродушным лаем и махал хвостом. После уроков всегда кого-нибудь провожал. Доведет до конца леса — и назад.

И вот Шарик пропал. Сторожиха говорила: еще в полночь брехал, а утром звала — как в воду канул.

Кто говорит, — увели Шарика. Кто говорит, — куда такого старого, кудлатого! Ему, верно, время помирать пришло, он и забился куда-нибудь под сарай.

Пока спорили, и Смирька подошел. Тут звонок зазвонил. Все разбежались по классам.

На переменах ребята облазали сараи, залезали под все школьные постройки.

Шарика нигде не было.

Кончились уроки. Наши ребята вышли на дорогу, глядят: знакомые колхозники едут. Сани порожние.

Ребята попросились:

— Подвезите, дяденьки!

— А садитесь.

Ребята по саням. Кричат Смирьке:

— С нами садись!

А Смирька им:

— Мне недосуг. Я тропкой.

Ну, не чудак ли! Ведь на санях-то, хоть и доро́гой, все равно скорей!

Приехали ребята домой. И уж пообедать успели. Глядь, Смирька бежит. И прямо к охотнику — к Сысой Сысоичу. Раскраснелся весь, пальтушку распахнул.

Ребята спрашивают:

— Ты чего? Ты откуда?

Молчит.

Сысой Сысоич у крыльца дрова рубил.

Смирька к нему и говорит:

— Школьного Шарика зверь-от заел.

Ребята прыснули: заяц, что ли? Страшной зайца да лисы кругом на сто километров зверей нет.

А Смирька руку в карман — и вытащил черную лохматую собачью лапку.

Все так и ахнули: Шарикова лапка-то!

А Сысой Сысоич топор за пояс заткнул, шапку от снега оббил — снег уж с полчасика как опять повалил — и говорит:

— Все может быть. Идем в избу, — доложишь, как про то дознался.

За Смирькой полная изба ребят набилась.

Как страх зародился

Смирька потому не свернул тропкой, что заметил звериный след.

По теплой пороше следы печатные. Разбирать их Смирьку научил Сысой Сысоич, — какие собачьи, какие заячьи, хоря, горностаея. Сысой Сысоич хоть недавно в деревне — первую зиму здесь белку промышляет, — но Смирька все воскресенья с ним неотлучно.

Смирька сразу заметил: совсем особенный след идет вдоль дороги в лесу. Когтистый, лапистый.

Скачками зверь шел: две лапы рядом — промежуток, опять две лапы.

След скоро свернул в чащу, и Смирька поспешил в школу.

Пока ребята на переменах искали Шарика под сараями, Смирька обошел школу полем и заметил на снегу Шариков след. Шариков след шел в лес, к тропке.

Вот Смирька после уроков и пошел Шариковым следом.

Кто его знает, — зачем Шарик ночью в лес побежал? Может, зайца заметил; может, за мышкой; может, еще по каким своим делам.

Скоро Шариков след вышел на тропку и тут пропал: ребята его затоптали.

Смирька шел да шел тропкой, вдруг видит: тот, звериный след поперек, и Шариков — рядом.

Первый, верно, зверь прошел, а Шарик — по его следу.

Смирька свернул с тропки. Валенки в снегу увязают, но ничего — идти можно.

Следы ушли в ельничек, вышли из него, подошли к большой корявой сосне и тут... Тут, под самой сосной, Смирька это и увидел: снег примят, на нем кровь, клочья кудлатой шерсти. И откушенная Шарикова лапка.

В сторону шел один след зверя.

По носу Смирьку мазнуло мокрым. Он поднял голову.

Кружась, падали между веток снежинки.

Но Смирька увидел и другое: невысоко, прямо над тем местом, где лежала Шарикова лапка, торчала большая толстая ветка сосны. С нее свисали клочья свежееободранной кожи.

И Смирька сразу все понял: зверь забрался на сосну. Шарик пришел по его следу; зверь бросился на него сверху и растерзал на месте.

Смирьке стало не по себе: ведь он не знал, какой это зверь. Может, такой, что и на человека бросится. Притаился где-нибудь тут и следит за Смирькой.

Смирька подхватил Шарикову лапку — и скорей назад. Бежал по тропке, все оглядывался: не догоняет ли кто сзади?

* * *

Ребята слушали Смирьку — даже рты разинули. А когда он кончил, перевели глаза на Сысой Сысоича.

Сысой Сысоич задумчиво теребил бороду пальцами и смотрел в окно пустыми глазами.

Все ждали: сейчас он сообразит и объявит всем, какой это зверь.

— Все может быть, — растерянно проговорил наконец Сысой Сысоич. — Что за зверь, — в толк не возьму. Медведь спит, волк — он по деревьям не лазает. Рысь лазает, да ведь ты говоришь — когти на следу?

— Во какие! — сказал Смирька и показал: в полпальца.

— Рысь — кошка. Кошка — та на ходу когти убирает, след у ней вовсе круглый.

Еще подумал Сысой Сысоич и тихо, будто про себя, сказал:

— Мало ли какой зверь в лесу заведется! Может, и названия его не слыхал. А он тебя караулит из чащи, все видит, по пятам за тобой крадется, — почему знать?

И вот, как сказал он это, ребятам сразу стало страшно.

Сказал бы — волк, медведь, все ничего: звери хоть лютые, да по рассказам известные. Сам же Сысой Сысоич рассказывал, как их бил.

А тут — не известно, какой зверь. Какой хочешь: может, с крыльями и по деревьям не лазает, а летает. Пойдешь домой, а он у тебя на крыше, на коньке сидит.

Смирькина сестренка тихонько сказала:

— Ой, девоньки, страшно как!

И все молча гурьбой повалили из избы.

Сысой Сысоич даже не заметил этого.

Он опять уставился в окно и шептал про себя:

— Кабы вот следов не замело. . . Ах ты ну! . . . Ума не приложу: что за зверь такой?

За окном в сумерках густо валил снег.

Страх растет

Утром Смирька водил Сысой Сысоича показывать место, где зверь растерзал Шарика.

Ключья сосновой кожуры все так же свисали с ветки. И ключья Шариковой шерсти нашли, разрыв снег. А от следов и помину не осталось: всю ночь был снегопад.

Зорька — лайка Сысой Сысоича — и та ничего не учуяла. Потыкалась носом в снег, фыркнула и равнодушно зевнула.

С тем и вернулись.

Весь день у ребят только и было разговору, что о таинственном звере. А на следующее утро — в понедельник — всполошилась вся школа.

Случилось вот что.

Накануне ночью школьной сторожихе зачем-то понадобилось в чулан. Чулан в школе — пристроечка к дому.

Старушка тихонько повернула ключ, открыла дверь — да так и села на землю: кто-то чёрный взметнулся в чулане и вылетел через крышу!

В крыше две доски были отодраны, лунный свет лил в щель.

Чёрный исчез, как сгинул. А старуха как закричит — все учителя и учительницы в соседних домиках проснулись.

Прибежали полуодетые, видят: старуха без ума от страха, в крыше дыра, а в чулане целый окорок пропал. Веревочка на гвозде и осколки раздробленной кости окорока валяются на полу.

После этого никто уж не решался идти тропкой. Дорогой и то боялись в одиночку, кучками собирались.

Все дружно ругали Сысой Сысоича: тоже охотником называется, а зверя найти не может! Заглазно ругали: весь тот день Сысой Сысоич пропадал где-то в лесу с лайкой своей Зорькой.

Вечером собрались ребята в Смирькину избу. Смирькин отец

в отъезде был, один дед дома, да тот спит на печи. Можно потолковать на свободе.

Толковали, конечно, все о Черном. Вспоминали, какие на свете есть страшные звери.

Смирькин дед зашуршал вдруг, спустил ноги с печи. Стал рассказывать, какие звери в здешних местах водились на его памяти.

На том месте, где теперь школу построили, самый глухой лес был. Там волки выли. Зимой они забегали в деревни.

А в лесу дед сам не раз медведей видел. Тоже от лося раз на дерево забрался; еле дождался, когда уйдет. . .

И вдруг все слышали легкий шум за окном. Прислушались: чьи-то шаги. Тихие.

Потом зашуршало под другим окном.

Потом заскрипели ступеньки крыльца.

Зашебуршило в сенях.

Затаив дыхание, все повернулись к двери.

Дверь сильно дернуло снаружи.

Смирькина сестренка пронзительно взвизгнула и кошкой стрельнула под лавку.

Клуб белого морозного воздуха вкатился в избу, и вошел Сысой Сысоич.

— Никак у вас тут сходка? — сказал он, закрывая за собой дверь. — Поди, все о Черном толкуете? Ладно, завтра мы со Смирькой представим его вам, глядите да удивляйтесь.

Тут на Сысой Сысоича горохом посыпались вопросы:

— Нашел? Видал? Как звать? Большой?

— А очень страшный? — спросила Смирькина сестренка, вылезая из-под лавки.

— Не страшной страха, — засмеялся Сысой Сысоич. — Сам еще ничего не знаю. Придется уж вам подождать до завтра.

Потом сказал серьезно:

— Одному мне не справиться. Пособишь, Смиря?

Все повернулись к Смирьке.

Смирька поглядел по сторонам, уставился в пол.

— Пойду, — сказал он чуть слышно.

По следам, как по косточкам

Плохо спал Смирька в ту ночь. То любопытство разбирало: какой такой зверь окажется? То страх одолевал: а ну, как не положит зверя Сысой Сысоич с первой пули? Или неожиданно кинется зверь с дерева, как на Шарика?

* * *

Чуть свет забрезжил в окне, постучал Сысой Сысоич.

На дворе был мороз. К Смирьке подбежала Зорька, вскинулась ему на грудь, лизнула в нос.

Сысой Сысоич держал на сворке незнакомого большого гончего пса.

Стали на лыжи, пошли по дороге в школу.

— Боишься? — спросил Сысой Сысоич. — А ты приглядывайся да смекай — вот страх и пройдет. К следам ты приметлив, замечаю. Вон как про Шарика все верно рассказал. По следам ведь все, как по косточкам, разобрать можно.

По следу можно многое про зверя узнать. Про ту же лисицу: поглядишь зорко на след и уж знаешь, самец или самка, молодая или старая, хороша на ней шуба или плоха. Потому, если шуба на лисице хороша, — значит, лисица сыта ходит. А сытая она и ступает не так, как голодная: легко себя носит. Ты следы Черного видел. Вот и смекай про себя: велик ли зверь? Не больше собачьего следа, так ведь?

— Верно, — подтвердил Смирька.

— Значит, ростом и сам зверь не больше собаки. Не такой уж, значит, страшный он, чтобы человеку его бояться. Гляди теперь: тут я следы заметил и вчера с вечера весь этот остров флажками обнес.

Впереди перед ними — на задах у школы — был большой остров леса. Кромкой его шел обрыв: там речка. Низко на деревьях вдоль всей стены леса тянулась бечевка. С нее свисали красные тряпочные языки, друг от друга не больше метра.

— Не знаю, что за черный зверь, — сказал Сысой Сысоич. — А волки и лисицы флажков бояться, не выйдут из круга. Думается, и этот сразу-то на нас не осмелится. Я кругом весь лес флажками обнес. А теперь вот что.

И он рассказал Смирьке свой план.

Сам Сысой Сысоич зайдет справа в лес. Черный, верно, набродил ночью-то в круг. По свежему следу Зорька разом его найдет.

Черный по деревьям лазает. А тот зверь, что может лазать, ходом от собаки уходить не станет. Зорька живо его посадит на дерево. Тут уж дело Сысой Сысоича с дерева его снять.

А Смирьке взять гончего и пройти слева, вдоль кромки леса. Стать посреди, примерно у обрыва над речкой. Если Сысой Сысоичу понадобится гончий, он крикнет. Тогда спустить пса со сворки.

Смирьке не очень-то понравилось, что он будет один: вдруг да не дождется зверь охотника и выскочит на него, на Смирьку? Лучше бы позади Сысой Сысоича тихонько идти. Однако попроситься не решился.

Сысой Сысоич зарядил ружье. Разошлись.

Смирька прошел до середины стены леса и выбрал себе место, где ждать: стал у большой сосны, что наклонно росла у обрыва.

Все-таки не у самого леса. . . в случае чего.

Гончий вел себя смирно. Сел в снег и устался на лес.

Схватка

Смирьке казалось, он простоял целый час, пока наконец услышал в глубине острова тонкий Зорькин лай.

И еще чуть не час прошел, пока раздался выстрел. Гончий так рванул поводок, что Смирька полетел в снег. Но поводка не выпустил.

«Готов! — подумал Смирька поднимаясь. — Идти, что ли, или тут ждать?»

Но Зорька опять залилась. И гончий вскинулся.

Смирька еле удерживал сильного пса.

Вдруг из лесу донесся крик:

— Го-го-гоо! . . кай! . . баку! . .

Смирька понял: «Пускай собаку!»

Он перехватил гончего за ошейник, замерзшими пальцами с трудом отцепил поводок. Пес ринулся в лес.

Стоя с пустым поводком в руках, Смирька соображал:

«Видно, одной Зорьке не справиться. Уходит зверь».

Тоненький лай Зорьки подвигался влево.

Вот там же тяжело, гулко забрежал гончий.

Теперь лай обеих собак слышался все с одного места.

«Опять посадили зверя на дерево, — сообразил Смирька. — Сейчас Сысой Сысоич еще выстрелит».

Тянулось время.

Вдруг лай стал злее. И громче.

Он приближается.

Смирька обернулся: за сосной такая круча, наверняка шею свернешь.

А лай все ближе и ближе.

Смирька поспешно стряхнул с ног лыжи и полез на отлогий ствол сосны. Долез до первого сука, уселся на нем; крепко охватил ствол руками и впился глазами в лес. Собаки лаяли уже совсем близко.

Из-за деревьев вывалилось что-то черное, ростом с овцу.

«Он!» — подумал Смирька и похолодел.

Черный скачками качал в глубоком снегу — прямо к сосне.

Смирька хотел крикнуть что есть мочи. Но горло перехватило.

С громким лаем вынесся из лесу гончий. За ним Зорька. Они быстро настигали зверя.

Но Черный был уже под сосной.

«Полезет — я долой спрыгну!» — успел только подумать Смирька.

Но Черный с разбегу свернулся в клубок — и полетел с обрыва.

Смирьке видно было, как его подбросило на одном выступе, потом на другом.

«Вдребезги!» — решил Смирька. Охватил ствол ногами и съехал на землю.

Зорька и гончий метались под сосной и злобно скулили: они боялись кинуться с кручи.

Потом разом повернули в одну сторону, побежали по краю обрыва туда, где был пологий спуск.

Смирька был уверен, что Черный разбился и лежит теперь под кручей. Взглянул вниз и глазам не поверил: Черный все так же, скачками, махал посередине реки.

Но и собаки уже опять настигали его.

Черный остановился. Упал на спину.

Гончий первый ринулся на него. Но с воем отскочил назад, свалился. Забарахтался в снегу с визгом.

Черный уже бежал дальше. Сзади осторожно насадала на него Зорька. Как только зверь оборачивался, она проворно отскакивала в сторону.

Черный неуклюже взобрался на небольшой обрыв того берега.

«Уйдет!» — подумал Смирька и, тут только вспомнив про Сысой Сысоича, заорал во весь голос:

— Сюда! Сюда!

— Чего орешь? — слышался сзади голос Сысой Сысоича. — Раньше-то что молчал?

Охотник свернул в сторону от сосны и побежал, ловко скользя лыжами по снегу, к спуску. Зорька лаяла за рекой. Смирька нацепил лыжи и тоже побежал к спуску.

Когда он взобрался на тот берег, в роще перед ним грохнул выстрел. И как бы в ответ ему раздался такой страшный рев, что Смирька стал на месте, как вкопанный.

Второй выстрел — и рев оборвался.

Теперь прикончил!

Смирька побежал в рощу.

Смерть страха

Черный неподвижно лежал в снегу. Сысой Сысоич удерживал за ошейник Зорьку: она рвалась вцепиться в зверя.

— Подержи-ка, — сказал Сысой Сысоич, когда Смирька подкатил к нему.

Смирька взял Зорьку, стал ее оглаживать, не спуская глаз с Черного.

Мертвый зверь был весь покрыт длинной жесткой шерстью. Своей лобастой башкой, толстыми лапами он напоминал медведя, но ростом был не больше полугодовалого медвежонка.

Сысой Сысоич поднял его за заднюю лапу.

— Тяжелый, черт! — удивленно пробормотал охотник.

Теперь Смирька увидел, что зверь не весь был черный: по бокам шли широкие желтые полосы, как оглобли.

— Так! — сказал Сысой Сысоич, оглядев зверя. И бросил его в снег. — Впервые довелось такого встретить. А слышать слышал. Говорят, сродни он и хорьку и медведю. Росомаха зовется.

Смирька поспешил рассказать, как зверь с обрыва кинулся и не разбился.

— Говорят, самый крепкий зверь, — сказал Сысой Сысоич. — Крепче медведя. Три заряда съел. И гляди, что с гончаром сделал.

Гончий подходил к ним на трех лапах. На щеке его и от плеча до колена зияла глубокая рваная рана.

— Ну, — заключил Сысой Сысоич, — отплатили за Шарика. Теперь потащим зверя в школу, тут недалеко. Пускай там посмотрят, велик ли зверь и так ли страшен.

* * *

Опять ребята стали бегать в школу тропкой. И Смирька с ними.

ПОГАНКИ

Становилось голодно, надо было подумать о мясе. Я взял ружье и пошел на маленькое лесное озеро. Оно густо поросло у берегов травой. На ночь сюда собирались утки.

Пока дошел — стемнело. В тростнике закрикало, с шумом поднялись утки. Но я их не видел, стрелять не мог.

«Ладно, — подумал я. — Дождусь утра. Майская ночь совсем короткая. А до света они, может вернутся».

Я выбрал место, где тростник расступался и открывал полянку чистой воды. Сделал себе шалашик в кустах и забрался в него.

Сперва сидеть было хорошо. Безлунное небо слабо сияло, звезды поблескивали сквозь ветви. И пел-шептал свою приглушенную, несмолкаемую, как ручеек, песню козодой-полуночник.

Но набежал ветерок. Звезды исчезли, козодой умолк. Сразу поспежело, посыпал мелкий дождик. За шиворот мне потекли холодные струйки, сидеть стало холодно и неудобно. И уток не слышно было.

Наконец запела зарянка. Ее цвирикающая переливчатая песенка задумчиво-грустно звучит вечерами. А под утро кажется радостной, почти веселой. Но мне она не обещала ничего хорошего. Я проголодался, продрог и знал, что теперь утки не прилетят. Не уходил уж только из упрямства.

Дождик перестал. Начало прибывать свету. Пел уже целый птичий хор.

Вдруг вижу: в траве, в заводинке, движутся две птички головки.

Вот они, утки! Как незаметно сели. . .

Я стал прилаживать ружье, чтобы удобно было стрелять, когда выплывут на чистое.

Выплыли. Смотрю: острые носики, от самых щек на прямые шеи опускается пышный воротник. Да совсем и не утки: поганки! Вот уж не по душе охотникам эти птицы!

Не то чтобы мясо их на самом деле было поганое, вредное для здоровья. Оно просто невкусное. Одним словом, поганки — не дичь.

А живут там же, где утки, и тоже водоплавающие. Охотник обманется и с досады хлопнет ни в чем не повинную птицу. Застрелит и бросит.

Так грибник, приняв в траве рыжую головку какой-нибудь сыроежки за красный гриб, со злости пнет ее ногой и раздавит.

Разозлился и я: стоило целую ночь мерзнуть! Подождите же!

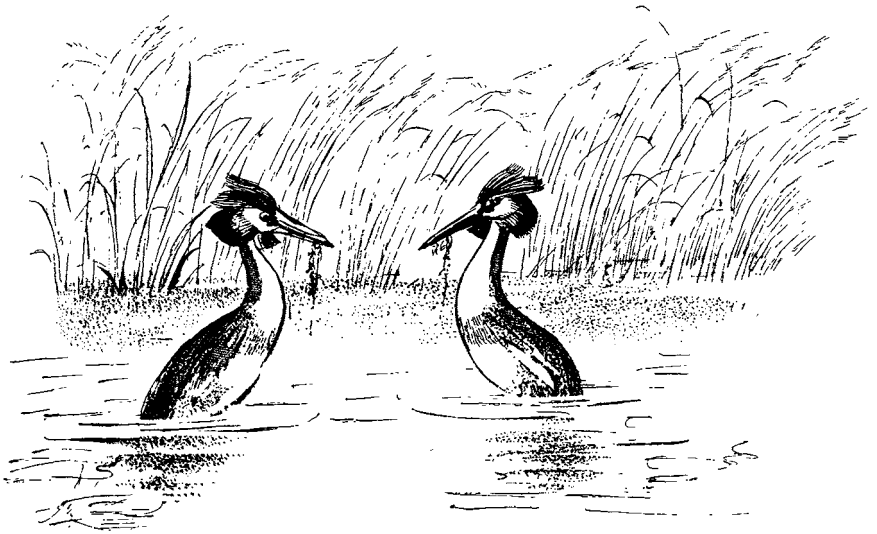
А они плывут рядом, плечо к плечу. Точь-в-точь солдатики. И воротники распушили.

Вдруг — раз! — как по команде «разом-кнись!» — одна направо, другая налево. Расплылись.

Не тратить же на них два заряда!

Расплылись немного, повернулись лицом друг к дружке и кланяются. Как в танце.

Интересно смотреть.

Сплылись — и нос к носику: целуются.

Потом шеи выпрямили, головы назад откинули и рты приоткрыли: будто торжественные речи произносят.

Мне уж смешно: птицы ведь, — какие они речи держать могут!

Но вместо речей они быстро опустили головы, сунули носы в воду и разом ушли под воду. Даже и не булькнуло.

Такая досада: посмотреть бы еще на их игры!

Стал собираться уходить.

Вдруг смотрю: одна, потом другая выскакивают из воды. Стали на воду, как на паркет, во весь свой длинненький рост, ножки у них совсем сзади. Грудь выпятили, воротники медью на солнце зажглись — до чего красиво! — так и полыхают.

А в клюве у каждой платочек зеленой тины: со дна достали. И протягивают друг дружке подарок. Примите, дескать, от чистого сердца ради вашей красоты и прекрасного майского утра!

Сам-то я тут только и заметил, как хорошо утро. Вода блещет. Солнышко поднялось над лесом и так ласково припекает. Золотые от его света комарики толкуются в воздухе. На ветвях молодые листочки раскрывают свои зеленые ладошки.

Чудесно кругом.

Сзади сорока налетела, как затрещит! Я невольно обернулся. А когда опять посмотрел на воду, поганок там уже не было: увидели меня и скрылись.

Они скрылись, а радость со мной осталась. Та радость, которую они мне дали. Теперь ни за что я этих птиц стрелять не буду. И поганками их называть не буду. Ведь у них есть и другое имя, настоящее: нырец или чомга.

Очень они полюбились мне в то утро, хоть я и остался без мяса.

КУВЫРК

Вот послушайте, что натворил Игнатка со страху.

Он караулил с отцом колхозную пасеку. Отцу понадобилось уйти в деревню, и Игнатка остался один.

Пасека была в горах, на скале. Скала висела над пропастью. Другая скала козырьком нависла над этой, так что на лугу, где стояли ульи, был один узкий проход. И кругом на горé чернела тайга — дремучая, с осинами в несколько Игнаткиных обхватов, с лиственницами и кедрами. Это было на Алтае.

Караулить пасеку приходилось от большого медведя. Один раз он уже пробрался на луг и разломал пять ульев. И с тех пор частенько наведывался заглянуть, нельзя ли еще позаимствовать у колхозников меду?

Игнатка совсем не собирался трусить, когда остался один. Был жаркий солнечный день. Над лугом золотыми пульками проносились пчелы, порхали разноцветные бабочки.

Игнатке было весело. Он знал, что медведь не полезет разорять ульи среди бела дня. А главное, отец оставил Игнатке свое ружье. В случае чего можно выпалить из него — хоть в воздух. В горах эхо. Такой грохот пойдет по скалам, что зверь сломя голову кинется назад в тайгу.

Игнатка сварил себе в казанке похлебку и так плотно наелся, что тут же у костра и заснул. Когда проснулся, солнце было уже за горой.

Игнатка подумал:

«Вот и славно, что поспал. Ночь-то ведь придется сидеть».

Он встал, размялся и пошел в шалаш — за ружьем.

Среди шалаша лежала колодина — вместо стола. Отец всегда клал на нее патроны: чтобы не отсырели на земле.

На колодине лежали отцово огниво, трут, складной нож, ложки, плоски. А патронов не было. Игнатка обыскал весь шалаш. Патронов нигде не было. И ружье было не заряжено.

Значит, отец выложил из своей сумки огниво, нож, всякие другие вещи, а патроны забыл.

Вот тут-то Игнатка и затрясся: медведь придет, а пугнуть его нечем.

Игнатка хотел сейчас же бежать вниз, в деревню. Но где там: уж вечер, до темноты не поспеешь.

Да и ребята узнают. Девчонки засмеют. На всю жизнь прослышь вещь трусом.

Лучше и не жить тогда. Лучше пусть медведь задавит.

«А может быть, и не задавит, — подумал Игнатка. — Может быть, выдумаю что-нибудь».

Тут он немножко успокоился. Взял длинную толстую веревку. Весной, когда отец ульи привозил, они были обвязаны этой веревкой; с тех пор она и валялась в шалаше без дела. Взял веревку и побежал с ней в тайгу, на опушку. Собрал кучу сушняка, обвязал веревкой и поволок к шалашу. Целую грудку дров натаскал: всю ночь надо костер жечь. У огня зверь не нападет.

А улы? Разорит медведь улы, — отец в ответе будет.

Игнатка с тревогой взглянул на гору. Там, над тайгой, вились три вороны.

Игнатка знал, что это значит.

Воронам бы сейчас уже спать надо, а они вьются. И молча! Значит, за медведем следят, медведь на охоту вышел.

Вороны приближались: медведь спускался с горы.

Игнатка опять схватил веревку и побежал к проходу. У самого прохода лежал сутунок — короткое, толстое бревно. Игнатка подложил под него конец веревки, обошел сутунок и что было силы навалился на него плечом.

Сутунок был так тяжел, так вдавился в землю, что парнишке с трудом удалось раскатать его и сдвинуть с места. Когда конец веревки показался с другой стороны, Игнатка перекинул ее через сутунок и завязал на нем крепким узлом.

Потом на другом конце сделал большую «мертвую» петлю и положил ее на землю как раз в проходе. С одного бока подставил сучок — приподнял петлю.

Теперь кто бы ни сунулся в проход, непременно должен попасть ногой в петлю. Проход был узкий, с одной его стороны отвесно поднимался камень, с другой — обрывалась пропасть.

Быстро темнело, воронов уж не было видно. Игнатка побежал разжигать костер.

И вот началась ночь — страшная ночь.

* * *

Игнатка сидел у огня и трусил. Весь мир погрузился в ночь — огромную, черную. Даже звезд не было видно. Месяц взойдет — и зайдет где-то за горой.

Игнатка вздрагивал каждый раз, как из невидимой тайги доносился какой-нибудь треск. И каждую минуту ждал, что раздастся ужасный рев. Медведь попадет в петлю и придет в ярость.

Веревка толстая, прочная. Сразу ее не оборвать. Тогда Игнатка начнет кидать в зверя горящие головни.

В конце концов медведь сорвется и удерет.

Или кинется на Игнатку. Ничего не известно.

Не так долга летняя ночь, но Игнатка не чаял уже дожить до утра. Наконец он заметил, что огонь костра понемногу стал бледнеть. Занималась заря.

Когда совсем рассвело, Игнатка потушил бесполезный теперь костер: днем его свет не отпугнет зверя.

Игнатка устал ужасно. Но лечь вздремнуть нечего было и думать: медведь может прийти и утром.

От шалаша был хорошо виден проход. Игнатка не спускал с него глаз. Время было уже и отцу возвращаться.

Вдруг из-за камня выдвинулась большая, лобастая башка зверя.

Медведь повел носом, блеснул на Игнатку чуть видными в густой шерсти глазками и двинулся вперед. Огромный, мохнатый — страшилище. . .

Игнатка помертвел со страху. Бежать ему было некуда.

Медведь развалистым шагом спокойно подвигался вперед. Вдруг он сразу остановился и как-то странно подкинул задом. «Петля!» — вспомнил Игнатка.

Медведь повернулся боком, и теперь было видно, как на поднятой его правой задней ноге натянулась веревка.

Игнатка вскочил. Страх мигом отпустил его; теперь медведь ничего не мог ему сделать: он был на привязи.

Но Игнатка плохо знал чудовищную силу зверя: медведь напрягся и медленно двинулся вперед.

Тяжелый сутунок покатился за ним.

Зверь яростно дрыгал ногой, чтобы освободиться от непрошеного груза.

Но толстая верёвка выдержала.

Поняв бесполезность усилий, медведь сел. Посидел, покрутил толстой башкой, беспокойно нюхая воздух. И вдруг, точно внезапно что-то сообразив, вскочил, повернулся и со всех ног бросился назад — в проход.

И опять верёвка натянулась и сильно дернула его за лапу. Медведь растянулся на земле.

Игнатка прыснул со смеху.

Но зверь уже встал. Обернулся и начал обнюхивать веревку.

«Что ему стоит перегрызть ее? — опять со страхом подумал Игнатка. — Он теперь так разозлился, что...»

Но медведь даже и не глядел в его сторону. Обнюхивая веревку, он дошел до сутунка. Вот он — враг, что схватил его за ногу и не дает идти.

Медведь молча, яростно облапил сутунок. И поднялся с ним на дыбы так легко, точно это был сноп соломы.

Разинув рот, Игнатка смотрел, как медведь стоймя пошел, крепко держа в объятиях тяжелый сутунок. Веревка опутывала ему ноги.

До края пропасти было всего несколько шагов. Медведь сделал их, неуклюже ворочая толстое свое туловище.

Дошел до края обрыва и бросил в пропасть свою тяжелую ношу.

Медведь успел еще опуститься на все четыре лапы и с любопытством заглянуть вниз: наверно, хотел полюбоваться, как его ненавидный враг разобьется на дне о камни.

В тот же миг веревка, натянувшись, дернула его за обе задние ноги, повернула кругом — и мохнатое чудовище задом наперед стремглав унеслось с обрыва и исчезло в пропасти.

Когда минут через пять в проходе показался отец, Игнатка все еще стоял с выпученными глазами и разинутым ртом.

— Ты что? — испугался отец. — Медведь?

Игнатка кивнул головой.

— Где, где?

Игнатка показал пальцем в пропасть и с трудом выдавил из себя только одно слово:

— Кувырк!

МЕТКИЙ РАСЧЕТ

Зимой волки так обнаглели, что почти каждую ночь то козу зарежут, то собаку. И мы с Васькой решили объявить войну им.

Штаб наш помещался на печке у деда Сергуни. Дед сказал нам:

— Голова — моя, ноги — ваши. И по-солдатски: приказано — сделано! Слушай моей команды!

Первым делом он послал нас в разведку. Мы побежали на лыжах вдоль волчьих следов и вечером доложили деду: волки приходят из-за реки. В густом кустарнике на берегу — два лаза. Но волчьи следы только в одном. Если минировать этот проход — поставить тут капкан, — наверняка попадут.

— Поставьте капкан, — сказал дед.

Он давно обучил нас, как ставить капканы шито-крыто. Мы и

рукавиц не снимали, чтобы запаха не осталось от рук. По всем строгим правилам поставили.

Ту ночь мы с Васькой плохо спали и вскочили до света. В школу решили не ходить. Взяли ружье — дострелить волка в капкане, и салазки — везти его.

А дед на нас с печки:

— Вы что? Не было такого приказа, чтобы в школу не ходить. Без надобности вам салазки.

Мы думали, он забыл, что у нас капкан поставлен. Толкуем ему, а он и слушать не хочет.

Расстроились мы.

Отсидели уроки — и сразу на лыжи да к реке.

Прибежали, — нет волка в капкане!

Вернулись, доложили деду.

Он говорит:

— А вы — салазки! Волк — он хитрый зверь. Видишь, за три метра железо чует, даром что оно под снегом.

И велел нам еще два капкана взять. Один поставить рядом с пер-

вым, а другой — на втором лазу. Пошли мы: приказ ведь. По дороге Васька и говорит:

— Из ума выжил дед Сергуня. Раз от волков одного капкана под снегом не спрячешь, так два капкана они еще лучше учуют.

Однако приказ. Поставили.

Наутро дед сам нас будит до школы.

— Ступайте проверьте. Да ружье и салазки прихватите: небось нынче не с пустыми руками вернетесь.

Вышли мы. Темь. Мороз. Васька ругается.

Подходим ко второму лазу — ничего. Подходим к первому — слышим: цепь гремит!

Тут уж светать стало. Глядим: здоровый волчище на цепи мечется. Капканы-то ведь у нас на железной цепи, и цепь к дереву привязана, чтобы зверь капкана не уволок.

Сейчас — бах! — застрелили.

Так с капканом мы его на салазки и навалили. Домой везли, — нарочно три квартала кругу дали, чтобы побольше народу видело.

— Порядок! — сказал дед. — Так оно и должно было выйти. Сунулись волки первым лазом — чуют: железо! Вернулись на

старый, на привычный свой лаз: перемахнем, думают. Передний махнул — второго-то капкана им не слышно, один ли капкан, два ли, — одинако железом пахнет. Аккурат во второй капкан и угодил.

— Капканы-то все сняли? — спрашивает. — Так и так, больше уж этими лазами ни один зверь не пойдет. Теперь ученые!

Мы с Васькой и забыли про другие два капкана. Вернулись за ними, заодно следы посмотрели.

По следам выходит все точно, как дед Сергуня нам объяснял.

Вот какой у нас начальник штаба: все наперед рассчитал. Даром что третий год с печи не слезает.

КАК ДЯДЕНЬКА ВОЛОВ ИСКАЛ ВОЛКОВ

(РАССКАЗ ДЕРЕВЕНСКОГО ШКОЛЬНИКА)

Постойте, когда это было? Да как раз в конце четвертой четверти, перед летними каникулами. Меня учительница послала в сельсовет: какие-то сведения отнести председателю.

Я отнес и уже хотел назад идти — вдруг входит в сельсовет старичок в темных очках. Несуразный какой-то: все у него шиворот-навыворот. На плече двустольное ружье. Только я никогда такого не видел: комолое, без курков. И повешено не так, как наши охотники носят: дулом вверх, прикладом вниз, а кверху ногами — вниз дулом. Вместо охотничьих сапог — дырявые сандалии. Мешок заплечный у дяденьки почему-то на животе болтается. И кепка на голове задом наперед, козырек на затылке.

Дяденька поздоровался с председателем и полез в свой мешок. Удобно так у него приспособлено на груди: и снимать не требуется — развяжи и доставай что надо.

Вытащил из мешка книжечку, из книжечки бумажечку и тянет ее председателю.

Председатель прочел вслух: «Областной охотинструктор по борьбе с волками товарищ Тит Волон».

— Вы сигнализировали в облисполком насчет волков? — спрашивает дяденька.

Председатель говорит:

— Было такое дело. И откуда, понимаешь, взялись, уже сколько годов не было. И все больше по речке Быстрянке. Леса у нас большие, крепи да чащобы. Как их там, понимаешь, взять?

— Умеючи надо, — дяденька говорит. — Сейчас самое время волчат брать. Волчицу застрелить. Большая премия от государства. Где последние дни волки на скот нападение делали?

— Да все, понимаешь, по Быстрянке. У деревни Устьека три дня назад овцу зарезали. Вчера в Истоке собаку утащили.

Дяденька подошел к стене: там план всей нашей земли висит, всех колхозов — где поля, где лес, где деревни.

Я думал, у него очки, чтобы лучше видеть. А он их на кончик носа сдвинул, сам прищурился и носом по карте водит.

— Вот, — говорит, — Исток и вот Устьека. А в «Красном пахаре» не видали волков?

— В колхозе «Красный пахарь» их нет.

— Дóбре, — обрадовался дяденька. — Так я оттуда и начну. Вот с деревни Луговой.

— Луговая, понимаешь, как раз Краснопахарьского района. На что тебе туда?

— Как на что? — рассердился дяденька. — Ясно, кажется, сказано: «Борьба с волками». Не на дачу к вам приехал. Мне время дорого. Не в одном вашем районе волки появились. Война была. Волки войну любят, — вон их сколько развелось всюду.

— Это все, понимаешь, понятно. Я к тому только, что не туда идешь, где их найдешь, а туда, где их нет.

— Плохо вы, видно, мое имя прочли и фамилию. Потрудитесь еще раз прочесть.

Председатель взглянул в бумажку, говорит:

— Тит Волон. Так и есть.

— А теперь наоборот прочтите, сзади наперед.

— Обратно, понимаешь, Тит Волов получается, — удивился председатель.

— То-то вот, — загадочно говорит дяденька. — Наоборот-то часто даже лучше выходит.

— Ну, дело твое, товарищ Волов. Вон иди с Ванюшкой, — председатель на меня кивнул. — С Луговой парнишка.

Старичок попрощался с ним, и мы пошли.

Я перво боялся его: думал, он сердитый. Молчу иду. И он молчит.

Прошли околицу. Дяденька на небо посмотрел. Небо все в тучах. Он очки снял и на ходу в мешок их убрал.

— Очки, — говорит, — у меня от солнца: глаза берегу.

Гляжу на него: враз лицо доброе-доброе сделалось. И начал тут дяденька всякие истории рассказывать.

Первое все про волков. Какой они ужасный вред приносят колхозам и государству. Что ни год, говорит, в нашей стране миллион голов скота через них недосчитают — на двадцать миллионов рублей убытка. А что на людей волки бросаются, — это, говорит, больше бешеные. Ну, раненый волк если, тоже может кинуться. А так — нет. Здоровый волк человека боится. Со страху про него и люди сказки рассказывают. Куда, говорит, ни приедешь, всюду один рассказ:

— У нас в колхозе, правда, случаев не было. А вот из дальней деревни шла зимой учительница в город, в район, так ее — это уж верно! — волки съели. Утром едут колхозники, — глядь — на дороге одни каблучки лежат да косыночка.

Смешно мне стало: ведь и у нас в деревне точка в точку такие страхи рассказывали!

А старичок дальше да дальше: про всяких разных зверей, про скоту на них. Как охотники врут, — такие историйки рассказал — животики надорвешь!

Я и не заметил, как мы к нашей Луговой подошли.

— Ну, хозяин, — говорит старичок, — пустишь к себе ночевать?

Я скорей к мамке, все ей про него рассказал. Пустила она — и крынку молока поставила.

Утром дяденька говорит:

— Веди, — говорит, — меня, Ванюша, к вашим пастухам. Пастухи всегда все про волков знают.

Я повел его вдоль Быстрянки, потом по ручью в лес: там у нас весной пастьба.

Дед Макар, пастух наш, на пеньке сидел, грелся на солнышке. Федька, подпасок, за коровами, которые от стада отбились, бегал с кнутом, а как нас приметил, — сейчас пришел.

Дед Макар — он тугой на ухо — долго не мог в толк взять, про чего это у него дяденька-охотник спрашивает. А как разобрал, только головой затряс.

— И-и, милый, — говорит, — какие те волки! Волки у нас еще

с той ерьманской войны совсем повывелись, бог миловал. Ты в Исток иди, иди в Устьреку: там, бают, объявились.

А Федька-подпасок говорит:

— А я два раза видел. Один раз утром, другой раз вечером, как стадо домой гнать. Эвон там, эвон за ручьем-то, на горушке. Только это не волк был — собака. Паршивая такая — шерсть клочьями лезет. Я на нее как щелкнул кнутом, она — порс! Смехи! Я сам перво думал — волк. А она, вишь, собака какая трусливая; от хозяина, верно, убежала.

Дяденька засмеялся.

— А скажи, герой, — говорит, — уши у нее торчком, хвост крючком?

— Уши торчком, — Федька говорит, — а хвост поленом: между ног со страху поджала.

— Утром куда же эта собачка шла?

— Туды вон, — Федька махнул кнутовищем по ручью в лес. — А вечером оттуда.

— Ну, значит, тут по ручью и надо искать ее. Тут у нее и щенята.

— Дак это никак твоя собачка, дяденька? — догадался Федька. — Щениться, значит, ушла. Однако, чай, там нипочем ее не найти: болото здесь в лесу, чаща такая — все равно как стена.

А дяденька все посмеивается:

— Ошибся, милоч: не моя это собачка. Собачка эта вовсе бесхозная. А вот скоро, надеюсь, будет моя. Пойду ее искать.

Сам мешок с себя снял, на спину перевесил, штаны закатал выше колен, взял ружье в руки и прямо в ручей да в лес.

Я только спросить у него успел:

— А что же, дяденька, охотничьи сапоги себе не заведете? В сапогах способнее.

— А на что они летом-то! — ответил. — Вода теплая. А в сапоги-заколенники попадет вода, потом мучайся с ними. Летом, брат, охотнику обувь нужна, как решето: войдет вода и выйдет. Беги, Ванюша, в школу — опоздаешь. Вечером тебе щеночка принесу.

Целый день я все про этого щеночка думал: неужто волчонка принесет?

Долгий тот день показался мне. Уж солнце зашло, смеркаться стало; тут только пришел дяденька.

— Обманул, — говорит, — я тебя, Ваня: нет щеночка.

И замолчал. Так, молча, поужинал и спать лег.

Я вижу: расстроенный — и уж спрашивать у него ни о чем не стал.

На другое утро он ушел до света, я еще спал. И к ночи вернулся — пустой опять. И уж о щеночке ни слова.

Задумчивый. Что-то под нос себе бормочет. Некоторые слова я разобрал:

— Ошибка, ошибка... Все может быть... Экая хитрая bestия! Стали спать укладываться. Вдруг он говорит:

— Ванюшка! Никак завтра воскресенье?

— Воскресенье и есть, — говорю.

— И в школу тебе не идти?

— А как же: выходной ведь.

— Так слушай, милоч! Помоги мне. Пойдем со мной завтра с утра. А то там, понимаешь, такой чертов переплет в ивняке-то — никак мне не пробиться. А ты ростом невелик — пролезешь.

Хорошо — мамки в избе не было. Сейчас бы заругалась:

«Что, — мол, — ребятенка на какое дело подбиваете! Разорвут его волки, не пуцу!»

Мы с ней ведь догадывались, что Федькина-то собачка волк была.

Я и говорю ему:

— Только мамке не сказывайте. Я будто за пёстышами пойду с ребятами.

— А что это — пёстыши? — спрашивает.

— Хвоц по-ученому. На ржаном поле его много. Головки больно вкусные.

— Ладно, — говорит, — помолчу. Только ты не бойся: опасности никакой и ружье у меня.

— Я не девчонка.

Утром я нарочно первый ушел. Круг дал — и к пастухам. Туда и дяденька подошел. Федька, хоть ему и невдомек, кого по правде мы разыскиваем, тоже с нами увязался.

Совсем немного мы отошли по ручью, — покрыл нас с боков и сверху густой ивняк. Как в нору попали.

— Ну вот, — говорит дяденька. — Отсюда начнем. Лезь, Ванюшка, на правый берег. А ты, Федя, на левый. Ищите щенят. Найдете — меня крикните. Я вперед пройду, там не так крепко. Близо буду, услышу. А не найдем ничего — опять здесь в полдень сойдемся.

Ползели мы с Федькой: он в одну сторону, я — в другую. Лист на кустах еще небольшой: видно все-таки впереди, особенно понизу.

Только ничего такого не приметно, никаких волчьих следов или еще там чего.

Ну, трудно лазать: кочки, между ними вода, как чай густой, коричневая. Ветки по лицу то и дело хлещут. Где тут волкам жить! Утку одну видел да маленьких каких-то птюшек болотных. Трещат: верно, гнезда у них тут на кустах.

Дальше суше стало. Тут, слышу, сороки стрекочут. Увидели меня — еще пуще закричали. Да таково их много — не меньше десятка собралось. И такая у них тут вонь — тошно даже. Ну вас, думаю. Совсем оглушили!

Устал я шибко. Хотел присесть — отдохнуть. Гляжу: солнце уже прямо над головой стоит — полдень.

Я скорей назад.

На ручье уже дяденька и Федька меня ждут. Уж кричать меня хотели. Дяденька говорит:

— Мы с Федей ничего не нашли. Не заметил ли ты чего-нибудь?

— Никаких следов, — говорю. — И искать в этой стороне не стоит: там одни сороки, целая куча их, и запах там тоже нехороший — вонько пахнет.

А дяденька-то обрадовался.

— Да ну, — говорит, — неужели сороки? И дух тяжелый? Веди меня скорей туда!

Трубку он курил — и трубки не докурил: выбил ее о приклад ружья, огонь в воду посыпался. А мне неохота опять в эту гущину лезть: весь обдерешься и устал как собака.

И что, думаю, он все шиворот-навыворот делает. Придумали волков искать, где их никто и не видел! А теперь сорокам обрадовался. Сорока — птица осторожная: человек ли, зверь ли — сейчас затрещит и улетит.

Ну уж, думаю, все равно. Представлю его сорокам, а там недалеко пробраться по кустам до бора. Скажу — мне недосуг, сам бором — и домой.

Повел его. Федька не пошел: говорит, дед заругается, коровы разбредутся, — надо иттить.

Сороки на том же месте оказались. Как затрещат!

И вот поди же ты: всего мне было шагов с полсотни еще податься — и сам бы я нашел волчье логово!

Горушка там дальше, и в ней нора — совсем неглубокая, под корнями сосны. А по склонам все кости белеют: птичьи, заячьи, овечьи, собачьи. От них и дух такой тяжелый.

Волчата лежали в норке клубком.

Дяденька развязал мешок и начал хватать щенят одного за другим за шиворот. Шесть штук их оказалось, шесть штук он поклад в мешок. Серенькие они, хвостик веревочкой, глаза еще только прорезались.

А я все больше по сторонам поглядывал: вдруг да вернутся волк и волчица? Жутко все-таки...

— Ну! — весело так дяденька говорит. — Тут нам делать больше нечего.

— А волчицу хотели убить?

— Ни волка, ни волчицы мы с тобой не увидим, хоть они и рядом тут оба, в кустах сидят и нас слышат. Волчицу взять — это особое дело. Идем, идем скорей, Ванюша.

За горушкой опять были кусты, но уже не так много. Скоро мы поднялись в гору, а там — чистый бор.

Тут дяденька остановился. Покрутил головой и говорит:

— Ну, нам с тобой сюда. Вот этой тропкой пойдём.

— Что вы, дяденька, — говорю. — Совсем наоборот: нам вон куда надо. Тут до деревни рукой подать.

А он так сердито на меня поглядел. Брови сдвинул.

— Ты, — говорит, — меня не учи, мальчик. Ученого учить — что мертвого лечить. Делай, что я тебе говорю, и помалкивай. Не все против ветра ходить: иной раз и по ветру надо.

Зло меня взяло: опять он наоборот делает! Ведь этой тропой, что он хочет, половину бора обогнем, а потом назад полями шлепай — по жарче-то!

Все-таки послушаться его не посмел.

Иду вперед. Он — следом.

Скоро вышли мы тропкой на поляну, перешли ее. Тут он сзади тихо так говорит мне:

— Иди, не оборачивайся, не останавливайся. И вот тебе это, не тяжело будет?

Сам кладет мне на плечо мешок с волчатами. Перекинул мне ремни на грудь.

— Иди, — шепчет, — иди потихоньку. Не останавливайся. Да смотри не оборачивайся, а то худо будет!

Здорово я тут струхнул. Ясно же: полоумный старик! Зачем он шепчет? На что меня вперед посылает и оборачиваться не велит? Сейчас как даст из обоих стволов в спину!..

Похолодел я весь. Иду, оглянуться не смею. И его за собой не слышу.

А тропка, как нарочно, прямая-прямая! Хоть бы какой поворот. Я бы завернул — и со всех ног!

Прямо ноги у меня заплетаются со страху. В голове мутится.

Не знаю, сколько и прошел так...

Вдруг — ббах! — сзади.

Я как подпрыгнул! Мешок бросил — и деру!

Слышу, кричит сзади: «Куда ты, куда! Стой!»

Я обернулся. Смотрю: он далеко, у той поляны. И что-то с земли поднимает.

Поднял — волк!

Тут я и страх забыл. Побежал скорей назад. Мешок подобрал — и к нему.

А он уже идет навстречу — мертвый волк на плече. Передние лапы дяденька на грудь себе перекинул: волчий хвост по земле волочится.

— Что ты, дурашка! — говорит. — Чего напугался? Это волчица. Я уж знал: она за нами следом крадется. Смотрит, куда ее волчат несем.

Потом ночью пришла бы к избе: нельзя ли детей выручить? А я, видишь, тебя с мешком вперед и послал, а сам — раз! — и за деревья.

Минуты не прошло,— она бежит — нос к земле. Следы чует, а меня — нет; я потому этой тропкой пошел, что как раз нам тут ветер в спину: ей нашего запаха не слышно. Она и набежала на меня.

Вот, значит, до чего дяденька хитрый: все рассчитал. Потом и говорит мне:

— Запомни: умнейший зверь — волк. Его прямо понимать никак нельзя. Так и знай: где он весной скотинку режет, собак таскает, — там он не живет. Там его логова не ищи. Это самец. Волчица от малых волчат не отойдет.

А волк широко ходит, охотится, добычу носит волчице и детям. У логова они себя не обнаруживают, шито-крыто живут. Рядом будет стадо ходить — не тронут. Тебе будут говорить: «Тут ищи!» А ты наоборот делай — и найдешь.

Потом говорит:

— Ты думал, сороки зверя боятся: где сороки, там волка нет. Как раз наоборот. От волчьих обедов остатки остаются — мяса кусочки на костях. Вот сороки и собираются. Они первые волка выдают. В лесу, брат, каждый след надо уметь читать, как мою фамилию: и спереди назад, и сзади наперед. Так-то, брат Ванюшка!

Хотел он мне волчонка оставить на воспитание, — говорит, как собака будет, — да мамка не позволила. Такая меня досада взяла!

А Федьке-подпаску еще досадней было, когда он увидел волчат и убитую волчицу и узнал, какие звери рядом с ним жили.

Выходит, у нас с ним тоже немножко шиворот-навыворот получилось. Да только не так ладно, как у дяденьки Тита Волова.

ЗАДУМЧИВЫЕ РАССКАЗЫ

РОЗОВОЕ И ОЛИВКОВОЕ

Я пришел домой с прогулки, вынул из кармана коробку с ватой и осторожно открыл ее.

В вате лежало маленькое яичко — такое хрупкое на вид, что я сразу не решился взять его огрубевшими пальцами. Выкатил его из коробки себе на ладонь.

Яичко было прекрасно, как жемчужина, вытянутой, удлиненой, совершенной формы.

Сияющая, оливкового цвета живая жемчужина! Цвета свежих ивовых листьев. Без пятнышка, без малейших крапинок.

Внутри нее теплилась маленькая жизнь — неведомая, таинственная, еще не готовая родиться на свет. Просвечивала и мерцала сквозь тонкую хрупкую оболочку нежно-нежно розовой теплотой.

Нет красок, чтобы передать на бумаге или полотне живую прелесть сочетания этих цветов. На картине розовое смешивается с оливковым — получится муть, грязь. Здесь розовое и оливковое составляют одно целое, но чудесным образом не сливаются, существуют сами по себе: розовое — чтобы в свой срок превратиться в крылатое, поющее живое существо; оливковое — чтобы исчезнуть, рассыпаться в прах после его рождения.

У меня на ладони покоилось соловьиное яичко.

В моей коллекции уже были соловьиные яйца, но все шоколадного цвета. Только сегодня мне удалось, наконец, найти под кустом в заросли ив и кудрявых ольх гнездо с оливковыми яйцами.

Их было пять в гнезде. Я взял только одно, чтобы самочка не покинула гнезда и вывела остальных четырех птенцов. А мне достаточно и одного яйца. Осенью я повезу свою коллекцию в город. Горожане редко вспоминают о птицах. Пусть-ка полюбуются на такую красоту.

Так я думаю, бережно держа на ладони оливковое с розовым яичко.

Свободной рукой я достаю из стола заостренные с одного конца стеклянные трубочки. Выбираю самую тонкую из них, придвигаю к себе блюдечко, достаю булавку. Остается только сделать одну маленькую дырочку в яйце и выдуть его, выпустить его жидкое содержимое на блюдечко. Но тогда исчезнет розовое! Одним соловьем станет меньше.

Правда, соловьев много вокруг деревни, где я живу. Как наступили долгие дни и теплые белые ночи, воздух наполнился ивовой белой пушицей, — привнялись они щелкать круглые сутки.

Вчера днем ко мне в окно доносился свист соловьев.

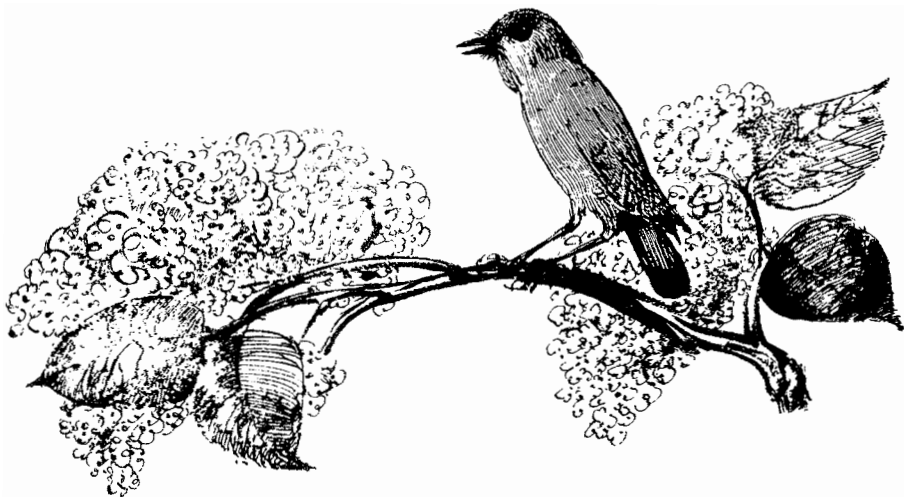
— Когда же они спят-то? — удивленно спросил меня Смирька, восьмилетний соседский парнишка.

А вечером, когда в одиночестве меня тоска взяла и я уселся на крылечке — покурить, подумать, как-нибудь разобраться в себе, — как они свистели, как щелкали!

Гляжу, и Смирька ко мне подсаживается: и ему не спится, не знает, куда себя деть.

Ну, пусть сидит, думаю, он не мешает.

Сидим, думаем каждый про свое. И соловьи свое поют.

Вдруг резкий крик дергача резнул слух.

— Грязь-грязь! Грязь-грязь! — тужится, скрипит сквозь туман дергач на сыром лугу.

— Сало! Сало! Пек, пек, пек! — легко, бархатисто выводят в кустах соловьи. — Сало!

— Грязь! Грязь! — орет дергач.

Так они долго, без усталости спорят друг с другом, и мы со Смирькой невольно вслушиваемся.

Сперва кажется: все соловьи поют одинаково, и им ужасно мешает скрип дергача. Но стоит только немножко вслушаться, и вот дергач — сам по себе и соловьи — сами по себе. Сразу и вместе они, и отдельно. Как розовое и оливковое в яичке.

Соловьиные песни тоже разные. Один поет совсем близко — в лядинке через дорогу от нас — в сыром лиственном леску. Его голос слаб и высок. Некоторые ноты выходят у него резковато; он даже срывается иногда с голоса: совсем еще молод, видно.

Голос другого ниже и сильнее, песни дольше. Он уверенно берет трудные низкие ноты и не срывается на верхах. Он дальше: под горкой, за банями. А кажется — тут же в лядинке поет. Хороший музыкант.

Но когда запел третий, — душа всколыхнулась!

Ничего, что он всех дальше от нас — через поле, в зарослях ив и ольх; каждая нотка его песни слышна отчетливо. Его густой, мощный свист легко покрывает натужный скрип дергача. Какой певец!

Его клокочущие трели великолепны. И как смело он переходит от томных, за душу берущих низких нот к дерзкой «лешевой дудке»!¹

Замер на низких и вдруг — фиулит! — вырвал свистом, да с каким росчерком! И замолк.

— Здорово? — в восхищении спрашиваю Смирьку.

— Дивья! — притворно пренебрежительно говорит Смирька. Но и он доволен. И вспоминает из басни: — А верно, что «петь великий мастериче».

Какая уж тут тоска: самому хочется петь и жить, жить — радоваться!

Отнулся я от дум. На ладони оливковое яичко. Нет, не стану я выдувать его! В нем — птенчик нашего замечательного певца. И кто знает: не заключен ли в этой тонкой скорлупке такой же чудесный дар песен?

Отнесу яичко обратно в гнездо, в заросль.

В заросли крики Смирьки и звонкий визг его сестренки.

И скрипучий, неприятный птичий голос.

Спешу напролом через кусты и хворост. Но я опоздал.

— Гляди, как я в нее! — кричит мне Смирька. — Прямо в лоб шмякнул!

Его сестренка смеется и грязными пальцами размазывает по своему розовому лицу крошечный желток.

Знакомое гнездо под кустом выворочено, в нем пусто.

— Смиреха! Смиреха! — говорю я с тоской. — Что ты наделал! Ведь это гнездо того самого соловья, которого мы вчера слушали.

— Не! — весело откликается Смирька. — Это вон какой птешки, вон скрипит в кусту!

Серая птичка перепрыгивает недалеко с ветки на ветку, дергает хвостом и скрипит, скрипит. . .

Откуда бы звать Смирьке, что прославленный соловей — «петь великий мастериче» — в тревоге за свое гнездо стонет неприятным, скрипучим голосом? И что могло помешать ему разорить гнездо этой невзрачной «пташки», когда кругом все ребята, да и отцы их при случае, походя, разоряют все попавшиеся на глаза птичьи гнезда?

Больше мы со Смирькой не слышали нашего замечательного певца: соловей покинул заросли.

¹ Одно из колен соловьиной песни: сильный, резкий свист.

Оливковое яичко я выдул.

Никогда из него не родится крылатое существо с чудесным даром песен.

Розовое перестало существовать, но оливковое не рассыпалось в прах. Об этом позаботился я, поместив его в свою коллекцию.

Теперь я думал: не повезу своей коллекции в город, отдам ее в сельскую школу, в ту самую, куда пойдет этой осенью Смирька со своими товарищами.

Может быть, хоть соловьиные гнезда они перестанут разорять?

Дочери.
15/VI 1940 г.

ЧЕРНОГОЛОВКА

В саду совхоза — там, где упал давно сгнивший забор и старинный помещичий сад соединился с диким лесом, — в густых елушках пела тоненькая черноголовая птичка.

Старик любил послушать ее песню.

Он жил в заново отремонтированном и выкрашенном в ярко-красный цвет домике, в самом отдаленном углу сада.

Вечерами садился старик на крыльце, задумчиво посасывая трубку, — и закрывал глаза. Из дому выходил кот — упитанный черный мурлыка — и садился рядом с хозяином. Так сидели они молча, — и в елушках начинала петь веселая маленькая черноголовка.

Вернее, — кончала. Начинала петь черноголовка с самого раннего утра, едва стяхнув с себя ночную дрему. И пела весь день до захода. Пела, весело разыскивая маленьких червячков-гусениц для подруги: подруга ее сидела в гнезде, терпеливо высиживала птенцов. Пела, деловито перепархивая с дерева на дерево. Пела, прыгая по земле или усевшись отдохнуть на минутку на ветке.

Но днем старик ее песен не слышал: ведь утром и днем так много разных голосов, криков и шумов в саду и в лесу, а у черноголовки не такая уж сильная песня. Да и думал старик о другом с утра. Каждое утро он брал плоский ящик, шел на берег озера и садился писать акварельные этюды. Старик был художник. Он постигал мир глазами. И, погруженный в свою работу, переставал слышать звуки.

А вечером работа кончалась. Надо было дать отдых натруженным глазам. Старик закрывал их — и ему тогда становилась слышна песня веселой черноголовки.

У черноголовки всего и была одна песенка. Но пела она ее часто, иногда меняя в ней некоторые ноты. Голос черноголовки был чистый, звучный и напоминал маленькую флейту. Он то выводил нежную, замирающую к концу мелодию, то прищелкивал и трещал по-дроздиному, то шаловливо передразнивал голоса других птиц.

От этой песенки старику становилось хорошо на душе, немножко грустно и как-то особенно уютно.

Старик всю жизнь прожил один, и уюта ему больше всего не хватало в жизни.

Раз, когда он сидел так, вслушиваясь в звуки невидимой маленькой флейты, товарищ его — старый черный кот — бесшумно соскочил с крыльца, перебежал дворик и исчез в кустах.

Старик ничего не заметил. Закрыв глаза, он тихонько посापывал трубкой. Он думал, что его черный друг, как всегда, сидит с ним рядом.

Вдруг песня оборвалась жалким писком.

Старик открыл глаза, вынул трубку изо рта, тревогой повернул ухо к елушкам.

Прошла минута, другая, третья. Нет, черноголовка не пела больше.

Начинало темнеть. Ни шороха не доносилось из сада.

Вдруг черная хвостатая тень скачками бесшумно пронеслась от кустов к избе. Старик успел различить кота и в зубах у него — маленькую растерзанную птичку.

Старик сердито засопел трубкой. Он вдруг почувствовал себя совсем одиноким в диком, заброшенном саду.

До полной темноты сидел он на крылечке, молчаливый и расстроенный.

И ночью, когда лег в постель и кот, по обыкновению, вспрыгнул к нему на кровать, старик спихнул его ногой на пол и сказал:

— Ты зверь. У тебя нет сердца.

Потом подумал, вылез кряхтя из постели и привязал кота на веревку к ножке кровати.

* * *

Утром, как всегда, старик взял ящик с красками и побрел на берег озера.

Но не спешил приступать к работе. Раскурил трубку. Поглядывал, щурясь на оранжевый песок берега, на зеленую воду, на трепетно отраженные в зеркале воды серебристо-голубые стволы больших осин на острове.

Блаженное спокойствие, так грубо нарушенное вчера смертью любимой птички, возвращалось медленно. Хотелось, чтобы хоть тут все было без изменений, привычно.

Из-за острова плавно выдвинулась узкая лодочка. На корме ее высилась тонкая девичья фигура с веслом в руках.

«Вот и Гондольер Молодой», — удовлетворенно подумал старик.

Так он мысленно назвал незнакомку, каждое утро проплывавшую мимо него в лодке. Он знал только, что она из партии не то геологов, не то зоологов, стоявшей лагерем по другую сторону озера.

В нескольких местах среди воды на ровных расстояниях друг от друга возвышались группы кустов. Как клумбы. Незнакомка по очереди подъезжала к каждой из них и раздвигала ветви тонкими руками. Потом отъезжала от «клумбы», записывала что-то в книжечку, все стоя на корме, — и направляла лодку к следующей.

Проезжая мимо художника, она всегда приветливо, но однослож-

но здоровалась с ним. Старик молча кивал в ответ, — и видение беззвучно скользило мимо.

Ему нравилось такое уважение к его труду, обычно вызывающему назойливое любопытство случайных свидетелей. Нравилась серая клетчатая блузка и юбка, узко перехваченная в талии красным кушаком. Нравилась ладная фигурка, худое личико, гладко причесанные на прямой пробор невьющиеся черные волосы.

Даже влюбленный затруднился бы сразу ответить, красива ли она. В ней не было ничего бросающегося в глаза. Но опытным глазом художника старик с первой же встречи понял в ней безошибочную соразмерность всех частей тела и черт лица, как раз то, что делает человека спокойно прекрасным в полной гармонии со всем окружающим его в природе.

Недаром эта ладная фигурка вне плана и заданий сама собой вошла во многие последние его этюды.

Вне плана и заданий и даже вопреки им, — потому что художник писал этюды для задуманной им большой картины: «Без человека».

Картина первозданной природы: томный полдень склоняющегося к осени лета, величавый покой матери-земли, покой воды, покой плодоносящих деревьев и высоких, сильных трав. Полуденное перемирие в извечной войне животных: птицы со сложенными крыльями, сонно греющийся на солнцепеке чуткий речной зверь — выдра.

Ни нервов, ни суеты сумасшедшей лихорадки машины времени, пущенной человеком на предельные скорости.

Лодка подплывала. Незнакомка, бесшумно погружая весло в воду, упругими толчками двигала вперед легкое суденышко.

Почти поравнявшись с художником, встретила его внимательный взгляд, молча и серьезно улыбнулась и негромко сказала:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — произнес и старик, забыв кивнуть головой в знак приветствия. — Зачем это вы каждый день объезжаете кусты?

Точно кистью мазнул: лицо знакомки мгновенно вспыхнуло. («Почти один цвет с кушаком», — отметил про себя художник.)

Упершись веслом в близкое дно, знакомка резко остановила плавный бег лодки.

— Мы расставили на озере искусственные дупла. Я проверяю, как в них несутся нырковые утки.

Старик удивленно распустил бесчисленные складочки вокруг глаз.

— Дикае утки?

— Да: крохале, гоголя, хохлатые чернети. Две кладки мы берем, третью оставляем.

— Значит, диких птиц заставляете нестись для себя, как этих... кур?

— Как домашних. Делаем опыт. Пока удачно.

Она улыбнулась, как показалось художнику, неприятно-самоуверенно, почти хищно.

Он пожал плечами.

— Странное занятие!

Она уже насмелилась было что-то в свою очередь спросить, но вдруг осеклась. Старик не желал скрывать своего презрения.

Сказала только:

— Доброй работы! — и опять вся вспыхнула.

И, только отъехав уже довольно далеко, прокричала рывками:

— Очень! Люблю! Ваши! Картины! — и поспешно заработала веслом.

— Много ты в них понимаешь! — сердито проворчал старик. — Ленинградская, видно. Откуда меня знает?

Он отложил кисти. Сидел прямой и строгий, устремив невидящий взгляд вверх воды.

— Доярка! Луну — и ту выдоить хотели бы. И жалости никакой.

Легкая стайка пестрых куличков-камнешарок промелькнула над водой и рассыпалась по берегу. Глаза художника осветились радостью: он знал этих птиц и любил.

Кулички разбежались, и каждый, поклонявшись всем тельцем на тоненьких ножках, стал суетливо осматривать каждую щепочку, каждый камешек на песке. Шарили носом, что-то выхватывали оттуда и быстро, незаметно проглатывали.

Один подбежал совсем близко, — старик не двигался, чтобы не спугнуть робких птичек. Куличок сунул голову под слегка приподнятый серый пласт высохшей тины. Протиснулся под него весь. Видимо, старался приподнять край.

Но пласт был велик и тяжел для него.

Куличок вынырнул наружу, отряхнулся и несколько раз тоненько свистнул.

Сейчас же со всех сторон к нему подбежали, мелко семеня ножками, товарищи; дальние подлетели.

Куличок опять нырнул под пласт — и все его товарищи за ним.

Поддавшись их дружному напору, пласт поднялся. Край его обломился, и кусок зеленой сысподу тины опрокинулся на песок.

Кулички сейчас же осыпали его и быстро-быстро заработали носами: тыкались ими в сырую, мягкую подушку тины, собирая обильную поживу.

Широко улыбнулся старик.

— Ах вы молодцы! Ах вы... смешные человечки!

Когда камнешарки улетели, он с жаром принялся за работу.

* * *

Вечером вышел на крылечко с томиком давно знакомых стихов.

Сел, закрыл глаза.

Но чего-то не хватало.

— Котофей где же? Ах, да!..

Вспомнил, что днем сам просил унести кота.

Тишина была неприятна: маленькая песня черноголовки не наполняла ее уютом.

Попробовал думать о другом, — нет, мысли возвращались к погибшей птичке. От нее вели к думам о себе.

— Странно все-таки. Ведь лет поди с четырнадцати не слышал

черноголовки, а сразу узнал ее песню. Впадаю в детство: близкое забывается, давнее свежее в памяти.

Одна за другой вставали картины прожитого.

Глухой провинциальный городок, кудрявые яблочные сады за деревянными заборами. А кругом — темной стеной таинственный лес. Старики говорили: «семь верст до небес и все лесом». А вширь он «до края света».

Лес, населенный страшными зверями, легкокрылыми птицами.

Зеленое царство бабы-яги, леших, водяных, кикимор, шишиг — всякой нечисти. Страшный, но непреодолимо манящий.

Гимназистиком в серой блузе, в штанах из чертовой кожи, опоясанный ремнем с прямоугольной желтой пряжкой, увлекся собиранием птичьих яиц. Сколько даром загубил прекрасных жизней!

Жадные детские глаза пленились маленькими живописными чудами — яичками певчих птиц. Хрупкие живые самоцветы, совершенные по форме, теплейших цветов и оттенков.

Старался сохранить для себя эту красоту: «остановись, мгновенье, — ты прекрасно!»

Глупая затея: чтобы сохранить яйца, приходилось их выдувать, а от этого они теряли свою неуловимую живую прелесть. Оставались скорлупки — холодные, мертвые.

Зимой часто открывал заветные коробки — полюбоваться своим тонким богатством. И всегда щемило сердце: не то! Нет, не то!

Неужели, чтобы сохранить прекрасное, надо убить в нем душу — жизнь?

Собирал, сушил цветы. Мертвый гербарий раздражал еще хуже.

Живопись разрешала мучительный вопрос: не убивая, переносила живую душу в краски, создавала образы красоты.

Академия художеств. Величаво-прекрасный, но холодный, запертый на все свои бесчисленные замки и запоры, двери и ворота царский город.

Калейдоскоп заграничных впечатлений. Рим, синее море Неаполя, гондолы и дворцы Венеции.

Париж. Чердачная жизнь Латинского квартала, богема, кабачки Монмартра — все как страницы переведенной с чужого языка, давно прочитанной книги.

Но везде и всюду одно: безумная охота за неуловимым. И везде перед глазами — дикий родной лес, так не похожий на леса и парки Европы. И населяющие его таинственные существа без души, без обличья — родные братья тех, что в парках давно воплощены в прекрасных статуях.

Пришел отказ от кабаков и богемы, настала жизнь отшельника-аскета. Росло искусство. Но все то же разочарование повторялось: пока пишешь картину, видишь как бы живое яйцо — краски, согретые душой и страстью. Кончен труд — и померкли краски: не удалось им передать самого главного, всегда неуловимого. Осталась холодная, мертвая скорлупа.

Куда же девается священный пыл творческого порыва? Вытекает, умирает, как живое содержимое яйца?

Нет, так не может быть! И растущий мастер понял: теперь он

плет содержимое яйца, — питательный источник жизни не пропадает, не всасывается в бесплодную землю. Пусть его картины — только мертвые скорлупки. От картины к картине он становится искусней, краски начинают оживать — скорлупа наполняется таинственной жизнью.

И вдруг опять все исчезало.

Пришел день: изнеможенный голодом и непосильным трудом, он швырнул кисть в угол и бросился на кровать. А утром взглянул на картину холодными глазами отрешенного, сам поражен был тем, что сделал: краски жили, неуловимое воплотилось.

Признание пришло скоро. Писал он все то же: таинственные недра уходящего «до края света» родного леса, лесную сказочную нечисть родного народа, — мечту свою. И его детства мечта вдруг оказалась необходимой чужим людям европейских городов — людям, никогда не видавшим таких лесов.

Пришла слава.

Пожар войны и встречный огонь революции — там, на далекой родине. Но блестящие парижские салоны держали крепко. Туманилась голова.

Вернулся, когда жизнь на родине была перемолота. Стариком. На готовое.

Приняли. Устроили выставки. Называли непревзойденным мастером. Но ждали от него еще чего-то.

Большие годы сказались: устал. Покоя хотелось, покоя прежде всего.

Поехал в родной городишко: отдохнуть, подумать, может быть, начать сначала.

По-прежнему, привычно работать не удавалось и здесь.

Давно истлела коллекция птичьих яиц на пыльном чердаке. Врос в землю родной домишко.

Загородный совхоз заново отремонтировал и выкрасил по указаниям почетного гостя домик в запущенном саду.

Но казавшееся таким желанным одиночество мешает работать. И как это не успел обзавестись семьей за всю долгую жизнь? Могли бы уж быть внуки. Или хоть маленькая дочь: нежный мостик в новую жизнь. Теплая забота о ней.

Теперь уже поздно.

Что же черноголовка-то сегодня молчит?

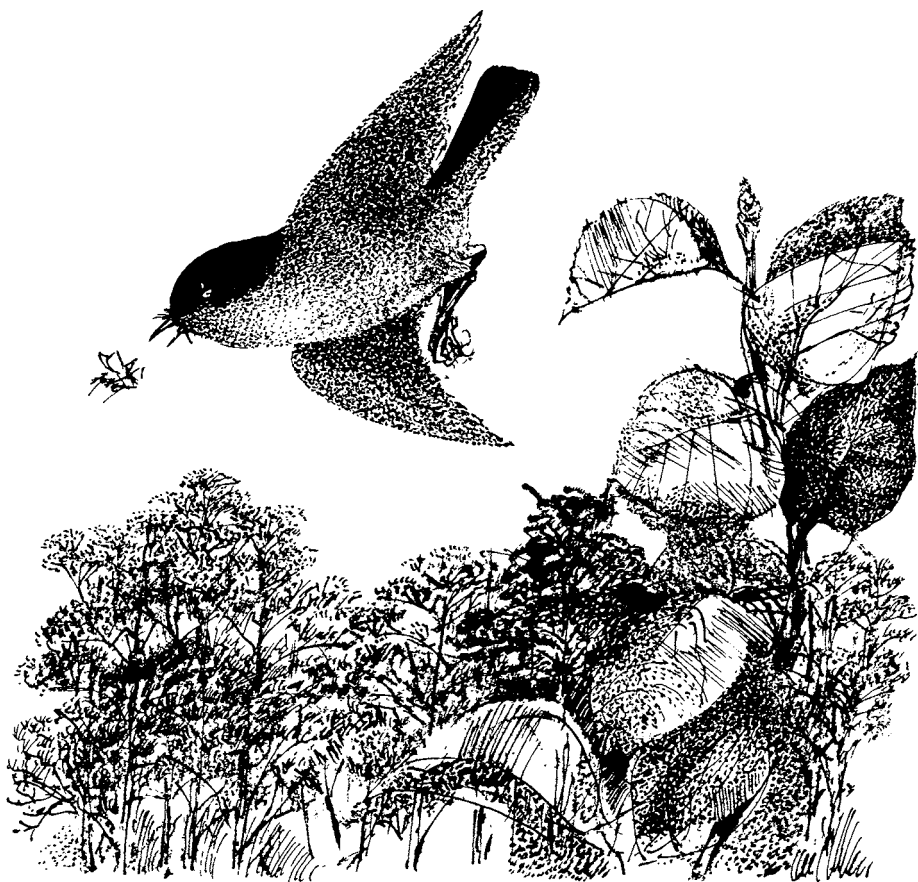
Ах, да!..

* * *

Выходя из дому на следующее утро, старик в первый раз не взял своего ящичка.

Он направился в темный угол сада, прямо к частым густым елушкам, и стал осторожно раздвигать их руками.

Скоро он нашел то, что искал: легкое гнездышко, сплетенное из тонких еловых веточек, скрепленных липкими серыми комочками паутины. Паутинки были верный признак, что это — гнездо славки-черноголовки; другие птицы не терпят в своем гнезде паутины, а эта нарочно кладет.

Птенцы уже вывелись. Они были одни и лежали беспомощно голыми комочками, плотно прижавшись друг к другу.

Старик отошел от гнезда, спрятался за темную ель и стал ждать.

Неожиданно из елушек вынырнула черноголовка-мать. Услышав ее приближение, сейчас же встрепенулись птенчики. Их толстые слепые головы поднялись на красных, как червячки, шейках, раскрылись большие желтые рты — и послышался слабый писк.

Черноголовка торопливо сунула мягкую гусеничку в первый попавшийся рот и сейчас же полетела искать другую.

Долго стоял старик за елкой и смотрел на гнездо. Черноголовка прилетала несколько раз и каждый раз — с кормом. И всякий раз при ее приближении из гнезда поднимались толстые слепые головки, разевали жадные рты — и слышался голодный писк. Скармливая гусеницу, чистоplotная птичка подхватывала жидковатый белый комочек, выпущенный одним из птенцов, торопливо уносила его прочь от гнезда.

— Трудно же тебе одной, мать, — задумчиво сказал старик. — Всех накорми, за каждым прибери.

У старика в привычку вошло ежедневно утром и вечером навещать к гнезду.

Он хорошо заметил, что черноголовка никогда не может досыта накормить своих птенцов. Каждый раз они встречали ее голодным писком и успокаивались только вечером, когда мать садилась в гнездо сама, обнимала приспущенными крыльями, теплым своим тельцем. Конечно, они засыпали голодными.

В гнезде их было пятеро, — четыре сильных и один слабенький. Сильные выше тянули головки, они первыми встречали подлетающую с кормом мать, оттирали от нее слабого.

Они быстро росли и крепили, им доставалось больше пищи, потому что черноголовка в спешке всегда совала корм в первый подвернувшийся клювик.

А слабый птенчик хирел с каждым днем. Он шевелился все меньше и слабее, пищал все тише — и однажды на глазах у старика уронил голову, затих совсем.

Стоя за елью, старик смотрел, что будет делать мать.

Подлетев к гнезду, черноголовка сразу заметила, что один из ее птенчиков не поднимает навстречу ей головку, не пищит, не просит есть. Тут в первый раз она забыла сунуть гусеничку детям: сама проглотила ее. Потом быстро схватила мертвого птенца в лапки, полетела с ним в кусты и там бросила.

И сейчас же снова помчалась искать корм для других, для живых своих птенчиков.

Старик совсем забросил краски. Целый вечер он потратил на шитье мешка из тряпки, прилаживал его к палке. И весь следующий день ходил, махал этим сачком по траве и кустам, что-то вынимал из него и складывал в большую картонную коробку.

Утром — еще солнце не взошло — старик неуклюже подкрался с тряпочным своим сачком к елушкам — и накрыл им гнездо вместе с птенцами и их матерью. Так в сачке и понес домой.

Выпущенная в комнате черноголовка в первую минуту испуганно метнулась в самый темный уголок. Потом вдруг стремительно кинулась оттуда в окошко, стукнулась о стекло и, ошеломленная ударом, упала на подоконник.

Старик, между тем, осторожно выпростал из мешка гнездо с птенцами, положил его на стол. И птенцы, молчавшие в темном и тряском мешке, запищали, полезли из гнезда — вот-вот выпадут.

Услышав их, черноголовка сразу встрепелась. Вспорхнула, залетала по комнате: скорей найти корм и заткнуть им голодные рты детей.

Старик глядел на нее и улыбался: он приготовил птице-матери хороший сюрприз.

Черноголовка без труда нашла то, что ей было надо: рядом с гнездом на столе стояла большая картонная коробка, полная зеленых, коричневых, серых гусениц.

— Получай, мать, — сказал старик. — Теперь сыты будут.
Он взял ящик с красками, вышел и плотно притворил за собой дверь.

* * *

Но не работалось старику и в этот день: мешали мысли. И писать хотелось уж не пейзажи, а тоненькую, теплую, подвижную птичку, всю серую, с черно-бурой головкой. Все думал о том, как осчастливил он ее и четырех ее беспомощных птенчиков, наверно, без него обреченных на голодную смерть. И с умилением почувствовал, как ширится, стучит в груди его сердце — доброе, любвеобильное человеческое сердце.

Не терпелось поделиться с кем-нибудь своей радостью.

И когда подплыла незнакомка, он первый ее приветствовал и сказал:

— А я, знаете, взял себе на воспитание птенцов.

Незнакомка остановила лодку.

— Каких?

— Славки-черноголовки.

— О, это нежная птичка. Большой уход нужен. Есть ли у вас все необходимое? Муравьиные куколки, деревянный пинцетик? Я сегодня же все привезу вам сюда, можно?

Старик видел, что ей хочется сделать ему приятное, и подумал: «Отзывчивая все-таки».

— Благодарю, — сказал он. — У меня птенчиков их мать кормит. Никаких пинцетов не надо.

— Мать? Как же это вы... — начала незнакомка, но, спохватившись, что вопрос может показаться назойливым, перебила сама себя: — Впрочем, муравьиные-то куколки все равно нужны. Не добывать же их вам самому. Я привезу.

— Ну, спасибо. Привезите. Пока корм у меня есть.

— Сейчас привезу. У нас много.

Тепло на этот раз простился с незнакомкой художник. После полудня сложил свой ящик и, торопливо шагая, направился к дому.

* * *

Он подошел к окошку и стал глядеть через стекло.

В гнезде был один только птенчик. Черноголовка сидела на краю гнезда с гусеничкой в клюве, но птенчик не тянулся к ней, не разевал желтого рта, не пищал. Из клюва у него торчал кончик недоеденной гусеницы. Птенчик спал.

И черноголовка-мать, сидя около него, вдруг проглотила принесенную ему гусеницу. Как тогда, в елущках, когда затих первый птенчик.

Старик взошел на крыльцо и открыл дверь.

Мимо него, весело цвирикнув, пролетела из избы черноголовка, скрылась за деревьями. Старик поспешно вошел в дом.

Там он увидел пустое гнездо и всех четверых птенчиков — на полу. У каждого из них торчал из клюва кончик недоеденной гусеницы.

Старик схватился за сердце.

* * *

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал он тихо.

С коробкой в руках вошла незнакомка.

Старик молча показал ей на птенцов. Она подошла, собрала их всех — маленьких, мертвых, с выпяченными голыми животиками — к себе на ладонь. Поддержала и задумчиво положила в гнездо.

— Все понятно, — сказала она, помолчав. — Черноголовка перекормила птенцов. Они были так сыты, что и не шевелились. А какой же это птеник, если он не тянется навстречу матери, не пищит, не просит есть? Птичка и приняла их за мертвых.

Старик растерянно слушал.

— С этими чудаками строго надо. По расписанию. — Незнакомка сдвинула черные брови. Но вдруг не выдержала, вся осветилась доброй улыбкой. — Как с грудными.

«Она знает, — думал художник. — Она вошла в их жизнь, понимает их. Это не то, что... писать их красками».

Он чувствовал себя побежденным и даже в чем-то виноватым перед ней. А она продолжала:

— Я с ними много возилась, умею с ними. А знаете — почему? — спросила с какой-то детской резвостью, вскинув голову и устремив на художника сияющий взгляд. — Потому что вы научили меня любить их. С детства знаю ваши картины. Такой у вас всегда лес замечательный: таинственный, одухотворенный. И птицы, и звери, и чертенятки разные. Я еще маленькой оторваться не могла. А потом мечтаю: «Вырасту большая, буду в лесу жить, буду всем им, смешным, мать». Вот и пошла на биофак. — И неожиданно робко попросила: — Покажите мне, что вы там на озере писали?

Ожил вдруг старик. Засуетился.

— Я сейчас... Я с большим удовольствием вам...

И они подружились.

* * *

Так вместо картины «Без человека» написал старый прославленный мастер-пейзажист свой первый замечательный портрет.

НОЧНОЙ ЗВЕРЬ

Ночную тайну разрушит слово.
А. Блок

Мы возвращались с охоты. Солнце уже зашло, в лесу быстро темнело, но на открытом месте еще можно было стрелять. И когда мы вышли в поле, я спустил Заливая со сворки.

Чем черт не шутит! Зайцы все сейчас в поле, — может быть, успеем взять еще одного по дороге.

И действительно: не успели мы с Василием Алексеевичем пройти и ста шагов, как чутыстая гончая натекла на след, дала голос и погнала.

Мы разошлись занимать места. Василий Алексеевич отошел вправо — к опушке леса, а я взобрался на ж а л ь н и к — небольшой, кругом ровный холмик слева при дороге. Тут был верный лаз: откуда бы заяц ни пошел, ему не миновать этого узкого места между двумя мысками.

Поместившись у небольшого кустика, я снял ружье с плеча и осмотрелся.

Небо было чисто, полная луна «щитом краснеющим героя» только еще вставала над лесом. Под ней блестели от росы зеленя. Начало октябрьской ночи было торжественно и прекрасно.

Гон между тем ушел далеко — километра за два в поля, к самой дороге.

Там лаял пес, но где сейчас русак?

В том, что это русак, у меня сомнений не было: беляк не дал бы такого большого круга, он сразу норовит уйти в лес.

Русак споряча мог далеко опередить гончую и быть уже поблизости.

Наспех затянувшись еще два раза, я бросил папиросу, придавил ее ногой и передвинул предохранитель ружья на «огонь».

Страстный баритон Заливая взбудоражил деревенских шавок. Они залились визгливым лаем. За ними дряхлым басом забрежал старый колхозный пес Сингал.

Сумерки наполнились неистовым многоголосым лаем. Но ненадолго. Неожиданно Заливай смолк. Не слыша его, замолчали понекому шавки и Сингал. Наступила полная тишина.

Особенность охоты с гончей та, что здесь человек стоит на месте и, прислушиваясь к голосу собаки, силой своего воображения участвует во всех страстных перипетиях смертной погони одного зверя за другим. Самый момент участия человека в охоте короток и часто неинтересен: если лаз выбран правильно, уходящий от погони зверь наткнется на стрелка почти вплотную, и прекратить навсегда его бег нетрудно.

Заливай смолк — значит, скололся: потерял на бегу след. Делает сейчас круг, чтобы опять схватить чутьем запах, оставленный потными от страха и быстрого бега лапами зайца.

А заяц в это время продолжает бег. Он не доверяет внезапно наступившей тишине. До сих пор преследователь выдавал себя кроважидным лаем. Молчащий теперь, он может внезапно появиться рядом.

Заяц делает широкую дугу по ему лишь одному известному кругу. Внутри этого круга он родился, тут он жирует ночами и дремлет днем, тут он любит, дерется с соперниками, спасается от врагов. Только смерть может заставить его выйти из этого круга.

А может быть и так: далеко опередив гончую, заяц сел. Пошевелил над головой ушами.

Тишина.

Тогда заяц поднялся, пробежал вперед до опушки и дальше в лес. Потом вернулся по своему следу, вдруг скинулся с него широким

прыжком в сторону и залег на опушке — головой в поле. Прижался к земле.

Тогда я напрасно жду его сейчас сюда: он дождется, пока гончая опять даст голос и промчится мимо него по его собственному следу в лес. Тут он вскочит и махнет в поля.

Передышка, значит, и мне. Можно не напрягаться.

И сознание мое раздвоилось: дежурная часть мозга оставалась начеку, глаза сторожили, — не мелькнет ли где быстрая качающаяся тень? И в то же время я мог думать о другом и чутко, всей душой отзываться на очарование все ближе надвигающейся ночи; возбужденная охотничьей страстью душа была напряжена до звона.

Волшебная картина была у меня перед глазами: мрачно темнел уже весь облетевший лес, а рядом свежо и радостно блестели молодые всходы. Какая сказочная встреча весны с глубокой осенью!

Да и все кругом, казалось, жило в сказке: все кусты и деревья, и древние — со дна ледникового моря — камни, кой-где угрюмо сутулившиеся в поле. Колдовской свет луны наполнял светлую ночь тайнами, ворожил, тревожил — вызывал призраки.

Я вдруг вспомнил, что стою на жальнике. И одного этого мысленно произнесенного слова было достаточно, чтобы призраки ночи воплотились у меня перед глазами.

Жальник — ведь это от слова «жаль», «жалиться». «От жали не плакать стать», — говорили древние новгородцы, насыпали на буйвищах, над могилами погибших своих воинов, земляные холмы и называли их «жальниками».

И, вглядываясь в лунные сумерки, я уже различал в их перемен-

чивых, неверных тенях воинов в шишаках с мечами, копьями и щитами. Беззвучно совершалась предо мною лютая рукопашная битва, сверкало немое оружие, падали богатыри.

Да, было время... Умели наши предки хоронить своих прославленных воинов.

Но легкое облачко скользнуло по светлому лику луны. И когда сошло, предо мной снова были только веселые зеленя, подо мной — небольшой, кругом ровный холмик.

Я сразу вспомнил про Заливая и подумал: что-то очень уж долго длится перемолчка!

Интересно, что испытывает сейчас русак?

Но сказочная ночь властно требовала необычайного, и мысль моя легко перескочила с русака на меня самого: а вдруг и меня разыскивает по следу какой-нибудь страшный зверь с горящими глазами и выбегающими из кровавой пасти клыками?

Какой-нибудь там вроде ископаемого громадного пещерного медведя.

Будь я мальчиком, я бы, наверно, вздрогнул от такой мысли и мне захотелось бы очень быстро обернуться. Но я только грустно улыбнулся.

За полями зажегся огонек: там собиралась ложиться спать мирная, давно забывшая ночные страхи колхозная деревня.

Самый большой и страшный хищный зверь, на встречу с которым я мог рассчитывать здесь, была лисичка.

Последний маленький медведь-овсяник был убит здесь пять лет тому назад, а о волках уже десятки лет и помину нет.

Даже смешно стало.

Вот стоим мы с Василием Алексеевичем, опытные охотники, напрягаем слух и зрение: ждем на лазу зверя.

А зверь этот — зайчик.

А ведь нам с Василием Алексеевичем вместе-то, пожалуй, сотня лет. Он — известный охотовед, старый зверятник. Да и я на своем веку побывал и в тайге, и в тундре — повидал зверя.

Мы оба изучали зоологию, для нас больше уже не может быть удивительных неожиданностей в этих исследованных, давно обжитых человеком местах. Как далеки мы от дней нашего детства, когда любой лесок за околицей был населен для нас всевозможными чудами: зверями, которых мы не умели назвать, и — на равных с ними правах — лешими, русалками, кикиморами и другой нежитью. Сказка потеряла всю свою силу над нами, потеряла обаяние тайны: каждое животное здесь мы знаем по имени, отчеству, фамилии, а с именем — и всю его жизнь — «биологию».

Я вздрогнул: из лесу слева от меня донесся короткий, глухой и хриплый крик. Так мог бы вскрикнуть древний, вросший в землю и весь покрытый мхом камень, если бы вдруг обрел голос. И вместе с тем я не сомневался, что это крик зверя. Только вот этого зверя я не мог назвать по имени.

Я с любопытством вслушивался в тишину: сейчас, наверно, крик повторится, и тогда я пойму, узнаю, чей он.

Но вместо звериного крика раздался вдруг там же — недалеко, слева от меня — неистовый лай Заливая.

Пес лаял часто, залиvisto, то и дело сдвигая голос.

По зайцу гончая так никогда не вопит, по зайцу она брешет.

В сумке у меня были две разрывные пули: старая таежная при-
вычка — на всякий случай всегда иметь пули с собой на охоте. Но
было ясно, что я не успею достать их, вынуть из ружья дробовые
патроны и заложить в стволы пули: так близко от меня был Заливай,
а зверь должен был находиться еще ближе.

Приподняв двустволку, я не отрывал глаз от темной стены леса.

Вдруг из опушки выметнулся зверь ростом с волка.

Я приложился... И опустил ружье.

Это был Заливай.

Он смолк, метнулся по полю в одну сторону, потом в другую.
Подбежал под самый жальник, поднял голову и на миг уставился на
меня. Но сейчас же твякнул, уверенно взял след и помчался вправо
от меня — через дорогу.

Еще минутку мелькали в сутеми его белые чулки и — исчезли.

Он пошел прямо на опушку, где стоял Василий Алексеевич, и я
невольно задержал дыхание: вот раздастся выстрел.

Но лай Заливая удалялся, а выстрела не было.

Я выпустил распивавший грудь воздух.

Признаюсь: чувствовал я себя не совсем уютно.

Поведение гончей было совершенно недвусмысленно: Заливай
шел по следу; он прошел под самым жальником — у меня под нога-
ми; значит, до него прошел у меня под ногами и зверь.

Тот зверь, которого я не мог назвать.

Прошел, как привидение: беззвучно, невидимо.

Но если я его не видел и не слышал, то он-то не мог меня не ви-
деть: ведь я стоял на холме и снизу был, конечно, очень заметен на
ясном небе. Да и чутье должно было его предупредить о присутствии
человека: ночной ветерок тянул как раз справа от меня к той опуш-
ке, откуда он вышел.

Какой зверь мог пройти в двадцати шагах от меня, оставшись
незамеченным? И даже не зашуршать когтями по опавшей листве на
опушке!

Василий Алексеевич тоже не выстрелил, — значит, зверь и у него
прошел невидимкой.

Голос Заливая потерялся уже в глубине леса.

Я вдруг почувствовал, что ночь холодная, а мне очень жарко.

Так или иначе, дело было кончено: зверь прошел и уж, конечно,
сюда не вернется.

Я опустил предохранитель и повесил ружье на плечо. Закуривая
на ходу, спустился с жальника.

С Василием Алексеевичем мы сошлись на дороге.

— Видели? — спросил он.

— В том-то и дело, что нет.

— Я видел. Крупный зверь. Как из-под земли вырос. На широ-
ких махах подошел к опушке и стал за кустами. Близко. Голову
держит высоко.

— Да кто же?

— Не знаю. Невозможно было разглядеть.

— Осечка?

— Нет; просто не стрелял.

— Вот тоже! . .

— А вы попробуйте в такого — заячьей-то дробью!

— Ну и что же?

— Ну, потом сдвинулся и разом пропал за деревьями. Как сгинул. Шорох, правда, был. И два раза хрустнуло в лесу. Похоже, не он, а от него кто-нибудь бежал в разные стороны.

Василий Алексеевич замолчал. Тут только я сообразил, что оба мы все время зачем-то говорили шепотом.

Шагая по дороге, я совсем другими глазами всматривался в ночь, чем тогда, вначале, на жальнике. Нет, черт возьми, годы тут ни при чем. Луна свое взяла.

Подмораживало. Лунная мгла опустилась и остекленела. Заливая не было слышно.

Великое бессловесное — земля, лес, небо — давило меня своей непонятной немотой. Наверно, и Василия Алексеевича тоже. Но мы молчали: может быть, оба не решались начать разговора, в котором не хватало у нас главного слова.

Я думал про одно: как это я не увидел, а Василий Алексеевич видел, да не знает — кого?

К деревне мы подходили уже в полной ночной темноте: луну заволокло большой тучей.

Тут нас догнал Заливай.

Он подошел ко мне, остановился и как-то по-особенному, натужно тявкнул.

Уж не силился ли он вымолвить слово? Он-то ведь видел и знал.

Я положил ему руку на спину и почувствовал, как тяжело вздымаются его бока.

Спина была мокрая.

Заподозрив неладное, я достал спичку, осветил свою руку.

Она была в крови.

Василий Алексеевич осмотрел, ощупал Заливая.

— Радуйтесь, что собаку не потеряли, — сказал он хмуро. — Пустяками отделался — царапина.

Я подумал:

«У нашего невидимки совсем не призрачные когти и зубы!»

За гумном горел костер. Я с удивлением увидел около него лохматого Сингала и колхозного пастуха — старика Митрея. Сверху на костер надвинулась тьма. Старик сидел, как в шалаше.

— Что ты тут делаешь, дед?

— Да, вишь, овечку свежевать дали. Зверь утресь задрал, туды его когти! От силы прогнали.

Мы с Василием Алексеевичем переглянулись.

— Медведь?

— Волк?

— Да нет, какие тут волки-медведи!

И вот дед сказал слово, которого нам так не доставало:

— Рысь.

Как свет включил: мгновенно объяснил все наши переживания этой ночи.

Заливай бросил след русака, напав на рысий след.

Рысь царапнула его в схватке. Потом, спрятав страшные свои когти в бархатные лапы, бесшумно и незаметно проползла мимо меня под жальником. Так бесшумно и незаметно, как могут красться одни только кошки.

Василий Алексеевич не мог признать ее за кустами в лунной мгле: рысь в этих местах — зверь проходной, совершенно случайный; нам и в голову не приходило, что можем с ней встретиться.

Я переживал сказку, думая о происхождении слова «жальник». Но если б я вспомнил короткое слово «рысь», это заставило бы меня иначе смотреть перед собой. Я бы искал глазами не качающуюся тень скачущего зайца, а стелющуюся, переливающуюся тень ползущей, крадущейся кошки.

И это коротко рычащее слово очень легко тогда могло бы превратиться в пушистую рыжую шкуру.

ЧАЙКИ НА ВЗМОРЬЕ

Когда станешь взрослым, не презирай мечты твоей юности.

Испанская поговорка

Рано утром, когда в дачном поселке все еще спали, на берег моря вышел человек с седеющими висками, с глубокими, но сияющими, как у ребенка, глазами. Широкополая шляпа едва ли могла бы удержаться на его непокорных волосах, если бы дул хоть небольшой ветер. Но был штиль.

Когда-то в детстве этот человек провел одно лето здесь — на взморье. Теперь он приехал издалека: ему пришла фантазия вновь посетить это памятное ему место.

Все изменилось тут. Где были сосны да жалкие лачуги рыбаков, теперь рядами стояли нарядные дачи горожан, цвели сады. Лишь руководствуясь очертаниями берега, мог он узнать места, где купался, ловил пескарей, колюшек, играл с товарищами.

Да и его вся жизнь изменилась с тех пор до неузнаваемости. Чем он был тогда? Одиноким, обиженным судьбой мальчиком. А теперь?..

Но море — море осталось тем же. Лишь отмели на нем несколько переместились. И так же над ним летали белые чайки.

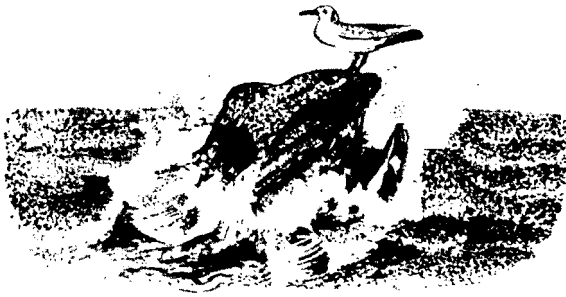
Чайки кричали.

Человек прислонился спиной к столбу, сложил на груди руки, закрыл глаза.

Чайки кричали.

Призрачный сон воспоминаний охватил человека...

Недалеко от берега на песчаной отмели стояли чайки. Белоперые свои тела держали горизонтально, — точно плыли, но шеи вытянули вверх, клювы повернули все в одну сторону: туда, где, расширяясь, исчезают берега залива, где открывается безбрежное море.

На них, не отрываясь, смотрел мальчик. Он лежал на берегу под сосной, у небольшого обрывчика. Вихрастую голову положил на руку. Его задумчивые глаза были глубоки, темны — и казалось, удивляются всему, что видят перед собой.

Когда лежишь так и смотришь вдаль, мир кажется разрезанным пополам на плоское и выпуклое; и все в нем становится как-то необыкновенно и удивительно.

Мальчик сам не знал, почему его взгляд притянули чайки. Потому ли, что пятно их блестящего белого оперения на золоте отмели было очень ярко и красиво? Потому ли, что эти красивые птицы всегда будили в нем неясные мечты, неопределенные желания?

Чайки стояли неподвижно, безмолвно, и в этой неподвижности, в безмолвии и в высоко поднятых тугих шеях птиц была большая серьезность, почти торжественность. Был час полуденной тишины, передышки, и ни одна из птиц не слетала покружиться над зеленой волной, высмотреть в ней рыбку.

Полдень был знойный. Расплавленный воздух струился над берегом, заставляя дрожать все очертания, и утомлял глаза. Маленькие плоские волны мелодично шипели, набегаая на песок. Пахло тиной, морской пеной, сырыми пухлыми камышинами, которые выкинуло и оставило на берегу море.

Мальчик оторвал утомленный взгляд от чаек. Глаза его бесцельно стали блуждать по зеленой глади моря.

Шли три серокрылые лайбы. Далеко за ними — на фарватере, — густо дымя, медленно-медленно тащил три продолговатые баржи черный, как водяной жук, буксир. Навстречу ему стремительно неся плоский серый миноносец. Он далеко за собой повесил длинную полосу дыма.

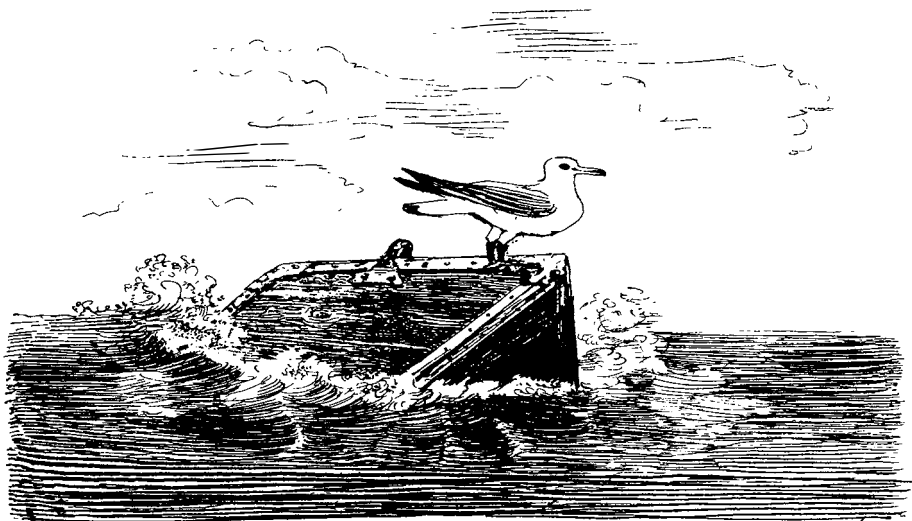
Глаза мальчика разгорелись. С минуту он жадно следил за миноносцем. Потом горько вздохнул и отвел от него взгляд.

Вдруг одна из чаек подняла над спиной узкие с черными концами крылья. Держа их так, сделала два неловких шага к краю отмели и, ударив крыльями по воздуху, поднялась над водой...

Сейчас же все ее подруги повернули к ней головы и закричали резкими, хриплыми голосами — сначала протяжно, под конец — отрывисто, крутыми вскриками.

Никогда не мог мальчик спокойно слышать их громких, пронзительных криков.

Один раз ему все-таки удалось побывать на настоящем морском

судне. Да еще на каком — на военном! Волна перехлестывала через катер, на котором подъезжал мальчик, била в высокий стальной борт броненосца, а броненосец даже не покачивался. И низко над волнами и высоко над пушками и мачтами броненосца летали чайки. Уже вернувшись на берег, мальчик все еще слышал их пронзительные крики.

Их крик иногда чудился ему даже в далеком от моря городке. От их крика сосало под ложечкой, хотелось куда-то бежать, хотелось чего-то необыкновенного.

Чайка сделала круг над отмелью и, выправив полет, направилась к чему-то темному, что покачивалось на пологих волнах между отмелью и берегом.

Мальчик вдруг сел. Глаза его расширились от изумления.

Темный предмет то исчезал, то снова показывался, поблескивая углами на солнце.

Мальчик хорошо разглядел его: это был медью по углам оканванный сундучок — точь-в-точь такой, в каком рылся на броненосце матрос в кубрике.

Чайка снизилась и, вытянув ноги, аккуратно стала на край сундучка. И сложила крылья.

Опять раздался резкий, нестройный крик с отмели.

Но мальчик уже не слышал его.

Ночной океан в гигантских волнах качает отраженные звезды черных небес.

Океанский пароход от трюма до верхней палубы весь залит ярким светом. Но черное и грозное, с потушенными огнями подходит к нему пиратское судно.

— На абордаж! На абордаж! .

Перебиты матросы, капитан связан и лежит на полу в своей каюте. Пассажиры поднимают руки под дулами пиратских ружей и револьверов.

По узкому трапу, перекинутому с борта на борт, пираты таскают награбленное добро. Трап скрипит, качается, уходит из-под ног.

Один из грабителей оступился. Вместе со своей тяжелой ношей — обитым медью сундучком — он летит в черный провал между пароходами. Отчаянный крик погибающего. Но в ответ ему гремят лишь проклятья пиратов: им некогда спасти товарища — еще много добра и золота осталось у пассажиров.

Пиратское судно скрылось во тьме.

Капитан развязан. Пассажиры притихли, подавленные страхом и несчастьем. Только один из них все еще бушует.

Это — американский миллиардер. В простом матросском сундучке, чтобы никто не заподозрил, вез он половину своего огромного богатства.

Далеко позади плывет его сундучок.

Он поднимается на хребты гигантских волн, скользит в пропасти между ними. Его не замечают с проходящих вдали судов. Только чайки да альбатросы присаживаются на него отдохнуть, да раз об его медный угол разбилась падавшая обратно в море летучая рыба.

Из океана в океан, из моря в море, — и вот доплыл сундучок. Сейчас его прибьет к берегу.

В нем шуршащие кредитные билеты с бизонами — сто миллионов долларов. В нем алмазы, рубины, легкие жемчужные ожерелья и другие драгоценности.

О находке мальчика напечатают во всех газетах. На эти деньги родина построит много новых первоклассных военных судов. А в награду ему дадут чудную быстроходную яхту с командой — для кругосветного путешествия. На ней будет и скорострельная пушка, каноны и фейерверкер: на случай встречи с пиратами.

Другая чайка, покружив над сундучком, опустилась на него рядом с первой.

Вконец истощенный человек с тяжелым сундучком на спине, шатаясь, пробирался к берегу цветущей страны.

Вокруг него качались на длинных стеблях цветы невиданной красоты. Над ними кружились крошечные птички; их радужное оперение сверкало и переливалось на солнце, в воздухе звенели их нежные песни. Странные звери с задумчивыми и добрыми глазами, прыгая, как лягушки, приближались к человеку и разглядывали со спокойным любопытством.

Человек сорвал один из высоких цветков. Удлиненная чашечка цветка была до краев наполнена сладким цветочным соком. Человек жадно опрокинул его себе в рот. Проглотив влагу, отбросил цветок. Звери подхватили цветок на лету лапками с тонкими, как у детей, пальчиками. Принялись играть цветком.

Солнце стояло над самым горизонтом. Но прошел час, другой, а оно не заходило.

Теперь человек был на горе. Он полз, таща за собой сундучок.

Подполз к самому обрыву — заглянул вниз.

Прямо под ним было море. Но в стороне тянулся узкий берег и на нем виднелись люди.

Они стояли длинным рядом у воды. Все были одинаково одеты в белые малицы до пят. Все одинаково держали по швам руки в длинных рукавах. Все смотрели в море. Над ними летали чайки.

Люди — это спасенье, жизнь!

Человек приподнялся на скале и, собрав все силы, крикнул:

— Йо-го-го-о-о! . .

Весь длинный ряд людей повернул к нему головы. Но все остались стоять неподвижно.

Человек уронил голову на руки и заплакал. Он понял, что это не люди: птицы — пингвины, пингвины! . .

Долго лежал лицом вниз. Потом поднялся на колени, с большим трудом подтянул тяжелый сундучок к самому краю обрыва и столкнул его в море.

Сундучок ушел в воду, всплыл. Отливом его потянуло в море. Чайки полетели провожать его в далекое странствие.

Лихорадочный взор человека следил за ним, пока сундучок не исчез вдали за волнами.

В сундучке — дневник человека и подробное описание, как найти эту вечно цветущую страну. Страну, где птицы живут в ароматных цветах и звери с прекрасными ласковыми глазами подходят к человеку, чтобы пригласить его поиграть с ними в прятки или пятнашки.

Тот, кто сейчас выловит сундучок, отыщет эту никому не известную страну. Он переселит туда всех мальчишек из всех стран. Там будут они играть со зверями, петь с птицами, спать в цветах. А потом построят себе целый флот и будут иногда ездить к своим родителям.

А знаменитый путешественник, который один спасся от кораблекрушения и нашел эту страну, — путешественник как-нибудь прокормится пока цветами и кореньями, а потом может вернуться к себе на родину.

И третья чайка подлетела к сундучку.

Но ей не было места для посадки, и она стала медленно кружить над сундучком.

Сундучок был уже совсем близко от берега. Мальчик ясно видел один из его помятых медных углов, почему-то выше других торчащий из воды.

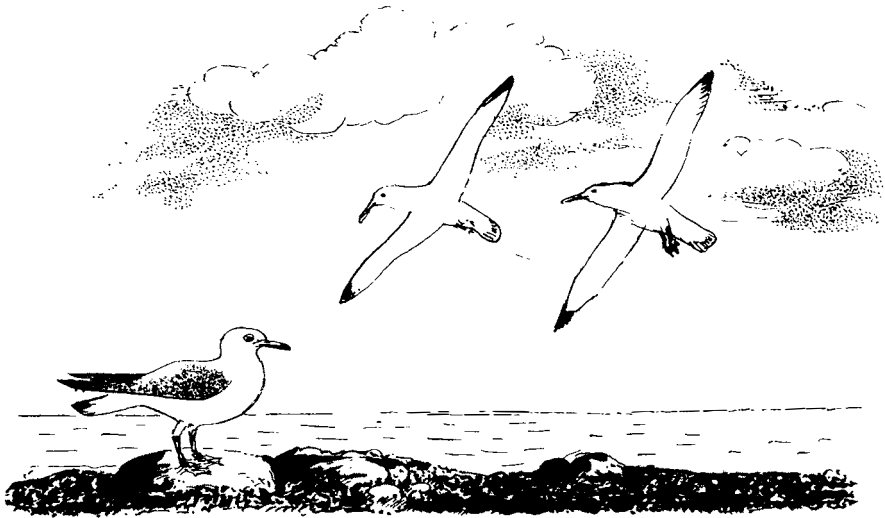
Мальчика уже била лихорадка нетерпения. Он больше не мог дожидаться, пока медлительные волны выкинут ему чудесный подарок моря. Он уже не мог мечтать: он должен был знать, что несет ему сундучок!

Мальчик прыгнул с обрыва и, обгоняя осыпающийся под ногами песок, побежал вниз, к воде. Встревоженные его бурным появлением обе сидевшие на сундучке чайки поспешно снялись и вместе с третьей полетели в море. Вспокоились и их товарки на отмели. Поднялись без крика, всей стаей. И, широко разлетевшись в воздухе, потянули туда, где море теряло берега.

Мальчик вбежал по пояс в воду, дрожащими руками ухватил сундучок за два угла и потащил его к берегу.

На берегу оказалось, что сундучок не заперт.

Сердце больно било в виски мальчика, когда он откинул забухшую крышку. Сундучок был пуст.

— О, какая злая насмешка!

Но на внутренней стороне крышки мальчик увидел самого себя: там было вделано карманное зеркальце, и в холодном стекле живо отразились глубокие, страстные, удивленные глаза — глаза мечтателя, и все его розовое лицо, и обидные мальчишеские вихры на голове.

Издали — со стороны открытого моря — донесся до него крик белых птиц, птиц широких водных просторов.

Издали крик чаек похож на насмешливый хохот.

Человек открыл глаза.

Да, это было то самое место, где он мальчиком получил в подарок от моря матросский сундучок.

Подарок этот он бережно хранит до сих пор.

Каждое новое издание своих стихов — одну книжку — он кладет в заветный сундучок. Теперь сундучок полон почти доверху.

Он сумел наполнить простор мира своими мечтами, своими увлекательными стихами о тайнах жизни.

И когда открывает теперь крышку сундучка, — по-прежнему в зеркальце отражается то же лицо, те же удивленные, сияющие глаза, хоть они и постарели лет на сорок.

Но еще он видит и другое: множество человеческих лиц, которые смотрят на него с любовью, с благодарностью, с дружбой. Это те, с кем делил он горе и радости на долгом пути своей жизни, о ком рассказывал в своих книгах и к кому обращал свои слова — самые заветные, самые дорогие сердцу слова. Люди — знакомые и незнакомые, — он отдал им себя целиком, все лучшее в себе, лишь для того, чтобы для них сделать жизнь богаче и лучше. Пытаться, разведывать жизнь, разгадывать ее удивительные тайны — это только половина дела. Другая в том, чтобы опыт свой, свои открытия — большие и

маленькие — передать людям-братьям. Не в этом ли высшее на земле наслаждение?

«В конце концов, — думает поэт, вспоминая подаренный ему морем сундучок, — это было совсем не так глупо и зло. Лучшего подарка я никогда в жизни не получал».

Чайки хохочут вдали.

Поэт вслушивается в их крик и, сияя удивленными глазами, говорит вслух самому себе и всему миру:

— Но это ведь совсем не хохот! Это — фанфары, пронзительный и могучий зов. И он наполняет собою глухие без него просторы морей и поднебесья.

ДВОЙНАЯ ВЕСНА

Зимой в Ленинграде моим глазам и ушам работы мало. Но вот замечаю: на крыше подрались воробьи. И сразу удваивается мое внимание ко всему окружающему: ведь первая потасовка воробьев — это первый намек на весну. Вот будут еще и еще сигналы. Каждый новый птичий голос весной — подарок. И какое наслаждение отмечать эти новые голоса, пока они не слились в огромный общий хор — апофеоз природе и солнцу!

Положено и человеку радоваться весне. Но часто при этом думаешь: много ли еще таких радостных встреч предстоит тебе в жизни?

И раз мне пришла в голову лукавая мысль:

«А почему бы не вырвать у жизни хотя бы одну лишнюю весну? Ведь родина моя так велика. Ежегодно в разных концах ее бывает много разных весен.

Съезжу-ка на Кавказ. Конец февраля. Там как раз начинается весна. Южная весна коротка. Успею встретить ее и вернуться. Тут встречу вторую в году — нашу неторопливую северную весну».

Даже краска прилила к лицу, — точно задумал обмануть судьбу.

Как раз у меня и возможность была съездить куда-нибудь — отдохнуть между двумя работами.

Беру билет на поезд до Туапсе и через три дня, проснувшись утром, вижу: весна!

В Туапсе на улицах припекало, кой-где была уже пыль, хотя горы кругом сверкали снегом. В садах громко пинькали лиловогрудые красавцы зяблики.

Сразу видно, что они только что прибыли сюда: ни одной самочки в их холостяцких стаях. Более сильные самцы удрали вперед. Самочки придут позже.

Еще только первое марта, но я опаздываю. Скорей, скорей, вперед!

И вот прекрасный теплоход «Абхазия» уже разворачивает передо

мною неторопливо-величественную панораму Кавказского побережья и бесконечный простор моря.

Последняя ниточка, связывающая меня с родным севером, рвется. Я в другой стороне — прекрасной, желанной, но не родной.

На молу сидят, наподобие прусских орлов, подняв и растопырив крылья, большие черные птицы. Невиданные у нас птицы — бакланы. Смешные звери выскакивают из волн и падают назад в море. Таких не увидишь даже в ленинградском и московском зоопарках: дельфины. И даже чайки, бело-розовой стаей провожающие теплоход, — не наши чайки: розовогрудые с красными носами и лапками — морские голубки.

Идет, идет теплоход, винтом отсчитывая время и пространство. Вот уже Гагры.

Внушительная картина! Огромные горы. В расщелинах — завалы тяжелых мутных туч. На вершине — дикие, засыпанные снегом леса, пихтач — словно настоящая сибирская тайга. А на узкой полоске берега игрушечные красивые домики-ульи и перед ними — пальмы, кипарисы, эвкалипты.

Бесшумно течет вода, течет время.

Сухуми.

Стóит однажды побывать в этом милом городке — и уж будет, непременно будет тянуть побывать в нем еще раз.

Когда-то осенью я был в Сухуми. И, конечно, у меня, как и у всякого, кто здесь хоть немного пожил, остались друзья среди приветливого и гостеприимного местного населения.

Меня потянуло к ним. Я сошел в Сухуми.

Какая же может быть весна, когда не было зимы?

На улицах жарко. Пальто ни к чему.

Съездил в Алексеевское ущелье, побывал в саду ВИРа¹. Всюду поют черные дрозды. Только вообразить себе эту блестяще-черную с золотым носом птицу в нашем северном лесу на белой березе!

¹ Всесоюзный институт растениеводства.

И уже совсем ряженым кажется изумрудно-коричнево-голубой зимородок, сидящий на кусте над горным ручьем.

Каждый день прибывают стаи новых птиц и устраиваются здесь хозяйственно: они уже дома.

Зябличихи тоже тут. Вот-вот мужские и женские стайки распадутся, разобьются на парочки.

И вдруг — неожиданно — снег.

Самый настоящий северный снег. И холод. И вьюга.

Классическое «старожилы не запомнят!» Такой вдруг снег, такой неожиданный здесь холод в марте!

Снег не тает и на другой день. И вот в ресторане «Рица» появляется новое блюдо: жареные вальдшнепы.

И на третий день — снег и вальдшнепы.

Не узнаю города: слоновые ноги пальм стоят прямо в снегу. Отягощенные снегом, никнут к самой земле громадные листья бананов. На ободранных ветвях эвкалиптов — это австралийское дерево, как змея, ежегодно меняет кожу, — на австралийских деревьях сидят мокрые от снега воробьи и простуженно каркают.

Ватага ребятишек, вооруженная палками, направляется в гору. Иду за ними.

Нам встречаются охотники, обвешанные вязанками битых вальдшнепов.

Вот поди же! А ведь у нас на севере эта чудесная сумеречная птица с большими трагическими глазами — желанная и всегда очень немногочисленная добыча охотников. Она улетает от нас с первой поршей.

Здесь она живет зимой на склонах гор в буковых и других широколиственных лесах. Ей нужно глубоко в мягкую землю втыкать свой длинный клюв, чтобы нащупать им съедобную живность. Снег для нее — смерть.

Горы засыпал глубокий снег. Вальдшнепы спустились вниз, прямо на улицы. Они истощены, обессилены.

Мальчишки бьют их палками.

Мне удалось спасти только одного вальдшнепа. Он не мог взлететь. Я схватил его руками. Рассматривая его, заметил, что на левой ноге вместо среднего, самого длинного пальца, у него культияпочка. Это тронуло меня.

Принес к себе. Пустил в садик. Тут снег уж почти весь сошел.

Вальдшнеп прожил в садике три дня. Потом — ночью — улетел.

Только сошел снег — и в Сухуми сразу настало лето.

Здесьние зяблики уже разбились на пары и свили гнезда. Весна кончилась.

Пора мне назад домой.

В Ленинграде еще бушевала волчья вьюга.

В деревню я выбрался только в конце апреля. Пригласил с собой приятеля-южанина, охотника: в наших лесах весной хороша тяга вальдшнепов, есть чем похвастать.

Попав в родной лес, я почувствовал себя так, будто обежал земной шар с такой быстротой, что встретил самого себя лицом к лицу.

Опять на деревьях пинькали стаи зябликов. Они здесь еще не разбились на пары. Вспыхнув рыжим надхвостьем, поднялся в кустах вальдшнеп. Повторялось все то, что я видел недавно на другом конце страны.

Я стал у одной опушки, приятель мой — у другой, шагах в двухстах от меня.

Солнце зашло, и птицы примолкли.

Теперь должен протянуть первый вальдшнеп.

Но он не тянул.

«Еще слишком светло, — утешал я себя. — Небо чистое. Сегодня тяга начнется поздно».

Глубокий душевный трепет объемлет душу весной в лесу в эти часы. Нагая ночь севера — белая ночь — гонит сон от глаз. Тайнственно оживают в ней белые тела берез, серебристые стволы осин. Сухопарые колючие сосны протягивают к ним свои колючие руки. И таинственно темнеют в глубине неодетого леса дремучие ели. Призрак неутоленной любви поднимается тогда от черной душиной земли к мерцающему бледными звездами небу.

Птицы не спят в эти ночи. Молчанием проводив уходящее на покой солнце, они скоро не выдерживают и снова заливаются песнями. Взлетев на тонкие вершины елок, поют наши серенькие дрозды-белобровки и певчие. Цвирикает в кустах черноокая зарянка. И хриплым от страсти голосом неожиданно начинает кричать в ночи только что прилетевшая на родину кукушка.

Напрасно, замолкнув, ждет она ответа на свой призыв: веселого, звонкого хохота самочки. Не прилетели еще кукушки-самки. Они прибудут, когда лес оденется листвою.

Колдуя, чуффыкает, звонко бормочет где-то тетерев-косач.

Среди всех этих чудесных звуков слух мой ищет одного —

самого желанного: негромкого, хрипловатого «хорканья» и «цирканья» тянущего вальдшнепа. Переждав с четверть часа после захода солнца, вальдшнепы-самцы поднимаются с земли, беспокойно снуют над лесом. Они разыскивают, высматривают своих самок. Это и называется «тягой».

Я весь напрягся в ожидании первого хорканья. Вспоминалось, как в прошлые весны простаивал белые вечера на этом же месте и над головой у меня пролетало десять — пятнадцать красивых долгоносиков, десять — пятнадцать раз вскидывал я к плечу ружье и стрелял, волнуясь, боясь упустить короткий миг возможного попадания.

Но в сердце уже закрадывалась тревога: что-то случилось этой весной. Не будет нынче той обильной тяги. Что-то уж слишком долго она не начинается.

И тут вдруг — как всегда, когда стоишь на тяге, — неожиданно, хотя все мысли заняты ожиданием этого звука, — донеслось откуда-то легкое «ципит, ципит, хорр, хорр!»

Я резко повернулся в ту сторону. И увидел: над опушкой, где стоял мой приятель, на фоне зеленоватой зари, толчками двигаясь в воздухе, неслась птица.

Станным образом она летела — вперед длинным опущенным хвостом. И у нее не было головы.

Мгновенная иллюзия рассеялась: то, что представлялось мне хвостом птицы, был длинный, внимательно опущенный книзу клюв вальдшнепа.

И я увидел, как внезапно вальдшнеп собрался в комочек — уже нельзя было различить, где у него хвост, где голова, — и безжизненно упал вниз.

Тут сразу донесся до меня и звук выстрела.

— Ну, — я вздохнул с облегчением, — один есть! Теперь начнется.

Я радовался, что приятель уж не вернется домой «попом» — без дичи.

Но ничего не «началось». Лес потемнел, в нем слились очертания отдельных деревьев. Прошел час. А вальдшнепы все не тянули.

Дальше ждать не имело смысла. Я крикнул приятелю. Он подошел.

— Хороша же ваша хваленая тяга, — сказал он сердито. — Один только и протянул. Вот он. На Кавказе зимой я бил их десятками.

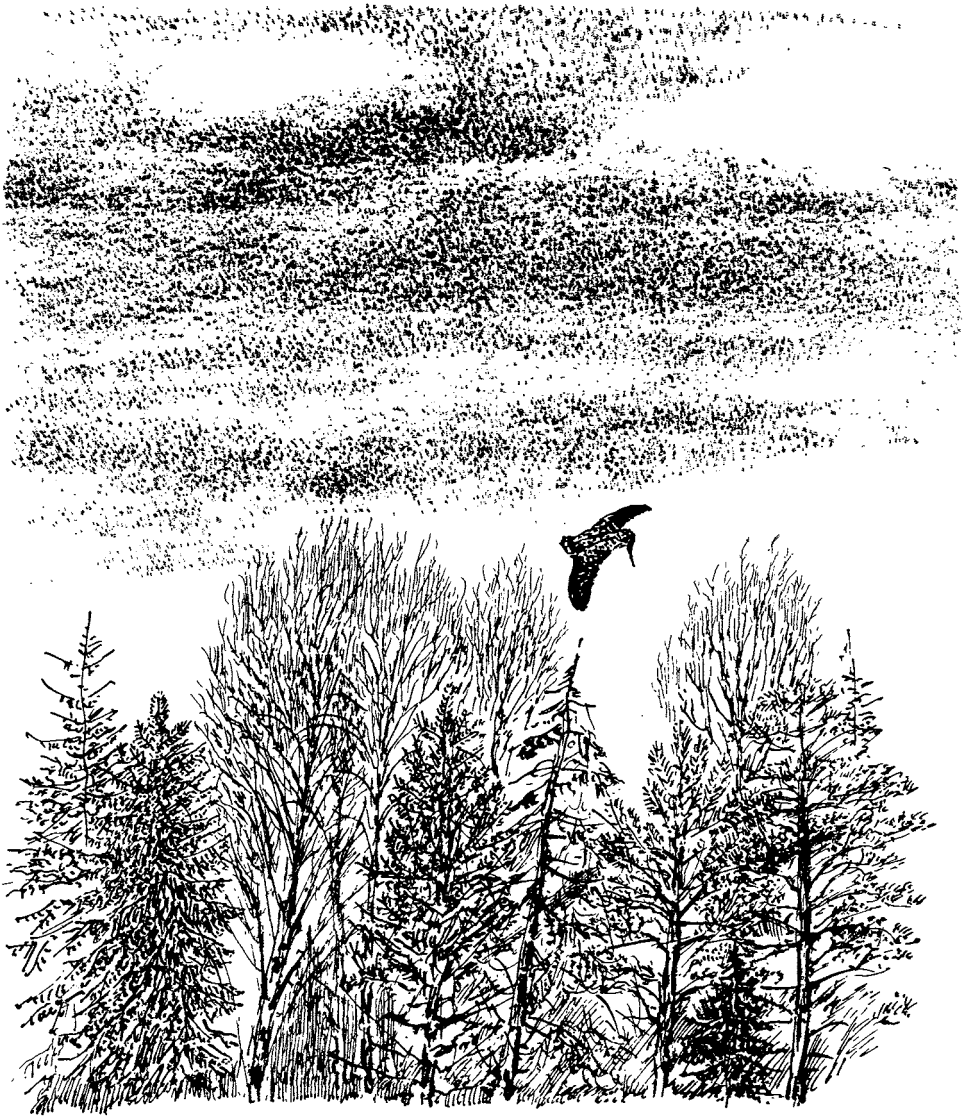
Приятель передал мне убитого вальдшнепа.

Разглядывая птицу, я заметил, что на левой ноге у нее вместо среднего, самого длинного пальца, — культяпочка.

Меня как током кольнуло.

Я, конечно, не могу утверждать, что это тот самый вальдшнеп, которому я недавно спас жизнь за тысячи километров отсюда — в Сухуми. Но только я вспомнил, что наши северные вальдшнепы летят зимовать на Кавказ и смешиваются там с кавказскими.

Я вспомнил сухумских охотников, обвешанных вязанками вальдшнепов.

Быть может, именно из моего северного леса вальдшнепы — эти птицы с большими трагическими глазами, — собравшись в стаю, зимовали в широколиственных бесснежных лесах над городом Сухуми. Возможно. Очень возможно.

И я стал думать: какое огромное у нас слово — Родина! Какую часть земного шара она обнимает! И все же юг и север, восток и запад — одно хозяйство.

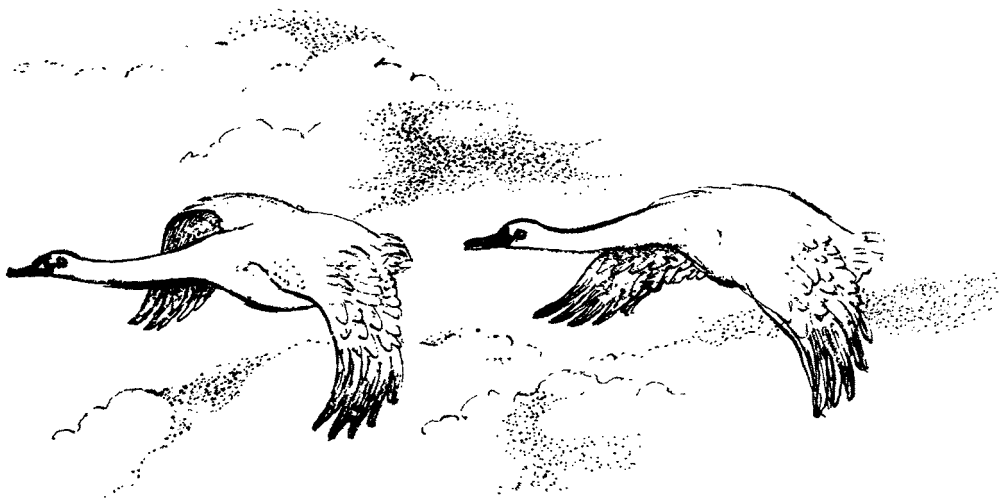
Вот птицы: уничтожь стаю их зимой на юге — весной останешься без охоты на севере.

О АУЛЕЙ, АУЛЕЙ, АУЛЕЙ!

К середине апреля лед потемнел, побурел, кой-где отошел от берегов, и в самой середине озера образовалась полынья.

Как огромный синий-синий самоцвет, засияла на солнце освобожденная вода. И утром, и днем, и вечером — когда ни взглянешь, — тут сидят, спускаются или поднимаются стаи пролетных уток, а ночью слышится с полыньи их неумолчный гортанный гомон.

В сильный полевой бинокль я хорошо различал их с берега. Все это были нырки: гоголя, чёрнети и спешащие на далекий север морянки-аулейки — черно-белые, с острыми, как стрелы, хвостами.

Впрочем, морянок-то я различал и ночью по их крику, совсем не похожему на кряканье, гогот, свист других уток. Звонким, напористым голосом они как бы зовут, призывают издалека-далека кого-то, чье имя — Аулей:

— О Аулей, Аулей, Аулей!

Кряквы, шилохвосты, связы и другие мелководные утки полыньи не посещали. Им тут нечего делать: середина озера очень глубока, а они ведь достают себе еду со дна, не ныряют, а только опрокидывают в воду переднюю половину своего тела. Нырки же могут доставать себе еду даже подо льдом.

Последние дни в поднебесье, над озером, шли лебеди. Их могучие ликующие голоса покрывали собой все другие весенние звуки, песни и крики. Волновали они меня необычайно своей неописанной красотой.

Я читал в книжках: крик лебедя сравнивают с серебряной трубой. В жизни не слышал труб, сделанных из чистого серебра. Но трубы — какие-то большие, неведомые, сказочные трубы — клики

лебедей действительно напоминают, хоть не слышал я и сказочных труб.

Три дня назад, утром, эти победные трубы ворвались в мой сон и властно прервали его. Мне показалось, они прогремели совсем низко, над самой крышей моей избушки.

Я спал не раздеваясь и сейчас же выскочил с биноклем на берег.

Двенадцать великолепных птиц, величаво поднимая и опуская широкие крылья, косым углом плыли уже над противоположным берегом озера. В ярком свете солнца, поднимающегося из темного леса, их белоснежные тела и крылья отливали ослепительным серебром.

«Вот отсюда и взялось сравнение с серебряными трубами», — подумал я.

И еще подумал, что косяк дает круг, снижается, — верно, хочет сесть на озере.

В этот миг над тем берегом, на стене темного леса, блеснул быстрый злой огонек и вспыхнуло белое облачко дыма.

Я не поверил своим глазам — быстро навел бинокль на это место. Тут донесся до меня звук выстрела, и я увидел на том берегу маленькую фигуру охотника.

Сомнений быть не могло, стрелок бил по лебедям и бил метко: косяк расстроился, лебеди сбились и пошли вверх, а один из них отстал и как-то боком, загребая одним крылом, снижался по кругу к середине озера.

«Дорого тебе станет этот выстрел!» — в гневе подумал я про охотника. Но он уже повернулся и поспешно скрылся в лесу.

Наш охотничий закон запрещает бить лебедей. За убийство этой прекрасной птицы суд присуждает виновного к большому штрафу.

Уже мало остается на земле таких глухих мест, обширных озерных крепей, где, таясь от человеческого глаза, в огромных гнездах из камыша и вырванного из собственной груди пуха выводят эти сказочные птицы своих розовоногих пушистых птенцов. Редки становятся лебеди даже на наших просторах.

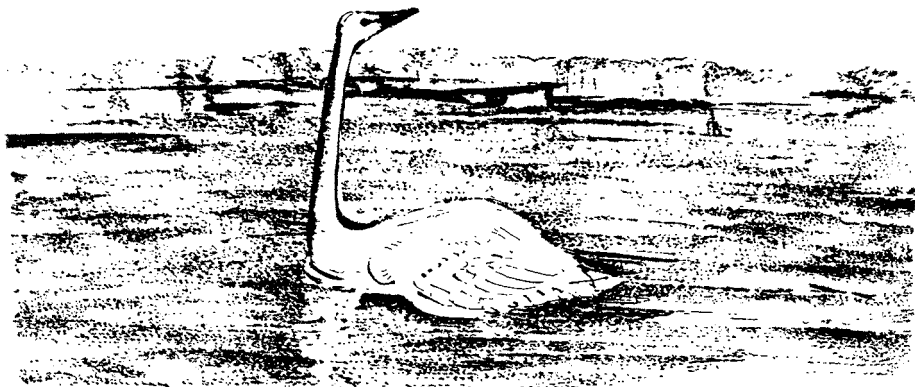
Подбитый лебедь уже сидел на полынье, раскинув по воде правое, видно раненое, крыло и высоко подняв прямую шею. Это был кликун — самый крупный из наших лебедей: его сразу можно отличить по прямой, немного дикой осанке от чрезмерно красивых шипунов — живого украшения городских парков всего мира. Сидя на воде, шипун держит крылья горкой над спиной, шею — всегда плавно изогнутой. Кликун гордо поднимает голову, держа шею во всю ее высоту, плотно прижимает крылья к телу.

Отыскав глазами его товарищей, я увидел их над дальним концом озера.

Они опять выстроились косяком и, медленно, мерно взмахивая тяжелыми крыльями, на большой высоте спокойно уходили от опасного места.

И тут сидевший на полынье кликун начал кричать.

— Кринг-клю-у! — кричал покинутый лебедь звенящим, хрипловатым голосом. В певучем его крике слышалась боль, слышалось отчаяние, слышался тоскливый зов. Да, отчаянный зов.

— Кринг-клинг-кланг-клю-у! — издали отозвалась ему стая.
— Кринг-клю-у! — отчаянно звал раненый.

И стая повернула. Косяк сделал широкий круг, перестроился в одну линию, снизился и, перестав шевелить крыльями, пошел на посадку. Раненый замолчал.

Я видел в бинокль, как лебеди один за другим спускались на воду, поднимали две стены брызг и некоторое время с разгона двигались по воде.

Потом стая сплылась, и я перестал различать между ними раненого.

Не хочется рассказывать, что было дальше. Все и так понятно: ведь лебеди, как и мелководные утки, не могут кормиться на глубине. Они достают себе еду, как утки, погружая длинную шею в воду, — со дна, мелкого дна.

Через два часа стая, тяжело поднявшись с воды, стала на крыло и, снова выстроившись косым углом, продолжала свой путь на север, к своим гнездовьям.

Раненый опять закричал. Как он кричал! Пусть другие думают, что хотят, а я уверен, что он знал свою судьбу. Он был обречен на голодную смерть.

Существует легенда, что лебедь поет перед смертью. Да, этот певучий крик можно было назвать песней. Мне она казалась звуком неведомой трубы.

Я пытался спасти раненого лебедя. Но это было невозможно.

Рыбаки только головами качали на мои просьбы помочь мне: не только лодки нельзя было дотащить до полыньи, но уже и ступить на трещавший, крошащийся под ногами лед было рискованно.

Лебедь плавал в самой середине быстро увеличивающейся полыньи и не приближался к ее ледяным берегам. Не в силах больше выносить его крика, я ушел из дома — из избышки на высоком берегу озера.

Но долго еще в дороге преследовал меня могучий, тоскливый трубный крик.

Я вернулся домой через два дня утром.

Лебедь больше не кричал. Его не было видно на полынье.

В бинокль я разглядел на за-
крайке льда большое алое пятно
и по всему льду озера от леса до
полыньи — легкие цепочки лисьих
следов.

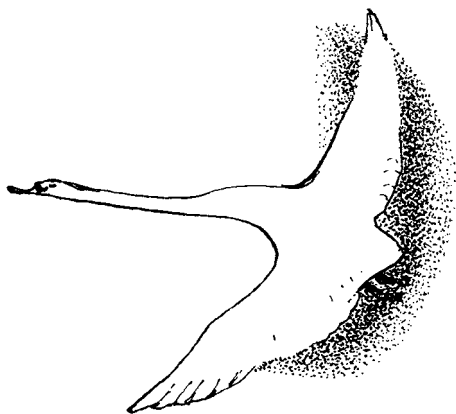
Может быть, ночью лебедь
вышел на лед — хотел идти к бе-
регу, к мелкому месту, и тут до-
стался хищникам, — не знаю.

Лебеда не стало. С полыньи
доносился опять только звонкий
зов морянок:

— О Аулей, Аулей, Аулей!

Стаи снимались с озера, лете-
ли на север — к своим гнездовьям.

С удовлетворением я узнал в деревне, что охотник, стрелявший
в лебеда, был остановлен лесной стражей и отдан под суд.

МОРСКОЙ ЧЕРТЕНОК

1. В борьбе со стихиями

Сам теперь не пойму, как я отважился на эту отчаянную поездку. Один!

Море было грозно, вдали по нему ходили злые барашки. Едва только я отшвартовался, снял конец с прикола, — волны кинули лодку и, ударив ее бортом о пристань, погнали к берегу. С большим трудом я успел поставить в уключины весла и направить лодку носом в море. И тут началась борьба.

Две стихии — море и ветер, — казалось, сговорились, чтобы не дать мне достигнуть цели и погубить меня. Я изо всех сил наваливался на весла, волны рвали их у меня из рук, а ветер, накидываясь то с одной, то с другой стороны, старался повернуть лодку назад к берегу и, поставив бортом к волне, опрокинуть ее. Очень скоро мои ладони покрылись мозолями. Но я почти не чувствовал боли: все мое внимание было поглощено тем, чтобы держать правильный курс.

Как я жалел теперь, что не подговорил с собой кого-нибудь из товарищей! Будь у меня рулевой, он мог бы, сидя на корме, держать руль по курсу, и мне оставалось бы только справляться с веслами. А одному приходилось каждую минуту оборачиваться то через одно, то через другое плечо — смотреть, прямо ли к цели идет моя лодка.

Целью моего плавания были запретные Пять Братьев. Так назывались пять скал, дружной грудой возвышавшиеся над волнами не-
вдалеке от берега.

Я сказал — «невдалеке». Но все на свете относительно. Преодолеть это расстояние при тихой погоде было бы не трудно, а сейчас оно казалось огромным.

Несмотря на ветер, пот лил с меня градом. И вдруг я почувствовал облегчение: лодка подошла под прикрытие Пяти Братьев, и тут — в заветёрках — сразу перестало рвать ее из стороны в сторону.

Однако пристать к скалам с береговой стороны не было никакой возможности. Надо обогнуть их с запада: войти в проход между двумя старшими Братьями — самыми большими из камней. Это я знал, потому что мне уже дважды пришлось побывать на Пяти Братях. Я знал, что ворота — очень опасное место: прибой там бьет с удесятеренной силой и может в щепки разбить лодку, бросив ее на камни.

Придержав лодку на месте, я немного отдохнул: надо было набраться сил для последнего, самого рискованного перехода.

Я оглядел берег. На нем никого не было. Да и кто будет выходить в море в такую рань и в такой ветер?

Наконец я собрался с духом и направил лодку в каменные ворота. Сильное течение разом загородило мне путь. Мне показалось даже, что лодку тащит назад.

Оборачиваться уже не было времени, но, скосив глаза, я по камню увидел, что потихоньку ползу вперед.

Это придало мне силы. Я налег на весла — и как-то совсем неожиданно легко очутился по другую сторону каменных ворот.

Резко повернув лодку, я без приключений ввел ее в узкую гавань между двумя Братями — одним из старших и младшим.

Тут было тихо. Я кинул весла на дно лодки, перешел на нос, взял кошку — четырехлапый якорь — и забросил ее на старшего Брата. Подергал — зацепилась крепко.

Опасный переход кончен.

Теперь можно собраться с мыслями и приниматься за дело.

2. Из темной пучины

Отдохнув, я разложил в лодке все свои запасы и нацепил на крючок целый клубок червей. Мелкая добыча, что берет на одного червя, меня не интересовала: не за тем я ехал сюда, рискуя жизнью.

Я забросил удочку. Поплавок из сухой камышины вынырнул и лег спокойно. Тогда все исчезло — берег, небо, лодка; осталась только эта камышинка да кусочек моря, на котором она покоилась. Я смотрел на нее не отрывая глаз.

Смотрел и думал о том, что сегодня ожидает меня необыкновенная добыча. Ведь не на простую ловлю я выехал, не с берега, в мелкую воду, закинул удочку. Я — в море, на скалах. Кто знает, какая тут глубина? И что таит в себе пучина, какие живут в ней огромные, невиданные рыбы? Может быть, сегодня ждет меня счастье, и я вытащу какую-нибудь рыбку, у которой даже названия нет, потому что никто еще не ловил таких. Может быть, тут, под скалами, стоит сейчас целая стая таких рыб, и как начнут они клевать одна за другой — только успевай вытаскивать! Я полную лодку набью добычей.

Поплавок по-прежнему спокойно лежал на воде.

Следуя мысленно за лесой, ушедшей в темную воду, я думал, какой невообразимой глубины бывают моря и океаны! Целые километры воды под тобой. Незведанная глубина!

И мне представился крошечный-крошечный человечек на скорлупке-лодочке. Под ним бездна — пучина морская. И над ним бездна — воздушный океан, межзвездные неизмеримые пространства...

Оторвав на минутку глаза от поплавка, я взглянул вверх и между разорванными ветром тучами увидел бездонное синее небо. «Ведь будет такое время, — подумалось мне, — когда человек научится спускаться в глубь океанов, до самого дна, и подниматься ввысь — до луны, до планет, может быть, до самых далеких звезд».

Я опять перевел глаза на поплавок и не мог дать себе ясного отчета: действительно он дрогнул или это мне только показалось?

Мгновенно исчезли бездны — сверху и внизу: глаза мои впились в поплавок.

Он спокойно лежал на воде.

Я выждал несколько минут. Потом повел его удочкой — подальше от скалы: может быть, там клюнет?

Вдруг поплавок встал — и вмиг исчез под водой.

Какая-то неведомая сила увлекла его в темную бездну, натянула лесу, согнула конец моего удилица.

Но другой конец я крепко держал в руках. Вскочив на ноги, я порывистым движением дернул удочку.

Руки мои почувствовали сопротивление: кто-то там, в глубине, упирался.

Я потянул сильнее. Руки у меня дрожали.

Тот — внизу — немножко поддался.

Я тянул и тянул.

Из воды показалась камышинка-поплавок.

Поплавок стоямя стал подвигаться ко мне.

Но вдруг тот, под водой, стал — и ни с места.

Я рванул. Он поддался, но сейчас же утянул лесу назад. Я рванул изо всей силы.

На конце лесы вылетела из моря рыба не рыба — настоящее чудовище: все в колючках; голая голова с разинутой зубастой пастью, за ней растопыренные когтистые крылья; спины нет, а сразу хвост, тоже весь в шипах.

Блеснув на солнце темными пятнами, чудовище вместе с лесой опустилось на дно лодки.

Я с торжеством посмотрел на берег: моя взяла!

И хорошо сделал, что посмотрел: оттуда, с берега, грозила мне такая опасность, что я разом забыл даже о своей необычайной добыче.

На берегу стеной стоял сосновый лес. В полкилометре справа он кончался. За ним виднелась дача. От дачи к лесу шел человек в костюме из желтовато-коричневой шерсти, с ружьем за плечами.

Сейчас он войдет в лес. Оттуда ему не будет видно меня. Но если он выйдет из лесу против Пяти Братьев раньше, чем я окажусь на берегу, он сразу заметит меня в море. Тогда я пропал.

Каждая минута была дорога. Не обращая внимания на чудовище, отчаянно бившееся на дне лодки, я прыгнул с борта на камень, отцепил кошку, махнул с ней назад в лодку и сел за весла. Грести к берегу было легко: ветер дул в спину, волны сами несли меня к цели.

В несколько минут я достиг пристани и поставил лодку на прикол.

Схватив удочку, не успев даже отцепить болтающуюся на конце ее добычу, я бегом по мосткам кинулся к берегу.

3. Мечты и действительность

Только я соскочил с мостков на песок, из лесу вышел человек с ружьем в верблюжьем костюме. Это был мой отец.

Мой отец был строгий человек. Узнай он, что я ездил на Пять Братьев, да еще в такой ветер, не бывать бы мне больше в лодке до следующего года.

Ведь мне было всего десять лет, и отец строго запретил мне одному, без взрослых, брать лодку.

Но я был на берегу. Отец, наверно, подумал, что я удил с мостков. В этот день мне везло. Солгать отцу я не мог бы. Но, действуя по вдохновению, я избежал прямого вопроса и, можно сказать, выскокил сухим из воды.

— Папа! — закричал я вместо приветствия. — Я поймал морского черта!

— Ну, что за пустяки! — отозвался отец, с любопытством, однако, взглянув на мою добычу, все еще бившуюся на конце удочки. Он был большой знаток природы и с великой страстью изучал ее.

— А любопытно, — прибавил он, перехватив у меня лесу. — Это бычок-подкаменщик. Удивительная мелководная рыбка. Прячется под камнями, а проплывет кто-нибудь мимо — рыбка ли, водяная

мокрица, жучья личинка, — стрелой вылетит и — в пасть. Обжора страшный!

Я слушал и ликовал: гроза миновала, отец не видел меня на Пяти Братях! Когда-нибудь, когда я буду большой, я сознаюсь ему в своем проступке. А пока — я герой.

И что ж такого, что это не морской черт, а всего чертенок, бычок какой-то, рыбка, уместающаяся на моей ладони? Сам отец говорит, что это удивительная рыба.

И что ж такого, что Пять Братьев совсем не скалы, а просто пять камней в каких-нибудь ста метрах от берега? И что там не пучина морская, а совсем мелко?

Ведь я-то вправду рисковал жизнью, поехав туда в лодке один, в такой ветер.

И я вправду поймал там замечательное маленькое чудовище — все из колючих крыльев-плавников да из хвоста с шипами.

Отец пойдет сейчас дальше — он вышел на охоту, а я побегу домой и буду хвастать своей необычайной добычей матери и всем своим товарищам. И все будут ахать и удивляться. А кой-кому из товарищей я даже шепну на ушко, как я этого морского черта добыл с риском для жизни.

И все равно, над морем — бездонное небо, а под ним — бездонные моря и океаны, и весь огромный мир кругом меня, надо мной и подо мной полон неизведанных тайн. И я их буду открывать всю жизнь, потому что это самое интересное, самое увлекательное занятие в мире!

РАСКАЗЫ О ТИШИНЕ

УММБ!

В первый раз это случилось со мной, когда мне было шесть лет. Я играл на песке у моря. Никого не было рядом: мать присматривала за мной из окна. Домик наш стоял у самого берега.

Я делал из песка горки и проводил канавки. И хотя все мое внимание было поглощено этим интересным занятием, я вдруг заметил, какая сделалась кругом тишина.

Наверное, подошел полдень, — солнце над моей головой стояло почти отвесно. Будто онемело все вокруг, — мне показалось — весь мир. Хрустальной горой — почти зримой — воздвигалось до самого неба безмолвие. Как это произошло? Мгновенно или же исподволь, незаметно для меня, увлеченного своей забавой? Я не слышал птичьих голосов в саду нашего дома, — птицы молчали, попрятались, затаились. Ничто не шевелилось там, в саду; укороченные, иссиня-черные тени кустов и деревьев неподвижно лежали на дорожке. Даже ветер будто затаился. Столько живого было вокруг меня — птицы, цветы, деревья, — я чувствовал эту огромную, разнообразную жизнь, и все замерло, будто затаило дыхание и вслушивалось, вслушивалось: вот кто-то скажет слово — удивительное, неслыханное слово, — и разом рухнет эта непонятная мне немота.

Когда я теперь вспоминаю себя ребенком, именно так мне представляется мое тогдашнее ощущение этого безмолвия. Тишина, внезапно наступившая, мне казалась таинственной, я не мог ее разгадать своим детским умом и замер сам и вслушивался, ждал, что вот в самой этой неподвижности полдня, в самом пространстве, наполненном зноем, с минуты на минуту что-то произойдет — и тайна исчезнет. Как в сказке из «Тысячи и одной ночи» «Али-баба и сорок разбойников» раздается заклинание: «Сезам, откройся!» — и перед человеком открывается гора, полная сокровищ.

Я ждал. Горка песку беззвучно рассыпалась и легла у моих ног. В смятении я обернулся.

Матери не было в окне, а вскочить, побежать к ней я не смел. Тишина все длилась. Только маленькие пологие волны залива равномерно набегали и отбегали; набегали и отбегали, чуть слышно звеня, оставляя влажный след на песке. Был полный штиль.

Полный штиль был и внутри меня. Я затаил дыхание. Только ровно, сильно тукало сердце.

Сколько времени это длилось, я не мог бы сказать.

Теперь-то я хорошо знаю, что это за тишина. Она наступает на переломе знойного летнего дня, в полуденные часы. Утомленные жарой, смолкают птицы; хищники, с рассвета парившие в небе на своих распластанных крыльях, прячутся в тень; рыба перестает играть на зеркале рек и прудов — глубже уходит в темные подводные заросли, и даже кувшинки прячут под воду свои желтые и белые чашечки. Зной. Безветрие. Солнце стоит отвесно. И чем жарче день, тем удивительнее это затишье, наступающее в природе. Почувствовать его можно только в лесу, в поле, на море, — в городе оно незаметно. Может быть, час пройдет после полудня, может быть, меньше, — и так же неуловимо, неощутимо, как настает эта немота, мир опять наполняется звуками.

..Ничего не случилось, но я почувствовал: проходит. И странное оцепенение спало с меня.

И вот тут-то я услышал слово — каждый звук в нем различил.

— Уммб!.. — послышалось далеко в море, разнеслось по спокойной воде, дошло до берега, до меня и отдалось где-то за нашим домиком, в лесу:

— ... ббы!

И там, откуда разнесся этот звук — от «банки», песчаной отмели среди моря, — всколыхнулись чайки. Закричали, поднялись в воздух. Налетел ветерок. В саду громко запел зяблик, застрекотали кузнечики. Хрустальная гора безмолвия рухнула.

Я вскочил и стал всматриваться в море: кто там сказал это слово?

Но на спокойной глади воды никого не было видно.

Это очень удивило меня: такое великанское — на весь мир! — слово, а того, кто его сказал, не видно. Уж не само ли это море его принесло?

Я был в том возрасте, когда для человека в мире живо все и у всего есть язык. Тогда человеку весь мир — сказка. А в сказке почему бы и морю не произнести какие-то слова? Ведь говорит же в сказке Царь Морской!

А это слово было как раз такое, будто кто-то произнес его со дна моря, — булькнул им оттуда на весь мир.

Я побежал спросить у матери: кто это говорит «уммб» и что это значит?

Но мать ничего не могла объяснить мне. Она была в кухне, не слышала этого слова и, занятая своими делами, даже не поняла, о чем я спрашиваю.

Забывать такое слово было невозможно, и долго потом я о нем спрашивал у всех взрослых. Но никто не мог мне его объяснить, даже «старые морские волки» — матросы, побывавшие в кругосветных плаваниях.

Но эти-то умели рассказывать о море такое, что, слушая их, я бывал обо всем на свете, даже о слышанном мной таинственном «подводном слове», как я его стал называть про себя.

Из их рассказов выходило, что в море все есть и все может быть, — даже такое, о чем люди и не подозревают. Есть же на свете морской змей длиной в несколько километров. Есть рыбы, летающие по воздуху, — как же, рассказчик их своими глазами видел! «Есть чудовища морские, такие огромные, что в пасти их пропадают целые корабли с мачтами. Есть и такая рыба морская: только приставить корабельный нож к пузу — она как заорет петухом! Вот те крест! — клянется рассказчик. — Сам, своими ушами слышал, пропади она пропадом!»

Я подрастал. Пришел тот возраст, когда у человека широко открыты глаза на мир — влекущий к себе, прекрасный и таинственный мир, но уже нельзя без оглядки верить всему, что слышишь об этом мире.

Рассказы матросов были очень увлекательны. Пока слушаешь их, веришь, бывало, всем морским чудесам. А потом опомнишься — и пойдут сомнения. Начнешь разбираться, где правда, где сказка и где в сказке правда.

Наверное, уж так я устроен, что мне и до старости кажется: вся жизнь — сказка. К чему ни начнешь прислушиваться — за самым обыкновенным, даже скучным на первый взгляд явлением скрываются удивительные вещи. Начнешь разбираться, а там — полно неизвестного: темные дебри маленьких и больших тайн.

И еще мне все казалось странным, почему это люди — даже взрослые — так охотно выдумывают небылицы, когда быть чудеснее всего, что они могут выдумать?

Выдумывают каких-то чудовищ, глотающих корабли. А тому не удивляются, что живое морское чудовище — огромный зверина в сто тонн весом — кит — не может проглотить даже маленького человечка: такое у него узкое горлышко.

Серьезные научные книги начинали тогда раскрывать предо мной не менее удивительные чудеса и тайны, чем те, о которых говорилось в сказках. Я узнавал из книг, что существуют на самом деле летающие по воздуху рыбы, рыбы, ходящие посуху и даже залезающие на деревья. И что на самом деле существует морской петух — кричащая рыба.

Это заставило меня снова и снова вспоминать когда-то слышанное мною «подводное слово» и думать: уж не рыба ли какая произнесла его, — и томиться желанием разгадать эту загадку.

Человек пытлив, он хочет все объяснить себе — и во вселенной, и в себе самом. Как же без этого жить? Исследовать, понять должен человек, а не спешить забыться — махнуть рукой.

Мы продолжали летами жить на берегу Финского залива. И вот еще и еще раз пришлось мне услышать этот таинственный звук.

Однако кто его произносил, я никак не мог подметить. Каждый раз та же картина: спокойная гладь моря, на ней — никого, кроме чаек, тишина, неподвижность — и раздается это «уммб!»

Единственное, что я твердо установил в эти годы, это что «уммб» совсем не обязательно раздается в полдень: мне приходилось

слышать его и утром, и днем, и вечером — лишь бы на море было тихо.

Но кто произносил это таинственное слово, кто? . .

Десять лет томился я этой загадкой.

Разгадка пришла неожиданно. И при довольно странных обстоятельствах.

Случилось, к нашему берегу прибило волной утопленника.

Как полагалось тогда — это было до революции, — из ближайшей деревни послали за урядником и судебным следователем, а в ожидании их приставили к утопленнику сторожа, чтобы никто до приезда властей не пошевелил мертвое тело.

Сторожить ночью досталось знакомому мне мужичку Спирьке. А он был не то что слабоумный, а, как про него говорили, «со шмелем». Из тех, кого до старости зовут уменьшительным именем без отчества. Нескладно все как-то у него получилось, фантазии все разные, а дела нет, — больше все в церковь за семь километров бегал да лоб крестил. Нечистой силы Спирька боялся ужасно, и она всюду ему мерещилась. Ну, где такому всю ночь около утопленника просидеть? Да у него от страха родимчик делается. А послушаться старосты нельзя: боится.

Вот Спирька прибежал ко мне и молит:

— Выручи, братец, посиди со мной ночку, смерть боюсь!

А мне шестнадцать лет было — самый такой фанфаронистый возраст, когда не только своего страха никому не покажешь, но и над другим без жалости посмеешься, если заметишь, что чего-нибудь боится.

Над Спирькиной «нечистой силой» я частенько измывался. Он и думал, что мне все трын-трава.

А мне, признаться сказать, никогда еще с покойниками дела не приходилось иметь, и с утопленником целую ночь просидеть со всем не улыбалось. Ну, однако, не откажешься: подумает ведь — струсил.

— Ладно, — говорю. — Обожди. Сейчас соберусь. Ночку с тобой скоротаю, а чуть свет — извини уж! — на охоту уйду.

Какая там охота после бессонной ночи! Но надо же как-то объяснить, зачем ружье с собой беру.

А Спирька и тому рад, что хоть в темноте живая душа с ним рядом будет.

Вот сидим мы со Спирькой ночью у костерка и разные истории друг другу рассказываем. Все про хорошее стараемся, про веселое. Про покойников, утопленников, конечно, ни слова.

А «он» лежит тут совсем близко, свет от нашего костерка до него достигает. Мы у леса, «он» на песке между нами и морем. Рогожами покрыт. Лежит, молчит, не шевелится, — кажется, чего спокойнее? А вот не только Спирьке — и мне страшно. Оба к «нему» сидим вполоборота — спиной боимся повернуться. Оба нет-нет, да и покосимся на «него» одним глазом.

Я-то, конечно, знаю, что со смертью все кончается, мертвый не встанет и ничего плохого сделать тебе не может. А все-таки твердой

уверенности, чувствую, во мне нет: вдруг да случится что-нибудь такое страшное? А что — и сам не знаю.

Котелок у нас над огнем приспособлен: чай греется. Двустволка у меня к дереву прислонена.

А ночь июньская, тихая-тихая. Чуть только море плещет. И звезды в небе горят неярко, спокойно так.

Уж вторые петухи в деревне — слышно было — пропели.

И вдруг я услышал шаги: идет кто-то по берегу к нам, камешки у него под ногами похрустывают.

Я взглянул на Спирьку, а на нем лица нет. Глаза с кулак, и рот разинут.

Я взял ружье на колени и жду: кто покажется?

Показался старичок. Совсем с виду не страшный: бороденка плохонькая, в руке суковатая палка, котомка за спиной. В штиблетах. Одним словом — прохожий старичок, из городских.

Повернул к нам. Подошел.

— Мир беседе! — говорит. — Что не спите, люди добрые?

— Сторожим вот, — отвечаю. И кивнул на «того», закрытого рогожками.

— Вот оно какое дело!

Старичок подошел к «тому», нагнулся, опершись на палочку, поднял рогожку и долго, спокойно и внимательно вглядывался в открывшееся ему лицо. Потом опять аккуратно прикрыл его рогожей.

— А это зачем же? — опять подойдя к нам, кивнул он на мою двустволку. Я так и держал ее на коленях. — Убежит, что ли?

Я не нашелся, что ответить. Приставил двустволку опять к дереву.

Он скинул с плеч котомку, сел, вытащил из нее облупленную эмалированную кружку, хлеб.

— Одолжите кипяточку?

Спирька налил ему из котелка.

Старичок молча напился чаю с хлебом, молча убрал кружку, достал кiset и сложенную книжечкой мятую газетную бумагу. И, держа ее в руках, о чем-то надолго задумался.

Задумался и я. Старичок мне не нравился. Не потому ли, что он так равнодушно разглядывал «того» — на песке? И посмеялся над моим ружьем? . . .

— . . . Закурим, — сказал прохожий старичок. — Закурим табачку листового, помянем дедушку лесового.

Поминание «дедушки лесового» привело в полное смятение Спирьку: я видел, как он дернулся и, поспешно сунув руку за пазуху, мелко-мелко стал крестить себе грудь.

Старичок, казалось, не заметил этого. Он закурил, предложил табачку нам и, когда мы отказались, стал рассказывать.

Рассказ его был как раз о том, о чем мы со Спирькой в это время меньше всего хотели бы слушать: о мертвых.

Старичок сообщил, что уже сорок лет служит в городе сторожем в морге, или, как он говорил, «при покойницкой». Мертвецы были его специальностью, и видно было, что он может сообщить о них много любопытного. Я уж было и заинтересовался его рассказом, но, взглянув на Спирьку, решительно попросил старичка «прекратить об этом».

Он явно был недоволен, что ему не дают говорить на излюбленную тему, пробормотал себе что-то сердито под нос, но замолк.

Пропели за лесом третьи петухи. Был тихий предрассветный час. Море и лес молчали: еще не начался утренний бриз — не потянуло ветерка с остывшей за ночь земли в море; не проснулись в лесу птицы.

— . . . Уммб! . . . — раздалось вдруг с моря.

— Господи, спаси нас и помилуй! — отчаянной скороговоркой взмолился до смерти перепуганный Спирька. — Господи, господи, господи, господи, да что же это за напасть такая! Помилуй нас, огради, защити, господи! . . .

Я с удовольствием отметил про себя, что и старик вздрогнул при этом таинственном звуке. Но он быстро оправился. И не замолк еще шепот Спирьки, как он полным презрения голосом обронил:

— Эк тебя схватило! От необразованности все это. Темнота!

И так он это уверенно произнес, такое в его голосе прозвучало равнодушные к тому непонятному, что через это «подводное слово» меня так мучило, что я вдруг подумал: «А ведь вот кто, пожалуй, знает, чей голос произносит это слово!»

И, на всякий случай — чтобы не потерять своего достоинства, — скривив рот в улыбку, я тоном превосходства «образованного» человека, с высоты своих шести классов гимназии, спросил:

— А вы, значит, понимаете, что это мы сейчас слышали?

Старичок сплюнул в костер.

— Прежде слышать не доводилось. А в соображение взять можно. Данные налицо.

«Ого! — подумал я. — Какое слово!»

И даже трепет какой-то внутренний почувствовал: вот сейчас этот сморчок, просидевший полжизни среди мертвецов, в один миг раскроет мне тайну, разгадать которую я не мог десять лет! И досадно было, и любопытно ужасно.

— Так какие же ваши «данные»? — спросил я как можно равнодушнее, особенно подчеркнув «ученое» слово.

Старичок пристально посмотрел на меня и встал. Почти величественным жестом он широко провел вытянутой рукой у себя перед грудью, как бы обводя ею какое-то пространство. Потом опустил ее — и указал на то, что лежало на песке, прикрытое рогожками.

— Понятно?

Я смутился.

— Второе понятно: вон лежит. А первое, признаться, не очень.

— Первое будет — море. Мало разве в нем покойников плавает? Один этот и был?

— А при чем тут он? — совсем удивился я.

— Как, то есть, «при чем»? — рассердился старичок. — Другой человек не своей волей в воду-то попадает: случайно свалится да захлебнется или другие его туда пихнут. Такой своего последнего слова еще не сказал. А дых в них, в покойниках, есть. Такой вот человек и старается с-под воды-то свое последнее слово людям и миру вымолвить. С последним дыхом выдавливает его со дна морского.

«Фу ты! — подумал я. — Какую ерунду выдумал. Вот тебе и «образованность»!

Я махнул рукой и нарочито протяжно зевнул.

Это не прошло мне даром.

— А вы, молодой юноша, — сощурившись, сказал вдруг старичок, — видать, из образованных будете? Что же покойников-то эдак боитесь? В бабьи сказки верите? Стыдно-с!

Я, конечно, вспыхнул.

— Из чего это вы заключаете, что я боюсь? И не думаю! Я сюда добровольно пришел, вот с ним, — я кивнул на Спирьку, — посидеть. Потому что он боится.

— А не боитесь, — сказал старичок и вредно так улыбнулся, — так вот извольте потрудитесь до моря дойти — взглянуть, не плывет ли там еще какой покойничек? Да чтобы мы знали, что вы до самой воды дошли, прихватите вот пустой котелок, принесите нам воды из моря. Ась? . .

Это уж был прямой вызов. Отказаться — значило признать себя трусом.

Я вскочил, схватил котелок, протянул было руку и за ружьем, но, покосившись на ехидного старичка, поспешно отдернул руку. Пошел с одним пустым котелком.

До моря по прямой было шагов с сотню. Идти надо было мимо прикрытого рогожами тела. И я прошел нарочно как можно ближе к нему: на вот тебе!

Я хоть не оборачивался, но уверен был, что старичок не спускает с меня глаз, так и сверлит ими спину мне.

Здорово я был в эту минуту зол на этого прохожего старичка. Да и на себя тоже: ведь я действительно побаивался, а чего — и сам не знал. Я же не семинарист, не верю ни в ведьм, ни в колдовство, ни в разных там виев, ни в восстающих из гроба покойников и стучащих в окно утопленников.

... И в распухнувшее тело
Раки черные впились... —

вспомнились мне вдруг с детства знакомые строчки, и все тело сразу покрылось «гусиной кожей».

«Фу ты, чтоб тебя! — подумал я. — Лучше совсем об этом не думать. Потом разберусь, откуда все-таки этот страх. Днем же не трушу».

Я уже подходил к морю. Начинало рассветать. Я всматривался в воду: вдруг там на самом деле... Но нет, конечно, не бывает таких неожиданных совпадений!

Вместе с тем мне холодило спину: я не мог забыть, что там, у меня за спиной, лежит «тот», покрытый рогожками.

... посинел и весь распух...

Однако тут мне пришлось убедиться, что совпадения в жизни бывают самые неожиданные и такие, которых человек заранее даже представить себе не может.

Я увидел в волнах темное тело.

«Нет, это подводный камень обнажился!» — мысленно сопротивлялся я тому, что видели мои глаза и что не хотело, ни за что не хотело признать мое сознание.

Темное тело покачивалось в спокойных волнах так недалеко от берега, что виден был даже желтоватый блеск, которым оно отсвечивало в лучах разгорающейся зари. И заметно было, что его несет к берегу.

Больше обманывать себя нельзя было.

Мне стало нехорошо. Я почувствовал слабость под коленками и должен был опуститься на песок.

Мне показалось, темное тело исчезло. Но вот я его опять увидел — ближе.

... Опять исчезло. Или это у меня мутится в глазах?

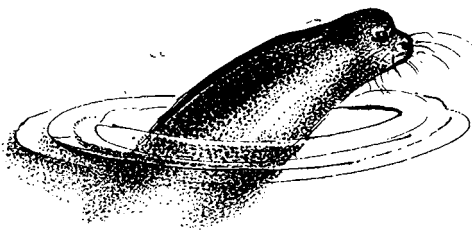
Я сидел, не смея пошевелить пальцем.

И как-то уж совершенно неожиданно для меня утопленник вдруг очутился совсем рядом: выплеснулся на влажный песок вместе с волной. Длинное мокрое тело, все в мутных пятнах, зализанная водой голова... И голова эта смотрела на меня в упор открытыми, живыми человеческими глазами!

Этого я не мог вытерпеть.

Я вскочил и... не знаю, что бы я сделал, если б утопленник не повернулся вдруг очень быстро всем телом и не нырнул назад в море.

Можете смеяться надо мной, но я в ту минуту не мог сообразить, что это зверь — нерпа, тюлень.

Я понял это только через несколько времени, когда уже совсем рассвело и я увидел тюленя. Он плыл недалеко от берега и скоро потом вылез на плоский, чуть выглядывающий из воды камень.

С камня он сейчас же опять нырнул в воду: наверно, увидел меня на берегу, на старом месте. Нырнул, вынырнул — и вот оттуда, с моря, от самого того камня, где он показался, четко и ясно раздалось:

УММБ!

Это случайное маленькое открытие принесло мне неожиданную радость.

Не в том дело, что я мог теперь торжествовать над прохожим старичком, так ехидно надо мной посмеявшимся. К стати сказать, я больше его не видел: он ушел, не дождаввшись меня с моря.

И не в том дело, что я разгадал то, что для других — даже стариков — было тайной; хотя это, конечно, было приятно. А в том была моя радость, что я одержал победу над самим собой.

Скоро мне пришлось убедиться, что после этого глупого приключения прошел страх мой перед таинственным. Только начнешь трусить чего-нибудь непонятного, разом всплывает в памяти, как я тюленя принял за утопленника, — и сам на себя улыбнешься. А где улыбка, там какой же уж страх. И вот захочется найти простое объяснение тому, что кажется таким таинственным.

Сколько раз потом ночью на охоте мне приходилось слышать жуткие, неизвестно кому принадлежащие голоса. А утром по следам, оставленным зверями и птицами на земле или снегу, разгадывать, кто напугал меня в темноте.

Или вот сейчас, я опять вслушиваюсь в таинственную тишину перелома дня. Перед окном моей избы на колхозной улице сидит ворона. Даже не сидит, а скорее лежит: распластала крылья в пыли, приоткрыла клюв. . .

Дальше — за околицей — на сосне сидит большой ястреб-тетеревятник. Я не вижу отсюда, открыл ли он клюв, но достаточно того, что он сидит неподвижно и не делает никакой попытки схватить в когти глупую ворону, так беспомощно развалившуюся у него на виду в пыли.

Я знаю: он насытился с утра, он тоже утомлен жарой.

Ополдень будто бы замерла жизнь в природе так, как замерла она в сказке о спящей красавице. Безмолвие, безветрие; ходики у меня на стене однотонно отсчитывают минуты. О, как быстро они бегут!

Солнце — отец жизни — продолжает свой путь, ниже клонится к горизонту, и все живое под ним скоро стряхнет с себя это полуденное оцепенение.

— Сезам, откройся! — Сколько раз открывалась передо мной на миг сказочная гора Сезам, но двери, за которыми не счесть сокровищ,

тотчас же опять захлопывались у меня перед носом. Я не боюсь этого теперь. Я знаю: это не страшно, раз человек понял, как они отворяются.

К самым таинственным, призрачным дверям всегда найдется простой вещественный ключ. Умей его только найти.

Сокровища будут твои.

«ОНА»

(РАССКАЗ МОЛОДОГО УЧЕНОГО)

Дик и страшен верх Алтая.
Вечен блеск его снегов.
Хомяков

Только мы разбили палатку, поели и собрались отдыхать, — обнаружилась пропажа сумки с препаровочными инструментами. Без них вся работа моя — зоолога экспедиции — срывалась.

Забыв о желанном отдыхе, я вскочил, чтобы сейчас же ехать назад: может быть, мне повезет, и еще до наступления темноты я найду сумку, валяющуюся где-нибудь на дороге.

— Одну минуту, — сказал начальник экспедиции, наш гидрометеоролог. — Сейчас я... это, как его?

Я с надеждой посмотрел на него; может, это он припрятал мою сумку?

Он стоял, заложив руки за спину, и, заведя под очками глаза, уставился на небо отсутствующим взглядом: явно старался что-то припомнить. И, как всегда, поражал удивительным сходством с его измерительными приборами. Приделай одному из его длинных стеклянных термометров очки да бороду — точь-в-точь будет он сам. Такой же прямой, жесткий, холодный.

Он отличался классической рассеянностью ученого, и ученая рассеянность его происходила, конечно, от большой внутренней сосредоточенности. Он вечно что-нибудь обдумывал и вычислял про себя, потому и не замечал ничего, что происходит вокруг него, не замечал и нас — живых людей, своих спутников. Но знаниями он был набит под самую черепную крышку.

— Так... да, так! — сказал он, поправляя очки и переводя на меня свои серо-свинцовые глаза. — Совершенно верно: я держал ее в руках на той стоянке. Хотел убрать в ящик. А потом повесил на ветку кедра и что-то другое стал убирать в ящик. Там ее — это, как его? — и найдете — на кедре.

Я послал ему мысленно тысячу чертей. Возвращаться на старую стоянку! Это значило — ночь в седле. После такого-то утомительного дня — душного, без обычного полуденного отдыха!

Но делать нечего, ехать было необходимо.

Я приторочил к седлу тюк из пальто с завернутым в него небольшим запасом хлеба, надел через голову ремень двустволки и, пожелав

старому чудаку спокойной ночи, выехал из лагеря на своем сильном трехлетке-воронке.

У реки на большом камне сидела девушка-ойротка — наш проводник. Семь длинных, мелко заплетенных кос узкими змейками сбегали с ее плеч на грудь. В черных косах поблескивали серебряные украшения. Плотнo оотянутая на скулах кожа, чуть раскосые глаза, чистый лоб. Вся крепкая и совершенно неподвижная фигура алтайки казалась изваянной из камня, на котором она сидела.

Я сказал ей, куда и зачем еду по милости рассеянного нашего начальника: хотелось поделиться с кем-нибудь своей досадой.

Она не вынула чубука изо рта, только перевела на меня глаза, блеснув глянецом белков. Прощедела сквозь зубы:

— Нельзя. Не ходи.

Я удивился:

— Это почему?

— Делай так, — она опустила веки и чуть склонила голову набок — показать, что прислушивается.

Я добросовестно выполнил ее совет: стал прислушиваться.

Вечер был на редкость тих: даже птицы приумолкли, и я ощутил какое-то напряжение — непонятное и тягостное, точно рядом кто-то затаил дыхание и уже открыл рот, чтобы сказать что-то, но, задыхаясь, ни слова не может вымолвить.

Веки каменной девы поднялись, агатовые глаза в упор уставились на меня.

Она вынула трубку изо рта и размеренно-веско произнесла явно заученные слова:

— Колокола звонят — быть празднику.

Я знал: «праздником» они тут зовут всякое значительное собы-

тие. Но никаких колоколов я не слышал, да их тут — в глуши алтайских гор — и не было нигде за сотни верст. Совершенно было непонятно, чего она ждала.

— Какой «праздник»? — спросил я.

И чуть слышно каменная дева прошептала:

— Она.

Я не мог сдержать улыбки.

— Ну, что же: вернусь — погуляю с «Ней» на празднике.

Ойротка опять сунула черный обкусанный чубук в зубы, опустила веки.

Сизый дымок поднялся из трубки и повис в неподвижном воздухе.

Разговор был кончен. Я тронул коня.

Тропа шла тайгой. Я ехал и думал:

«Все они тут живут в сказке, как дети, — и ойроты и даже русские старожилы. Очевидно, первобытная природа так на них действует. Населяют ее какими-то таинственными существами. Вот как эта «Она».

Надо сказать, что о «Ней» я уже не в первый раз слышал здесь в горах. Этим страшным своей краткостью и неопределенностью словом местные жители называли, по-видимому, какую-то неведомую силу, какое-то непонятное им явление природы. «Она» «накатила». Там «Она» положила тайгу полосой, — и можно было думать, что речь идет о каком-нибудь метеорите. Там «Она» сбросила в пропасть целую займку вместе с пасекой, — и я объяснял себе, что это просто нередкий в горах обвал.

Но все мои попытки добиться толком, что же такое на самом деле эта «Она», каждый раз кончались ничем: рассказчик сейчас же многозначительно замолкал или круто переводил разговор на другое, не достаивая меня ответом на такой бестактный вопрос. И в конце концов я решил, что это мистика, чепуха, сказочный какой-то персонаж вроде бабы-яги, разъезжающей по воздуху в ступе с помелом в руках.

Молод я был и самонадеян. Не умел в шелухе суеверий находить зерно точного наблюдения, проверенного многими поколениями, хотя и не объясненного ими. Думал — любое явление природы могу сразу понять, объяснить себе его сущность и тем убить в себе всякий суеверный страх перед неведомым. И все, что непонятно, казалось мне суеверием.

Когда тропа опять вышла на берег реки, предзакатное небо уже оделось в яркое золото. На нем — за рекой — четко вырезался скалистый хребет. На гребне хребта причудливой знаменитых химер на кровле собора Парижской божией матери обрисовывались очертания фантастических фигур. В выветрившихся камнях мои глаза невольно угадывали формы то гигантской белки с круто поднятым хвостом, то ведьмы верхом на помеле из лиственницы, то крючконосый профиль колдуна.

Тут были толстоголовые окаменелые медведи и хищно согнувшие спину рыси. В одном месте мне почудился паук ростом со слона, в другом — так ясно представился лев с крыльями над спиной, что я даже осадил коня.

Действительно, резкие очертания камней необычайно походили на рисунки крылатых львов-грифонов в учебниках истории Древней Греции.

«Кто знает? — пришло мне в голову. — Быть может, эта самая скала на заре истории и породила грифонов в фантазии эллинов? Помнится, эллины в те времена добирались и сюда, вели торговлю с алтайцами, которых они называли скифами. Грифоны, или грифы, говорили они, охраняют здесь золото скифов».

Вновь пустив коня рысью, я все не мог оторвать глаз от хребта. Под острым гребнем его на недоступных склонах чернели пасти пещер, — когда-то, может быть, убежищ косматых пещерных гиен и медведей, огромных саблезубых тигров или первобытных людей. И, обвитые корнями кустов и трав, падали с высоты потоки в хаосе громоздящихся друг на друга плоских камней — россыпи. Падали, падали и не сдвигались с места.

— Черт знает что! — выругался я про себя. — Вот, кажется, уж и мне начинает невесть что чудиться, как нашей ойротке.

Но уж близок был брод. Переправа была небезопасна и отвлекала мои мысли. А дальше дорога пошла широкой, спокойной долиной Чарыша — одной из крупнейших рек горного Алтая, пересекающей его с востока на запад.

Прекрасны были горы, окутанные легкой разноцветной дымкой заката. Прекрасен был Чарыш, синий и прозрачный до дна. Дикой силой, несказанной красотой дышала вокруг меня первобытная природа, рождая в душе тысячу мыслей, видений и безотчетных чувств.

Но все-таки главным в тот тихий вечер оставалась тишина. Особенная какая-то тишина: слишком уж беззвучная и, может быть, потому — тягостная.

Теперь уж и мне чудился в ней какой-то легкий призрачный звон. Казалось, звенит воздух. И не раз я ловил себя на желании остановиться, вслушаться, понять этот звук. Но уже начинало темнеть, мне надо было торопиться.

В одном месте путь преграждал бом — скала, нависшая над рекой. На бом пришлось взбираться крутой и скользкой тропой, ежеминутно рискуя поскользнуться и скатиться в реку. В других местах надо было хорошо видеть перед собой дорогу, чтобы не сорваться с кручи.

Уже в темноте я миновал расположенную на том берегу деревню Чечулиху. Час был не поздний, и меня удивило, что ни в одном окне нет света.

«Тоже, видно, «Ее» ждут, — подумал я. — Боятся, что увидит да «накатит» на них, — опрокинет огонь, наделает пожар».

Тем приятнее мне было заметить далеко впереди в стороне, и, казалось, высоко-высоко на темной туче веселый красный огонек — верно, чей-то большой костер на вершине горы. Как раз в ту сторону — к Коргонским белкам¹ — лежал мой путь. Я решил:

— Пусть этот огонек будет моим маяком.

Часа через полтора я проехал словно вымершей деревней Коргон: тут тоже не было огней и ни души на улице.

¹ Белок — на Алтае — гора с вечным снегом.

Керу Коргон — бурный приток Чарыша — мне пришлось пере-езжать уже при луне. Брод здесь серьезный: сильный поток тащит по дну «булки» — камни, обточенные водой и трением о грунт. Может ударить «булкой» коня по ногам. А стоит коню оступиться — стремнина подхватит его, закрутит вместе с всадником и выкинет два раз-можженных трупа в глубокий Чарыш.

Воронко благополучно перешел реку.

На том берегу я соскочил с седла — поправить тюк. Тут меня поразило, что густая трава, так обильно всегда по ночам обдающая путника холодной росой, сегодня была совершенно суха.

Но и это не заставило меня догадаться о близкой опасности.

А в воздухе уже звенело и пело, как в морской раковине, когда приложишь к ней ухо.

Дальше мой путь сворачивал с хорошо проторенной дороги и удалялся на юг от Чарыша. Я въехал в узкое ущелье между горами, в одно из тех диких ущелий, которые ойроты зовут «аю кепчас» — «медведь не пройдет».

Но тут была знакомая мне тропа, проложенная звероловами. Глубокая тень от гор лежала в ущелье, а я подвигался вперед уверенно и довольно быстро. Огонек впереди на горе то показывался, то скрывался из глаз, мигая мне, как настоящий маяк.

В этом глухом ущелье на днях, только ночью, чуть не оглушили меня своим криком филины. Тут их было несколько. Один закричал, ему откликнулись другие, эхо в скалах перехватило их крик — и все ущелье наполнилось адскими голосами. Жуткий был концерт!

Но сегодня даже эти духи ночи — даже филины — молчали.

Ущелье кончалось не очень высоким, крутым перевалом. Я слез с Воронка и повел его в поводу.

Когда мы одолели высоту, перед нами открылась большая елань, вся залитая лунным светом. Трава здесь была скошена, стояли стога.

И вот тут-то мне и пришлось испытать то, к чему я — по собственной вине — совсем не был подготовлен.

Я спокойно стоял, отдыхая и любуясь прекрасным ночным пейзажем.

Вдруг Воронко как-то дико подпрыгнул всеми четырьмя ногами, вырвал у меня из рук повод и в карьер помчался через елань в тайгу.

Сейчас же и я, еще ничего не видя, ничего не понимая, почувствовал какой-то безотчетный ужас. Еще не зная, откуда надвигается на меня опасность, что грозит мне, я поспешно сорвал через плечо свою двустволку.

Но стрелять было не в кого, и я беспомощно опустил ружье.

В эту минуту до меня донесся с белка отдаленный грохот ужа-сающей силы.

Я не знал, что это. На гром не было похоже. На обвал — тоже. Скорее грандиозный взрыв вдали. За ним послышался гул.

Приближение этого низкого, все нарастающего звука было так страшно, что я бросился к ближайшему стогу: куда-нибудь укрыться от того неведомого, что невидимо неслось на меня с горы.

В один миг я, какмышь, зарылся в сено.

Гул приближался с ужасающей быстротой. Выглянув из своего прикрытия, я увидел: выше по горе над еланью, как трава от ветра,

клонится высокая тайга. Шума ее не было слышно: он тонул в низком гуле, наполнившем всю вселенную.

Чудилось: кто-то огромный несется с белка по воздуху и поднятый им смертоносный вихрь сметает все на своем пути. Но кто, кто, кто?

— «Она»! — вспомнилось мне, и у меня разом одеревенело все тело, остановилось сердце. Я закрыл глаза.

И «Она» накатила.

Будто вселенная лопнула у меня над головой. Меня обдало чье-то могучее, жаркое дыхание, вдавило в землю — и я перестал чувствовать.

Я очнулся на голой земле под высокой спокойной луной.

Не сразу вспомнил, что со мной было. Да и было ли?

Может быть, все это одно воображение? Может быть, есть такая болезнь, какое-нибудь внезапное, острое отравление мозга — молниеносный кошмар? Короткий миг фантастических видений — и вдруг спокойное пробуждение.

Но ведь в стог-то я зарылся.

Стога надо мной не было.

Я поднялся, осмотрелся.

Не было и других стогов; на елани валялось только разбросанное клочьями сено, темнели еще какие-то пятна. Тайга стояла спокойная.

Не было и коня.

Опять была тишина — и такая, что я подумал: уж не оглох ли я?

Я вскочил. Свистнул, боясь, что не услышу собственного свиста.

Сейчас же из тайги мне ответило знакомое ржанье.

Воронко примчался со сбитым набок, висевшим чуть не до земли тюком. Я так обрадовался коню, что схватил его голову обеими руками и крепко поцеловал в теплую пушистую губу.

Конь дрожал мелкой дрожью, косил глазами и пугливо жался ко мне.

Я уцелел. Но не один ли во всей вселенной — вот с этим верным другом — конем? А других всех людей «Она» могла уничтожить, сдуть с земного шара, как пушинки.

Я посмотрел на гору.

Там горел знакомый огонек — мой маяк. Но он как-то странно горел, неровно.

Помигал и погас.

Совсем погас.

«Просто спать легли, — утешал я себя. — Потушили огонь и легли спать».

Мысли мои приходили в порядок. Я вспомнил, зачем сюда приехал.

Скала с одиноким кедром, где мы вчера ночевали, была уже недалеко и как раз над этой еланью. Подняться туда — какой-нибудь час.

Но я так ослабел от пережитого, что не мог продолжать путь. Решил: переночую где-нибудь на опушке тайги.

Воронко пошел за мной, как собака, «у ноги».

Не прошел я и полсотни шагов, как увидел впереди на земле большое темное пятно лежащего дерева.

Подойдя к нему, я убедился, что это — огромный старый кедр. Он был вырван из земли с корнями. Часть его толстых ветвей — та часть, которой он ударился оземь, — была поломана. Часть торчала вверх, как поднятые к небу могучие руки. На одной из этих веток темнело что-то круглое — вроде вороньего гнезда.

Я протянул руку и нащупал гладкую твердую кожу: сумка?

Расстегнув накрученный на сук ремень, я снял сумку и раскрыл ее.

Это была наша сумка. Все препаровочные инструменты были в ней целы.

Такой сюрприз плохо укладывался у меня в голове: уж не брежу ли я? Но это был очень приятный сюрприз: ведь мне не надо было больше никуда ехать, можно было отдохнуть и возвращаться к своим.

«С доставкой на дом! — подумал я весело. — По отношению ко мне «Она», во всяком случае, изумительно любезна. Но какова силушка: вырвать из земли столетний кедр и швырнуть его на добрый километр — через тайгу — под гору!»

Я расседлал Воронка, пустил его пастись, а сам тут же, под ветвями поверженного кедра, завернулся в пальто и заснул, даже не вспомнив о еде.

Проснулся я, когда солнце встало уже над горами.

Мир был совсем другим. В нем и помину не было вчерашней тишины. Со стороны белков дул сильный горячий ветер, тайга шумела.

Пережитое ночью казалось сном. Я готов был смеяться над собой: и чего испугался, как маленький! Просто внезапный сильный порыв ветра, шквал этак баллов на десять — двенадцать.

Что ему стоит сдуть стог сена и сбросить дерево со скалы? Ураган, бывает, крыши с домов срывает и уносит, дома валит.

Удивительно приятно было чувствовать, что в мире все так добротнo, прочно устроено. Эта гора, на которой я сижу: никакими силами ее не своротишь с места. В свете ясного утра все так нерушимо, крепко-телесно: могучий ствол кедра, на который я оперся спиной, камни скал, жирные лишайники на них, упругие травинки.

Даже у ветра откуда-то взялась невидимая плоть. Он так и напирает на лицо, на грудь — будто резиновый.

А здоровый же ветер! Надо ехать, куда он не перешел в бурю.

Свистнув коня и поделившись с ним хлебом, я приторочил к седлу пальто и сумку и тронулся в путь. Когда начался спуск, тайга уже гудела.

Я благополучно выехал на торную дорогу. Ветер уже превратился в ураган, рвал и метал. Он сдувал в пропасть бегущие по крутым склонам вздувшиеся ручьи, превращая в пыль летящую воду. Тайга стонала. То и дело в глубине ее слышался треск падающих деревьев.

Даже в глубине долины — под защитой гор — было трудно дышать. Раскаленный вихрь минутами совсем запырал дыхание.

Уверенность в прочности мира опять покинула меня. Все лезло в голову: «А что наделала внизу «Она», такая милостивая ко мне? Не сбросила ли в реку моих спутников, вещь девушкой-ойротку?»

В деревне Коргон я получил первые тревожные вести. Знакомый старик зверолов рассказал, что ночью «верховка» наделала беды. Только что с белка прибежал парнишка. Он спасся случайно. Четверо взрослых мужиков, бывших с ним, погибли: снежный буран разметал и загасил их костер, люди заблудились и замерзли в снегу.

Я вспомнил свой «маяк». Но в голове не укладывалась мысль о стуже, летящем снеге, о сугробах снега там — на вершинах: тут, в долине, под одеждой у меня струился пот.

Я погнал коня.

Дорогу местами заграждали мне поломанные ураганом деревья. На причудливые каменные фигуры скалистого гребня за рекой, дальше по которой был наш лагерь, я старался не смотреть; теперь они вызвали во мне настоящий страх. Я не был уверен, что крылатый лев не отделится вдруг от скалы и не кинется на меня.

Сказочное окончательно спуталось в моем мозгу с реальным. И с каждой минутой росла тревога за своих — там, в лагере. Представлялись их трупы, разможенные о камни.

Я все погонял Воронка.

И только уже подъезжая таежной тропкой к самому лагерю, вдруг резко осадил коня.

Мне совершенно отчетливо послышался звон призрачных колокольчиков. Я слышал, ясно слышал их сквозь шум тайги и ветра!

«Колокола звонят — быть празднику», — вспомнил я слова ойротки. Она предчувствовала свою гибель — теперь я был в этом уверен. У меня сжалось сердце. Тянулись мучительные минуты.

Воронко заржал.

Из-за поворота тропы вышла ойротка, она — наша проводница.

Вплетенные в ее длинные черные косы, теперь откинутае на

спину, звенели маленькие серебряные колокольчики: таков обычай у дев Алтая.

Увидев ее, я махом слетел с коня.

Увидев меня, она покраснела. И как это показалось мне удивительно, чудесно, что казавшиеся каменными щеки могут розоветь!

В лагере все оказалось благополучно.

Многомудрый наш гидролог-метеоролог, холодный, как термометр, подробно объяснил мне причины горного урагана.

В общем, дело сводилось к тому, что по ту сторону белков было почему-то повышенное давление, по эту — пониженное. Сперва — ночью — воздух отдельной волной перехлестнул через хребет. Это — как выстрел. Потом — утром — пошел хлестать всей массой, целым потоком. На снежной высоте он разразился снежным бураном, а упав вниз, в долину, сжался, стал плотным, телесным — и раскалился.

Ученый начальник наш назвал это явление «фёном».

Коргонский зверолов — просто «верховкой».

Дева Алтая назвала таинственно: «Она».

«Верховка» ли, «Она» ли, «фён» ли, но поистине грозно оно — это удивительное атмосферное событие высокогорных стран. И у того, кто хоть раз в жизни лицом к лицу встретил такой бешеный порыв стихии, в другой раз дрожь вызовут предупреждающие слова: «Колокола звонят — быть празднику».

Но она-то, она — простая девушка-ойротка — заранее знала то, чего не мог предугадать даже мудрый, как термометр, гидролог-метеоролог! Она предчувствовала взрыв стихии всем своим телом и — сама стихия — вслушивалась в зловещую тишину и понимала ее.

Как хотите, но такие люди приводят меня в восхищение.

НЕСЛЫШИМКА

(РАССКАЗ СТАРОГО УЧЕНОГО)

Из анкеты

Вопрос: Сильно выраженные духовные особенности, сказавшиеся в научном успехе?

Ответ: Настойчивость и большая любознательность в отношении фактов и их значения. Некоторая склонность к новому и чудесному.

ЧАРЛЗ ДАРВИН

Раз уж зашла речь о тишине, позвольте и мне, старику, рассказать о ней кой-что.

Конфузная для меня вышла история, надо признаться. Курьезный казус. И, главное, кто сконфузил-то меня — ученого, старого специалиста? Собственная внучка, ребенок. А все потому, что мы... Ну, да об этом после. Доложу вам по порядку.

Четвертое лето уже мы проводили в одной деревне Мошенского

района Новгородской области. Я — орнитолог¹ и, конечно, в такой срок детально изучил весь видовой состав гнездящихся в окрестностях птиц. Написал даже о них небольшую работу и как раз в эту весну сдал в печать, считая ее вполне законченной.

Приехали мы тот год в деревню в конце мая. Внучка нередко сопровождала меня на прогулках. Она у меня лес и животных всяких очень любит. Ну, а я, конечно, исподволь и занимался с нею тем, что называю «включением слуха и зрения на птицу в природе».

Все мы, знаете, не видим и не слышим очень многого из того, что нас окружает. А когда человек специализируется на чем-нибудь, он прежде всего начинает замечать то, что относится к его специальности. Так, пгтурман — водитель кораблей — очень внимательно смотрит на звезды и, так сказать, «читает» их, потому что привык ориентироваться по ним. Летчик слушает и тонко понимает шум мотора, который нас часто только раздражает, когда мы слышим его у себя над головой. А художник в свете и цвете видит такое, что совершенно ускользает от нашего поверхностного взгляда и даже кажется нам неправдоподобным, будучи изображено кистью на полотне или на бумаге.

Орнитолог, конечно, видит и слышит везде прежде всего птиц. Я вот, например, могу идти с вами и разговаривать, хоть в лесу, хоть в городе, — вы ничего не заметите, а я про себя невольно отмечаю: вот синица пискнула, мелькнули в чаще голубые перья на крыле сойки или крикнул, пролетая над крышами, грач.

Я обращал внимание внучки на птиц, на их крик, песни, полет. Она у меня уже хорошо различала по голосам десятка два певчих птиц. Но, конечно, с ее крошечным опытом не могла еще знать всех встречавшихся нам птиц, как знал их я. Поэтому меня очень насмешило, когда раз в самом начале лета она прибегает из лесу и говорит:

— Дедушка, а ты знаешь птичку-неслышимку? Ты почему мне ее никогда не показывал?

— Постой, постой, — говорю. — Что это еще за неслышимка? Опять сама придумала, вроде Зумзика и Момика?

Она у нас фантазерка. Недавно ее мать рассказывала: играет девчурка одна в саду, а всё, слышно, с кем-то разговаривает — то с каким-то Момиком, то с каким-то Зумзиком. Мать спросила ее, с кем это она. Девчурка только рукой махнула: «Ты не понимаешь! Такие у меня живут здесь — Момик и Зумзик. Мне с ними весело».

И сколько ни спрашивала мать, так и не могла добиться, что́ это у нее за невидимки такие — не то человечки, не то зверюшки какие-то фантастические.

На мои слова внучка даже рассердилась.

— Ничего я, — говорит, — не сама придумала! Просто глазами видела. Сидит такая горбатенькая птичка на дереве, на верхней ветке, сама ротик разевает, и горлышко у нее трепещет, а все равно ничего не слышно, никакой песенки.

Я уж, чтобы не обидеть девчурку, сделал вид, что поверил ей. Спрашиваю:

— Где же это ты видела ее?

¹ Орнитолог — ученый, изучающий птиц.

— На ручье, на пожне у самой опушки леса. Знаешь, где ты всегда покурить на пенек садишься, когда мы из лесу выходим?

— Интересно, — говорю. — В следующий раз пойдем, ты мне ее покажи.

— А она не улетит?

— Нет, ведь сейчас все птицы на гнездах. Раз тут поет, тут и будет.

В лес я пошел на следующий же день. О фантастической «неслышимке», конечно, забыл уже. А внучки со мной не было: она пошла с матерью в другое место — нарвать букет купальниц.

Уже я возвращался домой, когда мой слух поразила неожиданно наступившая в лесу тишина: одна за другой перестали петь птицы. Через две — три минуты я понял причину: вдруг потемнело, налетел сильный шквал, и почти сейчас же хлынул дождь.

Как это часто бывает в начале лета, он продолжался всего несколько минут. Но шуму наделал много. Когда я вышел из лесу на пожню — так здесь называют заливные луга, — я был поражен контрастом между полной тишиной этого открытого места и шумом леса. Шум позади меня и тишина впереди были сами по себе, и четкой границей между ними стояла стена леса. Птицы еще не начали петь ни на пожне, ни в лесу, ветер еще не улегся, мотал ветви деревьев и сбрасывал с них обильные брызги; они падали на нижние ветви, с ветвей — на землю. Одним словом, в лесу была бурная звонкая капель; казалось, там все еще шел дождь. А на пожне капель не могла быть заметна, потому что тут росли только отдельные деревья, открытые ветру, и ветер уже стряхнул с них последние капли дождя.

По своему обычаю, я сел недалеко от ручья на пенек — выкурить папиросу. И при этом, конечно, вслушивался в тишину.

Тишина бывает разная. Тишину этого освеженного ливнем луга никак, разумеется, нельзя было назвать «мертвой» тишиной. Как почти всегда в природе — днем ли, ночью ли, — тишина вся наполнилась незаметными нашему слуху маленькими звуками. Она, можно даже сказать, вся состояла из этих почти неуловимых звуков: легкого шелеста травы, шороха пробегающих в кочках мышей — шум, доступный разве только ушам совы, — звона падения с листьев отдельных капель, тихого пения ручейка. Я даже явственно различал где-то слева от себя стрекотание кузнечиков. Однако и этот звук — наиболее определенный из всех других — нисколько не нарушал тишины, как нарушила бы ее звонкая песня зяблика, или скрип телеги, или крик человека. Он был лишь фоном, аккомпанементом в этом, если доволительно так выразиться, богатейшем немом оркестре луга.

Мне даже взгрустнулось немножко. О том думалось, что вот я уже старик. Сижу тут и вслушиваюсь в эту прекрасную тишину. И всю ее, так сказать, насквозь умом понимаю. Запой сейчас любая птица, пискни в траве — тонко, как ножом по стеклу, — землеройка, я и эти все звуки узнаю, объясню себе. А вот для ребенка сколько тут неизвестного, сколько всяких чудес! Пригрезились же моей внучке и Момик, и Зумзик, и эта смешная «неслышимка». И хорошо ей, девчурке, весело с ними, и сейчас, вот сейчас может случиться с ней и во-круг нее что-то совсем удивительное, настоящее диво.

Замечательное это ощущение, прекрасное состояние души. И,

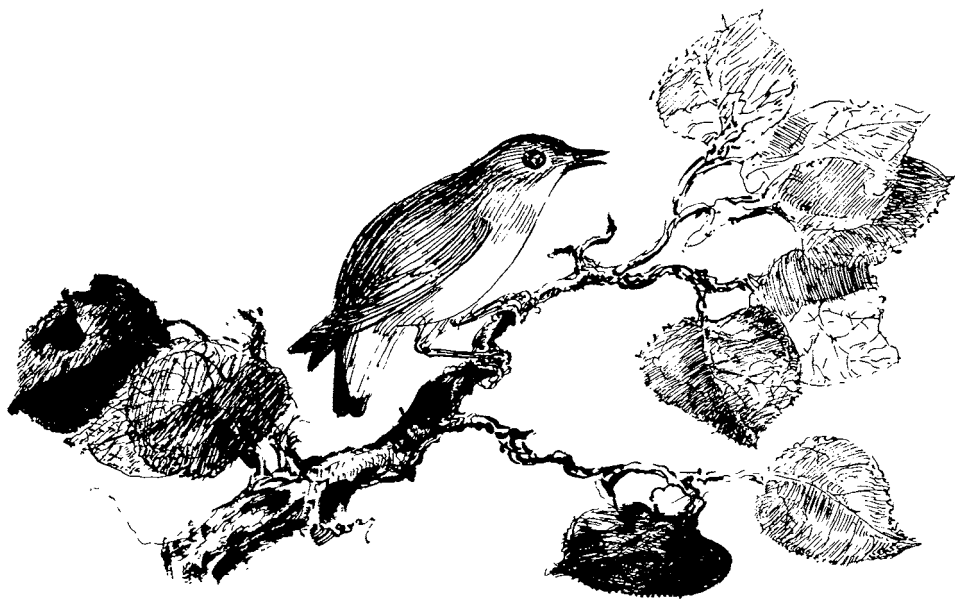
право, досадно, если оно гложет у человека с возрастом, с личным жизненным опытом и усвоением науки — итога жизненного опыта, знаний всего человечества. Нет, знание никогда не должно убивать в человеке веру в то, что сегодня кажется нам тайной, дивом, а завтра будет всеми признано и объяснено!

Не помню, как дальше скакнули, разбежались и вдруг опять соединились мои мысли, так спокойно тянувшиеся до этого момента.

Помню только — на опушке дробно, громко затрещал всполошенный чем-то певчий дрозд. Беспокоясь, дрозды всегда так отчаянно кричат, точно их уже схватили за хвост.

Протрещал и смолк. И от этого сильного звука еще тише показалось на поже. И еще отчетливей в тишине зазвучал оркестрик кузнечиков — всё где-то слева от меня.

И тут вдруг пришло мне в голову: «Но ведь это же абсурд! Ка-

кие же кузнечики в самом начале лета, когда еще цветут купальницы! Кузнечики у нас начинают трещать только в июле».

Я так резко повернулся налево, что даже выронил папиросу из рук.

Так все и было, как рассказывала моя внучка: там, над ручьем, на вершине ольхи сидела горбатенькая птичка. Она разевала клюв, и перья на раздутом горлышке у нее трепетали, а песни не было слышно. Только громко стрекотали кузнечики.

Вероятно, я своим резким движением испугал немного певца: он исчез, камешком свалился с ветки. И в тот же миг оборвалось стрекотание кузнечиков.

Ну, мне-то, конечно, было достаточно и одного этого мгновения,

чтобы узнать птичку: и фигурка ее горбиком, и характернейшая повадка — в случае тревоги камешком падать в траву с того высокого места, где она сидит, распевая, — и, разумеется, самая ее эта оригинальная песенка-трель, почти неотличимая от стрекотанья крупных кузнечиков, — все разом сказало мне, что это был обыкновенный сверчок, камышевка-сверчок.

Скажете — пустяки? Нет, совсем не пустяки! Вы только подумайте: три года слушал я тут птиц, написал, казалось мне, исчерпывающую работу о них, а вот эту птичку как-то совсем упустил из виду. Не ждал — уж не помню, по каким тогда своим соображениям, — не ожидал ее тут встретить. И много раз, конечно, слушал с этого же самого пенечка ее песню — и не слышал. Невдомек мне было. А как услышал вот тут в первый раз ее, так и в других местах кругом стал слышать сверчков: их оказалось в окрестностях нашей деревни немало.

Пришлось спешно взять из печати мою работу и дополнить ее еще одним гнездящимся видом.

Нет, не видим, не слышим ведь мы того, о чем не думаем! Очень многого не слышим.

И спасибо внучке, что мне помогла. Я ей включал слух на известное. А она мне включила слух на неизвестное и, казалось мне, немислимое: на какую-то «неслышимку»!

И правда оказалась на ее стороне, на стороне ребенка.

РАЗРЫВНЫЕ ПУЛИ ПРОФЕССОРА ГОРЛИНКО

Рассветало. Зенита вышла на крыльцо домика, где вот уже месяц жила с товарищами по экспедиции.

Тайга еще дышала ночной прохладой, была полна дремучих снов. Вдали, отороченные слепящим золотом, то вставали из густого тумана белки, то прятались в нем, и казалось, — менялись местами.

Шум мотора привлек внимание Зениты.

Внизу по тракту ползла в гору мощная пятитонка.

«Трудно ей карабкаться», — подумала Зенита. Вспомнилась местная шутливая поговорка: «Семь верст до небес — и все лесом».

Из-под сдвоенных задних колес машины летели переломленные сучья, песок, камешки; мотор рычал и фыркал.

«Сердится, — улыбаясь думала Зенита. — Отчего это пожилые, хорошо объезженные машины так похожи на животных?»

В это чудесное утро все на свете казалось ей живым, одухотворенным — и горы, и тайга, и клубящийся в падах туман.

Вот солнечный свет прорвался, наконец, где-то между гор, потоком хлынул вниз, в глубокую долину. И там, внизу, влажным пламенем вдруг запылал луч, сплошь заросший огоньками — цветами жаркового, как говорят на Алтае, цвета — цвета пылающих угольков.

Машина, затихнув было за поворотом дороги, вдруг с шумом и скрипом выбежала из леса.

В кабине рядом с шофером, осанисто сложив на груди руки, сидела пожилая женщина в больших черных очках, во френче защитного цвета — прямая и строгая. В кузове вплотную друг к другу стояло несколько клеток, а позади них, свесив ноги, сидели двое бородатых и один безбородый — все с ружьями в руках. Безбородый пристально уставился на Зениту.

Вдруг он сорвал с головы синий беретик, весело помахал им Зените и крикнул:

— Привет из Ленинграда!

Зенита с трудом заставила себя ответить ему холодным кивком.

При виде женщины в военной форме и ружей в руках молодых людей ее радостное настроение мгновенно изменилось.

Машина давно прокатила, зарылась в тайгу выше по горе, а Зенита все еще стояла, горестно опустив голову на грудь.

«... Ленинградцы, — думала она. — Верно, наша университетская экспедиция зоологов. Сколько прекрасных зверей и птиц перебьют!...»

Зенита с детства страстно любила их живыми, полными сил и жизнерадостности.

Еще юннаткой, у себя в ленинградском кружке, училась ходить за ними, могла часами играть с ними.

Животные платили ей горячей привязанностью. Медвежата встречали ее веселым ревом, старая злая волчица ей одной позволяла входить в свою клетку, ленивый барсук и смешной голенастый журавленок всюду бегали за ней следом и нападали на всякого, кого подозревали в намерении обидеть ее.

Грянула война. И случилось так, что первыми жертвами ее оказались животные: фашистская бомба попала в живой уголок и у нее на глазах в клочья разорвала всех любимцев.

Ужас и первое в жизни горе обрушилось на Зениту.

Со множеством других ребят ее поспешно эвакуировали в глубокий тыл, куда не доносился грохот войны. Но все, что его напоминало — гроза, выстрелы из охотничьих ружей, — вызывало у нее нервный припадок.

Прошла война. Зенита вернулась в Ленинград, кончила там школу. По-прежнему горячо любя природу, пошла на биофак, но

специальностью избрала не зоологию: ведь изучающие животных часто вынуждены для этого убивать их. Решила стать ботаником. И тут, на Алтае, была в первой своей экспедиции.

Шум мотора заглох вдаль за горой. Зенита тряхнула головой так, что ее золотистые волосы рассыпались по плечам.

«Глупые сантименты! Пора взять себя в руки». — И пошла будить товарищей.

День выдался безветренный, жаркий. Сырая, парная духота была в черни.

Чернью, черневой тайгой, называют на Алтае сумрачный нижний ярус густого смешанного леса, выше в горах сменяющегося богами: чистым пихтачом, ельником, кедром.

В черни все смешалось и буйно растет в тесноте и давке: корявые лиственницы с гигантскими осинами, темные шатры елей с кружевным пологом рябин, стройные пихты с могучими кедром и белоствольными березами. На земле гниют огромные стволы павших от старости великанов, скрытых от глаз густой, жадной до влаги и тепла поросль молодняка, перистой чащей папоротников, мхами, лишайниками.

А там, где пошире расступились деревья, где свет, — там глушит их молодую поросль сказочное большетравье — непроходимые, выше человеческого роста травы. Чернь — приют множества птиц и зверей и мириад кровопийц: комаров, москитов, мошек и прочего гнуса.

К полудню, измученная, с распухшими от бесчисленных укусов лицом и руками, Зенита выбралась из черни в неширокую долину быстрой горной речушки, пробралась к ней сквозь густой тальник и в изнеможении села на камень.

Благодатная прохлада!

Веселая речушка бежала с белка, мчала с него студеную воду подтаявшего ледника. И даже сейчас, в знойный полдень, ток прохладного воздуха высот струился с горы в тенистую долинку. Зенита раздвинула перед собой ветки, чтобы дать ему обвеять свое разгоряченное лицо.

Так сидела она долго, не шевелясь, вся отдаваясь блаженному чувству покоя и отдыха.

... Ни сучок нигде не треснул, ни листва не зашелестела, — только вдруг почувствовала Зенита, что она не одна здесь. Страх при этом она не испытала, но тайный инстинкт сковал все ее тело, заставил остаться неподвижной, чтобы не выдать себя. Напряженно всматривалась в ближайšie кусты выше по течению, почему-то уверенная, что таинственное существо, присутствие которого она так отчетливо ощущала, находилось именно тут.

Первое, что она увидела, были глаза.

Большие, продолговатые, сверху и снизу отороченные изумительно длинными ресницами, темно-карие глаза внимательно смотрели на нее из оливковой листвы.

Они не могли быть глазами человека: они были слишком велики для этого. И взгляд их, такой настороженно-внимательный, был все

же не человеческий взгляд, — хотя Зенита и не могла дать себе отчета, чем он отличается от взгляда человека. Глаза эти видели, но видели не так, как видела она, Зенита, человек. Казалось, они видят что-то позади нее, сквозь нее, не отдавая себе отчета в том, что она тут — перед ними.

«Глаза леса!» — вдруг подумалось Зените. И эта мысль обрадовала ее, как неожиданное открытие.

Взгляд их между тем медленно перешел с нее на ту сторону речушки, — и на блестящей, чуть влажной поверхности глаз отразилось бездонное небо и темная тайга гор.

Но вот над глазами выдвинулись острые, беловатые на концах, костяные отростки, постепенно появилась в листе вся длинная, с черным носом и широким лбом, сухая голова зверя. За глазами отростками показалась похожие на цветы, будто тонкими ресничками внутри заросшие уши, над ними высокие, гордо откинутые назад ветвистые рога. Ниже из листвы поднялась будто выточенная из какого-то драгоценного темного дерева согнутая нога — и застыла в воздухе.

Дух замер в груди у Зениты. Никогда, казалось ей, не видела она такого прекрасного существа — и так близко от себя.

Как зачарованная, Зенита медленно подняла руку — погладить крутую шею красавца.

Миг — и застывшая в воздухе точеная нога со стуком опустилась

на прибрежный камень. Легко, как птица, взметнулось над речушкой большое стройное тело — и прекрасное видение исчезло.

С шумом и треском, уже невидимый в чаще, зверь достиг перевала невысокой горы на той стороне речушки. Все смолкло.

Никому не рассказала Зенита про эту встречу с таинственным зверем. Долго пела у нее в груди радость. К радости примешивалась легкая горечь.

«Ах, почему все они так боятся нас — людей? Почему не дал погладить себя?»

Счастье тогда, казалось, было бы полным.

На следующий день Зенита слышала в горах несколько отдаленных выстрелов и каждый раз болезненно вздрагивала. А вечером, возвращаясь с экскурсии, еще издали увидела у крыльца своего домика знакомую пятитонку.

Шофер, лежа на спине под машиной, что-то чинил в ней. Пассажиры стояли на крыльце. Все они, даже пожилая женщина в черных очках, были с ружьями.

Зенита в волнении подошла к пятитонке. Борт машины был спущен. В узких клетках лежали убитые звери.

В первой от кабины клетке лежал маленький пятнистый олень — безрогий, с торчащими из-под верхней губы клыками и жалкими тонкими ножками.

Во второй клетке — такая же кабарга. В третьей — тяжелый горный баран с толстыми, широко разведенными рогами — аргали. А в четвертой... Сердце оборвалось в груди у Зениты.

В четвертой клетке лежал мертвый олень — великолепный олень-бык с ветвистыми рогами, такой точно, а может быть, даже тот самый зверь, которого Зенита вчера еще видела полным трепетной жизни и гордых сил.

На лопатке передней ноги его бурой струйкой застыла кровь. Его голова была откинута назад. Прекрасные темные глаза были открыты и так же, как там, над горной речушкой, смотрели на Зениту. И на блестящей, чуть влажной роговице их, как в зеркале, отражалось бездонное небо, озаренное последними лучами солнца, и темная тайга гор — весь прекрасный мир.

— Зенита, здравствуйте!

Вздвогнув от неожиданности, она быстро обернулась, — перед ней стоял юноша в синем берете, с ружьем за плечами.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Не узнаете? Да ведь мы земляки, — с улыбкой сказал юноша. — И коллеги: на одном биофаке с вами. Встречались не раз. Только вы никакого внимания не обращали на меня. Моя фамилия...

— Оставьте ее при себе, — резко оборвала его Зенита. — Я и сейчас не чувствую ни малейшего желания знакомиться с вами.

— За что же так? — Привлекательное лицо юноши отразило недоумение, почти испуг. — Чем я провинился?

— Вот эта ваша работа, — Зенита гневно ткнула пальцем по направлению мертвых зверей, — меня не устраивает. Я — друг зверей.

Она круто повернулась и пошла к дому.

— Стойте, стойте! — закричал юноша. — А вы знаете, что мы стреляем их разрывными пулями. . .

— Тем хуже для вас! — не слушая дальше, кинула ему Зенита через плечо.

Внутри у нее все кипело. Еще разрывными пулями! . . От них такие страшные рваные раны! . .

На крыльце все еще стояли приезжие.

Зенита обогнула угол дома и поспешно скрылась за кустами.

Она никого не желала видеть.

Красавец-олень стоял перед ней как живой.

Через неделю ботаническая экспедиция была на пути домой. Остановились в степном городке, откуда начиналась железная дорога.

Багаж был сдан, билеты взяты. Оставалось переночевать, чтобы утром сесть в вагон прямого сообщения до Ленинграда.

Зенита шла по улице, поднимающейся на увал: оттуда видны были так пленившие ее горы. Ей хотелось еще раз проститься с ними издали.

— Товарищ Зенита!

Опять этот — в синем беретике!

— Скажите, — догоняя ее, решительно заговорил юноша. — Кто, в конце концов, дал вам право высказывать мне всяческое презрение, когда вы совершенно ничего не знаете ни о работе нашей экспедиции, ни обо мне лично?

— Знаю, — холодно ответила Зенита. — Вы убиваете зверей. Ради науки. Ну, а мне просто больно. Поняли?

— Я-то отлично понял! — Юноша вдруг улыбнулся. — Знаю даже, почему вы не пошли на зоологию. А вот если вы потрудитесь выслушать, что такое разрывные пули профессора Горлинко, то, может быть, бросите свою ботанику и перейдете к нам. . .

— Никогда! — запальчиво отрезала Зенита. — Даже если эти ваши пули убивают мгновенно, без мучений. . .

— Зенита! — перебил юноша. — Нельзя же так, право! Ну, я вас очень прошу, зайдите к нам на базу, в экспедицию. Вон там, напротив. Там сами увидите. И клянусь вам: не раскаетесь, что потратили несколько минут.

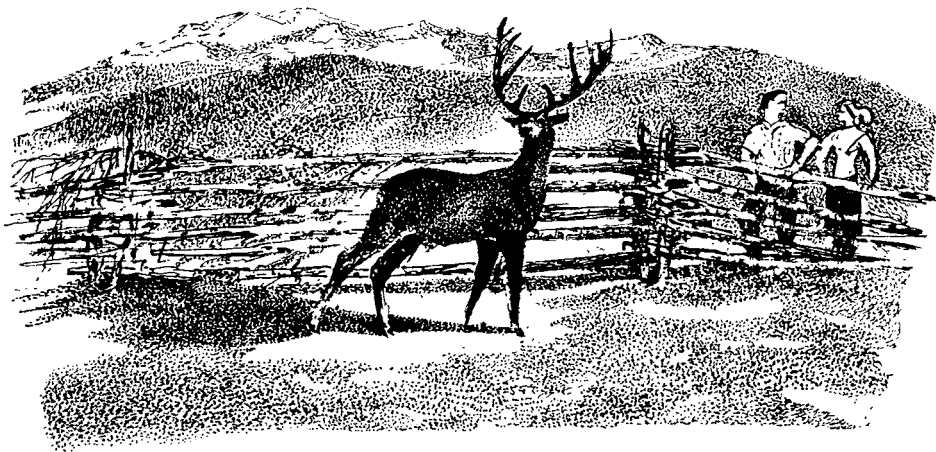
— Увижу замечательные произведения искусства? Чучела убитых вами зверей? «Совсем как живые!» Извините, — не желаю.

— Ну, бросьте! Ну, зайдите же! — так умоляюще говорил юноша, что Зените стало совестно. — Своими глазами увидите. Потом сами себя ругать будете, если не зайдете.

Зениту начало разбирать любопытство: что у них там такое, в самом деле?

— Ну, ладно! — сдалась она. — Но если вы. . .

— Клянусь! Клянусь! — весело закричал юноша. — Можете меня собственноручно расстрелять. . . Ой, нет! Ведь вы ненавидите ружья. Ну, так навеки пригвоздите меня к позорному столбу

холодным своим презрением, если я доставлю вам хоть каплю горя!

Он уже перебежал улицу и распахнул калитку.

— Вот сюда. Прошу!

То, что увидела Зенита, войдя в глубину двора, заставило ее совершенно растеряться. Широко раскрытыми глазами смотрела она перед собой — и первый раз в жизни не верила своим глазам.

Во дворе, за деревянными перегородками, помещались те самые звери, бездыханные трупы которых лежали перед ней неделю назад в пятитонке.

Были тут два безрогих, клыкастых оленька — две кабарги. Был горный баран аргали с толстыми, красиво разведенными рогами. Был и ее великолепный ветвисторогий олень с большими, прекрасными глазами. И — чудо, чудо! — все они были живы и здоровы. Бодрый вид этих зверей ясно говорил о том, что они совсем неплохо чувствуют себя здесь.

Зенита смотрела на них во все глаза и никак не могла понять, — когда же она ошиблась? В тот раз, когда увидела этих зверей мертвыми, или сейчас, когда они вновь предстали перед ней живыми и здоровыми?

Рассудок твердил ей: «Мертвые не воскресают!» Глаза говорили ей: «Вот оно — чудо! Воскресли мертвые!»

Полная страха, что прекрасное видение сейчас исчезнет, как исчезло там, в горах, на речушке, медленно протянула руку за деревянную перегородку, в стойло, где стоял ее олень.

Великолепное животное, захрапев, откинуло на спину рога, скинуло на нее вдруг налившийся кровью глаз, но тонкие пальцы Зениты уже погрузились в густой подшерсток, ощутили живое тепло, трепет напряженных мышц. И чтобы еще полнее и глубже почувствовать у себя под рукой это, все еще казавшееся ей призраком, лесное существо, Зенита закрыла глаза и ласково, с материнской нежностью погладила крутую шею храпевшего от страха оленя.

— ... Как в сказке! — задумчиво сказала Зенита, с трудом заставив себя отойти от клетки. — Но мне пора домой. По дороге вы все объясните мне? Правда?

— Конечно! С удовольствием! — заторопился юноша, все это время деликатно молчавший.

Он взял ее под руку, и товарищи ее по экспедиции, видевшие, как они шли по улице, решили, что она встретила здесь своего старого друга, — так просто и хорошо они разговаривали.

Объяснение это было недлинно.

— Все дело... — начал юноша.

— Простите, — перебила Зенита. — А как вас зовут?

— Почти как вашего оленя: Олешком. Или, если всерьез, — Олегом.

— Все дело, — продолжал он, — в замечательном изобретении нашего профессора Горлинко. Кстати: вы ее видели. Пожилая женщина во френче и черных очках. Та, что ездила с нами в горы.

В ее разрывных пулях заделана ампулка, герметически запаянная. Она содержит в себе от одного до пяти и семи десятых грамма сильнейшего снотворного вещества, жидкости. Кстати: впервые это вещество применила в качестве снотворного тоже она — профессор наш. Пули с малым количеством жидкости употребляются при стрельбе мелких животных, с большими — для крупных.

Попав в цель, пуля разрывается, не причиняя при этом большого вреда животному. Ампулка, конечно, лопается, и жидкость выливается в кровь зверя. Действие этого снадобья таково, что даже большой сильный зверь — олень, баран, даже медведь, — едва успев сделать несколько шагов, падает в сонном оцепенении, как током сраженный.

От нас зависит, сколько времени дать ему спать. Мы отвозим его на базу, помещаем в хорошую клетку — и тут впрыскиваем ему другой препарат, быстро возвращающий его к жизни.

Опыты показали, что действие обоих этих препаратов не только не причиняет животному вреда, но даже возбуждает в них

усиленный аппетит и вообще повышенную жизнедеятельность. Вот и все.

— Поразительное, неслыханное изобретение! — горячо начала Зенита. Но вдруг осеклась. Ее глаза, только что сиявшие радостью, подернулись грустью. — Не знаю... Может быть, это еще хуже...

— О чем это вы? — встревожился Олег.

— Просто я подумала, что лучше, — сразу отнять жизнь у зверя или взять его беспомощного, сонного в плен и отнять свободу? Обречь всю жизнь сидеть в тесной клетке...

— Ошибаетесь! — торжествуя воскликнул Олег. — Если мы лишаем зверей свободы, то очень ненадолго: лишь на столько времени, чтобы успеть перевезти их в заранее намеченные места. И там сейчас же возвращаем им свободу. Наша цель — акклиматизация и приручение полезных и красивых животных. Мы развезем их по всем местам, где многие из них давно уже выбиты, а другие никогда не жили, но где подходящие для них условия жизни: климат, ландшафт, корма. Из поколения в поколение мы будем переделывать их, у мирных зверей будем уничтожать древний страх перед человеком. Вы только вообразите себе, Зенита, милая, стадо красавцев оленей, пасущееся где-нибудь на Валдае или в Комарово под самым Ленинградом! Безбоязненно подбегает к вам этакий горный рогач, идет, чтобы вы его угостили из своих рук кусочком сахара, ласково потрепали по холке...

— Олег! — прервала его Зенита. — Знаете что, Олег? Вы не можете... это... ну... простить мне, что я была с вами такая злюка? А, Олешек?

— Кажется, могу, — сказал Олег.

И они расхохотались.

ЧУЧЕЛА И ПУГАЛА

Весной было у нас в колхозе собрание. Деда Панфилыча поставили на птицеферму, Ванюшку — на школьный огород, караульщиками.

— Должность самая почетная, — сказал председатель, — общественное добро охранять.

— И ружье будет? — спросил Ванюшка.

— Эва тебе чего!.. Ружье!.. — удивился председатель.

Огорчился Ванюшка.

— С ружьем-то бы оно способнее. С ружья ка-ак жахнешь, дак...

— Без оружия врага одолеешь, товарищ Ванюшка, — утешил его дед Панфилыч, — почету того больше.

И стал Ванюшку наставлять в новой должности:

— Враг у тебя будет, что и ружья не побоится. Перво гляди, не

напала бы на твой огород какая насекомая: червяк или так жучок-блошачок. Тут сейчас тревогу бей. С этим врагом схватка врукопашную всем колхозом. Тут твоя служба пока — службишка: караул кричат. Главная твоя служба будет, как ягода на грядках поспеет, за ней овощ всякая. Тут тебе другой враг станет: вор-воробей. Не гляди, что маленький, — вконец разорит, коли меры не принять: всю ягоду, всю овощь, которая над землей, расклюет. К тому времени он два раза своих воробешей выведет, а то и три. Скопит силу — тучей налетит. Ты за ним в один конец, а он, глядишь, в другом на грядках хозяйничает. С этим врукопашную не схватишься. Как его отвадишь?

— Что-нибудь придумаю, — сказал Ваня. — Дай срок.

И верно: придумал.

Первым делом кольев нарубил. Потом пошел по всей деревне утиль собирать, ветошь всякую: кто пиджачишко дырявый даст, кто пальтишко худое, кофту, юбку, штаны старые, а то и просто тряпок.

Вбил Ванюшка по всему огороду кресты из кольев, обрядил их в ту ветошь. А чтобы головы были как настоящие, сверху на кольях скворешни прибил.

В День птиц юннаты все старые, дырявые скворешни снимали, на их место новые повесили. Целый склад старых скворешен был на школьном дворе.

На скворешни надел кому простреленный картуз, кому драную кепку или шляпу, а то и просто цветную тряпку — на манер бабьего платка. Каждому в руку — кому лысую швабру дал держать, кому косу ломаную, кому дубину. Ветер подует — начнет на тех пугалах одежда шевелиться, — будто на живых. Что воробьи! собаки — и те от огорода подальше!

Устроив все ладом у себя на огороде, пошел Ванюшка деда Панфилыча проведать, а заодно и похвастать своей выдумкой: другие одно пугало поставят — и рады, а он целое страшильное войско выставил!

Панфилыч похвалил караульщика и стал на свои дела ему жаловаться:

— Повадился, вишь, голубь на птичий двор летать. Лесной малый голубь, клинтух называется. Сила его в лесу развелась! Как привалит во двор — в минуту курячий корм склюет. Эдакая бойкая птюшка! Мне, старому, никак с ней не управиться. А и это мое горе, — продолжал дед, — еще с полгоря. За тем голубем, за клинтухом, еще и ястреб стал на птицеферму наведываться. Мало, вишь, ему своих лесных птиц, — цыплятинки захотелось! Чуть клушка зазевается, — он тут как тут. Чистое разоренье колхозу. Вот где горе-то мое горькое!

— Говорил я, — напомнил Ваня, — ружье надо. С ружья бы как жажнуть! . .

— Жажнешь, пожалуй, — нахмурился дед, — вместо ястреба да по колхозным курам. Мне бы только голубя одного, — я бы вора и без ружья взял. Да, вишь, беда — старость моя. Глаз уж не тот, и руки трясутся, — где уж тут голубей ловить?!

— Голубей-то? — обрадовался Ванюшка. — Да мы с ребятами

осенью на гумне сколь хочешь их ловили. Обожди, дедушка, только снасть справлю, — сегодня же тебе представлю.

Часу не прошло — тащит большое решето и целый моток тонкой бечевки. Одним краем упер решето в землю, другой колышком приподнял. Сверху на решето положил кирпич. На землю под решето насыпал горстку зерна. К колышку привязал один конец длинной бечевки, другой в руки взял — и к Панфилычу в караулку.

Пришел час — зашумели, заплескались над двором голубиные крылья: налетела из лесу клинтухов стая. Голуби рассыпались по двору, принялись куриный корм клевать. Живо все подобрали.

Глядь, — под приподнятым решетом еще горстка зерна осталась. Один голубь и сунься за ним под решето.

Тут Ванюшка дерг за бечевку! Колышек выскочил, и решето с тяжелым кирпичом прихлопнуло ворышку.

Всполошилась голубиная стая, заплескала крыльями и унеслась в лес.

Ванюшка принес деду голубя.

— Вот тебе спасибочко-то! — сказал Панфилыч. — Коли так, приходи утром чуть свет: ястреб рано прилетает. Пойду ему встречу устраивать.

И весь этот день хлопотал дед то дома, то на птицеферме, то в кузницу зачем-то ходил.

Назавтра Ванюшка прикатил к деду еще затемно. Забрались они вдвоем в караулку и стали ждать.

Наконец развиднелось. И видит Ванюшка: пусто на дворе, только на крыше сарая, на самом коньке, сидит клинтух. Голову под крыло спрятал, — спит.

Вдруг, откуда ни возьмись, — ястреб. Низом, низом, так и стелет. Сарай облетел, свечкой взмыл над крышей да камнем оттуда на голубя, сзади, со спины. Только пух закружился в воздухе!

— Ну, вот и готов! — сказал дед. — Идем, Ванюша.

Ванюшка выскочил из караулки, — ястреб крыльями страшно бьет, а подняться почему-то с сарая не может. Потом опрокинулся на спину, покатился с крыши — да прямо под ноги Ванюшке и упал мертвый. А добычу свою — клинтуха — все равно в когтях держит, не выпускает и после смерти.

Поднял Ванюшка обеих птиц вместе — и тут только разглядел, что голубь-то — чучело.

Дед Панфилыч объяснил:

— В чучело-то, вишь, я кривой гвоздь пропустил, острием к хвосту: ястреба всегда птицу с хвоста берут. Сам себя злодей и кончил: вон как ударил, — аж в спину вошло. А назад-то ему никак, с забубриной гвоздь-от!

Подивился Ванюшка дедовой хитрой выдумке, его верному знанию птичьих повадок, — откуда да как ястреб возьмет голубя, — и уменью деда чучело сделать из птицы, чтобы была, как живая.

— А теперь, — говорит, — пойдем, дедушка, моему страшильному войску смотр делать.

— Ну-к что ж, — согласился дед Панфилыч. — Ястреба взяли,

голубей напугали так, что не скоро теперь прилетят. Не грех нынче и со двора отлучиться.

Отправились. Тут уже пришел черед Панфилычу на Ванюшкино мастерство подивиться.

Стоят по всему огороду пугала, — одно другого грознее, и все с оружием. Незнающий человек да в сумерках набредет на такое, по-думает, — разбойники. Страх-то какой!

Присел дед Панфилыч на лавочку у забора, посидел минут пять, — все пугала рассматривал. А потом и говорит:

— Никак в толк не возьму: ты что же тут, товарищ Ванюша, питомник, что ли, воробьям устроил? Ведь тут у тебя что ни пугало, то воробьиное семейство в нем. Присмотрись-ка.

Присмотрелся Ванюшка. Да что это такое? В самом деле — воробьи! Тут один, там другой — незаметно так — подлетит к пугалу низом и нырк к нему в голову, где под кепкой, картузом или платком — скворешня. Сразу видно: гнездо у него там.

Вот так история: кого гнать собрался, тех и привадил!

Покраснел Ванюшка, чуть не плачет от стыда. А дед будто и не замечает этого, рассуждает себе спокойно:

— Так-то вот и бывает. Перво напугается птица пугала, потом видит: с места оно не сходит, вреда никому не делает. Привыкнет — и страх пройдет. А страх прошел — можно и пользу себе искать. У тебя что там, на пугалах, заместо голов прилажено? Никак скворешни? Ладно ты это придумал.

«Да что это дед смеется надо мной?» — Ванюшка про себя думает. И уж хотел на него рассердиться.

Но Панфилыч все так же спокойно:

— Говорил я тебе: воробей два выводка выведет, пока на огороде ягода да овощ поспеют. А пока выводит, — нам он первый друг. Воробышей своих он, вишь, не зерном, не ягодой, не овощью питает: одними насекомыми, червячками ихними. Да по пути и сам их ест. . . Вишь, грядки у тебя чистые какие. Воробьи это постарались. Ты им жилплощадь, и они у тебя в долгу не остались: отработали, чем могут.

Тут Ванюшка смекнул, что нехотя в герои попал.

«Вот так штука! — думает. — А я-то дивлюсь, почему на других огородах разные гусеницы, бьются все с ними, маются, а на моем чисто, — учителя не нахвалятся. Эх, я и хвосту на собранье, как все ловко устроил!»

Только обрадовался, а дед и спрашивает:

— А дальше-то придумал, что будешь делать? Гляди, ягода уж поспела. Воробей вторую партию воробышей вывел, того и гляди из гнезда поyleтят, а там подрастут еще маленько да и возьмутся за твой огород. Чем отваживать станешь?

Ванюшкиной радости как не бывало: верно ведь, как налетят воробьи тучей. . . Пугала-то теперь для них не остратка. Рогатку разве сделать, из рогатки их попугать? Ну, подшибешь одного, другого, — а их тысячи.

Тут разве укараулишь?

— Говорил я, — прошептал Ванюшка, — ружье надо. Без ружья какой против них караульщик? А из ружья ка-ак. . .

— Жажнешь! — перебил дед. — Слыхали, дружок Ванюша! Да ведь уговорились мы с тобой: смекалкой будем действовать, так что и ружья не надо.

— А больше теперь и нечем стращать их, — хмуро сказал Ваня. — Раз уж такого страшильного войска не боятся.

— Ну, вот чего, Ванюша, — заключил дед. — Как говорится: утро вечера мудренее. Приходи-ка, дружок, утречком на ферму. Авось что-нибудь надумаем.

* * *

Осенью было у нас в колхозе собрание. Деду Панфилычу и Ванюшке общественную благодарность вынесли и к премии присудили. Панфилычу — за птицеферму, Ванюшке — за школьный огород. Цыплят, как полагается, по осени считали, — все целы. И огород в исправности: ни один воробей не залетел, ни ягод, ни овощей не склевал.

По-настоящему-то надо бы премию одному деду выдать: как вывелись в пугалах воробьи, повывлетели из гнезд, Панфилыч Ванюшке чучело подарил. Ванюшка это чучело на шест посадил и в огороде выставил. В конце лета воробьи тучей собрались, а все равно на школьный огород напасть не посмели: дедова чучела они как огня боятся.

Дед сделал Ванюшке чучело ястреба, — из того самого, что на голубиное чучело взял.

— А почему так? — спросил Панфилыча председатель после собрания. — К эдаким страшилам-пугалам привыкли же.

— Ответь-ка на вопрос, товарищ Ванюша, — подмигнул дед Панфилыч.

Ванюшка так и раздулся от важности: слыхали, мол, — он и председателя колхоза по своей специальности поучить может! Сразу басом заговорил:

— А не имеют на то права воробьи. К виду ястреба привыкать права не имеют. Пугала-то ведь воробьев не ловят. Это всем известно. А ястреба очень просто хватают. А кто его знает, который ястреб мертвый, а который только притворяется, что он — чучело. Живые ястреба всех переведут. Нет уж, к ястребиному обличью ни один воробей не смеет привыкнуть, — себе же на горе.

Помолчал немного Ванюшка для пущей важности и добавил:

— Знатно дед Панфилыч шкурки с птиц умеет снимать та чучела с них набивать. Он и меня обещал этому научить. Полезная наука!

СПАТЬ ТАК СПАТЬ!

Все знают: медведи мастера спать. Придет зима, медведь завалится спать в берлогу дней на полтора. Так и спит до весны, ни разу не проснется, с боку на бок не повернется. И терпеть не может, когда его вдруг посреди зимы разбудят, сладкий сон его нарушат.

В дремучих костромских лесах один молодой медведко готовил себе на зиму берлогу. Он надрал когтями полоски коры с ели и перемешал их со мхом. Сгрел всю кучу в охапку, поднялся на задние лапы — и снес на пригорок под выворотень: постель себе в яме по-

стелил. Елочки, что по краям той ямы росли, посередке подгрыз, — они его шатром и накрыли.

Оборотился медведко носом на полдень, — на свой след, как в берлогу-то заходил, — и раздвинул тут лапами в хвое слуховое оконце. Свернулся калачиком — и задремал.

Насыпало снегу, намело на берлогу сугроб. Тепло медведке в берлоге. Чем дальше зима, чем пуще мороз, тем крепче медведко спит.

Вдруг — в самый-то сладкий сон! — слышит: будто где лайка залаяла?.. Громче да громче...

С трудом медведко стряхнул с себя сон... А лайка-то у него над самым ухом заливается, уж снег над ним лапами разгребает!

Медведко поднял голову, глянул в слуховое-то оконце...

Батюшки светы! А там — перед самым-то челом берлоги, как заходил в нее медведко, — охотник стоит! И уж ружье к плечу поднял. . .

Что тут делать?

Медведко как вскочит, как выскочит, как помчит! . .

Снег был морозный, сухой. Поднялось целое облако снежной пыли. Так в этом облаке и пронесло медведку мимо охотника. Тот — бах! бах! — да всего только шкуру поцарапал.

Лайка, конечно, за медведкой с лаем. Да разве зверя в лесу догонишь? Удрал медведко.

Рану свою зализал. День по лесу шатался: все едú себе искал. А какая зимой еда в лесу? Все коренья да ягоды под снегом. Ничего не нашел. И к ночи завалился в чащу, в густой елушник — спать. Да так на снегу, «на слуху», и заснул.

Сам спит, а сам слушает: не лает ли лайка? — не крадется ли охотник? . .

День спит, другой спит. На третий день слышит: лает лайка! . .

Ну, второй-то раз медведко не стал дожидаться, пока охотник подойдет, — дал деру через чащу, только треск пошел!

Нашел охотник в елушнике лежку. Да как раз тут забуранило, снег повалил — все лесные следы засыпал. И куда медведко девался — неизвестно.

* * *

Подошла весна. Начал снег в лесу таять. На пригорках, на солнышке — там совсем сошел.

Собрался охотник в лес, на моховое болото. Ни ружья с собой не взял, ни собаки, — одну корзину: за клюквой пошел. Очень сладкая на болоте клюква-ягода подснежная.

Бродил, бродил по болоту, — притомился. Притомился и сел отдохнуть на пригорке, на солнышке.

Сосны на пригорке высокие растут.

Вдруг зашумело, затрещало вверху, в вершинах сосен!

Вскинул охотник голову — там куча сучьев, и ползет из нее что-то бурое, мохнатое, лохматое... вроде как бы зверь. Задом, задом по стволу лезет — спускается, когтищами за кору цепляется... И впрямь зверь: медведь!

Задом, задом с дерева слез, головой крутнул, охотника увидал... да как стрельнет в лес! Только его и видели.

Потом охотник всем рассказывал, что медведь упал прямо с неба.

А по правде-то было так: надоело медведке, что ему спать не дают. Он и смекнул: «Дай-ка я на сосну залезу, в орлиное гнездо заберусь...»

Куча-то сучьев на сосне — это орлиное гнездо было.

Забрался в орлиное гнездо да там и выспался на покое.

Пришла весна, пригрело его солнышко, — вот он проснулся, потихоньку слез с дерева — и в лес.

Только и всего.

ЛЯЧИЙ УМ

(РАССКАЗ ЧУЧЕЛЬЩИКА)

На отдыхе у костра зашла между охотниками речь о том, какая из птиц всех умней. Решено было — дикие гуси. У них и в полете свой строй, и на отдыхе они караульных выставляют, — поди подтаись к ним.

Старик Панферыч в толках охотников участия не принимал, а когда все согласились на гусях, рассказал вот что:

— Довелось мне прожить два года на великой реке Оби под городом Березовом. Там диких гусей и казарок зовут ляками. Нигде такого пролета их не видал. Весной и осенью валом валит ляк. Тут и серый гусь, и гуменник, казара белолобая большая и малая белолобая — пискулька, и красавица расписная краснозобая казарка — чеквóй, по-тамошнему. Этот самый веселый гусек: летят — без умолку между собой калякают — ляк-ляк-ляк-ляк-ляк! А сядут, — сейчас в драку!

В верховьях Оби на гусей уж не охота: там промысел их.

Задумал промышлять и я. На реке, на острове вырыл себе яму для засидки. Над ней козырек сделал, засыпал все песком для маскировки. Бойница над самой землей — что твой дзот!

Манщикóв шагов на двадцать впереди выставил: чучела гусиные. Как я есть препаратор, чучельщик, то сам их и делал. Первоклассные у меня чучела, и в разных позах: один гусь травку щиплет, другой голову поднял, третий шею вытянул, клюв раскрыл — шипит будто, ущипнуть кого-то хочет. Перо к перу аккуратно на всех лежит, гладенько.

Ляки ведь птица хорошо грамотная: чуть что не так, одно какое

перышко не в порядке, — нипочем чучелу не поверит. Всех манщиков носами к ветру ставишь, чтобы перо на них, не дай бог, не заершилось.

Все у себя по всей строгости организовал, по всем правилам, как полагается. И с ночи засел в засаду.

Чуть рассветать стало, слышу — ляк-ляк-ляк-ляк-ляк!.. — потянули. Спервоначально высоко где-то летели, чуть до земли голоса их доносились.

У меня и вабик с собой — дудочка такая короткая. Поманю, поманю их гусиным голосом, — да нет, не снижаются! Тянут себе в поднебесье караван за караваном.

А как хорошенько развиднялось, так и стали к моим манщикам подваливать, — знай не зевай! Рядом садятся, — гляди только, не ошибись, которое чучело, который живой ляк.

Я по ним бью проворно, время не теряю. Пока стадечко на крыло станет, я из второй, из запасной двустволки еще два выстрела дать успею.

Густо валит ляк: пока ружье перезаряжаешь, — уж новое стадо приземляется.

Раз я замешкался с ружьями: гильзу в дуле заело. Глядь, — а стадечко чеквоев уж тут как тут. Рассыпались по берегу.

Гляжу — один красавец шею к земле да как зашипит на чучело! Так в бой и лезет, несмотря что у меня серый гусак был чуть не вдвое больше ростом этого задиры.

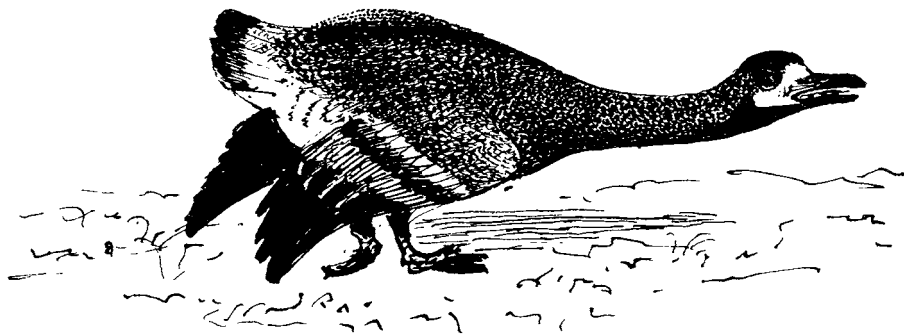
Гляжу — подскочил да тюк серого клювом в бок! Так дал, что чучело мое повалилось на песок кверху ногами.

А чеквой весь расщеперился, перья дыбом — и пошел, и пошел вокруг него гоголем! Еще бы: вон какого дядю сшиб! И опять шею к земле и шипит: «Вставай, дескать, еще получишь!»

Чучело, само собой, лежит себе, не шелохнется. Это было то чучело, которое с вытянутой шеей. Лежит в самом, сказать, неправдоподобном положении, на спине, как ни одна птица никогда не ляжет.

А этот чудак его обхаживает, — никак не сообразит, что перед ним чучело! — все его на бой вызывает.

Вот и толкуй про гусей, что умная птица. Какой уж тут ум, когда чучело от живой птицы отличить не умеет!

— Тугодумы они, птицы-то, — зашумели охотники. — Взять хоть тетеревей. Тоже ведь осенью ладно к чучелам подваливают. Ну, с издали они, понятно, видят на голой березе подобия косачей да тетерок, — к ним и летят, доверяют. А рассядутся кругом по веткам, — сидят и глядят: будто так, будто и не так? Будто это тетерева, а будто и не тетерева, — кто их знает? А пока думают, тут мы...

— Ничего они не думают! — сердито прервал Панферыч. — Сидят себе и лупят глаза на чучела, только и всего. Кабы думали, так враз бы улетели. Вот и этот чудака — чеквой-то мой — ходил, ходил вокруг поваленного чучела, — видит, тот не встает, сигнала ему к драке не подает, — он и завял. Отошел в сторонку, — перья у него на спине улеглись, — и давай травку щипать у себя под ногами как ни в чем не бывало.

Выходит, значит, пока стояло чучело в позе: на двух ногах и шея к земле опущена — «к драке готов!» — так было оно врагом, живым гусаком. А лежит это же самое чучело вверх тормашками, не шевелится, — как будто оно никогда и птицей не было.

— Получается... — сказал один из охотников, задумчиво вороша длинной веткой уголья в костре. — Получается, вовсе не могут соображать птичьи мозги.

— Ну, это как сказать! — еще сердитее отозвался старик Панферыч. — Не надо только с них человеческого ума спрашивать.

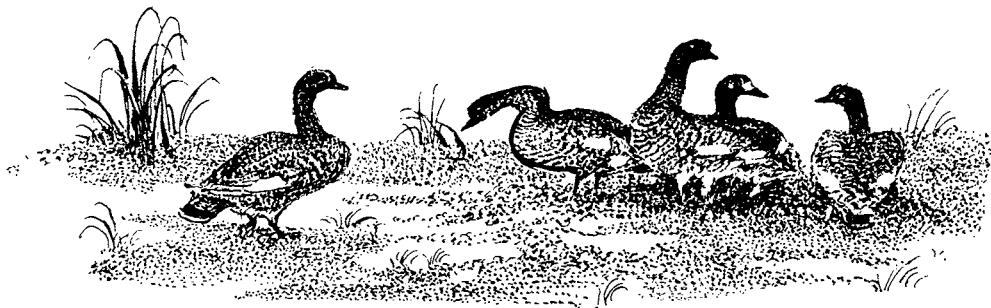
Да вот послушайте, что дальше было со мной на той же охоте.

Весенним тем утром валом валит ляк, чеквой да пискулька, — я только ружья успевал перезаряжать, палил да палил. Чучело, которое тот чеквой уронил, пришлось, конечно, опять на ноги поставить. Следы свои на песке я, само собой, веточкой хорошенько замел. И только залез в свой дзот, — сейчас опять стадо подвалило.

Я и по этому четыре выстрела дал, и еще по одному два раза стрелил — больше не успел. А дальше — стоп! — как отрезало.

Летит надо мною стадо за стадом. Я их ваблю, приманиваю на голос-то. Начинают снижаться. Вот, думаю, пошли на посадку — сейчас тут будут... А они — ляк-ляк-ляк! — и давай опять высоту набирать.

Ясно: приметили что-то подозрительное. А что? — вот пойми их!

Вылез я из своего прикрытия. Каждое чучело осмотрел. Ни в одном никакого изъяна.

Следы засыпал свои, опять в дзот залез. Ваблю, ваблю, — нет, не верят моим манщикам ляки, так и шарахаются от них! А может, и не в манщиках тут дело? Не должно бы. . .

Пришлось охоту кончить.

Собрал я свои чучела, взял ружья — да в лодку. Прибыл в Березов на пристань.

Сию, других охотников дожидаясь: на реке всюю еще шла пальба по лякам.

Наконец подъезжает знакомый промысловик. Спрашиваю у него:

— Такие-то и такие дела. Скажи на милость, отчего такое у меня охота не задалась? Ведь валили же спервоначалу ляки к моим манщикам. Чего вдруг бросили?

Старый промысловик все мои чучела осмотрел, подумал малость. Потом расспросил подробно, как у меня засидка сделана, хороша ли маскировка, да где бойница проделана, да много ли раз стрелял. . . Потом еще подумал. И говорит:

— Не поленись, друг, поезжай назад на свой остров. Зорко приглядишься, — нет ли там чего на песке, что бы ляков отвадить могло?

Я поехал на следующее утро. Может, думаю, на самом деле что из кармана обронил — незнакомый какой лякам предмет?

Все хорошо осмотрел — решительно нет ничего подозрительного. Кой-где зеленая травка растет, а то все чистый песочек. Золотом на солнце блестит, искрится, а от дзота моего, от бойницы — она у меня над самой землей проделана, — серенькая дорожка по песку бежит, чуть серебрится. От пороху это. Порох-то у меня простой, охотничий. Нагару от него порядком. Вот он и ложился на песок перед бойницей по вылете из стволов.

Ну, я не стал лишне топтаться, дорожку эту засыпать. Манщиков своих расставил, сам в яму залез, да за вабик.

Та же картина, что и вчера: только пойдут ляки на посадку, вот-вот голос подаст, — все стадо разом вздымет — и мимо!

«Да неужто, — думаю себе, — эта пороховая дорожка тому причиной? Быть того не может!»

Вылез все-таки, дорожку засыпал аккуратненько.

И что ты скажешь! Только залез в свой дзот, только за вабик взялся, — той же минутой приземлилось стадечко пискулек, потом чеквоев, потом серых гусей!

Надо же, какой, значит, у ляков глаз дотошный! С какой высоты эту серенькую дорожку примечает!

И сейчас же мозги срабotaют: откуда, мол, здесь на чистом песочке такая дорожка взялась?

Разобраться, что это порохового нагара след, они, само собой, не могут, — не люди ведь. А все-таки подозрительно: серебристое на золотом! Не видано такое. . .

Ляки — они ляки и есть. И ум у них свой — лячий ум. С человеческим умом его равнять не приходится.

Которое, скажем, чучело сделано ладно и поставлено правильно,

с тем ляк сейчас в драку: за гуся принял. А опрокинь чучело, дай ему не ту позу, — оно уж для ляка и вовсе не птица.

Или, к примеру, эта дорожка серенькая невиданного блеска. И кончено: сигнал — опасность!

Небось тут лячий ум сработал, где жареным пахнет. Тут они мне на жаркое не попали. . .

УШКИ В МЕШКЕ

(РАССКАЗ ГОРОДСКОГО ШКОЛЬНИКА)

Терпеть не могу неправильных рассказчиков! Вроде Веньки Овечкина. Не поймешь у него, то ли он правду рассказывает, то ли сказку. Да еще с середины начнет или с конца, — весь рассказ у него вверх тормашками и получается.

Вчера сидим мы с ним на крылечке, — перевариваем. Отец велит два часа после обеда ни в футбол не играть, ни купаться. Беседуем.

Вдруг Венька толк меня в бок кулаком и на улицу глазами показывает.

Смотрю — идут двое каких-то: один старичок вроде карлика, другой парнище здоровенный, прямо чемпион тяжелого веса.

— Знаешь — кто? — шепчет Венька.

Чудак тоже: откуда же я могу знать, когда я тут у них на Урале без году неделя?

— Это, — говорит, — медвежий старик Инотар и внучок его Пашка Малыш, которого старик два года носил по горам и лесам у себя на закорках.

Я как прысну! Эдакий парнище у старичка на закорках! Прямо Руслан и Черномор. Да у Черномора хоть борода была длиннущая, а этот вовсе лысый, ни бороды, ни волос.

— Что тут такого! — рассердился Венька. — Грегочет, сам не знает чего!

— А ты, — говорю, — рассказывай толком. Опять с конца начинаешь?

— И вовсе не с конца. Конца тут и нет. А тебе с «жили-были», что ли, начинать? Или как инó?¹

— Конечно. Если сказка, так и начинай: «Жили-были дед да парень. . .»

— А если правда?

— Тогда начинай так: «Это случилось тогда-то и там-то. . .»

Старичок с парнем давно скрылись за углом, и я видел: Веньку так и подмывает рассказать про них. Он поерзал, поерзал — и не утерпел.

¹ Как и нó? — как иначе?

— Ладно, — говорит, — пусть по-твоему.

Подумал немножко и начал так:

— Это случилось, наверно, лет пятнадцать назад в нашем районе. Жил да был в одном селе. . .

— Стой, Овечкин! Что ж у тебя сразу два начала: и «это случилось. . .» и «жил да был. . .» Мы же уговорились, что если быть, то. . .

— Быль и есть, — перебил меня Венька. — Самая взаправдашняя быль, кого хочешь спроси. А «жил да был» — это про медвежьего старика Инотара. Про него как инó? Про него иначе не скажешь, потому он такой уж старик. . . вроде сказочный, сам увидишь. И вообще, — слушай и не перебивай.

Жил да был, значит, медвежий старик Инотар. Медвежатник. Он тогда уж сам забыл, сколько зверей уложил на своем веку. В каких только переплетах не был! Много раз у него ружье осекалось, два раза под медведем был, ножом медведю брюхо порол. Все ему с рук сходило. Пока, наконец, не налетел на шатуна.

Это — знаешь? — такой медведь, которого с берлоги подняли, а убить не убили. Он и шатается всю зиму по лесу злющий-презлющий. Еще бы: ведь вся его еда — коренья там разные, дудки, муравейники — все под глубоким снегом. И приходится ему зайцев, косуль, лосей промыслять. Такой и на человека напасть не постесняется: он с голодухи вовсе бесстрашный.

Вот раз поехал дед Инотар на дровнях в урман¹ за дровами. Со-

¹ Урман — лес на Урале, тайга.

бак, конечно, с собой не взял: не на охоту ведь. Да и встретился с шатуном.

Ружье, конечно, при себе было. Стрелил дед по шатуну, да плохо: ушел зверь.

Дед тою же минутой с дровней долой, лошадь к дереву прикрутил — и за ним по следу.

Идет дед по медвежьему следу, близкой беды над собой не чует. Шатун в рыхлом снегу канаву до самой земли пропахал, ее деду далеко меж древесных стволов видать. Идет дед, зорко вперед глядит.

А шатун на него как рванет сбоку! . .

Он — шатун-то — что придумал: бежал, бежал, да и дал петлю. Петлю дал, назад к своему следу вышел сбоку-то, да и залег тут под кокорину¹ в засаду. Вот и рванул отсюда на деда.

Дед Ино́та́р и ружья к плечу поднять не успел.

Шатун как даст по ружью лапой, — ружье в щепки!

Обезоружил деда — да рраз ему лапой по уху! Рраз по другому!

Свалил в снег — да как закричит:

— Будешь, старый сыч, нашего брата бить! . .

— Стой, стой, стой! — закричал я Овечкину. Он в такой раж вошел, что соскочил с крыльца и уж стал на мне показывать, как медведь деда в ухо да в другое. . . — Это кто у тебя, это медведь-то говорит? . .

— Тыфу ты! . . — опомнился Венька. — Верно ведь...

— Вот, — говорю, — Овечкин, видишь, что́ твое сказочное начало делает: «жил да был. . .» Уж и медведь у тебя на человеческом языке заговорил.

— А ты не придирайся! Не хочешь слушать, так. . .

Но мне уж самому не терпелось узнать, что́ там дальше будет с дедом?

— Да ладно уж. . . Ну?

— Ну, — продолжал Венька, — дед, конечно, за нож: не впервой ему зверю-то брюхо пороть.

А шатун, не будь дурак, через деда махом — да в лес деру!

Поднялся дед Ино́та́р, отряхнул с себя снег, кругом себя поглядел — и ничего понять не может: что́ такое с урманом сотворилось? То в нем ветер бушевал, деревья скрипели, лошадь тонким голосом ржала от страха, — а то вдруг мертвая тишина стала, все кругом молчит, как заговоренное. Будто то место, где на него шатун напал, будто и не то. . .

Не сразу дед Ино́та́р в толк взял, что это с ним приключилось неладное, а не с лесом. Сгоряча-то и не почувствовал, какая в ушах боль. Кое-как доплелся по снегу до лошади, отвязал ее. Повалился в дровни, — лошадь до дому сама довезла.

Больше месяца в кровати провалялся: шатун ему, оказывается, в ушах обе эти. . . как их? . . перепонные барабанки. . . то есть эти. . . барабанные перепонки вышиб. И потрясение мозгов сделал.

Встал все-таки дед, поправился.

¹ Кокорина, кокоря — корни с землей вывернутого бурей дерева.

Сын ему на пальцах объясняет: дескать, баста теперь на охоту ходить. На зверя глухим не пойдешь. Сиди теперь на лавочке да валенцы подшивай.

А дед как обозлится! Головой затряс, кулак кому-то в окошко кажет.

Оказывается, это он на медведя. Дескать, я ему еще покажу!

Достал припрятанные на черный день деньги, сунул их сыну и объясняет: поезжай, мол, в район, там ижевскую двустволку мне купишь.

Сын отца не послушался, — как инó? Привез ему ружье.

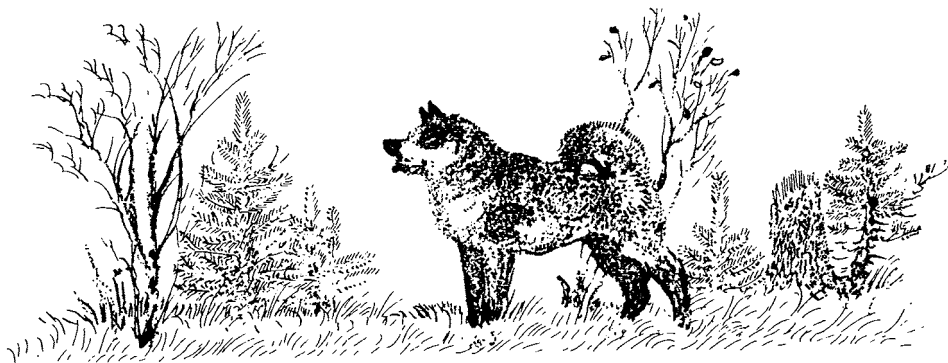
Дед Инотár на другой же день с лайками в урман.

Целый день пропадал. К ночи вернулся мрачнее тучи.

Еще бы не расстроиться: лайки по лесу широко ходят, за ними не угоняешься. Найдут где зверя, — голос дадут. Лают, лают, а все без толку: старик глух, как печь. Так зря и пробродил по лесу с утра до ночи. Недаром же говорят у нас: «В лесу первое дело — уши. Глаза потóm».

Залез дед Инотár на печь. Три дня, три ночи молчал.

На четвертый день слез, крошни свои достал: плетеную котомку

на плечах за спиной носить, вроде твоего рюкзака. Пашку-внучка велел в избу позвать.

Пашке тогда третий годок доходил. Он и вправду малыш был.

Дед для прочности крошни в мешок опустил, еще ремнями перевязал. Велел Пашке в нутро залезть. На спину себе крошни взгромоздил, ружье в руку, собак свистнул — и айда в лес.

Пашке перед тем отец объяснил, что дед задумал и как ему — Пашке — вести себя в лесу.

Собаки давно за деревьями скрылись: зверя разыскивать побежали. Шагает дед Инотár по урману, никуда не торопится. Пашка-малыш в крошнях у деда на закорках едет, голову из мешка высунул, носом вертит, по сторонам любопытствует.

Ходил, ходил дед по урману, по горкам, — притомился.

Помнишь сказку «Медведь и девочка»? Как Маша батюшке и

матушке гостинчик послала с медведем? Медведь навалил корзину себе на плечи и пошел лесом. Шел-шел, устал и говорит: «Сяду на пенек, съем пирожок!»

А Маша ему из корзины:

«Вижу, вижу! Не садись на пенек, не ешь пирожок!»

Так и дед Ино́та́р: шел-шел по лесу, устал — и сел на пенек.

Только сел отдохнуть, а тут лайки с правой стороны где-то на зверя напали, голос дают.

Дед, конечно, ничего не слышит, сидит себе на пеньке спокойно.

А Пашка-малыш из крошней ему:

«Слышу, слышу! Не сиди на пеньке: собачки лают вдалеке!»

Дед, конечно, и Пашку не слышит, сидит себе на пеньке, отдыхает. А лайки визжат, ярятся!

Тут Пашка-малыш ручонку из крошней выпростал да цоп деда за ухо! Дед вскочил.

И вот спешит туда, где собаки лают; Пашка дедом из-за спины, как лошадкой, управляет. Лай справа, — Пашка за правое ухо тянет. Слева лай, — Пашка за левое ухо.

Наконец видит: за деревьями на елани¹ лайки зверя осадили. Одна у него перед носом вертится, другие две за задние ноги, за гачи², как за штаны, его хватают, рвут зубами, шагу вперед ступить не дают.

А медведище здоровенный, страшилище — похоже, тот самый шатун, что на деда зимой напал.

Пашка-малыш струсил — да нырк назад в крошни! Притаился там, как мышонок в норке.

Медведь на деда, лайки на медведя! Впились, повисли на нем со спины, как пиявицы. Медведь хотел их зубами достать, оторвать от себя, — и подставь свою грудь деду под выстрел.

Один только раз стрéлил дед из своей двустволки, — зверь и рухнул: прямо в сердце ему дед пулю вlepил!

Тут уж дед по всему своему праву на пень сел, крошни с плеч спустил, Пашку на землю высадил.

Пашка увидал битого медведя и как его собаки треплют, — в голос заревел и к деду назад. Маленький ведь был, напугался, думал, живой зверь. Впервой на охоте-то, без привычки еще.

А потом, как по привык, — ему хоть бы что стало! Приправит деда к зверю — и в крошни не нырнет: глядит из-за дедова плеча, как тот с медведем управится.

Ну ясно: раз с таких малых лет всю медвежью повадку узнал, — как вырос, замечательным охотником стал. Теперь лучшим в районе медвежатником у нас считается. Чуть не каждый год премируют его. Как ино́?

Овечкин замолчал.

— Все? — спросил я.

— Ясно — все. Еще чего?

— Рассказ ничего себе, интересный, — говорю я. — Запиши:

¹ Е л а н ь — поляна.

² Г а ч и — косматая шерсть на задних ногах медведя.

я его в наш школьный журнал возьму. Только конца у него нет. Конец надо придумать. Вот, например, такой: «Так знаменитый медвежатник дед Ино́та́р подготовил себе блестящую смену в лице чемпиона тяжелого веса великана Пашки Малыша, а сам ушел на покой и больше на медведей не ходит».

— Да ты что́, в своем уме? — набросился на меня Овечкин. — Сочиняльщик нашелся! «Дед Ино́та́р ушел на покой!..» Да он и сейчас на охоту ходит.

— Так ведь Пашка-то вон какой вымахал! Скажешь, дед его все еще в мешке за спиной таскает?

— Вот глупости! Дед Ино́та́р говорит: «То были у меня ушки в мешке, а теперь стали у меня уши на веревочке».

— Это как же — «на веревочке»?

— Очень просто: приучил дед дворняжку. Она у него на веревочке ходит к поясу привязана. В какой стороне зверовые лайки голос дадут в лесу, она туда деда и тянет. Всего и дела! Ясно?

Ясно-то мне, конечно, ясно... Но какой же это конец? Значит, дед Ино́та́р по-прежнему медведей бьет? Без конца, что ли, их будет бить?

Или подождать, когда дед Ино́та́р помрет? Тогда про него напечатать в моем журнале рассказ?

Я ведь главный редактор школьного журнала да еще и критический отдел веду.

Не могу же я напечатать художественный рассказ без надлежащей концовки!

КОММЕНТАРИИ

Во второй том собрания сочинений включены произведения, объединенные в свое время в сборнике «Повести и рассказы», взятые из других сборников, и вещи, печатавшиеся отдельными книжками.

Они расположены, как и в I томе, в хронологическом порядке по времени написания.

В свои ранние произведения при подготовке к позднейшим переизданиям писатель иногда вносил поправки и изменения, что отмечается в комментариях.

НА ВЕЛИКОМ МОРСКОМ ПУТИ

Повесть написана в 1923 году в Саблино (под Ленинградом). Автором использованы собственные наблюдения, сделанные в юности, которую он провел на южном берегу Финского залива, там, где пролегает Великий морской путь перелетных, а также сведения, полученные им тогда от отца, ученого-орнитолога. О соколе, живущем в Петрограде под куполом собора, упомянуто в дневнике писателя: *«... услышал сапана и плеск голубей на улице, а для прохожих всего этого не существовало. И услышав — увидел...»*

Первое издание — в 1923 году в издательстве «Радуга» с рисунками В. Сварога. В V издании (1935 год) автором внесены изменения: по-другому описан момент выпуска на волю казарки и прибавлена новая глава: в собрании сочинений — пятая.

МУРЗУК

В дневнике писателя сказано, что писал он «Мурзука» пять дней в июне, два дня в августе и с 12 по 15 сентября включительно. Летом 1924 года: *«Писалось радостно. В отношении фабулы — ощущение, будто паровоз у тебя сзади и так тебя и прет вперед. Задумалась вещь еще весной, в городе (6 апр. 24 г. был в Зоологическом саду. Вынес очень тяжелое впечатление», — запись в другой тетради), но вся разработка темы здесь, на хуторе Хвата в Вологом. Считаю за подготовку к следующей большой вещи (думаю об Алтае), но несомненно есть и самоценное здесь».*

Из письма В. Бианки О. И. Капице из Уральска от 15 июня 1926 года: *«... Успех «Мурзука» меня изумляет... Теперь я крепче обопрусь на своих 3-х китов, на которых строил «Мурзука»: 1) эмоции, 2) фабульность, 3) простота языка».*

В 1925 году — первое издание в «Радуге» с рисунками В. Тиморева. Переиздавался отдельной книжкой и в сборниках. «Мурзук» был первым произведением В. Бианки, переведенным на иностранный язык (напечатан в Англии в

1937 году и имел хорошие отзывы). В нашей стране по библиотечной статистике 1929 года эта книга была у детей первой по читаемости. Печаталась даже особым шрифтом для слепых.

Много позже, в письме к В. Гарновскому, говоря о писательском труде, В. Бианки замечает: «... Пусть мои первые вещи... и «Мурзук» кажутся мне теперь совсем наивными, но мне за них нисколько не стыдно, они меня радовали тогда, и я их люблю сейчас... Это доведенные до некой монолитности вещи».

В «Мурзуке» повадки рыси несколько романтизированы, что объясняется не столько стремлением автора к обострению сюжета, сколько недостаточными еще в те годы сведениями в научной литературе об этом редком звере.

При переиздании в 40-х годах автором были внесены в повесть небольшие изменения.

СУМАСШЕДШАЯ ПТИЦА

Рассказ написан 1—5 января 1924 года. Основан на впечатлениях детства автора. В феврале уже был напечатан в журнале «Воробей» в разделе «Лесная газета», который В. Бианки вел. Рассказ переиздавался отдельными книжками и в сборниках.

ФОМКА-РАЗБОЙНИК

Рассказ написан 24 ноября 1924 года в Ленинграде. В декабре напечатан в разделе «Лесная газета» журнала «Новый Робинзон» (бывший журнал «Воробей»). В 1926 году — в сборнике «По следам». Издан небольшой книжкой вместе с рассказом «Сумасшедшая птица» в 1928 году с рисунками А. Формозова.

ПО СЛЕДАМ

Рассказ написан в мае 1925 года в Ленинграде. В самом начале 1926 года — первое издание в сборнике того же названия с рисунками В. Тиморева (издательство «Радуга»). Постоянно переиздается в сборниках.

В письме от 30 сентября 1929 года В. Бианки пишет: «... В Доме детской книги... в Москве я присутствовал при рассказывании моей вещицы «По следам»... Цель автора в рассказе «По следам» — обратить внимание читателя (слушателя) на следы зверей и птиц. Я заставил своего героя по этим следам распутывать неизвестную судьбу его сына, поставив, так сказать, человеческую жизнь в зависимость от знания следов. Мне казалось, это сильным средством привлечь внимание к следам. Рассказ пользуется у детей большой популярностью, но бьет, оказывается, мимо цели. Так и в книжке, так и в живой художественной передаче. В книжке (издания «Мол. гв.») нет рисунков, дающих ясное представление о следах... В живом рассказе рассказчик скользит мимо следов, едва их помяная, все внимание слушателей фиксируя на драматической фабуле вещи...»

ЗА ЯСТРЕБОМ. ПТИЧИЙ ЯЗЫК

«За ястребом» и как бы продолжающий его рассказ «Птичий язык» написаны на автобиографической основе, видимо, оба в конце 1925 года. Печатались отдельными книжечками в издательстве «Крестьянская газета» в Москве в 1928 году. Переиздавались.

АСКЫР

На рукописи и в первом издании автором было уточнено: «Соболиный промысел в саянских белогорьях; в этой повести широко использованы материалы, собранные Саянской экспедицией под начальством старшего специалиста по промысловой охоте Д. К. Соловьева».

Написан «Аскыр» в Уральске осенью 1926 года. Из письма от марта 1926 года О. И. Капице: «... на очереди (сразу после отсылки «Лесн. Газеты») рассказ «Соболя шуба» (соболиный промысел). Пока большой радости не испытываю при мысли, что писать буду этот рассказ. Впрочем, надо взяться — тогда только видно будет. Тема-то давнишняя моя...» Из письма к Е. П. Приваловой: «... Сейчас бьюсь над «Аскыром». Очень туго идет, т. к. большой материал еще не переварен и нервничаю (все сроки давно пропущены)». И снова О. И. Капице,

в сентябре 1926 года: «Работаю много, необычайно много, но не могу сказать, что результаты меня удовлетворяют... Вот я написал и отослал ЛенГИЗу «Аскыра»... Если бы не договора, не Сам. Я. [Маршак. — Ел. Б.], который писал, что я страшно подвожу его задержкой...»

В марте 1927 года ей же: «Аскыр» для меня — далекое уже прошлое. Вы (как всегда) правы, конечно, что бедней всего в нем Степан и что начало скверное. Туго писал я эту вещь. Туго, поэтому ч[то] чувствовал, к[а]к сам себя оборываю. Именно в том оборываю, чего еще не написал, что еще только в голове, но уже настоятельно ищет выхода. Это потому, что я писал «Аскыра» в то время, когда надо было мне писать, когда полон я был «Одинцом» и «Браконьерами». Очень много в нем недостатков; Степана, напр[имер], я т[а]к и не видел, когда писал: он — тень. Не удовлетворяет меня в большой вещи и такая совершенно прямая линия фабулы (человек задумывает добыть зверя — преследует его, через все препятствия — убивает, наконец)...

Начало «Аскыра», кот[орого] Вам не понравилось, сделано Бор[исом] Ст[епан]ны[чем] [Житковым. — Ел. Б.]. Они с Сам[уилом] Як[овлевичем] остались недовольны моим началом (в самом деле искусственным: у меня начиналось с аукциона, где человек, кот[орого] потом убивают грабители, покупает соболей воротник). Но и сами сделали не лучше.

Об «Аскыре» я не люблю вспоминать. Вот увижу в печати (еще не выслали мне), тогда прочту, как вещь незнакомого автора. Ведь я уже многое забыл в нем. А это плохой признак. Труда на «Аскыра» много было положено, но труд в какой-то части был нерадостным. А я верю в то, что все настоящее в жизни, особенно в творчестве — приносит радость.

Первое издание в Гизе (март 1927 года) с рисунками В. Курдова. Переиздавался в сборнике «Рассказы об охоте»; в издании 1937 года автором была убрана вступительная глава.

«Аскыр» наряду с «Лесной газетой», «Мурзуком» и др. книжками В. Бианки был рекомендован программами Наркомпроса в 1932 году в качестве учебного пособия.

Позже, предлагая в план издательства на 1954 год сборник, В. Бианки пишет: «Многие мои рассказы, вначале прошедшие несколькими изданиями, в последние годы не печатаются лишь на том «основании», что они «не отражают сегодняшнего дня нашей советской действительности». Я же убежден, что мы — писатели, своими глазами видевшие жизнь в дореволюционную эпоху, — должны знакомить читателей не только с нынешней — советской жизнью, — но и с ее вчерашним, навсегда ушедшим днем, — что наши читатели, получив от нас материал для сравнения с этим вчерашним днем, только выиграют в своем развитии. Разве не полезно, например, советскому читателю знать темный и жестокий быт кержаков — лучших таежных добытчиков «мягкого золота», — понять те стальные клещи, в которые их зажимали эксплуататоры-купцы? Однако мои лучшие рассказы об этом: «Аскыр», «Последний выстрел» не печатаются уже много лет, и были бы сейчас восприняты подростками за эти годы поколением читателей, как новые...»

«Аскыр» с некоторыми сокращениями, сделанными автором, вошел в 1956 г. в сборник «Повести и рассказы». Сборник переиздавался.

ОДИНЕЦ

Задуман писателем в 1925 году. Написан в Уральске в ноябре — декабре 1926 года.

В марте 1926 года в письме к О. И. Капице: «... Совсем счастлив буду, когда доберусь до своих «Браконьеров» и «Одинца». «Браконьеры» это большая вещь, на $\frac{3}{4}$ наполненная воспоминаниями о моем детстве в Лебяжьем, о стоверстном казенном лесе, его зверях и птицах. Тут только фабула выдуманна; даже большинство приключений двух героев-мальчиков — факты.

«Одинец» — монография о лесе (как «Мурзук» монография о рыси), последнем лесе лебяженских лесов, о лесе, переплывшем Финский залив в поисках новых мест, где б не тревожили его вечно люди.

Обе эти вещи тесно связаны: жизнь Одинца переплетается с приключениями двух молодых «браконьеров». Писать эти вещи — для меня большой праздник.

«Браконьеры» — повесть о юности писателя, проведенной в лесах на южном берегу Финского залива, — так и не была написана. Но к впечатлениям юности

В. Бианки возвращался постоянно. Многие темы, записанные им для «Браконьеров», стали отдельными рассказами, например: «Птичий язык», «Уммб», «Чайки на взморье» и др.

И еще несколько выдержек из писем В. Бианки к О. И. Капице конца 1926 года: *«Пишу «Одинца» — рассказ о лосе. Пишу захлебываясь. Увлекает и фабула, и то, что ярко вспоминаются встречи с лосями, охота, мой чудесный лосенок, пойманный и вскормленный своими руками... В «Одинце» много для меня нового, мне особенно приятно вспомнить лесные дебри тут — среди голой степи, — я впервые, кажется, разрешил себе откровенный романтизм, не считаясь ни с чем и ни с кем, и я даже не очень преувеличу, если скажу, что я сейчас живу этой вещью. Чувствую, как она растет и крепнет во мне, а ведь когда я ее начинал, — я ее ровно 7 раз начинал с первого слова, — я думал, что она будет не больше печатного листа...»*

В письме к Е. Приваловой в январе 1927 года В. Бианки пишет: *«... Я совсем не думаю, что «Одинец» так хорош, как пишете о нем Вы... Ведь я писал его сплеча, не отделявая, не правя его. (Успею потом.) Писал от души, ни на кого и ни на что не обращая внимания... После этой вещи я как выпотрошенный. В первый раз разрешил себе писать так, как хочется. «Одинец» — это эскиз к «Браконьерам»... Примусь за «Браконьеров». Вещь большая и сложная».*

В марте 1927 года О. И. Капице: *«В «Одинце» линия фабулы ломаная, с поворотами, тупыми и острыми углами и без точки там, где точка казалась бы необходима. А это последнее окрашивает в другой смысл все уже рассказанное... Кончаю переделывать «Одинца». От прежней голубоглазой девы ничего не осталось. Но дева есть. Она провинциалка и ненавидит убивающих зверей. Теперь, каж[ется], она получила свои raisons d'être. Я все же полагаю, что лет через 10 о людях писать буду. Кой в чем я очень упряма».*

Первым изданием «Одинец» вышел в библиотеке «Радуги» осенью 1927 года с рисунками Е. Морозовой. Переиздавался отдельными книжками и в сборниках после небольшой авторской правки.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Рассказ написан 17 августа 1927 года. *«Я жил тогда в маленьком провинциальном городке [в Уральске. — Ел. Б.] — и тосковал по лесу... Вспомнил Алтай... его дремучую тайгу, горы, изумительно метких охотников... их замечательные рассказы — ночью, у костерка. Испытываешь какое-то особенное, настроенное чувство, когда сидишь в ярко освещенном костром кругу, а оттуда, из черного-черного чрева таежной ночи, знаешь: следят за тобой чьи-то глаза. И — кто знает? — может быть, и человеческие».* («Рассказ о рассказах» — заметки о писательском труде. Неоконченное.)

В этих заметках В. Бианки называет «Последний выстрел» одним из наиболее удачных своих сюжетных рассказов и подробно описывает *«как он [рассказ] сделан»*, как развертывается сюжет, как управляет писатель интересом читателя, держит *«вожжи внимания»*, как, для того чтобы сделать конец неожиданным, должен *«писатель преподнести читателю такое разрешение вопроса, какого он никак не ожидал»*. «В рассказе «Последний выстрел», — продолжает В. Бианки, — мне, кажется, удалось это сделать».

Рассказ в 1927 году печатался в журналах, а в 1928 году вышел первым изданием в Гизе с рисунками Е. Морозовой. Постоянно переиздается в сборниках «Рассказы об охоте» и в «Повестях и рассказах».

БУН

Написан рассказ в Уральске 7—13 октября 1927 года. В этом же году был напечатан в журналах «Знание — сила» и «Октябрьские восходы». Тогда же «Бун» был принят редакцией ГИЗа в Москве, но комиссия Государственного ученого совета (ГУС), которая в то время рассматривала детские книги всех издательств, *«усмотрела в моем рассказе «Бун», — пишет автор редактору, — мистику (!) и предлагает начало его изменить. В мистике не повинен ни сном, ни духом и ни на какие переделки не пойду»*.

Рассказ был напечатан в 1929 году без изменений отдельным изданием в «Молодой гвардии» с рисунками Л. Бруни. Переиздавался.

КАРАБАШ

Повесть закончена осенью 1928 года в Уральске. В двух номерах газеты «Ленинские искры» за июнь 1927 года был помещен рассказ В. Бианки из четырех главок — «Нечистая сила» — о бешеном волке в степном городке. Осенью того же года писатель предложил издательству повесть «Карабаш», над которой в то время работал. В основу ее легли, видимо, те же личные впечатления автора, как и для газетного рассказа. Но тема бешеного волка в повести отодвинута на второй план, первый занимает тема детской беспризорности, такая важная для нашего государства в те годы.

«Карабаш» был напечатан в журнале «Пионер» в пяти номерах за 1928 год. Печатался по мере получения от автора готовых глав рукописи. Иллюстрировал Л. Бруни. В 1929 году «Карабаш» был издан в Гизе отдельной книжкой с рисунками Ю. Васнецова.

ЧЕРНЫЙ СОКОЛ

Из письма В. Бианки от 25 марта 1927 года, из Уральска О. И. Капице: *«... До «Браконьеров» еще напишу «Черного сокола». Вещь, возникшая во мне вне абонежента. Очень радуюсь, что буду писать (начал уже) о родных мне птицах. Дело происходит в Азербайджанской степи (В 15-м году я провел лето в Закавказье). Литературы под руками абсолютно нет... Придется все из головы. Книжка будет о пернатых хищниках и о разных их характерах; и о соколиной охоте. Вещь небольшая. Работаю с наслаждением».*

«Кончил 10.X.28 г. Новгород», — помечено автором на рукописи.

Писал, очевидно, с увлечением, так как позже вспоминал: *«... У меня на руках выступил холодный пот от страха, и мне пришлось положить на стол скользящее в пальцах перо, когда я описывал гибель Гассана в главе «Над пропастью».* (Рассказ о рассказах.)

В 1929 году — первое издание в Гизе с рисунками Е. Чарушина. Постоянно переиздавался в сборниках.

В ГОСТЯХ У ЧЕЛЯБИНЦЕВ

Дважды В. Бианки ездил в гости к челябинцам: в сентябре — октябре 1932 года и в те же месяцы 1934 года. Впечатления первой поездки вылились в рассказы «Рябчик», «Ласковое озеро Сарыкуль», «Под землей»; после второй — написаны «Цветная ночь», «Над землей».

РЯБЧИК

Рассказ был написан в начале 1934 года в Ленинграде. Напечатан в № 4 журнала «Еж» за тот же год.

ЛАСКОВОЕ ОЗЕРО САРЫКУЛЬ

Был написан 14—15 августа 1934 года в Новгородской области на хуторе Сосенка. Печатался рассказ в журнале «Колхозные ребята», № 9 и в Челябинске в четырех октябрьских номерах за этот же год журнала-газеты «Ленинские искры».

ПОД ЗЕМЛЕЙ

«Под землю», «Бригадир Верный» — первоначальные названия. Рассказ начат был 2 июля 1934 года на хуторе Сосенка. 2 сентября писатель отметил в дневнике, что начал сызнова «Бригадир Верный». Окончен рассказ и отослан в Уралгиз для хрестоматии только после второй поездки в Челябинск — в ноябре 1934 года.

ЦВЕТНАЯ НОЧЬ

24 ноября 1934 года (Ленинград) — дата окончания и отсылки рукописи в Свердловск. *«Я записал свои охотничьи впечатления, — рассказывал В. Бианки читателям челябинских «Ленинских искр» перед отъездом, — и едва ли не самое замечательное из них — от цветной ночи».* Рассказ был напечатан в журнале «Еж».

НАД ЗЕМЛЕЙ

Последний рассказ из этого цикла. Сначала автор его назвал «Полет». Написан был 2 ноября 1935 года по дневниковым записям, сделанным год назад. По окончании был отослан В. Старцеву для Челябинга.

Осенью 1935 года в Свердловске вышел сборничек из пяти рассказов «Цветная ночь». В него вошли четыре первых уральских рассказа и в 1932 году еще написанный рассказ «Очки».

В феврале 1936 года в Челябинске вышел сборник «В гостях у челябинцев» с пятью уральскими рассказами, где «Полет» был напечатан первый раз.

ЗАЯЦ-ВСЕЗНАЕЦ

Рассказ охотника с биноклем — помечено на рукописи. В дневнике записано, что рассказ был начат 28 июля и 7 августа окончен, летом 1934 года, когда писатель жил в Пестовском районе на хуторе Сосенка. Осенью того же года рассказ был напечатан в журнале «Еж», № 11. Впервые издан в сборнике «Рассказы об охоте» (1937 год).

ДЖУЛЬБАРС

«24—25 августа 1934 года, хутор Сосенка, — помечено на рукописи, в скобках сказано: — по рассказу И. В. Церпинского». (В августе того года Церпинский по приглашению В. Бианки приезжал к нему в Новгородчину и был постоянным спутником на охотах.) На следующий же день по написанию рассказ был отправлен в журнал «Пионер», где и был напечатан в № 22 за 1934 год. Печатался также в журнале «Колхозные ребята» 6 сентября 1934 года. Переиздавался в сборниках.

РОКОВОЙ ЗВЕРЬ

В дневнике писателя: «26 августа 1936 г. Несмотря на недомогание одним напором написал «Роковой зверь». 28-го послал в Ленинград». Рассказ написан на хуторе «Сосенка».

Впоследствии В. Бианки говорил, что медведей было не три, а пять. Но этот действительный случай настолько неправдоподобен, настолько звучит «по-охотничьи», что ему, автору, пришлось сократить в рассказе количество медведей до трех.

Напечатан рассказ был в журнале «Еж», № 1 за 1935 год. А в марте 1936 года рукопись была отослана в Москву для сборника. «Роковой зверь» открывал сборник «Рассказы об охоте», изданный в 1937 году с рисунками Г. Никольского.

ЕМУРАНКИ

Автором упомянуто, что рассказ был написан за одну ночь, 23 января 1935 года, в Ленинграде. О летнем паводке на Абакане после дождей в горах рассказывал В. Бианки зоолог А. И. Иванов, который работал в 1932 году там в экспедиции, сам был застигнут в поле водой и видел массовую гибель всех мелких грызунов.

Рассказ «Емуранки» был напечатан в журнале «Юный натуралист» № 3 за 1935 год. В 1937 году вошел в сборник «Рассказы об охоте».

В ГОРАХ НА КУБАНИ

Перечисляя в письме сделанное за лето, В. Бианки упоминает: «1/VII-39 г. Михеево. «Кубань» доделал («За фазанами»)). Рассказ основан на впечатлениях автора от поездки в Микоян-Шахар (ныне Черкесск) осенью 1936 года. Напечатан был в 1939 году в ежегоднике «Глобус» (Детгиз, Ленинград). Печатался в сборнике «Нечаянные встречи» с рисунками Н. Кострова.

ЗАДЕРИХВОСТ

Миниатюра о крошечной нашей птичке — крапивнике (подкореннике), или, как ее зовут на Украине, задерихвист, написана в 1940 году. О бойком малень-

ком подкореннике В. Бианки хотел написать целую книжку и предлагал ее в редакцию журнала «Чиж»: «... уложиться думаю в 1,5—2 ав. листа. Птицы и звери будут разговаривать: ведь это книжка для дошкольников, в остальном — полный реализм. Сдам ее в 38 году...» Задуманная книжка не была написана, а рассказ «Задерихвост» был напечатан в «Чиже» в 1940 году.

БЕССТРАШНЫЙ БАРС И КАБАНЫ

Рассказ впервые был напечатан 6 марта 1940 года на литературной странице для детей газеты «Смена», № 54. В 1953 году опубликован в сборнике «Кувырк и другие рассказы».

ЧЕРНЫЙ

«Ст. Хвойная. 8—10 мая 41 г. написал и отослал «Чёрного», — из дневника писателя. В письме к Г. Гроденскому: «Развернул вещь в настоящий страшный рассказ (которых так просят ребята) — и теперь, кажется, ладно стало». В письме августа 1943 г.: «Вышел в М-ве мой сборничек из старых и новых рассказов «По следам». Издание паршивое — и бумага и оформление военного времени». В этот сборник был включен и рассказ «Черный». Позже вошел в состав сборника «Кувырк и другие рассказы».

ПОГАНКИ

Рассказ в первоначальной редакции назывался «Чомги, или поганки». Написан был 1 марта 1941 года в Ленинграде и напечатан в газете «Смена». Через два года в городе Осе, Пермской области, рассказ был полностью переписан и назван «Поганки». Напечатан в августе того же года в газете «Пионерская правда», № 34. Помещен в сборнике «Лесные были и небылицы» в 1952 году.

КУВЫРК

Написан рассказ 16 июля 1944 года в Москве. Напечатан в 1953 году в сборнике с тем же названием.

МЕТКИЙ РАСЧЕТ

Напечатан в журнале «Мурзилка», №№ 2—3 за 1945 год и в сборнике «Кувырк и другие рассказы» в 1953 году.

КАК ДЯДЕНЬКА ВОЛОВ ИСКАЛ ВОЛКОВ

Автором упоминается этот рассказ рядом с «Кувырком» среди написанного им за 1941—1946 годы. Впервые опубликован в журнале «Дружные ребята». Напечатан в 1947 году в сборнике «Нечаянные встречи», хотя в предварительной заявке на сборник в его состав автором включен не был.

ЗАДУМЧИВЫЕ РАССКАЗЫ

Шесть рассказов автор объединил этим названием в один раздел сборника «Нечаянные встречи» (вышел из печати в 1947 году). Все рассказы написаны в период, когда писатель сам говорил, что пишет «взрослые» вещи и, кажется, в полную силу».

РОЗОВОЕ И ОЛИВКОВОЕ

Рассказ написан 2—17 марта 1940 года в Ленинграде. В дневнике есть более ранняя запись — конца мая 1938 года (д. Михеево): «... Выдувал вчерашние яйца... Не самая ли удивительная вещь на свете — яйцо? Живая вещь. Вот если бы можно было собрать коллекцию живых яиц: со всеми их волшебными цветами, формами, теплотой. Но нет: умрет, вылетит (выдутый) птенчик — и душа вылетела: померкли краски, отлетела теплота — и все не то. Великий образ — яйцо («все живое из яйца»).

В письме от июня 1939 года: «...кажется, разражусь статьей «Не могу молчать» по поводу разорения птичьих гнезд колхозниками... Спасу нет! Все лучшие гнезда, все кукиды [так В. Бианки называл проводимые им опыты по обмену яиц в гнездах певчих птиц] сплошь разоряют! Не могу больше, ей-богу, не могу! Напишу рассказ, да такой, что ребямя реветь будут ребята! И пусть, и так им и надо, каннибалам!.. Педагоги хай поднимут: как можно так деток расстраивать!..»

Рассказ был напечатан в 1940 году в журнале «Пионер», в 1944 году — в журнале «Дошкольное воспитание», № 7.

После выхода в свет сборника «Нечаянные встречи» В. Бианки отвечает В. Гарновскому на отзыв о рассказе: «Перечитал «Роз. и оливк.». Нет. Далеко моему стилю до стиля Мих. Мих-ча. И подражания ему я здесь не усматриваю. Это, мне кажется, один из лучших и очень мой рассказ. Станным образом, меня только радует, если он напомнил Вам Пришвина: переключка, понятное родство».

ЧЕРНОГОЛОВКА

Написан рассказ весной 1940 года. Перед посылкой рукописи в редакцию из деревни Михеево писатель замечает: 24.IX.40 г. — доработал «Черноголовку». О том, к чему приводит вмешательство в жизнь животных человека, хотя бы и с добрыми намерениями, но без достаточных знаний, В. Бианки говорит во многих своих рассказах. Больше всего о птицах. В течение всей жизни В. Бианки особенно интересовали птицы. Каждый год он вел и записывал подробнейшим образом свои наблюдения. Вот отрывок из письма 1939 года: «...баклуши не бьют. «Наблюдений за гнездованием птиц» четыре толстых тетради уже полны. А спроси — к чему все это? Не знаю. Так. Просто жить хочется, а жить, так и видеть, и узнавать, и удивляться».

«Черноголовка» была напечатана в журнале «Литературный современник», № 6 за 1941 год.

НОЧНОЙ ЗВЕРЬ

В дневнике писателя есть краткая запись от 20 сентября 1940 года о поразившем В. А. Митрофанова случае во время их совместной охоты: «Луна. Ко мне подходил Зверь» — слова необычно взволнованного В. Ал., — стоял и слушал гон Заливая. Минут десять стоял, слушал... Ушел в лес». А через десять дней В. Бианки пишет Г. Гроденскому: «...Стал описывать для Ел. Як-ны [Данько. — Ел. Б.] интересный случай накануне — призрачной лунной ночью, — но запись вылилась в привычную работу над словом, слова заворожили, указали путь в сугтемках осеннего полнолуния, углубили тайну, так и не раскрытую в ту ночь, — и пролили на нее совсем неожиданный свет. Оказалось: можно «писать прямо из жизни» — и получается настоящий рассказ. Да, брат, удивительные случаи бывают порой на охоте!.. Но все факты и свидетели у меня правдивые: Василий Алексеевич, который скорей согласится умереть, чем вымолвит лжу, — и Заливай, которому не выговорить никаких слов, а тем более — лживых».

Напечатан рассказ был в журнале «Наша страна», № 2 за 1941 год.

ЧАЙКИ НА ВЗМОРЬЕ

Закончен рассказ в Ленинграде — 16 декабря 1940 года. На черновой рукописи помечено: «15/X-40 г. Михеево». Но еще раньше, зимой 1934/35 года, для будущей повести «Браконьеры» В. Бианки записывает воспоминания о матросском сундучке в волнах Финского залива, о жадном нетерпении мальчика узнать, что в нем? Однако и в октябрьской редакции у рассказа еще не было лирического завершения, благодаря которому этот рассказ обычно ставится заключающим сборники.

Впервые рассказ был напечатан вместе с «Черноголовкой» в журнале «Литературный современник», № 6 за 1941 год.

ДВОЙНАЯ ВЕСНА

Рассказ написан, вероятно, в конце 1940 — начале 1941 года. Писателем использованы впечатления от поездки на Кавказское побережье весной 1938 года. Напечатан рассказ был в журнале «Наша страна», № 5 за 1941 год.

О АУЛЕЙ, АУЛЕЙ, АУЛЕЙ!

На рукописи стоит дата окончания: апрель 1945 года. Заветы. (Подмосковье). В том же году автор читал этот рассказ по радио; напечатан был в журнале «Костер».

МОРСКОЙ ЧЕРТЕНОК

Написан рассказ в конце 1945 — начале 1946 года в Ленинграде. В это время писатель составлял сборник (Нечаянные встречи) из ряда старых рассказов (раздел «Нехоженными тропами») и двух новых разделов («Задумчивые рассказы» и «Рассказы о тишине»). «Морской чертенок» был помещен автором в начале сборника в виде вступления, а «Чайки на взморье» — как заключение.

Летом 1946 года рассказ был передан по радио.

Основной рассказа послужили впечатления детства автора. В стихах В. Бианки «Лебяжье» есть такие строки: «... Пять Братьев. На них В детстве поймал я морского чертенка».

РАССКАЗЫ О ТИШИНЕ

Три рассказа: «Уммб», «Она», «Неслышимка» выделил автор в раздел для сборника «Нечаянные встречи» (1947 год).

УММБ!

Рассказ написан в самом начале февраля 1946 года в Ленинграде. Используются впечатления детства автора (см. комментарии к повести «Одинец»). Рассказу был предпослан эпиграф, позже снятый автором: *«Что только не лезет в душу и голову от всех этих стихий, как говорят. А стихии: солнце, море, ветер и еще то, чего не выразишь словами и что сильнее всех стихий, из чего складывается улыбка жизни: то печальная, то настороженная, то радостная...»* — Борис Житков. Письмо.

«ОНА»

Из письма В. Бианки: *«25.VI-41 г. Михеево... Рассказ пишу об Алтае: это для себя (предназначалось в «Нашу страну»). Летом 1944 года писатель отмечает этот рассказ в числе законченных. В 1946 году посылает с рассказами «Уммб» и «Неслышимка» на радио и читает в редакции журнала «Костер». Однако рассказ вызывает возражения. В. Бианки негодует в частном письме: «... как ничего я не могу делать против своей совести, так ничего я не боюсь за сделанное на совесть... ну, как же я могу испугаться обвинений в какой-то «мистике», когда мистикой в моих рассказах и не пахнет, неоткуда мне ее взять».*

НЕСЛЫШИМКА

В ряду тем для своих будущих рассказов В. Бианки записал: *«Не все то кузнечик, что трещит. (Как я услышал камышовку-сверчка)»*. В марте 1945 года выписывает в дневник слова Ч. Дарвина, послужившие эпиграфом этому рассказу. Написан рассказ 13—14 апреля 1946 года в Ленинграде.

РАЗРЫВНЫЕ ПУЛИ ПРОФЕССОРА ГОРЛИНКО

Рассказ начат на озере Боровно (Новгородская область), окончен 12 ноября 1949 года в Ленинграде. Написан рассказ в то время, когда метод обездвиженья (временное усыпление) животных, теперь широко принятый, находился в стадии исследовательских работ. В. Бианки слышал о нем, но никаких подробностей не знал. Таким образом, рассказ о снотворных пулях для отлова и перевозки животных в целях акклиматизации и реакклиматизации явился как бы предвиденьем желаемого будущего.

Опубликован рассказ был в сборнике «Повести и рассказы» в 1956 году.

ЧУЧЕЛА И ПУГАЛА

Рассказ написан летом 1950 года. Был напечатан в журнале «Дружные ребята», № 7 за 1950 год и в сборнике «Кувырк и другие рассказы», 1953 год.

СПАТЬ ТАК СПАТЬ!

Написан в конце 1951 — начале 1952 года *«Спать так спать»*... это как бы продолжение *«Мишки-башки»*, который вырос, а башка которого стала лучше варить». (Из письма Г. Гроденскому.)

Напечатан был в журнале *«Мурзилка»*, № 1 за 1953 год и в сборнике *«Куврык...»* в том же году. На эту тему В. Бианки опубликовал вотрывном календаре заметку *«Приспособился»*. Через некоторое время пришлось автору разъяснить недоверчивому читателю: *«...то, что я рассказал в заметке «Приспособился», не ложь, чушь, нелепость»... а факт, зарегистрированный на стр. 206—207 части II-й сборника 8-го издания Всесоюзн. Общ. Охраны Природы, Москва, 1941 г.»*

ЛЯЧИЙ УМ

В дневнике писателя есть упоминание о том, что рассказ *«До чего ляки строги»* написан был им на озере Боровно летом 1950 года. Однако в 1952 году автор снова называет рассказ *«Ляки»* как только что написанный. В сокращенном виде рассказ был напечатан в 1952 году в журнале *«Огонек»*. Полностью был опубликован в сборнике *«Повести и рассказы»*, 1956 год.

УШКИ В МЕШКЕ

Рассказ написан 14—15 июня 1952 года в Дубултах. В записях В. Бианки о поездке в 1934 году в Челябинск упомянут задуманный им тогда рассказ *«Ушки в мешке»*. В следующем году В. Бианки и Александр Бармин написали для детского журнала *«Глаза и уши — спор в пяти письмах»*. Там рассказывалось и о *«слуховой»* совачке, и о внуке в торбе за спиной глухого охотника. Напечатан рассказ *«Ушки в мешке»* был в сборнике *«Повести и рассказы»*, 1956 год.

Ел. Бианки

СОДЕРЖАНИЕ

На Великом морском пути	5
Мурзук	32
Сумасшедшая птица	69
Фомка-разбойник	73
По следам	78
За ястребом	85
Птичий язык	93
Аскыр	101
Одинец	140
Последний выстрел	186
Бун	193
Карабаш	199
Черный сокол	227
В ГОСТЯХ У ЧЕЛЯВИНЦЕВ	
Рябчик	241
Ласковое озеро Сарыкуль	251
Под землей	259
Цветная ночь	269
Над землей	275
Заяц-всезнаец	281
Джильбарс	288

Роковой зверь	292
Емуранки	296
В горах на Кубани	300
Задерживост	308
Бесстрашный барс и кабаны	309
Черный	311
Поганки	319
Кувырк	321
Меткий расчет	324
Как дяденька Волов искал волков	326

ЗАДУМЧИВЫЕ РАССКАЗЫ

Розовое и оливковое	334
Черноголовка	337
Ночной зверь	346
Чайки на взморье	352
Двойная весна	358
О Аулей, Аулей, Аулей!	364
Морской чертенок	367

РАССКАЗЫ О ТИШИНЕ

Уммб!	372
«Она»	381
Неслышимка	389
Разрывные пули профессора Горлинко	394
Чучела и пугала	402
Спать так спать!	407
Лячий ум	409
Ушки в мешке	413

КОММЕНТАРИИ Ел. Бианни	419

БИАНКИ ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ

В 4-х ТОМАХ

ТОМ 2

П О В Е С Т И И Р А С С К А З Ы

Ответственный редактор
Г. П. Гроденский.

Художественный редактор
Г. П. Фильчаков.

Технический редактор
Л. Б. Куприянова.

Корректоры
Л. К. Малявки и
Н. П. Васильева.

Сдано в набор 27/VII 1972 г. Подписано к печати 10/IV 1973 г. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 27. Усл. печ. л. 35,1. Уч.-изд. л. 31,97. Тираж 200 000 (1—100 000) экз. М-15764. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7. Заказ № 316. Цена 1 р.40 коп.

В. В. Бианки.

Б59 Собрание сочинений в четырех томах. Том 2.
Повести и рассказы. Комментарии Ел. Бианки. Рис.
В. Курдова. Оформление В. Зенькович. Л., «Дет.
лит.». 1973.

432 с., с илл.

В книгу вошли повести и рассказы разных лет изданий.

Scan Kreyder - 31.12.2017 - STERLITAMAK

1 р. 40 к.